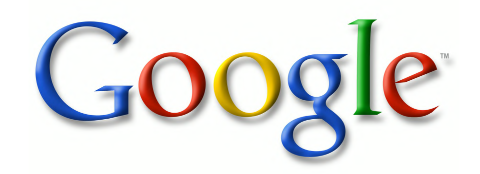
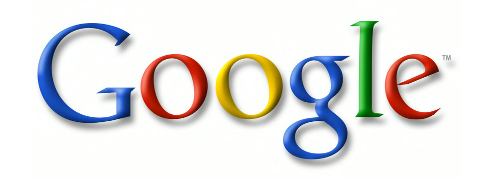
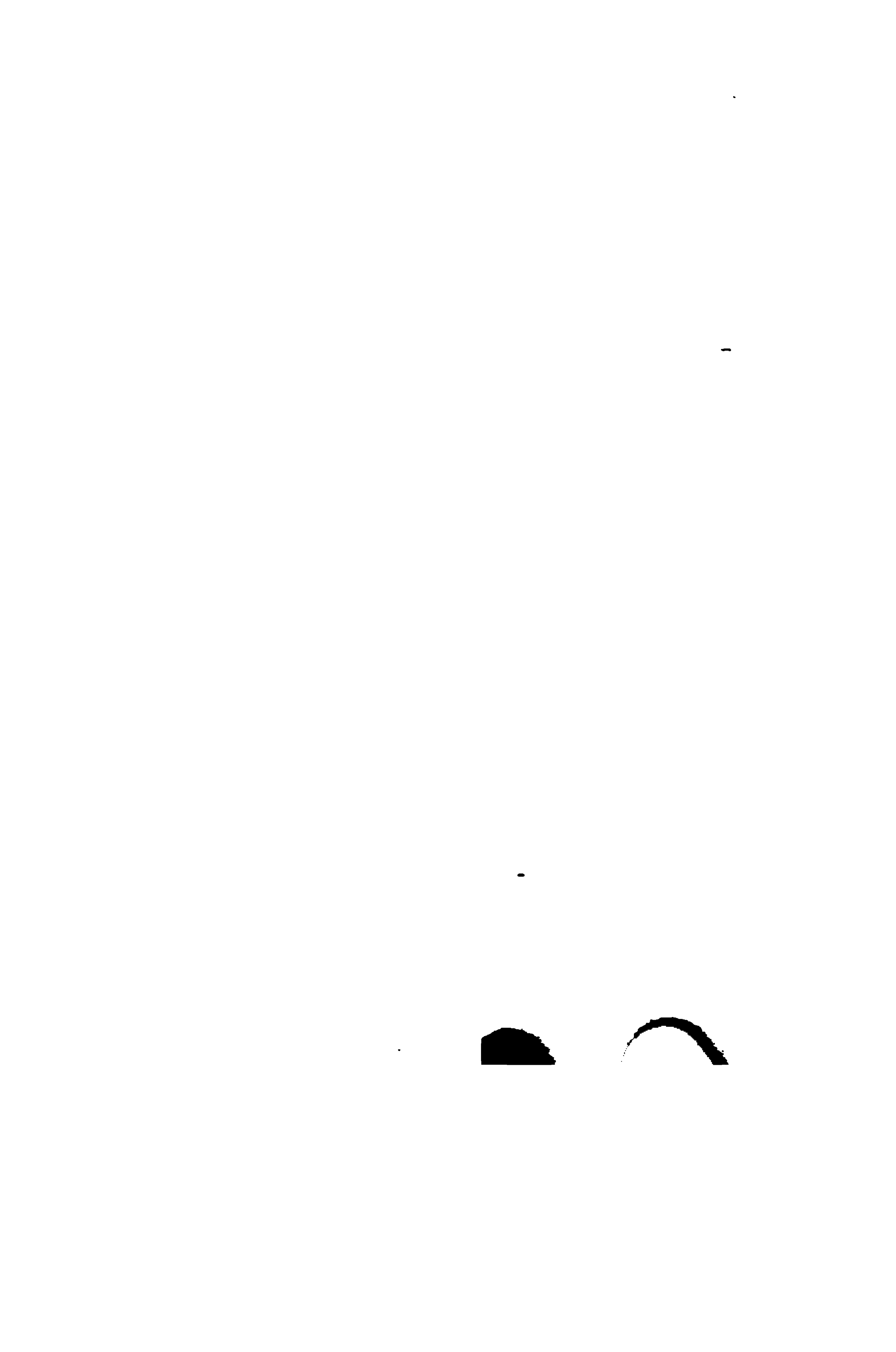






ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи
Ужъ замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».

(Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха исторіографу Риза-кули-хану).

Николая Барсукова.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича., Вас. Остр., 5 лин., 28.
1891.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи
Ужъ замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

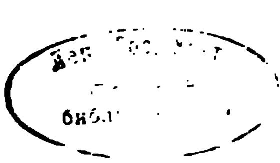
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».

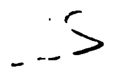
(Наказъ Персидскаго Государя Насръ-эддинъ-шаха исторіографу Риза-кули-хану).

Николая Барсукова.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1891.



1787

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

I.

Въ 1832 году, послѣ великихъ бѣдствій, испытанныхъ Россіею въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и отъ губительныхъ войнъ, и отъ междоусобной брани, и отъ моровой язвы, надъ нашимъ Отечествомъ просіяла великая благодать Божія. Въ этомъ году, въ богоспасаемомъ градѣ Воронежѣ, послѣдовало обрѣтеніе честныхъ мощей, иже во Святыхъ отца нашего Митрофана перваго епископа Воронежскаго. Въ день открытія Св. мощей, архіепископъ Тверскій и Кашинскій Григорій *) всенародно произнесъ молитву Святителю Митрофану, въ которой испрашивалось предстательство Его у „Христа Бога нашего да возродитъ во Святой Своей Православной Церкви живый духъ правыя вѣры и благочестія, духъ вѣдѣнія и любви, духъ мира и радости о Дусѣ Святѣ“ [1]).

Этотъ *живый духъ правыя вѣры и благочестія* внушилъ Помазаннику Божію поставить во главу угла воспитанія Русскаго юношества: *Православіе, Самодержавіе и Народность*; а провозгласителемъ этого великаго сѵмвола нашей Русской жизни—избрать мужа, стоявшаго во всеоружіи Европейскаго знанія.

21 апрѣля 1832 года, воспослѣдовалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, „о бытіи президенту Импера-

*) Впослѣдствіи митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій (1856—1860), а преемникъ его, Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Исидоръ, 13 августа 1861 г., открывалъ честныя мощи святителя Тихона Задонскаго.

торской Академіи Наукъ тайному совѣтнику Уварову товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія". Пріятель Гёте и Штейна, усвоившій себѣ всю роскошь Европейскаго знанія—

Подъ сумрачнымъ родился небомъ,
Но будто въ Аттикѣ рожденъ,

Сергій Семеновичъ Уваровъ сознавалъ слабыя стороны тогдашняго направленія Европейскаго просвѣщенія. Хомяковъ вложилъ въ уста его слѣдующія роковыя слова, обращенныя къ поэту:

Къ чему поешь ты? Человѣкъ
Страдаетъ язвою холодной,
И эгоизмъ, какъ червь голодный.
Снѣдаетъ нашъ печальный вѣкъ.
Угасло пламя вдохновенья,
Увялъ поэзіи вѣнецъ —
Предъ хладнымъ утромъ размышленья,
Предъ строгой сухостью сердецъ [2]).

Обращая свои взоры на Россію, Уваровъ съ полнымъ убѣжденіемъ могъ сказать, что провозглашенный имъ и поставленный во главу угла символъ есть „послѣдній якорь нашего спасенія и вѣрнѣйшій залогъ силы и величія нашего Отечества"; а по счастливому выраженію Погодина, это „твердыя, крѣпкія столпостѣны, на которыхъ, подъ державою Мономахова потомства, Святая Русь удержалась, удерживается и удержится до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ поколеблены въ своихъ завѣтныхъ, священныхъ основаніяхъ".

Еще 12 января того-же 1832 года, М. А. Максимовичъ въ торжественномъ Собраніи Московскаго Университета, въ своей рѣчи *о Русскомъ Просвѣщеніи*, заявилъ: „Нашъ Царь, постановивъ воспитаніе важнѣйшимъ дѣломъ государственнымъ, желаетъ, чтобы оно было *отечественное*. Онъ повелѣлъ, чтобы въ чужіе края Русскіе отправлялись не ранѣе осьмнадцатилѣтняго возраста, когда сердца ихъ укрѣпятся въ любви къ Отечеству, а умы ознакомятся съ его истинными потребностями, правами, законами. Онъ назначилъ для будущаго преподаванія въ университетахъ избрать юношей изъ

природныхъ Россіянъ: *будьте истинно Русскими*,—вѣщалъ Онъ воспитанникамъ Университетскаго Пансіона [3]).

Въ продолженіе всей своей жизни Погодинъ былъ неизмѣннымъ служителемъ и проповѣдникомъ этихъ трехъ коренныхъ началъ нашей Русской жизни: *Православія*, *Самодержавія* и *Народности*. „Любовь Погодина къ Отечеству", свидѣтельствуетъ современникъ его А. Д. Галаховъ, „по своей искренности, силѣ и неизмѣнности должна служить образцовымъ примѣромъ. Справедливо замѣчаніе Карамзина, что патріотизмъ требуетъ размышленія, но это относится ко второй высшей его степени, на которую восходятъ путемъ самосознанія, т. е. изученіемъ характера, исторіи и настоящаго положенія народа. На первой же ступени дѣйствуетъ непосредственное влеченіе къ родинѣ, данное отъ природы, всасываемое съ молокомъ матери. Многіе ни во что ставятъ эту инстинктивную привязанность, видятъ въ ней нѣчто неразумное и даже обозвали ее *квасным патріотизмомъ*: но это большая ошибка. Предосудительно навсегда замкнуться въ предѣлахъ инстинктивнаго чувства, но внести его, какъ элементъ, въ сознаніе необходимо для полноты укрѣпленія. Въ патріотизмѣ Погодина мы именно видимъ неразрывное сочетаніе обоихъ элементовъ: инстинктивнаго и сознательнаго. Онъ постепенно закалялся въ немъ, начиная съ дѣтства, когда съ жадностью читалъ *Русскій Вѣстникъ* Сергѣя Глинки; девятнадцати лѣтъ желалъ, чтобы выданъ былъ указъ объ изгнаніи иностранцевъ изъ Россіи, ратовалъ противъ галломаніи, особенно противъ воспитанія Русскаго юношества иностранцами; негодовалъ на нѣкоторые антирусскіе обычаи высшаго общества. Идеальныхъ представителей Русской сущности видѣлъ онъ въ Петрѣ I, Ломоносовѣ и Суворовѣ. Онъ даже изъ угодниковъ Божіихъ особенно чтилъ Русскихъ: Алексѣя митрополита, Сергія Радонежскаго, Димитрія Ростовскаго". Ученикъ Погодина, Буслаевъ, заявляетъ, что Погодинъ „видѣлъ въ старинѣ не одно отжившее, но и основу всему послѣдующему, видѣлъ въ ней живой принципъ и сѣмена для будущихъ начинаній и развитій,

видѣлъ въ ней источники прогресса. Потому онъ благоговѣлъ предъ Петромъ Великимъ, и слѣдовательно мирился со всѣми условіями развивающейся Русской жизни. Потому же онъ постоянно боролся съ плохимъ, ложно понятымъ новаторствомъ, указывая въ немъ самомъ принципъ разрушенія, на томъ основаніи, что оно враждебно относится къ прошедшему и стоитъ за тотъ лишь настоящій моментъ, въ который полагаетъ господствовать авторитетно, и потому и само оно, какъ новизна, какъ мода, обрекаетъ себя на кратковременность и падаетъ подъ ударами новыхъ попытокъ такого же живучаго новаторства. Консерватизмъ, который проповѣдывалъ Погодинъ, сопутствуется въ практической жизни ровнымъ, спокойнымъ и миролюбивымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, великодушнымъ снисхожденіемъ и терпимостью".

Другой ученикъ Погодина, Ю. Ѳ. Самаринъ, удостовѣряетъ: „Изъ профессоровъ того времени, сильнѣе всѣхъ дѣйствовалъ не только на меня, но и на многихъ другихъ Погодинъ. Онъ не заискивалъ популярности какъ И. И. Давыдовъ, лекціи его не отличались художественною оконченностью и совершенною новизною лекцій Печерина; въ дарѣ изустнаго изложенія онъ далеко уступалъ Крюкову; но онъ отличался тѣмъ, чего не имѣлъ никто изъ нихъ: мы чувствовали въ немъ самостоятельное направленіе мысли, направленіе, согрѣтое глубокимъ сочувствіемъ къ Русской жизни. Чему насъ выучилъ Погодинъ, я не могу сказать, передать содержаніе его лекцій я былъ бы не въ состояніи; но мы были наведены имъ на совершенно новое воззрѣніе на Русскую Исторію и Русскую жизнь вообще. Формулы западныя къ намъ не примѣняются; въ Русской жизни есть какія-то особенныя, чуждыя другимъ народамъ, начала; по инымъ, еще неопредѣленнымъ наукою законамъ совершается ея развитіе. Все это высказывалъ Погодинъ довольно нескладно, безъ доказательствъ, но высказывалъ такъ, что его убѣжденія переливались въ насъ. До Погодина господствовало стремленіе отыскивать въ Русской Исторіи что нибудь похожее на исторію народовъ Западныхъ; сколько мнѣ извѣстно, Погодинъ первый,

по крайней мѣрѣ первый для меня и для моихъ товарищей, убѣдилъ въ необходимости разъясненія явленій Русской Исторіи изъ нея самой" [4]).

II.

Еще до назначенія Уварова товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, въ Русской Литературѣ произошло прискорбное событіе. Мы говоримъ о запрещеніи *Европейца*, журнала наукъ и словесности, издаваемаго Иваномъ Кирѣевскимъ. Все, что было знаменитаго, благороднаго въ литературѣ нашей, соединилось около Кирѣевскаго. для безкорыстной, возвышенной дѣятельности. Жуковскій, бывшій въ Москвѣ въ концѣ 1831 года, отдалъ для перваго нумера Европейца свою сказку *О спящей царевнѣ*, а потомъ прислалъ: *Войну мышей и лягушекъ*, *Судъ Божій*, *Царя Берендея* и нѣсколько мелкихъ піесъ. Пушкинъ радовался новому журналу, который долженъ былъ очистить воздухъ, и обѣщалъ свое полное и дѣятельное сотрудничество. *Европейцу* предстояла блестящая будущность. Въ новый 1832-й годъ вышелъ 1-й нумеръ этого журнала, который открывался статьею самого Кирѣевскаго—*Девятнадцатый вѣкъ*; затѣмъ идутъ: сказка Жуковскаго *О спящей царевнѣ*, статья Д. Н. Свербеева объ *Іюліанѣ, о слогѣ Вильменя*, элегія Баратынскаго:

Въ дни безграничныхъ увлеченій,
Въ дни необузданныхъ страстей...,

посланіе Языкова къ Е. А. Свербеевой и его стихотвореніе *Ау*, отрывки изъ писемъ Гейне, *Обозрѣніе Русской Литературы за 1831 годъ*, о письмахъ изъ Парижа Лудвига Берне. Въ смѣси помѣщены: Литературныя новости, о Сѣверо-Американскомъ Сенатѣ, изъ Жанъ Поля, *Горе отъ ума на Московскомъ театрѣ* и письмо изъ Лондона. За первымъ вышелъ второй и, къ сожалѣнію, послѣдній нумеръ *Европейца*, который начинался произведеніемъ Жуковскаго

Война мышей и лягушекъ, за коимъ слѣдовали: повѣсть Баратынскаго *Перстень*, *Воспоминаніе* Языкова объ А. А. Воейковой, автобіографія Карла Марія Вебера, стихотворенія Языкова *Конь* и *Элегія*:

Ночь безлунная, звѣздами
Убирала синій сводъ;...,

посланіе Баратынскаго къ *Н. М. Языкову*, письмо Гейне, *Современное состояніе Испаніи*, стихотворенія Хомякова *Иностранкѣ*, продолженіе *Обозрѣнія Русской Литературы за 1831 годъ*, о Бальзакѣ. Въ смѣси помѣщено: письма изъ Парижа, Берлина, о Русскихъ альманахахъ на 1832 годъ, антикритика, по поводу помѣщеннаго въ *Телескопѣ* разбора *Наложницы* Баратынскаго, о небесныхъ явленіяхъ. Цензоромъ *Европейца* былъ С. Т. Аксаковъ.

По выходѣ первой книжки, Погодинъ, въ день рожденія А. П. Елагиной, у нея обѣдалъ и спорилъ съ И. В. Кирѣевскимъ, по поводу его утвержденія, что „Россія должна все перенимать у иностранцевъ“ [5]).

Будучи несогласенъ съ *тогдашними* убѣжденіями Кирѣевскаго, Погодинъ вмѣстѣ съ тѣмъ не надѣялся и на успѣхъ его журнала, по крайней мѣрѣ, вотъ что писалъ онъ Шевыреву (отъ 20 января 1832): „*Европеецъ* съ именами и статьями Жуковскаго, Баратынскаго, Языкова, и пр., имѣетъ только пятьдесятъ подписчиковъ. Вотъ вамъ новое стороннее удостовѣреніе. Что то будетъ впередъ? А если подписчики пойдутъ въ этой пропорціи, то выдавать по десяти листовъ въ книжкѣ и выписывать на три тысячи журналовъ будетъ тяжело. Въ нашей литературѣ и учености примѣтно сильное движеніе. Множество выходитъ книгъ и переводовъ замѣчательныхъ, не смотря на утвержденіе Кирѣевскаго, что мы младенцы. Напримѣръ, на Шекспира выходятъ теперь четыре: одинъ Харьковскій адъюнктъ перевелъ *Лира*, кто-то *Юлію и Ромео*, Петръ Кирѣевскій *Отелло*, и пр., и всѣ съ Англійскаго“ [6]). Въ то же время Петербургскій пріятель Погодина, Любимовъ,

писалъ ему (отъ 30 января 1832 г.): „У васъ теперь новый журналъ *Европеецъ*. Въ немъ можетъ быть много хорошаго; но какъ жалко, что онъ дышетъ чѣмъ-то Европейскимъ, а не Русскимъ. Читали-ли вы въ немъ разборъ *Горе отъ ума*? Срамъ да и все тутъ. Не стыдятся явно проповѣдывать, чтобы мы благоговѣли предъ иностранцами и забывали все Русское“ [7]). Но какъ бы то ни было, все то, что было помѣщено въ двухъ, вышедшихъ въ свѣтъ, книжкахъ *Европейца*, по справедливому замѣчанію М. А. Максимовича, „читатель можетъ ясно видѣть, что въ статьяхъ сихъ нѣтъ ничего возмутительнаго, ничего такого, что могъ бы вычеркнуть самый подозрительный цензоръ нашего времени. Но у Кирѣевскаго было много враговъ литературныхъ, которые не могли забыть его прежнихъ критическихъ разборовъ“. Статья *Девятнадцатый вѣкъ* была въ Петербургѣ перетолкована самымъ роковымъ образомъ для ея автора. Едва только второй нумеръ *Европейца* достигъ Петербурга, какъ съ неимовѣрною быстротою прилетѣли въ Москву зловѣщіе слухи. Эхомъ этихъ слуховъ для насъ служитъ *Дневникъ* Погодина, въ которомъ подъ *14 февраля* читаемъ: „Какія-то мѣста въ *Европейцѣ* жестоко не понравились Государю“; подъ *15 февраля* — „*Европейца* запретили. Кирѣевскаго въ крѣпость, а Аксакова на гауптвахту. Предполагается неблагонамѣренный смыслъ въ *XIX вѣкѣ*, и неприличныя выраженія о иностранцахъ. Въ городѣ перебрали все по строчкѣ. Одни говорятъ за стихи, другіе за Испанскую статью; ибо де Испанскій Дворъ пришлетъ ноту. Непріятное извѣстіе! Горько, жаль О. С. Аксакову“. Всѣ эти слухи, къ сожалѣнію, подтвердила бумага, полученная 22 февраля 1832 года Попечителемъ Московскаго учебнаго Округа княземъ С. М. Голицынымъ отъ Министра Народнаго Просвѣщенія князя К. А. Ливена, отъ 13 февраля 1832 года, которая гласила слѣдующее: „Господинъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ, что въ № 1-мъ издаваемаго въ Москвѣ Иваномъ Кирѣевскимъ журнала подъ названіемъ *Европеецъ*, статья *Девятнадцатый вѣкъ* есть не что иное какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя

въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ. Но стоитъ обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобы видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное, что подъ словомъ *просвѣщеніе* онъ понимаетъ *свободу*, что *дѣятельность разума* означаетъ у него *революцію*, а *искусно отысканная средина* не что иное какъ *конституція*. Статья сія не долженствовала быть дозволена въ журналѣ литературномъ и какъ, сверхъ того, оная статья, не взирая на ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ, то и не слѣдовало цензурѣ оной пропускать". Далѣе, въ той же книжкѣ *Европейца* въ статьѣ *Горе отъ ума* усмотрѣна самая неприличная и непристойная выходка на счетъ находящихся въ Россіи иностранцевъ, и найдено, что въ пропускѣ которой цензура уже совершенно виновна. Господинъ генералъ Бенкендорфъ сообщилъ о семъ князю Ливену съ тѣмъ, „чтобы на цензора, пропустившаго означенную книжку *Европейца*, обращено было законное взысканіе, дабы изданіе онаго журнала было на будущее время воспрещено, такъ какъ издатель Иванъ Кирѣевскій обнаружилъ себя человѣкомъ неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ". Вслѣдствіе сего князь Ливенъ проситъ князя Голицына предписать Московскому Цензурному Комитету не дозволять впредь изданія журнала *Европеецъ*, а цензору, пропустившему первый нумеръ онаго, сдѣлать строгое замѣчаніе". Прочитавъ эту бумагу, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „А бумага о Кирѣевскомъ *историческая*. Жаль, что такъ. Горевали и толковали. Вотъ досадно, что какой-нибудь мошенникъ Снегиревъ торжествуетъ".

Такимъ образомъ, несчастный Кирѣевскій офиціально признанъ человѣкомъ *неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ*, а онъ съ своими друзьями мечталъ: „возвратить права истинной религіи, изящное согласить съ нравственностью, возбудить любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнить уваженіемъ законовъ, и чистоту жизни возвысить надъ чистотою слога".

Запрещеніе *Европейца* произвело впечатлѣніе и въ Петер-

бургѣ. „Вчера провелъ вечеръ у Плетнева", пишетъ Никитенко, „тамъ засталъ Пушкина. *Европейца* запретили.... Тьфу! Да что же мы, наконецъ будемъ дѣлать на Руси? Пить и буянить? И тяжко, и стыдно, и грустно!" [8]). По свидѣтельству М. А. Максимовича, „глубоко поразила Кирѣевскаго эта неудача на поприщѣ журнальной дѣятельности; онъ смотрѣлъ на нее какъ на лучшее средство быть полезнымъ Отечеству, готовился къ ней, какъ къ святому подвигу жизни, и дѣятельность эта поддерживалась дружескимъ сотрудничествомъ людей, мнѣніемъ и одобреніемъ которыхъ онъ дорожилъ еще болѣе, чѣмъ блескомъ успѣха, дѣятельность эта была внезапно порвана при самомъ началѣ" [9]).

Запрещеніе *Европейца* огорчило всѣхъ благородныхъ людей того времени и возбудило ихъ справедливое негодованіе. „Запретили *Европейца*, писалъ Погодинъ Шевыреву, за XIX вѣкъ. Въ этой статьѣ я не вижу ничего преступнаго, ничего непозволительнаго; но она мнѣ не нравится съ другой стороны, какъ собраніе историческихъ парадоксовъ, и я собирался писать на нее рецензію; но теперь нельзя. Кирѣевскій мѣритъ Россію на какой-то Европейскій аршинъ, я говорю въ смыслѣ историческомъ, а это—ошибка. *Европа себѣ, мы себѣ,* говоритъ у меня Долгоруковъ въ трагедіи. Россія есть особливый міръ, у ней другая земля, кровь, религія, основанія, словомъ—другая исторія. Мы должны учиться, вотъ главное, и не заботиться о томъ, чего у насъ нѣтъ, что у другихъ есть и чего намъ не надо. О, если бы мнѣ средства, помощь, я написалъ бы многое о Россіи, чего въ голову не приходитъ нашимъ государственнымъ людямъ и чему удивились бы всѣ Европейцы. Чортъ возьми! Россія особливый міръ. Всей Европы надежда должна быть на Россію; а эти крикуны и болтуны въ парламентахъ и палатахъ стращаютъ дѣтей Россіею, какъ пугаломъ. Невѣжи! Да и насъ похвалить нельзя, что мы отвѣта не даемъ на ихъ дикіе вопли. Пора сражаться намъ съ Европой не на однихъ штыкахъ, а и на словахъ. И мы дадимъ ей законы, дадимъ, хоть бы надсѣ-

лись, кричавши, пресловутые ораторы. Ты представить себѣ не можешь, какъ мнѣ хочется отвѣдать силъ своихъ съ этимъ Гизо, etc. Русскій человѣкъ имѣетъ такія способности, какихъ не имѣютъ ни Нѣмцы, ни Французы, ни Англичане. Жаль А. П. Елагину, которая отъ этого несчастія схватила было желчную горячку. Теперь лучше". Въ несчастіи Кирѣевскаго и его семейства приняли живое участіе и Князь П. А. Вяземскій, и Пушкинъ, и излили свои чувства И. И. Дмитріеву: „Извѣстно", писалъ князь Вяземскій, „что въ числѣ коренныхъ государственныхъ узаконеній нашихъ есть и то, хотя не объявленное Правительствующимъ Сенатомъ, что никто не можетъ въ Россіи издавать политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни — люди надежные и достойные довѣренности Правительства; всѣ прочіе, кромѣ единаго Полевого, злоумышлённики. Вы вѣрно пожалѣли о прекращеніи *Европейца*, послѣдовавшемъ, вѣроятно, также въ силу вышеупомянутаго узаконенія. Всѣ усилія благонамѣренныхъ и здравомыслящихъ людей, желавшихъ доказать, что въ книжкѣ *Европейца* нѣтъ ничего революціоннаго, остались безуспѣшны. Въ напечатанномъ, конечно, нѣтъ ничего возмутительнаго, говорили въ отвѣтъ, но тутъ надобно читать то, что не напечатано, и вы тогда ясно увидите злые умыслы и революцію какъ на ладони. Противъ такой логики спорить нечего". „Вѣроятно, вы изволите уже знать", писалъ Пушкинъ тому же лицу, „что журналъ *Европеецъ* запрещенъ вслѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ Правительству сорванцемъ и якобинцемъ! Всѣ здѣсь надѣятся, что онъ оправдается, и клеветники — или по крайней мѣрѣ клевета — устыдится и будетъ изобличена".

Но болѣе всѣхъ оскорбленъ былъ Жуковскій. Онъ, по свидѣтельству А. П. Елагиной, позволилъ себѣ выразиться предъ Императоромъ Николаемъ I, что за Кирѣевскаго онъ ручается. *А за тебя кто поручится?* возразилъ Государь. Жуковскій послѣ этого сказался больнымъ. Императрица

Александра Θеодоровна употребила свое посредство. *Ну, пора мириться*, сказалъ Государь, встрѣтивъ Жуковскаго, и обнялъ его [10]).

Погодинъ, не смотря на свое разномысліе, принималъ живѣйшее участіе въ горѣ, постигшемъ Кирѣевскаго. Онъ не рѣдко посѣщалъ ихъ домъ, игралъ съ ними въ вистъ, гулялъ по ихъ тѣнистому саду около Трехъ Святителей, бесѣдовалъ съ Иваномъ Кирѣевскимъ „о сухости нашего общества“. По поводу, одного посѣщенія Кирѣевскаго, Погодинъ сдѣлалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующую запись: „Кирѣевскій сказывалъ, что подозрѣвали его въ раздачѣ *третьяго* нумера“ (*Европейца*). Погодина это смущало, ибо онъ давалъ читать этотъ не вышедшій въ свѣтъ нумеръ Маріи Сергѣевнѣ Мухановой [11]).

Журналы наши, кажется, умолчали объ *Европейцѣ* и только въ *Молвѣ* Надеждина намъ попались слѣдующія строки: „Никто не выдумывалъ взгляда оригинальнѣе и своенравнѣе, какъ новый Московскій журналъ, явившійся подъ именемъ *Европейца*. Разбирая стихотворенія Баратынскаго, онъ утверждаетъ, что самыя обыкновенныя событія, самыя мелкія подробности жизни, являются поэтическими, когда мы смотримъ на нихъ сквозь гармоническія струны его лиры! При такомъ взглядѣ, по увѣренію *Европейца*, „балъ, маскарадъ, непринятое письмо, пированье друзей, неодинакая прогулка, чтеніе альбомныхъ стиховъ, поэтическое имя, однимъ словомъ всѣ случайности и всѣ обыкновенности жизни тѣсно связываются съ самыми возвышенными минутами бытія и съ самыми глубокими, самыми свѣжими мечтами, мыслями и воспоминаніями, такъ что, не отрываясь отъ гладкаго паркета, мы переносимся въ атмосферу музыкальную и мечтательно просторную“. По поводу этихъ строкъ въ *Молвѣ* иронически восклицаютъ: „Взглядъ чудный и небывалый! Въ отличіе отъ прочихъ журнальныхъ взглядовъ мы можемъ назвать его *сквознымъ*, но не въ смыслѣ вѣтра, ибо онъ болѣе удивителенъ, чѣмъ опасенъ!“ [12]).

Въ концѣ 1832 года Кирѣевскаго посѣтилъ Гоголь и выразилъ Плетневу сожалѣніе, что Кирѣевскій „при прекрас-

номъ умѣ, слишкомъ разсѣянно, слишкомъ свѣтски проводитъ время“ [13]). И дѣйствительно, по свидѣтельству М. А. Максимовича, Кирѣевскій пересталъ во-все писать. Въ продолженіе одиннадцати лѣтъ,имъ не было написано ни одной статьи, подъ которой онъ подписалъ свое имя, и когда онъ снова началъ печатно высказывать свои мысли, онѣ по направленію были во многомъ несогласны съ тѣми мнѣніями, выраженіемъ которыхъ служилъ *Европеецъ* [14]).

Одновременно съ *Европейцемъ*, на горизонтѣ Московской Литературы появились *Двѣнадцать спящихъ будочниковъ*, баллада, напечатанная въ Университетской Типографіи въ 1832 г. Авторъ ея, Елистратъ Фитюлькинъ, добродушно признается, что гоняется не за славою, а за копейкою. „Меня ободряетъ“, говоритъ онъ,— „примѣръ гг. *Выжигиныхъ*, предъ коими она (баллада) имѣетъ важное преимущество; ее можно прочесть несравненно скорѣе“. Въ примѣръ искусства, съ коимъ составлено это новое подражаніе Выжигинымъ, приведемъ строфу, изображающую пьянаго квартальнаго.

И взвидѣлъ полицейскій глазъ,
Что въ лужѣ шевелился
Какой-то пьяница; тотчасъ
Мой крюкъ остановился,
Меня къ забору, рекъ, приставь,
А этого скотину
Скорѣй на съѣзжую отправь!
Ступай!... родному сыну
Я пьянства не прощу во вѣкъ!
Какого развращенья
Достигнулъ нынѣ человѣкъ!
И все отъ просвѣщенья!“ [15]).

Въ *Сѣверной Пчелѣ* подъ рубрикою *Новыя книги* напечатано полное заглавіе этой баллады и рецензія на нее заключалась только въ слѣдующихъ двухъ словахъ: *Ни слова*! [16]).

Между тѣмъ за эту ничтожную книжонку жестоко пострадалъ пропустившій ее цензоръ. „Отставили нашего благороднаго“, писалъ Погодинъ Шевыреву, „нашего добраго Аксакова. Какой-то пьяница написалъ глупую книжонку. Аксаковъ про-

пустилъ, ибо не могъ не пропустить, когда у насъ играютъ *Ябеду*, и проч.; а оберъ-полицеймейстеръ, человѣкъ сильный, вступился, и отецъ многочисленнаго семейства лишенъ службы. Я искренно люблю нашего Царя, ибо вижу въ немъ что-то Петровское и увѣренъ въ благородной смѣлой душѣ его. Вотъ почему мнѣ бываетъ вдвое больно, когда его наводятъ на какія-либо дѣйствія не совершенно справедливыя“ [17]).

III.

Возвратясь въ концѣ 1831 года изъ Петербурга, Погодинъ еще не зналъ объ окончательной участи, постигшей его трагедію *Петръ I;* но лучъ надежды его не покидалъ, хотя ему уже и было извѣстно, что „*Петра* Государь запретилъ“; но Государь оставилъ манускриптъ у себя, и Погодинъ надѣялся, что онъ позволитъ. „Лишь бы прочелъ“ [18]). Но вскорѣ все объяснилось. „Вотъ вамъ горькое извѣстіе“, писалъ Погодину Языковъ, „Комовскій пишетъ ко мнѣ: Ввѣряю вамъ государственную тайну для сообщенія Погодину. На запискѣ объ его *Петрѣ* Государь написалъ: *Лице Императора Петра Великаго должно быть для каждаго Русскаго предметомъ благоговѣнія и любви; выводить оное на сцену было бы почти нарушеніемъ святыни, а по сему совершенно неприлично. Не дозволять печатать. Манускриптъ возвращу въ непродолжительномъ времени.* Доселѣ еще не возвратилъ однако. „Правда ли, что вашу *Марѳу* собираются разыграть на здѣшнемъ театрѣ“! [19]). Въ то же время Блудовъ поручаетъ сказать Погодину, что „Государь остался доволенъ *Петромъ* и хотѣлъ прочесть его у себя въ семействѣ“.

„Стало быть“, замѣчаетъ Погодинъ, „онъ прочелъ его точно, и толковать уже нечего. Или только это утѣшеніе изъ Петербурга, комплиментъ Блудова?“ [20]). Но Веневитиновъ въ письмѣ своемъ удостовѣрялъ Погодина, что Государь, по свидѣтельству Жуковскаго, самъ читалъ его *Петра* и онъ

ему понравился; только Государь прибавилъ, *что память Петра I священна, слишкомъ свѣжа еще,* чтобы упоминать *о пятнахъ, помрачавшихъ его жизнь.* „Слѣдовательно", пишетъ Веневитиновъ, „самый предметъ трагедіи—вотъ камень преткновенія" [21]). Эта неудача весьма огорчила Погодина и онъ съ грустью писалъ Шевыреву: „*Петра* Государь не позволилъ напечатать. Кажется, онъ думалъ, что я прошу о представленіи, а объяснить, видно, было некому, что Петръ всякій день выводится на сцену у насъ въ повѣстяхъ, анекдотахъ, поэмахъ, слѣдовательно, можетъ и въ трагедіи. Мнѣ было это очень горько, ибо *Петромъ* я доволенъ несравненно больше чѣмъ *Марѳою.* Хочу писать къ генералу Бенкендорфу и объяснить ему, что позволеніе напечатать *Петра* имѣло бы государственную пользу; я старался въ трагедіи оправдать безсмертнаго нашего Преобразователя, котораго обвиняютъ несмысленные иностранцы и соотечественники, изобразивъ вѣрно положеніе его относительно Россіи. Мои заговорщики самые отвратительные люди, злодѣи для Россіи. Разумѣется, еслибы все это я могъ объяснить на просторѣ, еслибы я могъ самъ прочесть свою трагедію Государю, то онъ сказалъ бы мнѣ спасибо, ибо онъ своею душою понимаетъ душу Петра, но какъ это дѣло невозможное, то и долженъ я страдать молча".

Такимъ образомъ, всѣ „лестныя надежды" Погодина на *Петра* рушились. Между тѣмъ, В. А. Каратыгинъ очень желалъ „сыграть" эту трагедію и онъ, по свидѣтельству Погодина, „осмѣливался сказать это раза два императору Николаю, когда тому случалось заходить на сцену. Государь въ оба раза отвѣчалъ, улыбаясь: *хорошо, но надо подождать*" [22]).

Много лѣтъ спустя, а именно въ 1841 году, баронъ Розенъ писалъ Погодину: „Между драматическими сюжетами болѣе всѣхъ меня теперь занимаетъ Петръ Великій... Я напишу эту трагедію на Нѣмецкомъ языкѣ... Вы трактовали драматически тотъ же предметъ, запретный для Русской печати. Извините мою странную просьбу! Вы меня чрезмѣрно обяжете,

если доставите мнѣ рукопись вашего *Петра*... Мнѣ нуженъ сюжетъ *такого* рода, чтобы насильственно отложиться отъ страсти къ изображенію *нѣжныхъ* лицъ. Лучше всѣхъ для драматическаго поэта нашъ царевичъ Алексѣй Петровичъ! Если немножко его облагородить, очистить его патріотизмъ отъ луку, квасу и старовѣрчества; вселить въ него мысль, что Отецъ губитъ духъ народности, тогда борьба Петра съ сыномъ—такой сюжетъ, на который можно бы положить всю жизнь свою! Весьма желалъ бы знать, какимъ представили вы Алексѣя?" Погодинъ былъ такъ великодушенъ, что, черезъ К. И. Арсеньева, отправилъ барону Розену свою трагедію *Петръ I*. Прочитавъ эту трагедію, баронъ Розенъ писалъ Погодину: „Геній Петра изображенъ вами во всемъ величіи, во всей универсальности его: это живой историческій Петръ — c'est tout dire! Сцена въ Сенатѣ, съ Яковомъ Долгоруковымъ — одна эта сцена могла бы обезсмертить трагедію!... Обращусь къ мысли, опечалившей меня, по прочтеніи пьесы. Боже мой! сколько у насъ, въ послѣднее десятилѣтіе вышло *Кукольныхъ* драмъ, въ которыхъ нѣтъ ни поэзіи, ни исторіи, ни толку, ни смысла, а вашъ Петръ донынѣ остался — и, вѣроятно, навсегда останется — въ вашемъ портфелѣ!"

Самъ же Погодинъ, не задолго до смерти, вспоминая свою молодость, писалъ: „Съ какимъ жаромъ творилъ я *Петра*! Какія надежды возлагалъ я на него. Что за прелестныя картины представляло мнѣ мое услужливое воображеніе. И все утверждало меня въ моихъ предположеніяхъ. Счастливыя выраженія, занимательныя положенія, удачныя вставки, множество мыслей, разсыпанныхъ по всѣмъ рѣчамъ, возрастающая занимательность. Дѣйствіе, которое не останавливается ни на минуту. Вѣрное изображеніе времени и его взглядовъ. Все, казалось мнѣ, собрано здѣсь. Пушкинъ былъ въ восторгѣ. Славу, почести, деньги долженъ принести мнѣ Петръ и дать средства повести жизнь по моему желанію, и вмѣстѣ помочь мнѣ къ достиженію иной цѣли! Я работалъ напряженно. И ничего этого не исполнилось. Одни безпокойства, опасности,

слушали его „съ восхищеніемъ“ [24]). Гульяновъ писалъ Погодину: „Сосѣдка моя княжна Анна Александровна Щербатова, узнавъ, что вы читали у сестры ея, К. А. Свербеевой, рукописную трагедію вашу, тщетно домогалась по сіе время достать себѣ оную чрезъ своихъ знакомыхъ. Сія безуспѣшность побудила ее вчера обратиться ко мнѣ, въ надеждѣ на благосклонность ко мнѣ вашу. Хотя я въ этой и не сомнѣваюсь, не думаю, однакожъ, быть счастливѣе другихъ, а потому и ограничился обѣщаніемъ княжнѣ моего ходатайства, а не успѣха“. О томъ же писалъ Погодину и М. А. Дмитріевъ: „Отъ обѣда такъ и быть васъ увольняю, съ тѣмъ, однако, чтобы вы все-таки пріѣхали часамъ хоть къ 6 прочитать намъ свою трагедію. Съ Зубковымъ и Данзасомъ я какъ-то давно не видался и потому только не знаю, какъ позвать ихъ, хотя бы и самому хотѣлось. Позвалъ бы и третье лице *), назначенное вами, но знаете ли что̀? Мнѣ кажется, что старинный взглядъ на литературу и мелкія замѣчанія о вашей трагедіи помѣшаютъ намъ вполнѣ насладиться и не-хотя собьютъ съ толку. Довольно ли это откровенно? Я же, напротивъ, прошу у васъ позволенія пригласить князя Валентина Шаховского съ женою, сестрою Павла и Петра Мухановыхъ. Они очень давно желаютъ слышать вашу трагедію: сами они умная, добрая откровенная чета“ [25]).

Проѣздомъ въ деревню Веневитиновъ вмѣстѣ съ своимъ зятемъ графомъ Комаровскимъ былъ въ Москвѣ, и Погодину было очень пріятно убѣдиться, что его бывшій соперникъ графъ Комаровскій „очень его любитъ и уважаетъ„ [26]). Онъ упросилъ Погодина дать ему въ деревню для прочтенія его *Петра* и, прочитавъ, Комаровскій писалъ автору изъ своего Орловскаго села Городища слѣдующее: „Вамъ, защитнику Годунова, слѣдовало изобразить и Петра. Его появленіе въ здѣшнемъ селѣ—день радостный для всего нашего семейства. По первому пути, мы переселимся въ Москву на нѣсколько мѣсяцевъ и тогда я попрошу позволенія васъ посѣщать, вы

*) Надо полагать, И. И. Дмитріева.

же будете находить у насъ мою совершенную благодарность, дружбу жены моей и сердечныя воспоминанія о нашемъ Димитріи *). И я его зналъ и я любилъ его нѣжно, какъ бы предчувствуя близкаго родственника, Не сбылось — и я братъ одной его тѣни! Сегодня минуло ему только двадцать семь лѣтъ!" [27]).

IV.

Въ концѣ 1831 года вышла въ свѣтъ *Марѳа*; но и это произведеніе доставило мало радости ея автору и тоже не оправдало надеждъ, на нея имъ возлагаемыхъ. Въ дружественныхъ Погодину изданіяхъ его *Марѳу* ставили рядомъ и съ *Горе отъ ума*, признавая ее „зарею нашей народной драматической словесности" [28]), ставили рядомъ и съ *Борисомъ Годуновымъ* Пушкина. „По странному стеченію обстоятельствъ", писалъ Телескопскій критикъ, „начало прошлаго (1831) года ознаменовано было явленіемъ *Бориса Годунова*, а конецъ заключенъ *Марѳой Посадницей Новгородской*. Сіи произведенія, написанныя гораздо ранѣе, явились на рубежахъ протекшаго года, какъ будто нарочно для того, чтобы годъ сей въ Лѣтописяхъ Русской Словесности отмѣтился эрой поэтическаго драматизированія народной исторіи, сообразно понятіямъ, требованіямъ и видамъ современнаго просвѣщенія" [29]). Болѣе умѣренный отзывъ о своей трагедіи Погодинъ получилъ изъ Петербурга отъ барона Розена, который писалъ ему: „Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я вашу *Марѳу*. Скажу вамъ съ доброжелательною откровенностію, что расположеніе піесы меня не удовлетворяетъ, тамъ вообще мало дѣйствія, но въ частяхъ она хороша, а мѣстами превосходна. Въ особенности нравится мнѣ разсказъ о сраженіи; жаль, что Озеровъ не читалъ его, онъ узналъ бы, какимъ языкомъ Русскій долженъ разсказывать о сраженіяхъ и, можетъ быть, передѣлалъ бы нѣкое мѣсто въ *Димитріи Донскомъ*". Хлопоты Погодина

*) Веневитиновъ.

поставить *Мароу* на сцену тоже не увѣнчались успѣхомъ. „*Мароу* вашу", писалъ ему Врасскій, „до сихъ поръ дирекція Московскихъ театровъ еще къ намъ не доставила, впрочемъ, еслибъ она и доставлена была, то все же нельзя было бы позволить, ибо Государю не угодно, чтобы на сцену выводимы были наши Цари и Поляки, къ какому бы времени это не относилось" [30]). Между тѣмъ въ *Сынѣ Отечества* Греча и Булгарина появилась сдержанная, и предъявляющая справедливыя требованія, критика на *Мароу*, подписанная иниціалами *Н. Ю.* Критикъ этотъ относитъ Погодина къ числу поборниковъ новыхъ истинъ, которыя „силятся водрузить знамя романтизма на развалинахъ древняго классическаго капища". Погодину, по замѣчанію критика, „сильно хотѣлось осуществить идею новой теоріи драматической поэзіи, но при всемъ желаніи, чтò вышло изъ его трагедіи? Новое доказательство старой истины, что всѣ ученыя соображенія и усилія системы ничего не произведутъ безъ творческаго таланта. Онъ чувствовалъ заблужденія старинной школы... Но забывъ, что истина не въ крайностяхъ, авторъ перешагнулъ чрезъ нее и очутился также далеко отъ истины, какъ и самые классики,— только на противномъ отъ нихъ краю. Ошибки его не менѣе забавны тѣхъ, которыхъ онъ думалъ избѣжать, и болѣе противны здравому вкусу, нежели нелѣпости произведенія Прадона и Сумарокова". Далѣе критикъ весьма справедливо замѣчаетъ: „Помилуйте, господа искатели народности, неужели нѣтъ средины между чопорною вѣжливостью, педантскою важностью Французской Мельпомены и грубымъ языкомъ нашей неопрятной музы? Классическіе поэты до какой смѣшной брезгливости были разборчивы въ словахъ, называя самые простые предметы высокими и громкими именами, и часто некстати блистали краснорѣчіемъ. Но, по моему, такой порокъ сноснѣе вашей изысканной натуральности, и даже онъ выкупался красотами..." Обращаясь къ нашему автору трагедіи, критикъ замѣчаетъ: „Забавная трагедія! До сихъ поръ намъ не удавалось такой встрѣтить. Но еще забавнѣе языкъ ея, которому авторъ

хотѣлъ придать какую-то народность и простоту. По нѣкоторымъ выраженіямъ, и по тому, что онъ повторяетъ ихъ con amore, съ наслажденіемъ, мы узнаемъ перо писателя, который не разъ дарилъ насъ образчиками подобнаго слога. Ex ungue leonem! говоритъ пословица. Кто бы иной могъ сказать, что *всѣ боры сырые загораются отъ Марѳы*, кто бы такъ вѣрно и прилично трагедіи могъ передать языкъ народный какъ, напримѣръ, въ стихахъ:

Житый.
Уймитесь, сорванцы! что въ самомъ дѣлѣ
Вздурилися ни свѣтъ и ни заря!

Младшій гражданинъ.
Да что смотрѣть имъ въ зубы! Поднимайте
На Новгородъ.

Нѣсколько голосовъ.
Шарапъ, шарапъ, ребяты!

И видали ли гдѣ нибудь такую *площадную* трагедію? Дѣйствіе проходитъ на *площадяхъ*; она составлена изъ *площадныхъ* выраженій и наполнена *площадными* лицами!" Не можемъ не остановиться и на слѣдующемъ основательномъ замѣчаніи критики: „Къ несчастію, у насъ распространена школа, которая грозитъ наводнить литературу подобными произведеніями; принявъ себѣ за правило подражаніе, она или копируетъ исторію, или списываетъ буквально современную дѣйствительную жизнь, и чѣмъ ближе думаетъ держаться подлинника, тѣмъ болѣе удаляется отъ истины изящнаго. Распространеніе такой школы опасно для самаго существованія литературы. Подражательность заманчива своею легкостью, она не требуетъ творческаго таланта... Мало-по-малу, толпа второклассныхъ писателей вскорѣ такъ умножится, что не только замедлитъ ходъ искусства, но даже совсѣмъ погубитъ литературу". Въ заключеніе критикъ изъясняетъ весьма благонамѣренное сожалѣніе, что „люди, коимъ познанія ихъ и умъ доставили бы славу и успѣхъ на другомъ поприщѣ, ищутъ славы поэтовъ и берутся творить безъ всякаго творческаго

таланта, катораго, какъ сами знаютъ, ничѣмъ замѣнить нельзя. Авторъ разобранной нами трагедіи принадлежитъ къ ихъ числу, и, не смотря на уваженіе наше къ его учености, познаніямъ и общеполезнымъ трудамъ, мы должны ему напомнить, что не всякій понимающій теорію живописи можетъ взяться за кисть Корреджію [31]). Критикою этою остался весьма недоволенъ С. Т. Аксаковъ и въ *Молвѣ* онъ заявилъ, между прочимъ, слѣдующее: „Сія критика, подъ наружною холодностію и спокойствіемъ, проникнута сильнѣйшимъ ожесточеніемъ и вся ея непріязненная цѣль унизить до послѣдней степени такое сочиненіе, которому, не смотря на его недостатки, порадовался бы, безъ сомнѣнія, каждый благонамѣренный литераторъ и любитель словесности“ [32]). Самъ Пушкинъ, по своей необыкновенной доброжелательности и по своей, такъ сказать, величавой скромности, пристыжающей его высокомѣрныхъ критиковъ, писалъ Погодину: „Мнѣ сказываютъ, что васъ гдѣ-то разбранили за *Посадницу*; надѣюсь, что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните, что меня лѣтъ десять сряду хвалили Богъ вѣсть за что, а разругали за *Годунова* и *Полтаву*. У насъ критика конечно ниже даже и публики, не только самой литературы. Сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было — непростительная слабость. Ваша *Маръа*, вашъ *Петръ* исполнены истинной драматической силы, и если когда нибудь могутъ быть разрѣшены сценической цензурой, то предрекаю вамъ такой народный успѣхъ, какого мы, холодные сѣверные зрители Скрибовыхъ водевилей и Дидлотовыхъ балетовъ, и представить себѣ не можемъ“ [33]).

Въ концѣ-концовъ, мы встрѣчаемъ слѣдующую лаконическую запись въ *Дневникѣ* Погодина: „*Маръы* продано пять экземпляровъ. Вотъ и еще утѣшеніе“ [34]); а Пушкинъ писалъ ему: „Варварство нашей литературной торговли меня бѣситъ. Смирдинъ опуталъ самъ себя разными обязательствами, накупилъ романовъ, и тому подобнаго, и ни къ какимъ условіямъ

не приступаетъ; трагедіи нынче не разскупаются, говоритъ онъ своимъ техническимъ языкомъ. Переждемъ же и мы“ [35]).

Въ это же время Погодинъ издалъ собраніе своихъ повѣстей, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Повѣсти Михаила Погодина*, въ трехъ частяхъ (М. 1832 г.) и посвятилъ ихъ, какъ мы уже знаемъ, *Старому другу въ воспоминаніе о 1825, 26, 27 и 28 годахъ*. Въ *Московскомъ Телеграфѣ* явилась злая критика на эти повѣсти. Заявивъ, что Погодинъ не рожденъ быть романтическимъ писателемъ, критикъ замѣчаетъ: г. Погодинъ „не имѣетъ соперника въ разнообразіи трудовъ. Развѣ Б. М. Ѳедоровъ, единственный изъ Русскихъ писателей, можетъ сравняться съ нимъ въ этомъ. Г. Погодинъ писалъ драмы и сатирическія статейки, историческія сочиненія и легонькіе стишки, критическіе разборы и сказки, издавалъ классическія сочиненія и статистическія записки, журналы и крохотныя книжонки, альманахи и учебныя тетрадки, переводилъ Гете и Эверса, Овидія и Добровскаго, Шатобріана и Шлецера. Онъ и политическій экономъ, и историкъ, и романистъ, и философъ, и стихотворецъ, и критикъ, и статистикъ, и журналистъ!.. Это въ нѣкоторомъ смыслѣ нашъ Вольтеръ, который также писалъ все и обо всемъ...“ Критикъ заключаетъ такъ: „Желая добра г. Погодину, мы напоминаемъ ему, что онъ уже сдѣлался маленькимъ Вольтеромъ, по множеству писаній своихъ. Пора бы ему извѣдать силы свои, заняться тѣмъ родомъ сочиненій, къ которому чувствуетъ онъ себя способнымъ, и оставить пастушескіе, поэтическіе и многіе другіе вѣнки...“ [36]) А передъ тѣмъ, Погодинъ, встрѣтившись гдѣ-то съ издателемъ *Московскаго Телеграфа*, отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Встрѣтился съ Полевымъ и сказалъ ему: *какъ похудѣли, много работаете*“ [37]). Любимовъ, прочитавъ Телеграфскую критику, писалъ Погодину: „какъ безсовѣстно разругалъ Полевой ваши повѣсти“ [38]). Въ то же время о повѣстяхъ Погодина въ *Телескопѣ* писали слѣдующее: „Повѣсти Погодина не могутъ быть подведены подъ одну категорію. Онѣ весьма разнообразны. Изъ нихъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ, *Черная Немочь* и *Невѣста на*

Ярмаркѣ, коей послѣднюю часть составляетъ *Счастіе въ Несчастіи*, отъ простыхъ народныхъ сценъ переходятъ къ усиліямъ рѣшить важнѣйшія задачи умственнаго и нравственнаго человѣческаго организма. *Адель* и *Сокольницкій садъ* можно назвать біографическими записками сердца. Но особенное расположеніе Погодинъ, кажется, имѣетъ къ народной повѣсти. Поприще прекрасное! У Погодина нѣтъ недостатка въ средствахъ быть вѣрнымъ живописцемъ Русскаго народнаго быта. Разработывая лоно Русской старины, онъ долженъ сжиться и свыкнуться съ духомъ, который, не умирая, вѣетъ во всѣхъ движеніяхъ нашей народной жизни. Его Русская душа умѣетъ понимать и цѣнить все Русское. Но справедливость требуетъ замѣтить, что его лучшія народныя повѣсти доселѣ изобличаютъ какую-то небрежность и неоконченность; Русская народная рѣчь, которою онъ владѣетъ легко и свободно, упадаетъ иногда до тривіальности. Это недостатокъ, происходящій, безъ сомнѣнія, отъ недосмотра, слѣдовательно, легко исправимый. Мы замѣчаемъ это потому, что надѣемся отъ Погодина многаго для Русской повѣсти“ [39]). Самъ Погодинъ остался недоволенъ этимъ отзывомъ и записалъ въ *Дневникѣ* своемъ: „Что за вздоръ написалъ Надеждинъ о повѣстяхъ моихъ“. Но это, однако, нисколько не помѣшало Погодину приняться за новую повѣсть подъ заглавіемъ *Галлеева комета* и восхищаться ею. „Переписывалъ и распространялъ *Галлееву Комету*“, читаемъ въ его *Дневникѣ*; „и потирая руки, ходилъ. Славно!.. Нѣтъ, скоты! Огонь святой горитъ во мнѣ и вамъ не потушить его“ [40]). Къ концу года эта повѣсть была написана и напечатана въ альманахѣ *Комета Бѣлы*.

Издатель альманаха получилъ эту повѣсть при слѣдующей запискѣ автора: „Прочитавъ въ статьѣ г. Перевощикова, что комета появилась въ 1758 году по предсказанію Галлея, я живо представилъ себѣ мучительное положеніе астрономовъ и написалъ эту *фантазію*. По справкѣ оказалось, что въ ней много неправды, и потому мое оправданіе только въ пословицѣ: Si non e vero, etc. Альманахъ этотъ вышелъ въ свѣтъ

въ Петербургѣ, въ началѣ 1833 года. Кромѣ Погодина въ немъ приняли участіе своими произведеніями: Булгаринъ, Вл. Глинскій, Гречъ, Сенковскій, Сомовъ, Шевыревъ, Ѳ. Н. Глинка, Деларю, М. А. Дмитріевъ, И. И. Козловъ, А. Комаровъ, Кукольникъ, М. А. Марковъ, князь Мещерскій, Печеринъ, Подолинскій, Раичъ, баронъ Розенъ, Я. И. Ростовцевъ, Тепляковъ, Хомяковъ, князь А. А. Шаховской, В. Н. Щастный, Языковъ. Замѣчательно, что въ этомъ альманахѣ Крыловъ помѣстилъ свое *Подражаніе псалму 17-му*, написанное имъ еще въ 1795 году [41]). Издателемъ этого альманаха былъ почтенный В. Н. Семеновъ, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее письмо его къ Погодину: „Вотъ вамъ экземпляръ альманаха моего, коего вы были первымъ вкладчикомъ; по полученіи письма вашего, я бросился въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія справляться о томъ, что вы поручили мнѣ; но дѣло было уже въ Архивѣ; надобно было рыться, ибо, между нами, Архивъ въ большомъ безпорядкѣ. Вы спрашиваете, что говоритъ Уваровъ? Онъ съ особенною похвалою относится объ васъ, о вашихъ познаніяхъ и ученыхъ трудахъ. Я послалъ экземпляръ Надеждину, пожалуйста, чтобы онъ не слишкомъ разбранилъ мой альманахъ. Я, право, человѣкъ миролюбивый, а потому зла не дѣлаю да и браниться не умѣю“.

Повѣсть Погодина дала поводъ графу Д. И. Хвостову писать ея автору: „Смѣю васъ чистосердечно увѣрить, что къ отрадѣ сердца моего вашу такъ-называемую фантазію о *кометѣ Галлея*, я читалъ и перечитывалъ неоднократно. Сія комета мнѣ близка по времени своего явленія, прорицаемаго ученымъ профессоромъ. Она должна была явиться предъ Нѣмецкихъ зрителей въ августѣ 1758 года; я родился въ іюнѣ 1757... Все сіе и вашъ прекрасный слогъ столько подѣйствовали на мою душу, что я, отживъ на землѣ три четверти цѣлаго столѣтія, пустился на Геликонъ, и сочиненные на комету стихи вамъ посылаю и посвящаю. Мысль моя въ томъ состоитъ, что медленіе кометы въ небесахъ не помѣшаетъ генію, въ какомъ бы то родѣ ни было, достигнуть своего предмета. Я за два

года предъ симъ имѣлъ удовольствіе къ вамъ писать о прозѣ много почитаемаго мною покойнаго Мерзлякова и о моемъ стихѣ, что Ломоносовъ шагнулъ

От бѣлыхъ водъ на Геликонъ

Вы мнѣ на сіе письмо не отвѣчали". Гоголю также понравилась эта повѣсть Погодина. «Мнѣ", писалъ онъ, „нравится *Комета Галлея*. Есть что-то чертовски-утѣшительное въ минуты нѣкоторыхъ мыслей"; но ему очень не понравился альманахъ, въ которомъ была напечатана эта повѣсть Погодина. „Литература не двигается", писалъ Гоголь А. С. Данилевскому, „пара только вздорныхъ альманаховъ вышла — *Альціона* и *Комета Бѣлы;* но въ нихъ, можетъ быть, чайная ложка меду, а прочее все деготь". Въ томъ же письмѣ, упомянувъ съ прискорбіемъ о кончинѣ Гнѣдича, Гоголь писалъ: „Какъ мухи мрутъ люди и поэты. Одинъ Хвостовъ, на зло и посмѣяніе вѣкамъ, остается твердъ и переживетъ всѣхъ" [42]).

V.

Въ это же время на поприщѣ драматической поэзіи подвизался и Хомяковъ. Въ 1832 году вышла въ свѣтъ его трагедія *Ермакъ*. Въ изданіи этого произведенія принималъ, конечно, живѣйшее участіе не самъ авторъ, а отецъ его Степанъ Александровичъ, который завязалъ по этому поводу переписку съ Погодинымъ. Его безпокоили цензурныя строгости, которымъ подверглось сочиненіе его сына, хотя и сознавалъ онъ, что авторъ самъ далъ къ нимъ поводъ. „Жаль", писалъ Степанъ Александровичъ Погодину, „что я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть, и вамъ сообщить мысль, во мнѣ родившуюся, когда я узналъ о строгостяхъ цензуры. Не говоря о либеральныхъ выраженіяхъ, которыя точно неумѣстны, ни явно, ни скрытно, и которыя предоставить надобно застрахованному *Телеграфу*, но нѣкоторыя непріятныя замѣчанія о выходкахъ на Нѣмцевъ и иностранцевъ, въ кото-

рыхъ отыскиваютъ, можетъ быть, и несуществующихъ обиняковъ, то сіе можно бы поправить статьею, въ которой бы уложить общественное мнѣніе, что никто Лифляндцевъ и прочихъ уроженцевъ западныхъ провинцій не почитаетъ Нѣмцами, а уже коренными Русскими, и что они уже заслугами общему отечеству пріобрѣли право на совершенное братство съ Россіянами“.

Когда же *Ермакъ* вышелъ въ свѣтъ, С. А. Хомяковъ поспѣшаетъ благодарить Погодина „за попеченіе его о напечатаніи“; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражаетъ сожалѣніе, что „при всей красотѣ изданія и бумаги, сбытъ сей трагедіи не такъ успѣшенъ; но сіе приписать надобно безпечности автора, который слишкомъ замедлилъ выдать оную въ печать и тогда уже когда оная потеряла приманку новизны: отъ сего же самаго, кажется, послѣдовали на нее и разборы критическіе, жестокіе, изъ коихъ безсмысленнѣйшій былъ въ *Сѣверной Пчелѣ*, за подписью *В. У.* *), ядовитый намѣреніемъ противъ автора возстановить почтеннаго И. И. Дмитріева тѣмъ, что будто въ сей трагедіи видно стремленіе затмить его стихотвореніе объ Ермакѣ. Но страннѣе всего то, что *Сѣверная Пчела* въ 1829 году столь пышно выхвалявшая сію трагедію и впечатлѣніе представленіемъ оной произведенное, взялась напечатать нынѣ новый разборъ. *Телеграфъ* былъ умѣреннѣе и отдалъ справедливость дарованіямъ автора, хотя въ разборѣ довольно безтолковомъ осуждалъ трагедію за то, что не явственно въ ней представлено покореніе Сибири. Все мечтаетъ быть историкомъ. Мой авторъ, по обыкновенію, очень равнодушенъ ко всѣмъ критикамъ“.

Но заботясь такъ объ авторской славѣ своего сына, С. А. Хомяковъ самъ пожелалъ выступить на скользское и покрытое терніями литературное поприще, довольствуясь, впрочемъ, скромною ролью переводчика съ Французскаго. Посредникомъ своимъ въ этомъ дѣлѣ онъ избралъ Погодина, которому писалъ: „Цѣлое нынѣшнее ненастное лѣто, находясь въ

*) Василія Ушакова

одиночествѣ, въ деревнѣ, дѣла званія уѣзднаго предводителя, въ которое при выборахъ меня убѣдили, не занимая меня болѣе трехъ часовъ одинъ разъ въ недѣлю, къ почтѣ, имѣлъ я все время скучать, а для уменьшенія сей скуки читать новости литературныя, ко мнѣ въ изобиліи доставленныя. Изъ числа Французскихъ больше тридцати романовъ; болѣе всего я нашелъ пріятности въ сказкахъ Рэймонда подъ названіемъ *Каменегранильщикъ*. Авторъ уже и прежде мнѣ былъ извѣстенъ своимъ романомъ задушевнымъ, который, однакоже, нѣсколько безнравствененъ, но сіи новыя его сказки сего не имѣютъ. Его слогъ не такой судорожный, какъ прочихъ нынѣ славящихся авторовъ Бальзака, Виктора Гюго, Стендаля и Сея, и не сопровождается такими ужасными событіями, въ описаніи каковыхъ тѣ находятъ наслажденіе, а такъ какъ Рэймондъ еще не извѣстенъ на Русскомъ языкѣ, то праздность и скука внушили мнѣ мысль перевести однѣ изъ его послѣднихъ сказокъ, что я и выполнилъ, и свой переводъ при семъ къ вамъ посылаю- Не угодно ли будетъ почтенному издателю *Телескопа* напечатать сію песчинку въ своемъ журналѣ, буде она не покажется ему слишкомъ неумѣстительною; если жъ онъ приметъ оную, то имя переводчика подъ нею не нужно". Но этого желанія почтеннаго старца Погодинъ, кажется, не имѣлъ возможности исполнить, ибо ни въ *Телескопѣ*, ни въ *Молвѣ* 1832 года, мы не нашли его перевода изъ Рэймонда.

Самъ же авторъ *Ермака* въ это время творилъ новую трагедію *Димитрія Самозванца* и уже въ началѣ 1832 года ее оканчивалъ. „Хомяковъ", писалъ Погодинъ Шевыреву, „пишетъ уже пятое (и послѣднее) дѣйствіе *Самозванца*" [43]); а подъ 29 января 1832 г. записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „У Хомякова принималъ рождающагося *Самозванца*". Но когда Погодину пришлось прослушать или прочитать его, то онъ отозвался такъ: „Нѣтъ: неблагоустроенное цѣлое, и драматическаго искусства ни на грошъ, а сцены блестящія, а стихъ чудо". Но отзывъ этотъ нѣсколько смягчился, когда

Погодину удалось прочесть трагедію во второй разъ: „Восхищался многими мѣстами. Это блистательная историческая хроника"; но затѣмъ Погодинъ произноситъ опять строгій приговоръ о трагедіи Хомякова: „Проспалъ и поздно пріѣхалъ къ Кобылинымъ читать *Самозванца*. Увидѣлъ всю его несообразность. Какая это трагедія"! [44]).

Окончивъ весною 1832 года *Самозванца*, Хомяковъ отправился съ нимъ въ Петербургъ, для представленія его въ Цензурный Комитетъ. Между тѣмъ, Хомяковъ съ большимъ успѣхомъ читалъ свою трагедію въ Петербургскомъ избранномъ обществѣ и князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Хомяковъ читалъ намъ свою трагедію *Дмитрій Самозванецъ*, продолженіе и въ родѣ трагедіи Пушкина, но въ ней есть болѣе лирическаго. Вообще произведеніе очень замѣчательное и показывающее зрѣющій талантъ автора. Онъ отдаетъ ее въ печать, и, кажется, она уже вышла изъ когтей цензуры съ немногими царапинами" [45]). Вообще Хомяковъ былъ очень тронутъ обычнымъ доброжелательствомъ къ нему князя Вяземскаго, и когда его *Самозванецъ* былъ уже отпечатанъ, онъ писалъ Веневитинову: „Раздай экземпляры кому слѣдуетъ. При нѣкоторыхъ прибавь фразы. Напримѣръ, если увидишь князя П. А. Вяземскаго, скажи ему, что я болѣе всѣхъ ему долженъ былъ прислать *Самозванца* потому, что никогда не могу забыть его дружеской благосклонности. Я назвалъ это фразой, но дѣйствительно это не фраза, а чистая истина. Его пріемъ много мнѣ тогда сердце отогрѣлъ".

Между тѣмъ, 20 апрѣля 1832 года, цензоръ В. Н. Семеновъ сдѣлалъ на *Самозванцѣ* свою цензорскую помѣту и Хомяковъ вернулся въ Москву, откуда писалъ А. В. Веневитинову: „Правду сказать, цензура очень была ко мнѣ милостива; только жаль, что сцену шута не пропустили, и странно, что послѣдній стихъ ей показался вреднымъ" [46]) Этотъ послѣдній стихъ заключается въ слѣдующемъ:

Ляпуновъ (одинъ).

Шуйскій князь!
Неправдою и ты достигъ престола.
И эту кровь я пролилъ для него?
О падшій вождь! Я каюсь предъ тобою.
Но день придетъ для мщенья твоего,
И злой старикъ падетъ передо мною:
(Сгубили льва, такъ справимся съ лисою[47]).

Вообще изъ Петербурга Хомяковъ вынесъ пріятное впечатлѣніе. „Поклонись отъ меня“, писалъ онъ Веневитинову, „Одоевскому и Княгинѣ. Они двое да Карамзины меня мирятъ съ Петербургомъ. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Катеринѣ Андреевнѣ Карамзиной, а Софьѣ Николаевнѣ скажи, что хотя она и сердится на мое безчувственное сердце, но я умѣю быть благодарнымъ даже и за поклонъ. Обними Мальцова, кланяйся Соллогубу“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Хомяковъ сообщаетъ Веневитинову: „Сегодня въ ночь пускаюсь въ путь въ деревню или лучше сказать въ городъ Тулу на выборы шумѣть или молчать какъ Богъ на умъ пошлетъ. Въ Москвѣ я выборы видѣлъ. Довольно шумно и любопытно, хотя не достаетъ вообще приличія и знанія дѣла. Какъ-то будетъ у насъ? По земскимъ повинностямъ поднятъ довольно важный вопросъ, только не знаю, поддержатъ ли начатое, а болѣе думаю, что затушатъ. Каковъ Панинъ! Этимъ всѣ перекликаются, кто съ радостью, кто съ досадой. Я не по дружбѣ одной принадлежу къ первымъ: мнѣ кажется что въ немъ есть и умъ, и характеръ, и правила, способныя удержать излишнюю торопливость нашихъ доктринеровъ“ [48]).

Въ августѣ 1832 года Хомяковъ вернулся въ Москву и, зайдя къ Глазунову, нашелъ у него Сибирскую Лѣтопись, по поводу коей писалъ Погодину: „Я былъ у Глазунова, любезный Михаилъ Петровичъ, и нашелъ Сибирскую Лѣтопись. Вотъ изъ нея мѣсто, которое могло бы служить славнымъ эпиграфомъ: „Аще всемогій въ Троицы прославляемый Богъ поможетъ, то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ случаяхъ и слава наша будетъ

вѣчна". Это слава казаковъ. Еслибъ можно было, то очень было бы хорошо ихъ помѣстить. Я у васъ былъ недавно и не засталъ" [49]). Между тѣмъ въ *Молвѣ* появилось слѣдующее заявленіе: „Господинъ Хомяковъ получилъ уже изъ цензуры своего *Димитрія Самозванца*, но его нельзя играть на театрѣ. Авторъ обращается теперь къ иностраннымъ исторіямъ, и, кажется, напишетъ намъ трагедію Испанскую или Итальянскую. Впрочемъ, для него это будетъ выгодно и съ другой стороны: его лиризмъ найдетъ себѣ тамъ обширное поле" [50]). Венелинъ, прочитавъ это заявленіе, писалъ Погодину: „Я узналъ изъ *Молвы*, что Хомяковъ получилъ свою трагедію. Я бы очень жалѣлъ, если онъ поспѣшитъ ее напечатать безъ перемѣны. Ей угрожаетъ историческая критика. Я хотѣлъ ему писать, чтобы обратить его вниманіе на кое-что... А впрочемъ, піеса славная" [51]).

VI.

Изъ области драматургіи, въ которой счастливые авторы срываютъ вѣнцы славы и рукоплесканія толпы, перейдемъ въ смиренную область Русскихъ Древностей, въ коей, однако, таятся живописные источники, и оплачемъ кончину Калайдовича.

Болѣзнь и нужда житейская удручали послѣдніе годы жизни сего достойнаго подвижника. Утѣшителемъ его и печальникомъ о его семействѣ оставался неизмѣнно Погодинъ, который въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, проявлялъ свою добрую душу. Въ послѣдніе скорбные дни Калайдовича, Погодинъ постоянно его навѣщалъ. Объ этихъ посѣщеніяхъ мы находимъ лаконическія записи въ *Дневникѣ* его. „Къ Калайдовичу умирающему. При мнѣ пріобщали. Умилительно. Онъ благочестивъ. Погибаетъ несчастный... Пѣшкомъ къ умирающему Калайдовичу... Умилительно. Умираетъ, а говоритъ еще о литературѣ" [52]). Между тѣмъ, нужда одолѣвала, и супруга умирающаго съ отчаяніемъ писала Погодину: „Крайняя нужда

заставляетъ меня усерднѣйше просить васъ, почтеннѣйшій кумъ Михаилъ Петровичъ. Болѣзнь Константина Өедоровича и всѣ непредвидимые случаи меня сильно разстроили. Ежели можно, одолжите мнѣ пятьдесятъ рублей. По продажѣ человѣка, котораго у меня сторговали, я вамъ съ благодарностію и прежніе заплачу" [53]). Приблизился, наконецъ, предѣлъ страданій, и 17 апрѣля 1832 года, Калайдовичъ скончался. „Такъ оканчиваютъ", замѣчаетъ съ горестью Погодинъ, „свое поприще Русскіе ученые. Похоронить нечѣмъ... Навѣстилъ вдову и брата. И этотъ хилъ. Умиралъ, говорятъ, въ бреду. Какъ я радъ, что Снегиревъ приходилъ проститься" [54]).

Между тѣмъ, Погодинъ излилъ свою скорбь въ слѣдующихъ трогательныхъ строкахъ: „Русская исторія потеряла еще одного изъ достойнѣйшихъ своихъ служителей. Константинъ Өедоровичъ Калайдовичъ скончался въ субботу на Святой недѣлѣ, въ 7 часу пополудни. Заслуги его останутся навсегда незабвенными въ лѣтописяхъ литературы. Изданіе государственныхъ граматъ въ трехъ фоліантахъ, Іоанна Эксарха, законовъ царя Іоанна Васильевича, древнихъ Русскихъ стихотвореній, Русскихъ Достопамятностей, каталога рукописей библіотеки графа Толстого, отысканіе многихъ важныхъ документовъ, которые послужили къ дополненію и объясненію нашей исторіи, собраніе драгоцѣнныхъ книгъ и рукописей для графа Румянцева, графа Толстого и Историческаго Общества—вотъ права его на общую признательность. Не говорю здѣсь о множествѣ отдѣльныхъ его статей, разсѣянныхъ по журналамъ, объ изданіяхъ чужихъ трудовъ, которые украсилъ онъ своими примѣчаніями, объ удивительномъ богатствѣ его свѣдѣній въ рукописной литературѣ, палеографіи, нумизматикѣ, касательно лицъ, мѣстъ и другихъ частныхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ. Калайдовичъ занимался Русскою Исторіею не съ склонностію, не съ охотою, не съ любовію, но *со страстію*, которая доводила его иногда даже до излишествъ. Надобно было видѣть его въ ту минуту, какъ находилъ онъ какой-нибудь камень съ древней надписью, или

важный варіантъ въ лѣтописи, или монету, укрывавшуюся дотолѣ отъ взоровъ антикваріевъ. Надо было видѣть, съ какимъ желѣзнымъ терпѣніемъ, съ какимъ напряженіемъ онъ переписывалъ своей рукою древнія рукописи, разбиралъ почерки, сравнивалъ разные списки, отмѣчалъ несходства, — словомъ, копалъ руду въ своемъ глубокомъ, мрачномъ подземельѣ. Голова кружилась, бывало, при взглядѣ на корректурный листъ Іоанна Эксарха, испещренный по широкимъ полямъ мелкими его выправками. Сіи тяжелые труды были причиною его жестокой болѣзни, и наконецъ, умственнаго разстройства, въ концѣ 1827 года. Враги распустили о немъ тогда разные *нелѣпые* слухи, коимъ сначала вѣрили иные, смѣшивая *слѣдствіе болѣзни съ причиною*, но кои впослѣдствіи были отвергнуты всѣми. Цѣлый годъ продолжалось это мучительное состояніе его души и тѣла. Пришедъ въ себя, Калайдовичъ, совершенно разслабленный, безъ состоянія, съ семействомъ на рукахъ, долженъ былъ заботиться даже о пропитаніи. Правительство исполнило предъ нимъ долгъ свой: по ходатайству нѣкоторыхъ благодѣтельныхъ особъ, онъ получилъ, впредь до возстановленія его здоровья, отъ щедротъ Государя Императора тысячу рублей, двойное жалованье съ пенсіею, какъ награжденіе за отличныя его заслуги. Но сей суммы недостаточно было на содержаніе многочисленнаго семейства, воспитаніе дѣтей, лѣченіе. Частныхъ благотворителей между богатыми людьми не нашлось, прочіе, равно какъ и родственники, могли оказывать помощь незначительную. Калайдовичъ скорбѣлъ, видя себя оставленнаго, забытаго, въ необходимости просить, кланяться, получать отказы, благодарить, безпрестанно заботился, нуждался, и наконецъ палъ жертвою своей любви къ наукѣ и несчастій, хотя, по свидѣтельству благотворительнаго врача его, г-на Маркуса (который да приметъ здѣсь благодарность отъ лица всѣхъ почитателей покойнаго), при благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ онъ могъ бы еще жить долго и украшать историческую литературу своими изысканіями.

Миръ праху твоему, мой другъ и товарищъ по наукѣ! Если при жизни ты не нашелъ себѣ должной награды, то по смерти оцѣнится вѣрнѣе твое достоинство, твое имя будетъ блистать въ лѣтописяхъ Русской Исторіи подлѣ именъ Татищева, Болтина, Бантыша-Каменскаго, Карамзина, и любознательные юноши, поучаясь твоими трудами и примѣромъ въ священномъ дѣлѣ Отечественной Исторіи, народнаго самопознанія, будутъ долго воспоминать о тебѣ съ признательностію...

Отпѣваніе тѣла будетъ совершено сего 19 апрѣля въ церкви Вознесенія, что на Малой Никитской. Почитатели покойнаго могутъ тамъ отдать ему послѣдній долгъ; клеветники и зложелатели—попросить прощенія у его праха.

Хоронить будутъ его нынѣ. Завтра несчастной вдовѣ и четверымъ сиротамъ. . но мнѣ тяжело договаривать. Желающіе могутъ присылать свои вспоможенія ко мнѣ или къ издателю *Телескопа*".

Со слезами прочелъ Погодинъ эти строки своимъ студентамъ и потомъ напечаталъ ихъ въ „*Молвѣ*". Къ этимъ строкамъ Надеждинъ съ своей стороны прибавилъ: „Французскіе журналы наполнены извѣстіями о смерти Шампольона, прославившагося въ Европѣ своими изслѣдованіями объ Египетскихъ іероглифахъ; журналисты, посреди предложеній и споровъ о сокращеніи государственныхъ расходовъ, настоятельно требуетъ у Палаты Депутатовъ помощи вдовѣ и сиротамъ его. Намъ пріятно надѣяться, что наша Русская публика приметъ къ сердцу печальное извѣстіе о смерти нашего славнаго ученаго, посвятившаго всю жизнь свою на изслѣдованіе Русскихъ іероглифовъ и разобравшаго многіе изъ нихъ" [55]).

19 апрѣля 1832 года, въ церкви, въ которой вѣнчался Пушкинъ, Большого Вознесенія, что на Никитской, происходило отпѣваніе тѣла Калайдовича. „Отнесъ его", отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „на рукахъ въ церковь и очень былъ тронутъ. Спасибо старику И. И. Дмитріеву: былъ". Погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. „Въ полѣ пахнетъ

весною“, замѣчаетъ Погодинъ. Съ похоронъ онъ отправился на обсерваторію и обѣдалъ у Перевощикова [56]).

Вскорѣ послѣ похоронъ Калайдовича, въ „*Молвѣ*“ было напечатано слѣдующее письмо къ издателю: „Въ прошедшій вторникъ въ 10 часовъ утра, идя по Никитской, нечаянно узналъ я объ отпѣваніи тѣла незабвеннаго нашего ученаго К. Ѳ. Калайдовича. Я поспѣшилъ войти въ церковь. Предполагая найти въ ней многочисленное собраніе любителей просвѣщенія, литераторовъ и особенно ученыхъ, университетскихъ, ибо, кажется, какъ бы не отдать послѣдняго знака уваженія къ тому высокому званію, которое носить, вѣроятно, сами они за честь поставляютъ, я весьма удивился, увидя только семейство покойнаго и короткихъ его пріятелей, въ это число ставлю я и васъ г. издатель, и г. Погодина. Признаюсь, что, огорчившись въ душѣ, зато съ умиленіемъ смотрѣлъ я на И. И. Дмитріева! Истинный жрецъ изящнаго умѣетъ уважать достойное во всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія“. На это письмо Надеждинъ замѣтилъ: „Издатель считаетъ за долгъ наименовать особъ, присутствовавшихъ при отпѣваніи: И. И. Дмитріевъ, А. А. Прокоповичъ-Антонскій, М. А. Дмитріевъ, М. П. Погодинъ, Д. Н. Свербеевъ, П. М. Строевъ, С. А. Масловъ, Ю. И. Венелинъ, С. Т. Аксаковъ, П. Г. Фроловъ, Н. Ѳ. Краузе, П. И. Красильниковъ, А. С. Ширяевъ; нѣсколько дамъ, которыхъ мы не имѣемъ чести знать, и нѣсколько студентовъ“ [57]).

Но и *частные благотворители изъ богатыхъ* отнеслись участливо къ осиротѣлому семейству Калайдовича, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ же Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Обѣдать въ клубѣ, а предъ обѣдомъ отвезъ тысячу рублей вдовѣ, собранныхъ Свербеевымъ“.

Съ товарищемъ по наукѣ покойнаго Калайдовича, П. М. Строевымъ, Погодинъ продолжалъ поддерживать дружескія отношенія. Наѣзжая въ Москву во время своего Археографическаго путешествія, Строевъ часто видѣлся съ Погодинымъ и мирно бесѣдовалъ о Славянскихъ древностяхъ, о Калайдо-

Миръ праху твоему, мой другъ и товарищъ по наукѣ! Если при жизни ты не нашелъ себѣ должной награды, то по смерти оцѣнится вѣрнѣе твое достоинство, твое имя будетъ блистать въ лѣтописяхъ Русской Исторіи подлѣ именъ Татищева, Болтина, Бантыша-Каменскаго, Карамзина, и любознательные юноши, поучаясь твоими трудами и примѣромъ въ священномъ дѣлѣ Отечественной Исторіи, народнаго самопознанія, будутъ долго воспоминать о тебѣ съ признательностію...

Отпѣваніе тѣла будетъ совершено сего 19 апрѣля въ церкви Вознесенія, что на Малой Никитской. Почитатели покойнаго могутъ тамъ отдать ему послѣдній долгъ; клеветники и зложелатели—попросить прощенія у его праха.

Хоронить будутъ его нынѣ. Завтра несчастной вдовѣ и четверымъ сиротамъ. . но мнѣ тяжело договаривать. Желающіе могутъ присылать свои вспоможенія ко мнѣ или къ издателю *Телескопа*".

Со слезами прочелъ Погодинъ эти строки своимъ студентамъ и потомъ напечаталъ ихъ въ „*Молвѣ*". Къ этимъ строкамъ Надеждинъ съ своей стороны прибавилъ: „Французскіе журналы наполнены извѣстіями о смерти Шампольона, прославившагося въ Европѣ своими изслѣдованіями объ Египетскихъ іероглифахъ; журналисты, посреди предложеній и споровъ о сокращеніи государственныхъ расходовъ, настоятельно требуетъ у Палаты Депутатовъ помощи вдовѣ и сиротамъ его. Намъ пріятно надѣяться, что наша Русская публика приметъ къ сердцу печальное извѣстіе о смерти нашего славнаго ученаго, посвятившаго всю жизнь свою на изслѣдованіе Русскихъ іероглифовъ и разобравшаго многіе изъ нихъ" [55]).

19 апрѣля 1832 года, въ церкви, въ которой вѣнчался Пушкинъ, Большого Вознесенія, что на Никитской, происходило отпѣваніе тѣла Калайдовича. „Отнесъ его", отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „на рукахъ въ церковь и очень былъ тронутъ. Спасибо старику И. И. Дмитріеву: былъ". Погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. „Въ полѣ пахнетъ

домомъ. Глава этого дома Дмитрій Николаевичъ Свербеевъ былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ Щербатовой. Воротясь въ 1826 году изъ-за границы, Д. Н. Свербеевъ причисленъ былъ къ Московскому Архиву Иностранной Коллегіи. Въ немъ встрѣтилъ онъ тѣхъ великосвѣтскихъ юношей, кои прославлены Пушкинымъ подъ именемъ *архивныхъ юношей*. Между ними, какъ мы уже знаемъ, еще до поступленія Свербеева въ Архивъ составился литературный кружекъ, который еженедѣльно сходился въ гостепріимномъ и просвѣщенномъ домѣ Елагиныхъ и Кирѣевскихъ у Красныхъ Воротъ. Посѣтителями гостинной Авдотьи Петровны Елагиной кромѣ архивныхъ юношей, товарищей ея сыновей, Кирѣевскихъ и друзей по литературѣ и философіи, бывали нерѣдко Несторъ Русскихъ писателей И. И. Дмитріевъ, М. А. Салтыковъ, М. Ѳ. Орловъ, и наѣзжавшіе въ Москву князь П. А. Вяземскій, В. А. Жуковскій, А. И. Тургеневъ. Тамъ бывалъ и Пушкинъ послѣ своего *Бориса Годунова* и въ первый разъ явился туда Гоголь еще до *Ревизора*. Къ этому избранному обществу присоединился и Д. Н. Свербеевъ. Положеніе свое въ этомъ обществѣ, самъ Свербеевъ опредѣляетъ такимъ образомъ: „Роль моя была такъ сказать страдательная и таковою оставалась постоянно въ полномъ смыслѣ слова. Въ это время всѣ мы безъ исключенія были еще Европейцами, а потому и журналъ, который въ 1832 году началъ издавать И. В. Кирѣевскій, былъ наименованъ *Европейцемъ*“ [62]). Но будучи Европейцами они были вмѣстѣ съ тѣмъ и коренными Русскими и живо принимали къ сердцу все Русское. Этимъ конечно объясняется самое сердечное и живое участіе почтенныхъ и просвѣщенныхъ Свербеевыхъ къ судьбѣ несчастнаго Русскаго подвижника Калайдовича и не инымъ можно объяснить самое сближеніе Свербеевыхъ съ Погодинымъ. Сохранилось письмо Д. Н. Свербеева къ Погодину, въ которомъ читаемъ: „Тутъ нѣтъ никакого недоразумѣнія, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, кромѣ того, что Тургеневъ ввелъ меня, по вѣтренности своей, въ ошибку, извѣстивъ, что пенсія Калайдовичевой уже назначена, въ то время какъ

прошеніе ея только-что препровождено было къ Вицеканцлеру. Но въ успѣхѣ просьбы ея ручаются мнѣ и Тургеневъ и Булгаковъ и князь Вяземскій Первый писалъ ко мнѣ давно уже объ этомъ, второй показывалъ письмо объ этомъ своего брата изъ Петербурга, а отъ послѣдняго вчера еще получилъ я благопріятное о дѣлѣ семъ извѣстіе чрезъ жену его княгиню Вѣру Ѳедоровну, вмѣстѣ съ ста рублями, собранными имъ для семейства Калайдовича" [63]). У Свербеевыхъ Погодинъ читаетъ своего *Петра* и производитъ этимъ чтеніемъ „великій эффектъ". У нихъ въ гостинной онъ слушаетъ и молчитъ „парадоксальные разговоры" Хомякова и Кирѣевскаго. У нихъ же онъ встрѣчался съ Чаадаевымъ и любовался его „примѣчательною физіономіею и важною рѣчью", а о себѣ же смиренно сознавалъ, что „не умѣю говорить даже о предметахъ знакомыхъ„, и Е. А. Свербеева напрасно старалась вызвать его на разговоръ [64]). Но какъ бы то нибыло, Погодинъ во всю жизнь оставался въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ Свербеевыхъ.

21 іюня 1832 г., Погодинъ познакомился съ Елизаветою Григорьевною Чертковою (рожденная графиня Чернышова), супругою Александра Дмитріевича Черткова. При первомъ своемъ знакомствѣ Е. Г. Черткова сообщила Погодину, что она просила у княжны А. И. Трубецкой его повѣстей. Въ тотъ же день Погодинъ отправился къ Аксаковымъ и у нихъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ засѣлъ за бостонъ. „Хорошъ переходъ", замѣчаетъ Погодинъ, по этому поводу. Вскорѣ онъ познакомился и съ А. Д. Чертковымъ, извѣстнымъ основателемъ библіотеки, именуемой *Чертковскою*. По показанію П. И. Бартенева, Александръ Дмитріевичъ Чертковъ родился въ Воронежѣ 19 іюля 1789 года. Дѣдъ его, Василій Алексѣевичъ, былъ тогда генералъ-губернаторомъ въ Воронежскомъ намѣстничествѣ, а отецъ Дмитрій Васильевичъ, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, девять трехлѣтій служилъ губернскимъ предводителемъ Воронежскаго Дворянства. Молодой Чертковъ получилъ самое лучшее образованіе и при томъ, живя въ Воронежѣ.

Въ этомъ городѣ въ то время дѣйствовалъ священникъ Евѳимій Болховитиновъ, впослѣдствіи Евгеній митрополитъ Кіевскій, и имѣлъ большое вліяніе на просвѣщеніе. Изъ наставниковъ Черткова наиболѣе памятны французъ Мортель и учитель Воронежскаго народнаго училища, потомъ профессоръ Харьковскаго Университета, Гавріилъ Петровичъ Успенскій, переводчикъ *Космографіи* Шмида, напечатанной въ Воронежѣ въ 1801 году и сочинитель *Опыта повѣствованія о Древностяхъ Русскихъ* (Харьковъ, 1811 г.). Нѣтъ сомнѣнія, что Успенскій пріохотилъ Черткова къ труду и заронилъ въ его душу благотворныя искры любви къ отечественной старинѣ. Въ 1809 г. Чертковъ вступилъ въ Конный Полкъ, въ которомъ и оставался слишкомъ тринадцать лѣтъ. Участіе въ великихъ событіяхъ Отечества и заграничные походы открывали ему широкую возможность самовоспитанія. Грудь его украсилась желѣзнымъ Кульмскимъ крестомъ. Въ тревогахъ походной жизни онъ не покидалъ служенія музамъ. Съ 1813 года начинается рядъ тетрадей съ его записками... Уже въ этихъ тетрадяхъ замѣчается предпочтеніе, которое онъ сталъ оказывать книгамъ о Русской Исторіи и Древностяхъ. Въ 1822 году Чертковъ вышелъ въ отставку, и два года провелъ въ Австріи, Швейцаріи и Италіи. Итальянскія Древности сдѣлались его страстью. Во Флоренціи началась его дружба съ ученымъ Себастьяномъ Чіампи, сочинителемъ важной книги о взаимныхъ сношеніяхъ Польши и Россіи съ Италіею. По возвращеніи домой, война Турецкая снова вызвала Черткова на службу. Онъ поступилъ въ гусарскій эрцъ-герцога Фердинанда полкъ и сражался подъ Силистріею. Въ 1828 году, находясь съ полкомъ въ Орлѣ, онъ женился на графинѣ Елизаветѣ Григорьевнѣ Чернышевой. По окончаніи войны, Чертковъ вышелъ въ отставку и навсегда поселился въ Москвѣ, посвятивъ жизнь свою собиранію книгъ, на всѣхъ языкахъ говорящихъ объ одномъ предметѣ, о нашей Россіи [65]). Понятно, что Погодинъ очень скоро сблизился съ Чертковыми и постоянно находилъ въ ихъ домѣ радушный пріемъ, бывъ для нихъ желаннымъ гостемъ. Въ *Дневникѣ*

Погодина мы находимъ, хотя краткія, но очень характерныя записи о первомъ знакомствѣ своемъ съ Чертковыми: „Къ Черткову. Очень мило и просто... У него прекрасное собраніе монетъ и онъ знатокъ... Познакомился ближе съ Чертковыми, которые своею простотою очень понравились... Обѣдалъ у Черткова, у котораго нахожу безпрестанно драгоцѣнности. Прекрасный человѣкъ — franc loyal" [66]).

Въ это время въ Москвѣ процвѣталъ домъ Самариныхъ. Домовладыка Θедоръ Васильевичъ Самаринъ былъ очень занятъ воспитаніемъ своихъ сыновей. Первоначальными наставниками ихъ были Пако и Надеждинъ. Первый изъ нихъ поступилъ въ домъ Самариныхъ въ 1824 году, по личному приглашенію Θ. В. Самарина, въ то время бывшаго во Франціи. Надеждинъ же преподавалъ у Самариныхъ Законъ Божій, Русскій и Греческій языки, Географію и Исторію. Такимъ образомъ, первоначальное образованіе Самариныхъ производилось дома, подъ непосредственнымъ руководствомъ ихъ отца и, по свидѣтельству Ю. Θ. Самарина, „въ совершенномъ уединеніи, внѣ всякаго товарищества". Между тѣмъ, наступало время для старшаго Самарина, Юрія, приготовляться къ университетскому экзамену [67]). Для этой цѣли были приглашаемы университетскіе профессора, а въ числѣ ихъ и Погодинъ, которые экзаменовали Юрія Самарина дома, за нѣсколько времени до публичнаго Университетскаго испытанія.

5-го апрѣля 1832 г. Θ. В. Самаринъ писалъ Погодину: „Когда вы взяли Юшино сочиненіе, я совсѣмъ забылъ о моемъ картонѣ, въ которомъ собираю я маранія моихъ дѣтей, а по сему покорнѣйше прошу васъ возвратить въ мою коллекцію домашнее наше произведеніе, которое у меня будетъ храниться до будущаго экзамена. А тогда, если вы удостоите насъ своимъ посѣщеніемъ, я вамъ предоставлю его для сравненія" [68]). Желая чѣмъ-нибудь выразить свою признательность Погодину за производимые имъ домашніе экзамены его сыну Юрію, Θ. В. Самаринъ намѣревался сдѣлать ему подарокъ, который Погодинъ почему-то затруднялся принять и вѣроятно

по этому поводу отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Сношенія дипломатическія съ Самаринымъ“ [69]). Въ отвѣтъ же на письмо Погодина Самаринъ писалъ: „Мнѣ весьма прискорбно было видѣть изъ письма вашего, что мое намѣреніе сдѣлать вамъ угодное, истолковалось иначе. Я желалъ, чтобы у васъ былъ памятникъ не только двухъ вечеровъ, которыми вы меня наградили, но произведенія моего хозяйства, ибо посланный коверъ тканъ изъ моей шерсти. Вина моя состояла въ томъ, что я будучи занятъ дѣлами, не успѣлъ вамъ объяснить сего обстоятельства. Я надѣюсь, что теперь кончилось происшедшее недоразумѣніе: вы не захотите оскорбить мое самолюбіе какъ хозяина мануфактуриста, позволите мнѣ прислать вамъ коверъ и доставите тѣмъ самымъ мнѣ удовольствіе видѣть въ вашемъ кабинетѣ мое собственное произведеніе, и надѣяться, что на будущій экзаменъ мой сынъ оправдаетъ благосклонное ваше мнѣніе на счетъ его будущихъ успѣховъ“ [70]).

Въ то же время проживалъ въ Москвѣ съ своимъ семействомъ извѣстный впослѣдствіи директоръ театровъ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ.

Въ молодости своей Гедеоновъ подвизался на военномъ поприщѣ; перейдя въ гражданскую службу, онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ пользовался покровительствомъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, который исходатайствовалъ ему званіе церемоніймейстера и управленіе Грановитою Палатою. Забота о воспитаніи сына своего Степана, познакомила Гедеонова и съ Погодинымъ, который 22 октября 1832 году записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Посѣщеніе Гедеонова. Наставленіе сыну“. Такимъ образомъ, Погодину довелось быть наставникомъ Степана Александровича Гедеонова, прославившаго впослѣдствіи свое имя въ нашей литературѣ своимъ Историческимъ изслѣдованіемъ: *Варяги* и *Русь*, въ которомъ онъ явился противникомъ Норманской системы своего наставника.

Чрезъ своего пріятеля Павла Александровича Муханова, Погодинъ сблизился съ домомъ его дяди Сергѣя Ильича Муханова. Онъ нерѣдко у нихъ обѣдалъ и въ ихъ домѣ встрѣ-

чался съ своимъ собратомъ по Университету Альфонскимъ, который былъ женатъ на сестрѣ П. А. Муханова [71]). Особенно привлекала Погодина дочь Сергѣя Ильича, Марія Сергѣевна, которую онъ находилъ „милою". Съ своей стороны, М. С. Муханова была поклонницей произведеній Погодина, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія ея строки къ нему: „Я люблю", писала она, „всѣ ваши прелестныя произведенія особенно за глубокое и чистое нравственное чувство, которымъ они запечатлѣны и за пламенный и прямой патріотизмъ, понятный моему сердцу съ самыхъ первыхъ лѣтъ моей жизни. Павелъ Александровичъ во всѣхъ письмахъ своихъ спрашиваетъ: часто ли мы имѣемъ удовольствіе видѣть васъ" [72]). Двоюродный же братъ ея, Павелъ Александровичъ Мухановъ, послѣ взятія Варшавы, будучи гвардіи полковникомъ, состоялъ при Князѣ Варшавскомъ. Живя въ Варшавѣ, онъ продолжалъ подвизаться на поприщѣ собиранія историческихъ памятниковъ, относящихся къ исторіи Россіи. Поиски его увѣнчались полнымъ успѣхомъ и когда ему удалось отыскать *Записки Жолкевскаго*, то извѣстный Польскій ученый Сенкевичъ, жившій тогда въ Парижѣ, укорялъ своихъ соотечественниковъ въ равнодушіи къ своей старинѣ: „Таилась и портилась", писалъ онъ, „отъ сырости по библіотекамъ Польскимъ, рукопись побѣдителя подъ Клушиномъ, тріумфатора надъ царями; полковникъ Россійскій находитъ ее въ Варшавѣ и тотчасъ же печатаетъ въ Москвѣ" [73]). Но кромѣ старины, Мухановъ, живя въ Варшавѣ, живо интересовался и славянствомъ и этотъ интересъ старался возбуждать и поддерживать въ своемъ другѣ Погодинѣ. „У насъ", писалъ Мухановъ изъ Варшавы, „рѣшительно все на мирномъ положеніи, и о войнѣ позабыли думать. Здѣсь все тихо и спокойно, и какъ кажется нашимъ управленіемъ довольны". По поводу письма Шафарика къ Кухарскому, Мухановъ укоряетъ Русскихъ въ равнодушіи къ Славянскому вопросу: „Шафарика", пишетъ онъ, „приглашаютъ въ Брецлавъ для занятія учреждаемой тамъ каѳедры Славянской Литературы. Каково? Въ Пруссіи заводятъ каѳедру для славянизма. Въ

Берлинъ также ищутъ профессора. Что же у васъ подремливаютъ. Жаль, что не въ Москвѣ цвѣты славянщины. Поклонитесь Хомякову если онъ возвратился" [74]). Но и въ Москвѣ въ то время начали уже разговаривать о славянствѣ. Объ одномъ своемъ посѣщеніи Аксаковыхъ, Погодинъ записалъ въ *Дневникѣ:* „Длинные разговоры о Славянской Исторіи и намѣреніе сдѣлать Славянъ существенною частію; но при этомъ Погодинъ замѣчаетъ: *Аксаковы изъ Варяговъ* [75]). Извѣстно, что родоначальникомъ фамиліи Аксаковыхъ почитается Варяжскій князь Сумонъ Африкановичъ, имя коего какъ создателя Великой церкви Успенія въ Кіево-Печерской Лаврѣ записано въ *Патерикѣ Печерскомъ.* Вмѣстѣ съ тѣмъ Мухановъ старался чрезъ Погодина заинтересовать Москву и всю Россію Польскою Литературою и Исторіею. „Маціевскій", сообщаетъ онъ Погодину, „печатаетъ 2-й томъ. Посылаю вамъ корректурные листы и копію съ письма Шафарика, вы увидите, что онъ цѣнитъ высоко твореніе Маціевскаго. Я отобралъ для васъ нѣсколько сочиненій, дабы познакомить васъ съ Польскою Литературою, въ числѣ оныхъ Исторія сей литературы профессора Бентковскаго. Я видѣлъ бумаги г. Домбровскаго, которыя хранятся въ Домѣ Общества Любителей Наукъ; въ числѣ сихъ бумагъ я нашелъ планъ атаки Праги. Суворовымъ съ подробностями, сдѣланный очевидцами, весьма любопытный, который списалъ или срисовалъ. Всѣ сіи бумаги отправятъ въ С.-Петербургъ, что по моему весьма хорошо. Чтобы вамъ нѣсколько статеекъ прислать, для журнала или календарей (но не альманаховъ), для представленія въ настоящемъ видѣ нашихъ сношеній съ Польшею въ родѣ вашей статьи. Я бы вамъ совѣтовалъ пріискать и обработать матеріалъ для Польской Исторіи, т.-е. тѣ мѣста, гдѣ оная соприкосновенна Русской, и изобразить оныя на Русскій ладъ, — а не такъ какъ это до сего времени въ Польшѣ дѣлалось, то-есть со всѣми невыгодами для насъ. Сдѣлайте сіе молча, это вамъ будетъ полезно". Въ тоже время Мухановъ хлопочетъ о распространеніи Русскихъ книгъ въ Польшѣ. „Мнѣ бы", писалъ онъ Погодину,

„весьма хотѣлось устроить въ Варшавѣ Русскую библіотеку для чтенія, и на первый случай завести въ одной изъ здѣшнихъ Польскихъ или иностранныхъ книжныхъ лавокъ продажу Русскихъ книгъ. Поговорите съ вашимъ Глазуновымъ, не можетъ ли онъ на *коммиссію* прислать нѣсколько книгъ. Я полагаю, что сдѣлавъ хорошій выборъ по нашему усмотрѣнію, можно бы продавать здѣсь Русскія книги. Здѣсь тысяча пятьсотъ чиновниковъ Русскихъ. Здѣсь сегодня вышелъ 1-й № журнала Нѣмецкаго, издаваемаго Голдманомъ, въ Русскомъ хорошемъ смыслѣ, и надѣемся, что и на Польскомъ таковой же будетъ" [76]).

Но заводя новыя знакомства, Погодинъ оставался неизмѣнно вѣренъ и старымъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. Мы уже знаемъ, что по кончинѣ княгини Е. А. Трубецкой осиротѣлое семейство ея оставило Москву и переселилось въ Берлинъ, гдѣ жили Мансуровы. Проѣздомъ туда, Трубецкіе прожили нѣкоторое время въ Петербургѣ. Но сердце Погодина все еще пылало къ княжнѣ Трубецкой. „Написалъ письмо къ Одоевской", записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „чтобы увѣдомила меня поглубже о Сашѣ". Добрая княгиня Одоевская, исполняя просьбу Погодина, писала ему, отъ 25 Января 1832 года: „Что мнѣ сказать вамъ про княжну Трубецкую? Весьма рѣдко ее вижу; она все очень грустна и не хочетъ никуда съѣздить и никого видѣть. Ихъ поѣздка въ чужіе края на нѣсколько недѣль отложена. Князь Николай Трубецкой совершенно офранцузился, даже жалко смотрѣть, тѣмъ болѣе, что онъ добрый и хорошій малый". Когда Погодинъ узналъ, что Трубецкіе уже въ Берлинѣ, онъ рѣшился написать письмо княжнѣ и въ *Дневникѣ* своемъ отмѣтилъ: „Перечелъ написанное къ Сашѣ. Ахъ зачѣмъ ты оставляешь меня. Какимъ бы счастіемъ ты насладилась со мною, въ мірѣ высокомъ". Считая неудобнымъ писать одной княжнѣ, Погодинъ вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ письмо и къ сестрѣ ея, Аграфенѣ Ивановнѣ Мансуровой. По поводу же этого письма Погодинъ записалъ въ своемъ *Днев-*

никъ: „Плутовалъ, но нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ любилъ ее, и хотя теперь меня не интересуетъ такъ извѣстіе о ней, какъ написалъ. Не грубо ли. Послалъ чрезъ Новосильцова, не придетъ ли оно въ Берлинъ къ рожденью. Можетъ быть и здѣсь судьба. Четыре мѣсяца я сбирался писать, и мѣсяцъ лежало письмо написанное. Перечитывалъ свой журналъ. Она любила меня. Воображалъ отвѣтъ“. Долго пришлось Погодину ждать отвѣта. „Ну-ка напишетъ“, мечталъ онъ, „*пріѣзжайте*“ [77]). Между тѣмъ Шевыреву Погодинъ писалъ: „Если поѣдете черезъ Берлинъ, побывай у Мансуровыхъ; тамъ и княжна Трубецкая“ [78]).

20 Октября 1832 года минулъ годъ съ кончины княгини Е. А. Трубецкой. „Я“, пишетъ Погодинъ, „какъ будто чего-то ожидалъ отъ этого дня. Не былъ ли онъ какимъ-либо срокомъ для Саши“. Въ это время Погодинъ получаетъ давно и нетерпѣливо ожидаемый отвѣтъ на свое письмо. „Прихожу отъ Чертковыхъ“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „письмо изъ конторы Всеволожскаго. Вѣрно отъ нея. Подали свѣчку. Кажется только отвѣтъ, а можетъ быть и болѣе. Нельзя не отвезти къ О. С. Аксаковой. Она въ восхищеніи“. Самъ же Погодинъ задумался о Русской Исторіи и „о письмѣ къ ней“. Отъ князя Н. И. Трубецкаго Погодинъ узнаетъ, что княжна все скучаетъ въ Берлинѣ и „хочетъ въ Петербургъ, а не въ Москву“.

Однажды, отправясь посѣтить Морошкина, Погодинъ проходилъ мимо завѣтнаго, но въ то время опустѣлаго Покровскаго дома, и онъ „смотрѣлъ въ окошки и вспоминалъ“ [79]).

Въ данное время Погодинъ съумѣлъ занять въ Московскомъ обществѣ на столько почетное положеніе, что удостоился чести быть избраннымъ въ члены Англійскаго Клуба. Московскій Англійскій Клубъ имѣетъ свою громкую исторію. Еще Карамзинъ въ своей извѣстной *Запискѣ о Московскихъ Достопамятностяхъ*, сказалъ: „Надобно ѣхать въ Англійскій Клубъ, чтобы узнать общественное мнѣніе, какъ судятъ Москвичи. У нихъ есть какія-то неизмѣнныя правила, но всѣ въ пользу Самодержавія: якобинца выгнали бы изъ Англійскаго Клуба.

Сіи правила вообще благородны" [80]). Вотъ въ это-то досточтенное собраніе вступилъ Погодинъ 24 Марта 1832 года. Въ день избранія Коробьинъ писалъ: „Сегодня я имѣть буду честь предлагать почтеннаго Михаила Петровича въ члены Англійскаго Клуба, то скажите вашимъ знакомымъ, чтобы они пріѣхали въ Клубъ въ 6 часовъ" [81]). На другой же день по избраніи, Погодинъ обѣдалъ въ Клубѣ и нашелъ, что очень хорошо. Въ это время Москву посѣтилъ заслуженный сановникъ Князь Викторъ Павловичъ Кочубей и Погодинъ нарочно отправился въ Клубъ, чтобы его видѣть. „Анъ нѣтъ", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ* „и жаль три рубля". Взамѣнъ Кочубея Погодинъ встрѣтилъ въ Клубѣ Александра Алексѣевича Муханова и бесѣдовалъ съ нимъ о Болгаріи.

VIII.

Давно уже мечталъ Погодинъ оставить Московскій Университетъ и уединиться въ свое Сѣрково; но эта мечта, какъ и многія другія, осталась безъ послѣдствія. Къ тому же дѣятельность помощника попечителя Д. П. Голохвастова была по душѣ Погодину и его сближеніе съ нимъ укрѣпили его въ Университетѣ. Эти добрыя отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ не нарушилъ и слѣдующій эпизодъ, записанный въ *Дневникѣ* Погодина и происшедшій на его лекціи: „Голохвастовъ потребовалъ репетиціи. Обидныя слова для студентовъ. По окончаніи часа движеніе. Онъ закричалъ на нихъ, а они шибче, а послѣ затихли. Мнѣ непріятно, что это сдѣлалось у меня, а въ Москвѣ заговорили Богъ знаетъ что о моемъ спорѣ". Были даже и объясненія съ Голохвастовымъ, изъ которыхъ Погодинъ вынесъ благопріятное впечатлѣніе и въ *Дневникѣ* его читаемъ слѣдующую запись: „Къ Голохвастову съ больною головою. Говорилъ онъ очень умно и благонамѣренно. Между прочимъ: „надо общія усилія, а Русскіе ученые какъ-то отклоняются. Я: есть причина. Позвольте говорить откровенно. Вы, напримѣръ, не посадили меня, я...

и пр.“ [82]). Въ концѣ же концовъ Погодинъ писалъ Шевыреву: „Помощникомъ попечителя теперь Голохвастовъ, человѣкъ благонамѣренный, твердый, отмѣнно дѣятельный и строгій, что все для насъ Русскихъ людей хорошо. Были за нимъ нѣкоторыя странности, особенно въ началѣ, но теперь дѣло обходится. Со мною онъ очень хорошъ“ [83]).

Въ теченіе академическаго 1831—1832 года, Погодинъ преподавалъ Исторію трехъ послѣднихъ столѣтій. Лекціями своими самъ профессоръ былъ недоволенъ. „Думалъ о своихъ лекціяхъ“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „онѣ сухи, а теперь только представилось средство какъ ихъ улучшить. Надо вчитываться въ предметъ, чтобы разсказывать живо, какъ будто такое происшествіе, которому былъ свидѣтелемъ [84]). Зато слушателями своими Погодинъ былъ отмѣнно доволенъ. „И что грѣха таить“, писалъ онъ о нихъ Шевыреву, „большая часть самоучки. А приставь-ка къ нимъ человѣкъ по пяти въ отдѣленіи хорошихъ профессоровъ—чудеса сотворятъ Русскіе люди! Пріѣзжайте, пріѣзжайте. Божусь тебѣ—слышать, видѣть блестящіе успѣхи производитъ во мнѣ радость живую, сладостную. А мысль, что здѣсь и моего хоть капля меду есть! Нѣтъ, ни на какомъ поприщѣ нельзя дѣйствовать благороднѣе, полезнѣе, пріятнѣе. Ученіе впередъ! Ахъ, какая будущность, работать, работать“. Объ отношеніяхъ же студентовъ къ Погодину мы читаемъ слѣдующее въ *Дневникѣ* его (подъ 27 Марта 1832 г.): „Студенты очень любятъ меня и уважаютъ. Это утѣшительно. Есть для кого работать. Нѣтъ. Прочь все. Остаюсь въ Университетѣ“.

Экзамены продолжались полтора мѣсяца, по десяти часовъ въ день и доставили великое утѣшеніе Погодину. На этихъ экзаменахъ неотлучно пребывалъ и Голохвастовъ и эта почтенная ревность помощника попечителя производила хорошее впечатлѣніе на студентовъ. Изъ своего предмета Погодинъ предложилъ экзаменаторамъ задавать каждому изъ отлично рекомендованныхъ студентовъ какой угодно годъ, дабы онъ описалъ тогдашнее политическое состояніе Европы, и экзаменаторы,

по свидѣтельству Погодина, „разинули ротъ. Въ самомъ дѣлѣ“, продолжаетъ онъ, „нынѣшній выпускъ отличный: есть молодцы“ [85]).

8 Іюля 1832 года происходилъ актъ. „Любо смотрѣть на нашихъ студентовъ“, отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „множество достойныхъ юношей“. На другой день послѣ акта, Погодинъ принималъ студентовъ, пріѣзжавшихъ благодарить его. „Молодцы“, пишетъ онъ, „замѣтилъ благородныя чувства Назарова. Онъ остается въ Университетѣ. Барышевъ, Раичъ также. Можетъ быть и Протопоповъ. Говорилъ со всѣми съ ними очень дѣльно“ [86]).

Конецъ академическаго 1831—1832 года ознаменовался прискорбнымъ событіемъ. 7 іюня скончался въ Москвѣ знаменитый профессоръ московскаго университета Николай Николаевичъ Сандуновъ и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ. По свидѣтельству признательнаго ученика его и преемника, Ѳ. Л. Морошкина, отшедшій отъ насъ „служилъ Отечеству усердно, исправлялъ должность профессора съ примѣрною точностью; при огромныхъ силахъ души вѣренъ былъ вмалѣ; подавалъ совѣты ищущимъ правосудія и защиты въ судебныхъ мѣстахъ; трудился неутомимо по самую смерть, не стяжавъ богатства, довольствовался малымъ. Сандуновъ любилъ Россію мужественною любовію и, не смотря на суемудрую эпоху своего рожденія и воспитанія, былъ проникнутъ духомъ чистѣйшей Русской народности. Онъ любилъ говорить пословицами, и былъ какъ бы живая Русская пословица, отвѣтствующая на всѣ вопросы кратко, сильно и вѣрно. Онъ любовался Русскимъ народомъ какъ старецъ любуется могучимъ юношей“; но *любуясь* Русскимъ народомъ, Сандуновъ не проповѣдывалъ сословной ненависти. Не смотря на то, что Сандуновъ „былъ немилосердъ противъ наглаго невѣжества и нарушенія дисциплины“, онъ, по свидѣтельству Морошкина, „благочестно былъ уважаемъ студентами“. Морошкинъ намъ оставилъ описаніе о самой наружности Сандунова: „по голосу профессора“, пишетъ онъ, „который раздавался рѣзко и громко, представлялось, что

Сандуновъ, до потолка ростомъ, и съ большими огненными глазами, на самомъ же дѣлѣ за профессорскимъ столомъ сидѣла едва замѣтная фигура, въ гладкомъ парикѣ, съ потухшими, но строгими глазами“ [87]). Насъ удивляетъ и даже огорчаетъ, что кончина Сандунова не произвела на Погодина никакого впечатлѣнія и не вызвала изъ души его теплаго слова воспоминанія и благодарности. Въ *Дневникѣ* свомъ онъ лаконически записалъ: *Сандуновъ умеръ* [88]).

Оплакавши кончину Сандунова, мы съ радостію привѣтствуемъ появленіе на ученомъ поприщѣ Ѳедора Лукича Морошкина. Онъ былъ ученикомъ и Погодина, хотя по лѣтамъ былъ почти ровесникомъ его *) и подобно своему учителю „на зарѣ своей учебной жизни онъ встрѣтилъ великое событіе Отечества, *1812* годъ“.

Сынъ священника Тверской епархіи Калязинскаго уѣзда села Васисина, Морошкинъ первоначальное воспитаніе получилъ въ Кашинскомъ училищѣ. Въ это время юный Морошкинъ, по его собственному свидѣтельству, „за исключеніемъ генераловъ и архіереевъ, ничего не зналъ выше учителя“. Съ такими мыслями онъ перешелъ въ Тверскую Семинарію для дальнѣйшаго образованія. Здѣсь Морошкинъ рѣшительно полюбилъ науки. Между тѣмъ слава Московскаго Университета гремѣла во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Россійской Имперіи. Въ сентябрѣ 1823 года, „безъ компаса и вѣтрилъ, съ капиталомъ изъ шестнадцати рублей ассигнаціями“, Морошкинъ отправился въ Московскій Университетъ искать просвѣщенія и „послѣ долгихъ размышленій“ рѣшился вступитъ въ факультетъ Этико-Политическій, въ которомъ слушалъ: Сандунова, Цвѣтаева, Шлецера, Василевскаго, Малова, Каченовскаго, Мерзлякова, Давыдова, Гаврилова и Погодина. Сильно врѣзалось въ памяти Морошкина первое впечатлѣніе, произведенное на него лекціею Мерзлякова объ одѣ Державина *Богъ*. „Чистосердечно говоря“, свидѣтельствуетъ Морошкинъ, „отроду не слыхалъ такой величественной декламаціи и такого могу-

*) Морошкинъ родился въ 1804 году.

щественнаго дара импровизировать. Голосъ у Мерзлякова былъ теноръ-басъ, глуховатый, гибкій и благородно-унылый; искусство управлять голосомъ было чрезвычайное. Этотъ голосъ производилъ на слушателя дѣйствіе, подобное раскатамъ грома, теряющагося въ горизонтѣ. Всѣ сочиненія Мерзлякова ничего не значатъ въ сравненіи съ его живою, изустною рѣчью. Вдохновеніе было выше теоріи Эшенбурга и Баттё. Ораторъ выходилъ изъ аудиторіи, сопровождаемый единодушнымъ сознаніемъ слушателей: какой прекрасный человѣкъ, какая чистая душа Алексѣй Ѳедоровичъ!" Очевидно на будущаго юриста лекціи Мерзлякова произвели сильное и благодѣтельное впечатлѣніе и возжгли въ душѣ его тотъ божественный огонекъ, который никогда и не потухалъ въ немъ. Въ 1832 году Московскій Университетъ публиковалъ программу для желающихъ занять каѳедру правъ знатнѣйшихъ древнихъ и нынѣшнихъ народовъ [89]). Морошкинъ явился соискателемъ. И въ эту трудную и рѣшающую минуту жизни ему дружелюбно протягиваетъ руку помощи Погодинъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая запись его *Дневника*: „Съ Морошкинымъ о его конкурсѣ. Онъ мой ученикъ, и я радъ его хоть профессорству".

Привѣтствуя и поддерживая новыхъ дѣятелей, выступающихъ на поприще наукъ, Погодинъ оставался, какъ мы уже неоднократно замѣчали, неизмѣнно вѣренъ своимъ старымъ товарищамъ и друзьямъ и принималъ сердечное участіе не только въ ихъ успѣхахъ и неудачахъ на поприщахъ общественномъ или ученомъ, но и принималъ живѣйшее участіе въ ихъ дѣлахъ житейскихъ, такъ сказать обыденныхъ. Такъ, въ это время почтенный А. М. Кубаревъ обзаводился домкомъ и Погодинъ „ходилъ на постройку". Зайдя оттуда къ нашей старинной знакомой Аннѣ Васильевнѣ Кубаревой, Погодинъ съ соболѣзнованіемъ замѣчаетъ: ее „губитъ сынъ своимъ скряжничествомъ. Это болѣзнь. Домой разскислый". Огорчаясь этимъ недостаткомъ своего друга, Погодинъ началъ ему проповѣдывать *противъ скупости*. На это Кубаревъ простодушно

замѣтилъ проповѣднику: *вѣдь и тебя называютъ скупымъ*. Вскорѣ послѣ того Погодинъ отправился подѣлиться съ Кубаревымъ какою-то новою мыслію, пришедшею ему въ голову, но Кубаревъ разочаровалъ его указаніемъ: „Да эта мысль есть у Вольтера. Полно — правда-ль". Наканунѣ Преображенія 1832 года, домъ Кубарева былъ уже отстроенъ и Погодинъ ходилъ смотрѣть его домъ и садикъ" [90]).

IX.

На каникулярное время 1832 года, Погодинъ уединился въ свое Сѣрково. Въ это время Аксаковы были озабочены опредѣленіемъ своего старшаго сына Константина въ Университетъ и для приготовленія къ экзамену они упросили Погодина взять его съ собою въ Сѣрково, гдѣ жилъ также и Венелинъ вмѣстѣ съ Погодинскимъ пансіономъ, въ которомъ онъ былъ учителемъ. Съ плачемъ разстались Аксаковы съ своимъ возлюбленнымъ сыномъ. „Вчера мнѣ было", писала О. С. Аксакова Погодину (отъ 10 іюля 1832), „очень грустно, любезный другъ нашъ Михаилъ Петровичъ! Нынче я гораздо спокойнѣе. Только бы Костенька былъ здоровъ, я могу не видѣть его мѣсяцъ. Мнѣ хочется пѣшкомъ сходить къ Троицѣ, и не ближе Августа соберусь. Отдаю Костеньку въ полную вашу волю, а вы будьте съ нами искренны на его счетъ". Съ своей стороны С. Т. Аксаковъ писалъ: „Не скрою отъ васъ, любезный другъ Михаилъ Петровичъ, что мы грустимъ въ разлукѣ съ Костей. А мать всю ночь не спала и боялась, что вы запоздали, что Константинъ простудился и пр. и пр. Его пребываніе у васъ для насъ очень важно во многихъ отношеніяхъ; признаюсь, что кромѣ васъ я никому бы не ввѣрилъ Костю; съ нимъ возиться и скучно, я это знаю. Вы намъ сдѣлали одолженіе, за которое благодарить словомъ нельзя. Прошу васъ объ одномъ, не пускать его стрѣлять ни съ кѣмъ: у васъ охотники есть, но я мало довѣряю ихъ осторожности. Когда вы вздумаете въ Москву, то возьмите и Костю. Но

едва ли мы сами не вздумаемъ въ Троицѣ, тогда и его туда же можно прислать". На успокоительное письмо Погодина, С. Т. Аксаковъ отвѣчалъ: „Письмо ваше любезный другъ о Костѣ, не только насъ утѣшило, но восхитило, и мы не думаемъ грустить, а радуемся. Я никогда, ни минуты не сомнѣвался, что вы для моего Кости сдѣлаете болѣе добра въ будущемъ, нежели я могу сдѣлать". Но по мѣрѣ того какъ приближалось время университетскихъ вступительныхъ экзаменовъ, С. Т. Аксаковъ приходилъ въ раздуміе. „Вижу", писалъ онъ Погодину, „изъ письмеца вашего, что вы предполагаете, что Костя будетъ держать экзаменъ въ студенты нынѣшній годъ, но я хочу это отложить до будущаго года. Вотъ мои причины: 1) У насъ нѣтъ свидѣтельства о крещеніи его: по разнымъ обсоятельствамъ до сихъ поръ отыскать его не могутъ; но свидѣтельство о дворянствѣ есть, а здѣсь можно взять и свидѣтельство о нашей свадьбѣ, а потому, я думаю это препятствіе не важно. 2) Я считаю, что Костенька не готовъ. 3) Знаю его робость и увѣренъ, что теперь какъ не выдержитъ экзамена, хотя бы и могъ: это произведетъ на него весьма дурное впечатлѣніе; побывъ же годъ слушателемъ, онъ привыкнетъ и на будущій годъ съ увѣренностію приступитъ къ экзамену: за годомъ я не гонюсь; черезъ три за то можетъ выдержать кандидатскій экзаменъ; при томъ нужны: Физика, Законъ Божій, Священная Исторія, которыхъ онъ не знаетъ".

Самъ же Погодинъ въ своемъ Сѣрковѣ мало занимался, но много мечталъ и между прочимъ о женитьбѣ. Съ большимъ удовольствіемъ гулялъ, ѣздилъ на сѣнокосъ и смотрѣлъ на дѣтей. Разбирая однажды свои *Афоризмы*, Погодинъ, откинувъ всякую скромность, замѣтилъ: „вотъ еще книга Европейская!" Среди же размышленій о теоріи Исторіи, онъ не обинуясь воскликнулъ: „Нѣтъ, господа, я буду непремѣнно переднимъ человѣкомъ въ Русской Литературѣ нашего времени", при этомъ „началъ потирать руки и ходить". Это, по его замѣчанію, „признакъ вдохновенія". Въ то же время онъ

перебиралъ свои повѣсти и ими остался доволенъ. „Ей Богу много хорошаго", замѣчаетъ онъ [91]).

Теперь скажемъ и о наставникѣ Погодинскаго пансіона, который вмѣстѣ съ своими учениками водворился на лѣто въ Сѣрковѣ.

Мы уже знаемъ, что Ю. И. Венелинъ вернулся изъ своего путешествія въ болѣзненномъ состояніи, поселился у Погодина и занялъ должность учителя въ его Пансіонѣ. Кромѣ того онъ давалъ уроки въ разныхъ домахъ и между прочими у Аксаковыхъ. Съ Погодинымъ у него были отношенія неровныя и нерѣдко происходили столкновенія. Венелинъ не рѣдко пропадалъ изъ дома и это очень тревожило Погодина: „Господи, Боже мой!" восклицаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „да когда я устроюсь". Не смотря на все это, Погодинъ принималъ самое сердечное участіе въ дѣлахъ Венелина: „Думалъ", писалъ онъ, „объ отношеніяхъ Венелина къ Академіи и писалъ письмо за него. Ничего нельзя втолковать ему. Вотъ подвигъ въ формулярный списокъ моей совѣсти" [92]). Но всѣ эти шероховатости Венелина объясняются и оправдываются болѣзненнымъ его состояніемъ, что очень хорошо сознавалъ и самъ онъ. „Какъ я жалѣю", писалъ онъ Погодину, „что не послѣдовалъ доброму совѣту І. Е. Дядьковскаго лѣчить себя. Я пренебрегъ лѣченіемъ въ надеждѣ, что пройдетъ отъ движенія. Вся, то бѣда отъ физическаго; я тебѣ сказывалъ, что стражду сердцемъ. Происходитъ біеніе самое непріятное. Ты не можешь вообразить себѣ всю несносность страданія въ эту пору.... Въ этомъ положеніи не достаетъ только чего-либо посторонняго, чтобы состряпать комедію. Чѣмъ болѣе наблюдаю за собою, тѣмъ болѣе высказывается непріятность моего положенія. Ты худо, однако, сдѣлалъ, любезный Михаилъ Петровичъ, что пришелъ съ упреками въ то время, когда я находился въ раздраженіи и страданіи. Твое доброе слово для меня всегда пріятно, но оно не дѣйствуетъ такъ хорошо, какъ иногда и доброе лѣкарство не въ свое время. Ты представь себѣ какъ убійственна можетъ быть та тоска, которая заста-

едва ли мы сами не вздумаемъ къ Троицѣ, тогда и его туда же можно прислать". На успокоительное письмо Погодина, С. Т. Аксаковъ отвѣчалъ: „Письмо ваше любезный другъ о Костѣ, не только насъ утѣшило, но восхитило, и мы не думаемъ грустить, а радуемся. Я никогда, ни минуты не сомнѣвался, что вы для моего Кости сдѣлаете болѣе добра въ будущемъ, нежели я могу сдѣлать". Но по мѣрѣ того какъ приближалось время университетскихъ вступительныхъ экзаменовъ, С. Т. Аксаковъ приходилъ въ раздуміе. „Вижу", писалъ онъ Погодину, „изъ письмеца вашего, что вы предполагаете, что Костя будетъ держать экзаменъ въ студенты нынѣшній годъ, но я хочу это отложить до будущаго года. Вотъ мои причины: 1) У насъ нѣтъ свидѣтельства о крещеніи его: по разнымъ обсоятельствамъ до сихъ поръ отыскать его не могутъ; но свидѣтельство о дворянствѣ есть, а здѣсь можно взять и свидѣтельство о нашей свадьбѣ, а потому, я думаю это препятствіе не важно. 2) Я считаю, что Костенька не готовъ. 3) Знаю его робость и увѣренъ, что теперь какъ не выдержитъ экзамена, хотя бы и могъ: это произведетъ на него весьма дурное впечатлѣніе; побывъ же годъ слушателемъ, онъ привыкнетъ и на будущій годъ съ увѣренностію приступитъ къ экзамену: за годомъ я не гонюсь; черезъ три за то можетъ выдержать кандидатскій экзаменъ; при томъ нужны: Физика, Законъ Божій, Священная Исторія, которыхъ онъ не знаетъ".

Самъ же Погодинъ въ своемъ Сѣрковѣ мало занимался, но много мечталъ и между прочимъ о женитьбѣ. Съ большимъ удовольствіемъ гулялъ, ѣздилъ на сѣнокосъ и смотрѣлъ на дѣтей. Разбирая однажды свои *Афоризмы*, Погодинъ, откинувъ всякую скромность, замѣтилъ: „вотъ еще книга Европейская!" Среди же размышленій о теоріи Исторіи, онъ не обинуясь воскликнулъ: „Нѣтъ, господа, я буду непремѣнно переднимъ человѣкомъ въ Русской Литературѣ нашего времени", при этомъ „началъ потирать руки и ходить". Это, по его замѣчанію, „признакъ вдохновенія". Въ то же время онъ

вологи. Maréchal, по настоящему *марежалекъ* значитъ *конный воинъ;* оба слова объяснилъ á la Dobrovsky“. Въ другомъ своемъ письмѣ Венелинъ сообщаетъ Погодину: „Духъ Руси, и духъ Польши когда-то находились на одной точкѣ, но въ послѣдствіи разрознились. Причина, давшая первое движеніе Польскому духу, должна была погубить его; та же причина отрицательно спасла и возвысила Россію. Я схватилъ самую существенную характеристику. Ты кое-что читалъ изъ моихъ общихъ философическихъ мыслей объ исторіи Руси; иное я послѣ прибавилъ, а иное у меня въ башкѣ. Я чувствовалъ, что чего-то у меня въ этомъ недостаетъ; и вообрази, эта мысль мелькнула на встрѣчу тѣмъ, слилось и вотъ великолѣпное цѣлое, которое, если обработать, то представитъ полную философическую Исторію (въ 300 или 400 стр.) Руси, снятую съ натуры. И это цѣлое, если желать совершенства Русской Исторіи, и Исторіи всѣхъ Славянъ, будетъ въ оной первымъ руководителемъ. Господь такъ и осыпаетъ своими милостями. Право, Уваровъ на свои двѣсти тысячъ лучше сего не выдумаетъ. Еще, *рѣшительно смѣшно начинить Русскую Исторію съ Рюрика*, ибо большую часть Русскихъ судьбинъ можно себѣ объяснить только изъ зарюриковской эпохи. Это мое цѣлое есть мой livre d'or. Но Господь знаетъ, состоится ли оно когда-либо. Еще страннѣе и то, что лучшею долею моихъ открытій я обязанъ обращенію съ юнымъ женскимъ поломъ. Поди, толкуй и объясни себѣ!! Впрочемъ, очень естественно, но ты этого не поймешь“. Для ученыхъ занятій, Венелину понадобилось съѣздить къ Троицѣ. „Мнѣ нужно“, писалъ онъ отсутствующему изъ Сѣркова Погодину, „непремѣнно къ Троицѣ, ибо безъ Приска, Петра Магистра и Менандра обойтись рѣшительно нельзя“. О своемъ пребываніи въ обители преподобнаго Сергія Венелинъ подробно писалъ Погодину: „Отправился я пѣшкомъ къ Троицѣ, взявъ съ собою Бѣликова и Петрушу; прибылъ ввечеру въ 6-мъ часу и расположился въ монастырской гостинницѣ. На другой день въ 6 часовъ послалъ я *Бомаръ* при запискѣ къ отцу Голубинскому, прося его

назначить мнѣ время для посѣщенія его. Отвѣчалъ, что самъ будетъ у меня передъ вечернею. Я между тѣмъ отслушавъ обѣдню, въ ожиданіи пустился бродить въ сопровожденіи Бѣликова, по монастырю и посаду. Возвратившись и наскучивъ ожиданіемъ Голубинскаго, я отправился къ нему. Засталъ за бумагами. Просилъ, безъ церемоніи, побывать у него. Мнѣ совѣстно было наскучать занятому человѣку, который впрочемъ утромъ сказалъ мальчику, что меня не имѣетъ чести знать. Однако ввечеру онъ свелъ меня въ библіотеку, въ коей отыскалъ я Приска. Бросился съ жаромъ ночью и днемъ выписывать; но къ несчастью денегъ не стало еще на одни сутки, и я принужденъ былъ прекратить выписки. Въ семъ фоліантѣ кромѣ подлинныхъ записокъ Приска, находятся записки и не менѣе важныя, какъ и Прискъ: Петра Магистра, Малха, Олимпіодора и извлеченія изъ Суиды, и еще кое-что. По сему книга эта для меня величайшей важности. Если неудастся поработать мнѣ надъ нею недѣльку, то я не стану и приниматься за II-й томъ. Стриттеръ не во всемъ вѣрно передалъ текстъ Приска, почти половину въ сокращеніи; многое важное у Приска у него выброшено. Прискъ и такъ кратокъ, по сему нечего было сокращать. Вообще же у самого Приска дѣла Гунновъ еще величественнѣе, и чисто Европейское. Стриттеръ выбросилъ весь разговоръ Приска съ сказавшимъ ему: Χαῖρε! о нравственно-политическомъ состояніи обоихъ государствъ. Тѣ однако записки, которыя я помѣстилъ въ *Болгарахъ* изъ Стриттера, довольно близко выражаютъ смыслъ подлинника. Хотя впрочемъ не буквально. Впрочемъ, необходимо имѣть полный и точный переводъ сего очевидца; или же исправить мой—при прибавленіи мѣстами Греческаго текста. Вотъ еще тебѣ гостинецъ изъ Приска же: Βλήδας, братъ Аттилы, и Βλήδας готъ и епископъ, аріанецъ, посланный Валентиніаномъ въ Африку, для укрощенія Генсерика. Чудеса да и только! Эти подтвержденія даже утомляютъ меня, вмѣсто того, чтобы ими восхищаться. Я оставилъ Троицу въ тотъ же день, побывавъ еще разъ въ библіотекѣ, въ коей справлялся

еще о многихъ другихъ древнѣйшихъ писателяхъ, отъ коихъ зависитъ участь Русской Исторіи. Не знаю, какое вырою ей направленіе, по крайней мѣрѣ предчувствую ясное, прочное, блестящее, имѣющее вліяніе на судьбу Европы и Римскаго міра. Въ Хотьковѣ схимница благословила меня иконою, которую я сохраню. Тамъ я ночевалъ".

По возвращеніи въ Сѣрково, Венелинъ былъ огорченъ полученіемъ непріятной бумаги изъ Академіи, въ которой, какъ сообщаетъ онъ Погодину „прочелъ довольно горечи и для души". Въ томъ же письмѣ Венелинъ пишетъ: „Въ первой досадѣ и огорченіи я чуть-чуть не бросилъ въ огонь и Приска и Волгу. Ужели не проклинать мнѣ той минуты, въ которую мое сумасбродство свело меня съ пути, по коему пустился на изысканія и вояжи? Не въ томъ дѣло, что Академія требуетъ, но въ томъ только, что не даетъ кончить, въ томъ, что желаетъ видѣть какъ полезны мои матеріалы, statu quo. Я этого вовсе не понимаю; тутъ что-то не чисто. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, кажется, все утихло, кажется упросили было не мѣшать мнѣ кончить, уже коечто оканчивалъ я, и вишь объявленіе въ *Телескопѣ* помѣшало. Теперь только я замѣчаю, что тамъ ты изъявилъ *сожалѣніе*; это конечно и мнѣ носъ, но думаю съ доброй стороны. Ей-ей доведутъ до крайности. Очевидно, что Академія и не думаетъ о моихъ выводахъ; но если ей не хочется ничего систематическаго, обработаннаго, то по крайней мѣрѣ честь моя не позволяетъ мнѣ послать ей одну гниль. Или ужели, сверхъ моей жертвы хочется ей объявить меня несостоятельнымъ. Но развѣ мнѣ трудно было послать необходимую кипу бумаги, еслибы я хотѣлъ прослыть только путешественникомъ, или избавиться отъ труда или полезныхъ свѣдѣній, т.-е. еслибы я былъ просто безчестнымъ человѣкомъ. Несмотря на сіи отказы въ пособіи, я не надѣялся даже на оныя, готовъ былъ еще томиться два года. Или развѣ Академія не желаетъ знать непонятныхъ словъ въ грамотѣ; имѣть Болгарской грамматики, какова бы она ни была?

Все это наводитъ на меня кучу черныхъ мыслей, и ужели трудъ мой можетъ быть оцѣненъ при такомъ къ нему равнодушіи? Что то да не чисто" [94]). Дѣйствительно, въ *Телескопѣ*, какъ упоминаетъ Венелинъ въ своемъ письмѣ, была напечатана статья, подъ заглавіемъ: *Открытіе г. Венелина*, въ которой помѣщенъ списокъ грамотъ, собранныхъ нашимъ путешественникомъ въ Болгаріи, Молдавіи и Валахіи. „Вообще должно сказать", заявляется въ заключеніи этой статьи, „что ученое путешествіе г. Венелина, о которомъ до сихъ поръ, *къ сожалѣнію*, такъ мало извѣстно, обѣщаетъ пролить много, много свѣта на нашу древнюю письменность" [95]). По всѣмъ вѣроятіямъ эта статья *Телескопа* дала поводъ Академіи предъявить Венелину требованіе отчета. Это требованіе Академіи до такой степени удручило Венелина, что онъ писалъ Погодину: „Все еще не могу избавиться отъ моей убійственной тоски, почти цѣлую эту ночь пробросался я съ бока на бокъ, какъ рыба на верши—чортъ побери: отъ тоски переходить къ пьяной веселости".

Къ своей педагогической дѣятельности Венелинъ относился очень неравнодушно. „Для меня ученіе", писалъ онъ Погодину, „есть одна изъ труднѣйшихъ работъ; если я въ этой работѣ, то весь въ ней и никогда не могу по сему пройти лекцію хладнокровно".

Во время безпрестанныхъ отлучекъ Погодина изъ Сѣркова, Венелинъ занимался и хозяйственною частью въ помѣстьѣ своего пріятеля. Это свидѣтельствуютъ его письма. „Здравствуй другъ мой широкоплечій", писалъ онъ Погодину, „каково Господь тебя милуетъ? Мы слава Богу здоровы и учимся. Я однако немного зачахнулъ! Скучно жить на свѣтѣ. Все дождь идетъ и не даетъ высохнуть снопамъ, давно уже сжатымъ. Плотину опять было прорвало. Въ понедѣльникъ староста ѣздилъ въ нашу столицу Дмитровъ продавать известь, за которую препровождаю здѣсь девяносто ассигнаціями. По требованію повара велѣлъ купить пол-пуда говядины, да крупчатой, да полчетверика каши матери нашей". Въ другомъ

письмѣ его къ Погодину читаемъ: „Овса три только десятины не сжато, а девять сжато. За двѣ коровы даютъ восемьдесятъ рублей. Мужики говорятъ, что не умѣютъ опредѣлить цѣны. На-дняхъ я прогуливался по деревнѣ; мужичковъ поразила вѣсть, что лишаются лѣса; нѣкоторые даже тужатъ, преимущественно крайніе, у коихъ нѣтъ ни избъ хорошихъ, ни дворовъ“ [96]).

Вообще сельское хозяйство у Погодина не процвѣтало и онъ безпрестанно получалъ извѣстіе и о дурномъ управленіи своего помѣстья. Личныя переговоры его съ крестьянами обыкновенно были безуспѣшны. „Съ мужиками о лѣсѣ“, записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „не ладится. Теперь пропустили время рубить“ [97]).

Въ августѣ 1832 года, Погодинъ переѣхалъ въ Москву и оттуда писалъ Шевыреву: „Я здоровъ, переѣхалъ изъ деревни“ [98]). Вмѣстѣ съ Погодинымъ вернулся въ Москву и Константинъ Аксаковъ, который въ это время вступилъ въ Университетъ. Въ *Воспоминаніяхъ* его мы читаемъ: „Я поступилъ въ студенты пятнадцати лѣтъ прямо изъ родительскаго дома. Это было въ 1832 году. Переходъ былъ для меня очень рѣзокъ. Экзаменъ, публичный экзаменъ,—явленіе доселѣ для меня незнакомое, казался для меня страшенъ. А я притомъ съ моимъ азомъ долженъ былъ первый открывать всякій разъ рядъ экзаменующихся,—но все прошло благополучно, и моя крайняя застѣнчивость не обратилась для меня въ помѣху къ поступленію въ Университетъ“ [99]). Благополучный исходъ экзаменовъ Константина Аксакова былъ большимъ счастіемъ для его семейства, и подъ 17 августа 1832 года Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Пріѣхалъ Костя. Смотрѣлъ на радость Ольги Семеновны“.

По возвращеніи въ Москву изъ Сѣркова, Венелинъ почему-то поселился у С. Т. Аксакова. Поздравляя Погодина съ имянинами онъ писалъ ему: „Поздравляю и цѣлую тебя со днемъ Ангела. И вмѣстѣ помиримся... Скука начала съѣдать меня. Строевъ своимъ извѣстіемъ о человѣкѣ, который

въ глаза издѣвался надо мною, разъярилъ во мнѣ воспоминаніе, котораго я всячески стараюсь избѣгать. Это меня согнуло. Вотъ и все" [100]).

X.

Въ *Обозрѣніи публичнаго преподаванія наукъ въ Московскомъ Университетѣ* въ 1832—1833 году, значится, что Погодинъ „преподаетъ въ Нравственно-Политическомъ Отдѣленіи Исторію Государства Россійскаго по Карамзину". Этимъ былъ очень недоволенъ Каченовскій; но Погодинъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что Каченовскій „сталъ жалокъ своею желчью. Онъ разстроитъ свое здоровье" [101]). Шевыреву же Погодинъ излагаетъ программу своего будушаго преподаванія: „Хочется", пишетъ онъ, „пройти Русскую Исторію въ родѣ Гизо. Какъ удивились бы иностранцы нашей Исторіи—настоящая Америка для нихъ. Накопилось у меня много. Кстати же я буду читать на слѣдующій годъ Русскую Исторію, все еще какъ адъюнктъ въ Политическомъ отдѣленіи" [102]).

Въ это время, одинъ изъ любимыхъ учениковъ Каченовскаго, Михаилъ Степановичъ Гастевъ, издалъ въ свѣтъ „*Разсужденіе о причинахъ, замедлившихъ гражданскую образованность въ Русскомъ государствѣ до Петра Великаго* (М. 1832). Разсужденіе это было написано для полученія степени магистра Словесныхъ наукъ. По свидѣтельству Надеждина, „Гастевъ благополучно вышелъ изъ законной, академической битвы. Но обнаживъ свое спорное сочиненіе отъ всякаго характера офиціальности и пустивъ въ публику, за предѣлы университетскаго каруселя, онъ не долженъ удивляться, если сыщутся новые противники, кои захотятъ съ нимъ перевѣдаться, не для того, чтобъ оспорить у него заслуженную награду, но изъ любопытства, какъ твердо логическое вооруженіе, въ коемъ онъ являлся на ратоборство. Офиціально увѣнчанная побѣда не законъ для публики. Извѣстная диссертація Руссо о *Вредѣ Просвѣщенія* была также увѣнчана въ академическомъ конкурсѣ и, однако,

сей вѣнецъ истерзанъ всеобщимъ крестовымъ ополченіемъ современниковъ и потомства".

Такимъ противникомъ Гастева внѣ стѣнъ Университета явился Погодинъ и въ *Телескопѣ* напечаталъ опроверженіе на это магистерское *разсужденіе*. Читая это опроверженіе, мы знакомимся со взглядомъ Погодина на Русскую Исторію. „Начну", пишетъ онъ: „съ задачи разсужденія: вотъ липа и вотъ бузина. Липа выросла въ двадцать лѣтъ, а бузина въ два года. Спрашивается: какой ботаникъ затѣетъ изслѣдовать, почему первое растеніе росло такъ долго, а второе скоро? Какой садовникъ углубится въ разсужденіе, что этотъ ненастный вторникъ былъ вреденъ для бузины, а та ясная середа способствовала много развитію липы? Это сравненіе можно приложить къ исторіи государствъ. Къ чему намъ разсуждать: какія причины ускорили развитіе ихъ образованности, и какія замедлили? Дѣло исторіи состоитъ только въ томъ, чтобъ выразумѣть, какъ все происходило, что за чѣмъ слѣдовало, какія причины имѣло то или другое слѣдствіе, а не толковать, какъ могло бы быть лучше или хуже. Иначе мы, люди близорукіе, станемъ безпрестанно спотыкаться, или по-крайнѣй мѣрѣ, пересыпать изъ пустого въ порожнее.

Итакъ, скажутъ: нѣтъ причинъ, замедляющихъ, ускоряющихъ? И такъ, Петръ Великій не былъ причиною, ускорившею Русскую образованность?—А почему знать, чтобъ Софія не сдѣлала того же, или чтобъ тоже самое не произведено было въ теченіи времени (1689 - 1762)?

Вотъ при какомъ горельефѣ невозможно опредѣлить въ точности участія; чтожъ сказать о прочихъ происшествіяхъ и лицахъ, ближе подходящихъ къ естественному уровню? Вотъ и происшествіе для примѣра. Московскій пожаръ 1812 года, по мнѣнію Наполеона, Наполеона, прозорливѣйшаго политика (а съ нимъ согласились и всѣ Европейцы) - отодвинулъ Россію на двѣсти лѣтъ; но у насъ воочію что совершается?—Ужасное время Самозванца дало Россіи великихъ Романовыхъ, Петра. Слѣдовательно въ диссертаціи г. Гастева: положеніе I:

въ глаза издѣвался надо мною, разъярилъ во мнѣ воспоминаніе, котораго я всячески стараюсь избѣгать. Это меня согнуло. Вотъ и все" [100]).

X.

Въ *Обозрѣніи публичнаго преподаванія наукъ въ Московскомъ Университетѣ* въ 1832—1833 году, значится, что Погодинъ „преподаетъ въ Нравственно-Политическомъ Отдѣленіи Исторію Государства Россійскаго по Карамзину". Этимъ былъ очень недоволенъ Каченовскій; но Погодинъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что Каченовскій „сталъ жалокъ своею желчью. Онъ разстроитъ свое здоровье" [101]). Шевыреву же Погодинъ излагаетъ программу своего будушаго преподаванія: „Хочется", пишетъ онъ, „пройти Русскую Исторію въ родѣ Гизо. Какъ удивились бы иностранцы нашей Исторіи—настоящая Америка для нихъ. Накопилось у меня много. Кстати же я буду читать на слѣдующій годъ Русскую Исторію, все еще какъ адъюнктъ въ Политическомъ отдѣленіи" [102]).

Въ это время, одинъ изъ любимыхъ учениковъ Каченовскаго, Михаилъ Степановичъ Гастевъ, издалъ въ свѣтъ „*Разсужденіе о причинахъ, замедлившихъ гражданскую образованность въ Русскомъ государствѣ до Петра Великаго* (М. 1832). Разсужденіе это было написано для полученія степени магистра Словесныхъ наукъ. По свидѣтельству Надеждина, „Гастевъ благополучно вышелъ изъ законной, академической битвы. Но обнаживъ свое спорное сочиненіе отъ всякаго характера офиціальности и пустивъ въ публику, за предѣлы университетскаго каруселя, онъ не долженъ удивляться, если сыщутся новые противники, кои захотятъ съ нимъ перевѣдаться, не для того, чтобъ оспорить у него заслуженную награду, но изъ любопытства, какъ твердо логическое вооруженіе, въ коемъ онъ являлся на ратоборство. Офиціально увѣнчанная побѣда не законъ для публики. Извѣстная диссертація Руссо о *Вредѣ Просвѣщенія* была также увѣнчана въ академическомъ конкурсѣ и, однако,

сей вѣнецъ истерзанъ всеобщимъ крестовымъ ополченіемъ современниковъ и потомства“.

Такимъ противникомъ Гастева внѣ стѣнъ Университета явился Погодинъ и въ *Телескопѣ* напечаталъ опроверженіе на это магистерское *разсужденіе*. Читая это опроверженіе, мы знакомимся со взглядомъ Погодина на Русскую Исторію. „Начну“, пишетъ онъ: „съ задачи разсужденія: вотъ липа и вотъ бузина. Липа выросла въ двадцать лѣтъ, а бузина въ два года. Спрашивается: какой ботаникъ затѣетъ изслѣдовать, почему первое растеніе росло такъ долго, а второе скоро? Какой садовникъ углубится въ разсужденіе, что этотъ ненастный вторникъ былъ вреденъ для бузины, а та ясная середа способствовала много развитію липы? Это сравненіе можно приложить къ исторіи государствъ. Къ чему намъ разсуждать: какія причины ускорили развитіе ихъ образованности, и какія замедлили? Дѣло исторіи состоитъ только въ томъ, чтобъ выразумѣть, какъ все происходило, что за чѣмъ слѣдовало, какія причины имѣло то или другое слѣдствіе, а не толковать, какъ могло бы быть лучше или хуже. Иначе мы, люди близорукіе, станемъ безпрестанно спотыкаться, или по-крайнѣй мѣрѣ, пересыпать изъ пустого въ порожнее.

Итакъ, скажутъ: нѣтъ причинъ, замедляющихъ, ускоряющихъ? И такъ, Петръ Великій не былъ причиною, ускорившею Русскую образованность?—А почему знать, чтобъ Софія не сдѣлала того же, или чтобъ тоже самое не произведено было въ теченіи времени (1689 - 1762)?

Вотъ при какомъ горельефѣ невозможно опредѣлить въ точности участія; чтожъ сказать о прочихъ происшествіяхъ и лицахъ, ближе подходящихъ къ естественному уровню? Вотъ и происшествіе для примѣра. Московскій пожаръ 1812 года, по мнѣнію Наполеона, Наполеона, прозорливѣйшаго политика (а съ нимъ согласились и всѣ Европейцы) - отодвинулъ Россію на двѣсти лѣтъ; но у насъ воочію что совершается?—Ужасное время Самозванца дало Россіи великихъ Романовыхъ, Петра. Слѣдовательно въ диссертаціи г. Гастева: положеніе I:

Изслѣдованіе причинъ, замедляющихъ ходъ гражданской образованности, есть предметъ новой въ области наукъ, обширный, глубокій—весьма сомнительно. По моему, это предметъ старый, тѣсный, мелкій—короче, предметъ принадлежащій къ схоластикѣ исторіи, которая также перешла и переходитъ чрезъ сію ступень, какъ и всѣ прочія науки. Боясь, что меня не выразумѣютъ, прибавлю: Русская гражданская образованность, или лучше Русская Исторія, шла иначе, нежели Исторія прочихъ Европейскихъ Государствъ. Покажите это *иначе*, и причины этого *иначе*; но не толкуйте о замедленіи и объ ускореніи; ибо что было, то было такъ, какъ должно, какъ Богъ велѣлъ, и въ тысячелѣтіи—ускоренія сглаживаются замедленіями, а замедленія ускореніями. Продолжаю разбирать положенія, ибо въ нихъ заключается сущность сочиненія. Положеніе II: *Сіи причины, вредныя для цивилизаціи въ частности, могутъ быть полезны въ цѣломъ.* Стало быть—причинъ замедляющихъ не существуетъ; ибо цѣлое всегда предпочитается части, и если отъ одного несчастнаго года произошло десять счастливыхъ, если тысячью искупился милліонъ, то сего происшествія исторія не осмѣливается назвать несчастнымъ. Впрочемъ это слово, ни въ отрицательномъ, ни въ положительномъ смыслѣ, не входитъ въ лексиконъ исторіи. Такъ война 1812 года не была происшествіемъ замедляющимъ; такъ ужасная казнь Стрѣльцовъ имѣла благодѣтельныя слѣдствія! Положеніе III: *Цивилизація наша встрѣтила на пути своемъ много препятствій.* Никакихъ сверхъестестественныхъ, а росло растеніе изъ своего сѣмени. Повторяю, образованность наша шла по другому пути, или лучше, по другой сторонѣ, а препятствій, пожалуй, и прочія государства находили столько же. Притомъ это положеніе не можетъ назваться положеніемъ, повторяясь въ слѣдующихъ слагаемыхъ. „Важнѣйшія изъ нихъ (препятствій) суть“: Положеніе IV: *Географическое положеніе.* Но Венгрія, Польша точно также не прилежатъ къ морю, какъ Россія; а Исландія, съ арктическимъ холодомъ, была образованнѣйшею землею. Положеніе V: *Значительная*

степень внутренняго разъединенія въ Русскомъ народѣ. Но какую значительнѣйшую степень внутренняго разъединенія видимъ мы въ Грекахъ, когда они на пространствѣ одной Русской губерніи раздѣлялись на такое количество племенъ? И между тѣмъ образованіе Греческое достигло до высочайшей степени совершенства! А Италія въ среднее время? Нѣтъ, это все не препятствія. Положеніе VI: *Удѣльная система.* Но развѣ она не была во всѣхъ западныхъ государствахъ? Другой видъ конечно: но это нейдетъ здѣсь къ дѣлу. И не продолжается-ли она до сихъ поръ въ Германіи? Между тѣмъ, сіи государства, по мнѣнію автора, перегнали Россію въ образованности? И такъ, не удѣльная система мѣшала. Притомъ, удѣльная система очевидно была необходимымъ возрастомъ въ жизни государства, чрезъ который государству, какъ человѣку чрезъ юношество, эпоху волненія страстей, перешагнуть нельзя; слѣдовательно, оно не могло быть помѣхою. Странно говорить мужу, что его развитію мѣшали молодые годы!! Положеніе VII: *Владычество Монголовъ.* А владычество Мавровъ? — Этого мало! Владычество Монголовъ усилило Москву, а Москва родила единодержавіе Іоанна III, а единодержавіе Іоанна IV было первымъ условіемъ Русской самобытности, образованности и счастія. Слѣдовательно, говоря вообще, съ Монголами мы, по крайней мѣрѣ, квитъ. Положеніе VIII: *Вообще Русскій народъ имѣлъ менѣе средствъ къ своему совершенствованію внѣшнему и внутреннему, чѣмъ какой-либо изъ западныхъ народовъ. Менѣе средствъ* въ этомъ смыслѣ есть тоже, что *болѣе препятствій.* Но какія средства, какія препятствія, какая ихъ удѣльная сила! Положеніе IX: *Онъ* (Русскій народъ) *былъ до Петра Великаго народомъ полуазіатскимъ отъ смежности, сближенія съ Азіею.* Такъ что-же? И Римъ былъ смеженъ съ Азіею, и Восточная Имперія была смежна съ Азіею? Да развѣ въ Азіи нѣтъ ничего хорошаго, чѣмъ-бы сосѣди могли воспользоваться? И что значитъ полуазіатскій?

Я разбиралъ сіи положенія порознь. Можетъ быть,—онѣ только вмѣстѣ имѣютъ силу: въ такомъ случаѣ, сіи положенія

должны бы составлять только одно положеніе. Но и противъ этого идеальнаго положенія укажемъ на Испанію, какъ на государство, которое имѣло всѣ мнимыя препятствія, приписываемыя авторомъ Россіи: разъединеніе (сколько разноплеменныхъ народовъ въ ней поселилось, не говоря уже о прежнемъ разнообразномъ множествѣ туземцевъ!)—удѣльная система (болѣе другихъ похожая на нашу)—владычество Мавровъ — (гораздо дольше, чѣмъ въ Россіи)—сближеніе съ Африкою. Географическое положеніе у Испанцевъ выгоднѣе, но они не пользовались имъ до XV столѣтія, слѣдовательно оно не мѣшаетъ нашему полному сравненію. И между тѣмъ, при всѣхъ сихъ препятствіяхъ оно въ XV еще столѣтіи достигло до высокой степени гражданской образованности. Слѣдовательно, не сіи препятствія составляютъ главное, и Россіи не онѣ мѣшали, если уже что-либо мѣшало. Удивительно, почему авторъ даже не упомянулъ о томъ, что Россія имѣла другое вѣроисповѣданіе и не получила классическаго наслѣдства. Сіи двѣ причины принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ, почему мы шли не такъ, какъ прочіе Европейцы, хотя повторяю, нелѣпо-бъ было охуждать нашъ ходъ, равно какъ ходъ того или другаго народа, по условной мѣркѣ, по предубѣжденію, по сравненію: у всякаго есть своя дорога, а что наша ведетъ насъ къ высокой цѣли, объ этомъ сомнѣваться, кажется, невозможно. Странно также, почему авторъ не воспользовался нигдѣ Эверсовымъ сочиненіемъ о древнѣйшемъ правѣ Руси, которое имѣетъ близкое отношеніе къ гражданственности. До самаго разсужденія не стану касаться: ибо, признаюсь, мнѣ показалось слишкомъ трудно найти Аріаднину нить для этого лабиринта! Въ немъ все неясно, неотчетисто, перемѣшано; столько повтореній, отступленій, странныхъ заключеній.

Должно отдать однакожъ справедливость нѣкоторымъ частнымъ мыслямъ (особенно въ статьѣ о географическомъ положеніи, хотя и она обработана не по ученому) и нѣкоторымъ счастливымъ выраженіямъ и сравненіямъ. Слогъ по мѣстамъ хорошъ, но испещренъ множествомъ варварскихъ словъ: *фактъ*,

циркуляція, цивилизація, капризъ. Краткость, сжатость, крѣпость могутъ быть достоинствами автора, если онъ будетъ продолжать заниматься на этомъ поприщѣ.

Упрекну же его вотъ за что. Онъ вставляетъ кое-гдѣ нѣкоторыя предложенія, несогласныя съ общепринятыми мнѣніями и между тѣмъ, не сопровождаемыя никакими доказательствами — слабый отголосокъ дальняго чьего-то голоса, какъ будто benevolentiae captandae causa. Это непозволительно въ святой обители наукъ. Думай всякій, какъ хочешь, но въ подобныхъ сочиненіяхъ не соблазняй православныхъ новымъ мнѣніемъ, безъ причины истинной или мнимой, своей или чужой, и въ случаѣ нужды обходи оное, оговаривайся. Что, напримѣръ, значатъ слова: *Лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Несторовой? Называемая Несторовою*! А кто называетъ ее не Несторовой? и т. п.

Всѣ сіи замѣчанія касаются разсужденія г. Гастева, какъ сочиненія, какъ литературнаго явленія. Диссертація офиціальная, написанная въ срокъ, по задачѣ, можетъ найти много извиненій [103]).

Очень естественно, что этою статьею, а особенно послѣдними ея строками, остался недоволенъ Каченовскій, а чрезъ него и товарищъ министра народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ слѣдующая запись Погодина: „Нагоняй отъ Уварова за рецензію Гастева по очевидному навѣту Каченовскаго. А я смѣюсь“ [104]).

XI.

Въ 1832 году, В. П. Андросовъ издалъ *Статистическую Записку о Москвѣ.* Погодинъ, издавна интересовавшійся *Статистикою*, сдѣлалъ въ *Телескопѣ* подробное обозрѣніе этому сочиненію. Приступая къ этому обозрѣнію, онъ обратился къ нашимъ государственнымъ людямъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: „Совѣтуемъ“, писалъ онъ, „нашимъ государственнымъ людямъ прочесть со вниманіемъ эту книгу въ свободное время, хотя

Изслѣдованіе причинъ, замедляющихъ ходъ гражданской образованности, есть предметъ новой въ области наукъ, обширный, глубокій—весьма сомнительно. По моему, это предметъ старый, тѣсный, мелкій—короче, предметъ принадлежащій къ схоластикѣ исторіи, которая также перешла и переходитъ чрезъ сію ступень, какъ и всѣ прочія науки. Боясь, что меня не выразумѣютъ, прибавлю: Руская гражданская образованность, или лучше Русская Исторія, шла иначе, нежели Исторія прочихъ Европейскихъ Государствъ. Покажите это *иначе*, и причины этого *иначе*; но не толкуйте о замедленіи и объ ускореніи; ибо что было, то было такъ, какъ должно, какъ Богъ велѣлъ, и въ тысячелѣтіи—ускоренія сглаживаются замедленіями, а замедленія ускореніями. Продолжаю разбирать положенія, ибо въ нихъ заключается сущность сочиненія. Положеніе II: *Сіи причины, вредныя для цивилизаціи въ частности, могутъ быть полезны въ цѣломъ*. Стало быть—причинъ замедляющихъ не существуетъ; ибо цѣлое всегда предпочитается части, и если отъ одного несчастнаго года произошло десять счастливыхъ, если тысячью искупился милліонъ, то сего происшествія исторія не осмѣливается назвать несчастнымъ. Впрочемъ это слово, ни въ отрицательномъ, ни въ положительномъ смыслѣ, не входитъ въ лексиконъ исторіи. Такъ война 1812 года не была происшествіемъ замедляющимъ; такъ ужасная казнь Стрѣльцовъ имѣла благодѣтельныя слѣдствія! Положеніе III: *Цивилизація наша встрѣтила на пути своемъ много препятствій*. Никакихъ сверхъестестественныхъ, а росло растеніе изъ своего сѣмени. Повторяю, образованность наша шла по другому пути, или лучше, по другой сторонѣ, а препятствій, пожалуй, и прочія государства находили столько же. Притомъ это положеніе не можетъ назваться положеніемъ, повторяясь въ слѣдующихъ слагаемыхъ. „Важнѣйшія изъ нихъ (препятствій) суть“: Положеніе IV: *Географическое положеніе*. Но Венгрія, Польша точно также не прилежатъ къ морю, какъ Россія; а Исландія, съ арктическимъ холодомъ, была образованнѣйшею землею. Положеніе V: *Значительная*

...одъ тысячу рублей жалованья, прибѣжалъ бы ...мяти отъ радости, при первомъ извѣстіи о ...и". Въ заключеніи своего обозрѣнія, Погодинъ ..., мимоходомъ задѣлъ академика Германа и ... Наукъ, „такого статистическаго сочиненія" ...), пишетъ Погодинъ, въ духѣ Дюпеновомъ, не ...насъ въ Россіи, не исключая Французскихъ ...смертности, самоубійствахъ и пр., г. Германа, ...кажется, сидящаго на почетныхъ академиче... и начальствующаго Статистическимъ Отдѣле...рбургѣ. Дай Богъ, чтобы Андросовъ нашелъ ..., который далъ бы ему средства заниматься ... удержалъ бы его отъ поползновеній на другія ...ъ то случалось уже у насъ со многими моло... подавшими прекрасныя надежды и погибшими ... причинѣ неободренія, пренебреженія и подоб...бныхъ обстоятельствъ! Дай Богъ, чтобъ Академія ...ущая и читающая до сихъ поръ, къ стыду нашему, ...ранцузски и по нѣмецки, оцѣнила по достоинству ... сочиненіе и увѣнчала его Демидовскою наградою". ...сторожности, подъ этою рецензіею Погодинъ не ...своего имени, и скрылся подъ №№ [105]).

... же время Полевой въ своемъ *Телеграфѣ* обругалъ ...пленное Погодинымъ въ *Телескопѣ* сочиненіе Андро...ѣстѣ съ тѣмъ Полевой призналъ за благо воздать ...кадеміи Наукъ по поводу вышедшаго въ свѣтъ на ...скомъ языкѣ *Собранія актовъ публичнаго засѣданія ...торской Академіи Наукъ, бывшаго 29 декабря 1831* ...). Само собою разумѣется, что статья Погодина крайне ...нравилась президенту Академіи Наукъ Уварову, который ... время въ званіи товарища Министра Народнаго Про...енія собирался обозрѣвать Московскій Университетъ. ... Погодина остался недоволенъ и его доброжелатель ...ь А. П. Толстой, который по поводу ея писалъ ему: ... слишкомъ ли превозносите вы подвигъ г. Андросова, —

удѣленное отъ *Journal des Debats*. Здѣсь найдутъ они для себя много любопытныхъ наблюденій, много предметовъ для важнаго размышленія, до котораго рѣдко могутъ доводить текущія бумаги. Я, человѣкъ не государственный, и *Записки* г. Андросова, напомнивъ мнѣ много собственныхъ мыслей, могли возбудить во мнѣ только мечты, мечты пылкія и сладостныя". Такъ напримѣръ: Андросовъ пишетъ, что „учрежденіе Воспитательныхъ Домовъ для младенцевъ, внѣ брака рожденныхъ, неимовѣрно способствовало умноженію ихъ; тѣ же слѣдствія могли бы быть относительно и дѣтей, въ бракѣ рожденныхъ, если бы существовали для нихъ подобныя заведенія, кои успокоивали бы вступающаго въ бракъ бѣдняка, что бремя семейства не удручитъ его". Восхищенный этими строками, Погодинъ восклицаетъ: *Да! Что дѣлать съ дѣтьми?*— Вотъ попросъ, который бываетъ камнемъ преткновенія для всѣхъ Русскихъ сословій, кромѣ высшаго дворянства и крестьянства. Люди недостаточные не женятся, не надѣясь пропитать семейства, дѣвушки безъ приданаго не выходятъ замужъ, а семьяне всю жизнь свою мучатся, стараясь обезпечить настоящее и будущее пропитаніе. Но еслибы у насъ по всѣмъ городамъ были учреждены воспитательные дома для законнорожденныхъ дѣтей, куда всякій гражданинъ безъ малѣйшаго затрудненія могъ бы отдавать дѣтей на воспитаніе, то довольство, спокойствіе, благоденствіе гражданъ вдругъ увеличилось бы въ нѣсколько кратъ. Еслибы учреждена была у насъ касса по городамъ для собранія пожертвованій въ пользу такихъ заведеній, я увѣренъ, что явилось бы очень много доброхотныхъ дателей. Чтожъ можетъ быть богоугоднѣе такого дѣйствія? А Русскіе богачи, которые гораздо щедрѣе Девонпшировъ и Норфольковъ, наши Голицыны, Шереметевы, Орловы Яковлевы, Бекетовы—не говорю уже объ имени священномъ въ лѣтописяхъ Русскаго просвѣщенія, объ имени Демидовыхъ— неужели не захотѣли бы принять участія въ такомъ великомъ дѣлѣ, коимъ Россія подала бы примѣръ всей просвѣщенной Европѣ? Клянусь Богомъ, что я, бѣдный человѣкъ,

получающій въ годъ тысячу рублей жалованья, прибѣжалъ бы съ нею, безъ памяти отъ радости, при первомъ извѣстіи о такомъ учрежденіи". Въ заключеніи своего обозрѣнія, Погодинъ хваля Андросова, мимоходомъ задѣлъ академика Германа и саму Академію Наукъ, „такого статистическаго сочиненія" (какъ Андросова), пишетъ Погодинъ, въ духѣ Дюпеновомъ, не бывало еще у насъ въ Россіи, не исключая Французскихъ разсужденій о смертности, самоубійствахъ и пр., г. Германа, лѣтъ тридцать, кажется, сидящаго на почетныхъ академическихъ креслахъ и начальствующаго Статистическимъ Отдѣленіемъ въ Петербургѣ. Дай Богъ, чтобы Андросовъ нашелъ себѣ мецената, который далъ бы ему средства заниматься Статистикою и удержалъ бы его отъ поползновеній на другія поприща, какъ то случалось уже у насъ со многими молодыми людьми, подавшими прекрасныя надежды и погибшими для наукъ по причинѣ неободренія, пренебреженія и подобныхъ враждебныхъ обстоятельствъ! Дай Богъ, чтобъ Академія Наукъ, пишущая и читающая до сихъ поръ, къ стыду нашему, только по французски и по нѣмецки, оцѣнила по достоинству это Русское сочиненіе и увѣнчала его Демидовскою наградою". Изъ предосторожности, подъ этою рецензіею Погодинъ не подписалъ своего имени, и скрылся подъ №№ [105]).

Въ то же время Полевой въ своемъ *Телеграфѣ* обругалъ это расхваленное Погодинымъ въ *Телескопѣ* сочиненіе Андросова. Вмѣстѣ съ тѣмъ Полевой призналъ за благо воздать хвалу Академіи Наукъ по поводу вышедшаго въ свѣтъ на Французскомъ языкѣ *Собранія актовъ публичнаго засѣданія Императорской Академіи Наукъ, бывшаго 29 декабря 1831 года* [106]). Само собою разумѣется, что статья Погодина крайне не понравилась президенту Академіи Наукъ Уварову, который въ то время въ званіи товарища Министра Народнаго Просвѣщенія собирался обозрѣвать Московскій Университетъ. Статьею Погодина остался недоволенъ и его доброжелатель графъ А. П. Толстой, который по поводу ея писалъ ему: „Не слишкомъ ли превозносите вы подвигъ г. Андросова,—

чрезмѣрными выраженіями вашими сравненнаго съ какимъ-нибудь Колумбомъ для всѣхъ насъ слѣпыхъ и безсмысленныхъ сыновъ Москвы, открывшаго страну и родину новую и до появленія въ іюнѣ 1832 года его открытій намъ неизвѣстную, съ новыми качествами и съ новыми *пороками* и *недостатками*, и къ несчастію все стремленіе Европейскаго его ума обращено было на сіи послѣдніе, такъ что намъ, донынѣ гордившимся Москвою, придется часто краснѣть за нее, ежели, отвергнувъ прежнія чувства, слѣпо повѣримъ выводамъ г. Андросова и примемъ всѣ его заключенія. Говоря же холодно и кратко, я въ *Запискахъ*, достойныхъ впрочемъ всякаго уваженія, нахожу два недостатка. 1) Небрежность во всемъ вообще трудѣ его; догадки, подверженныя еще сомнѣнію за доказанныя заключенія; иногда явныя несправедливости. 2) Очевидное пристрастіе ко всему *не Русскому*. Можно замѣтить, что г. Андросовъ не съ духомъ изыскательнымъ смотрѣлъ на числа; но, богатый уже политическими аксіомами, употреблялъ покорныя, безгласныя и гибкія числа какъ новыя средства къ подтвержденію принятыхъ уже имъ началъ: такое сочиненіе есть конечно въ нѣкоторомъ отношеніи Статистика въ *духѣ Дюпеновомъ*, могла бы даже назваться продолженіемъ Дюпеня въ Москвѣ; но можно ли безъ оговорки представлять Дюпеня идеаломъ статистиковъ? Когда въ доказательство одного или двухъ только главныхъ и любимыхъ началъ своихъ писалъ Статистику и когда сверхъ того былъ явно и блистательно опровергнутъ въ одномъ изъ началъ сихъ Гизотомъ, въ *Revue Français*, въ другомъ: оффиціальными фактами и документами протестовавшихъ тогда префектовъ изъ всѣхъ *очерненныхъ* Дюпеномъ департаментовъ. Статистикъ не есть просто литераторъ, — статистику всякій, даже просвѣщенный читатель вѣритъ на слово, онъ пишетъ не статейки, а приговоры—на немъ лежитъ большая отвѣтственность предъ согражданами, небрежность и вѣтренность въ немъ неизвинительны—а малѣйшее пристрастіе, увлеченіе etc. etc. Но извините великодушно болтаніе темнаго чиновника. Я увлеченъ былъ любовію къ

истинѣ и къ вамъ, Михаилъ Петровичъ, за котораго крѣпко боюсь, когда читаю разборъ *Телескопскій*, представляющій богатый случай къ выслугѣ людямъ неблагомыслящимъ и подлымъ; изъ него выжать можно много ядовитаго и для автора вреднаго, особенно въ первыхъ строкахъ. Берегите себя для всѣхъ знающихъ и слѣдовательно уважающихъ васъ". Письмо свое Графъ Толстой заключаетъ слѣдующими строками: „О Ѳедорѣ, Курскомъ астрономѣ, говорилъ Блудову, весьма горячему ко всему Русскому, впрочемъ горячему не по моему (я китаецъ и старовѣръ), а по вашему, по Европейски. Это между нами.—Чтò Европейцы? Духомъ отрицанія и разрушенія, и холода и ненависти означены событія во Франціи. Чтò реформа, никакихъ ни матеріальныхъ, ни нравственныхъ выгодъ не обѣщающая Англіи, но грозящая смутами, переворотами, распаденіемъ, рѣзнею? Чтò безусловное всемогущество просвѣщенія? Но опять-таки обо всемъ этомъ отъ скуки и поговорить только впору — а писать ни времени, ни силы не станетъ" [107]).

Это замѣчательное письмо графа А. П. Толстаго очень смутило Погодина и онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Письмо отъ Толстаго о рецензіи на Андросова. Растревожило. Можетъ на меня подняться вся Академія и Шторхъ, и Уваровъ, и Кругъ и Германъ, и за что"! [108]).

Но Любимовъ былъ недоволенъ этимъ письмомъ Графа Толстаго. „Ему", писалъ онъ Погодину, „что-то не понравилась *Статистика* Андросова. Я убѣдилъ его перечесть съ большимъ вниманіемъ то, что порицаетъ, и теперь онъ нѣсколько перемѣнилъ свое мнѣніе. Признаюсь, больно мнѣ было читать письмо, которое онъ недавно къ вамъ написалъ,— и я всячески удерживалъ его отъ посылки, не смотря на то, что оно шло къ вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ. Все хорошо, да въ мѣру. Разборъ *Статистики* Андросова въ *Телескопѣ* я читалъ. Это навѣрное вы: никто не могъ бы написать всего, что тамъ есть, потому что всякій гораздо больше думаетъ о себѣ, нежели о другомъ". Эти послѣднія

строки лучше всякихъ похвальныхъ словъ свидѣтельствуютъ о добротѣ и великодушіи Погодина.

Между тѣмъ въ Московской цензурѣ произошелъ переполохъ. С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Цвѣтаеву былъ строгій выговоръ отъ Министра, въ полномъ присутствіи, черезъ Голохвастова, какъ предсѣдателя, которымъ онъ теперь по неволѣ, и съ угрозою, что если какъ-нибудь подобное еще встрѣтится, то онъ будетъ отставленъ; ибо и за сіе слѣдовало бы его отставить. Выговоръ былъ за статью объ Андросовой *Статистической Запискѣ*, именно за слова, что наша Академія пишетъ и читаетъ на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Теперь Цвѣтаевъ въ страхѣ. Голохвастовъ призывалъ Надеждина и весьма радушно уговаривалъ быть осторожнѣе".

Такимъ образомъ, и надъ Погодинымъ, въ виду грядущаго посѣщенія Московскаго Университета Уваровымъ, висѣла гроза; но въ Петербургѣ явился у него защитникъ, въ лицѣ благороднаго и возвышеннаго графа А. П. Толстаго, который, будучи разныхъ воззрѣній съ Погодинымъ, не потерпѣлъ, однако, чтобы неправое дѣло восторжествовало. Когда Уваровъ былъ уже на пути въ Москву, Любимовъ писалъ Погодину: „То, что мы вамъ писали объ осторожности и о козняхъ враговъ, болѣе или менѣе оказывается справедливымъ. Къ Уварову присланъ, кажется, отъ самаго Полеваго и чуть ли не при письмѣ отъ него, тотъ именно № *Телеграфа*, въ которомъ осмѣивается разборъ *Статистики* Андросова, помѣщенный въ *Телескопѣ*, и торжественно выставлено все сказанное въ ономъ противъ Академіи Наукъ. О tempora! о mores!—По свойственной человѣку слабости онъ остался симъ весьма доволенъ, а противъ васъ было сильно вооружился, полагая, что вы написали разборъ этотъ. Не сокрушайтесь однакоже, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ. Если враги ваши не спятъ, то и пріятели не дремлятъ. Козни діавольскія разрушены, Уварову сказано, что не вы авторъ этой статьи, и онъ поѣхалъ отсюда съ лучшимъ даже объ васъ мнѣніемъ, нежели былъ прежде; а Полевой выставленъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Вы вѣрно догадываетесь кто

сослужилъ эту службу". Въ томъ же письмѣ Любимовъ преподаетъ Погодину дружескіе совѣты. „Теперь", пишетъ онъ, „отъ васъ уже зависитъ довершить начатое и сблизиться даже съ товарищемъ, а можетъ быть и будущимъ министромъ. Онъ будетъ совѣтоваться съ вами насчетъ изданія историческихъ матеріаловъ—трудъ преполезный. Пожалуйста постарайтесь угодить ему. Поладить весьма легко: бывайте только у него почаще, превозносите его таланты, познанія, глубокія его свѣдѣнія въ Греческомъ языкѣ, обладаніе Русскимъ словомъ и проч. и проч. Говорите также о надеждѣ всѣхъ любителей просвѣщенія по случаю его назначенія товарищемъ министра. Знаю, что все это покажется для васъ труднымъ; но ради Бога возьмите на себя хотя разъ въ жизни этотъ трудъ, если не для своей пользы, то по-крайней мѣрѣ для того, чтобы враги ваши, враги человѣчества не торжествовали. Иначе Полевымъ и прочимъ тварямъ будетъ раздолье и они изъ него сдѣлаютъ, что захотятъ. Да посыплется пепелъ на главу ихъ!" [109]).

Любимовъ задалъ своему пріятелю нетрудную задачу; ибо говорить то *Уварову*, что онъ совѣтовалъ говорить, не было грѣхомъ противъ правды.

XII.

Черезъ три мѣсяца по вступленіи своемъ на должность товарища министра народнаго просвѣщенія, Уваровъ выразилъ князю Ливену желаніе „посвятить время на обозрѣніе Московскаго Университета и части учебнаго округа" и просилъ повергнуть сіе желаніе Высочайшему „благоуваженію". На докладѣ Министра, Государь начерталъ: *согласенъ, обратить особое вниманіе на Московскій Университетъ и гимназіи.*

9 августа 1832 года, Уваровъ отправился въ путь; а въ день Успенія онъ уже осматривалъ Московскій Университетъ, и по свидѣтельству Снегирева, профессорамъ Уваровъ изъяснилъ, что Государь Императоръ „желаетъ возстановить и

распространить Университетъ, сообразно нравственнымъ и умственнымъ потребностямъ каждаго сословія и состоянію наукъ. Государь, будучи самъ просвѣщеннѣйшій человѣкъ, можетъ быть руководителемъ на семъ поприщѣ". Почтенный старецъ профессоръ Мухинъ сказалъ на это „что Московскій Университетъ и теперь не упадаетъ, но процвѣтаетъ и надѣется, какъ въ Государѣ имѣть покровителя, такъ въ начальникѣ ходатая". Уваровъ продолжалъ: „Государь любитъ и хорошо знаетъ Отечественную Исторію; нельзя любить Отечество, не знавши его. Государь собранные Строевымъ документы прочелъ самъ и велѣлъ немедленно издать ихъ въ свѣтъ" [110]).

Объ этомъ достопамятномъ въ Исторіи Московскаго Университета днѣ, Погодинъ записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ Университетъ. Съ Кубаревымъ мимо Снегирева. Всѣ гусемъ къ Уварову. *Я хочу возстановить Университетъ какъ былъ онъ при моемъ тестѣ графѣ Разумовскомъ*". На эти слова Уварова, Погодинъ въ *Дневникѣ* своемъ замѣтилъ: „Тогда были только пьяницы и лѣнтяи" [111]). Въ заключеніи пріема, Уваровъ заявилъ о своемъ намѣреніи посѣщать лекціи гг. профессоровъ и о своей готовности принимать ихъ у себя по дѣламъ ежедневно отъ 11 до 12-ти [112]).

Между тѣмъ, самъ Погодинъ приготовлялся къ своей вступительной лекціи по каѳедрѣ Русской Исторіи, которую ему приходилось прочесть предъ самимъ Уваровымъ. Въ *Дневникѣ* его мы находимъ рядъ записей, относящихся къ сему предмету: „Думалъ о первой лекціи при Уваровѣ. Докажемъ надменнымъ иностранцамъ, которые осмѣливаются сомнѣваться въ Русскомъ умѣ, Русскомъ геніи... Думалъ о лекціи и о томъ, какъ заставить этихъ мошенниковъ поклониться себѣ..." [113]). Наконецъ, въ сентябрѣ 1832 года, Погодинъ открылъ свой курсъ Русской Исторіи вступительною лекціею, которую впослѣдствіи напечаталъ подъ заглавіемъ: *Взглядъ на Русскую Исторію*. Послѣ предваренія, профессоръ предлагаетъ взглянуть на Россію „въ настоящую минуту ея бытія" и продолжаетъ: „Занимая такое пространство, какого не занимала ни одна

монархія въ свѣтѣ, ни Македонская, ни Римская, ни Аравійская, ни Франкская, ни Монгольская, она заселена преимущественно племенами, которыя говорятъ однимъ языкомъ, имѣютъ слѣдовательно одинъ образъ мыслей, исповѣдуютъ одну Вѣру, и, какъ кольца электрической цѣпи, потрясаются внезапно отъ единаго прикосновенія, между тѣмъ какъ всѣ предшествовавшія состояли изъ племенъ разноязычныхъ, которыя не понимали, ненавидѣли другъ друга, и были соединяемы временно механически, силою оружія, или другими слабѣйшими связями, подъ вліяніемъ одного какого-нибудь могущественнаго генія. Даже нынѣшнія Европейскія государства въ малыхъ своихъ размѣрахъ не могутъ представить такой цѣлости, и занимая несравненно меньшее пространство, состоятъ изъ гораздо бо̀льшаго количества разнородныхъ частей.

А сколько единоплеменныхъ намъ народовъ обитаетъ въ средней Европѣ даже до Рейна и Адріатическаго моря, народовъ, которые составляютъ съ нами одно живое цѣлое, которые соединены съ нами неразрывными узами крови и языка, узами крѣпчайшими всѣхъ прочихъ географическихъ и политическихъ соединеній, въ чемъ соглашаются дальновиднѣйшіе изъ нашихъ противниковъ". Вспоминая 1812 годъ, Погодинъ сказалъ: „Вся Европа, въ лицѣ двадесяти языковъ, вторглась чрезъ беззащитныя границы въ самую средину ея, подъ предводительствомъ величайшаго изъ полководцевъ древняго и новаго міра, который въ этомъ походѣ поставлялъ свою славу, видѣлъ конецъ многолѣтнихъ трудовъ, исполненіе любимѣйшихъ желаній, и чтоже? Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по слову Царскому, не осталось ни одного иноплеменника на землѣ Русской, и грозный врагъ, покоритель царствъ и народовъ, судія всего свѣта, влачитъ на пустынномъ островѣ унылые дни свои, и въ часы геніальныхъ откровеній, смотря въ будущее, предвѣщаетъ Европѣ Русское владычество".

За тѣмъ Погодинъ приступилъ къ разсмотрѣнію вопроса: „какъ сложился этотъ колосъ, стоящій на двухъ полушаріяхъ? Какъ сосредоточились, какъ сохраняются въ одной

рукѣ всѣ сіи силы, коимъ ничто, кажется, противостоять не можетъ"? Приступая къ разрѣшенію этого вопроса, Погодинъ замѣтилъ, что до сихъ поръ, „мы забывали прошедшее; теперь, наоборотъ, опустимъ завѣсу надъ будущимъ, и станемъ разсматривать одно прошедшее", и въ этомъ разсмотрѣніи прежде всего останавливается на томъ фактѣ, что къ намъ пришли Варяги не какъ побѣдители, но какъ *добровольно избранные*, и въ этомъ онъ находитъ „первое существенное отличіе въ зернѣ, сѣмени Русскаго Государства, сравнительно съ прочими Европейскими. Далѣе – всѣ Европейскія гусударства, бывъ основаны на развалинахъ Западной Римской имперіи, озаряются изъ Рима свѣтомъ христіанской религіи; мы одни, по какому-то нечаянному случаю, получаемъ ее *изъ Константинополя*, какъ бы предназначенные сохранить и развить особливую сторону Вѣры, только-что раздѣлившейся тогда; и у насъ, также какъ въ Греціи, духовенство подчиняется государямъ, между тѣмъ какъ на Западѣ оно вяжетъ и рѣшитъ ихъ".

Продолжая далѣе сравненіе Россіи съ Европою, Погодинъ замѣчаетъ: „Слѣдствіе Крестовыхъ походовъ въ политическомъ отношеніи, т.-е. усиленіе монархической власти, было произведено у насъ *Монгольскимъ игомъ*, а Реформацію въ умственномъ отношеніи замѣнилъ намъ, можетъ быть, *Петръ*. Всѣ государства, всѣ народы древніе и новые получали первоначальное образованіе отъ иностранныхъ: Персы отъ Мидянъ, Египтяне отъ Ефіоплянъ, Ефіопляне отъ Индѣйцевъ, Греки отъ Египтянъ, Римляне отъ Грековъ, и пр.; а въ Русской Исторіи какимъ удивительнымъ, страннымъ путемъ шло это образованіе! Припомнимъ нашествіе Нормановъ, Монголовъ, Поляковъ и самихъ Французовъ, эпохи нашего образованія умственнаго и гражданскаго.

Словомъ сказать, вся Исторіи наша до малѣйшихъ общихъ подробностей представляетъ совершенно иное зрѣлище: у насъ не было укрѣпленныхъ замковъ, наши города основаны другимъ образомъ, наши сословія произошли не такъ, какъ про-

чія Европейскія. Доступность правъ, яблоко раздора между сословіями въ древнемъ и новомъ мірѣ, существуетъ у насъ искони: простолюдину открытъ путь къ высшимъ государственнымъ должностямъ, и университетскій дипломъ замѣняетъ собою всѣ привиллегіи и грамоты, чего нѣтъ въ государствахъ, наиболѣе славящихся своимъ просвѣщеніемъ, стоящихъ якобы на высшей степени образованія. Необыкновенное явленіе, которому подобнаго напрасно будете вы искать во всей древней и новой Исторіи, которое не удивляетъ насъ потому только, что мы слишкомъ къ нему привыкли. Такихъ явленій преисполнена наша Исторія. Кто сожигаетъ у насъ Разрядныя книги и уничтожаетъ Мѣстничество, основанное также на заслугахъ? Не разъяренная чернь Бастильская въ минуту звѣрскаго неистовства, ни Гракхъ, ни Мирабо, ни Руссо, а чиновный бояринъ, спокойно, на площади, предъ лицемъ всѣхъ сословій, по повелѣнію самодержавнаго государя Θеодора Алексѣевича.—Кто доставляетъ намъ средство учиться, понимать себя, чувствовать человѣческое свое достоинство? *Правительство.* Петръ Великій насильно даетъ намъ мірскія книги въ руки, представляетъ примѣръ собою, и тридцать лѣтъ держитъ надъ нами свою мощную десницу, опасаясь, чтобы мы не возвратились въ прежній свой заповѣдный кругъ. Карамзину въ Россіи отъ государя до послѣдняго мѣщанина, умѣющаго читать, всѣ приносили должную дань почтенія; а какъ принимали Гиббона Лондонскіе вельможи, о чемъ онъ съ огорченіемъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ? Байронъ не столько славился своею поэзіею, сколько родствомъ съ Норманскими рыцарями; а наши умнѣйшіе государственные люди напротивъ ищутъ славы писателя. Всѣ сіи явленія не безъ историческаго основанія.

Наше Дворянство не феодальнаго происхожденія, а собравшееся въ позднѣйшее время съ разныхъ сторонъ, какъ бы для того, чтобы пополнить недостаточное число первыхъ Варяжскихъ пришельцевъ, изъ Орды, изъ Крыма, изъ Пруссіи, изъ Италіи, изъ Литвы, не можетъ имѣть той гордости, какая

течетъ въ жилахъ Испанскихъ грандовъ, Англійскихъ лордовъ, Французскихъ маркизовъ и Нѣмецкихъ бароновъ, называющихъ насъ варварами. Оно почтеннѣе и благороднѣе всѣхъ дворянствъ Европейскихъ въ настоящемъ значеніи этого слова; ибо пріобрѣло свои отличія *службою* отечеству".

Далѣе Погодинъ останавливаетъ вниманіе своихъ слушателей на томъ, что ни одна Исторія не заключаетъ въ себѣ столько *чудеснаго* какъ Русская. „Воображая событія", говорилъ онъ, „ее составляющія, сравнивая ихъ непримѣтныя начала съ далекими, огромными слѣдствіями, удивительную связь ихъ между собою, невольно думаешь, что *перстъ Божій* ведетъ насъ, какъ будто древле Іудеевъ, къ какой-то высокой цѣли"... Къ числу такихъ чудесныхъ событій нашей Исторіи, Погодинъ причисляетъ: переселеніе Олега изъ Новгорода въ Кіевъ, вступленіе Іоанна III въ бракъ съ послѣднею отраслью Полеологовъ, царевною Софіею, утвержденіе единовластія, освобожденіе Россіи отъ Монгольскаго ига, спасеніе Россіи отъ Поляковъ и Шведовъ, смерть въ Угличѣ семилѣтняго царевича Димитрія; ибо, говоритъ онъ, „не пресѣкись родъ Московскихъ князей; не было бы Романовыхъ, не было бы реформаціи Петра". Къ числу чудесныхъ событій нашей Исторіи Погодинъ причисляетъ также бѣгство Лефорта изъ Женевы. „Кому", спрашиваетъ профессоръ, „предназначено было судьбою постигнуть намѣренія Петра, довершить его начинанія, приблизить Россію еще болѣе къ ея цѣли? Принцесса изъ герцогства Ангальтъ Цербстскаго, котораго имени предъ симъ неслышно было въ Россіи". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ находилъ, что до сихъ поръ „мы не отдавали должной справедливости нашей старинной Дипломатіи, потому что по какому-то странному предубѣжденію не смѣли сравнивать нашихъ дѣльцовъ съ западными министрами; но, откинувъ блестящія имена, я не знаю, въ чемъ и много ли уступятъ имъ наши Щелкаловы, Власьевы, Годуновы, Украинцовы, Алмазовы", и союзъ Іоанна III съ Литвою и Польшею, Крымомъ и Валахіею, отношенія къ Турціи и Золотой Ордѣ, связи и договоры

Годунова, по мнѣнію Погодина представляютъ „училище для негоціаторовъ, въ которомъ они найдутъ много опытовъ и любопытныхъ свѣдѣній“.

Въ заключеніе своей лекціи Профессоръ сказалъ: „Россійская Исторія—это мы сами, наша плоть и кровь, зародышъ нашихъ собственныхъ мыслей и чувствъ, которыя, постепенно развиваясь отъ самаго грубаго начала, наконецъ получили въ насъ настоящую степень своей зрѣлости. Изучая Исторію, мы изучаемъ самихъ себя, достигаемъ до своего самопознанія, высшей точки народнаго и личнаго образованія. Это *книга бытія нашего.*

И когда мы можемъ съ большими надеждами начать свои труды, какъ не въ наше время? Августѣйшій Монархъ принимаетъ Отечественную Исторію подъ высокій покровъ свой; просвѣщенное начальство, постигшее всю важность историческихъ занятій, доставляетъ всѣ нужныя средства для ихъ продолженія. Мы повторимъ здѣсь всегдашнее наше желаніе, чтобы скорѣе изданы были лѣтописи и прочіе источники Россійской Исторіи, чтобы плоды Археографической Экспедиціи Строева были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе, и не остались тлѣть въ архивахъ. Тогда только Россійская Исторія получитъ надежное основаніе, тогда только обозначатся всѣ матеріалы, изъ коихъ долженъ создаться великолѣпный ея храмъ“).

Обращаясь же къ настоящему времени, Погодинъ высказалъ весьма желанное и спасительное: „мы живемъ“, говорилъ онъ, „въ такую эпоху, когда одна ясная мысль можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на судьбу цѣлаго рода человѣческаго, когда одно какое-либо историческое открытіе можетъ подать поводъ къ государственнымъ учрежденіямъ. Какое славное поприще, какіе великолѣпные виды для науки!—Съ другой стороны не часто ли случается намъ слышать восклицанія: зачѣмъ у насъ нѣтъ того постановленія или этого. Еслибы сіи ораторы были знакомы съ Исторіею, и въ особенности съ Исторіею Россійскою, то уменьшили бы нѣкоторыя свои жа-

лобы, и увидѣли бы, что всякое постановленіе должно непремѣнно имѣть свое сѣмя и свой корень, и что пересаживать чужія растенія, какъ бы онѣ ни были пышны и блистательны, не всегда бываетъ возможно или полезно, по крайней мѣрѣ всегда требуетъ глубокаго размышленія, великаго благоразумія и осторожности. Далѣе—они увидѣли бы ясно собственные наши плоды, которымъ напрасно искать подобныхъ въ другихъ государствахъ, и преисполнились бы благодарностью къ Промыслу за свое удѣльное счастіе. Въ этомъ отношеніи *Россійская Исторія можетъ сдѣлаться охранительницею и блюстительницею общественнаго спокойствія, самою вѣрною и надежною*" [114]).

Само собою разумѣется, что лекціею этою Уваровъ остался очень доволенъ, хотя самъ Погодинъ и сознавался: что очень боялся „за нѣкоторыя строки, сорвавшіяся съ языка"; но все, однакоже, „обошлось благополучно" [115]).

XIII.

Теперь посмотримъ какое впечатлѣніе вынесъ самъ Уваровъ изъ своихъ наблюденій надъ профессорами и студентами. Въ Московскомъ Университетѣ Уваровъ нашелъ довольно неравное распредѣленіе способностей между профессорами. „Иные", по его замѣчанію, „стоятъ на степени желаемаго образованія по своей наукѣ и владѣютъ способностью передавать свои познанія; другіе опоздали на собственномъ поприщѣ, и сихъ опоздалыхъ можно найти какъ между старыми, такъ и между младшими членами сего сословія. Къ первому разряду причисляю я по справедливости ветерана Каченовскаго, трудолюбиваго и даже остроумнаго знатока по своей части, не столько краснорѣчиваго сколько прилежнаго преподавателя; Давыдова, болѣе всѣхъ прочихъ владѣющаго языкомъ и даромъ выражать мысли, полезнаго на каѳедрѣ Русской Словесности, нѣкогда можетъ быть легкомысленнаго, но созрѣвшаго чрезъ опытность, любимаго публикою и студентами и въ готовности

коего быть, при хорошемъ направленіи, хорошимъ во всѣхъ случаяхъ орудіемъ Правительства, я не имѣю никакого повода сомнѣваться; астронома Перевощикова, образованнаго и умнаго профессора, съ открытой головою и съ благороднымъ чувствомъ; человѣка во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающаго вниманія начальства; профессора Математики Щепкина и восточныхъ языковъ Болдырева; много обѣщающихъ и даже сдержавшихъ профессора Александра Фишера и адъюнктовъ: Погодина и Максимовича; перваго по части Зоологіи, второго по части Русской Исторіи и третьяго по Ботаникѣ; въ факультетѣ Медицинскомъ усердныхъ и полезныхъ Альфонскаго, отличнаго латиниста Рихтера и Эйнбродта, лучшаго ученика Лодера.

Къ разряду хорошихъ преподавателей прибавлю профессора Богословія, священника Терновскаго.

Въ числѣ запоздавшихъ, большею частію устарѣвшихъ, замѣтилъ я по Медицинскому факультету Мухина и Котельницкаго; въ Словесномъ профессора Греческой Словесности Ивашковскаго съ довольно хорошими, но не современными познаніями; въ Нравствено-политическомъ Василевскаго, неспособнаго къ занятію каѳедры столь важной Политическаго и Народнаго Права и Дипломатіи, и который находился еще подъ моимъ начальствомъ въ бывшемъ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, и о благовидномъ удаленіи коего были приняты уже мѣры Попечителемъ Московскаго Университета, профессора Латинской Словесности Снегирева, не имѣющаго достаточныхъ познаній по сей части; профессора Русскаго Законодательства Смирнова, едвали обнимающаго свой предметъ“.

„Здѣсь, какъ и вездѣ“, продолжаетъ Уваровъ „находится между сими двумя крайностями нѣкоторое число людей безъ отличныхъ способностей и безъ разительныхъ недостатковъ, какъ-то молодой профессоръ Археологіи Надеждинъ, слишкомъ рано возведенный въ званіе ординарнаго профессора, и который занимается изданіемъ *Телескопа* и *Молвы*, незаслуживающихъ одобренія ни по содержанію, ни по духу, но

впрочемъ не лишенный нѣкоторой способности быть современемъ хорошимъ преподающимъ; профессоръ Павловъ, который равномѣрно имѣетъ даръ выражаться правильно и даже пріятно, но который содержитъ обширный, вольный пансіонъ и управляетъ Училищемъ Земледѣльческаго Общества и хуторомъ онаго, каковыя занятія едва ли могутъ оставить довольно времени, чтобы сдѣлаться прилежнымъ изслѣдователемъ своей науки". О тогдашнемъ ректорѣ профессорѣ Двигубскимъ Уваровъ замѣтилъ, что „при всемъ усердіи и благонравности, онъ не имѣетъ довольно вѣсу, не пользуется достаточно личнымъ уваженіемъ, чтобы исполнять всѣ обязанности съ его назначеніемъ сопряженныя".

Къ числу *запоздавшихъ* профессоровъ, Уваровъ, какъ мы видѣли, причислилъ и Мухина. Сіе насъ обязываетъ напомнить о заслугахъ этого почтеннаго профессора, которому Россія обязана Пироговымъ, и въ этомъ случаѣ намъ поможетъ самъ Погодинъ, который, по поводу изданной Мухинымъ книги: *Описаніе способовъ узнавать и лѣчить наносную холеру* (М. 1831) заявилъ о немъ слѣдующее: „Жизнь профессора Мухина есть непрерывная цѣпь трудовъ подъятыхъ на пользу Отечества. Съ Очаковскаго штурма до штурма холеры, онъ не переставалъ трудиться для пользы своихъ согражданъ. Онъ начальствовалъ надъ нѣсколькими больницами; издалъ множество сочиненій своихъ и чужихъ; первый способствовалъ къ образованію Русскихъ докторовъ; содержалъ многихъ на свой счетъ, поддерживалъ всѣми силами при начальномъ вступленіи ихъ на поприще, и своими удачными лѣченіями, операціями, возбудилъ довѣренность къ Русскому имени, тогда какъ вся медицинская практика въ Москвѣ была въ рукахъ иностранцевъ. Не говоримъ уже объ его лекціяхъ въ Академіи и Университетѣ. Объ изданной имъ книжкѣ мы не беремся судить, но считаемъ пріятнымъ долгомъ вспомнить при этомъ случаѣ о прежнихъ важныхъ заслугахъ достопочтеннаго ея автора" [116]). Эти строки доставили великое, и весьма понятное утѣшеніе почтенному старцу, и

въ *Дневникѣ* Погодина мы читаемъ: „Къ Мухину. Шампанское. Обѣдъ. За здоровье нашего хорошаго Погодина. Старики разыгрались". Остановимся также на отзывѣ Товарища Министра и о Надеждинѣ. Въ пользу его, какъ, профессора могутъ служить отзывы его товарищей, которымъ мы не имѣемъ права не довѣрять. По отзыву о лекціи, прочитанной Надеждинымъ при Уваровѣ, Максимовичъ писалъ: „Я какъ теперь слышу ту лекцію. Надеждинъ по своей особенной привычкѣ, сидя на каѳедрѣ — то навивалъ себѣ на палецъ цѣлый платокъ, то распускалъ его во всю длину; а между тѣмъ, въ продолженіе часа, онъ пересказалъ ученіе Канта и Фихте объ изящномъ—такъ ясно и красиво, какъ одинъ только Павловъ умѣлъ въ своихъ лекціяхъ излагать намъ глубокомысленныя, но темнословныя теоріи Нѣмецкихъ геніевъ... Краснорѣчивый писатель Министръ, по выходѣ изъ аудиторіи, сказалъ сопровождавшимъ его профессорамъ: *въ первый разъ вижу, чтобы человѣкъ, который такъ дурно пишетъ, могъ говорить такъ прекрасно* [117]). „По отзыву Погодина, Надеждинъ имѣлъ „даръ слова удивительный".

Посѣщая самъ лекціи профессоровъ, Уваровъ приглашалъ на оныя и И. И. Дмитріева, и князя Д. В. Голицына и гостившаго въ то время въ Москвѣ Пушкина, который объ этомъ писалъ своей женѣ: „Сегодня (27 сентября 1832 г.) ѣду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Дениса, не охотникъ— а въ Московскомъ Университетѣ я оглашенный. Мое появленіе произведетъ шумъ и соблазнъ, а это пріятно щекотитъ мое самолюбіе". Въ другомъ письмѣ Пушкинъ пишетъ своей женѣ: „На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ Университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ, съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы, какъ торговки на Вшивомъ рынкѣ, а тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія. Передай это Вяземскому" [118]).

Посѣщеніе Уварова было благодѣтельно для Московскаго Университета. Онъ, такъ сказать, обѣлилъ его предъ Государемъ.

„До осмотра“, писалъ онъ, „Московскаго Университета, лично мною произведеннаго, раздѣлялъ я съ многими нѣкоторые предразсудки на счетъ духа, господствующаго въ семъ важномъ заведенiи; но принявъ оное въ точнѣйшее наблюденiе свое, и изслѣдовавъ вблизи истинное положенiе вещей, увидѣлъ я, что преждевременныя, рѣзкiя о семъ заключенiя неосновательны, и что во всѣхъ отношенiяхъ глубокое спокойствiе и легкость слѣдовать всѣмъ направленiямъ, даннымъ Правительствомъ, составляютъ нынѣ отличительную черту молодежи, стекающейся въ Московскiй Университетъ; особенно убѣдился я въ томъ, что прежнiе примѣры неустройства и буйнаго расположенiя въ нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ не были ими *почерпнуты* въ Университетѣ, а внесены въ оный подъ влiянiемъ постороннихъ лицъ, воспользовавшихся неопытностiю и пылкимъ воображенiемъ сихъ несчастныхъ жертвъ ихъ коварствъ; чему могутъ служить, кажется, неоспоримымъ доказательствомъ слѣдствiе и приговоръ, учиненные прошлаго года надъ нѣкоторыми изъ нихъ. Утверждая“, продолжаетъ Уваровъ, „что въ общемъ смыслѣ духъ и расположенiе умовъ молодыхъ людей ожидаютъ только обдуманнаго направленiя, дабы образовать въ большемъ числѣ оныхъ полезныхъ и усердныхъ орудiй Правительства, что сей духъ готовъ принять впечатлѣнiя вѣрноподданнической любви къ существующему порядку, я не хочу безусловно утверждать, чтобы легко было удержать ихъ въ семъ желаемомъ равновѣсiи между понятiями, заманчивыми для умовъ недозрѣлыхъ и, къ несчастiю Европы овладѣвшими ею и тѣми твердыми началами, на коихъ основано не только настоящее, но и будущее благосостоянiе Отечества; я не думаю даже, чтобы Правительство имѣло полное право судить слишкомъ строго о сдѣланныхъ, можетъ быть, ошибкахъ со стороны тѣхъ, коимъ было нѣкогда ввѣрено наблюденiе за симъ заведенiемъ; но я твердо уповаю, что намъ остаются средства сихъ ошибокъ не повторять и, постепенно завладѣвши умами юношества, привести оное почти нечувствительно къ той точкѣ, гдѣ слiяться должны къ разрѣшенiю одной изъ труднѣйшихъ задачъ времени, образованiе

правильное, основательное, необходимое въ нашемъ вѣкѣ, съ глубокимъ убѣжденіемъ и теплою вѣрой въ истинно Русскія охранительныя начала *Православія, Самодержавія и Народности*, составляющія послѣдній якорь нашего спасенія и вѣрнѣйшій залогъ силы и величія нашего Отечества.

Весьма часто случалось мнѣ, прервавъ лекцію профессора, докончить оную собственнымъ нравоученіемъ, всегда приводя рѣчь къ лицу Государя, къ преданности Трону и Церкви, къ необходимости быть Русскимъ по духу прежде, нежели стараться быть Европейцемъ по образованію, къ возможности соединить вмѣстѣ незыблемое чувство вѣрноподданнаго съ познаніями высшими, съ просвѣщеніемъ принадлежащимъ всѣмъ народамъ и вѣкамъ, и всегда, я смѣю сказать, общій восторгъ встрѣчали случайно и неожиданно произнесенныя слова. Можетъ быть, иные скажутъ, что я увлекался симъ отголоскомъ собственныхъ убѣжденій; на сіе довольствуюсь я отвѣчать, напоминая о тѣхъ предразсудкахъ, съ коими я вступилъ въ Московскій Университетъ, и сверхъ того замѣтить, что я говорю положительно, что сіи чувства *нашелъ* я между молодыми людьми; слѣдовательно, что *не я ихъ поселялъ*, и что по сему случаю, услуга сія, буде можетъ быть приписана кому-либо, должна быть приписана не мнѣ. Что я радовался, нашедши сіе расположеніе умовъ, въ томъ я сознаюсь...“ Вмѣстѣ съ тѣмъ Уваровъ успокоивалъ и профессоровъ, удрученныхъ недовѣріемъ къ нимъ Правительства. На обѣдѣ у князя Голицына онъ сказалъ имъ: „Не думайте, господа, что Государь васъ не жалуетъ; еслибы это было такъ, то я не бесѣдовалъ бы съ вами“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Уваровъ, желая оживить дѣятельность ученой корпораціи Университета, предложилъ гг. профессорамъ издавать журналъ. „Съ давняго времени“, писалъ онъ по этому поводу, „раздѣлялъ я съ многими благомыслящими непріятное впечатлѣніе, производимое дерзкими, хотя отдѣльными усиліями журналистовъ, особенно Московскихъ, выступать за предѣлы благопристойности, вкуса, языка и даже простирать свои покушенія къ

важнѣйшимъ предметамъ государственнаго управленія и къ политическимъ понятіямъ, поколебавшимъ уже едва ли не всѣ государства въ Европѣ. При вступленіи въ должность, думалъ я, что укротивъ въ журналистахъ порывъ заниматься предметами, до государственнаго управленія относящимися, можно бы было предоставить имъ полную свободу разсуждать о предметахъ литературныхъ, не взирая на площадныя ихъ брани, на небрежный слогъ, на совершенный недостатокъ вкуса и пристойности; но вникнувъ ближе въ сей предметъ, усмотрѣлъ я, что вліяніе журналовъ на публику, особенно на университетскую молодежь, не безвредно и съ литературной стороны; развратъ нравовъ пріуготовляется развратомъ вкуса; студентъ, не имѣющій книгъ, не имѣющій сообщенія съ обществомъ, бѣдный, одинокій студентъ съ жадностью читаетъ журналы и ищетъ въ нихъ пищи для ума и сердца. Что-жъ онъ въ нихъ находитъ? Незнаніе правилъ логики и языка, рѣзкій и надменный тонъ въ сужденіяхъ, насмѣшливое представленіе тѣхъ самыхъ людей, отъ коихъ онъ долженъ получать образованіе. Какими глазами будетъ онъ смотрѣть на профессора, котораго онъ видѣлъ наканунѣ покрытаго журнальною грязью? Какое уваженіе можетъ онъ сохранить къ человѣку, обращенному въ общій смѣхъ, и который тѣмъ болѣе обязанъ молчать, чѣмъ болѣе онъ достоинъ своего званія? Борьба съ журналистами сего рода неровная; ихъ крикъ беретъ верхъ надъ простымъ разсудкомъ. Неопытный читатель блуждаетъ во тьмѣ и мало-по-малу свыкается съ площаднымъ духомъ и съ грубыми формами противниковъ, равно недостойныхъ уваженія. Желая возобновить угасшую дѣятельность профессоровъ, имѣлъ я еще въ виду и то, чтобы посредствомъ сего журнала, внушить молодымъ людямъ охоту ближе заниматься Исторіей Отечественной, обративъ больше вниманія на узнаніе нашей народности. Не только направленіе къ Отечественнымъ предметамъ было бы полезно для лучшаго объясненія оныхъ, но оно отвлекло бы умы отъ такихъ путей, по коимъ шествовать имъ не слѣдуетъ; оно усмиряло бы бурные порывы къ чужеземному, къ неиз-

вѣстному, къ отвлеченному въ туманной области Политики и Философіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что таковое направленіе къ трудамъ постояннымъ, основательнымъ, безвреднымъ, служило бы нѣкоторою опорою противъ вліянія такъ называемыхъ *европейскихъ идей*, грозящихъ намъ опасностію, но силу коихъ, обманчивую для неопытныхъ, переломить нельзя иначе, какъ чрезъ наклонность къ другимъ понятіямъ, къ другимъ занятіямъ и началамъ. Въ нынѣшнемъ положеніи вещей и умовъ нельзя не умножать, гдѣ только можно число *умственныхъ плотинъ*. Не всѣ оныя окажутся, можетъ быть, равно твердыми, равно способными къ борьбѣ съ разрушительными понятіями; но каждая изъ нихъ можетъ имѣть свое относительное достоинство, свой непосредственный успѣхъ.

Прямое, непосредственное вліяніе на университетскую молодежь можетъ только проистекать отъ новаго чистѣйшаго источника познаній и свѣдѣній. Объяснилъ я гг. профессорамъ, какихъ благопріятныхъ послѣдствій можно бы ожидать отъ журнала, ими издаваемаго. Въ противоположность прочимъ журналамъ, имъ слѣдуетъ доставлять читающей публикѣ, особенно молодымъ людямъ, пищу чистую, зрѣлую, предохранительную, пищу сообразную съ умственными силами молодыхъ читателей. Къ сему я прибавилъ, что такое изданіе служило бы новымъ, такъ сказать, живымъ средствомъ сообщенія между наставниками и слушателями, между наставниками и начальствомъ. Наконецъ, принялъ я смѣлость объявить, что я буду ходатаемъ за таковое полезное предпріятіе во всѣхъ случаяхъ, гдѣ откроется нужда прибѣгнуть къ щедрому вниманію Августѣйшаго Покровителя наукъ, ибо вѣроятно, что журналъ ученый и учебный, журналъ безъ политическихъ новостей и литературныхъ ругательствъ, по избалованному журналистами вкусу публики, не найдетъ много подписчиковъ“.

Такимъ образомъ, основались *Ученыя Записки*, издаваемыя Московскимъ Университетомъ.

Но Уварову не удалось водворить мира среди ученаго сословія Московскаго Университета.—На первыхъ же порахъ произошла

„схватка“ въ Университетскомъ Совѣтѣ между Каченовскимъ и Погодинымъ, по поводу слѣдующаго представленія послѣдняго: „Честь имѣю представить почтеннѣйшему Совѣту бюстъ профессора Мерзлякова, вылѣпленный г-мъ Витали съ маски, которая снята съ лица покойника. Я осмѣливаюсь предложить о поставленіи сего бюста въ Университетской библіотекѣ, а современемъ, когда сіе позволено будетъ мѣстомъ, въ аудиторіи словеснаго отдѣленія. — При семъ долгомъ поставлю извѣстить Совѣтъ, что памятникъ надгробный, съ надписью: *Незабвенному учителю Русскаго слова: любители отечественной Словесности и студенты Императорскаго Московскаго Университета*, отлитъ уже на чугунномъ заводѣ князя Бибарсова въ Нижегородской губерніи, и немедленно будетъ поставленъ на могилѣ“. Противъ этого представленія возсталъ Каченовскій. „Это“, говорилъ онъ, „по хозяйственной части, да теперь другая метода“ и прочія, по выраженію Погодина, „нелѣпости“.

Раздоры происходили и въ состоящемъ при Московскомъ Университетѣ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія записи Погодина: „Въ Историческомъ Обществѣ. Мочи нѣтъ съ Снегиревымъ. Какъ запутываетъ онъ Малиновскаго. Грызся за Калайдовича... Въ Обществѣ Исторіи, чтобы посмотрѣть комедію. Спорилъ съ Каченовскимъ и м.......... Снегиревымъ о Діевѣ“ [119]).

XIV.

Въ то время, когда Погодинъ готовился къ своей вступительной лекціи, которую ему дожно было прочесть въ присутствіи Уварова, онъ получаетъ слѣдующее письмо отъ Любимова: „Что вы такъ замолкли, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ? Гдѣ теперь Шевыревъ и Рожалинъ, въ особенности первый. Съ подобнымъ вопросомъ обратился ко мнѣ Константинопольскій нашъ *Титъ Космократовъ* *), съ кото-

*) Псевдонимъ В. П. Титова.

рымъ я въ перепискѣ. По его словамъ, княгиня Волконская въ Вѣнѣ заболѣла“ [120]). Вслѣдъ за симъ и самъ Шевыревъ вернулся въ Москву и о его пріѣздѣ возвѣстила *Молва*. „Наконецъ“, читаемъ тамъ, „г. Шевыревъ возвратился изъ Италіи. Три съ половиною года, проведенные имъ въ классической странѣ изящныхъ искусствъ, посвященные наукамъ и иностраннымъ литературамъ, обѣщаютъ всѣмъ любителямъ отечественной словесности, уважавшимъ отличныя дарованія г. Шевырева, что онъ съ новою дѣятельностью и блестящими успѣхами станетъ подвизаться на поприщѣ Русской Словесности“ [121]). Друга своего Погодина Шевыревъ засталъ пишущимъ вступительную лекцію. „Удовольствіе и волненіе“, читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина, „и не могъ докончить лекціи. Всталъ поутру и написалъ, не успѣвъ даже и перечесть“. „Воображаю“, писалъ баронъ Розенъ Шевыреву, „съ какимъ восторгомъ вы привѣтствовали Святую Русь послѣ трехлѣтняго отсутствія. Я о васъ разспрашивалъ Пушкина и узналъ только, что вы милы и любезны по прежнему“ [122]). На первыхъ же порахъ Шевыревъ имѣлъ удовольствіе присутствовать на лекціи Погодина, читанной при Уваровѣ, и быть свидѣтелемъ торжества своего друга. Уваровъ, узнавъ о томъ, что Шевырева видѣли на лекціи Погодина, выразилъ желаніе, чтобы онъ былъ ему представленъ [123]). Желаніе Товарища Министра исполнилъ самъ Погодинъ и засвидѣтельствовалъ, что это представленіе было для Шевырева весьма благополучно [124]). Уваровъ предложилъ ему вступить въ Московскій Университетъ адъюнктомъ по каѳедрѣ Русской Словесности. Такое предложеніе оживило всѣ надежды Шевырева и опредѣлило цѣль ихъ, и онъ вспоминалъ съ благодарностью, что И. И. Давыдовъ, занимавшій тогда каѳедру Русской Словесности, содѣйствовалъ исполненію этого предложенія [125]). „Теперь“, пишетъ Погодинъ, „пристроить бы Венелина, столь нужнаго для Славянскихъ нарѣчій. Рожалина для Греческой Словесности,—и славно“.

Въ Московскомъ обществѣ появленіе Шевырева произвело

впечатлѣніе и онъ безпрестанно получалъ приглашенія. Погодинъ не отставалъ отъ своего друга. „Разъѣзжалъ съ Шевыревымъ", записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*. Подъ его „эгидою", Погодинъ проникъ даже къ И. И. Дмитріеву и былъ имъ принятъ очень ласково. Бесѣда шла объ Италіи. Вмѣстѣ обѣдали они у Чертковыхъ, а вечеръ провели опять у И. И. Дмитріева. „Я радъ", пишетъ Погодинъ, „что примирился съ нимъ передъ смертью" [126]). „Вы меня", писалъ Погодину Голохвастовъ, „очень одолжите, если можете сегодня у меня обѣдать, а еще болѣе, ежели пригласите и г. Шевырева, коего мѣстожительство мнѣ неизвѣстно, и съ коимъ мнѣ нужно поговорить". Кому то Погодинъ далъ слово за Шевырева и получилъ отъ пріятеля выговоръ. „Какъ же ты нелѣпъ", писалъ онъ ему, „давать слово за меня, когда не знаешь моей возможности? Я далъ слово Окуловымъ, у которыхъ не былъ уже двѣ недѣли. Ты бранишь меня, что я тебѣ глазъ не кажу, а я три раза у тебя былъ—и тебя все нѣтъ дома: не по всей же Москвѣ искать" [127]).

Мы знаемъ, что Шевыревъ окончилъ курсъ въ Университетскомъ Пансіонѣ, а не въ Университетѣ, а потому не имѣлъ никакой ученой степени, которая давала бы ему право на званіе профессора. Въ Университетскомъ уставѣ 1804 года было сказано: „ежели между природными Россіянами найдутся молодые люди, въ какой-либо наукѣ толико успѣвшіе, что представленными печатными или рукописными сочиненіями и чтеніемъ о заданномъ предметѣ лекцій удостовѣрятъ, что съ пользою Университета могутъ занять мѣсто адъюнкта, въ такомъ случаѣ пріобщить ихъ къ Университету дозволяется". На основаніи этой статьи Устава, Шевыреву открыта была возможность вступить въ Университетъ. Въ Словесномъ отдѣленіи, 9 ноября 1832, состоялось опредѣленіе членовъ онаго принять въ уваженіе разсужденіе Шевырева: *О возможности ввести Итальянскую октаву въ Русское стихосложеніе* и признать оное „сочиненіемъ, доказывающимъ ученое знаніе Итальянскаго и Русскаго языка; но для точнаго

выполненія Устава, Факультетъ почелъ необходимо нужнымъ обязать Шевырева написать и представить диссертацію". Разумѣется, Шевыревъ покорился этому факультетскому опредѣленію и предметомъ своей диссертаціи избралъ *Данта и его вѣкъ* [128]).

По возвращеніи изъ Италіи, Шевыревъ поселился въ домѣ своего пріятеля Мельгунова подъ Новинскимъ, и тамъ, по свидѣтельству Погодина, „заперся въ своей комнатѣ, мѣсяцевъ шесть не выходилъ никуда ногой со двора, перечиталъ всѣ источники уже ему знакомые, и написалъ классическое разсужденіе о Дантѣ, какому не было подобнаго въ Русской Литературѣ" [129]).

Вступленіемъ Шевырева на службу въ Университетъ былъ очень доволенъ Уваровъ. По этому поводу онъ писалъ Окуловой: „Я особенно доволенъ выборомъ въ профессоры Максимовича и Шевырева. Только такими людьми Московскій Университетъ можетъ возвыситься и въ духѣ, и въ формѣ" [130]).

Вскорѣ по возвращеніи Шевырева, между имъ и Погодинымъ, не смотря на ихъ неразрывную дружбу, начались обычныя пререканія, поводомъ которыхъ на этотъ разъ былъ *Вадимъ*. Живучи еще въ Римѣ, Шевыревъ писалъ Погодину: „Два пути передо мною, *сцена* и *каѳедра*"; и для сцены онъ написалъ неудачную оперу *Вадимъ*; но не довѣряя и самъ ее достоинствамъ, Шевыревъ отдалъ ее на разсмотрѣніе С. Т. Аксакову, который, еще въ 1829 году, писалъ ея автору: „*Вадимъ* лежитъ у меня на сердцѣ. Жалко смотрѣть на музыкальную жажду Алексѣя Николаевича Верстовскаго, которую удовлетворить покуда нельзя еще. Я никогда не оскорблю васъ мыслію, что вы можете подосадовать на наши замѣчанія; при всемъ вашемъ талантѣ, умѣ, прекрасныхъ стихахъ и счастливыхъ мысляхъ, *Вадимъ*, въ теперешнемъ его видѣ, не можетъ явиться на сцену и даже въ печать. Ваша неопытность единственная тому причина. Театръ не терпитъ отвлеченныхъ мыслей, темноты, да и цензура не пропуститъ *Вадима*. Владиміра нельзя вывести на сцену. Видя собственное

ваше незнаніе сцены, будучи многимъ недовольны, не знаю почему, мы рѣшились прочесть вашу оперу князю Шаховскому. Онъ принялъ въ ней живѣйшее участіе, съ жаромъ два раза со мною читалъ ее и открылъ намъ всѣ сценическія тайны; его опытность, нерѣдкое паденіе и торжество, заставляютъ имѣть къ нему довѣренность. Уполномочьте насъ на всѣ перемѣны и перестановки, сообразно сценѣ и музыкѣ". Заручившись, вѣроятно, согласіемъ Шевырева, Аксаковъ въ другомъ своемъ письмѣ (отъ 12 мая 1830 г.) писалъ ему: „Увѣдомляю васъ, что въ послѣдніе три дня кончилось кромсанье *Вадима*, по общему плану; теперь начнется другое кромсанье—по частнымъ требованіямъ Верстовскаго, который высохъ было съ тоски надъ оставленнымъ и недоконченнымъ *Вадимомъ*. Забудьте, милый Степанъ Петровичъ, что вы написали эту піесу; вообразите, что вы подарили пріятелю перстень, котораго онъ иначе не могъ носить, какъ передѣлавши его по своему пальцу" [131]). Когда же въ такомъ передѣланномъ видѣ *Вадима* рѣшались дать на Московской сценѣ, а въ городѣ всѣ стали приписывать эту оперу Шевыреву, то сей послѣдній счелъ за благо сдѣлать слѣдующее заявленіе въ *Молвѣ*: „Въ Московскихъ гостиныхъ ходятъ слухи, что поэма оперы *Вадимъ* принадлежитъ исключительно мнѣ. Еще до намѣренія моего ѣхать въ чужіе края, въ 1829 году, я взялся написать сію оперу. Не успѣвъ довести ее до половины, я поѣхалъ—и кончилъ ее во время путешествія, и въ томъ же году переслалъ автору музыки (А. Н. Верстовскому). Ему понадобились перемѣны сообразно съ его музыкальными видами: отдаленность разстоянія и новыя важнѣйшія занятія препятствовали мнѣ исполнить его волю. Посему я рѣшился отказаться отъ своего произведенія и поручить измѣненія въ ономъ нашимъ общимъ друзьямъ съ тѣмъ, чтобы поэма уже не называлась моею, а *общимъ произведеніемъ друзей композитора*. Въ произведеніи моемъ произошли перемѣны, которыхъ я до сихъ поръ еще не знаю; а успѣхъ поэмы на сценѣ припи-

сать себѣ исключительно, было бы съ моей стороны неправымъ тщеславіемъ“ [132]).

Не смотря на это, Шевыревъ былъ видимо недоволенъ сдѣланными передѣлками его произведенія и свое неудовольствіе выражалъ Погодину; но послѣдній какъ истинный другъ его, дорожащій его репутаціею, не потворствовалъ ему въ заблужденіи насчетъ его произведенія и счелъ обязанностью написать ему слѣдующее письмо, которое, въ свою очередь, не могло понравиться Шевыреву. „Я видѣлъ піесу и скажу тебѣ откровенно, что она при всей своей нелѣпости спасла твою литературную честь: теперь ты имѣешь полное право отказаться отъ нея, *что и сдѣлалъ*; теперь никто не имѣетъ права приписывать ее тебѣ; теперь по твоему счету хоть половина не считаетъ ее твоею; а если бы она осталась въ прежнемъ видѣ, то ты долженъ бы былъ отвѣчать за нее и публикѣ, и критикѣ. Отвѣчать было бы очень нелегко; ибо она, при всѣхъ своихъ хорошихъ стихахъ, растянутая, отвлеченная и не драматическая, безъ дѣйствія и со множествомъ лишнихъ лицъ и эпизодовъ; словомъ, первый опытъ юноши на драматическомъ поприщѣ; упалъ бы совершенно, и нанесли бы тебѣ нареканіе, и нареканіе справедливое. Считая себя терпящимъ, ты могъ бы оправдаться, напечатавъ свою піесу, какъ ты ее написалъ; но этого не присовѣтуетъ тебѣ и врагъ. Ясное доказательство, что тужить не о чемъ. Ты прочти свою піесу, взгляни на игранную и разочти, что было бы произведено выброшенною частью вмѣстѣ съ остальною. Повторяю, ты спасенъ по счастливому стеченію обстоятельствъ. Уважая себя, справедливость, приличіе, уважая свои отношенія, и наконецъ по разсчету, чтобы не показаться съ невыгодной, смѣшной стороны, ты долженъ теперь умолкнуть и отклонять отъ себя всякій разговоръ о *Вадимѣ*. До сихъ поръ ты вредилъ, и много, себѣ, музыканту и піесѣ, а продолжая, ты будешь вредить только одному себѣ. По своей горячности, самолюбію и помѣшательству на этой точкѣ, мы безпрестанно помѣшиваемся на точкахъ, вооружаясь софизмами, ты не поймешь можетъ

быть меня, не поймешь, что это положительный образъ для тебя; но я совѣтую тебѣ взять это хоть на вѣру отъ меня, хоть основываясь на опытѣ, ибо часто ты долженъ былъ признавать справедливость словъ моихъ, казавшихся тебѣ сначала несправедливыми. Если ты мнѣ сказалъ вчера нѣсколько оскорбленій и оскорбленій чувствительныхъ, которыя я принялъ равнодушно потому только, что мнѣ тридцать третій годъ, что я стою выше ихъ, что я знаю твой характеръ и потому, что я все это дѣло во всѣхъ его видахъ считаю вздоромъ, недостойнымъ служить даже предметомъ разговора,—то что могъ ты говорить или хоть думать о другихъ? По своей дружбѣ къ тебѣ, жалѣя тебя, я считалъ обязанностью предостеречь тебя. Отвѣта мнѣ не надо, благодарности ни искренней, ни иронической: и такъ я пожертвовалъ уже слишкомъ много времени на этотъ вздоръ, посылая въ чужіе края замѣчанія на твою нелѣпость, объясняясь съ тобою вчера и пишучи нынче. И такъ, чтобы ни одного слова не было говорено со мною ни объ *Вадимѣ*, ни объ чемъ касательно до него. Читалъ ли вчера Данта?" [133]) На это письмо Шевыревъ далъ колкій отвѣтъ. „Не заходя къ тебѣ", писалъ онъ, „я исполнилъ только твое желаніе, ибо ты не желалъ отвѣта на письмо твое: я долженъ же былъ самъ въ себѣ переварить все то, что ты мнѣ сказалъ въ ономъ, а пришедъ, скоро, можетъ быть невольно, завязалъ бы разговоръ. Двумя словами: ты сказалъ мнѣ много непріятнаго и заткнулъ уши, я не хотѣлъ растыкать ихъ. Еслибы ты въ то время, какъ писалъ записку, заглянулъ въ зеркало, то вѣрно бы прочелъ на лицѣ своемъ одну изъ тѣхъ минутъ, въ какія пишешь рецензіи на *Исторію Русскаго Народа*. Въ ней нашелъ я чувства оскорбленія и негодованія, а такое чувство въ тебѣ противъ меня не могло мнѣ быть пріятно. Въ вечеръ представленія *Вадима* я прочелъ девять пѣсенъ Данта, а въ день полученія записки только одну. Я люблю искренность и именую прямо то, что мнѣ оскорбительно: *и такъ я пожертвовалъ уже слишкомъ много на этотъ вздоръ, посылая въ чужіе края замѣчанія на твою*

нелѣпость... Скажи искренно: въ какомъ духѣ ты писалъ эти слова? Вѣроятно въ томъ, въ какомъ правду говорятъ друзьямъ или *искреннее мнѣніе*. Я не вычитываю другого въ письмѣ твоемъ, а только то, что меня за живое взяло и отвлекло даже отъ любимаго занятія. Чѣмъ я тебя оскорбилъ—право не знаю—и желалъ бы, чтобы въ подобныхъ случаяхъ ты *именовалъ* оскорбленія. Въ холодныя минуты я люблю между друзьями расчетъ математическій и то состояніе духа, въ какомъ я теперь и въ какое я себя привелъ двумя днями размышленія" [134]).

Погодину весьма желалось также привлечь къ Московскому Университету и Николая Матвѣевича Рожалина, который вмѣстѣ съ Шевыревымъ пребывалъ въ Италіи и занимался изученіемъ классической литературы; но Рожалинъ, занимаясь наукою, имѣлъ предубѣжденіе противъ ученаго званія и это предубѣжденіе его очень возмущало Погодина, который по этому поводу писалъ Шевыреву: „Не знаю, вылѣчится ли Рожалинъ отъ своей нелѣпой, недостойной мысли о низости ученаго званія, о которой, признаюсь, я не могу и вспомнить безъ омерзѣнія". Въ другомъ своемъ письмѣ къ Шевыреву Погодинъ писалъ: „что Рожалинъ? Привезешь ли ты его? Что ему тамъ дѣлать? Для его самолюбія въ Москвѣ—испытаніе; но неужели къ тридцати годамъ не научился онъ изъ наукъ, что высшее благо и счастіе въ своей душѣ. Потолкуй ему, а мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы его познанія и способности пошли на пользу Университета, а не на какую-либо канцелярію. Въ Университетѣ дѣла пошли гораздо лучше, а надежды еще больше". Но своему патріотическому желанію привлечь Рожалина къ Университету, Погодинъ, какъ кажется, встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны своихъ товарищей профессоровъ, и онъ писалъ Шевыреву: „Рожалину надежды очень мало занять мѣсто въ Университетѣ [135]).

Погодинъ былъ также очень близокъ и съ братомъ его Василіемъ Матвѣевичемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее письмо послѣдняго: „Не хотѣлось говорить вамъ о такой

вещи, которая, неравно, прогнѣвала бы васъ подобно намеднишнему; позвольте открыть вамъ этой запиской нѣкоторыя *тайныя* мои мысли. Я бы желалъ найти въ вашемъ домѣ уютное и уединенное мѣсто для себя, гдѣ бы я могъ чувствовать себя на свободѣ и такимъ, каковъ есть; жилъ же я у васъ довольно долго, чтобы вамъ рѣшить, могу ли я пользоваться такой свободой, не употребляя ее во зло".

Товарищъ по Московскому Университету В. М. Рожалина, А. Д. Галаховъ свидѣтельствуетъ: „насколько братъ его Николай, жившій нѣсколько лѣтъ за-границей, былъ приличенъ, даже изященъ по костюму и въ обращеніи, настолько Василій, товарищъ мой въ Физико-Математическомъ факультетѣ, отличался неряшливостью и цинизмомъ" [136]).

XV.

Въ то время, когда Уваровъ дѣлалъ свои наблюденія надъ Московскимъ Университетомъ, 20 сентября, въ 4 часа утра прибылъ изъ Воронежа въ древнюю столицу императоръ Николай I. Въ Воронежъ онъ ѣздилъ на поклоненіе нововявленнымъ честнымъ мощамъ Угодника Божія Митрофана [137]). Между тѣмъ Уваровъ писалъ генералу Бенкендорфу: „я не заблудился на шоссе между Москвою и Петербургомъ и не засѣлъ въ какомъ-нибудь уголкѣ нашего Отечества. Я былъ совершенно готовъ къ отъѣзду, когда, по приказанію Государя, остался еще. Когда это приказаніе будетъ исполнено, я отправлюсь въ путь. И такъ не посылайте вашихъ жандармовъ разыскивать меня: они могутъ найти меня, спокойно сидящимъ въ одномъ изъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній. Замедленіе моего отъѣзда даетъ мнѣ возможность окончательно осмотрѣть Университетъ, такъ какъ, хотя я и провожу тамъ каждое утро, и постоянно нахожу что-нибудь замѣтить и о чемъ-нибудь распорядиться... Это жизненный вопросъ, ибо Московскій Университетъ служитъ представителемъ всѣхъ другихъ. Покуда я могу съ удовольствіемъ увѣрить васъ, что

самое полное спокойствіе не перестаетъ господствовать среди университетской молодежи и что я могу лишь похвалить тѣ чувства, въ которыхъ я ее оставляю при моемъ отъѣздѣ... Я сочту себя очень счастливымъ, если результатомъ моего здѣсь пребыванія будетъ возстановленіе въ средѣ молодежи порядка и возможность успокоить въ этомъ отношеніи нашего августѣйшаго Государя".

Въ это же время пребывалъ въ Москвѣ и Пушкинъ. Князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Rome n'est plus dans Rome, elle est toute á Moscou. Царь и Пушкинъ у васъ, политика и литература воцаренная. Теперь Петербургъ упраздненный городъ" [138]). Самъ Пушкинъ въ это время былъ поглощенъ мыслію основать политическую газету. Мы знаемъ, что первоначальная мысль основать политическій органъ для отраженія наговоровъ Европейской печати зародилась у Пушкина еще въ 31 году, въ Царскомъ селѣ, когда дворцы, сады и рощи царской резиденціи оживились прибытіемъ Двора, а вмѣстѣ съ нимъ и Жуковскаго. Политическій же горизонтъ былъ въ то время мраченъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи. Въ 1832 году мысль Пушкина близка была къ воплощенію и Любимовъ съ восторгомъ писалъ Погодину изъ Петербурга: „Вѣрно, слышали вы о предположеніи Пушкина издавать ежедневную газету. Отъ души желаю всякаго успѣха. Авось, тогда нѣсколько поумолкнутъ Полевые, Булгарины, Гречи и вся нечистая и не Русская ихъ братія. Пора зажать ротъ мерзавцамъ! *Конецъ концовъ вѣдь мы не ослы*! (Изъ *Ходжи Баба*). Вы не будете Погодинъ, если не будете съ своей стороны помогать столь доброму подвигу, во славу и въ пользу Руси предпринимаемому. У насъ теперь колонна *). Чудо да и все тутъ! Если кто хочетъ имѣть понятіе о Россіи, взгляни на эту громаду, скалу, которую мы оторвали, обтесали какъ простой камушекъ и притащили въ столицу въ удивленіе иноплеменныхъ".

Самъ же Пушкинъ еще до отъѣзда своего въ Москву писалъ

*) Водруженіе Алаксандровской колонны противъ Зимняго Дворца.

Погодину: „Знаете ли вы, что Государь разрѣшилъ мнѣ Политическую Газету? Дѣло важное, ибо монополія Греча и Булгарина пала. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется. Но... я ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ, покамѣстъ порядкомъ не осмотрюсь; не хочу продать вамъ кожу медвѣдя еще живаго, или собрать подписку на *Исторію Русскаго Народа*, существующей только въ нелѣпой башкѣ моей". Въ это же время Булгаринъ мечталъ о княжескомъ достоинствѣ. „Сказывалъ ли вамъ Пушкинъ", писалъ баронъ Розенъ Шевыреву, „что Булгаринъ домогается княжескаго достоинства? Онъ утверждаетъ, что онъ Князь Скандербегъ—Булгари!" [139]).

Газетѣ своей Пушкинъ думалъ дать заглавіе *Дневникъ*, и въ бумагахъ его сохранилось схематическое изображеніе плана газеты, набросаннаго его рукою. Касательно же программы своей газеты, Пушкинъ „насмѣшливо и съ досадой" писалъ своимъ Московскимъ друзьямъ: „Какую программу хотите вы видѣть? Часть политическая *оффиціально* ничтожная, часть литературная — *существенно* ничтожная; извѣстія о курсѣ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ — вотъ вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію и успѣхъ. Остальное мало меня интересуетъ. Газета моя будетъ немного похуже *Сѣверной Пчелы*. Угождать публикѣ я не намѣренъ, браниться съ журналами хорошо разъ въ пять лѣтъ, и то Косичкину, а не мнѣ. Стихотвореній помѣщать не намѣренъ; ибо запрещено метать бисеръ передъ публикой: на то проза мякина" [140]). Само собою разумѣется, что въ этомъ предпріятіи Пушкина принялъ живѣйшее участіе князь П. А. Вяземскій, который по этому поводу писалъ И. И. Дмитріеву: „Молодой или будущій газетчикъ занятъ своею беременностію. Тяжелый подвигъ, особенно при недостаткѣ сотрудниковъ. Пришлите что-нибудь новорожденному на зубокъ" [141]). Но зато С. Т. Аксаковъ весьма скептически отнесся къ этому предпріятію: „Пушкина газета", писалъ онъ Погодину, „съ большими замыслами выдается; но успѣха никто не надѣется; онъ

еще не нашелъ себѣ хозяина по финансовой части" [142]). Да и самъ Пушкинъ прозрѣвалъ будущность своей газеты. Наканунѣ своего отъѣзда въ Москву, 16 сентября 1832 года, онъ далъ довѣренность Наркизу Ивановичу Тарасенко-Отрѣшкову на принятіе званія редактора политической и литературной газеты съ правомъ заготовлять бумагу, завести собственную типографію, нанять квартиру для редакціи и для этого занять двѣ тысячи" [143]). Но князь Вяземскій все еще не отчаивался въ успѣхѣ этого предпріятія, о которомъ писалъ И. И. Дмитріеву (отъ 17 сентября 1832): „При мертвой буквѣ посылаю вамъ живую грамоту—поэта Пушкина и будущаго газетчика. Благословите его на новое поприще. Авось, съ легкой руки вашей одержитъ онъ побѣду надъ вратами ада, т.-е. *Телеграфомъ*, зажметъ ротъ *Пчелѣ* и прочиститъ стекло *Телескопу*" [144]). О пріѣздѣ Пушкина въ Москву читаемъ въ *Молвѣ:* „А. С. Пушкинъ въ Москвѣ. Если мы получимъ достовѣрныя свѣдѣнія объ его предположеніяхъ относительно изданія журнала или газеты, съ такимъ участіемъ ожидаемой всѣми, то постараемся удовлетворить любопытству публики" [145]). Въ Москвѣ Пушкинъ прожилъ до начала октября и кажется безуспѣшно для своего предпріятія. „Изданіе газеты", писалъ Плетневъ Жуковскому, „о которой такъ хлопоталъ Пушкинъ еще при васъ, едва ли приведется въ исполненіе, хотя ему и дано на то право. Онъ больше роется теперь по своему главному труду, т.-е. по исторіи, да кажется въ его головѣ и романъ копышется" [146]). Гоголь же положительно писалъ И. И. Дмитріеву: „Газеты Пушкинъ не будетъ издавать, и лучше! Въ нынѣшнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишкомъ лестно и для неизвѣстнаго человѣка; но генію этимъ заняться, значитъ помрачить чистоту и непорочность души своей и сдѣлаться обыкновеннымъ человѣкомъ" [147]). И дѣйствительно, Пушкинъ откладывалъ день за день исполненіе своего предпріятія, наконецъ совсѣмъ потерялъ его изъ виду и забылъ о немъ.

Въ Москвѣ Пушкинъ имѣлъ только утѣшеніе встрѣтиться

съ Д. В. Давыдовымъ, о которомъ онъ писалъ своей женѣ: „Я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ *Дениса* не охотникъ" [148]).

Денисъ Васильевичъ по окончаніи Польской войны поселился въ Москвѣ, а въ 1832 году выпустилъ въ свѣтъ Собраніе своихъ стихотвореній. „Книжка небольшая", писалъ о ней Плетневъ Жуковскому, „но полная жизни и оригинальной его поэзіи. Онъ самъ написалъ свою біографію. Теперь Давыдовъ весь у насъ въ рукахъ" [149]).

Знаменитый Партизанъ и Поэтъ весьма былъ благосклоненъ къ Погодину, который при встрѣчахъ съ нимъ заслушивался его любопытныхъ разсказовъ: „Вечеръ", записываетъ Погодинъ, „съ большимъ удовольствіемъ у Загоскина съ Денисомъ Давыдовымъ, который разсказывалъ живо много любопытныхъ подробностей о войнѣ съ Поляками" [150]).

Въ бытность свою въ Москвѣ, Уваровъ обратилъ особенное вниманіе на цензуру журналовъ. По свидѣтельству Снегирева, онъ явился въ засѣданіе Цензурнаго Комитета „не такимъ мягкимъ", какимъ видѣли его въ университетѣ. Въ особенности гнѣвъ Уварова обрушился на *Телескопъ*. При этомъ Уваровъ заявилъ, что Государь читаетъ всѣ журналы съ отмѣтками, за строгость не столько отвѣтитъ цензоръ, сколько за слабость. Онъ сдѣлалъ также замѣчаніе Двигубскому за пропускъ статьи о дворянствѣ въ *Земледѣльческомъ Журналѣ*, и при этомъ заявилъ: *Политическая религія имѣетъ свои догматы неприкосновенные подобно Христіанской религіи; у насъ они: самодержавіе и крѣпостное право;—зачѣмъ ихъ касаться, когда они къ счастію Россіи утверждены сильною рукою.* Проговоривъ два часа, Уваровъ раскланялся съ цензорами, которые благодарили его за преподанное имъ нравоученіе, а Снегиревъ съ своей стороны, „промолвилъ, что мы много отъ него ожидали" [151]).

Послушаемъ теперь самаго Уварова. „Комитету цензурному" писалъ онъ, „счелъ я нужнымъ поставить пространно на видъ его тѣсныя къ Правительству обязанности, подкрѣпивъ мои замѣчанія разными статьями, пропущенными имъ въ

журналахъ; издателей *Телеграфа* и *Телескопа* призывалъ къ себѣ и излагалъ имъ съ умѣренностью, но твердо, всѣ послѣдствія, какія влекутъ за собою опасное направленіе ихъ журналовъ, и разсуждая съ ними о семъ предметѣ, получилъ отъ нихъ торжественное обѣщаніе исправить сію ложную и вредную наклонность; особенно издателю *Телескопа* и *Молвы*, какъ профессору Московскаго Университета, замѣтилъ въ присутствіи Голохвастова, что его обязанность къ Правительству двоякаго рода; ибо не только какъ журналистъ, но еще какъ профессоръ, долженъ онъ служить орудіемъ здраваго разсудка и хорошихъ началъ, и что изъ сей двоякой обязанности проистекаетъ для него и двоякая весьма важная и тѣсная отвѣтственность. Тому и другому изъ сихъ журналистовъ изъяснилъ я, что пора прекратить имъ не только дерзкое сужденіе о предметахъ, лежащихъ внѣ ихъ круга, но также и облагородить ихъ изданія, положа конецъ ругательнымъ критикамъ и дерзкимъ личностямъ. По вниманію, кажется искреннему, съ коимъ они слушали мои слова, долженъ я думать, что они, при бдительномъ надзорѣ цензуры, сдержатъ данное слово; по крайней мѣрѣ Министерство, образумивъ ихъ языкомъ кроткимъ, но твердымъ, предоставило нынѣ себѣ всѣ средства требовать гласно и открыто то, что я внушалъ имъ въ видѣ разсужденія и совѣта. Вообще, имѣя при семъ случаѣ непосредственное сношеніе съ сими лицами, убѣдился я въ томъ, что можно постепенно дать періодической литературѣ, сдѣлавшейся нынѣ столь уважительной и столь опасной, направленіе, сходственное съ видами Правительства; а сіе, по моему мнѣнію, несравненно лучше всякаго вынужденнаго запрещенія издавать листки, имѣющіе большое число приверженцевъ и съ жадностью читаемые особенно въ среднихъ и даже низшихъ классахъ общества. Здѣсь долженъ я сказать, что издатель *Телеграфа* Полевой скорѣе другихъ повиновался моему наставленію, и что даже Московская публика замѣтила перемѣну въ тонѣ его журнала, хотя не вѣдала о причинахъ, побудившихъ его къ оной".

Мнѣніе Пушкина о тогдашней журналистикѣ было не лучше Уваровскаго. По поводу непрестанно являющихся возмутительныхъ выходокъ противъ драгоцѣнныхъ произведеній и личности нашего великаго писателя, Пушкинъ писалъ Погодину: „Скажите Надеждину, что опрометчивость его сужденій непростительна. Недавно я прочелъ въ его журналѣ сравненіе между мной и Полевымъ, *оба-де морочатъ публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги, выдавая по одной главѣ своего Онѣгина, а другой, по одному тому своей Исторіи.* Разница, собрать подписку, *обѣщавшись* въ годъ выдать двѣнадцать томовъ, а между тѣмъ въ три года напечатать три тома на проценты съ выманенныхъ денегъ, и разница напечатать по главамъ сочиненіе, о которомъ сказано въ предисловіи: *вотъ начало стихотворенія, которое вѣроятно никогда не будетъ кончено.* Надеждинъ воленъ находить мои стихи дурными; но сравнивать меня съ плутомъ есть съ его стороны свинство. Какъ послѣ этого порядочному человѣку связываться съ этимъ народомъ? И что еслибы еще должны мы были уважать мнѣніе Булгарина, Полеваго, Надеждина? Приходилось бы стрѣляться послѣ каждаго нумера ихъ журналовъ. Слава Богу, что общее мнѣніе, какое бы оно у насъ ни было, избавляетъ насъ отъ хлопотъ. Не будете ли вы къ намъ? Эй, пріѣзжайте“.

Выходками Надеждина былъ также возмущенъ и почтенный Любимовъ. „Какъ не стыдно Надеждину“, писалъ онъ Погодину, „сравнивать Пушкина съ какимъ-то Тепляковымъ. Послѣдняго онъ ставитъ, кажется, еще выше“ [152]).

XVI.

Съ прекращеніемъ *Московскаго Вѣстника,* Погодинъ избралъ *Телескопъ* и *Молву* мѣстомъ для помѣщенія своихъ статей. „Въ *Телескопѣ*“, писалъ онъ Шевыреву, „я участвую трудами и не знаю ничего опредѣленнаго de honorario. Онъ имѣетъ уже болѣе семисотъ подписчиковъ“ [153]).

И дѣйствительно, по самому жизненному вопросу у Погодина были самыя двусмысленныя и неопредѣленныя отношенія къ Надеждину, о чемъ Погодинъ жалуется въ своемъ *Дневникѣ:* „Толковалъ съ Надеждинымъ объ оппозиціи, и все этотъ, *не знаю кто*, не предлагаетъ мнѣ никакихъ условій, и мое право испаряется... Надеждинъ играетъ очень двусмысленную роль... Работаю какъ батракъ на Надеждина, а мзды не пріемлю". Но опала, постигшая Надеждина, какъ профессора и журналиста, заставила Погодина забыть свои счеты съ опальнымъ и принять въ немъ, какъ въ товарищѣ, живѣйшее участіе: „Съ Надеждинымъ", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „о мѣрахъ оборонительныхъ противъ Уварова, Давыдова и предоставленіи журнала Венелину".

Между тѣмъ самъ Погодинъ въ это время находился въ очень затруднительномъ денежномъ положеніи и очень нуждался въ вознагражденіи за труды. Покупка дома въ Москвѣ и деревни въ Дмитровскомъ уѣздѣ втянули его въ долги, которые очень его тяготили, и онъ почти съ отчаяніемъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Въ какихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ я нахожусь по своему легкомыслію. Долги. Сухи отзывы Голохвастова. Чортъ ихъ возьми. Мнѣ только-бъ расплатиться съ долгами. Я прогремѣлъ бы имъ". Для поправленія своихъ дѣлъ, онъ рѣшился продать свой домъ. „Пришли торговать домъ", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „прошлогодніе покупщики, присланные Альфонскимъ. Запродалъ за тридцать девять тысячъ. Ну слава Богу. Расплачусь". Объ этомъ Погодинъ напрасно поторопился записать въ своемъ *Дневникѣ*; ибо въ слѣдующей записи мы встрѣчаемъ извѣстіе: „Къ Грузинской царевнѣ о домѣ: кажется продается" [154]). Но и на этотъ разъ продажа дома не состоялась, и Погодинъ съ грустью писалъ Шевыреву: „Я здоровъ, но дѣла всѣ плохи по прежнему. Блеснула было надежда продать домъ, но опять исчезла" [155]). Вѣроятно для разсѣянія удручавшихъ его хозяйственныхъ заботъ, Погодину пришла мысль брать въ манежѣ уроки въ верховой ѣздѣ и тамъ онъ упражнялся въ этомъ искусствѣ въ теченіе апрѣля и мая

1832 года, и объ успѣхахъ своихъ онъ записывалъ въ своемъ *Дневникѣ*, гдѣ мы читаемъ: „Не могу еще привыкнуть крѣпко держать повода... Занятъ былъ очень, а толку мало. Верховая ѣзда произвела кажется головную боль, туманность... Въ манежъ. Усталъ. Не дается еще, и изъ стремянъ выскакиваетъ нога. Въ манежъ. Ловче“ [156]).

О своихъ же занятіяхъ Литературою и Наукою Погодинъ писалъ Шевыреву: „Послѣдніе полгода по литературѣ были у меня безплодные; я только-что окончилъ изданіе *Повѣстей*... Еще нѣсколько рецензій и мелкихъ подѣлокъ. Но прочелъ кое-что“ [157]). Обзоръ же его трудовъ за это время показываетъ, что 1832 годъ не былъ *безплоднымъ* въ литературной и ученой жизни Погодина. Въ изданныхъ Пушкинымъ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1832 годъ* Погодинъ напечаталъ *Мысли о Наукѣ*, письмо къ графинѣ N [158]). Статья эта встрѣтила недоброжелательные отзывы въ нѣкоторыхъ журналахъ, но въ *Литературныхъ прибавленіяхъ* къ *Русскому Инвалиду* справедливо замѣчено: „Рѣшительно не понимаемъ, почему сія статья, по мнѣнію нѣкоторыхъ журналистовъ, не годится для альманаха?.. Неужели простой, ясный, истинно философической разсказъ г. Погодина скорѣе надоѣстъ читателямъ и читательницамъ, нежели какія-нибудь нелѣпыя повѣсти о Сибирскомъ разбойникѣ или о Краковскомъ замкѣ. Что касается до насъ, то охотнѣе согласимся перечитать десять разъ всякую ученую статью Погодина, нежели любую изъ бранныхъ выходокъ какого-нибудь жалкаго *Верхогляда*“ [159]) Въ *Сѣверной Пчелѣ* по поводу этой статьи Погодина явилась замѣтка, съ претензіею на ядовитовость: „Г. Погодинъ хотѣлъ ясно выразить“, читаемъ въ этой замѣткѣ, „свои понятія о наукѣ вообще, такъ, чтобы статья могла съ пользою читаться и дамами, не пугая ихъ своимъ изложеніемъ. Ему не вовсе удалась эта попытка. Замѣтимъ, что мѣстами слогъ нѣсколько теменъ“ [160]). Но всякую ядовитость этой замѣтки изгладилъ *Телескопъ* слѣдующими строками объ этомъ *Письмѣ* Погодина: „Мысли, въ немъ изложенныя, вполнѣ вѣрныя и основательныя,

представлены ясно, послѣдовательно, и что особенно важно, проникнуты теплотой одушевленія, которая должна найти доступъ не только къ уму, но и къ сердцу любознательной графини".

Еще въ 1831 году, почтенный историкъ нашъ Устряловъ издалъ первую часть *Сказаній современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ*, заключающую въ себѣ Берову Лѣтопись, а въ 1832 году часть вторую и третью,—Записки Георга Паерле и Маржерета. Предметъ этого изданія былъ весьма близокъ Погодину, съ давняго времени изучающему этотъ періодъ нашей исторіи, и онъ въ *Телескопѣ* напечаталъ весьма благонамѣренную рецензію. „Сколько трудовъ, заботъ и попеченій", пишетъ онъ, „стоитъ у насъ издателю всякая подобная книга. Отыщи подлинникъ, который добыча мышей и моли, хранится, разумѣется, за семью замками; многими просьбами и поклонами достать его себѣ на подержаніе; повтори тѣ же исканія за объясненіями и дополненіями, вытерпи нѣсколько отказовъ и отлагательствъ, погуби много драгоцѣнныхъ часовъ въ напрасныхъ, унизительныхъ ожиданіяхъ. Потомъ выдержи тлѣтворный взглядъ книгопродавца на твою рукопись, дай отвѣтъ на нелѣпыя его возраженія, разсмѣйся скромно на унизительное предложеніе, потомъ объясни кому слѣдуетъ мѣста сомнительныя, и напиши дрожащею рукою осужденіе самому себѣ; наконецъ натяни послѣднія силы и напечатай на свой счетъ книгу, поклонись еще журналистамъ, чтобы объявили о ней съ одобреніемъ... Бѣдный пловецъ! Бѣдный пловецъ! Сколько опасностей угрожаетъ тебѣ на избранномъ тобою, въ минуту святаго восторга, треволненномъ морѣ! И подводные камни, и волны, и мели, и неожиданныя бури! Благо тебѣ, если не истощишь ты силъ своихъ на половинѣ плаванія, и, сложивъ руки, безъ надежды на пристань, не пустишь свою утлую ладью на произволъ вѣтра". Обращаясь къ Устрялову и его изданію, Погодинъ говоритъ: „Но вотъ книга, которая прошла чрезъ всѣ мытарства! Съ умиленіемъ смотрю на нее, и отъ искренняго сердца поздравляю издателя съ благополучнымъ окончаніемъ. Поздрав-

ляю съ счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ въ пользу его изданія: любопытный предметъ, заманчивое заглавіе, внутреннее достоинство, важное для ученаго и пріятное для неученаго читателя; выгодныя отношенія къ журналистамъ, между которыми не за что быть у него враговъ, и къ товарищамъ по ремеслу, съ которыми не было еще точекъ соприкосновенія, между которыми не успѣли еще возникнуть завистники". Обращаясь затѣмъ къ самой лѣтописи Бера, Погодинъ продолжаетъ: „Лѣтопись Бера — наслажденіе. Такъ и видишь передъ глазами и Русскихъ бояръ, и простой народъ, и Поляковъ, и Нѣмцевъ, и Самозванца и Марію, и Тушинскаго вора, и Шуйскаго. Вотъ отказывается Борисъ, вотъ кланяются ему, плачутъ Москвитяне, вотъ чинятся Нѣмцы на царскомъ пиру, вотъ разносятъ ихъ пьяныхъ по домамъ на носилкахъ; вотъ свирѣпствуетъ голодъ; вотъ составляется заговоръ противъ Лжедимитрія, вотъ ломятся бояре во дворецъ его и пр. и пр. Вѣкъ въ самыхъ яркихъ краскахъ, со всѣми тонкими оттѣнками, представляется взорамъ вашимъ, живой, движущійся. Таково преимущество современныхъ записокъ предъ Исторіею, даже искусно писанною. Духъ времени отпечатывается во всякомъ сочиненіи, и его печать трудно поддѣлать послѣ самому искусному историку-художнику. Беръ, нѣмецкій пасторъ, въ Москвѣ бесѣдовалъ съ Басмановымъ, съ Маржеретомъ, зналъ лично обоихъ Лжедимитріевъ, Марину, пана Сапѣгу и проч.".

Записки Паерле, напечатанныя во второй части *Сказаній Современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ*, Погодинъ находитъ гораздо ниже драгоцѣнныхъ Записокъ Бера. „Этотъ", пишетъ онъ, „холодный, расчетливый, необразованный купецъ, заѣхавшій въ Россію случайно за торговыми дѣлами и заточенный вмѣстѣ съ другими иностранцами по убіеніи Самозванца, записывалъ вѣроятно отъ нечего дѣлать, что ни случалось ему видѣть и слышать въ Москвѣ о Димитріи Самозванцѣ и слѣдствіяхъ сего дерзкаго предпріятія".

Погодинъ соглашается съ Устряловымъ, что записки капи-

тана иноземныхъ тѣлохранителей Годунова, Самозванца, Маржерета заключаютъ въ себѣ драгоцѣнныя извѣстія о Русскомъ дворянствѣ, о свадебныхъ обрядахъ, о царскихъ пиршествахъ, объ устройствѣ нашего войска, о набѣгахъ Татаръ. Сверхъ того Маржеретъ сообщаетъ много любопытнаго о Борисѣ Годуновѣ и о Димитріѣ Самозванцѣ. Въ особенности же замѣчательны его мысли о семъ обманщикѣ, заставляющія призадуматься не одного историка. „Но чѣмъ объяснить", спрашиваетъ Погодинъ, „это упорство, съ которымъ доказываетъ Маржеретъ право Самозванца? Развѣ только легкомысліемъ, романическимъ воображеніемъ и благодарностію его благодѣяніямъ!" [161]).

Эти доброжелательныя рецензіи завязали между Погодинымъ и Устряловымъ дружелюбныя сношенія. Издавъ *Сказанія Современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ*, Устряловъ предпринялъ изданіе сочиненій князя Курбскаго, и объ этомъ спѣшитъ сообщить Погодину: „Случай доставилъ мнѣ три весьма хорошіе списка сочиненій князя Курбскаго. Д. Н. Блудовъ далъ слово исходатайствовать дозволеніе на изданіе. Дѣло общее Всероссійское". Въ другомъ своемъ письмѣ Устряловъ сообщаетъ Погодину: „О Курбскомъ я собиралъ всѣ возможныя свѣдѣнія и не упустилъ изъ виду Арцыбашева; но мысли его мнѣ не нравятся. По крайней мѣрѣ, чѣмъ болѣе читаю Курбскаго, тѣмъ болѣе уважаю его. Бесѣдую съ нимъ ежедневно часовъ по восьми". Изданіе свое Устряловъ желалъ украсить портретомъ Грознаго, и по этому поводу писалъ Погодину: „Я узналъ, что въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ портретъ Грознаго не весьма удаченъ, а есть весьма хорошій въ Кусковѣ у графа Шереметева. Не откажите мнѣ въ убѣдительнѣйшей просьбѣ: поручите сдѣлать Шереметевскій портретъ какъ можно вѣрнѣе. Вы безъ сомнѣнія смѣетесь надъ моимъ ребячествомъ и скажете: дѣло не въ портретѣ, а въ изданіи, въ варіантахъ, примѣчаніяхъ... Такъ! Но мнѣ хочется, не упуская изъ виду существеннаго, не оставить безъ вниманія и того, что можетъ заманить публику — нашу публику.

Ручаюсь, что послѣ Курбскаго, у насъ примутся читать и лѣтописи. Завтра свѣтлый праздникъ; люди въ церкви, я же выправляю Сказаніе Курбскаго о Воротынскомъ. Христосъ Воскресе!“ Не смотря на то, что Погодинъ болѣе интересовался варіантами, примѣчаніями, чѣмъ портретомъ Грознаго, но тѣмъ не менѣе онъ исполнилъ желаніе Устрялова и чрезъ Смирдина доставилъ ему портретъ Грознаго, и это доставило великое удовольствіе Устрялову. „Признаюсь“, писалъ онъ, „сколько не былъ я увѣренъ въ вашемъ добромъ расположеніи, но такого подарка я не ожидалъ: портретъ прекрасный! Онъ уже въ рукахъ Уткина. С. С. Уваровъ очень хвалилъ его; А. Н. Оленинъ также. Еще необходима подпись Грознаго“ [162]). Устрялову трудно было, предпринимая изданіе сочиненій Курбскаго, обойти П. М. Строева, съ которымъ онъ завязалъ неминуемыя сношенія [163]), и объ этомъ сообщилъ Погодину: „На дняхъ“, писалъ онъ, „жду отъ Строева хорошаго, едва ли не лучшаго списка всѣхъ сочиненій Курбскаго. Митрополитъ Евгеній доставилъ важныя статьи для біографіи Курбскаго“ [164]).

Въ 1832 году И. П. Сахаровъ издалъ въ Москвѣ *Исторію общественнаго образованія Тульской губерніи*. Погодинъ привѣтствовалъ этотъ трудъ бѣднаго студента, медика, ободрительнымъ словомъ, которое безъ сомнѣнія было толчкомъ для продолженія трудовъ его на избранномъ поприщѣ, на которомъ онъ стяжалъ себѣ впослѣдствіи громкую извѣстность. „Съ благодарностью“, пишетъ Погодинъ, „должно встрѣчать имя всякаго новаго дѣлателя на полѣ Русской Исторіи. Такъ мало ихъ, такъ много жатвы, но жатвы, воздающей плодъ только письменный. Одна любовь къ наукѣ должна подкрѣплять ихъ въ тяжелыхъ трудахъ. Чего напримѣръ могъ ожидать издатель сей книги, переписывая съ длинныхъ столбцовъ сотни своихъ документовъ, разбирая ихъ связные почерки! Онъ не имѣлъ даже твердой надежды ихъ напечатать, не только получить какое-либо вознагражденіе; ибо ни одинъ книгопродавецъ не рѣшится *увязить своихъ денегъ* въ такое изданіе безвозвратно;

читателей надо искать со свѣчей. Развѣ только вдали мерцалъ ему невѣрный лучь: авось, на счастье какъ-нибудь найду Мецената, который пожертвуетъ своимъ иждивеніемъ на изданіе?—И онъ видно нашелъ его! — И такъ равная благодарность обоимъ, за трудъ и за пособіе". Пожелавъ успѣха въ дальнѣйшихъ трудахъ новому дѣлателю, Погодинъ въ своемъ извѣстіи ограничивается однимъ замѣчаніемъ на заглавіе: *Исторія общественнаго образованія Тульской губерніи*. „Это слишкомъ громко; приличнѣе бы назвать *Матеріалами для Исторіи*" [165]).

Относясь весьма сочувственно къ изданнымъ профессоромъ Кайдановымъ *Извлеченіямъ изъ Историческихъ Лекцій* (Спб. 1832), Погодинъ возражалъ только на положеніе автора, что *Исторія* объясняетъ *намъ свойства сердца и дѣянія человѣка. Отъ ней узнаемъ мы, что человѣкъ можетъ быть и ангеломъ и безсмысленнымъ животнымъ*. „Нѣтъ!", писалъ Погодинъ, „Только Сердцевѣдецъ знаетъ наши тайныя помышленія, и если бы Исторія, я говорю о наукѣ, захотѣла разбирать и объяснить отдаленныя человѣческія побужденія и первыя пружины къ произведенію дѣйствій, то она должна бы остановиться... на Адамѣ, когда онъ поднялъ руку за роковымъ яблокомъ"... По поводу предлагаемаго Кайдановымъ раздѣленія Исторіи, Погодинъ приводитъ слова Шлецера: „Господи! кто осмѣлится означить точь-въ-точь годъ Твоего творенія!" [166]).

Появленіе въ свѣтъ книги Шульгина: *Изображеніе характера и содержанія Исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій* (Спб. 1831) было встрѣчено Погодинымъ горячимъ привѣтствіемъ: „Можно поздравить „Русскихъ читателей", писалъ онъ", съ появленіемъ сей примѣчательной книжки; по одному языку, не говоря даже о прочихъ ея достоинствахъ, она должна занять не послѣднее мѣсто въ нашей литературѣ. Слогъ ровный, точный и сильный, вполнѣ соотвѣтствующій сему роду сочиненій! Происшествія обозрѣны, при всей краткости, ясно и отчетисто, любовь къ Отечеству, ко всему Русскому, благородная откровенность, видна на всякой страницѣ. Честь автору!"

въ Воронежскую губернію. Склоненъ будучи къ странностямъ, онъ тамъ началъ производить нѣкоторыя штуки съ помощію химіи, за что подвергся преслѣдованію невѣждъ помѣщиковъ и принужденъ былъ уѣхать въ С.-Петербургъ. Въ это время открывался бывшій прежде Педагогическій Институтъ. Рѣзановъ, уже сѣдой какъ лунь, записался снова въ число студентовъ. Можно вообразить, какъ товарищи и молодежь надъ нимъ трунили. Между тѣмъ, въ Институтѣ не занята еще была каѳедра математики. Академикъ Гурьевъ просилъ за нее четыре тысячи. Вдругъ студентъ Рѣзановъ предлагаетъ конференціи проэкзаменовать его на это мѣсто, и если онъ окажется достойнымъ, то удовольствуется только тысячью двумястами жалованья. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался профессоромъ и даже инспекторомъ тѣхъ студентовъ, которые надъ нимъ прежде острились. Изъ профессоровъ вышелъ онъ въ отставку, и теперь еще живъ, лѣтъ около восьмидесяти. Всего любопытнѣе въ немъ его увѣренность, что съ помощію математики онъ можетъ производить чудеса. Онъ многихъ лѣчилъ и теперь продолжаетъ, посылая вырѣзанныя изъ бумаги квадратики, на которыхъ надписываетъ Арабскія буквы. Этимъ штукамъ выучился онъ въ Астрахани, бывъ долго въ тѣсной связи съ Азіатцами, а особенно Индѣйцами. Еще онъ гордится изобрѣтеніемъ новой системы міра, проклинаетъ Ньютона, увѣряетъ, что земля есть тѣло сердцеобразное, что въ ея центрѣ есть существо гермафродитъ въ родѣ сказочной царь-дѣвицы, что Богъ обитаетъ въ солнцѣ по словамъ Св. Писанія: *въ солнцѣ положи селеніе свое*; что землю, когда она приближается очень къ солнцу, Богъ отгоняетъ крестомъ, и проч., и проч. Онъ даже вырѣзалъ печатку, на которой изображена его система. Но еще любопытнѣе, что онъ, какъ увѣряетъ, дошелъ до тѣхъ тайнъ, которыми обладалъ Илія и Архимедъ. Объ этихъ открытіяхъ, кажется, онъ писалъ и къ покойному Государю, который приказалъ Академіи Наукъ выслушать его; но Академія, послѣ двухъ лекцій, опредѣлила закрыть его чтенія впредь до новаго ея приказанія. Этотъ чудакъ живетъ

„Я имѣлъ случай“, пишетъ Погодинъ, „познакомиться съ Семеновымъ въ Москвѣ въ 1828 году, и познакомилъ его, въ свою очередь, съ нѣкоторыми Московскими учеными. Нашъ профессоръ Астрономіи Д. М. Перевощиковъ удивился его астрономическимъ свѣдѣніямъ. Профессоры Павловъ и Максимовичъ часто говорили съ нимъ вообще о природѣ, и могутъ засвидѣтельствовать о его способности понимать и разсуждать. Въ 1829 году мнѣ случилось быть въ Курскѣ, и я провелъ нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ въ его захолустьѣ, на тѣсномъ чердакѣ, между книгами, тетрадями и самодѣльными инструментами термометрами, барометрами, трубами. Я просилъ его тогда написать мнѣ краткое извѣстіе объ его жизни. Онъ обѣщалъ, но никакъ не рѣшался сообщить мнѣ анекдотическія подробности. Изъ скромности ли онъ такъ колебался, или изъ опасенія подпасть насмѣшкамъ въ своемъ кругу, или не желая сказать что-либо дурное о близкихъ къ себѣ людяхъ— не знаю. Однако-жъ послѣ многихъ усильныхъ просьбъ я получилъ отъ него описаніе собственно-учебной его жизни, и предлагаю оное здѣсь. Я думаю, что читателямъ будетъ пріятно прочесть въ новое доказательство Русскихъ способностей. Почему знать, что не выйдетъ изъ Семенова какой-нибудь Фрауенгоферъ? Да и во всякомъ случаѣ не благородно ли почтить въ такомъ человѣкѣ этотъ чистый жаръ святой любви къ познаніямъ?“.

Погодинъ вообще интересовался Русскими оригиналами, и какъ только узнавалъ о существованіи ихъ, то тотчасъ же принималъ мѣры къ отысканію о нихъ свѣдѣній. Такого оригинала описываетъ Погодину Плетневъ, а именно Рѣзанова. „Онъ изъ духовнаго званія, родился въ Старомъ Осколѣ, учился въ Харьковскомъ Коллегіумѣ, откуда поступилъ студентомъ въ бывшую здѣсь Учительскую Гимназію. Окончивъ курсъ, оставленъ здѣсь же учителемъ математики въ Главномъ С.-Петербургскомъ училищѣ. Черезъ нѣсколько времени перешелъ онъ учителемъ въ Астрахань. Женился на какой-то Грузинской княжнѣ. Овдовѣвъ, уѣхалъ онъ жить въ частный домъ

ской Исторіи; но напечаталъ его только въ 1835 году въ *Московскомъ Наблюдатель.*

Между тѣмъ давнишній и завѣтный трудъ Погодина и Шевырева—переводъ Церковно-Славянской грамматики Добровскаго, подъ надзоромъ Востокова, печатался въ Петербургѣ. 5 августа 1832 года Востоковъ писалъ Погодину: „Печатаніе вашего перевода Грамматики Добровскаго подвигается теперь безостановочно“. Признательный Погодинъ отвѣчалъ Востокову на эти строки: „Счастливымъ себя почту, если смогу оказать вамъ когда-нибудь какую-либо услугу“ [174]).

По каѳедрѣ Всеобщей Исторіи, Погодинъ въ это время приготовлялъ къ печати переводъ учебника Беттигера для руководства студентамъ. „Усталый“, писалъ онъ Шевыреву, „занимаюсь трудомъ механическимъ: перевожу Беттигерову Исторію“ [175]); а въ газетахъ было заявлено: „Общая Исторія Беттигера въ трехъ книжкахъ, курсъ гимназическій, выйдетъ къ новому году. Переводъ сдѣланъ нѣкоторыми студентами, подъ руководствомъ Погодина“.

Но среди занятій наукою, литературой и житейскихъ попеченій, Погодинъ, по обычаю, любилъ предаваться размышленіямъ, которыя обыкновенно были зародышами его афоризмовъ. Присутствуя у кого-то на крестинахъ, онъ замѣчаетъ: „Какое бренное созданіе человѣкъ. Умилительный обрядъ“. Прохаживаясь въ Великую Субботу по Охотному ряду, мимо пасхъ, онъ встрѣтилъ какую-то „бабу, уличенную, вѣроятно, въ кражѣ“, и эта встрѣча навела на „психическія размышленія“. Приходитъ въ восторгъ отъ мысли, на которую онъ какъ-то „наткнулся“, что „христіанская вѣра во всѣхъ государствахъ чрезъ женщинъ“.

Въ это время А. С. Шишковъ издалъ свои *Записки,* которыя вызвали слѣдующую запись въ *Дневникѣ* Погодина: „Читалъ любопытныя *Записки* Шишкова, котораго у насъ мало цѣнятъ. Шишковъ участвовалъ въ судьбѣ Россіи въ то время, при Наполеонѣ!!!“ [176]).

XVII.

Въ концѣ іюня 1832 года, Гоголь предпринялъ путешествіе изъ Петербурга въ Малороссію. Въ это время имя его уже прославилось *Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки*. Еще въ 1831 году, Пушкинъ писалъ Воейкову: „Сейчасъ прочелъ „*Вечера близъ Диканьки*. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ. Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго“ [177]). Самъ Гоголь въ письмѣ своемъ къ Пушкину разсказываетъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ его *Вечерами* на наборщиковъ типографіи, когда они печатались: „Любопытнѣе всего было“, пишетъ онъ, „мое свиданіе съ типографіею: только-что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, и онъ послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ сказалъ, что штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву. Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусѣ черни“.

Будучи проѣздомъ въ Москвѣ, Гоголь познакомился и сразу сдружился съ Погодинымъ. Въ *Дневникѣ* своемъ подъ 11 іюня — 7 іюля 1832 года онъ записалъ: „Познакомился съ Гоголемъ и имѣлъ случай сдѣлать ему много одолженія. Говорилъ съ

нимъ о Малороссійской Исторіи. Большая надежда, если возстановится его здоровье. Онъ разсказывалъ мнѣ много чудесъ о своемъ курсѣ Исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ женскомъ въ Петербургѣ. Изъ его воспитанницъ нѣтъ ни одной не успѣвшей". Погодинъ такъ заинтересовался педагогическою дѣятельностью Гоголя, что тотчасъ написалъ Плетневу просьбу прислать ему для просмотра тетради Гоголевыхъ ученицъ въ Патріотическомъ Институтѣ. На эту просьбу, Плетневъ отвѣчалъ Погодину: „Не думаю, чтобы тетради учениць Гоголя могли вамъ на что-нибудь пригодиться. Ихъ разсказъ уроковъ его очень пріятенъ, потому что Гоголь останавливаетъ вниманіе учениць больше на подробностяхъ предметовъ, нежели на ихъ связи и порядкѣ. Я послѣ вашего письма нарочно пересматривалъ эти тетради и увѣрился, что ученическія записки всѣ равны, т.-е. съ ошибками грамматическими, логическими и пр. и пр.

Что касается до порядка въ Исторіи, или какого-нибудь придуманнаго Гоголемъ облегченія—этого ничего нѣтъ. Онъ тѣмъ же превосходитъ товарищей своихъ какъ учитель, чѣмъ онъ выше сталъ многихъ, какъ писатель, т.-е. силою воображенія, которое подъ его перомъ всему сообщаетъ чудную жизнь и увлекательное правдоподобіе". Вскорѣ и самъ Гоголь писалъ Погодину:

Журнальца, который ведутъ мои ученицы, я не посылаю, потому что онъ обезображенъ посторонними и чужими прибавленіями, которыя онѣ присоединяютъ иногда отъ себя изъ дрянныхъ печатныхъ книжонокъ, какія попадутся имъ въ руки; притомъ же я только такое подносилъ имъ, что можно понять женскимъ, мелкимъ умомъ. Лучше обождать нѣсколько времени, я вамъ пришлю или привезу чисто свое, которое подготовляю къ печати. Это будетъ Всеобщая Исторія и Всеобщая Географія въ трехъ или въ двухъ томахъ подъ названіемъ *Земля* и *Люди*. Изъ этого гораздо лучше вы узнаете нѣкоторыя мои мысли объ этихъ наукахъ".

Во время своего пребыванія въ Москвѣ Гоголь счелъ дол-

гомъ явиться къ И. И. Дмитріеву, который очаровалъ его своимъ пріемомъ и благодарныя чувства свои за этотъ пріемъ Гоголь излилъ въ письмѣ къ своему старѣйшему собрату: „Вашъ ласковый пріемъ“, писалъ онъ, „и ваша доброта напечатлѣлись неизгладимо въ моей памяти. Мнѣ кажется, я вижу васъ, нашего патріарха поэзіи, въ ту самую минуту, когда вы радушно протянули руку еще безъизвѣстному и не довѣряющему себѣ автору. Съ того времени мнѣ показалось, что я подросъ по крайней мѣрѣ на вершокъ. Еще не видавши васъ лично, питалъ къ вамъ благоговѣйное уваженіе и привязался къ вамъ всею душею“.

Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію П. И. Бартенева, „цѣлое поколѣніе писателей, начиная съ Шишкова и оканчивая Гоголемъ, съ уваженіемъ и живымъ сочувствіемъ относилось къ И. И. Дмитріеву“. Москва Гоголю пришлась по сердцу и ему не хотѣлось изъ нея выѣзжать. 8 іюля 1832 года, онъ былъ уже въ дорогѣ. „Минувши заставу“, писалъ онъ И. И. Дмитріеву, „и оглянувшись на исчезающую Москву, я почувствовалъ грусть“. Изъ Подольска Гоголь писалъ Погодину: „Вотъ что называется выполнять свои обѣщанія: я обѣщалъ къ вамъ писать по крайней мѣрѣ изъ Тулы, а пишу изъ Подольска. Я ѣхалъ въ самый дождь и самою гадкою дорогою, и пріѣхалъ въ Подольскъ и переночевалъ, и теперь, свидѣтель прелестнаго утра, ѣхать бы только нужно, но препроклятое слово имѣетъ обыкновеніе вырываться изъ устъ смотрителей: *нѣтъ лошадей!* Видно судьба моя ѣхать всегда въ дурную погоду. Впрочемъ, совѣстливый смотритель объявлялъ, что у него есть десятокъ своихъ лошадей, которыхъ онъ по добротѣ своей (его собственное выраженіе) готовъ дать за пятерные прогоны. Но я лучше рѣшился сидѣть за Ричардсоновой *Кларисою* въ ожиданіи лошадей; потому что ежели по пути попадется мнѣ еще десять такихъ благодѣтелей человѣческаго рода, то нечѣмъ будетъ доѣхать до пристанища. Впрочемъ присутствія духа у меня довольно. Вотъ скоро уже 12 часовъ, а мнѣ еще все люли и ни почемъ. Не знаю, такъ

ли будетъ послѣ 12-ти. Ну, обнимаю васъ еще разъ. Можетъ быть вы не выѣхали еще въ деревню. Эхъ какъ весело имѣть деревню въ пятидесяти верстахъ! Почему бы Правительству не поручить какому-нибудь надежному инженеру укоротить путь. Но это мечты, которыя я себѣ позволилъ по § Цензурнаго Устава. Прощайте любезнѣйшій Михайло Петровичъ, братъ по душѣ! Жму вашу руку. Можетъ быть это пожатіе дошло до васъ прежде моего письма, вѣрно вы чувствовали, что ваша рука кѣмъ-то была стиснута хотя во-снѣ. Это жалъ ее вашъ Гоголь"[178]). „Въ дорогѣ" ,писалъ Гоголь И. И. Дмитріеву, „занимало меня одно только небо, которое по мѣрѣ приближенія къ югу, становилось синѣе и синѣе. Мнѣ надоѣло сѣрое, почти зеленое сѣверное небо также, какъ и тѣ однообразно печальныя сосны и ели, которыя гнались за мною по пятамъ отъ Петербурга до Москвы"[179]). Добравшись чрезъ двѣнадцать дней до своей Полтавской Васильевки, Гоголь писалъ оттуда Погодину: „Наконецъ я дотащился до гнѣзда своего, безцѣнный Михаилъ Петровичъ, проклиная безконечную дорогу и до сихъ поръ не опамятовавшись послѣ проклятой ѣзды. Вѣрите ли, что теперь одинъ видъ проѣзжающаго экипажа производитъ во мнѣ дурноту. Что-то значитъ хилое здоровье! Пріѣхавши въ Полтаву (17 іюля), я тотчасъ объѣздилъ докторовъ и удостовѣрился, что ни одинъ цѣхъ не имѣетъ меньше согласія и единодушія какъ этотъ. У каждаго свои мнѣнія. Иныя изъ нихъ такъ вздорны, что удивляешься какъ и откуда залѣзли въ глупыя ихъ головы и каждый стоитъ за свою глупую систему до зарѣзу. Такъ что мнѣ не остается иного средства какъ просить васъ прибѣгнуть къ Дядьковскому и попросить у него первый рецептъ. Увѣрьте его, что съ величайшею признательностію буду благодарить его, сколько позволитъ мнѣ мое состояніе, и по гробъ буду помнить его помощь. Теперешнее состояніе моего здоровья совершенно таково, въ какомъ онъ меня видѣлъ. Дни начались здѣсь хорошіе, фруктовъ бездна, но я ѣсть ихъ боюсь. Остатокъ лѣта кажется будетъ чудо; но я самъ не знаю отъ чего удивительно равнодушенъ ко

всему. Всему этому я думаю причина болѣзненное мое состояніе. При томъ же пріѣхалъ въ имѣніе совершенно разстроенное. Долговъ множество не выплаченныхъ. Пристаютъ со всѣхъ сторонъ, а уплатить теперь совершенная невозможность. Я жажду только и дожидаюсь съ нетерпѣніемъ обнять васъ лично. Знаете ли что мнѣ представляется, я большой въ этомъ случаѣ фантазеръ, будто вы вдругъ неожиданно пріѣзжаете ко мнѣ въ деревню. Я васъ... и чѣмъ далѣе, тѣмъ невѣроятнѣе. Покамѣсть я еще только отдыхаю. Впрочемъ, родились у меня двѣ крѣпкія мысли о нашей любимой наукѣ, которыми вамъ когда-нибудь похвастаюсь". Гоголь однако не торопился изъ своей Васильевки и въ сентябрѣ писалъ Погодину: „Вашей добротѣ, вѣрно, конца нѣтъ, безцѣнный Михаилъ Петровичъ! Въ письмѣ вашемъ столько готовностей на всѣ пожертованія, что мнѣ осталось удивляться только необыкновенолу своему счастію. Благодарю васъ за васъ же. Сдѣлайте милость, обо мнѣ не безпокойтесь теперь. Черезъ мѣсяцъ я обниму васъ въ Москвѣ и тогда поговоримъ обстоятельнѣе обо всемъ. Такъ и рѣшимся. Денегъ покамѣсть мнѣ ненужно. Здоровье мое, кажется, немного лучше, хотя чувствую слегка боль въ груди и тяжесть въ желудкѣ, можетъ быть отъ того, что никакъ не могу здѣсь соблюсти діэты. Проклятая, какъ нарочно, въ этотъ годъ плодовитость Украйны соблазняетъ меня безпрестанно и бѣдный мой желудокъ безпрестанно занимается вареніемъ то грушъ, то яблокъ. Тянетъ въ Москву" [180]).

О своемъ же пребываніи въ деревнѣ и о своихъ деревенскихъ наблюденіяхъ, вотъ что писалъ Гоголь И. И. Дмитріеву: „Я живу въ деревнѣ совершенно такой, какая описана незабвеннымъ Карамзинымъ. Мнѣ кажется, что онъ копировалъ Малороссійскую деревню: такъ краски его ярки и сходны съ здѣшней природой. Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лѣто! Хлѣба, фруктовъ, всего растительнаго гибель! А народъ бѣденъ, имѣнія разорены, и недоимки неоплатныя. Всему виною недостатокъ сообщенія.

Онъ усыпилъ и облѣнивилъ жителей. Помѣщики видятъ теперь сами, что съ однимъ хлѣбомъ и винокуреніемъ нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинаютъ понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталовъ нѣтъ, счастливая мысль дремлетъ, наконецъ умираетъ, а они рыскаютъ съ горя за зайцами" [181]).

XVIII.

Въ глубокую осень, 1832 года, Гоголь вернулся въ Москву и прежде всего онъ отыскалъ квартиру своего земляка М. А. Максимовича, но не засталъ его дома. Максимовичъ, узнавъ, что у него былъ авторъ *Вечеровъ на хуторѣ*, поспѣшилъ къ нему въ гостинницу. Гоголь встрѣтилъ своего гостя, какъ стараго знакомаго; но Максимовичу стоило большаго труда не дать замѣтить Гоголю, что онъ совсѣмъ его не помнитъ. По словамъ Максимовича, Гоголь былъ тогда „хорошенькимъ молодымъ человѣкомъ, въ шелковомъ архалукѣ вишневаго цвѣта". Оба они заняты были въ то время Малороссіею. Гоголь готовился писать Исторію этой страны, а Максимовичъ собирался печатать Малороссійскія пѣсни, и потому они нашли другъ друга очень интересными людьми. Не много времени провели они вмѣстѣ, но оттолѣ началась ихъ крѣпкая дружба [182]). Въ это же время Гоголь чрезъ Погодина познакомился и сблизился съ Загоскинымъ и Аксаковыми.

По минованіи холеры и другихъ бѣдствій, столь удручавшихъ трусливаго Загоскина, онъ ожилъ и даже дѣлалъ игривыя наставленія Погодину „какъ любезничать" съ дамами, устраивалъ у себя литературныя вечера, на которыхъ Павелъ Свиньинъ читалъ свои комедіи и разсказывалъ, что однажды на вопросъ великаго князя Михаила Павловича: *Вы либералъ?* Дерзнулъ отвѣтить: „Нѣтъ, ваше высочество, а при Иванѣ Васильевичѣ жить не желалъ бы".

Не смотря на постигшія С. Т. Аксакова служебныя невзгоды, хлѣбосольство въ его домѣ не оскудѣвало и Пого-

динъ даже жалуется на его черезъ-чуръ сытные обѣды. Не оскудѣвалъ также интересъ и къ Литературѣ, не оставалось въ запустѣніи и зеленое поле. „Зовутъ къ Аксаковымъ", читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина, „поѣхалъ... доиграть въ бостонъ. Досадно. Доигралъ и проигралъ" [183]). Въ это время Аксаковы познакомились съ Гоголемъ. Объ этомъ первомъ знакомствѣ послушаемъ самого С. Т. Аксакова, который повѣствуетъ: „По субботамъ постоянно обѣдали у насъ и проводили вечеръ короткіе мои пріятели. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, въ кабинетѣ моемъ, находившемся въ мезонинѣ, игралъ я въ карты въ четверной бостонъ, а человѣка три не игравшихъ сидѣли около стола. Вдругъ Погодинъ безъ всякаго предувѣдомленія, вошелъ въ комнату съ неизвѣстнымъ мнѣ очень молодымъ человѣкомъ, подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ: „Вотъ вамъ Николай Васильевичъ Гоголь"! Эффектъ былъ сильный. Я очень сконфузился и прекратилъ было игру, бормоча пустыя слова пошлыхъ рекомендацій. Во всякое другое время я не такъ бы встрѣтилъ Гоголя. Всѣ мои гости (тутъ былъ П. Г. Фроловъ, М. М. Корніолинъ-Пинскій и П. С. Щепкинъ—прочихъ не помню) тоже какъ-то озадачились и молчали. Пріемъ былъ не то что холодный, но смущенный. Гоголь и Погодинъ упросили меня продолжать игру, потому что замѣнить меня было некому. Скоро однако прибѣжалъ сынъ мой Константинъ, бросился къ Гоголю и заговорилъ съ нимъ съ большимъ чувствомъ и пылкостью. Я очень обрадовался, и разсѣянно продолжалъ игру, прислушиваясь однимъ ухомъ къ словамъ Гоголя; но онъ говорилъ тихо, и я ничего не слыхалъ. Наружный видъ Гоголя былъ тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохолъ на головѣ, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородокъ, большіе и крѣпко накрахмаленные воротнички придавали совсѣмъ особую физіономію его лицу: намъ показалось, что въ немъ было что-то хохлацкое и плутоватое. Въ платьѣ Гоголя примѣтна была *претензія на щегольство*, у меня осталось въ памяти, что на немъ былъ пестрый свѣт-

лый жилетъ съ большою цѣпочкой. Есть портреты, изображающіе его въ тогдашнемъ видѣ. Черезъ часъ Гоголь ушелъ, сказавъ, что побываетъ у меня на-дняхъ, какъ-нибудь пораньше утромъ, и попроситъ сводить его къ Загоскину, съ которымъ ему очень хотѣлось познакомиться и который жилъ очень близко отъ меня. Сынъ мой не помнитъ своихъ разговоровъ съ нимъ въ это свиданіе, кромѣ того, что Гоголь сказалъ про себя, что онъ былъ прежде толстякъ, а теперь боленъ; но помнитъ, что Гоголь держалъ себя непривѣтливо, небрежно и какъ то свысока. Ему не понравились манеры Гоголя, который произвелъ на всѣхъ безъ исключенія невыгодное, несимпатичное впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько дней, въ продолженіи которыхъ я уже предупредилъ Загоскина, что Гоголь хочетъ съ нимъ познакомиться, явился ко мнѣ довольно рано Николай Васильевичъ. Я обратился къ нему съ искренними похвалами его *Диканькѣ*, но видно слова мои показались ему обыкновенными комплиментами, и онъ принялъ ихъ очень сухо. Вообще, въ немъ было что-то отталкивавшее, не допускавшее меня до искренняго изліянія, къ которому я способенъ до излишества. По его просьбѣ, мы скоро пошли пѣшкомъ къ Загоскину. Дорогой онъ удивилъ меня тѣмъ, что началъ жаловаться на свои болѣзни, и сказалъ даже, что боленъ неизлѣчимо. Смотря на него изумленными и недовѣрчивыми глазами, потому что онъ казался здоровымъ, я спросилъ его: „Да чѣмъ же вы больны?“ Онъ отвѣчалъ неопредѣленно и сказалъ, что причина болѣзни его въ желудкѣ. Говорили и о Загоскинѣ. Гоголь хвалилъ его за веселость; но сказалъ, что онъ не то пишетъ, что слѣдуетъ, особенно для театра. Я легкомысленно возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что

...даже глупости пустой
Въ тебѣ не встрѣтишь свѣтъ пустой!

Но Гоголь, посмотрѣлъ на меня какъ то значительно и сказалъ, что „это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что,

живя посреди него, мы его не видимъ; но что, если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его“. Можетъ быть онъ выразился не совсѣмъ такими словами, но мысль была точно та. Я былъ ею озадаченъ, особенно потому, что никакъ не ожидалъ ее услышать отъ Гоголя. Изъ послѣдующихъ словъ, я замѣтилъ, что Русская комедія его сильно занимала, что у него есть свой, оригинальный на нее взглядъ. Надобно сказать, что Загоскинъ, также давно прочитавшій *Диканьку* и хвалившій ее, въ то же время не умѣлъ оцѣнить ее вполнѣ, а въ описаніяхъ Украинской природы находилъ неестественность, напыщенность, восторженность молодого писателя. Онъ даже оскорблялся излишними, преувеличенными, по его мнѣнію, нашими похвалами. Но по добродушію своему и по самолюбію человѣческому (ему пріятно было, что уже почти всѣми превозносимый Гоголь поспѣшилъ къ нему пріѣхать), онъ принялъ его съ отверзтыми объятіями, съ крикомъ и похвалами; нѣсколько разъ принимался цѣловать Гоголя, потомъ кинулся обнимать меня, билъ кулакомъ въ спину, называлъ хомячкомъ, сусликомъ, и пр. и пр.; однимъ словомъ, былъ вполнѣ любезенъ по своему.—Загоскинъ говорилъ безъ умолку о себѣ: о множествѣ своихъ занятій, о безчисленномъ количествѣ прочитанныхъ имъ книгъ, о своихъ археологическихъ трудахъ, о пребываніи въ чужихъ краяхъ (онъ не былъ далѣе Данцига), о томъ, что онъ изъѣздилъ вдоль и поперекъ всю Русь и пр. и проч. Всѣ знаютъ, что это совершенная фантазія, которой искренно вѣрилъ только онъ самъ. Гоголь понялъ это сразу и говорилъ съ хозяиномъ, какъ будто вѣкъ съ нимъ жилъ, совершенно въ пору и въ мѣру; онъ обратился къ шкафамъ съ книгами... Тутъ началась новая, а для меня уже старая исторія. Загоскинъ сталъ показывать и хвастаться книгами, потомъ табакерками и наконецъ шкатулками. Я сидѣлъ молча и забавлялся этой сценой. Но Гоголю она наскучила довольно скоро: онъ вдругъ вынулъ часы, сказалъ, что

ему пора идти и, обѣщавъ еще забѣжать какъ-нибудь, ушелъ. — „Ну что, спросилъ я Загоскина, какъ понравился тебѣ Гоголь?“ — „Ахъ, какой милый, — закричалъ Загоскинъ — милый, скромный, да какой, братецъ, умница!“... и пр. и пр., а Гоголь ничего не сказалъ, кромѣ самыхъ обиходныхъ, пошлыхъ словъ“ [184]). Возвратившись въ Петербургъ, Гоголь писалъ Погодину: „Не сердитесь Михаилъ Петровичъ, умоляю не сердитесь. Я такъ по пріѣздѣ сюда завязъ въ хлопотахъ, что на силу теперь только отрезвился; а въ нетрезвомъ состояніи мнѣ было совѣстно показаться на глаза друзей. Представьте себѣ мое горе: я не могу пріѣхать къ вамъ такъ скоро какъ бы мнѣ хотѣлось. Патріотическій Институтъ видно пронюхалъ мое намѣреніе. Вы знаете, что я везъ туда своихъ сестеръ съ тѣмъ, чтобы за нихъ платить. Я зналъ, что комплектъ полонъ, что больше не могутъ принять; но надѣялся, что для меня будетъ сдѣлано снисхожденіе. Какой же бы вы думали я получилъ отвѣтъ? Что сестры мои приняты и плата за нихъ не требуется, но чтобы я за то находился при Институтѣ неотлучно.

Я согласился, чтобы сбросить съ себя полъ-обузы и избавиться на первый случай отъ хлопотъ. Впрочемъ, я покамѣсть здоровъ и даже поправился. Досада только, что творческая сила меня не посѣщаетъ до сихъ поръ. Можетъ быть она дожидаетъ меня въ Москвѣ. Да спадетъ на васъ благодать и да разрѣшитесь вы къ новому году томомъ широкимъ, увѣсистымъ, читая который былъ бы

—Самъ какъ-будто на землѣ,
А передъ тобою небо открывалось.

Такъ какъ вы безъ всякаго сомнѣнія испугались бы, еслибы моя рука вытянулась на семьсотъ верстъ въ длину и пробившись сквозь капитальныя стѣны вашего кабинета, любовно пожала бы вашу, то вмѣсто того я посылаю вамъ мысленно рукопожатіе и братское объятіе. Вѣчно вашъ Гоголь. Поклонъ Кирѣевскому, Аксакову и всѣмъ нашимъ Москвичамъ. Напишите, сколько градусовъ тепла у васъ въ кабинетѣ. У меня холодная квартира. Я теперь всякаго, у кого въ комнатѣ 15

градусовъ тепла, почитаю счастливцемъ. Да: квартира моя II Адмиралтейской части въ Новомъ переулкѣ, домъ Демутъ-Малиновскаго, близъ Мойки" [185]).

Москва видимо произвела на Гоголя прiятное впечатлѣнiе, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо Плетнева къ Жуковскому: „Кстати о чадахъ Малороссiи. Гоголь въ нынѣшнемъ году ѣздилъ на родину. Вы помните, что онъ въ службѣ и обязанъ о себѣ давать отчетъ. Какъ же онъ поступилъ? Четыре мѣсяца не было про него ни слуху ни духу. Оригиналъ. Въ Москвѣ онъ видѣлся съ И. И. Дмитрiевымъ, который принялъ его со всею любезностiю своею. Вообще тамошнiе литераторы кажется порадовали его особеннымъ вниманiемъ къ его таланту. Онъ не можетъ нахвалиться Погодинымъ, Кирѣевскимъ и прочими. У Гоголя вертится на умѣ комедiя. Я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства. Въ его сказкахъ меня всегда поражали драматическiя мѣста" [186]).

XIX.

Прiѣзжавшiе въ Москву профессора, писатели, ученые, путешественники всегда находили у Погодина радушный прiемъ и содѣйствiе въ устроенiи ихъ дѣлъ. Въ началѣ 1832 года, проѣздомъ въ Петербургъ, Москву посѣтилъ Харьковскiй адъюнктъ Якимовъ, который въ это время занимался переводомъ *Короля Лира* Шекспира. Узнавъ объ этомъ, Погодинъ замѣтилъ: „Вотъ какъ зашевелилось". Вмѣстѣ съ тѣмъ Якимовъ сообщилъ Погодину „о ненависти Малороссiянъ къ Москалямъ" [187]). При отъѣздѣ въ Петербургъ, Погодинъ снабдилъ Якимова рекомендательнымъ письмомъ къ Веневитинову, который вскорѣ писалъ Погодину: „Благодарю тебя за доставленiе мнѣ знакомства съ Якимовымъ. Я его познакомилъ съ Одоевскимъ и на дняхъ мы съ нимъ вмѣстѣ поѣдемъ къ Пушкину. Между тѣмъ онъ временемъ своимъ воспользовался—и съ тѣхъ поръ какъ въ Петербургѣ гораздо болѣе въ немъ уви-

дѣлъ нежели мы, постоянные жители столицы. Но я ли виноватъ, что у меня все подъ рукою, тогда какъ онъ долженъ изъ Харькова пріѣхать, чтобы все любопытное здѣсь замѣтить".

Въ 1832 году возвратилась изъ Пекина наша Китайская миссія, а съ нею вмѣстѣ вернулся изъ своего путешествія Іакинѳъ Бичуринъ. Во время пребыванія миссіи въ Москвѣ, Погодинъ далъ въ честь нашего знаменитаго путешественника обѣдъ, на которомъ присутствовали нѣкоторые Московскіе ученые и писатели. По свидѣтельству очевидцевъ, во время обѣда предметомъ общаго разговора былъ Китай, его правительство, торговля, образъ мыслей, степень просвѣщенія. За обѣдомъ предложенъ былъ тостъ въ честь ученыхъ, которые „покорятъ Китай Русской Литературѣ, со всѣми его окружными странами и вступаютъ въ благородное состязаніе съ Европейцами на высокомъ поприщѣ науки". Дѣйствительно, благодаря неутомимымъ трудамъ О. Іакинѳа, мы теперь смѣло можемъ надѣяться, что предпочтительно предъ всѣми иностранными учеными узнаемъ Китай, эту неразрѣшимую доселѣ загадку Исторіи, Психологіи и Политики" [188]). По возвращеніи Іакинѳа въ Петербургъ, Любимовъ писалъ Погодину:

„О. Іакинфъ хлопочетъ объ изданіи Грамматики Китайской. Это будетъ преважная услуга... Печатаетъ также Исторію Тибета и Хукунора, весьма любопытную, и на казенный счетъ. Онъ у меня весьма часто бываетъ и сообщилъ мнѣ, какъ столоначальнику Китайцевъ, Бухарцевъ и другихъ Азіатскихъ народовъ, пропасть любопытнѣйшихъ свѣдѣній объ Азіи и нашей Сибири, какъ словесно, такъ и письменно. Сожалѣю весьма, что возвратившаяся Пекинская миссія не совсѣмъ удалась. Хотя въ *Сѣверной Пчелѣ* и сравнивали одного изъ ея членовъ съ Клапротомъ, но это все вздоръ... Нѣкоторыя вещи, ими изъ Китая вывезенныя, точно весьма любопытны и даютъ полное понятіе о многомъ, до сего края относящемся. Скоро возвратится подполковникъ Ладыженскій, сопровождавшій туда и обратно Пекинскую нашу миссію.

Отъ него можно ожидать бо̀льшаго. Теперь онъ еще въ Кяхтѣ". Самъ же Іакинѳъ писалъ Погодину:

„Посылаю къ вамъ два экземпляра Исторіи Тибета и Хукунора, только-что вышедшей изъ типографіи: одинъ для васъ, другой для Надеждина. Примите это знакомъ моего истиннаго къ вамъ уваженія.—По долгу журналиста, безъ сомнѣнія вы сочтете обязанностью сказать что-нибудь о сей книгѣ, избавляя васъ отъ тягостной скуки читать ее, предварительно скажу, что она представляетъ событія одного изъ древнѣйшихъ въ свѣтѣ народовъ, со времени политическаго его рожденія въ продолженіи тридцати вѣковъ. Вотъ все ея достоинство. Впрочемъ вы можете заглянуть въ предисловіе, и сего довольно, чтобы подать какое-нибудь понятіе о самой книгѣ. Нынѣ я занимаюсь продолженіемъ Китайской Граммавики; но постояннаго предмета для моихъ упражненій не имѣю. Возвратившіеся къ намъ дѣлатели Восточной Словесности съ сожалѣніемъ воспоминаютъ о времени, проведенномъ въ Пекинѣ. На нихъ не обращаютъ вниманія. Правда, что они еще неопытны въ практикѣ издателей; но современемъ могли бы быть хорошими работниками по Восточной Литературѣ. Одинъ изъ нихъ началъ печатать кое-что въ *Сѣверной Пчелѣ*; но къ несчастію, по эгоизму не хотѣлъ ни съ кѣмъ посовѣтоваться и началъ *вздорить* съ истиною. Конечно никто не будетъ возражать ему, посредствомъ журналовъ; со всѣмъ тѣмъ, Правительство очень видитъ слабость или точнѣе сказать шаткость его свѣдѣній о Китаѣ и молча выводитъ невыгодныя замѣчанія. Теперь въ Петербургѣ находится пять человѣкъ возвратившихся изъ Китая, и изъ сей коллекціи оріенталистовъ много бы добраго составить можно было; но обстоятельства не въ ихъ пользу, и можно сказать сами причиною тому. Далѣе покрыто завѣсою тайности" [189]).

Лѣтомъ 1832 года, посѣтилъ Москву старинный пріятель Погодина, Андрей Николаевичъ Муравьевъ [190]) и уѣзжая въ Сергіеву Лавру оставилъ ему слѣдующую памятную записку: 1) „Не уѣзжать изъ Москвы, прежде моего возвра-

щенія отъ Троицы. 2) Повѣстить Раича о моемъ прибытіи. 3) Узнать и сказать мнѣ гдѣ Оболенскій и Ознобишинъ. 4) Доставить мнѣ: а) *Повѣсти* М. П. Погодина, б) Іерархію Россійскую, в) избранныя слова Златоуста, переведенныя Оболенскимъ и г) Духовный алфавитъ Димитрія Ростовскаго“.

Самъ же В. И. Оболенскій въ это время обратился къ Погодину съ слѣдующимъ запросомъ: „Лордъ Голандъ слышалъ, что въ Москвѣ есть самый древній списокъ Славянской Библіи; слышалъ отъ очевидца отъ лорда Гильцефорда, бывшаго въ Москвѣ. Лордъ Голандъ, проситъ одного англичанина Росса получить свѣдѣніе объ этой рукописи. Россъ былъ у васъ вмѣстѣ со мною. Если мы не застанемъ васъ завтра, то потрудитесь оставить записочку, гдѣ можно видѣть сію рукопись“ [191]). Отвѣтилъ ли Погодинъ на сей запросъ, намъ неизвѣстно.

Въ это время Погодинъ сблизился съ извѣстнымъ собирателемъ Русскихъ Древностей, богатымъ Московскимъ купцомъ Иваномъ Никитичемъ Царскимъ. Погодинъ почтилъ въ этомъ купцѣ то, что „во всю свою жизнь удѣлялъ часть своихъ избытковъ не на мраморныя стѣны, не на бархатныя подушки, не на золотые карнизы, не на лихихъ рысаковъ и златокованную сбрую, но на собраніе и сохраненіе драгоцѣннѣйшихъ отечественныхъ памятниковъ, въ славу Отечества“ [192]). Имѣя самъ страсть къ этимъ предметамъ, Погодинъ очень скоро съ нимъ сблизился: давалъ уроки его сыну, любовался его пергаментными рукописями, которыхъ уже въ 1832 году простиралось до тридцати. „Вотъ богатство Русскаго языка“, восклицаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „чудо!“

Въ это же время Царскій купилъ у Погодина рощу за десять тысячъ [193]).

Мы уже знаемъ, что Погодинъ былъ очень друженъ съ человѣкомъ другаго строя, чѣмъ купецъ Царскій,—это Иваномъ Александровичемъ Гульяновымъ, и Погодину было весьма тяжко разставаться съ нимъ навсегда. Получивъ помощь отъ Правительства для продолженія своихъ ученыхъ трудовъ,

Гульяновъ въ іюнѣ 1832 года отправился въ чужіе края. Слишкомъ двадцать лѣтъ трудился онъ по части лингвистики, филологіи, археологіи, палеографіи, криптографіи, физіологіи, психологіи и философіи [194]). Путь свой Гульяновъ направилъ въ Дрезденъ и тамъ поселившись писалъ Погодину: „я желалъ и надѣялся писать къ вамъ, сидя за моимъ столомъ *неподвижно* установленнымъ. Для сего надлежало бы мнѣ ждать до будущаго вторника, сего я вытерпѣть не въ силахъ; ибо и это письмо получите вы послѣ двумѣсячнаго моего отсутствія. Дорòгою утратилъ я не менѣе шести сутокъ, и не зналъ, что дѣлать съ горя и досады... Вы помните, что у меня былъ спутникъ; у спутника же моего были знакомые, къ которымъ онъ заѣзжалъ въ деревню и въ пустыню. Тоска моя была тѣмъ несноснѣе, что зубная и головная боль, удержавшая меня въ постели нѣсколько дней передъ отъѣздомъ моимъ изъ Москвы, продолжалась во всю дорогу, такъ что я пріѣхалъ сюда полуживъ полумертвъ какъ шальной и угорѣлый. По сихъ поръ не могу оправиться. Ходьба взадъ да впередъ за покупкою вещей, необходимыхъ для вещественной жизни и домашняго устройства, поглощаетъ у меня золотое время; ноги подгибаются и голова кружится. Съ Божіею помощію, надѣюсь, наконецъ, переѣхать завтра на постоянное жилище, откуда напишу первое мое доношеніе князю Ливену.

Малыя и большія письма ваши и друзей вашихъ на имя доктора Дитрихса, отосланы къ нему безъ замедленія; и недѣлю спустя онъ пожаловалъ ко мнѣ съ просьбою разобрать общими силами послѣднюю страничку письма вашего. Чтожъ касается до вашихъ рукописныхъ и печатныхъ опытовъ, то я, по праву *первопришельца* (premier occupant), насладился первый чтеніемъ оныхъ, предувѣдомивъ моего *наслѣдника* о полученномъ на то отъ васъ соизволеніи. Благодарю васъ нелицемѣрно за удовольствіе, которое доставили мнѣ прекрасныя повѣсти ваши. Не мнѣ, *рудокопателю*, судить объ изящномъ, хотя впрочемъ и азъ грѣшный чувствовать умѣю, и, судя по моимъ ощущеніямъ, смѣло скажу, что чтеніе повѣстей

вашихъ возвышаетъ душу, и что самый повѣса, нехотя вздохнетъ и стиснетъ вздохъ зубами, видя себя у подошвы горы, на которой стоятъ благородныя ваши лица; и многіе изъ читателей вашихъ скажутъ со мной: *постигъ да не достигъ.* О *Петрѣ* вашемъ скажу, что вы волшебнымъ жезломъ драматургіи оживотворили минувшее и овладѣли сердцемъ читателей вашихъ. Недѣли съ три послѣ моего пріѣзда, воротился ко мнѣ изъ Парижа прежній мой переписчикъ и привезъ мнѣ много чего хорошаго. Во-1-хъ, Членъ Королевскаго Института г. Кузинери прислалъ мнѣ при письмѣ экземпляръ давно ожидаемой его книги подъ заглавіемъ: *Voyage dans la Macédoine.* Прилагая при семъ prospectus объ оной, прошу васъ предложить Николаю Ивановичу Надеждину помѣстить переводъ съ оной въ ближайшемъ номерѣ *Телескопа.* Желая быть полезнымъ достопочтенному и престарѣлому (86 л.) сочинителю, я отдалъ путешествіе его въ ученыя руки знаменитаго здѣшняго археолога Бэттигера, который принялъ онос съ неимовѣрною радостію и обѣщался написать разборъ въ ученомъ Лейпцигскомъ журналѣ. Желательно бы было, чтобъ наши ученыя библіотеки пріобрѣли сію книгу. *Ad secundum:* неутомимый синологъ Клапротъ прислалъ мнѣ также подарокъ: имярекъ оному: Aperçu général des trois Royaumes, traduit de l'original Japonais et Chinois par Klaproth. Paris 1832. Прекрасный, in 8⁰, на веленевой бумагѣ. Хотя я еще листовъ не разрѣзывалъ, но разгибалъ книгу во многихъ мѣстахъ, и вижу, что это сочиненіе дѣльное и заключаетъ *Исторію*, *Географію*, *Статистику* и *Филологію* описываемыхъ народовъ... По старому знакомству г. Клапротъ приложилъ корректурные свои листочки дополнительнаго изложенія несообразностей и противорѣчій покойнаго Шамполіона и сверхъ сего № 177—179 Парижскаго журнала подъ заглавіемъ *Le Cabinet de Lecture*, заключающіе двѣ первыя статьи о трудахъ Французскаго египтолога. Статьи сіи отличаются безпристрастнымъ благоразуміемъ наблюдателя, излагающаго свои сомнѣнія съ условіями и вопросами о надеждахъ новой науки. Изъ первой статьи вижу, что Фран-

цузское правительство нарядило ученую коммиссію для разсмотрѣнія рукописей, оставшихся послѣ Шампольона. Я упоминаю вамъ о семъ не мимоходомъ, а съ тѣмъ, чтобы увѣдомить васъ, что если я упущу сей предстоящій мнѣ случай, то открытія мои, тлѣющія у меня съ 1824 года, будутъ впредь безвременны и безполезны, потому что Шампольонъ, для утвержденія исключительной своей славы, оградился недоступными изслѣдованіями, которымъ положилъ онъ конецъ въ предѣлахъ поприща своей жизни. И такъ, если я буду ждать десять тысячъ нужныхъ для изданія моихъ *Пирамидъ*, то я буду вѣкъ ждать у моря погоды. Вниманіе археологовъ, не дремлющее до рѣшительнаго отзыва Французскаго ареопага, скоро, увы, замкнетъ вѣжды - и заснетъ также глубокимъ сномъ. Чтобы предупредить сей жребій науки, я долженъ, по совѣсти, сдѣлать попытку: собрать нѣсколько картечь, начинить ими одну бомбу и пустить въ Королевскій Институтъ, дабы положить конецъ заблужденію о существованіи *мыслеизобразительныхъ символовъ* и показать ученымъ: что такое гіероглифы. Не тужите, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, и будьте увѣрены, что эта книжонка не отклонитъ меня отъ любимыхъ моихъ занятій. Радушно кланяющійся вамъ университетскій товарищъ вашъ, К. Ф. Гольдбахъ, перевелъ на дняхъ мои замѣчанія о Дендерскомъ зодіакѣ, и я поручилъ рукопись его Г. Бэттигеру".

XX.

Въ 1833 году совершилось важное событіе въ жизни Погодина. Онъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Елисаветою Васильевною Вагнеръ. Въ устроеніи судьбы Погодина принималъ живѣйшее участіе его старый Знаменскій другъ и предметъ перваго его поклоненія, А. Н. Левашова. „Подумайте", писала она ему, „о моемъ давнемъ проектѣ на вашу судьбу. До тридцати лѣтъ можно мечтать, довольствоваться поэзіею

жизни, а тамъ уже пора приняться за счастливую и покойную прозу. Она вѣрнѣе, не поблекнетъ" [195]).

Эти строки запали въ душу Погодина и онъ задумался: „Не женатый", думалъ онъ, „есть истинно свободный человѣкъ. Женясь, ужъ онъ зависитъ: жена и дѣти его части"; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что „холостой живетъ не цѣльною жизнію". А. Н. Левашова рѣшительно совѣтовала ему жениться на Е. В. Вагнеръ, „и мнѣ", замѣчаетъ Погодинъ, „говоритъ тоже разсудокъ".

13 мая 1833 года былъ большой обѣдъ у Аксаковыхъ. За обѣдомъ Погодинъ спорилъ съ Надеждинымъ за Шевырева. Въ этотъ же день Погодинъ объявилъ О. С. Аксаковой о своемъ намѣреніи жениться на Е. В. Вагнеръ; но Аксакова желала, чтобы Погодинъ женился на княжнѣ Трубецкой и по поводу участія, принимаемаго Левашовою въ этомъ дѣлѣ, сказала Погодину: „Отъ чего она такъ хочетъ, чтобы вы женились на Вагнеръ? Можно написать повѣсть, какъ зло намъ дѣлаютъ друзья". Все это очень волновало и смущало Погодина [196]). Но тѣмъ не менѣе Погодинъ рѣшился приступить къ рѣшительному дѣйствію. Когда же пришла минута дѣлать предложеніе, то въ помощь ему явилась А. Н. Левашова. „Проснувшись нынче, писала она Погодину, „думала не предложить ли мнѣ сдѣлать за васъ предложеніе. Что вамъ другъ друга узнавать, вы знаете другъ друга давно и никогда не теряли изъ виду... Чѣмъ болѣе я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе я нахожу, что вы другъ для друга сотворены. Дайте мнѣ отвѣтъ и съ Богомъ приступимъ къ дѣлу. Да благословитъ васъ Богъ". Въ это же время и О. С. Аксакова, познакомившись съ нареченною невѣстою Погодина, писала ему: „Я ее видѣла; влюбилась. *Она* ѣдетъ въ 4 часа въ *Сокольники* и тамъ ночуетъ. Надѣется тамъ съ вами видѣться; и такъ выбирайте время, а ко мнѣ явитесь послѣ отдать отчетъ въ вашихъ чувствахъ. Всю ночь думала о васъ" [197]).

21 мая, Погодинъ отправляется въ Сокольники, а оттуда — къ Аксаковымъ „за рѣшеніемъ и благословеніемъ"; а отъ

нихъ домой. Здѣсь произошла трогательная сцена, которую Погодинъ описалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Маменька! Подите-ка сюда. Вы удивитесь, что я вамъ скажу. Ты хочешь жениться? Да. Она отвѣчала мнѣ такъ благородно, умно, чувствительно! Я много плакалъ. Итакъ рѣшено! Судьба!“ Получивъ благословеніе матери, Погодинъ на другой день, 22 мая, поѣхалъ въ Сокольники и сдѣлалъ предложеніе.

9 іюля 1833 года совершилось бракосочетаніе Погодина. Послѣ свадьбы новобрачные отправились въ Сѣрково. „Смотря на лугъ и рощу“, записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „какъ тихо, мирно, сладко въ природѣ и на душѣ“. Однажды, читая своей женѣ Жуковскаго, Погодинъ нашелъ въ одномъ изъ его стихотвореній портретъ ея:

И что, мой другъ, сравнится
Съ невинною красой?
При ней цвѣтешь душой;
Она какъ ангелъ милый
Вливаетъ въ сердце радость.
О скромныхъ взоровъ сладость,
Движеній тишина!
Стыдливое молчанье,
Гдѣ вся душа слышна!
Рѣчей очарованье!
Безпечность простоты
И прелесть безъ искусства,
Которая для чувства
Прекраснѣй красоты!
Ихъ непостижной властью
Блаженнѣйшею страстью
Душа растворена,
Вкушаетъ сладость рая,
Земное отвергая,
Небеснаго полна.

„О“, пишетъ Погодинъ, „это она, она! Какъ вѣрно написалъ Жуковскій. И все это тысячу уже разъ я говорилъ. Какъ было тихо и сладко на моей душѣ. Боже! благодарю Тебя... Нѣтъ, нѣтъ. Переѣду въ деревню и здѣсь будемъ мы жить въ раю“. Но въ Сѣрковѣ новобрачные прожили всего только три недѣли и переѣхали въ Москву [198]), гдѣ ихъ привѣтство-

валъ М. А. Дмитріевъ письмомъ (отъ 20 августа 1833 г.): „Любезнѣйшій другъ Михайла Петровичъ! Счастливѣйшій супругъ! Во-первыхъ поздравляю васъ съ пріѣздомъ! Есть пословица: какъ съ неба упалъ, а вы послѣ вашей свадьбы какъ на небеса пропали, тотчасъ и слѣдъ простылъ. Пустите ли вы меня къ себѣ, если я пріѣду? А ей-Богу хочется видѣть васъ и полюбоваться вашимъ счастіемъ, а между тѣмъ, если позволите, представиться и Елисаветѣ Васильевнѣ“ [199]).

Въ концѣ августа 1833 года, проѣздомъ, былъ въ Москвѣ Пушкинъ и писалъ своей женѣ: „Былъ у Погодина, который, говорятъ, женатъ на красавицѣ. Я ея не видалъ и не могу всеподданнѣйше о ней тебѣ донести“ [200]). А Гоголь писалъ счастливому новобрачному: „Очень благодаренъ тебѣ за то, что еще не позабылъ меня. Я писалъ къ тебѣ назадъ тому мѣсяца два и мнѣ очень странно, что оно не дошло до тебя, тѣмъ болѣе, что въ немъ не было ни о цензурѣ, ни о квартальныхъ. Я однакожъ извинялъ твое молчаніе женитьбою твоею, зная что тебѣ не до того. Я давно еще замѣчалъ, что у тебя въ кабинетѣ какъ-то пусто и чего-то не достаетъ. Рекомендуй меня женѣ своей—какъ человѣка, который, одинъ только Богъ знаетъ, какъ тебя любитъ. Я ее нѣсколько знаю, потому что составилъ о ней идею: она должна быть также добра, съ такою свѣтлою душою какъ ты. Напиши мнѣ какъ ты теперь проводишь день твой, что̀ и какимъ образомъ происходитъ у тебя въ домѣ. Это меня займетъ, я воображу, что живу у тебя“.

Вѣсть о счастливомъ событіи въ жизни Погодина достигла Дрездена почти черезъ годъ, и живущій въ немъ Гульяновъ привѣтствовалъ своего друга письмомъ отъ 6 марта 1834 года: „Радуюсь радостію несказанной! Радостью соразмѣрною моей къ вамъ любви искренней, моему уваженію, моему сознанію рѣдкихъ, примѣрныхъ достоинствъ вашихъ. Да благословитъ Богъ вѣнецъ вашего супружества и да низпошлетъ вамъ свыше здравіе и благоденствіе въ долготу лѣтъ! Добрая, разумная хозяйка есть Провидѣніе въ быту домаш-

немъ. Наконецъ, совершилось съ вами то, чего желалъ я вамъ издавна. Совершилось счастіе земное, въ плодахъ котораго предвкушаемъ мы блаженство горнихъ селеній. Такъ понимаю я супружество въ смыслѣ его достойномъ; а *счастіемъ*, называю я, *наслажденіе нравственными условіями жизни*, и вы на опытѣ оправдаете мое опредѣленіе блаженства съ избранною вами. Поручаю себя ея благосклонности въ качествѣ вашего друга".

Богъ благословилъ это супружество. Много лѣтъ спустя, а именно *9 іюля* 1841 года, Елисавета Васильевна Погодина писала своему мужу: „Сейчасъ, выставивъ число, вспомнила я, что сего дня нашъ свадебный день! Какъ жаль, что мы не вмѣстѣ: я какъ-то заранѣе думала съѣздить съ тобою въ этотъ день въ ту церковь, гдѣ насъ вѣнчали, чтобы принести торжественно благодарность Богу за восемь лѣтъ счастія, которое угодно Ему было даровать намъ, и просить милосердаго Творца о продолженіи своей къ намъ благости!! Обнимаю тебя, мой милый, добрый другъ, стократъ обнимаю тебя и благодарю за каждый день, за каждый часъ счастія, которымъ окружалъ ты меня въ эти восемь лѣтъ. Прости меня, что я иногда волею или неволею оскорбляла и огорчала тебя".

XXI.

21 марта 1833 года, состоялся Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, въ которомъ начертано: „По случаю увольненія генералъ отъ инфантеріи князя Ливена отъ управленія Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, повелѣваетъ тайному совѣтнику Уварову, по званію Товарища Министра, вступить въ права и обязанности Министра Народнаго Просвѣщенія". Въ это же время профессоръ Всеобщей Исторіи Ю. П. Ульрихсъ подалъ въ отставку. Погодинъ находился въ своей деревни, куда и писалъ ему С. Т. Аксаковъ: „Ульрихсъ подалъ въ отставку. Павловъ встрѣтилъ меня сими словами: Пишите скорѣе къ Погодину!" [201]) Получивъ это

извѣстіе, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Я имѣю полное право по службѣ на мѣсто Ульрихса, а начальство и товарищи расположены“ [202]). И дѣйствительно, у Голохвастова Погодинъ имѣлъ полный успѣхъ. „Вызывается“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „употребить всѣ свои силы, чтобъ посадить меня на мѣсто Ульрихса. Нѣтъ, Голохвастовъ сдѣлаетъ очень много для пользы Университета. Онъ трудится съ утра до вечера. Что разсказалъ онъ мнѣ объ упущеніяхъ университетскихъ“! Но не всѣ профессора были такого мнѣнія о Голохвастовѣ и многіе изъ нихъ были имъ недовольны и эти недовольные, повидимому, старались склонить на свою сторону и Погодина. По этому поводу въ *Дневникѣ* его мы находимъ слѣдующія любопытныя записи: „Къ Павлову. Разсказывалъ о деспотизмѣ Голохвастова и доносахъ, коимъ я, однако, мало вѣрю. О разныхъ козняхъ и Университетѣ. Чортъ ихъ возьми. Досадно. Вотъ тебѣ и золотой вѣкъ!“ Вмѣстѣ съ тѣмъ Павловъ сообщилъ Погодину, что будто Голохвастовъ считаетъ его „преданнымъ іезуитамъ“. Недоволенъ былъ также и Перевощиковъ; но его недовольство имѣло въ то время реальную причину. „Перевощиковъ“, читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина, „не получилъ ничего. Какъ ругаетъ Голохвастова, Уварова. Ну вотъ его характеръ. Вспышки хорошія и дурныя. Въ самомъ дѣлѣ онъ обиженъ, но и другіе также. Мнѣ перстень. Ахъ вы ученые! И не стыдно — изъ чего вы хлопочете“. Зайдя какъ-то къ Максимовичу, Погодинъ бесѣдовалъ съ нимъ о Голохвастовѣ: „Вотъ ему“, замѣчаетъ Погодинъ, „онъ (Голохвастовъ) долженъ былъ дать мѣсто секретаря Ученаго Комитета. Анъ нѣтъ. Гдѣ же благонамѣренность“. Какъ бы то ни было, опредѣленіемъ Совѣта Университетскаго, Погодинъ былъ избранъ на мѣсто Ульрихса, ординарнымъ профессоромъ Всеобщей Исторіи. Въ этотъ день онъ отправился въ Совѣтъ и „принималъ поздравленія“; но при этомъ „Каченовскій отказался рѣшительно читать лекціи Исторіи, „и мнѣ“, пишетъ Погодинъ, „велятъ начинать немедленно. Вотъ тебѣ разъ“. Новоизбранный ординарный профессоръ, на другой же день отправился представляться

Голохвастову. „Дожидался“, пишетъ онъ, „съ Окуловымъ. О легкомысліи Французовъ. Голохвастовъ предупреждалъ меня изложеніемъ причинъ, почему теперь неловко не читать мнѣ, и хотѣлъ просить Каченовскаго. Это хорошо“. Отъ Голохвастова Погодинъ отправился къ Антону Антоновичу Прокоповичу-Антонскому, такъ какъ подъ его начальствомъ онъ началъ свое поприще въ Университетѣ. Посѣтилъ также и Кубарева, „перваго своего ободрителя и возбудителя“ [203]).

При началѣ курса (1833 — 1834) академическаго года Погодинъ прочелъ вступительную лекцію *о Всеобщей Исторіи*. „Со страхомъ и трепетомъ“, началъ онъ такими словами, свою лекцію, „вступаю я на эту каѳедру, каѳедру Всеобщей Исторіи въ Московскомъ Университетѣ, первопрестольномъ храмѣ Русскаго просвѣщенія. Никогда не чувствовалъ я такъ живо недостатокъ въ своихъ свѣдѣніяхъ, никогда не видалъ я такъ ясно всѣхъ трудностей, сопряженныхъ съ преподаваніемъ сей науки, и не имѣлъ такъ мало надежды преодолѣть ихъ... Ужасное пространство развертывается предъ моими глазами! Ужасное время перетекаетъ въ моемъ воображеніи! Какую великую обязанность я на себя принимаю! Мнѣ кажется, всѣ вѣка, народы, геніи, поднявшись изъ глубокихъ могилъ своихъ, собираются надъ головою моею и грозно спрашиваютъ на всѣхъ языкахъ Вавилонскихъ: понимаешь-ли ты насъ? И я напрасно ищу словъ въ оправданіе моей дерзости...

Грѣхопаденіе, искупленіе, добро, зло, свобода, необходимость, судьба, Промыслъ, фатализмъ. Здѣсь поклонникъ стихіямъ, звѣздамъ, животнымъ, силамъ природы, человѣческимъ образамъ, Іеговѣ; тамъ христіанинъ, мусульманинъ, лютеранинъ, іезуитъ, квакеръ, сен-симонистъ. Здѣсь видишь смерть кроткаго Сократа, тамъ Робеспьеръ подписываетъ смерть тысячамъ жертвъ; вотъ умираетъ Катонъ въ Утикѣ, и вотъ апотеозъ Геліогабала. Инквизиція и революціонное празднество въ честь богини разума; вступленіе Крестоносцевъ въ Іерусалимъ и Варѳоломеевская ночь; Руссо на чердакѣ, Мирабо въ народномъ собраніи, Людовикъ XVI на эшафотѣ, неистов-

ство феодальнаго владѣтеля и Парижскій балъ; бочки Негровъ, и естественное право; пирамиды и храмъ Св. Петра, Цезарь, Мугаммедъ, Гуттенбергъ, Наполеонъ, Колумбъ, Шеллингъ, Петръ Пустынникъ, Вайтъ, Платонъ, Ньютонъ, Рафаель, Петръ Великій"... Далѣе профессоръ излагаетъ свой взглядъ на Исторію и при этомъ предупреждаетъ, что онъ приложитъ „все свое стараніе быть какъ можно простѣе; не входить ни въ какія алгебраическія, Нѣмецкія отвлеченности, кои могутъ имѣть мѣсто, приносить пользу развѣ только въ концѣ академическаго образованія, но отнюдь не въ началѣ. Богъ, благоволивъ показать Моисею въ Неопалимой Купинѣ „задняя славы своея", велѣлъ ему изуть сапоги отъ ногъ его. Вотъ идеалъ, какъ должно заниматься Исторіею, чтобы увидѣть задняя славы Божіей"! Лекцію свою профессоръ заключилъ слѣдующимъ обращеніемъ къ студентамъ: „Ваше время есть лучшее въ жизни; вы не омрачились еще никакими суетными помышленіями, не развлеклись еще никакими тщетными желаніями, не стѣснились никакими условными отношеніями; у васъ нѣтъ никакихъ механическихъ привычекъ, предразсудковъ. Свѣтлый умъ жаждетъ знаній, чистое сердце готово чувствовать все прекрасное, благородная воля чуждается безчестнаго дѣйствія. Всякое впечатлѣніе принимается живо. Невинные, свободные, вы всѣ принадлежите наукѣ. Занимайтесь же ею такъ, чтобы плоды вашихъ занятій содѣлались украшеніемъ, надеждою всей вашей жизни, чтобъ одно воспоминаніе о семъ времени составляло ваше счастіе. Ахъ! повѣрьте мнѣ, ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ наслажденіемъ, когда, ушедъ въ горы, очистивъ чувствія, вознесясь духомъ, вы будете бесѣдовать съ избранными земли, вопрошать ихъ мудрые оракулы, размышлять объ ихъ важныхъ дѣйствіяхъ и судьбахъ человѣчества, разсматривать неизмѣримый путь совершенствованія, созерцать и предугадывать законы высшіе и предаваться въ руцѣ Божіи! Вотъ, когда вы узнаете, или почувствуете Исторію! Да, милостивые государи, ни въ какой книгѣ, ни въ какой библіотекѣ, ни въ какомъ университетѣ,

ни отъ какого профессора нельзя узнать ее такъ, какъ во глубинѣ души своей. Тамъ только она воспроизводится, по крайней мѣрѣ, подобіе ея полное, совершенное, возможное на землѣ. Я почту себя счастливымъ, если буду имѣть возможность настроить вашу душу къ такимъ размышленіямъ, и одна мысль ободряетъ меня, поселяетъ во мнѣ нѣкоторую надежду на успѣхъ: я люблю науку, люблю ее искренно, и увѣренъ, что сія любовь какимъ-то магнитнымъ образомъ сообщается. Вотъ вмѣстѣ и причина, почему я, при всѣхъ своихъ недостаткахъ въ свѣдѣніяхъ и дарѣ слова, которые я опять откровенно предъ вами исповѣдую, рѣшился принять предложенную мнѣ должность; другая: я готовъ всякую минуту передать ее первому достойнѣйшему, и желаю сердечно, чтобы это было кому-нибудь изъ васъ" [204]). Лекція эта очень понравилась Пушкину и переведена была на Французскій языкъ княземъ Елимомъ Петровичемъ Мещерскимъ, на Сербскій —епископомъ Атанацкевичемъ, а на Нѣмецкій Герингомъ [205]).

На студентовъ эта лекція Погодина произвела благопріятное впечатлѣніе. По свидѣтельству его слушателя, К. С. Аксакова, „Погодинъ говорилъ съ жаромъ, и хотя молодые люди были большею частію враждебно расположены къ нему, но мнѣ помнится, что эта лекція произвела выгодное и сильное впечатлѣніе".

Самъ Погодинъ чистосердечно сознавалъ, что для Всеобщей Исторіи, по своимъ занятіямъ, не былъ собственно готовъ, и потому составилъ себѣ особый планъ, гдѣ выразилъ свои мысли вообще о преподаваніи у насъ Всеобщей Исторіи. „Для студентовъ", писалъ онъ, „вообще необходимы руководства, по коимъ они могли бы повторять выслушанныя лекціи, чтобы присвоить себѣ совершенно ихъ содержаніе; записывая, они лишаются выгоды слышать живое слово и принимать его впечатлѣнія прямо на душу, легко могутъ впадать въ ошибки и пропускать важное. Эта необходимость нигдѣ такъ не ощутительна, какъ у насъ: нашъ студентъ, кромѣ лекцій, не имѣетъ возможности пользоваться никакими посторонними

пособіями для науки, ибо ученая Русская литература очень бѣдна, а иностранныя книги дороги, рѣдки и часто недоступны для него, по незнанію языковъ, на коихъ онѣ писаны. И такъ, профессоръ, по моему мнѣнію, долженъ прежде всего озаботиться объ изданіи руководства, по коему онъ намѣренъ читать свои лекціи. Я чувствуя себя не въ силахъ написать вскорѣ такое руководство, ибо не всѣ части Исторіи мнѣ равно знакомы. Какимъ же образомъ удовлетворить настоящей потребности? Перевести какое-нибудь иностранное руководство? Ни одно не нравится мнѣ вполнѣ и, вотъ въ чемъ главное, всѣ они слишкомъ кратки для насъ, слѣдовательно, почти безполезны, ибо на Русскомъ языкѣ нѣтъ тѣхъ многочисленныхъ историческихъ сочиненій, коихъ одни результаты въ нихъ излагаются. Сжатыя положенія (напримѣръ, Геренова въ его *Древней и Новой Исторіи*) могутъ тогда только быть выразумлены основательно и усвоены крѣпко, когда извѣстны во всѣхъ подробностяхъ частныя быти (facta), коимъ онѣ служатъ какъ бы итогами. Нашему студенту гдѣ ихъ читать? Пересказывать же ему не достанетъ времени. Вотъ почему даже историческія системы, отвлеченныя формулы, даже многія мысли, выраженія, важныя для науки, драгоцѣнныя для посвященныхъ въ ея таинства, полезныя, можетъ быть, для нѣсколькихъ отличныхъ студентовъ, пропадаютъ на лекціяхъ для большинства, между тѣмъ, какъ оно-то и имѣетъ право на главное вниманіе въ публичномъ курсѣ. Книга и лекція—двѣ вещи разныя: тамъ имѣешь въ виду только науку, а здѣсь науку и слушателей. По всѣмъ симъ соображеніямъ я составилъ себѣ такой планъ: Всякой годъ излагать подробно по два историческихъ предмета, по одному изъ древней и одному изъ средней или новой Исторіи (преимущественно такому, который, почему-бы то ни было, мало извѣстенъ въ общемъ оборотѣ) и представлять на лекціяхъ полныя извлеченія изъ классическихъ сочиненій о немъ, такія, въ которыхъ бы не была опущена ни одна достопамятная быть, и обращено вниманіе на всякое

важное замѣчаніе автора. Для большаго облегченія студентовъ, я предположилъ печатать лекціи по мѣрѣ чтенія. Такимъ образомъ, въ продолженіе трехгодичнаго курса студентъ получитъ шесть частныхъ сочиненій о шести важныхъ предметахъ историческихъ. Для будущихъ студентовъ число это постепенно будетъ увеличиваться. На нынѣшній годъ я избралъ себѣ подробное классическое сочиненіе Герена о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ древняго міра. Изъ Средней Исторіи я намѣренъ былъ сдѣлать тоже съ сочиненіемъ Тьери о завоеваніи Англіи Норманами, но не успѣлъ, употребивъ все свое время на сочиненіе Русской Исторіи для училищъ по порученію высшаго начальства. Въ слѣдующемъ году, если позволитъ мнѣ мое здоровье, я намѣренъ кончить Герена и предложить въ такомъ же извлеченіи Крейцерово сочиненіе о религіяхъ древняго міра. Изъ Новой Исторіи о первомъ періодѣ я могу издать собственное подробное сочиненіе, ибо я преподавалъ нѣсколько лѣтъ этотъ предметъ въ отдѣленіи политическихъ наукъ и имѣлъ случай перечесть много книгъ о немъ. Послѣ очередь дойдетъ до Нибура, Гиббона, и проч. Прочія части Исторіи для связи должны, между тѣмъ, излагаться въ общихъ обозрѣніяхъ. А если-бы мои товарищи по ремеслу, то-есть профессоры Исторіи въ прочихъ Русскихъ Университетахъ одобрили мой планъ, и поработали, слѣдуя оному! Работа, разумѣется, трудная, часто скучная, но полезная, необходимая! Въ три-четыре года, соединенными силами, мы издали-бы книги о всѣхъ важныхъ предметахъ историческихъ. Присоедините сюда диссертаціи на степень магистровъ, докторовъ, и труды посторонних любителей. Тогда, снявъ верхи со всѣхъ сихъ сочиненій, легко было-бы написать кому-нибудь изъ насъ общее руководство, понятное и полезное для студентовъ, и проходить всю Исторію ровно. По крайней мѣрѣ я жду отъ нихъ, если не содѣйствія, то опроверженія“ [206]).

Въ это время Погодинъ сблизился съ однимъ изъ „товарищей по ремеслу“, профессоромъ Всеобщей Исторіи въ Харьковскомъ

Университетѣ Владиміромъ Францовичемъ Цыхомъ. Это былъ благороднѣйшій человѣкъ. По свидѣтельству Е. Ѳ. фонъ-Брадке, въ Харьковѣ Цыха ненавидѣли и дѣлали ему непріятности за его *строгія правила*. Тамъ въ короткое время смѣнилось три попечителя, изъ которыхъ „первый и послѣдній были очень привержены къ Церкви, а второй явно безбожничалъ Преподаватели мѣняли свои убѣжденія сообразно убѣжденію начальниковъ. Это такъ подѣйствовало на Цыха, что онъ сталъ рѣшительно презирать человѣчество и пришелъ къ убѣжденію, что всѣ люди льстецы и притворщики“ [207]). Въ 1833 году, почтенный Цыхъ посѣтилъ Москву, познакомился съ Погодинымъ и завязалъ съ нимъ переписку. „Позволимъ себѣ“, писалъ онъ „сказать вамъ еще разъ свое мнѣніе касательно Исторіи, издаваемой Гереномъ и Укертомъ: право, мнѣ кажется, она не стоитъ того, чтобы переводить ее, да и гдѣ мы найдемъ охотниковъ для перевода этого сочиненія? Хорошо еще, коли достанется переводить Перистера или Лембке, но кто возьмется перевести нечестивое созданіе Лео? У кого мы найдемъ столько терпѣнія и такую тощую и постную душу? По моему мнѣнію, лучше бы перевести на первый разъ Essais sur l'Histoire de France, Гизо, или L'Europe au moyen âge, Галлама, или Histoire Romaine, Мишле. Эти книги чрезвычайно цѣнныя, не волюминозныя, легкія для перевода и, хотя только по имени, извѣстны нашей публикѣ. Съ графомъ Панинымъ я познакомился очень хорошо и даже нѣсколько сблизился. Онъ человѣкъ очень, очень добрый, и, что бываетъ у насъ чрезвычайно рѣдко, весьма ласковый и ни крошки не гордый... Объ васъ отзывается онъ чрезвычайно хорошо и даже почтительно. Все то, что вы говорили о немъ, есть сущая правда“.

XXII.

Въ то время, когда Погодинъ съ успѣхомъ вступалъ на каѳедру Всеобщей Исторіи Московскаго Университета, другъ его Шевыревъ оканчивалъ свою диссертацію *О Дантѣ*, которая была одобрена профессорами.

Сдавъ свою диссертацію, Шевыревъ отправился въ Саратовскую губернію навѣстить свою мать. Изъ села Ивановскаго онъ писалъ Погодину: „Отъ Пензы доселѣ меня все на расхватъ. Въ деревнѣ у тетки, на свадьбѣ кузины, обнялъ и маменьку. Пріѣхалъ я рано утромъ, на другой день свадьбы, всѣ спали, маменьки не спалось и она въ просонкахъ имѣла мысль: неужъ-то онъ меня забылъ: въ ту самую минуту, какъ дѣвка пришла и сказала ей, что я пріѣхалъ. Поплакали мы съ ней на радости, какъ водится. Теперь только примусь за хозяйскія дѣла, ужъ видѣлъ своего старосту и оброкъ готовъ“ [208]).

Въ срединѣ марта 1833 года, Шевыревъ вернулся въ Москву. Погодинъ былъ очень радъ его пріѣзду. „Ну, слава Богу. Работникъ. Къ Веневитинову. Никогда не было насъ такъ много вмѣстѣ. Положено говорить другъ другу *ты*“.

15 марта день, какъ извѣстно, священный для друзей Дмитрія Веневитинова, Погодинъ былъ въ Симоновѣ и молился „надъ гробомъ Димитрія“; а обѣдалъ у Шевырева. Въ тотъ же день Погодинъ посѣтилъ Рисовальную Школу. „Пріятно видѣть“, писалъ онъ, „сихъ плебейцевъ въ храмѣ искусства“.

Въ это же время, чрезъ Веневитинова Погодинъ познакомился съ генералъ-адъютантомъ графомъ Евграфомъ Ѳедотовичемъ Комаровскимъ, авторомъ извѣстныхъ Записокъ, которыя въ наши дни напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ*. Любопытныя бесѣды съ нимъ Погодинъ хотя, по обычаю, кратко, но записалъ въ *Дневникѣ* своемъ: „Къ старому Комаровскому. Объ Александрѣ. Добрѣйшая душа, говоритъ онъ. Аракчеевъ оказывалъ ему много услугъ... Грибовскій сказалъ Васильчикову въ 1822 году: я преступникъ. У насъ есть общество. Вотъ члены. Справьтесь въ Москвѣ. Теперь тамъ такой-то. Васильчиковъ списался съ Голицынымъ. Точно такъ. Донесъ Александру. *Я это знаю*, отвѣчалъ онъ, *положи списокъ ко мнѣ*. Такъ и осталось. Кстати запишу, что я слышалъ прежде о словахъ Государя Волконскому *) на смотру съ

*) Князю Сергію Григорьевичу.

улыбкою: *Заботься же о своей бригадѣ, а тронъ мой предоставь мнѣ*".

Но между графомъ Комаровскимъ и Погодинымъ вышло какое-то недоразумѣніе, заставившее послѣдняго написать ему письмо „для объясненія". Старикъ генералъ-адъютантъ самъ пріѣхалъ къ молодому профессору „объяснилъ съ чувствомъ", такъ что Погодину было совѣстно, и онъ началъ думать „не грубо-ли онъ написалъ ему, ловко ли". За разрѣшеніемъ волновавшаго его сомнѣнія, онъ обратился къ Кирѣевскому, Елагину, „какъ людямъ деликатнымъ"; но они „одобрили" и Погодинъ успокоился [209]).

На другой день послѣ поминокъ Веневитинова, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Посылаю тебѣ на новоселье бюстъ Мерзлякова, любезный мой Степанъ Петровичъ! Хоть онъ имѣлъ много недостатковъ, принадлежавшихъ отчасти его времени, но у него были и великія достоинства. Да будетъ ихъ сторицею у тебя, нареченнаго мною его преемника, во славу твою, мою, нашу и Русскую. Этого отъ души тебѣ при вступленіи твоемъ на новое поприще желаетъ М. П. Погодинъ" [210]). Шевыревъ былъ очень тронутъ этимъ подаркомъ и писалъ: „Благодарю тебя искренно и душевно, милый другъ и обнимаю". Къ этой записочкѣ Языковъ приписалъ: „Отъ души благодарю и я тебя, за желаніе Шевыреву. *Да будетъ онъ Мерзляковымъ XIX-го вѣка. Да будетъ!*" [211]). Вслѣдъ за симъ Погодинъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ* подъ 22 марта 1833 года: „Шевырева завтра баллотировать". Послѣ удачной баллотировки, Шевыреву задана была тема для пробной лекціи: *Изящныя искусства въ XVI вѣкѣ*. Въ началѣ іюня 1833 года Шевыревъ прочелъ ее въ засѣданіи Университетскаго Совѣта и она была „единогласно одобрена"; Шевыревъ же былъ избранъ адъюнктомъ по Словесному Отдѣленію, и ему было поручено преподаваніе Исторіи Всеобщей Словесности. Напряженные труды въ продолженіе полугода отозвались на здоровьѣ труженика, и онъ пролежалъ въ постели мѣсяца три, пока могъ начать лекціи [212]).

Слава Шевырева начала распространяться по Москвѣ, и къ Погодину, какъ его другу, стали обращаться многія почтенныя семейства съ просьбою уговорить Шевырева давать уроки въ ихъ домахъ. Въ числѣ ихъ съ этою просьбою обратились и Сухово-Кобылины; но Погодинъ по этому поводу отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Я боялся, что влюбится. Такъ что-жъ? Я началъ его испытывать, какъ будто для него" [213]).

Въ это время всеобщее вниманіе обратили на себя произведенія Италіанскаго писателя Сильвіо Пеллико (1789—1854), восемь лѣтъ пространдавшаго въ разныхъ темницахъ, куда былъ заключенъ Австрійскимъ Правительствомъ за патріотическое направленіе его произведеній. Получивъ свободу, онъ издалъ свои Записки. „Изумленіе было всеобщее", писалъ Пушкинъ, „ждали жалобъ, напитанныхъ горечью,—прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства" [214]). Погодинъ, желая познакомить съ ними Русскую публику, упросилъ, кажется, М. С. Муханову перевести ихъ на Русскій языкъ. Поводомъ къ этому предположенію послужило намъ слѣдующее письмо ея къ Погодину: „Вотъ переводъ мой. Вѣроятно, въ моемъ переводѣ осталось много галлицизмовъ. Не досадно ли, что проклятые Французы съ самаго младенчества мѣшаютъ намъ мыслить и выражаться по-Русски".

Это предпріятіе Погодина встрѣтило сильный протестъ со стороны Шевырева. „Я всегда считалъ тебя упрямымъ", писалъ онъ ему, „но не до такой степени. Спекулировать на Сильвіо Пеллико грѣхъ! Перевести его надо съ тою же совѣстью, съ какою писалъ. Да, что хорошо, то просто, а это то и трудно. Еще бы ты засадилъ дамъ за Библію да Гомера. Я обѣщаю тебѣ, будучи увѣренъ, что переводъ будетъ гадокъ, разругать его вездѣ. Гадилъ ты Шиллера, но за Италіанцевъ я вступлюсь". Но когда эти доводы не подѣйствовали на Погодина, то Шевыревъ писалъ ему вторично: „Помилуй, что ты дѣлаешь? Переводить Сильвіо Пеллико черезъ дѣтей. Вчера Мельгуновъ, Павловъ и цѣлое собраніе на тебя за это

вооружилось. Сильвіо не Беттигеръ. Это не дѣтская книга. Это chef d'euvre Итальянской Словесности. Это книга Евангельская. Эта легенда святаго страдальца" [215]).

Въ концѣ концовъ это предпріятіе Погодина не осуществилось.

Въ это время Гоголь, по свидѣтельству В. В. Григорьева, былъ побѣжденъ мыслію, что онъ „созданъ историкомъ и призванъ къ преподаванію *судебъ человѣчества*". Это настроеніе еще ближе сближало его съ Погодинымъ. Поздравляя его съ новымъ 1833 годомъ, Гоголь писалъ: „Меня изумляетъ ваше молчаніе. Не могу постигнуть причину. Не разлюбили ли вы меня? Но зная совершенно вашу душу, я отбрасываю съ негодованіемъ такую мысль. По всему мы должны быть соединены тѣсно другъ съ другомъ. Однородность занятій, —замѣтьте у васъ и у меня главное дѣло Всеобщая Исторія, а прочее стороннее. Словомъ, все меня увѣряетъ, что мы не должны разлучаться на жизненномъ пути... Желаю, чтобы все замышляемое вами осуществилось въ этомъ году, а себѣ желаю, чтобы вы меня любили столько, сколько я васъ. Если увидите Максимовича, упрекните его за то, что и онъ не далъ мнѣ отвѣта на письмо мое. Вся Москва забыла меня, тогда какъ ее безпрестанно вижу въ мысляхъ своихъ". Само собою разумѣется, что Погодинъ былъ болѣе заинтересованъ писательскою дѣятельностью Гоголя, чѣмъ его историческими изысканіями и въ своихъ письмахъ къ нему постоянно спрашивалъ его о его литературныхъ произведеніяхъ; но Гоголь неохотно отвѣчалъ ему на эти вопросы. „Вы спрашиваете меня", писалъ онъ, „о *Вечерахъ на Диканькѣ*. Чортъ съ ними! Я не издаю ихъ. И хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого, прибавлять — не могу. Никакъ не имѣю таланта заняться спекулантными оборотами. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ *Вечеровъ* и вы только напомнили мнѣ объ этомъ. Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣстъ что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня. Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвиж-

ности, мелкаго не хочется! Великое не выдумывается! Однимъ словомъ, умственный запоръ. Пожалѣйте обо мнѣ и пожелайте мнѣ. Пусть ваше слово будетъ дѣйствительнѣе клестира. Видите ли, какой я слѣлался прозаистъ и какъ гадко выражаюсь". Въ то же время Гоголь жаждалъ писательской славы: „Я не знаю отъ чего", писалъ онъ Погодину, „я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется внаружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: *Владиміръ 3-й степени* и сколько злости, смѣху! соли! Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и таскается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда піеса не будетъ играться. Драма живетъ только на сценѣ, безъ нее она какъ душа безъ тѣла... Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости. И такъ за комедію не могу приняться. Примусь за Исторію. Передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ; рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы и Исторія къ чорту. Вотъ почему я сижу при лѣни мыслей". На настойчивый же вопросъ Погодина, что онъ пишетъ? Гоголь отвѣчалъ: „Охъ братецъ! Зачѣмъ ты спрашиваешь, что я пишу, что я затѣваю, что у меня написано? Знаешь ли ты какой мнѣ дѣлаешь вопросъ, и что мнѣ твой вопросъ? Ты похожъ на хирурга, который запускаетъ адскій свой щупалъ въ пылающую рану и доставляетъ больному самую пріятную забаву: муку. Какой ужасный для меня этотъ 1833 годъ! Боже, сколько кризисовъ! Настанетъ ли для меня благодѣтельная реставрація, послѣ разрушительныхъ революцій? Сколько я поначиналъ, сколько пережогъ, сколько бросилъ! Понимаешь ли ты ужасное чув-

10

ство: быть недовольнымъ самимъ собою. О, не знай его! Будь счастливъ и не знай его. Это одно и тоже. Это нераздѣльно. Человѣкъ, въ котораго вселилось это адъ-чувство, весь превращается въ злость, онъ одинъ составляетъ оппозицію противъ всего. Онъ ужасно издѣвается надъ собственнымъ безсиліемъ, Боже да будетъ все это къ добру! Произнеси и ты за меня такую молитву. Я знаю, ты любишь меня какъ люблю тебя я и вѣрно твоя душа почуетъ мое горе. Извини меня передъ Максимовичемъ, что я не могу ничего дать ему, у меня ничего нѣтъ. Ничего совершенно для альманаха, исключая развѣ двухъ началъ двухъ огромныхъ твореній, на которыхъ лежитъ печать отверженія и которыхъ я не смѣю развернуть... Смирдинъ выкопалъ одну повѣсть мою и то въ чужихъ рукахъ, писанную до царя гороха, я даже не поглядѣлъ на нее".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гоголь сблизился со всѣмъ кругомъ Московскихъ друзей Погодина и въ каждомъ почти письмѣ своемъ вспоминаетъ о нихъ самымъ сердечнымъ образомъ. „Что дѣлаютъ наши Москвичи? Что Максимовичъ печатаетъ точно *Наума* и пѣсни, или только насъ надуваетъ? А Кирѣевскіе? Неужели они до сихъ поръ на ложѣ лѣни. Не дѣлаетъ ли чего Баратынскій?" Въ другомъ своемъ письмѣ Гоголь пишетъ: „Кланяйся особенно Кирѣевскому. Вспоминаетъ ли онъ обо мнѣ? Скажи ему, что я очень часто о немъ думаю и эти мысли мнѣ почти также пріятны, какъ о тебѣ и о родинѣ. Любезному землячку Максимовичу поклонъ". По поводу порученія Погодина достать портретъ Крылова, Гоголь дѣлаетъ слѣдующій любопытный отзывъ о нашемъ знаменитомъ баснописцѣ: „Крылова нигдѣ не попалъ, чтобъ напомнить ему за портретъ. Этотъ блюдолизъ, не смотря на то, что породою слонъ, летаетъ какъ муха по обѣдамъ" [216]).

Общій пріятель Погодина и Гоголя, Максимовичъ, въ 1833 году издалъ для народнаго чтенія *Книгу Наума о великомъ Божіемъ мірѣ*. Это была первая попытка въ нашей литературѣ—представить полезное и вмѣстѣ увлекательное для простого народа чтеніе. „*Книга Наума*, писалъ Максимовичу

Денисъ Давыдовъ, „не маякъ, освѣщающій горніе предѣлы, но смиренная лучина, вспыхнувшая въ курной избѣ поселянина“ [217]). А князь Одоевскій писалъ издателю: „Я отъ вашей *Книги Наума* безъ ума отъ восхищенія... Мнѣ и въ голову не входило, что можно сдѣлать краткую географію столь занимательною для простолюдина, какъ ее сдѣлалъ Наумъ. Слава и честь ему. Я повторяю, что появленіе вашей книжки произвело во мнѣ радость, какой я давно уже не испытывалъ при появленіи Русскихъ книгъ“ [218]). *Молва* почитала *Книгу Наума* разсвѣтомъ утѣшительной будущности для нашего Народнаго Просвѣщенія... Книжка сія можетъ также съ пользою служить для дѣтей, начинающихъ учиться. Особенно въ приходскихъ и деревенскихъ школахъ она должна быть ручнымъ, классическимъ пособіемъ“ [219]). Даже *Московскій Телеграфъ*, имѣя счеты съ Максимовичемъ, отозвался о *Наумѣ* довольно сочувственно. „Не смотря на всѣ трудности“, сказано тамъ, „г. Максимовичъ довольно удачно исполнилъ свое предпріятіе, сказать нашимъ мужичкамъ *главнѣйшія истины* Астрономіи и Математической Географіи, переодѣвшись для сего простолюдиномъ *Наумомъ*“ [220]).

Мысль о народныхъ книжкахъ, какъ мы знаемъ, давно занимала Погодина. „Максимовичъ“, писалъ ему Языковъ, „совершилъ подвигъ достославный *Книгою Наума*; да не встрѣтитъ онъ камени преткновенія при изданіи продолженія оной. Вы когда-то намѣревались написать жизнь Ломоносова для подобной цѣли... Что она“? [221]). Зайдя какъ-то къ Максимовичу, до выхода въ свѣтъ *Наума*, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Давалъ Максимовичу совѣты въ разсужденіи его простонародныхъ книжекъ. Вотъ его и выйдетъ прежде моей, задуманной такъ давно“ [222]).

XXIII.

Мысль Уварова объ учрежденіи при Московскомъ Университетѣ періодическаго изданія воплотилась. Въ газетахъ того

времени появилось объявленіе, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Императорскій Московскій Университетъ для бо́льшаго распространенія свѣдѣній объ успѣхахъ и совершенствованіи наукъ, предпринимаетъ повременное изданіе подъ названіемъ *Ученыхъ Записокъ*. Сообщать полезныя знанія въ области ума, природы и искусства, разсматривать отличнѣйшія произведенія словесности иностранной и въ особенности отечественной; извѣщать о новыхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, наблюденіяхъ и открытіяхъ; такова цѣль сего изданія. Профессоры, адъюнкты и прочіе преподаватели въ Университетѣ будутъ имѣть участіе въ *Ученыхъ Запискахъ*. Члены Московскаго Университета, движимые усерднѣйшимъ желаніемъ распространенія свѣдѣній, приложатъ возможное стараніе о доставленіи любознательнымъ соотечественникамъ полезнаго чтенія“ [223]). Для изданія *Ученыхъ Записокъ* учрежденъ былъ Комитетъ, членомъ котораго былъ и Погодинъ. Въ іюнѣ 1833 года вышла первая книжка этого изданія и на первыхъ же страницахъ ея былъ помѣщенъ *Взглядъ* Погодина *на Россійскую Исторію*. Это была первая и послѣдняя статья его въ этомъ изданіи, такъ какъ оно по Русской Исторіи сдѣлалось исключительнымъ органомъ Каченовскаго. Первая книжка была со статьею самаго Уварова подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Слово о Гете, его превосходительства господина управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, президента Императорской Академіи Наукъ, Сергія Семеновича Уварова, на Французскомъ языкѣ, читанное въ торжественномъ собраніи Академіи 12-го марта 1833 года, въ переводѣ профессора Давыдова*. Въ краткомъ предисловіи переводчикъ заявилъ: „Поспѣшая познакомить съ симъ произведеніемъ соотечественниковъ нашихъ, мы украшаемъ онымъ *Ученыя Записки*. Знаемъ, что сочиненіе, заключающее въ себѣ, при всей краткости, невыразимое богатство мыслей и живопись неподражаемую въ слогѣ, теряетъ въ переводѣ большую часть своего изящества; но мы лучше желали показать безсиліе свое въ выраженіи мыслей и чувствованій сочинителя, нежели совсѣмъ лишить

читателей прекраснѣйшихъ страницъ о великомъ Поэтѣ нашихъ временъ".

Эта книжка была представлена Государю, и князь С. М. Голицынъ получилъ письмо отъ Уварова, въ которомъ сообщается: „Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представить Его Императорскому Величеству первую книжку *Ученыхъ Записокъ*. Государь Императоръ, разсмотрѣвъ содержаніе оной и всемилостивѣйше одобривъ сей трудъ, высочайше повелѣть соизволилъ увѣдомить ваше сіятельство, что Его Величество обращаетъ особое вниманіе на сіе похвальное предпріятіе профессоровъ Московскаго Университета" [224]).

Когда съ *Учеными Записками* познакомился Языковъ, то писалъ о нихъ Погодину: „*Ученыя Записки* вашего Университета дошли до насъ. Хорошо, хорошо, всѣхъ лучше вы, за вами идетъ Максимовичъ — въ почтительномъ отдаленіи съ Щуровскимъ — потомъ что-то перебивается и т. д. Надеждинъ, не тѣмъ онъ будь помянутъ, несется по океану идей завиральныхъ! Странно право, что Василевскій не выступилъ. А министръ просвѣщенія о Гете" [225]).

Почти одновременно съ *Учеными Записками* Московскаго Университета, въ Петербургѣ, по мысли Уварова же, началъ издаваться *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Редакція журнала была поручена Константину Степановичу Сербиновичу. По свидѣтельству Погодина, „наружность Сербиновича и вообще обращеніе носило слѣды Полоцкаго іезуитскаго воспитанія, которое и помогало ему держаться при всѣхъ начальникахъ, самыхъ противоположныхъ, Шишковѣ, Ливенѣ, Блудовѣ, Уваровѣ, Протасовѣ... Умѣренность и осторожность, исправность, благоразуміе—его достоинства, и онъ представлялъ типъ Петербургскаго чиновника въ хорошемъ смыслѣ. Рѣзкихъ сужденій, порицаній ни лицъ, ни вещей отъ него нельзя было услышать никогда". Для пріисканія сотрудниковъ въ маѣ 1833 года Сербиновичъ посѣтилъ Москву. Рекомендуя его И. И. Дмитріеву, князь П. А. Вяземскій писалъ: „К. С. Сербиновичъ, безъ сомнѣнья, давно извѣстенъ вамъ по

имени, по преданности его къ семейству Карамзиныхъ и по довѣренности и уваженію къ нему покойнаго Николая Михайловича, при которомъ находился онъ чиновникомъ, такъ сказать, по особымъ порученіямъ историческимъ“ [226]).

Само собою разумѣется, въ бытность свою въ Москвѣ, Сербиновичъ познакомился съ Погодинымъ и навсегда съ нимъ сблизился. Возвратясь въ Петербургъ, Сербиновичъ писалъ Погодину: „Журналъ нашего Министерства долженъ быть также каѳедрою, съ которой по очереди могутъ читать свои произведенія профессоры всѣхъ университетовъ. Мы здѣсь, правду говоря, всего болѣе и ожидаемъ отъ Москвы. Скажу вамъ, что и редакція нашего журнала Московскому Университету не чужая; ибо я набралъ въ оную все Московскихъ кандидатовъ, именно: Краевскаго, Невѣрова, Роговича. Сергѣй Семеновичъ желаетъ входить во всѣ подробности изданія тѣмъ болѣе, что оно не будетъ подлежать цензурѣ“. Для перваго нумера *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, начавшаго выходить съ января 1834 года, Погодинъ обѣщалъ Сербиновичу свою вступительную лекцію *о Всеобщей Исторіи*. „Если вы“, писалъ ему Сербиновичъ, „по полученіи сего письма (отъ 16 ноября) постараетесь выслать къ намъ вашу лекцію о *бытіи Бога въ Исторіи*, то она еще войдетъ въ первую книжку“. Погодинъ не замедлилъ исполнить желаніе Сербиновича, который вскорѣ писалъ ему: „Къ прискорбію, долженъ я сообщить вамъ, что С. С. Уварову угодно было приказать исключить изъ вашей лекціи исчисленіе собственныхъ именъ и происшествій и пр., начиная со словъ: *Разумъ, природа, добро, зло*... и даже до *Шеллинга* и пр.“.

Одинъ изъ сотрудниковъ Сербиновича по *журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія*, А. А. Краевскій, писалъ Погодину: „Пользуюсь случаемъ, чтобы напомнить вамъ о себѣ. Давно не имѣлъ я ни отъ васъ, ни объ васъ ни вѣсточки, ни слуху. Вы, счастливцы Московскіе, не знаете, какъ пріятно горемыкѣ, завезенному на тундры Чухонскія, слышать что-нибудь о Москвѣ и Московскихъ; особливо о

тѣхъ, къ которымъ привязанъ и сердцемъ и мыслію. Еслибъ вы хоть немного постигли тоску—кручину Петербургскаго Москвича, то вѣрно бы получше исполнили обѣщаніе свое — писать ко мнѣ. Но вы заняты и всегда добрымъ дѣломъ: не смѣю и пенять вамъ. – Строгоновъ, прочитавши вашего *Петра*, черезъ два дня уѣхалъ въ Дрезденъ, сказавши мнѣ, что при чтеніи Петра у него *сильнѣе обыкновеннаго билось сердце, и что вы знатокъ въ Русскихъ человѣкахъ*. Нѣкоторыя и изъ изданныхъ вами книгъ куплены Павловскимъ Корпусомъ и скоро раздадутся кадетамъ на актѣ. О себѣ мнѣ сказать нечего. Работаю по прежнему—до поту лица, и теперь въ двухъ сферахъ: журнальной и педагогической. Петербургскій климатъ ѣстъ меня по-ѣдомъ; часто стражду головною болью; лѣчусь, хожу; но болото беретъ таки свое. Впрочемъ вамъ обо мнѣ живая грамота – г. Невѣровъ. Дѣтище наше, 1-я книжка, выползла въ свѣтъ. Въ ней найдете вы несчастную, исковерканную Министромъ статью мою о Русскихъ журналахъ, которую я никогда не надѣялся видѣть такою неблагообразною въ печати. Но плеть обуха не перешибетъ... Лѣтомъ, можетъ быть, притеку я искать врачеванія у Остоженскихъ водъ". Весною Краевскій пріѣхалъ въ Москву и посѣтилъ Погодина, который объ его посѣщеніи записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ* подъ 5 апрѣля 1833 года: „Полъ-утра взялъ Краевскій, который вчера говорилъ людямъ, что имѣетъ нѣчто важное сообщить мнѣ изъ Петербурга.— А только свиданіе.—О Петербургскихъ ученыхъ, которые собираютъ деньги уроками по 25, о наградахъ тамошнихъ. А наши-то бьются изъ чего"?

Любопытно, что сближеніе Погодина съ Сербиновичемъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда по почину Симбирскаго Дворянства, началась подписка на памятникъ Карамзину въ Симбирскѣ, при открытіи котораго, впослѣдствіи, Погодину довелось произнесть свое извѣстное Похвальное Слово Карамзину, въ сочиненіи котораго Сербиновичъ, какъ близкій человѣкъ Исторіографу, принималъ такое живое участіе.

„До васъ“, писалъ Погодину Языковъ (отъ 25 апрѣля 1833 г.), „конечно, дошелъ слухъ о сооруженіи памятника безсмертному Карамзину. Здѣсь произошло чрезвычайное кипѣніе умовъ дворянскихъ по сему случаю. Приношенія — далеко превосходятъ ожиданія всѣхъ знающихъ малопросвѣщенность странъ Приволжскихъ, Азіи порубежныхъ. Какъ идетъ это дѣло въ Москвѣ? Нельзя ли вамъ, крѣпкій стратигъ Русской Исторіи—возжечь особенное соревнованіе между доблими юношами, вамъ подвѣдомственными, и силою вашего слова дѣйствовать на публику“ [227]). Не знаемъ какъ, шла подписка въ Москвѣ; но изъ Петербурга князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Сказываютъ, что Уваровъ просилъ Шишкова дать отъ лица Академіи по десяти тысячъ рублей на памятники Державина и Карамзина; но старикъ никакъ не даетъ болѣе тысячи рублей, чтобы не обидѣть стараго слога въ лицѣ Ломоносова, на памятникъ коего Академія дала столько-же“ [233]).

Когда впечатлѣніе отъ Арцыбашевскихъ критикъ на *Исторію Государста Россійскаго* Карамзина изгладилось, Погодинъ началъ опять посѣщать домъ И. И. Дмитріева. Когда же начались приготовленія по сооруженію въ Симбирскѣ памятника Карамзину, Дмитріевъ взялъ съ Погодина слово написать похвальное слово Исторіографу, и онъ тогда же выразилъ свое согласіе [228]). Узнавъ объ этомъ, Языковъ писалъ Погодину: „О вашемъ достохвальномъ желаніи быть провозгласителемъ общаго уваженія къ заслугамъ Карамзина мы снеслись съ комитетомъ, учрежденнымъ въ Симбирскѣ, для распоряженія дѣлами о памятникѣ Исторіографу (одинъ изъ здѣшнихъ литераторовъ называлъ его Исторіи графомъ!!). Комитетъ сей состоитъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и самъ собою не дѣйствуетъ, почему я и думаю, что ему нужно будетъ просить Блудова объ открытіи конкурса на *похвальное слово Карамзину*. Еслибы Россійская Академія не была глупа до невѣроятности, то она бы давно задала задачу о Карамзинѣ. И Универси-

тетъ вашъ могъ бы это сдѣлать. Само собою разумѣется, что похвальное слово Карамзину никто кромѣ васъ, во всей Россіи, написать не можетъ".

Но среди Московскаго Университета, не говоря уже о Каченовскомъ, не всѣ были почитателями Карамзина. Такъ, почтенный профессоръ Технологіи и Ветеринарной Медицины Петръ Илларіоновичь Страховъ, бесѣдуя однажды съ Погодинымъ о Карамзинѣ сказалъ: „Якобинецъ былъ да и только. Какъ описалъ онъ Іоанна Васильевича"!

XXIV.

Царь Борисъ Годуновъ не выходилъ изъ ума и сердца Погодина. Не довольствуясь изслѣдованіемъ о немъ, онъ, не боясь соперничества съ Пушкинымъ, задумалъ написать драму, давшій ей заглавіе: *Исторія въ лицахъ о Царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ.* Къ началу 1833 года драма была уже готова и объ этомъ было доведено до свѣдѣнія Гоголя, который 1 февраля 1833 года писалъ нашему драматургу: „Зависть одолѣваетъ меня. Какъ! въ такое непродолжительное время и уже готова драма, огромная драма, между тѣмъ какъ я сижу какъ дуракъ при непостижимой лѣни мыслей. Это ужасно! Но поговоримъ о драмѣ. Я нетерпѣливъ прочесть ее. Тѣмъ болѣе, что въ *Петрѣ* вашемъ драматическое искусство несравненно совершеннѣе нежели въ *Марѳѣ.* И такъ *Борисъ* вѣрно еще ступенькою сталъ выше *Петра"*... Въ томъ же письмѣ Гоголь, по просьбѣ Погодина, дѣлаетъ примѣчаніе, исполненное болѣе чѣмъ странныхъ мыслей, которыя, впрочемъ, онъ самъ не воплощалъ въ своихъ изображеніяхъ героевъ *Малороссійской старины.* „Если вы", писалъ онъ, „хотите непремѣнно вынудить изъ меня примѣчаніе, то у меня только одно имѣется. Ради Бога, прибавьте боярамъ нѣсколько глупой физіономіи. Это необходимо такъ даже, чтобы они непремѣнно были смѣшны. Чѣмъ знатнѣе, чѣмъ выше классъ, тѣмъ онъ глупѣе.

Это вѣчная истина! А доказательство въ наше время. Черезъ это небольшой умъ между ними уже будетъ рѣзокъ и объ немъ идутъ рѣчи какъ объ разумной головѣ. Такъ бываетъ въ государствѣ. А у васъ, не прогнѣвайтесь, иногда бояре умнѣе теперешнихъ нашихъ вельможъ. Какая смѣшная смѣсь во время Петра. Когда Русь превратилась на время въ цырюльню, биткомъ набитую народомъ, одинъ самъ подставлялъ свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что одинъ бранитъ Антихристову новизну, а между тѣмъ хочетъ сдѣлать новомодный поклонъ и бьется изъ силъ сковеркать ужимку Французскаго кафтанника. Я не иначе представляю себѣ это, какъ вообразя попа во фракѣ... Благословенный вы избрали подвигъ! Вашъ родъ очень хорошъ. Ни у кого столько истины и исторіи въ героѣ піесы. *Бориса* я очень жажду прочесть. Какъ бы мнѣ достать вашихъ *Афоризмовъ*? Меня очень обрадовало, что у васъ ихъ цѣлая книга. Эхъ, зачѣмъ я не въ Москвѣ". Но эта драма Погодина, подобно *Петру*, увидѣла свѣтъ не ранѣе 1868 года и только отрывокъ изъ нея напечатанъ въ первой книжкѣ *Современника*, 1837 года, вышедшей въ свѣтъ послѣ смерти Пушкина.

Окончивъ Бориса, Погодинъ принялся за Самозванца. Во вторникъ на Страстной недѣли (28 марта 1833 г.) Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Рѣшаюсь писать о *Самозванцѣ*. Запереться въ комнатѣ, а слухъ что въ деревнѣ". Творческая работа закипѣла, и Гоголь (отъ 8 мая 1833 г.) писалъ ему: „Теперь только-что получилъ я твою записку чрезъ Краевскаго. Хорошъ коммиссіонеръ попался. Ну очень радъ, что уже *Самозванецъ* пишется". Къ концу года драма эта была окончена и Погодинъ далъ ее прочесть М. А. Дмитріеву. О впечатлѣніи, которое произвело это чтеніе, Дмитріевъ писалъ Погодину: „Вотъ вамъ отчетъ о чтеніи, только съ тѣмъ, чтобы вы приняли на чистыя деньги и за чистую правду: чтецъ или *чтиха* въ одномъ мѣстѣ не утерпѣла и воскликнула: умница Михаилъ Петровичъ! И всѣ повторили. Разбирали мы васъ, вспоминали каждую сцену другъ другу, насла-

дились. Чтò еслибы мы также отправляли ежегодно въ Европу свои плоды ума, какъ она къ намъ, то на славу можете послать вашего *Петра*, *Бориса* и *Самозванца!*.. Любезный Михаилъ Петровичъ! Сладко мнѣ, что я къ вамъ объ этомъ расписался. Знаете ли, что во мнѣ есть какое-то особенное мое чувство къ истинно хорошему въ нашей литературѣ! Я, какъ скоро нападу на этакую вещь, а я очень прихотливъ, то мало того, что обрадуюсь; но и радуюсь, и люблю, и блаженствую: это-то вы во мнѣ производите". Но Погодина смущалъ успѣхъ барона Розена на драматическомъ поприщѣ, хотя самъ издатель *Альціоны* весьма стремился сблизиться съ Погодинымъ. „До сихъ поръ *Альціона*", писалъ онъ ему, „со стороны Москвы была встрѣчена критическою канонадою. Наконецъ бѣлокаменная старушка воззрѣла на альманахъ мой окомъ милостивымъ и рѣшается за трехлѣтнюю къ нему несправедливость воздать ему дружелюбнымъ въ немъ участіемъ лучшихъ и достойнѣйшихъ бояръ своихъ, т.-е. я слыхалъ слухи, что Шевыревъ и Кирѣевскій намѣрены дать въ *Альціону* по статьѣ, и будто бы М. П. Погодинъ для нея уже пишетъ повѣсть *Новый Эдипъ!* Сію мысль вамъ внушилъ вашъ добрый геній, которому муза моя бьетъ челомъ до лица земнаго; а буде онъ, какъ вѣжливый кавалеръ, этого не позволитъ, то она поклоняется ему только въ поясъ. Говоря безъ шутокъ, меня душевно радуетъ доброжелательное къ *Альціонѣ* вниманіе Московскихъ литераторовъ аристократовъ" [229]). Но кромѣ изданія *Альціоны,* баронъ Розенъ написалъ и поставилъ на сцену трагедію *Стефанъ Баторій*, которая имѣла успѣхъ. „Государь", писалъ князь П. А. Вяземскій И. И. Дмитріеву, „былъ очень доволенъ трагедіею барона Розена: *Россія* и *Баторій*. Желая видѣть ее на сценѣ, требовалъ онъ нѣкоторыхъ перемѣнъ, и Розенъ уже перекроилъ трагедію свою на новый ладъ. Вотъ что значитъ Нѣмецкое трудолюбіе! Впрочемъ, въ Розенѣ точно замѣчательное дарованіе" [230]). Самъ баронъ Розенъ писалъ Погодину о своемъ успѣхѣ: „Государю до того понравился мой *Баторій*, что онъ захотѣлъ видѣть его

на сценѣ, собственноручно отмѣтивъ исключаемыя мѣста“ [231]). Эти строки вызвали слѣдующую запись въ *Дневникѣ* Погодина: „*Баторія* Розена, Государь хочетъ увидѣть на сценѣ, а мой *Петръ* лежитъ“.

Въ то время, когда Погодинъ принялся за *Самозванца* и неимовѣрно быстро его окончилъ, Хомяковъ, наконецъ, выпустилъ въ свѣтъ свою трагедію тоже *Димитрій Самозванецъ*. По поводу выхода въ свѣтъ этого произведенія, въ *Дневникѣ* Погодина мы читаемъ слѣдующую запись: „Съ Кирѣевскимъ *Европейцемъ* (т.-е. Иваномъ) и трунилъ надъ Хомяковскимъ *Самозванцемъ*. У всѣхъ руки опустились, какъ услышали, что кончилъ (т.-е. Погодинъ своего *Самозванца*) въ семь дней“ [232]).

Вскорѣ Погодинъ получаетъ отъ Хомякова слѣдующую записочку: „Если вечеръ вашъ свободенъ, не согласитесь ли провести его у пріятеля лѣниваго съ другими лѣнивцами, которымъ вы будете служить живымъ упрекомъ и поощреніемъ къ труду. Не откажите. Жду васъ въ 8-мъ часу“ [233]).

Въ то время Хомяковъ былъ очень недоволенъ Московскою жизнію. Жалуясь Веневитинову на переселеніе друзей въ Петербургъ, онъ писалъ ему: „Признайся, другъ, что нужна твердость духа остающимся въ Москвѣ. Надобно выдерживать трудное испытаніе и кромѣ того безпрерывно повторяемое. Кого Петербургъ не переманиваетъ къ себѣ? Кто остается вѣрнымъ бѣлокаменной старушкѣ. Жалѣешь и не имѣешь даже утѣшенія сердиться на отъѣзжающихъ, потому что они правы. Если нѣтъ особеннаго призванія или страсти (это все одно и тоже), то служба необходима въ Россіи не только для того, чтобы заплатить долгъ Отечеству, но и для того, чтобы наполнить пустыню дней и годовъ чѣмъ-нибудь въ такой землѣ, гдѣ физическая жизнь нашихъ почтенныхъ дѣдовъ вышла изъ моды и сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ, а умственная еще развиться не успѣла, а слова: служба и Москва вмѣстѣ не клеятся. Какъ только Кошелевъ пріѣхалъ, первое слово мое было: „что, въ службѣ?“ и ожиданное „да“ не заста-

вило себя ждать. И такъ вотъ еще въ нашемъ кругу убыль. Чужіе края насъ лишили Свербеевыхъ, Дерптъ кажется взялъ Мещерскихъ надолго, такъ что почти не остается старыхъ знакомыхъ, а новые какъ-то все не то, за то я въ ожиданіи не совсѣмъ веселой зимы, хочу съѣздить повеселиться въ Крымъ. Не знаю еще удастся ли, но почти вѣрно то, что позволятъ. Я надѣюсь, что эта поѣздка меня освѣжитъ..." [234]).

XXV.

Въ 1833 году вышла первая часть перевода Грамматики языка Славянскаго Добровскаго, которая была переведена Погодинымъ. „Спѣшу", писалъ онъ Востокову, „засвидѣтельствовать вамъ искреннѣйшую благодарность за ваши труды по изданію Славянской Грамматики, которую я на дняхъ получилъ. Наконецъ черезъ девять лѣтъ, прошедъ всякія мытарства, является она въ свѣтъ, благодаря вашему благосклонному пособію" [235]). Въ послѣсловіи своемъ къ этому переводу, который начатъ былъ еще въ 1822 году, Погодинъ написалъ слѣдующія замѣчательныя строки: „Молодые люди, желающіе трудиться на поприщѣ науки! Сносите терпѣливо всѣ неудачи, не охлаждайтесь никакими отказами, не приходите въ отчаяніе отъ препятствій, и будьте увѣрены, что всякій совершенный трудъ, рано или поздно, хоть чрезъ девять, десять, хоть чрезъ двѣнадцать лѣтъ, будетъ вознагражденъ и принесетъ свою пользу.

А вы, отъ которыхъ зависитъ... но лучше я обращусь теперь къ себѣ, ибо я самъ уже занялъ подобное мѣсто...

Такъ! живо помня переводъ Славянской Грамматики Добровскаго, я произношу здѣсь обѣтъ содѣйствовать всѣми силами ученымъ предначинаніямъ своихъ студентовъ, возбуждать ихъ къ общеполезной дѣятельности искренними совѣтами, ободрять ихъ ласковыми пріемами, оживлять пріятными надеждами въ началѣ, доставлять нужную помощь въ продолженіи, употреблять всѣ зависящія отъ меня средства предъ

начальствомъ и публикою, при окончанiи ихъ трудовъ, чтобы дѣлались эти труды извѣстными, доставляли имъ честь, выгоду...“ [236]).

Вопреки показанiю К. С. Аксакова, что якобы студенты „были большею частiю враждебно расположены“ къ Погодину, мы замѣтимъ, что и до произнесенiя этого обѣта, Погодинъ весьма участливо и любовно относился къ своимъ студентамъ какъ къ настоящимъ, такъ и бывшимъ. Правда, онъ не панибратствовалъ съ студентами и даже, по свидѣтельству того же К. С. Аксакова, однажды съ каѳедры сказалъ имъ, что они *мальчики* и требовалъ отъ нихъ, чтобы они на лекцiю являлись въ мундирахъ [237]). Но признательные изъ нихъ чувствовали, что профессоръ этотъ не относится къ нимъ формально. Разсыпанные по лицу Русскаго Царства ученики Погодина сохраняли съ своимъ учителемъ нравственную связь, и сердечное участiе, принимаемое въ нихъ Погодинымъ, ободряло ихъ и призывало къ новымъ трудамъ и подвигамъ. За доказательствами ходить недалеко. Сохранившiяся письма нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣтельствуютъ объ этомъ. Для примѣра приведемъ слѣдующее: „Письмо ваше“, писалъ къ нему изъ Вильно извѣстный впослѣдствiи педагогъ, М. Б. Чистяковъ, „для меня истинное благодѣянiе. Я не заслужилъ вашего участiя; но пока живъ, всѣми силами существа своего постараюсь сдѣлаться его достойнымъ. Я одинъ только могу вполнѣ чувствовать его цѣну. Захваченный холодомъ жизни на самомъ первомъ расцвѣтѣ, я начиналъ цѣпенѣть душою и засыпать сномъ летаргическимъ. Ваше имя напомнило мнѣ святое имя Руси, университетъ и науку. Снова вспыхнуло замертвѣлое чувство, закипѣли прекрасныя желанiя и трудъ въ видѣ свѣтлаго ангела надежды явился предо мною, и всѣмъ этимъ я обязанъ вамъ, благороднѣйшiй человѣкъ!.. Насъ Русскихъ здѣсь ненавидятъ, вамъ данъ судьбою завидный талантъ постигать потребность времени и духъ Русскаго Народа... Я по собственному опыту знаю, какъ много значитъ вашъ голосъ. Ваши слова, какъ пословицы повторяются студентами; ваши

мнѣнія почитаются закономъ". Однимъ словомъ, доброжелательность и участливость въ судьбѣ ближняго было однимъ изъ прекрасныхъ душевныхъ качествъ Погодина и сторицею искупляли его человѣческія слабости и недостатки. Когда кто-либо нуждался въ какой-либо помощи, то прямо обращался къ нему, или, зная эти качества, къ нему обращались съ этою цѣлію его знакомые. „Вручитель сего", писалъ ему Ѳ. Н. Глинка, „А. П. Накропинъ есть крѣпостной графа Орлова, теперь, по наслѣдству, графини Паниной. Воспитанный въ Олонецкой гимназіи, Накропинъ пріобрѣлъ познанія, облагородился, возвысился душею. Состояніе раба сдѣлалось для него тягостнымъ. Между тѣмъ Накропинъ перевелъ съ Нѣмецкаго прекрасную книгу Гейнрота *О Истинѣ*. Зная нѣжность вашего сердца, благородство вашей души, я рекомендую вниманію вашему Накропина" [238]). Этотъ Накропинъ сдѣлался потомъ извѣстенъ митрополиту Филарету, но, къ сожалѣнію, не оправдалъ его довѣрія [239]).

Въ это время, Пушкинъ съ необычайнымъ рвеніемъ принялся за разборъ и чтеніе документовъ, касающихся царствованія Петра Великаго и желая пріобрѣсти себѣ сотрудника въ Погодинѣ, писалъ ему *по секрету*: „Вотъ въ чемъ дѣло: по уговору нашему, долго собирался я улучить время, чтобъ выпросить у Государя васъ въ сотрудники. Да все какъ-то неудавалось. Наконецъ, на масленицѣ, Царь заговорилъ какъ-то со мною о Петрѣ I, и я тутъ же и представилъ ему, что трудиться мнѣ одному надъ архивомъ невозможно, и что помощь просвѣщеннаго, умнаго и дѣятельнаго ученаго мнѣ необходима. Государь спросилъ кого-жъ мнѣ надобно, и при вашемъ имени было нахмурился: онъ смѣшиваетъ васъ съ Полевымъ; извините великодушно, онъ литераторъ не весьма твердый, хоть и молодецъ, и славный царь. Я кое-какъ успѣлъ васъ отрекомендовать, а Д. Н. Блудовъ все поправилъ и объяснилъ, что между вами и Полевымъ общаго только первый слогъ вашихъ фамилій. Къ сему присовокупился и благосклонный отзывъ Бенкендорфа.

Такимъ образомъ дѣло слажено, и архивы вамъ открыты (кромѣ тайнаго). Теперь остается рѣшить, на какомъ основаніи намѣрены вы приступить къ дѣлу. Думаю, что вамъ надо требовать вашего адьюнктскаго жалованья, во время вашихъ трудовъ—и только. А труды ваши не пропадутъ ни въ какомъ отношеніи. Ибо все елико можно будетъ напечатать, напечатаете *вы и для себя*; это будетъ вамъ и пріятно и выгодно. Сколько отдѣльныхъ книгъ можно составить тутъ! Сколько творческихъ мыслей тутъ могутъ развиться! Съ вашей вдохновенной дѣятельностію, съ вашей чистой добросовѣстностію, вы произведете такія чудеса, что мы и потомство наше будемъ за васъ Бога молить какъ за Шлецера и Ломоносова. Напишите же мнѣ *офиціальное* письмо, которое могъ бы я показать Блудову, и я поспѣшу все здѣсь окончить. Ожидаю васъ съ распростертыми объятіями" [240]). Само собою разумѣется, что Погодинъ былъ очень доволенъ этимъ извѣстіемъ. „Письмо Пушкина", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „пошли удачи. Пожалуй мы поработаемъ". Пушкину же онъ писалъ: „Радъ безъ памяти и благодарю безъ ума. Но зачѣмъ вы зовете меня въ Петербургъ? Мнѣ довольно Москвы и надолго. Оставаясь въ университетѣ, я начну разбирать Иностранный Архивъ, въ Петербургъ буду наѣзжать по мѣрѣ надобности. Главное, исходатайствуйте скорѣе право—дубинку надъ архивомъ, чтобъ я могъ брать, читать, переписывать, извлекать... вволю, до сыта, до отвала. Важные секреты чай въ Петербургѣ. Но какіе же секреты для Исторіи? Вѣдь это смѣшно. Ну, пусть отпоютъ меня, ну пусть отрѣжутъ языкъ на столько линій, сколько угодно! Позволеніе мнѣ и предписаніе мѣстнымъ властямъ должно быть написано убѣдительно и обстоятельно. Напримѣръ: я приду къ Малиновскому съ писцомъ, съ студентомъ, онъ пустить: *позволено вамъ; а не ему*. Все предусмотрѣть и предупредить: дѣло съ человѣкомъ семидесяти двухъ лѣтъ, архивомъ par excellence, прототипомъ архива, который думаетъ, что архивъ, слѣдовательно и онъ, тогда только важенъ, пока неизвѣстенъ... Вы пишете, что я буду печатать все и для себя;

но на чей счетъ? По моему мнѣнію, вотъ какъ бы это устроить: Для изданія такихъ то матеріаловъ учреждается коммиссія. Членами сей коммиссіи всемилостивѣйше повелѣно быть такому-то съ жалованьемъ... На печатаніе по мѣрѣ изготовленія, по смѣтамъ, имѣетъ отпускаться сумма изъ Кабинета или... Члены имѣютъ право etc. О своемъ жалованьѣ я не говорю... и скажу съ солдатами: радъ стараться на память о батюшкѣ нашемъ Петрѣ Алексѣевичѣ...

Что вы не упомянули Царю о моемъ *Петрѣ* при такомъ благопріятномъ случаѣ? Богъ вамъ судья! Я увѣренъ, что онъ по докладной запискѣ не позволилъ печатать, думая, что все печатаемое играется. Другой причины быть не можетъ. Въ трагедіи все уже извѣстное у насъ и перепечатанное; новаго—форма. Еслибъ были мѣста непозволительныя — ну дѣлай свое дѣло цензура, торгуйся, вымарывай... *Да, я и забылъ: меня смѣшивали съ Полевымъ*!! Господи, Боже мой! Ждалъ ли кто такой напраслины? Да кто же ругалъ и обличалъ этого... больше моего? И я за это страдалъ!..“ [241]).

Но участіе Погодина въ трудахъ Пушкина по архивной части ограничилось только этою перепискою. Осенью 1833 года Пушкинъ посѣтилъ Языкова въ его Симбирской деревнѣ. „У насъ“, писалъ онъ Погодину, „былъ Пушкинъ съ Яика—собиралъ сказанія о Пугачевѣ. Много-де собралъ, по его словамъ разумѣется. Замѣтно, что онъ вторгается въ область Исторіи. Собирается сбирать плодъ съ поля, на коемъ онъ ни зерна не посѣялъ—писать Исторію Петра, Екатерины I и далѣе вплоть до Павла (между нами)“ [242]).

„Пушкина“, писалъ Гоголь, „нигдѣ не встрѣтишь, какъ только на балахъ. Такъ онъ протранжиритъ всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай и болѣе необходимость не затащутъ его въ деревню“ [243]).

Намъ уже извѣстно, что Погодинъ съ каѳедры Русской Исторіи въ присутствіи Уварова, прочелъ вступительную лекцію, въ которой изложилъ *Взглядъ* свой на нашу Исторію. Лекція эта появилась на первыхъ же страницахъ *Ученыхъ*

Записки Московскаго Университета; но этотъ *Взглядъ* далъ поводъ [illegible] и другу Погодина А. З. Зиновьеву изложить другой, несогласный съ Погодинымъ, *Взглядъ на Русскую Исторію* и посвятить его А. Ѳ. Малиновскому.

Во *Взглядѣ* Зиновьева мы, между прочимъ, читаемъ: „Русская Исторія доселѣ представляетъ двѣ противоположныя стороны, по крайней мѣрѣ относительно первыхъ временъ. Первая, начинается Байеромъ, есть *Несторіанская*, ей принадлежитъ господство... Вторая, какъ секта Арія, вводится не журналами или книгами, но домашнимъ образомъ, разговорами, посвященіемъ. Такихъ иниціатовъ немного; но они упорнѣе закоренѣлыхъ старообрядцевъ и готовятъ будущее господство на твердомъ и положительномъ основаніи. Это Несторіане и Аріане, Карамзинъ и Каченовскій, Ролленъ и Нибуръ. Г. Погодинъ является новымъ представителемъ Шлецеровой школы. До сихъ поръ мнѣнія г. Каченовскаго не вполнѣ развиты... Самъ я" говоритъ Зиновьевъ, „занимаюсь con amore, но имѣю еще никакого голоса и не сдаюсь ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Отвергаю Рюрика и Олега и принимаю кожаныя деньги; соглашаюсь на Германскую колонизацію и признаю пѣснь о полку Игоревѣ достовѣрною; отвергаю Русскую Правду и благодѣтельное вліяніе Монголовъ, не увлекаюсь [illegible] школы Карамзина и уважаю [illegible] [illegible]" Въ то же время Зиновьевъ въ своемъ *Взглядѣ*, [illegible] категорически заявляетъ: *Олегъ не* [illegible] [illegible] *Мнимыя* [illegible] [illegible] *Исто*-[illegible] [illegible] вмѣстѣ съ тѣмъ, также вопреки Погодину [illegible] на [illegible] [illegible] нашей жизни [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

менемъ беззаботныхъ волненій, которые тысячу лѣтъ откупались деньгами и хитростію, вѣроломствомъ и отчаяніемъ? Искать ли намъ стихій въ этомъ сералѣ, гдѣ рабъ убиваетъ господина, мать отравляетъ сына и по окровавленнымъ ступенямъ восходитъ на престолъ, чтобы въ свою очередь обагрить оный; гдѣ интриги двора и безумные диспуты софистовъ, фанатизмъ и народное униженіе составляютъ всю безвѣстную ткань Исторіи? Булгары и Славяне съ Сѣвера; Аравитяне и Турки съ Юга—нѣтъ политической безопасности; религіозныя секты внутри, развратъ двора и самовластіе — нѣтъ свободы, совѣсти; гдѣ схоластицизмъ во всей наготѣ своей; гдѣ нѣтъ ни историка, ни поэта; и наконецъ, для судьбы которой взошла луна, помрачившая свѣтъ Византійскаго солнца?.. Нѣтъ", заключаетъ Зиновьевъ, „мы не должны быть, мы не наслѣдники Восточной Имперіи: напротивъ, при всемъ религіозномъ вліяніи, Греки, и въ лѣтописяхъ, и въ жизни нашихъ предковъ, были только хитрецами и пронырами" [244]).

Въ то же время Погодинъ продолжаетъ изучать Карамзина, составляетъ списки князей, сидитъ „за періодомъ удѣловъ" и находитъ, что „удѣлы не Монголы и гораздо простѣе, чѣмъ у насъ думали".

Въ 1833 году, Устряловъ издалъ *Сказанія князя Курбскаго*. Часть 1. *Исторія Іоанна Грознаго*. Часть II. *Переписка съ Іоанномъ и другими лицами*. Погодинъ съ жадностію принялся изучать эту книгу и съ удовольствіемъ находитъ въ ней „подтвержденіе своимъ мыслямъ", и это изученіе побудило его писать статью о Грозномъ [245]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ *Телескопѣ*, онъ печатаетъ рецензію на это изданіе Устрялова, въ которой между прочимъ читаемъ: „На долгое время Курбскій обреченъ былъ забвенію. Недавно еще со страхомъ было произносимо это имя. Выговорить слово о печатаніи считалось преступленіемъ у нѣкоторыхъ нашихъ живыхъ анахронизмовъ. И вотъ Курбскій отпечатанъ! И журналисты торжественно повѣщаютъ объ изданіи! И историкъ съ радостію принимаетъ его въ число своихъ матеріаловъ! И критикъ

хладнокровно судитъ объ его пристрастіи и безпристрастіи! И изслѣдователь ссылается довѣрчиво на его свидѣтельства! И публика спокойно читаетъ его *Сказаніе!*—*Трудъ г. Устрялова принятъ съ благоволеніемъ Государемъ Императоромъ: вотъ самое драгоцѣнное, самое сильное одобреніе* для всѣхъ, которые желаютъ идти по слѣдамъ его! Пора, давно пора обнародовать матеріалы нашей Средней Исторіи, которые доселѣ гніютъ въ архивахъ и библіотекахъ! Все прошедшее, по крайней мѣрѣ до кончины Петра Великаго, принадлежитъ Исторіи"...

Примѣчая пристрастіе Устрялова къ Курбскому, Погодинъ оправдываетъ это понятное чувство слѣдующими словами: „Колумбъ любилъ Америку больше Европы, и мы охотно извиняемъ въ издателѣ его пристрастіе къ своему автору". Отдавая полную справедливость труду Устрялова, Погодинъ пишетъ: „Самъ Шлецеръ поблагодарилъ бы издателя за его точность, исправность, ясность"; и при этомъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе: „переписать, раздѣлить слово, разставить знаки — кажется все это очень легко; но какъ часто должно бываетъ просидѣть нѣсколько часовъ надъ однимъ словомъ!" [246]).

XXVI.

Въ чрезвычайномъ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, происходившемъ 18 марта 1833 года, И. М. Снегиревъ, въ теченіе двухъ трехлѣтій исправлявшій должность секретаря, по собственному желанію уволенъ отъ оной и на мѣсто его большинствомъ голосовъ избранъ былъ въ секретари С. П. Шевыревъ [247]). Погодинъ самъ мечтавшій занять это мѣсто, былъ очень недоволенъ этимъ избраніемъ, что и выразилъ въ своемъ *Дневникѣ*, въ которомъ читаемъ: „На Шевырева Малиновскій навязываетъ неприличное секретарство въ Обществѣ Исторіи. Дуракъ! Боится предложить меня, чтобъ не подрался съ Каченовскимъ, и не прибилъ Снегирева. Жаль Шевырева; ибо смѣшно бел-

летристу. Онъ слабъ и не можетъ отказаться. Мнѣ жаль; ибо я одинъ могъ бы поддержать Общество по своимъ связямъ". Въ томъ же засѣданіи Погодинъ говорилъ съ Каченовскимъ о *Словѣ Игоревѣ* и Несторѣ. „Онъ", замѣчаетъ Погодинъ, „съ ума сходитъ и говоритъ нелѣпости".

Въ апрѣлѣ 1833 года нашъ путешествующій археографъ П. М. Строевъ съ своимъ сотрудникомъ Я. И. Бередниковымъ находились въ Москвѣ и имѣли въ то время дружелюбное общеніе съ Погодинымъ. Съ Бередниковымъ Погодинъ любилъ бесѣдовать объ Исторіи. Подъ впечатлѣніехъ этихъ бесѣдъ онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Новая мысль о Грозномъ. Онъ не имѣетъ никакого участія въ славѣ *Судебника*, Казани, Астрахани и пр. Все партія добрая" [248]). Довѣріе Погодина къ Бередникову въ то время простиралось до того, что онъ поручилъ ему осмотрѣть бумаги покойнаго Сандунова. Исполнивъ это порученіе, Бередниковъ писалъ Погодину: „Сегодня я былъ у г. Познякова и видѣлъ рукописи, принадлежавшія г. Сандунову, большая часть оныхъ суть *судебныя формы*, необходимыя для изученія исторіи нашего правовѣдѣнія. Одно отдѣленіе заключаетъ въ себѣ *грамоты*, изъ коихъ нѣкоторыя любопытны по указаніямъ на факты, не совсѣмъ извѣстные. Остальныя бумаги маловажны" [249]).

Между тѣмъ Строевъ извѣстилъ Академію Наукъ, что въ теченіе 1833 года Археографическая Экспедиція будетъ дѣйствовать въ губерніяхъ Владимірской, Нижегородской, Казанской, Пермской и Вятской.

Въ концѣ апрѣля Археографъ нашъ выѣхалъ изъ Москвы [250]). Предъ отъѣздомъ далъ обѣдъ, въ числѣ приглашенныхъ были Погодинъ, Бередниковъ и Позняковъ [251]).

Въ первыхъ числахъ сентября 1833 года Строевъ вернулся въ Москву [252]) и Погодинъ искалъ случая поучаться у него. Они бесѣдовали о Псковѣ, Устюгѣ и пр. и пр. Но особенно замѣчателенъ былъ разговоръ у Надеждина, о которомъ Погодинъ записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ:* „*Русскую Исторію*", сказалъ Строевъ, „*нельзя обдѣлывать иначе, какъ*

подъ эгидою Правительства. Иначе забьютъ. И это правда“, замѣчаетъ Погодинъ, „и это согласно съ моею общею мыслію о Россіи“. Вообще, замѣчаетъ Погодинъ, „разговоръ Строева очень любопытенъ“.

Любовь къ Русской Исторіи и Древностямъ все болѣе и болѣе сближала Погодина съ Чертковымъ и они часто бесѣдовали о Кругѣ и другихъ подвижникахъ этой науки. Въ это время Елизавета Григорьевна Черткова была очень опечалена кончиною въ Сибири сестры своей и своимъ горемъ она дѣлилась съ Погодинымъ. „Говорили о ссыльныхъ“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „коихъ кажется хотятъ полупростить“. Чертковы часто приглашали Погодина къ себѣ обѣдать и однажды онъ очутился у нихъ на званомъ обѣдѣ „въ сюртукѣ между графомъ Бутурлинымъ и прочими“. Въ другомъ мѣстѣ *Дневника* Погодина читаемъ: „Къ Чертковымъ. Меня очень любятъ они, и мнѣ совѣстно уже, когда она провожаетъ такъ далеко“ [253]).

Болѣзненное состояніе Венелина къ сожалѣнію продолжалось. „Самъ себѣ“, писалъ онъ Погодину, „я уже сдѣлался несносенъ; если впредь, начиная съ завтрашняго числа, примѣтишь у меня не въ застольное время, осоловѣлые глаза, то тебѣ, Михаилу Петровичу Погодину, брать съ меня, Юрія Венелина, штрафу по пяти рублей ассигнаціями, и мнѣ, Юрію Венелину, въ томъ не поперечить, въ чемъ и подписываюсь и печать прилагаю“ [254]); но это не помогало и Погодинъ съ отчаяніемъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Пьяный Венелинъ въ бѣлой горячкѣ. Боялся, чтобъ не сдѣлалъ чего надъ собою. Однакоже это скучно! Великая жертва для Русской Исторіи нянчиться съ такимъ дитятей. Не спалъ всю ночь. Прислушивался къ Венелину и безпокоился. Уснулъ часа съ полтора. Венелина уже нѣтъ, ходилъ и выпилъ. Мелетъ поменьше. Усовѣщивалъ и не пустилъ. Я между тѣмъ писалъ *Самозванца*, не смотря на безпокойство“ [255]). Замѣчательно, что въ тотъ же день Погодинъ писалъ Востокову: „Венелинъ послалъ большое собраніе грамотъ Болгарскихъ съ снимками

и примѣчаніями въ Россійскую Академію.—Христа ради, обратите вниманіе на это сочиненіе и похлопочите, чтобъ оно не опустилось въ подземелье академическое“ [256]). Между тѣмъ, у насъ имѣется письмо Венелина къ Погодину, исполненное упрековъ [257]). Не желая утомлять вниманіе читателей, мы не приводимъ его; но по поводу содержанія онаго замѣтимъ, что Погодинъ не былъ въ долгу у Венелина. Онъ, уважая въ немъ ученаго, всѣми силами старался поднять его на подобающую ему высоту. Онъ на свой счетъ издаетъ его сочиненія и за нихъ терпитъ большія непріятности, онъ способствуетъ къ его ученому путешествію, онъ представляетъ ему мѣсто въ своемъ пансіонѣ и, наконецъ, когда узнаетъ, что Академія предоставила Востокову разсмотрѣніе его *Грамматики нынѣшняго Болгарскаго языка*, то пишетъ знаменитому филологу (отъ 28 сент. 1833 г.): „Во имя науки и Славянскаго языка сугубо вамъ роднаго, прошу васъ принять оную подъ свое покровительство и содѣйствовать къ вознагражденію вещественному и невещественному сего человѣка, который жертвуя своею жизнію, трудился для Академіи, среди холеры, чумы и варваровъ, и который два года теперь занимается обработаніемъ матеріаловъ, не получая ни копѣйки на свое содержаніе. Потребуйте, прошу васъ, офиціально отъ секретаря, ему лично враждебнаго за etc., всѣ его письма, въ которыхъ онъ просилъ себѣ какого-нибудь жалованья, и помогите... Христа ради постарайтесь! Вы трудитесь сами и знаете цѣну труда лучше какого-нибудь N, или Z и Y. Венелина непремѣнно должно представить за такое блестящее исполненіе порученія къ ордену, нужному для него по разнымъ отношеніямъ“ [258]). Чѣмъ же виноватъ былъ Погодинъ, что Венелинъ подверженъ былъ несчастной и неизлѣчимой слабости? Совсѣмъ иначе относился Надеждинъ къ Венелину и объ этихъ отношеніяхъ сохранилось нижеслѣдующее письмо послѣдняго къ тому же Погодину: „Надеждинъ“, писалъ онъ, „предложилъ мнѣ наняться у него на будущій годъ держать корректуру его журнала за *квартиру*, которую онъ надѣется доставить мнѣ у себя, когда займетъ

свои чертоги въ зданіи университетскомъ. Ты знаешь, что корректура *Телескопа* и *Молвы* поглотила бы у меня все время, ты знаешь, что эта работа просто механическая, *черная*, что для этой работы можно приголубить у себя бѣднаго недостаточнаго студента, а въ недостаткѣ онаго, можно нанять за 300 р. наборщика, или же смышленаго лакея. Могу сказать, что я не гордъ, и что не откажусь ни отъ какого благороднаго, или по крайней мѣрѣ не неприличнаго труда, коимъ бы могъ достать себѣ честный и безукоризненный кусокъ хлѣба, но и не глупъ и не пошлъ столько, чтобы не опредѣлить, и не знать себѣ настоящей цѣны. Конечно къ Надеждину я имѣю уваженіе, какъ къ человѣку съ извѣстными способностями; что онъ профессоръ—это до меня не касается: я уважаю въ Надеждинѣ, говорю, учебный его карріеръ, который онъ прошелъ, какъ самъ сказывалъ, въ довольно печальной бѣдности. Наконецъ онъ магистръ, наконецъ докторъ Риторики, Піитики и Эстетики, т.-е. изящества и вѣжливости. Свое уваженіе я всегда оказывалъ на дѣлѣ. Теперь наоборотъ, г. Надеждинъ, какъ человѣкъ знающій вещи, долженъ уважать и мой учебный карріеръ, который, какъ мнѣ кажется, былъ подлиннѣе и пообширнѣе его карріера. Сверхъ сего я старѣе его нѣсколькими годами; наконецъ первый изъ Русскихъ и первый отъ лица Россійской Академіи отправился на добровольный, четырехлѣтній трудъ (вмѣсто того, чтобы жить спокойно и наживать деньги, и схватить самую предокторскую степень). Это не хвастовство, а исчисленіе того, что г. Надеждинъ, въ свою очередь, долженъ былъ уважать, какъ ученый человѣкъ. Какіе же виды, какое успокоеніе осталось для меня послѣ двадцатипятилѣтняго ученія? быть корректоромъ за 300 р. у г. Надеждина!! Vraiment c'est bien bienfaisant!—Voila un coup de fortune! Подобнаго предложенія мнѣ и не подумалъ бы сдѣлать ни Шафарикъ, ни Ганка, ни Дубровскій, ни Вукъ Стефановичъ, ни покойный Лодеръ, который узнавъ, что я изъ университета, совѣстился предлагать мѣста даже нѣсколько и попочетнѣе и прибыльнѣе кор-

ректурства, и не столько унизительное для человѣка, имѣющаго притязаніе на какія-либо свѣдѣнія. Но скажешь, что онъ это предложилъ изъ усердія ко мнѣ, т.-е. помочь мнѣ дать пріютъ, но развѣ не могъ онъ оказать усердія своего иначе, т.-е. въ духѣ моего интереса? Развѣ корректурство помогло бы мнѣ? Зачѣмъ же дѣлать унизительное и невыгодное предложеніе? Но положимъ, что крайняя нужда заставила бы меня принять оное, то ужели Надеждинъ былъ бы въ состояніи заставить у себя человѣка убивать время за бездѣлицу, время, которое онъ можетъ употребить въ лучшую пользу?! Право, въ этомъ случаѣ tout cela aurait l'air d'avoir voulu profiter d'une fausse position. Надеждинъ могъ знать, что онъ не можетъ составить моего счастья, зачѣмъ же онъ не обратился къ другому, для кого бы это было полезнѣе? Изъ всего вижу, что онъ забылъ приличія, или хотѣлъ надо мною поиздѣваться, и кажется всего вѣроятнѣе, и доказывается тѣмъ, что нерѣдко за столомъ у Аксакова, разумѣется въ присутствіи людей, на вторичный и третичный мой вопросъ не отвѣчалъ мнѣ г. профессоръ вѣжливости, а иногда и отвѣчалъ, то довольно dédaignement, и то недослышивая моего разговора. Мнѣ всегда казалось по его уловкамъ, что онъ надутъ своимъ профессорствомъ" [259]).

Въ концѣ 1833 года кругъ друзей Погодина, любящихъ Русскую Исторію и Древности, расширился. Въ это время переѣхалъ изъ Варшавы въ Москву Павелъ Александровичъ Мухановъ. „По окончаніи войны", свидѣтельствуетъ Погодинъ, „онъ, уже будучи полковникомъ гвардіи, женился въ Варшавѣ на вдовѣ, баронессѣ Моренгеймъ, рожденной графинѣ Мостовской, и потомъ поселился въ Москвѣ, гдѣ совершенно углубился въ Русскую Исторію и Древности [260]) и принялся разрабатывать и издавать собранные имъ въ Польшѣ историческіе источники". 31 октября 1833 г. Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ Муханову. Взялся издавать матеріалы". Еще до выѣзда своего изъ Варшавы, Мухановъ писалъ Погодину (отъ 30 марта 1833 г.): „Сію минуту узналъ, что ѣдетъ

въ Москву мой товарищъ князь Голицынъ, спѣшу къ вамъ писать. Посылаю вамъ первую и вторую часть Маціевскаго творенія. Шафарикъ весьма хвалитъ сію книгу, обѣщается доставить еще документовъ и матеріаловъ; но къ сожалѣнію книга худо расходится. Не худо бы Шафарика перетащить въ Москву, по его письму явствуетъ, что онъ весьма обезкураженъ. Я составилъ небольшой каталогъ Польскихъ книгъ для васъ. Также выписываемъ Русскихъ и заводимъ книжныя сношенія съ Русью, чтобы безмозглые научились по Русски. Кухарскій здравствуетъ. Я познакомился съ Раковецкимъ, который перевелъ Русскую Правду; но надобно поощрять, чтобы миссію Строева, какъ отыскателя матеріаловъ для Русской Исторіи, распространить и на Польшу?—Или другого командировать. Весьма бы не худо Академіи или Историческому Обществу о семъ подумать. Матеріалъ есть, но кому заняться? Здѣсь нѣтъ повѣреннаго отъ литературы Руси, а намъ служащимъ дай Богъ поспѣть и свое сработать". Въ другомъ своемъ письмѣ Мухановъ сообщаетъ: „Красовскій недавно отыскалъ въ Обществѣ Любителей Польской Словесности кабинетъ минералогическій, гербаріумъ. Портфели съ надписями, Исторія Польши со временъ Станислава Августа. Къ сожалѣнію, портфели пустыя. Общество сіе имѣло не одну литературную, но и политическую цѣль и весьма вредную и противъ Россіи враждебную. Нѣмцевичъ былъ главнымъ корифеемъ. Въ залѣ засѣданій висѣла старая картина, маслеными красками писанная, представлявшая сдачу Смоленска Полякамъ; Русскіе вельможи и сановники, лежащіе челомъ къ земли передъ Польскимъ царемъ—и картина сія безвозбранно висѣла въ залѣ до взятія Варшавы. Поляки любятъ чваниться побѣдами надъ Русскими. Я думалъ вамъ извѣстно, что въ одной изъ здѣшнихъ церквей была великолѣпная надпись, повѣствующая о взятіи царя Шуйскаго; тѣло его тутъ же было погребено; но Екатерина Великая предписала князю Репнину требовать снятія надписи и выкопанія тѣла, кое было перевезено въ Россію. Впослѣдствіи церковь сія упразднена. Но

нѣкто Сташицъ купилъ церковное строеніе, ознаменованное гробомъ Шуйскаго и завелъ въ ономъ Общество Любителей Польской Словесности, надѣемся, что сіе вредное для Россіи Общество не возстановится. Надобно бы подать мысль Академіи о распространеніи обязанностей Строева и на Польшу, или пусть другого сюда назначатъ, ибо необходимо порыться въ здѣшнихъ матеріалахъ. Поляки, которые и хотѣли что либо въ пользу Россіи или просто правду о Россіи—напечатать боятся. Бантке въ Краковѣ, весьма добросовѣстный человѣкъ, смогъ бы многое Русскому ученому открыть касательно Россійской Исторіи, но самъ никогда не рѣшится печатать; ибо боится Польской мести. Нѣкто Раковецкій, знающій хорошо по Русски и по Польски, могъ бы съ пользою быть употребленъ для изысканій по Россійской Исторіи, но не иначе какъ подъ рукою Русскаго; сему послѣднему, по моему мнѣнію, нѣтъ необходимости знать Польскій языкъ; но лучше знать Русскую Исторію и быть въ перепискѣ безпрерывной съ Русскими учеными. Латинскій языкъ необходимъ. Ученыхъ Поляковъ, дѣйствительно ученыхъ, здѣсь нѣтъ, исключая Кухарскаго, Мацѣевскаго. Я полагаю, что всѣхъ ученѣе Линде; но онъ, какъ нѣмецъ и человѣкъ осторожный, для Русской Исторіи никакой пользы лично принесть не можетъ или не захочетъ; но Русскому отыскателю могъ бы быть полезнымъ". Въ Москвѣ, какъ мы уже знаемъ, проживалъ Сергѣй Ильичъ Мухановъ, дядя Павла Александровича, которому очень желалось, чтобы Погодинъ поддерживалъ знакомство съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ. „Посѣщайте", писалъ онъ ему, „дядю Сергѣя Ильича". Но Погодинъ и безъ напоминанія былъ близокъ къ этому дому. „Батюшка", писала ему М. С. Муханова, „приглашаетъ васъ завтра къ слушанію обѣдни въ новоосвященномъ нашемъ храмѣ. Онъ думаетъ, что вамъ будетъ пріятно слышать извѣстнаго проповѣдника" [261]).

XXVII.

Вступая на каѳедру Всеобщей Исторіи Московскаго Университета, Погодинъ, хотя и заявилъ, что сознаетъ свои „недостатки въ свѣдѣніяхъ и дарѣ слова“, и что онъ вступаетъ на эту каѳедру „со страхомъ и трепетомъ“; но въ глубинѣ своей души онъ сознавалъ свое призваніе дѣйствовать именно на этой каѳедрѣ. „Мнѣ кажется“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „что я оставлю и драму для Исторіи. Вотъ мое назначеніе. Я подамъ руку Шлецеру, Гердеру, Вико. Читалъ Шлегеля. Мысли высѣкаются у меня о всякую страницу, и если я не произведу реформаціи въ Исторіи, то открою многіе виды. Я чувствую силу. Дай Богъ! Ахъ сколько сочиненій въ головѣ“ [262]).

Желая подать руку помощи учащимся, Погодинъ издаетъ переводъ съ Нѣмецкаго Всеобщей Исторіи Беттигера и въ предисловіи заявляетъ: „Зная по опыту, какъ трудно при недостаткѣ въ учебныхъ пособіяхъ приготовляться у насъ изъ Исторіи молодымъ людямъ, желающимъ вступить въ университетъ,—особенно тѣмъ, кои воспитываются дома,—я рѣшился издать на Русскомъ языкѣ Общую Исторію Беттигера. Изучившій ее получитъ достаточное гимназическое познаніе объ Исторіи и можетъ съ успѣхомъ уже слушать университетскія лекціи“. Въ заключеніи Погодинъ пишетъ: „Переводъ изготовленъ подъ моимъ надзоромъ нашими студентами, которымъ я здѣсь, отъ лица ихъ будущихъ товарищей, и свидѣтельствую должную благодарность“.

Московскій Телеграфъ встрѣтилъ это изданіе Погодина весьма недружелюбно. „Не понимаемъ“, пишетъ Телеграфскій рецензентъ, „почему книгу Беттигера именно избралъ г. профессоръ Исторіи М. П. Погодинъ, далъ перевести своимъ ученикамъ, издалъ, и говоритъ, что книгу Беттигера *достаточно выучить каждому желающему вступить въ Московскій Университетъ*! Мы имѣемъ столь высокое понятіе о преподаваніи Исторіи въ Московскомъ Университетѣ, что книга Беттигера кажется намъ для сего предмета весьма недоста-

точною. Она сбивчива, и ничѣмъ не лучше какой-нибудь Исторіи Шрека и г. Кайданова. Скажемъ еще, что книга эта *очень плохо переведена*". Рецензентъ укоряетъ издателя и за *прибавленія* къ ней. Для примѣра приводитъ слѣдующее: „Говоря объ успѣхахъ театровъ въ новѣйшія времена, Русскій передѣлыватель указываетъ на Щепкина! Соглашаемся, что М. С. Щепкинъ актеръ весьма хорошій; но довольно странно имя его вносить *въ учебную Всеобщую Исторію*" [263]). Гоголь же отнесся весьма сочувственно къ этой книжкѣ. „Я", писалъ онъ Погодину, „только теперь прочелъ изданнаго вами Беттигера. Это точно одна изъ удобнѣйшихъ и лучшихъ для насъ — Исторія. Нѣкоторыя мысли я нашелъ у ней совершенно сходными съ моими и потому выбросилъ ихъ у себя. Это нѣсколько глупо съ моей стороны. Но что дѣлать, проклятое желаніе быть оригинальнымъ! Я нахожу въ ней тотъ недостатокъ, что во многихъ мѣстахъ не такъ развернуто и охарактеризовано время. Такъ Александрійскій вѣкъ слишкомъ блѣдно и быстро промелькнулъ у него. Греки въ эпоху національнаго образованнаго величія у него звѣзда не больше другихъ, а не солнце древняго міра. Римляне кажется уже слишкомъ много внутренними и внѣшними разбоями заняли мѣсто противъ другихъ. Но эти замѣчанія собственно для насъ, а для Руси, для преподаванія, это золотая книга". Въ другомъ письмѣ Гоголя читаемъ: „Беттигера я не читалъ на Нѣмецкомъ. Прочелъ въ переводѣ. Имѣется ли у него и Новая Исторія? Мнѣ нравится въ ней то, что есть по крайней мѣрѣ Исторіи нѣсколько вѣрный анатомическій скелетъ. У насъ и этого нигдѣ не найдешь". Весьма важное замѣчаніе получилъ Погодинъ отъ Голубинскаго. „Давно хотѣлось мнѣ", писалъ онъ, „попросить васъ о исправленіи одного мѣста въ переводѣ Исторіи Беттигера. Не упомню точно слова, но смыслъ сего мѣста: Учители Церкви въ IV-мъ и слѣдующихъ вѣкахъ слишкомъ много занимались спорами о тонкихъ вопросахъ Богословскихъ; въ примѣръ такихъ тонкостей приведенъ вопросъ: *единосущенъ ли Сынъ Божій Отцу Своему?* Вамъ извѣстно,

что эта истина не есть пустая, ненужная и схоластическая тонкость: но одна изъ важнѣйшихъ истинъ христіанскаго ученія. Безъ Спасителя нѣтъ спасенія; а Спасителемъ всего рода человѣческаго не могъ быть кто иной кромѣ Единороднаго Сына Божія, который по Существу Своему есть едино со Отцемъ. На этомъ держатся всѣ наши надежды. Если бы въ этомъ усумнились мы, то устыдилъ бы насъ старинный человѣкъ, другъ Плотина - Амелій, который желалъ, чтобы въ вышнихъ училищахъ Мудрости золотыми буквами начертаны были *первыя слова Евангелія Іоаннова*" [264]).

Съ юныхъ лѣтъ Погодинъ интересовался Философіею, чему доказательствомъ могутъ служить его *Афоризмы;* а потому онъ не могъ не радоваться появленію въ нашей Литературѣ замѣчательнаго сочиненія о. Сидонскаго: *Введеніе въ науку Философіи* (Спб. 1833): но книгу эту постигла печальная судьба, о которой скажемъ нѣсколько словъ.

Авторъ этого сочиненія Ѳедоръ Ѳедоровичъ Сидонскій, родился въ 1805 году, въ селѣ Архангельскомъ, Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ Тверской Семинаріи и оттуда онъ вынесъ, по свидѣтельству М. И. Владиславлева, „основательное, классическо-богословское образованіе и философскую пытливость". Поступивъ въ 1825 году въ С.-Петербургскую Духовную Академію, Сидонскій съ усердіемъ пользовался ея библіотекою. По окончаніи курса въ 1829 году, какъ одинъ изъ лучшихъ магистровъ, онъ былъ оставленъ при Академіи сначала бакалавромъ Англійскаго языка, а потомъ и Философіи. Въ томъ же году онъ былъ рукоположенъ въ священника въ Казанскій соборъ. Полагая необходимымъ снабдить своихъ слушателей книгою, которая знакомила бы ихъ съ задачами Философіи и ея пріемами, отецъ Ѳедоръ ревностно принялся за обработку своихъ лекцій и плодомъ его трудовъ была упомянутая нами книга *Введеніе въ науку Философіи*. По отзыву М. И. Владиславлева, эта книга была „первымъ и самостоятельнымъ трудомъ Русскаго ученаго на поприщѣ Философіи" [265]). Выпуская въ

свѣтъ свое сочиненіе о. Сидонскій сопровождалъ его желаніями: „да—доброе сѣмя, какое найдется въ немъ, принесетъ плодъ сторичный; да мужи, движущіе ходомъ просвѣщенія, не обинуясь покровительствуютъ и сей отрасли познаній, наиболѣе имѣющей нужду въ поощреніи; да сыны Россіи, призванные давать миръ народамъ своимъ мужествомъ и успѣхами ума положатъ прочное основаніе миру въ области умозрѣній. Умственныя произведенія народовъ, предварившихъ насъ на поприщѣ образованія, не должны остаться безплодными, перешедъ на нашу почву. Онѣ ожидаютъ отъ насъ спокойнѣйшей обработки, чтобы принять новую благороднѣйшую форму. Геній Славянъ долженъ современемъ и на нихъ положить печать своего величія.

Знаю, что Философія не есть наука общеугодная, что она подвергалась недоразумѣніямъ, превратному суду. Съ своей стороны, могу только то сказать, что всѣ науки свѣтъ; Философія по преимуществу свѣтъ. Кто не боится свѣта, тотъ не можетъ не полюбить и Философіи. Ея свѣтъ тягостный въ началѣ, скоро облегчаетъ зрѣніе и услаждаетъ взоры неподдѣльнымъ величіемъ видовъ. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы успѣлъ представить сей свѣтъ въ его видѣ чистѣйшемъ, непомраченномъ!“ [266]). Но благія желанія нашего философа къ сожалѣнію не оправдались. По свидѣтельству В. В. Григорьева *Введеніе* его навлекло на него нерасположеніе противнаго лагеря. Послѣ четырехъ лѣтняго преподаванія Философіи, о. Сидонскій переведенъ былъ на каѳедру Французскаго языка, а затѣмъ вовсе уволенъ отъ преподаванія въ Академіи [267]). „Священникъ Сидонскій“, читаемъ въ *Дневникѣ* Никитенко, „написалъ дѣльную философскую книгу *Введеніе въ Философію.* Монахи за это отняли у него каѳедру Философіи, которую онъ занималъ въ Александроневской Академіи. Удивляюсь, какъ они до сихъ поръ еще на меня не обрушились: я былъ цензоромъ этой книги“ [268]). Когда объ этомъ узнала Москва, то Погодинъ съ горечью записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Сидонскаго отставили. Каковы монахи. Обвиняютъ

Филарета. Это апоплексическій ударъ на двадцать пять лѣтъ для нашего духовенства. Кто осмѣлится изъ нихъ, и безъ того робкихъ, напечатать что-нибудь послѣ такого опыта!" [369]).

Погодинъ также живо интересовался и трудами Гульянова. Живя въ Дрезденѣ и погрузясь въ свои изслѣдованія объ іероглифахъ древнихъ Египтянъ, Гульяновъ и съ своей стороны не забывалъ своего Московскаго друга и любилъ дѣлиться съ нимъ своими мыслями и чувствами. „Наступившій и нашъ". писалъ онъ ему, „новый (1833) годъ велитъ мнѣ прервать молчаніе и пожелать вамъ всевозможную часть тѣхъ благъ, которыхъ вы достойны, и по свойствамъ родной души вашей, и по неограниченной ея любви по всему доброму, ко всему полезному. Да увѣнчаются отличные труды ваши на поприщѣ Отечественной Словесности, и да усмирятся, да умолкнутъ непріязни, завлекающія соревнующихъ нашихъ словесниковъ въ дебри плевельныхъ преткновеній. Порядка ради скажу, что я отвѣчаю на тотъ листочекъ письмеца вашего, который написанъ бѣглою рукою 5 октября минувшаго года. Сижу, да пишу постоянно; и могу даже васъ поздравить съ новорожденнымъ *сфинксомъ*. Поздравить съ сфинксомъ васъ — хотя не ваше, а мое дитя.

А сфинксъ, вы знаете, не малая фигурка!
Свидѣтель въ Питерѣ.
А я, не лѣностный, хоть тощій рудокопъ,
Копалъ и день и ночь все сфинксовы затѣи.
Работа при концѣ—пусть судятъ грамотеи,
Личину я сорву съ Египетскихъ жрецовъ,
И хитрость покажу *символьныхъ кузнецовъ*.

Вы кричали мнѣ во весь голосъ изъ Москвы въ Дрезденъ: *Христа ради, не надо брошюрокъ! Христа ради, не надо брошюрокъ!* Итакъ, успокойтесь, любезнѣйшій ненавистникъ брошюрокъ, отдохните и готовьтесь мнѣ на помогу. Дѣтище мое отдалъ въ печать 23 декабря. Долго будетъ оно въ тискахъ; а какъ дѣло станетъ приходить къ концу, то я обращусь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою доложить о томъ въ *Телескопѣ* любителямъ *Египетской работы* и предложить имъ:

не благоугодно ли будетъ подписаться на пріобрѣтеніе моей книги. Позвольте васъ спросить, почтенный другъ, по какому праву: Римскому ли, Крымскому ли, Ликургскому ли, Солонскому ли, Неронскому ли? вы изволите располагать чужимъ добромъ и предлагаете читателямъ *Телескопа* келейныя мои сообщенія и пренебрегаете мои просьбы, не взирая на то, что я доставилъ къ вамъ снимокъ съ записки ко мнѣ Беттигера подъ тѣмъ непреложнымъ условіемъ, что вы оное не напечатаете ни въ подлинникѣ, ни въ переводѣ? Это развѣ водится между друзьями? Развѣ читатели *Телескопа* повѣрятъ, что вы сообщили содержаніе оной записки противъ моей воли? Вы, стало, хотите, чтобы меня, на сороковомъ году, назвали хвастунишкой? Вы отзываетесь самымъ догматическимъ голосомъ: „изъ писемъ вашихъ я буду дѣлать безъ *вашего изволенія* литературное употребленіе въ честь вашего имени; а что вамъ можетъ дѣлать честь, то я знаю, и о *брошюркѣ* не скажу ни слова“. Знайте же, что я получилъ письмо отъ барона Александра Гумбольдта о моихъ *Дендерскихъ замѣчаніяхъ;* но вамъ не видѣть письма сего, какъ вашихъ ушей безъ зеркала. Не прогнѣвайтесь: вѣдь не всѣ меня по вашему любятъ и жалуютъ — и не всѣ по вашему толкуютъ. Что жъ до моихъ писемъ касается, то вы хотите, въ самомъ дѣлѣ, чтобы я ихъ *сочинялъ*? Я предоставляю этотъ долгъ литературнымъ вашимъ корреспондентамъ. У всякаго своя забота; и я ссылаюсь на Н. И. Надеждина, который зная, что я не слѣпъ, и чувствую свои недостатки, не обинуясь сознался, что у меня не достаетъ именно того, что называютъ *слогомъ*, разумѣется хорошимъ. Такъ вы, друже, хотите подлить маслица на костеръ безпристрастнаго журналиста, сказавшаго про меня: что я вздумалъ бороться съ пресловутымъ Шамполіономъ, не смотря на то, что я, не токмо по Египетски, но даже по Французски аза въ глаза не знаю. Завтра разложитъ онъ выписки ваши на костеръ и разгласитъ, что я не знаю по Русски!

Журнальнаго костра боюсь—боюсь горнила!
Разложатъ—такъ прощай бумага и чернила!
И если *Телеграфъ* заглянетъ въ *Телескопъ*,
То, право, берегись Семпроній и Прокопъ!

Надѣюсь, что впередъ вы не захотите предать меня на всесожженіе; въ противномъ случаѣ не ждите отъ меня ни строчки. Ожидаю вашего отвѣта, и надѣюсь, что на этотъ разъ вы будете потороватѣе обыкновеннаго, и вознаградите по сердцу алчущаго и жаждущаго *личныхъ* вашихъ, и литературныхъ извѣстій". Въ другомъ письмѣ Гульяновъ, между прочимъ, жалуется на *убійственно неразборчивый* почеркъ Погодина. „Горе мнѣ", пишетъ онъ, „съ вашими оказіями, не дающими вамъ ни разу времени со мной побесѣдовать. Этого мало, что вы на мои *фоліанты* отвѣчаете на *лоскуточкахъ*; вы мучаете глаза мои, о которыхъ изъявляете соболѣзнованіе своимъ *скорописаніемъ*. Три раза принимался я вчера разбирать письмецо ваше и чувствовалъ *колотье* въ глазахъ отъ напряженія чувственныхъ силъ—это безбожно! Отъ непрестанныхъ занятій голова болитъ безъ перерыву, въ глазахъ мутно, голова кружится какъ *у вакхопоклонника*, а все-таки за письмомъ моимъ цѣлаго дня вы не просидите. Право, непростительно такъ обращаться съ человѣкомъ, любящимъ, цѣнящимъ и уважающимъ васъ, какъ я! И все одна и таже поговорка и отговорка! Вы хотите учить меня *лаконизму:* хорошо, поучать меня слѣпоглазаго разбирать неразборчивое, это жутко".

Сколько разъ въ продолженіи настоящаго труда нашего приходилось и приходится испытывать и намъ подобныя же мученія и въ утѣшеніе себя, вспоминать слова Нибура. „Дурной почеркъ", сказалъ великій въ историкахъ, „вещь неизвинительная: это постыдная безпечность. Не безсовѣстно ли послать къ подобному себѣ созданію письмо, написанное дурной рукою? Можетъ ли быть что-нибудь такъ непріятно въ мірѣ, какъ распечатать письмо, которое съ перваго взгляда говоритъ вамъ, что не скоро вы его разберете" [270]).

XXVIII.

Въ учебный персоналъ Погодинскаго Пансіона вступилъ Павелъ Яковлевичъ Петровъ, только въ 1832 году окончившій курсъ въ Московскомъ Университетѣ со степенью кандидата, но успѣвшій уже въ то время пріобрѣсти нѣкую педагогическую опытность въ домѣ князя Александра Петровича Оболенскаго, обучая его дѣтей [271]).

Изъ Петрова впослѣдствіи образовался отличный оріенталистъ. По свидѣтельству лицъ, его знавшихъ, этотъ человѣкъ былъ необыкновенной нравственной чистоты; это былъ „кристалъ самой чистой воды, бѣлый какъ снѣгъ, лотосъ, воспѣваемый пѣвцами Индостана. Онъ всю жизнь что-то искалъ. Этотъ лотосъ отцвѣлъ какъ-то тихо и безвѣстно. Объ немъ очень мало говорили. Весьма немногіе знали объ его глубокихъ, рѣдкихъ свѣдѣніяхъ въ восточныхъ языкахъ. Теперь немногіе помнятъ даже его имя“ [272]).

9 мая 1833 года Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Одинъ за другимъ; Даль, Петровъ, коего пригласилъ въ деревню. Это хорошо“. Петровъ принялъ это приглашеніе. Лѣтнее время Погодинскій Пансіонъ помѣщался въ Сѣрковѣ. За отсутствіемъ хозяина, должность директора Пансіона выполняла его почтенная матушка Аграфена Михайловна, которая отличалась строгими и честными правилами; но была очень вспыльчива и этотъ недостатокъ вызывалъ со стороны учащихся, да и учащихъ жалобы на нее. У насъ имѣется коллективное письмо учениковъ Пансіона къ Погодину, подписанное Александромъ Сатинымъ, Николаемъ Ключаревымъ, Иваномъ Васьяновымъ, Павломъ Цуриковымъ, Семеномъ Каншинымъ, Алексѣемъ Барыковымъ и княземъ Яковомъ Голицынымъ, въ которомъ они жалуются на рѣзкое съ ними обращеніе.

Въ то же время Погодинъ получилъ слѣдующее письмо и отъ Петрова: „Ученики мои просятъ дать вамъ беспристраст-

ный отчетъ объ ихъ занятіяхъ и успѣхахъ. Я могу сказать, что до сихъ поръ я ими очень доволенъ. Я особенно доволенъ Барыковымъ. Правда, что князь Голицынъ шалитъ по прежнему, но и онъ недавно принялся за дѣло и я надѣюсь направить его на путь истины. Остается только просить васъ исполнить ваше обѣщаніе и дать намъ способъ поскорѣе увидѣться съ матушкой Москвой".

Въ это время педагогическая дѣятельность Погодина была и разнообразна и обширна. Кромѣ Университета и своего Пансіона, онъ преподавалъ Русскую Исторію въ Пансіонѣ профессора М. Г. Павлова, гдѣ въ это время учился знаменитый впослѣдствіи Катковъ. Но своимъ преподаваніемъ въ этомъ заведеніи Погодинъ былъ недоволенъ, и въ своемъ *Дневникѣ* подъ 14 марта 1833 года онъ записываетъ: „Какъ вяло учу я у Павлова. Какъ мало знаю. Стыдно, совѣстно". Конечно, это сказано изъ свойственной Погодину скромности; но мы замѣтимъ, что его преподаваніе въ Пансіонѣ Павлова ознаменовано сдѣланнымъ имъ опытомъ учебника Русской Исторіи, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Въ то же время Погодинъ участвовалъ въ обученіи дѣтей Московскаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее письмо къ нему княгини Татьяны Васильевны Голицыной: „Въ ожиданіи вашихъ посѣщеній къ дѣтямъ моимъ, я узнала, что вы ежедневно заняты преподаваніемъ въ Университетѣ: изъ сего, къ сожалѣнію, моему ясно вижу, сколь много вы озабочены и весьма понимаю, что по обязательному участію вашему въ дѣтяхъ моихъ, продолжая по прежнему съ ними труды свои, вы стали бы слишкомъ принуждать себя, и что я во зло употребила бы ваше къ намъ усердіе и доброжелательство, если бы этого не уважила. По сему рѣшаюсь пріостановить на время продолженіе вашихъ уроковъ; я полагаю, что между тѣмъ, дѣти пріобрѣтутъ основныя познанія и въ состояніи будутъ съ большою пользою слѣдовать курсу вашего ученія, ежели вы сохраните благосклонное свое къ намъ расположеніе, въ чемъ

я, при оказанной вами къ благу ихъ готовности и стараніи, не дозволяю себѣ сомнѣваться“.

Къ похвальнымъ качествамъ Погодина принадлежитъ и то, что онъ умѣлъ поддерживать авторитетъ наставника и въ этомъ отношеніи онъ былъ нелицепріятенъ. Объ этомъ, между прочимъ, можетъ свидѣтельствовать слѣдующая запись въ его *Дневникѣ*: „Шевыревъ сказывалъ“, читаемъ тамъ, „о смущеніи въ домѣ князя Голицына по поводу моего публичнаго замѣчанія о дурномъ отвѣтѣ князя Голицына. Это молодому человѣку урокъ“ [273]).

По дружбѣ своей къ Аксаковымъ, Погодинъ принималъ живѣйшее участіе въ ученіи ихъ старшаго сына Константина, и когда сей послѣдній поступилъ въ университетъ, Погодинъ предложилъ его родителямъ, для успѣшнаго занятія помѣстить его въ своемъ Пансіонѣ; но когда С. Т. Аксаковъ на это не согласился, то Погодинъ кажется обидѣлся, и по этому поводу Сергѣй Тимоѳеевичъ написалъ ему слѣдующее любопытное письмо: „Записочка ваша меня удивила. Я не понимаю, чѣмъ вамъ можно обижаться, и что есть общаго между мною и Верстовскимъ? Если вы подумали, что я не переселяю къ вамъ Костю, совѣстясь не платить за него денегъ, то вы ошиблись. Съ самаго перваго вашего дружескаго и обязательнаго предложенія, я сказалъ бы вамъ, что не могу платить и не могу пользоваться даромъ вашимъ добрымъ намѣреніемъ. Но я давно рѣшился, хотя не безъ затрудненій, хотя вполнѣ чувствовалъ вашу дружбу. Костю я не присылаю къ вамъ потому, что все опасался зимы и вашего перестроеннаго дома и хотѣлъ было переселить Костю весною; но если вы относите мою медленность къ другимъ причинамъ, то я пришлю его немедленно. Теперь искренно разскажу вамъ, какъ будто говоря съ самимъ собою, тѣ мысли и сомнѣнія, которыя не могли остановить, но затрудняли мое рѣшеніе. Мнѣ, казалось, странно, что мой старшій сынъ (это важно для братьевъ) въ то время, когда долженъ поступить въ друзья мнѣ, будетъ жить не подъ одною кровлею со мною! Мы не-

премѣнно, хотя безотчетно, будемъ грустить о немъ и безпокоиться объ его здоровьѣ. Смѣшно, а правда. У васъ набралось уже мальчиковъ много, наберется еще больше, могутъ попасться всякіе (ихъ пороковъ не разгадаешь съ перваго взгляда), жить съ ними подъ одною кровлею не то, что сходиться въ аудиторіи, вы не безпрестанно дома или работаете, Юрій Ивановичъ Венелинъ также. Чтó если мой сынъ приметъ отъ кого-нибудь изъ товарищей дурныя впечатлѣнія, или привычки? Чѣмъ я могу оправдать себя передъ собою? Я здѣсь живу самъ, крайности не имѣю удалить его изъ дома родительскаго; конечно, покуда онъ мало успѣваетъ въ наукахъ, но придетъ время, самъ почувствуетъ ихъ важность, необходимость и наверстаетъ потерянное. И почему же вы, желающій столько намъ и ему добра истиннаго, не можете у насъ въ домѣ, часъ въ недѣлю,—не назначенный, а когда-нибудь—посвятить на то, чтобъ заняться съ нимъ Исторіею: задать ему какой-нибудь періодъ и спросить? Нашъ чудакъ и въ житейскомъ быту преглупый; сберечь себя не умѣетъ, и мы за нимъ смотримъ въ этомъ отношеніи. Ну если, чего впрочемъ не случится, мнѣ что-нибудь у васъ не понравится и я возьму Костю къ себѣ, и это породитъ между нами неудовольствіе". Но это нисколько не помѣшало Погодину постоянно находить утѣшеніе въ домѣ Аксаковыхъ. Такъ. 20 марта 1833 года, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Скучная лекція. Хандра. Для разсѣянія къ Аксаковымъ. Анекдоты Пущина о Павлѣ и Суворовѣ. Въ бостонъ". Къ О. С. Аксаковой Погодинъ постоянно относился какъ къ своей *первой начальницѣ* [274]).

Издавна Россійское Благородное Собраніе въ Москвѣ стяжало себѣ громкую, повсемѣстную извѣстность. Старожилы Московскіе разсказывали, что даже Потемкинъ изумлялся блеску баловъ его. А императрица Екатерина Великая, столь внимательно относившаяся ко всѣмъ явленіямъ Русской общественной жизни, однажды сказала Потемкину: *Когда мнѣ представляютъ изъ Москвы пріѣхавшихъ, то всегда спрашиваю*

о Благородномъ Собраніи; пріятные отзывы о немъ остаются у меня въ памяти [275]). Это знаменитое Собраніе иногда посѣщалъ и герой нашъ, и объ одномъ изъ этихъ посѣщеній записалъ слѣдующее въ *Дневникѣ* своемъ: „Въ Собраніе съ Кирѣевскимъ. Въ шляпѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Шумно и блистательно; но веселія нѣтъ ни на одномъ лицѣ. Всѣ какъ будто роли играютъ чужія. Видѣлъ Ермолова. Какіе глаза. Есть что-то соколиное. Но онъ ниже моего понятія о немъ. Около него кучка. Всматриваются, вслушиваются".

Какъ членъ Англійскаго - клуба Погодинъ нерѣдко посѣщалъ и это учрежденіе, и по поводу этихъ посѣщеній мы встрѣчаемъ въ *Дневникѣ* его оригинальныя записи въ родѣ слѣдующей: „Въ клубъ. Тьма обжоръ. Сѣли за столъ раньше 10 минутъ. Шумъ, ожиданіе. Уха. Вотъ тебѣ и благочестіе; и я...“; а въ другомъ мѣстѣ его *Дневника*, читаемъ: „Обѣдалъ въ клубѣ. Сидѣлъ между игроками и видѣлъ Американца Толстаго" [276]). На новый клубскій годъ (1833), обыкновенно начинающійся 15 марта, общество клуба изъявило желаніе имѣть въ числѣ старшинъ своего сочлена, Московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына. Но какъ по обряду клуба, князь Голицынъ, будучи почетнымъ членомъ, не могъ подвергаться сей обязанности, то общество положило просить его о принятіи на себя званія старшины почетнаго. Начальникъ Москвы принялъ сію просьбу и изъявилъ желаніе не только носить званіе почетнаго старшины, но и участвовать въ трудахъ, къ коимъ обязываются дѣйствительные старшины. Англійскій клубъ, желая засвидѣтельствовать уваженіе, благодарность и любовь къ просвѣщенному Русскому вельможѣ, положилъ привѣтствовать новаго почетнаго старшину особеннымъ праздникомъ. 12 апрѣля 1833 года назначенъ былъ „экстраординарный обѣдъ для однихъ только членовъ клуба. Общество хотѣло имѣть у себя *одного* гостя, предоставивъ ему пригласить съ собою кого угодно изъ членовъ. Князь Д. В. Голицынъ воспользовался этимъ правомъ и пригласилъ съ собою прибывшаго изъ Петербурга

извѣстнаго баронета Вилье, президента Медицинской Академіи“ [277]).

Какъ членъ клуба, и какъ искренній почитатель князя Д. В. Голицына, Погодинъ счелъ долгомъ участвовать въ этомъ торжествѣ. „Въ клубъ“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „не хотѣлъ пробираться въ ту залу и остался въ уединеніи. Какіе клики поднялись за благоденствіе Россіи. И руками и ногами. Слезы навернулись на глазахъ. Энтузіазмъ. Сердце билось. Живѣе чувствуется въ людяхъ. Музыка. Чаадаевъ“ [278]).

XXIX.

15 января 1834 года Шевыревъ, въ званіи адъюнктъ-профессора, прочелъ первую лекцію. Онъ никогда не могъ забыть того впечатлѣнія, которое произвелъ на него Университетъ при первомъ въ него вступленіи. „Взглядъ на самое это зданіе“, писалъ онъ впослѣдствіи, „которое еще въ отроческія лѣта внушало мнѣ уваженіе, видъ цвѣтущаго, оживленнаго юношества, стремившагося въ аудиторіи, какое то неясное предчувствіе и надежда связать свою участь съ судьбою этого великаго образовательнаго учрежденія въ Россіи, все это наполняло душу мою трепетомъ какого то неизъяснимаго восторга“ [279]). Первое слово Шевырева въ Московскомъ Университетѣ было *о характерѣ образованія главнѣйшихъ новыхъ народовъ Западной Европы*, которое началъ такъ: „Никогда еще не говорилъ я съ этого почетнаго мѣста, на которое теперь вступаю, и къ которому вы, милостивые государи, привыкли обращать вниманіе полное, вниманіе довѣрчивое, внушаемое вамъ благородною жаждою познаній, благородною любовью къ наукѣ. Чувствую всю важность этого мѣста, на которое я вступилъ; чувствую теперь на себѣ всю силу этого взора, который вы сейчасъ единодушно обратили на меня, приходящаго содѣйствовать вашимъ трудамъ; чувствую, что вы этимъ взоромъ выразили мнѣ свои ожиданія,

свои надежды на новую пользу отъ моихъ занятій съ вами. Да, я приношу сюда всю готовность быть вамъ полезнымъ. Страшусь только того, согласуются ли мои способы съ тѣми желаніями, которыя питаю; а я желалъ бы, чтобы каждое слово мое, передаваемое вамъ отсюда, скрѣплено было мыслію и твердымъ знаніемъ; чтобы каждая мысль моя была плодомъ честнаго, искренняго, полнаго занятія. Я готовъ не щадить на это ни труда, ни времени: позвольте мнѣ отъ васъ ожидать того же. Эта взаимная увѣренность есть пища всякаго ученія. Предметомъ нашихъ занятій будетъ, по опредѣленію высшаго начальства, *Исторія Словесности новыхъ народовъ Западной Европы*" [280]). О впечатлѣніи, произведенномъ этою лекціею на студентовъ мы имѣемъ свидѣтельство очевидцевъ. К. С. Аксаковъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* писалъ: „Во время второго моего курса явился на каѳедрѣ Шевыревъ и читалъ вступительную лекцію. На этой лекціи было много постороннихъ слушателей; я помню Хомякова и другихъ.— Лекція Шевырева, обличавшая добросовѣстный трудъ, сильно понравилась студентамъ: такъ обрадовались они, увидя эту добросовѣстность труда и любовь къ наукѣ! Я помню, какое дѣйствіе произвели слова его на Станкевича, когда Шевыревъ произнесъ: *честное занятіе наукою*. „Это ужъ не Надеждинъ", сказали студенты, „это человѣкъ, трудящійся и любящій науку". Послѣ лекціи къ Станкевичу подходилъ Ключниковъ. „Ты что мнѣ скажешь", спрашивалъ его Станкевичъ. „Я не помню, что Ключниковъ сказалъ ему, но помню насмѣшливое выраженіе его лица.—Шевыревъ казался для студентовъ радостнымъ событіемъ,—но и тутъ очарованіе продолжалось недолго" [281]). Самъ Н. В. Станкевичъ писалъ: „Сію минуту съ первой лекціи Шевырева. Онъ обѣщаетъ много для нашего Университета съ своею добросовѣстностью, своими свѣдѣніями, умомъ и любовью къ наукѣ. Это честный профессоръ. Дай Богъ, чтобы онъ подержался у насъ долѣе. Онъ долженъ, кажется, уничтожить и безотчетный трансцендентализмъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ собратій, и вмѣстѣ съ этимъ пробудить

вѣрованіе въ науки тѣхъ, которые, досадуя на рьяныя ристанія *тройки* въ безсущной пустотѣ, всюду порывающейся и всюду претыкающейся, предаются скептицизму. Многимъ студентамъ отъ этого ни тепло, ни холодно; они во всемъ влекутся за большинствомъ. Эти, по крайней мѣрѣ, изъ самолюбія, станутъ уважать честнаго профессора и заниматься. А тамъ, можетъ быть способность воскреснетъ въ одномъ изъ нихъ" [282])...

Лекціи Шевырева усердно посѣщалъ и Погодинъ: „Множество народа", записалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „а я то нѣтъ, надо приняться" [283]). Слава о лекціяхъ Шевырева быстро распространилась по Москвѣ, такъ что самъ князь С. М. Голицынъ счелъ нужнымъ посѣтить ихъ. „Вчера", писалъ Шевыревъ Погодину, „былъ у меня на лекціи князь Сергій Михайловичъ. Водится ли ѣздить благодарить его? И какъ ты думаешь—надо ли ѣхать?" [284]). Успѣхъ Шевырева заставилъ задуматься Погодина о своихъ лекціяхъ. „Думалъ о лекціяхъ", писалъ онъ, „за которыя должно приняться попорядочнѣе и поусерднѣе". Но Погодина постоянно осаждали посѣтители и мѣшали ему заниматься, и желая оградить себя отъ нихъ, онъ рѣшился сдѣлать слѣдующее заявленіе: „Профессоръ Погодинъ покорнѣйше проситъ особъ, желающихъ удостоить его когда-либо своимъ посѣщеніемъ, жаловать къ нему по понедѣльникамъ ввечеру. Во все прочее время, онъ, имѣя слишкомъ много занятій казенныхъ, литературныхъ и домашнихъ, принимать *рѣшительно никого не можетъ безъ крайняго для себя отягощенія*. Въ нужныхъ случаяхъ онъ проситъ относиться къ нему съ записками, на кои отвѣты будутъ доставляться немедленно. Онъ проситъ у всѣхъ своихъ знакомыхъ и незнакомыхъ великодушнаго извиненія за такое распоряженіе, къ коему онъ вынужденъ совершенною необходимостію. Родители и родственники молодыхъ людей, живущихъ у него, могутъ относиться за своими надобностями по вторникамъ". Не смотря на это заявленіе, Погодину не удалось изъ своего дома сдѣлать пустыни. „Принялся было", жалуется онъ въ

своемъ *Дневникѣ*, „за Нестора, какъ пришелъ Миксимовичъ. О его лекціяхъ, о нравственныхъ опытахъ надъ студентами. Думалъ о деревнѣ. Какъ, напримѣръ, проведенъ нынѣшній день? Развлеченія безпрерывныя".

Между тѣмъ, на Погодина выпалъ жребій произнести рѣчь на торжественномъ собраніи Московскаго Университета 5 іюля 1834 года. Онъ сталъ приготовляться и 25 мая 1834 записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Чтобы писать рѣчь, уѣзжалъ на Воробьевы горы къ Андросову, думая написать; но какъ-то не писалось, по обыкновенію. За мною пріѣхали туда всѣ наши; а время произнесенія приближалось„. „Жарко, тяжело, и скучно", читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина, „урывками писалъ Рѣчь, и какъ обыкновенно, наканунѣ представленія, а въ прочее время заранѣе только-что записывались строки тамъ и сямъ. Написалъ. Очень былъ радъ, выразивъ нѣкоторыя мысли о покровительствѣ корыстномъ, гордомъ, тяжеломъ, о силѣ ученаго и нынѣшней значительности. Уступилъ нѣсколько мѣстъ цензору Каченовскому. Съ жаромъ. Думалъ было предъ актомъ написать исторію и нѣтъ. Сдѣлалось почти дурно въ жаркой комнатѣ. Такое напряженіе головы. Три дня передъ актомъ прожилъ въ Сокольникахъ для освѣженія" [285]):

Наконецъ, наступило 5 іюля. Торжественное собраніе Московскаго Университета удостоили своимъ посѣщеніемъ: Преосвященные епископы Николай, Діонисій и Ааронъ, Московскій военный генералъ - губернаторъ князь Д. В. Голицынъ, И. И. Дмитріевъ, князь С. М. Голицынъ, Л. А. Яковлевъ, П. С. Полуденскій, С. Д. Нечаевъ и другія духовныя и свѣтскія особы. Профессоръ химіи Гейманъ произнесъ слово *о пользѣ химіи.* Послѣ него профессоръ Всемірной Исторіи, Географіи и Статистики Погодинъ — Слово *объ ученомъ сословіи и его историческомъ значеніи.* По свидѣтельству очевидцевъ, „сіе слово, произнесенное со всѣмъ жаромъ благороднаго энтузіазма къ званію, коего самъ ораторъ есть лучшее украшеніе въ нашемъ отечествѣ, было почтено глубокимъ вниманіемъ слушателей и, при окончаніи, вознаграждено изъявле-

ніями общаго одобренія". Ораторъ, изложивъ прежде начало и происхожденіе ученаго сословія въ Европѣ, перешелъ къ описанію той важности, которую оно послѣ вѣковыхъ величайшихъ самопожертвованій пріобрѣло наконецъ въ наши времена. „Но особенно", свидѣтельствуютъ очевидцы, „ораторъ овладѣлъ участіемъ слушателей, когда вскрылъ предъ глазами ихъ блистательную картину будущности нашего великаго Отечества, подъ животворнымъ свѣтомъ наукъ, всюду распространяемыхъ благодѣтельными попеченіями Правительства". Вотъ собственныя слова его: „Русская кровь заговорила въ моемъ сердцѣ; мнѣ больно, тяжело видѣть эти обиды, эти оскорбленія, коимъ наши ученые подвергаются безпрестанно отъ чужеземцевъ. Я кончилъ уже свое разсужденіе, и въ этомъ дополненіи могу не стѣсняться правилами торжественныхъ рѣчей. Можетъ быть скажутъ даже, что эти восклицанія принадлежатъ къ числу общихъ мѣстъ, что гордость моя неумѣстная, что любовь къ Отечеству можетъ обойтись и безъ пристрастія. Нѣтъ, я не того мнѣнія. Русскому человѣку, безпечному, хладнокровному, терпѣливому, во всякомъ сословіи, должно твердить безпрестанно, чтобы онъ чувствовалъ свое достоинство; соревнованіе для него необходимо: такъ военные славятся своими подвигами, промышленники своими успѣхами. Петръ Великій такими мѣрами сотворилъ Полтавскихъ побѣдителей изъ Нарвскихъ бѣглецовъ. Онъ выписалъ Нѣмцевъ, Голландцевъ, Шотландцевъ, Англичанъ въ военную службу, но Карла XII у него побѣдили ужъ Меншиковъ, Голицынъ, Шереметевъ. Онъ выписалъ Блументроста въ президенты Академіи Наукъ, но чрезъ тридцать лѣтъ тамъ уже засѣдали Лепехинъ, Крашенинниковъ, Ломоносовъ, который сказалъ, и имѣлъ полное право сказать,

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Московскому Университету, по преимуществу Русскому,— ибо мы можемъ сказать съ гордостію и радостію, что нѣтъ

ни одного чужеземца между нами,—принадлежитъ прекрасный, блестящій удѣлъ воспитывать Русское ученое сословіе, и пріуготовлять наукѣ такихъ дѣлателей, какихъ въ продолженіе восьмидесяти почти лѣтъ онъ пріуготовлялъ службѣ общественной и литературѣ. Получая отъ щедротъ Монаршихъ новыя и необходимыя для насъ средства, мы почитаемъ священнымъ долгомъ усугубить свои старанія, употребить всѣ свои силы для исполненія благихъ намѣреній Правительства для распространенія полезныхъ знаній между согражданами, для воспитанія ввѣряемаго намъ юношества въ духѣ чистой, пламенной преданности Богу, Государю, Отечеству, наукѣ, по указаніямъ нашего просвѣщеннаго и попечительнаго начальства".

Въ заключеніе, обращаясь къ студентамъ, профессоръ произнесъ: „А вы, любезные воспитанники наши, вступающіе теперь на поприще службы общественной, будьте живыми свидѣтелями, что мы и доселѣ исполняли тщательно наши обязанности. Вамъ поручаемъ мы подтвердить своею жизнію истину словъ нашихъ и достовѣрность обѣтовъ. Приложите наши наставленія къ вашимъ дѣйствіямъ; являйтесь готовыми на всякую службу; будьте ревностны, постоянны, благородны, скромны, благочестивы... Но мы надѣемся на васъ... Между воспитанниками и наставниками есть какая-то таинственная связь,—родственная, духовная связь, какъ древле между патріархами и домочадцами, между полководцами и воинами, между родителями и дѣтьми... Мы надѣемся, что вы во все продолженіе жизни вашей, какое бы поприще для себя ни избрали, всегда будете помнить объ насъ, о нашихъ правилахъ и окажете себя достойными мѣста вашего образованія, сохраните честь Московскаго Университета. Я вижу между вами нѣкоторыхъ, надѣленныхъ особливыми способностями, запечатлѣнныхъ высшею печатію. Къ нимъ-то и обращаюсь я теперь исключительно: о, сохраните навсегда это чистое пламя, которое горитъ теперь въ груди вашей; дайте ему пищу благородную, посвятите себя ученому званію, и вы принесете честь Русскому имени! Я почту себя

счастливымъ, если не обманулся въ своей надеждѣ, и этими словами предрекъ вамъ успѣхъ и славу.

Мнѣ остается, въ заключеніе моей рѣчи, отъ лица всѣхъ членовъ Университета вознести сердечную молитву къ Тому, у Кого и свѣтъ, и жизнь, и слава, и разумъ....

И мы, въ эту священную для насъ минуту, молимъ Бога, да пошлетъ Онъ намъ силы проходить далѣе поприще служенія нашего, и дастъ намъ, благовѣствующимъ, глаголъ силою многою!

И мы, въ эту священную для насъ минуту, молимъ Бога, да осѣняетъ Онъ благословеніемъ нашего Августѣйшаго Покровителя, императора Николая I, да укрѣпляется, укрѣпляется и укрѣпляется въ немъ животворная мысль, что просвѣщеніе, истинное, Христіанское, есть первая сила государственная, твердая основа народнаго благосостоянія и конечная цѣль человѣческой жизни!

И мы, въ эту священную для насъ минуту молимъ Бога, заключаю словами мужа безсмертнаго въ лѣтописяхъ Русскаго просвѣщенія, словами Карамзина, „да процвѣтаетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой“ [286]).

Въ *Дневникѣ* своемъ Погодинъ записалъ: „На актѣ прочелъ рѣчь при двухъ-трехъ трепетныхъ ланяхъ. Рукоплесканія“. Но *Рѣчь* Погодина не понравилась И. И. Давыдову и онъ говорилъ: „что за общность, религіозность, также Русская кровь“ [287]).

XXX.

8 ноября 1833 года воспослѣдовалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, въ которомъ, между прочимъ, начертано: „Избравъ городъ Кіевъ, съ давнихъ лѣтъ къ учрежденію университета предназначаемый, равно драгоцѣнный для всей Россіи, нѣкогда колыбель Святой Вѣры нашихъ предковъ, и вмѣстѣ съ симъ первый свидѣтель гражданской

ихъ самобытности, Мы повелѣли учредить въ ономъ университетъ подъ особымъ покровительствомъ и въ память Великаго Просвѣтителя Богомъ врученной намъ страны...“ [288]).

Старѣйшій изъ нашихъ университетовъ Московскій, устами своего профессора Морошкина, привѣтствовалъ рожденіе собрата, въ день своего рожденія 12 января 1834 года. „Привѣтствуемъ новорожденнаго собрата“, говорилъ Морошкинъ, „Университетъ Св. Владиміра: ему пожелаемъ *расти, а намъ не малитися;* святое братство музъ и нераздѣльность Русской славы... пребудутъ между нами и да сольются наши чувства съ вѣрноподданническимъ благодареніемъ Россіи къ Августѣйшему Покровителю Народнаго Просвѣщенія, правосудному, твердому въ дѣлахъ Отечества, могущественному Царю Русскому. Да предстанетъ на служеніе ему юношество университетовъ, исполненное добрыхъ нравовъ, науки и усердія къ любезному Отечеству. Богъ, да поможетъ нашимъ благимъ намѣреніямъ“ [289]).

На другой день, по подписаніи Высочайшаго указа, князь П. А. Вяземскій писалъ Максимовичу: „Здѣсь слышно объ основаніи университета въ Кіевѣ. А я помню, что ваши мысли и планы лежали всегда къ югу. Не разыграется ли въ васъ снова тоска? Впрочемъ, мой совѣтъ — совѣтъ предковъ: отъ добра добра не ищутъ“. Эти строки были весьма по сердцу Максимовичу, и онъ немедленно же отвѣчалъ князю Вяземскому, а тотъ немедленно же поднялъ на ноги Жуковскаго, который по этому поводу уже писалъ князю Вяземскому: „Возвращаю тебѣ письмо Максимовича; я два раза говорилъ съ Уваровымъ. Онъ сначала отнѣкивался; но потомъ согласился. Уваровъ къ нему весьма хорошо расположенъ“ [290]). Самъ же Максимовичъ въ своей автобіографіи свидѣтельствуетъ: „Тоска по любимой матери, которой онъ незадолго лишился, обратилась въ томительную тоску по родинѣ. Учрежденіе Университета Св. Владиміра, въ Кіевѣ, послѣдовавшее 8 ноября 1833 года, въ день Св. Архангела Михаила, издревле принятаго въ гербъ Кіеву, повлекло его туда неодолимою силою. Туда же съ нимъ

согласился было ѣхать и незабвенный землякъ его, Гоголь". Желаніе Максимовича исполнилось и 4 мая 1834 года, назначенъ онъ былъ ординарнымъ профессоромъ Университета Св. Владиміра, и вмѣстѣ деканомъ 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета [291]).

Въ это время, Гоголь писалъ Максимовичу: „Слушай: сослужи службу: когда будешь писать Кіевскому попечителю Брадке, намекни ему о мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы дескать хорошо сдѣлали, если бы залучили въ университетъ Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія, и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія [292]). Въ то же время Гоголь и Пушкину писалъ слѣдующее: „Я рѣшился однакожъ не зѣвать и, вмѣсто словесныхъ представленій, набросать мои мысли и планъ преподаванія на бумагу. Если бы Уваровъ былъ изъ тѣхъ, какихъ немало у насъ на первыхъ мѣстахъ, я бы не рѣшился просить и представлять ему мои мысли, какъ и поступилъ я назадъ тому три года, когда могъ бы занять мѣсто въ Московскомъ Университетѣ, которое мнѣ предлагали; но тогда былъ Ливенъ.... Грустно, когда некому оцѣнить нашей работы. Но Уваровъ собаку съѣлъ. Я понялъ его еще болѣе по тѣмъ бѣглымъ, исполненнымъ ума замѣчаніямъ и глубокимъ мыслямъ во взглядѣ на жизнь Гёте. Не говорю уже о мысляхъ его по случаю гекзаметровъ, гдѣ столько философическаго познанія языка и ума быстраго. Я увѣренъ, что у насъ онъ болѣе сдѣлаетъ, нежели Гизо во Франціи. Во мнѣ живетъ увѣренность, что если я дождусь прочитать планъ мой, то въ глазахъ Уварова онъ меня отличитъ отъ толпы вялыхъ профессоровъ, которыми набиты университеты. Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ. Тамъ я выгружу изъ-подъ спуда многія вещи, изъ которыхъ я не всѣ еще читалъ вамъ. Тамъ кончу я исторію Украйны и Юга Россіи и напишу Всеобщую Исторію, которой, въ настоящемъ видѣ ея, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не только на Руси, но даже и въ Европѣ, нѣтъ. А сколько соберу тамъ

преданій, повѣрьевъ, пѣсенъ и проч.! Кстати ко мнѣ пишетъ Максимовичъ, что онъ хочетъ оставить Московскій Университетъ и ѣхать въ Кіевскій. Ему вреденъ климатъ. Это хорошо. Я его люблю. У него въ Естественной Исторіи есть много хорошаго, по крайней мѣрѣ, ничего похожаго на галиматью Надеждина. Если бы Погодинъ не обзавелся домомъ, я бы уговорилъ его проситься въ Кіевъ". Но Гоголю не удалось получить профессорство въ Кіевѣ и онъ писалъ Погодину: „На предложеніе твое объ адъюнктствѣ, я вотъ что скажу тебѣ: Я недавно только просился профессоромъ въ Кіевъ, потому что здоровье мое требуетъ этого непремѣнно, также и труды мои. Вотъ чѣмъ можно извинить мнѣ исканіе профессорства, которое еслибы не у насъ на Руси, то было бы самое благородное званіе. Прося профессорства въ Кіевѣ, я обезпечиваю тѣмъ себя совершенно въ моихъ нуждахъ большихъ и малыхъ, но взявши Московскаго адьюнкта, я не буду сытъ, да и климатъ у васъ въ Москвѣ ничуть не лучше нашего Чухонскаго Петербургскаго. И такъ, ты видишь физически невозможнымъ мое перемѣщеніе. Впрочемъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ я постараюсь побывать въ Москвѣ и мы потолкуемъ о томъ и о семъ. Весьма радъ, что тебѣ понравились мои статьи. Ты говоришь о Цыхѣ, что это за Цыхъ? Откуда онъ и какъ онъ взялся? Я имени его еще нигдѣ не встрѣчалъ въ литературномъ мірѣ". Но мы уже знакомы съ Цыхомъ, который въ это же время писалъ Погодину: „Назадъ тому мѣсяца два, Попечитель Кіевскаго округа предложилъ мнѣ мѣсто въ новомъ Университетѣ Св. Владиміра. Я отвѣчалъ ему, что принялъ бы это предложеніе, еслибы Министру угодно было перевести меня туда экстраординарнымъ профессоромъ съ жалованьемъ по новому уставу. Жду отвѣта; его нѣтъ; еще жду и все нѣтъ. Чортъ же васъ возьми, подумалъ я, и забылъ объ этомъ. Какъ вдругъ... призываетъ меня графъ Панинъ и показываетъ бумагу къ нему отъ Министра, въ которой его превосходительство пишетъ, что по представленію г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, онъ утверждаетъ

меня въ званіи экстраординарнаго профессора по части Всеобщей Исторіи при Университетѣ Св. Владиміра. „Вотъ те и на! *Не измѣнникъ ли вы?* Сказалъ мнѣ Графъ. Что дѣлать, ваше сіятельство, отвѣчалъ я, рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше...“

Въ томъ же письмѣ Цыха къ Погодину мы читаемъ и слѣдующее: „Вы жалуетесь на иностранныхъ историковъ. Согласенъ съ вами совершенно. Заслуги ихъ de Historia сколько не велики онѣ—*частныя*. Общаго философскаго взгляда на Исторію, общаго философско-историческаго творенія, которое бы обнимало всеобщую внутреннюю жизнь народовъ и было расположено по одной общей идеѣ – еще нѣтъ, и, можетъ быть долго не будетъ. Цѣнность всѣхъ лучшихъ историческихъ твореній есть только частная, относительная; всякая изъ нихъ имѣетъ только одну хорошую сторону. Гизо есть не что иное, какъ отличный analiseur историческихъ фактовъ, и то Средней Исторіи, особенно Французской. Барантъ начинилъ свое, впрочемъ, весьма интересное твореніе старинными поговорками, письмами, схоластическими рѣчами. Онъ представилъ описываемый имъ вѣкъ довольно вѣрно, но не составилъ изъ происшествій его живой, разительной, воодушевленной картины съ современными красками, какъ ему хотѣлось. Безъ Тьери мы не знали бы изъ какихъ элементовъ составился народъ Англійскій, Французскій, Провансkій и Шотландскій; сверхъ того, я, читая его, чувствую какое-то тихое, нѣжное, сладкое удовольствіе, а одно мѣсто его, гдѣ онъ говоритъ, помнится мнѣ, о страсти жителей Валисса къ музыкѣ и поэзіи, извлекло у меня слезы, но вотъ и все достоинство Тьери. Робертсонъ тихъ, плавенъ, здравомыслящъ, спокоенъ, сохраняетъ всѣ достоинства политическаго историка. Это настоящій этикъ между новыми историками. Его исторія Америки для меня въ высочайшей степени интересна, а въ Исторіи Карла V сумасшествіе Іоанна, удаленіе въ монастырь Карла и разныя другія описанія трогаютъ до глубины сердца. Но Робертсонъ ни крошки не философъ. Гиббонъ красивъ, столь красивъ, что я отдаю ему преиму-

щество въ этомъ отношеніи предъ Титомъ Ливіемъ. За что цѣнятъ такъ высоко Юма, не знаю. Галламъ помѣшанъ на однихъ конституціяхъ—и только. Сверхъ того у него не ищи системы, въ этомъ онъ еще перещеголялъ Крейцера. У Нибура почти нѣтъ положительныхъ доказательствъ; но что утверждаетъ онъ, тому нельзя не вѣрить, по крайней мѣрѣ я вѣрю ему совершенно. Шиллеръ хорошій историкъ, особенно въ Тридцатилѣтней своей войнѣ. Свѣтлый безпристрастный, систематическій, мѣткій, ученый до безконечности умъ Герена много-много сдѣлалъ пользы Древней исторіи и даже Новой; но Геренъ также не довольно философъ. Гердеръ исполинъ-историкъ. Наша братья должна снимать колпакъ произнося это имя какъ дѣлывалъ когда то Невтонъ, произнося имя Божіе. То что говоритъ Гердеръ о всякомъ народѣ въ особенности, высоко, божественно, чудесно; но все и въ Гердерѣ, въ сочиненіи его нѣтъ внутренней связи въ связи различныхъ народовъ, нѣтъ единства, нѣтъ общей идеи. Мишле, кто что ни говори о немъ, есть ничто иное какъ шарлатанъ: что хорошаго въ немъ, то цѣликомъ, живьемъ взято изъ Нибура; а гдѣ является онъ какъ самостоятельный авторъ, тамъ онъ просто смѣшонъ, у него пылкое воображеніе и много чувства, но ученость его недалека, а умъ неглубокъ. Пріѣхавши въ Харьковъ, я съ жадностью бросился на его сочиненія, но очарованіе мое совершенно исчезло, когда прочелъ сотни двѣ страницъ. Охъ этотъ Лео, проклятый Лео! Еслибъ вы знали какъ я ненавижу его. Сисмонди чертовски ученъ, но отсталъ отъ всѣхъ; кромѣ отличной разработки фактовъ и свода лѣтописей, да плавнаго мѣстами сильнаго разсказа, ничего у него нѣтъ особеннаго. Мишо также діавольски ученъ, но ужасно пошлый. То-ли надѣялся я найти въ его Крестныхъ походахъ. Наконецъ Исторія Европейскихъ государствъ, изданная Герреномъ и Укертомъ, съ позволенія вашего, ужъ такъ и быть, хоть даже прибейте меня, отвратительна, несносна! О другихъ историкахъ и говорить нечего. Нашъ вѣкъ дѣйствительно такой, что отъ него надобно ожидать чего нибудь окончатель-

наго въ дѣлѣ совершенствованія Исторіи, какъ науки. Если я обнаружилъ свое невѣжество въ дерзкомъ своемъ сужденіи объ историкахъ, то простите меня и никому не показывайте. Я пишу это къ человѣку, котораго имѣю честь почитать своимъ хорошо знакомымъ почтеннымъ пріятелемъ. Въ публику я не выѣхалъ бы столь смѣло. Пишу по своему собственному убѣжденію" [293]).

XXXI.

5 іюля 1834 года, послѣ университетскаго акта, Максимовичъ выѣхалъ изъ Москвы и 13 іюля увидѣлъ Кіевъ. Того же дня былъ уже въ университетскомъ засѣданіи, и того же дня попечитель Кіевскаго учебнаго округа фонъ Брадке возложилъ на него исправленіе должности ректора [294]).

15 іюля происходило открытіе Университета св. Владиміра. Торжество это описалъ самъ Максимовичъ въ своемъ письмѣ къ Погодину. „Въ качествѣ новопріѣзжаго изъ Москвы ректора", писалъ онъ, „сидѣлъ я у каѳедры, съ которой звучала Латинская рѣчь профессора Якубовича; а сидѣвшій возлѣ меня графъ Протасовъ нашептывалъ мнѣ изрѣдка свои замѣчанія о ней. Съ любопытствомъ глядѣлъ я на многочисленную, парадную публику, изъ четырехъ губерній собранную. Во главѣ ея былъ митрополитъ Евгеній, благословившій открытіе новаго всеучилища. Какъ онъ прекрасенъ былъ въ своей величавой простотѣ. Объ руку съ нимъ красовался ближайшій другъ его въ Кіевѣ, престарѣлый герой двѣнадцатаго года, фельдмаршалъ Сакенъ. Имъ обоимъ подносилъ я дипломы на званіе первыхъ почетныхъ членовъ новорожденнаго Университета. Но меня особенно занималъ отдѣльный рядъ духовныхъ лицъ: мнѣ хотѣлось угадать въ немъ знаменитаго ректора Академіи архимандрита Иннокентія... и я угадалъ его! По окончаніи акта, я успѣлъ подойти къ нему: и его первое, теплое слово мнѣ и рукожатье были залогомъ той пріязни, которою скрашена была моя семилѣтняя служебная жизнь въ Кіевѣ. Осо-

бенно въ первый годъ, когда, послѣ разлуки съ моими Московскими друзьями, одолѣвала меня сильная тоска, въ моемъ здѣшнемъ университетскомъ одиночествѣ, сдруженіе съ Инокентіемъ было благотворною опорою для души моей. Незабвенны мнѣ тогдашнія его бесѣды со мною по вечерамъ; и его длинная келья въ Братскомъ монастырѣ, вся заваленная книгами и газетными листами; и выходная дверь изъ нея въ небольшой садъ, отдѣленный отъ міра каменною стѣною и ушпигованный, по выраженію Гоголя, устремленными къ небу тополями. Сколько разъ я приходилъ туда истомленный служебными дѣлами, кипѣвшими тогда подъ барабанною скороспѣшностью фонъ-Брадке: и каждый разъ возвращался оттуда освѣженный душою и мыслію" [295])!..

По переселеніи въ Кіевъ, Максимовичъ замолкъ для своихъ Московскихъ друзей и Погодинъ съ упрекомъ ему писалъ: „*Великолѣпному ректору Кіевскому*. И не стыдно вамъ переписываться только съ Авдотьей Васильевной Сухово-Кабылиной? Не ожидалъ я такого скораго надменія" [296]). На эти строки Максимовичъ отвѣчалъ: „Ты упрекаешь молчаніе мое къ Москвичамъ. Спасибо за это; но вы сами не пишете ко мнѣ, не вздумаете обо мнѣ, какъ будто я не одинъ; а васъ не нѣсколько такихъ, къ которымъ каждому хотѣлось и нашлось бы о чемъ писать цѣлые листы, еслибы былъ досугъ, долгіе дни или видѣніе при свѣчахъ. Впрочемъ, добро-бъ ужъ упрекалъ меня, напримѣръ Аксаковъ, или кто другой еще; ты же любезный другъ ко мнѣ пишешь только теперь, и то вмѣсто христіанской азбуки, какія то руны или паче арабески, мудренѣе чѣмъ стиль Языковскій, и вовсе не по глазамъ моимъ. И ты еще пристыжаешь меня, что я переписываюсь только съ Авдотьей Васильевной, и что еще страннѣе мнѣ—ты не понимаешь этого, не понимаешь, почему мнѣ прежняя Московская жизнь усладительнѣе бесѣдою съ прекрасною юностью, чѣмъ съ взрослымъ ребячествомъ и старыми дрязгами. Мелочами и безъ того завалена теперь жизнь моя и загромождена голова. Гдѣ-жъ сердцемъ отдохнуть могу? Не тамъ ли, гдѣ нѣтъ и

помину про дрянь житейскую, гдѣ нѣтъ мѣста отношеніямъ, шашнямъ службы вашей, вашей опытности, повѣстью коихъ ты наполнилъ свое письмо (и объ которой если и не совсѣмъ не интересно было знать мнѣ, по крайней мѣрѣ вовсе не утѣшительно). Я дѣйствительно виноватъ предъ нѣкоторыми изъ васъ, милые Москвичи мои, не писавши до сихъ поръ къ вамъ; но неужели кто припишетъ это забвенію! Я остался одинъ, *безъ васъ*, потому мнѣ замѣтнѣе недостатокъ васъ, потому я сталъ лучше понимать, цѣнить, любить васъ. Въ Кіевѣ Москва становится виднѣе; лучше своимъ хорошимъ, какого нѣтъ здѣсь; но за то и черныя пятна ея мрачнѣе отсюда, гдѣ ихъ нѣтъ еще для меня, по новости жизни, и я боюсь ихъ, какъ ребенокъ темной комнаты, а на бѣду мою каждый изъ васъ только заговори съ нимъ, тотчасъ какъ чародѣй вызываетъ мнѣ нечистаго духа. И изъ памяти моей, какъ изъ могилы неотразимо возстаютъ рыжій меринъ, гнусный Г..... и чудовищный Левка *); читаю твое письмо – являются измѣнчивый Протей и вся длинная процессія о пансіонерахъ, экзаменахъ вашихъ; обратился бы къ Іустину **) – полезутъ гадины академическіе,—къ Аксакову, *Европейцу* ***)—останавливаютъ *Двѣнадцать спящихъ будочниковъ*, Булгаринъ; хотѣлось бы написать къ вашему Ректору, чтобы выразить черезъ него мою признательность Университету; но съ обителью его неразлучно видѣніе мерзкой совы, которая тамъ вила семь лѣтъ гнѣздо свое и пакостила храмъ истинной мудрости и опостылила мнѣ каѳедру Ботаники, для которой принесено мною столько жертвъ самыхъ чистыхъ. Помоги вамъ Богъ сокрушить всю эту чертовщину, мнѣ же дайте обновиться душою въ новой жизни моей,—дайте время мнѣ въ одинокой мысли объ васъ смыть съ васъ язычество христіанскими волнами Днѣпра,—и не пеняйте на меня, если я, среди трудныхъ работъ, на старомъ кладбищѣ, обращенномъ въ новую пашню, обращаюсь къ воз-

*) Цвѣтаевъ.
**) Дядьковскому.
***) И. В. Кирѣевскому.

любленной, незабвенной Москвѣ моей только съ юношескимъ чувствомъ, если прикасаюсь къ ней только тамъ, гдѣ жизнь еще свѣтлая, чистая, существенно дѣльнаго, возмужалаго и безъ того такъ много здѣсь досталось на мою долю. Поклонитесь отъ меня въ домѣ Аксаковыхъ, Елагиныхъ, Кирѣевскихъ, Щепкиныхъ, Шевыревыхъ" [297]).

XXXII.

Послѣ Университетскаго акта, Погодинъ съ семействомъ и пансіономъ уѣхалъ въ свое Сѣрково. Тамъ онъ „перетрепалъ Карамзина безъ счету" и задумалъ написать трагедію *Царь Василій Шуйскій* „Я хотѣлъ было", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „изъ всей жизни Шуйскаго сдѣлать одну трагедію до постриженія. Но прошелъ половину и увидѣлъ, что во второй половинѣ еще цѣлая трагедія". Пріѣздъ Щепкина помѣшалъ его занятіямъ. Въ деревнѣ онъ былъ „покоенъ и доволенъ", думалъ „о ничтожности и бренности земли и всего земнаго" [298]). Среди этихъ размышленій и занятій онъ получаетъ отъ Шевырева письмо отъ 9 августа, въ которомъ читаемъ: „Сдѣлай милость, любезный другъ, пріѣзжай сюда скорѣе. Наступаетъ пора университетскаго дѣла. Давыдовъ и Каченовскій дѣлаютъ, что хотятъ—и только голосъ Надеждина раздается въ пустынѣ. Тебя хотятъ прижимать, чтобы вывести Щедритскаго. Надеждина хотятъ за Логику..., а ты сидишь въ деревнѣ и только соглашаешься. Пріѣзжай скорѣе ради науки и дѣла".

На другой же день Погодинъ пріѣхалъ въ Москву. Въ это время здѣсь свирѣпствовали пожары и держали Москвичей въ тревожномъ настроеніи.

„1834 годъ", повѣствуетъ одинъ современникъ, „огненными чертами записанъ въ лѣтописяхъ Москвы; два мѣсяца пожары истребляли городъ; 8 іюня сгорѣло Лефортово; 11 августа двѣсти девяносто домовъ; на одиннадцать милліоновъ погибло отъ огня въ Рогожской; пожары были по нѣсколько

разъ въ день, команда обезсилѣла, лошади замучились. Ясно было видно, что это не случайность, что тутъ злоумышленность! Народъ волновался, обвинялъ внѣшнихъ враговъ, во всѣхъ видѣлъ поджигателей и стало опасно ходить по улицамъ! [299])"

Тревожное чувство, производимое пожарами, отразилось и въ *Дневникѣ* Погодина, въ которомъ читаемъ: „Жара смертельная. Опять пожаръ. Что за страсти! Еще пожаръ. Жара смертельная". Для своего успокоенія, Погодинъ отправился къ Генералъ-Губернатору. „Не пускаютъ", пишетъ онъ, „что ты дуракъ! Не пускаютъ. Наконецъ спрашиваютъ имя и пропустили. *Метловъ* сказалъ, что Москва подвергается опасности, особенно домъ Генералъ-Губернатора; схватили до двухсотъ человѣкъ. На площади будутъ солдаты и пушки. Скорѣе спросилъ Князя и домой. Должно быть основательныя причины для такихъ мѣръ, особенно послѣ прежней скрытности. Однако стыдъ полиціи, что вся Москва не спитъ по ночамъ. Одинъ дворникъ отвѣчалъ хожалому, который велѣлъ ему стеречь: Вотъ на! Что мы за батраки на васъ! Говорятъ поймали многихъ Польскихъ офицеровъ". Между тѣмъ въ домѣ Погодина случилось слѣдующее обстоятельство, описаніе котораго въ болѣе спокойное время не удостоилось бы попасть въ его *Дневникъ:* „Лиза, зажегши свѣчу", читаемъ тамъ, „забывшись, бросила еще горѣвшую спичку въ окошко, дѣвочка *у сосѣда увидѣла* и подняла тревогу. Насилу мы успокоили ихъ. А еслибъ не увидали огня, и еслибъ Лиза не опомнилась, могъ бы сдѣлаться пожаръ. Случись же бревна подъ окошкомъ. И вотъ подозрѣніе, живутъ студенты-де. Еще возможность: дьячекъ легко могъ быть въ ссорѣ со мною, и тотчасъ пойти въ полицію. Предосадно было. Послѣ этотъ случай прикладывалъ къ Исторіи: и тамъ безпрестанно пожары отъ искръ. Еще размышленіе: тысячу спичекъ изожгла Лиза и всякую разумѣется затаптывала ногами. Надо же было случиться, что она горѣвшую бросила въ окно. Какъ будто лукавый толкнулъ рукой. Да онъ дѣйствуетъ иногда и на цѣлые народы".

Въ такомъ положеніи Погодинъ, вернувшись изъ Сѣркова, засталъ Москву.

Теперь послѣдуемъ за Погодинымъ въ Университетъ, куда вызвалъ его Шевыревъ изъ его сельскаго уединенія. Съ вліятельными членами Университетскаго Совѣта онъ не ладилъ. Еще въ январѣ (1833 г.) Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Въ Совѣтъ. Выбрали Щедритскаго въ экстра-ординарнаго профессора. Подлецы! За то, что онъ сходилъ на поклонъ ко всѣмъ. Одинъ я положилъ черный шаръ; а за мѣсяцъ всѣ безпокоились и негодовали на Цвѣтаева, который его представилъ. А я слабъ и не могъ прямо сказать, что онъ недостоинъ и есть достойнѣйшіе". Вмѣстѣ съ Надеждинымъ и другими профессорами Погодинъ думалъ объ очищеніи Университета, и онъ желалъ провести Андросова на каѳедру Статистики. Съ этою цѣлію онъ представляетъ въ Совѣтъ слѣдующую бумагу: „Успѣвъ въ продолженіе семи мѣсяцевъ нынѣшняго академическаго года преподать въ отдѣленіи словесныхъ наукъ едва только половину Новой Исторіи, я не предвижу никакой возможности заняться и Статистикою, о чемъ симъ честь имѣю донести отдѣленію. Долгомъ считаю обратить при семъ случаѣ вниманіе отдѣленія на то, что столь обширныя науки, каковы: Всеобщая Исторія и Статистика, не могутъ быть преподаваемы съ надлежащею пользою однимъ преподавателемъ, и должны быть раздѣлены между двумя, если слѣдуетъ требовать равныхъ успѣховъ отъ студентовъ въ обѣихъ наукахъ". Но это благое намѣреніе Погодина не исполнилось и вынудило его вступить въ неровную пока борьбу съ Совѣтомъ. Главнымъ противникомъ его былъ И. И. Давыдовъ. Онъ „устроилъ", пишетъ Погодинъ, „представленіе Гаврилова, глупца и невѣжу, хотя и добраго человѣка въ экстраординарные профессоры, который мѣшалъ Надеждину читать Логику, а мнѣ хотѣлъ навязать Статистику, зная, что я не хочу заниматься ею. П.....! Козноднй! Когда Университетъ нашъ избавится отъ такихъ злодѣевъ. Нарочно собираютъ около себя дураковъ. Давыдовъ злится на Шевы-

согласился было ѣхать и незабвенный землякъ его, Гоголь". Желаніе Максимовича исполнилось и 4 мая 1834 года, назначенъ онъ былъ ординарнымъ профессоромъ Университета Св. Владиміра, и вмѣстѣ деканомъ 1-го Отдѣленія Философскаго Факультета [291]).

Въ это время, Гоголь писалъ Максимовичу: „Слушай: сослужи службу: когда будешь писать Кіевскому попечителю Брадке, намекни ему о мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы дескать хорошо сдѣлали, если бы залучили въ университетъ Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія, и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія [292]). Въ то же время Гоголь и Пушкину писалъ слѣдующее: „Я рѣшился однакожъ не зѣвать и, вмѣсто словесныхъ представленій, набросать мои мысли и планъ преподаванія на бумагу. Если бы Уваровъ былъ изъ тѣхъ, какихъ немало у насъ на первыхъ мѣстахъ, я бы не рѣшился просить и представлять ему мои мысли, какъ и поступилъ я назадъ тому три года, когда могъ бы занять мѣсто въ Московскомъ Университетѣ, которое мнѣ предлагали; но тогда былъ Ливенъ.... Грустно, когда некому оцѣнить нашей работы. Но Уваровъ собаку съѣлъ. Я понялъ его еще болѣе по тѣмъ бѣглымъ, исполненнымъ ума замѣчаніямъ и глубокимъ мыслямъ во взглядѣ на жизнь Гёте. Не говорю уже о мысляхъ его по случаю гекзаметровъ, гдѣ столько философическаго познанія языка и ума быстраго. Я увѣренъ, что у насъ онъ болѣе сдѣлаетъ, нежели Гизо во Франціи. Во мнѣ живетъ увѣренность, что если я дождусь прочитать планъ мой, то въ глазахъ Уварова онъ меня отличитъ отъ толпы вялыхъ профессоровъ, которыми набиты университеты. Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ. Тамъ я выгружу изъ-подъ спуда многія вещи, изъ которыхъ я не всѣ еще читалъ вамъ. Тамъ кончу я исторію Украйны и Юга Россіи и напишу Всеобщую Исторію, которой, въ настоящемъ видѣ ея, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не только на Руси, но даже и въ Европѣ, нѣтъ. А сколько соберу тамъ

по причинѣ недостатка времени и другихъ своихъ занятій, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда самъ почтетъ то за нужное. За успѣхи онъ не отвѣчаетъ. Въ экзаменахъ никакого благопріятствующаго участія не принимаетъ, а напротивъ, старается быть строже къ своимъ пансіонерамъ. О всѣхъ подробностяхъ родители и родственники могутъ разспросить самихъ пансіонеровъ, а самъ онъ отказывается отъ всѣхъ объясненій и разговоровъ. Кому угодно отдать къ Профессору своего сына или родственника, тотъ благоволитъ прочесть сіе объявленіе, и болѣе сообщить и обѣщать онъ ничего не можетъ. О всѣхъ сихъ неудобствахъ онъ почитаетъ обязанностію предупредить кого слѣдуетъ, чтобы не обѣщать, чего выполнить не можетъ. Плата назначается за каждаго пансіонера 1500 асс. въ годъ. Внесенная сумма ни въ какомъ случаѣ назадъ не возвращается. Пансіонеръ долженъ имѣть столовый приборъ, который остается. Студенты платятъ отъ 1500 до 800, смотря по состоянію. Однимъ словомъ, молодые люди живутъ только, какъ на квартирѣ, и я наблюдаю только за ходомъ ихъ занятій съ учителями. Ни за поведеніе, ни за успѣхи я не отвѣчаю. Для этого родители благоволятъ брать свои мѣры, напримѣръ приставить къ нимъ вѣрныхъ дядекъ и т. под.".

И дѣйствительно, получивъ извѣстіе о запрещеніи профессорамъ имѣть пансіонеровъ, Погодинъ рѣшился подать отставку. „Написалъ просьбу спокойный", пишетъ онъ, „но когда отдавалъ ректору, забилось сердце. Жребій брошенъ. Пріѣзжаютъ изъ Совѣта съ отвѣтомъ, что эффектъ произведенъ. Подалъ было голосъ Гейманъ и *той бѣ самарянинъ*. Потомъ возопіяли сильно. А Каченовскій и Давыдовъ твердилъ: *ну что жъ, пусть выходитъ*. М....!" [300]). Объ этомъ своемъ рѣшительномъ шагѣ, вотъ что писалъ онъ Максимовичу: „Я подавалъ просьбу въ отставку, выведенный изъ терпѣнія кознями, Давыдова и братіи. Какову штуку онъ наконецъ выкинулъ: экзамены ректоръ хотѣлъ производить подъ наблюденіемъ декановъ. Попечитель утвердилъ. Начались. Вдругъ на первый же день предложеніе, чтобъ декановъ не было и власть сосредо-

чилась въ рукахъ экзаменаторовъ, т.-е. Давыдова и его подчиненнаго Снегирева и т. п. Это устроилъ Давыдовъ, чтобъ пропустить своихъ. Между тѣмъ экзаменами Министръ остался недоволенъ. Вина и сворочена на тѣхъ профессоровъ, у коихъ есть пансіонеры. Присылается *бумага* чтобъ тѣ, кои будутъ имѣть пансіонеровъ, впредь не участвовали на экзаменахъ. Въ Совѣтѣ Давыдовъ и Каченовскій указываютъ на меня. Ахъ м.....! Меня взорвало; если нынѣ такъ нагло я обвиненъ въ пристрастіи, то кто же поручится, что завтра не обвинятъ меня въ ереси или lèse majesté! Подавая просьбу, я разсчелъ: если она принята будетъ холодно, я уѣду въ деревню, чтобъ согласно съ моимъ желаніемъ заниматься на просторѣ; если будетъ принято горячо,—открыть глаза Министру на многое. Въ Москвѣ зашумѣли, какъ, какъ! Принято горячо... Всѣ усилія были устремлены, чтобъ я не читалъ Исторіи для первокурсныхъ студентовъ, а Щедритскій, чтобъ Шевыревъ не училъ Русской Словесности, а Побѣдоносцевъ, чтобъ Надеждинъ не училъ Логикѣ. Терпѣнья не достаетъ[301])"!

Въ то же время въ Москвѣ появилась сатира на нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго Университета. „Какой-то пасквиль есть", замѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „на меня вмѣстѣ съ другими профессорами Словеснаго Отдѣленія" [302]). Сатира эта напечатана подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Подарокъ ученымъ на 1834 годъ. О царѣ Горохѣ; когда царствовалъ царь Горохъ, гдѣ онъ царствовалъ, и какъ царь Горохъ перешелъ въ преданіяхъ народовъ изъ отдаленнаго потомства* (М. 1834) *). Для изслѣдованія о царѣ Горохѣ состоялось чрезвычайное засѣданіе философовъ, историковъ и эстетиковъ. „Царь Горохъ" сказано на первой страницѣ книжечки, „доселѣ живетъ въ присловіяхъ и сказкахъ. Его нельзя сравнить съ попомъ Иваномъ, котораго Русскіе полагаютъ въ

*) Книжка эта составляетъ нынѣ величайшую библіографическую рѣдкость и мы пользовались экземпляромъ оной, принадлежащимъ библіотекѣ Л. Н. Майкова. Въ *Русской Старинѣ* 1878 (іюнь) эта сатира воспроизведена по экземпляру, принадлежащему библіотеки Д. Ѳ. Кобеко.

Африкѣ и къ которому въ Азіи было множество миссій съ Запада. Объ немъ теперь толки нашихъ ученыхъ. Вотъ перечень засѣданія: секретарь всходитъ на каѳедру и читаетъ: Знаменитые гг. засѣдатели! Во имя науки, которой совершенствованіе есть главнѣйшая и священнѣйшая наша обязанность; во имя національной славы, даруемой единственно за умственное творчество; во имя Исторіи, Философіи, Естетики, трехъ сестеръ, трехъ музъ новѣйшаго Парнаса; по волѣ знаменитаго бакалавра, я избранъ предложить историко-философическо-художественный вопросъ на разрѣшеніе ваше; что такое царь Горохъ? Гдѣ, когда и точно ли былъ царь Горохъ? Реальное и идеальное значеніе царя Гороха? Знаменитые засѣдатели должны подать свое мнѣніе. Перечень сихъ мнѣній мы завѣщаемъ потомству". Такимъ образомъ мнѣніе свое высказали: Каченовскій, И. И. Давыдовъ, Надеждинъ, Н. А. Полевой, М. Г. Павловъ, Сенковскій, Булгаринъ, Снегиревъ и наконецъ Погодинъ, который сказалъ; „Царь Горохъ—вотъ предметъ, нечего долго и широко растабарывать, есть ли царь Горохъ историческій фактъ, или поэтическій вымыселъ. Какъ могу я произносить, скажутъ, рѣшительный приговоръ?—Господа! полно-те справляться съ метрическими книгами. Никто болѣе моего не уважаетъ святой истины; да прильнетъ языкъ къ гортани, если скажу ложь!—Что такое великій человѣкъ? Тотъ, кто *въ заскорузломъ чепанѣ* придетъ *и скажетъ*: *Знай нашихъ* *)! Что такое психологическое явленіе? Ванька удавился, Ванька бросился съ Каменнаго моста; Степанида Полуехтовна запарилась, подавилась... Позавидуйте имъ! Почему отвергать достовѣрность того и другаго, и проч., если что-либо есть въ лѣтописяхъ, если оно не есть хитрое сплетеніе того, кто *мудрствуетъ лукаво*, по счастливому выраженію поэта? Что намъ говоритъ Исторія, память Божія? Вотъ мое средство, я всегда сравниваю: если есть подобное или сходное, то — по аналогіи, по индукціи то можетъ быть допущено, то правдоподобно. Если, напримѣръ, въ Ипатьевскомъ спискѣ нѣтъ

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*, Спб. 1890. книга 3-я стр. 279—283.

слога *изъ*, а въ прочихъ есть, то, по моему грѣшному понятію, въ Ипатьевскомъ должно поставить слогъ *изъ*. Такъ и съ царемъ Горохомъ.

Лѣтописи среднихъ вѣковъ наполнены сказаніемъ о попѣ—царѣ Иванѣ. Я заключаю: лѣтописи *должны* быть наполнены о царѣ Горохѣ. Нигдѣ нельзя узнать опредѣленно: когда и гдѣ царствовалъ попъ Иванъ? Иные думаютъ въ Коби, иные въ Сагарѣ – точно тоже должно полагать и о царѣ Горохѣ. И такъ вотъ мое положеніе: попъ Иванъ царствовалъ, къ чему выдумали бы лѣтописцы? Слѣдовательно и царь Горохъ царствовалъ.

Мы множество фактовъ, доказательствъ, примѣровъ имѣемъ: доказать оными, изъяснить темныя мѣста, развить предметъ о царѣ Горохѣ можемъ безъ оскорбленія, и проч.

Признаюсь, мнѣ прискорбно слушать, что я такую-то книгу дурно перевелъ, скомпилировалъ, издалъ. Двѣнадцать лѣтъ я безвозмездно тружусь, аки кащей... Иногда я плачу: такъ тяжка неблагонамѣренная обида! Кто помнитъ память изыскателей? Не я ли публикую, что такой-то померъ; что правнукъ такого-то человѣка у меня воспитывается; не я ли получаю благодарности во всѣхъ, или во многихъ, предисловіяхъ подъ именемъ NN?.. *) Да мнѣ это, какъ къ стѣнѣ горохъ! Говоря о царѣ Горохѣ, я почитаю излишнимъ всякія личности. Съ гордостію повторяю: мы, Русскіе, обстроить, отопить, завалить своими лѣсами, своими водами, своимъ хлѣбомъ всю Европу можемъ! и проч. Вотъ что я могъ! Ergo, мотай себѣ на усъ, и пр.".

Авторъ заключаетъ свою сатиру слѣдующими словами: „Черезъ десять лѣтъ юноша, полный жизни и новыхъ силъ, сталъ разбирать архивъ и нашелъ протоколъ сего чрезвычайнаго засѣданія. Онъ прочелъ его, улыбнулся тою самодовольною улыбкой, какой умное потомство чтитъ бредни предковъ".

Достойно примѣчанія, что книжечка эта была отпечатана въ Университетской типографіи съ позволенія *ординарнаго*

*) Въ предисловіи къ сочиненію Венелина *о Болгарахъ*.

профессора, цензора, коллежскаго совѣтника и кавалера Ивана Снегирева, въ уста котораго вложена авторомъ ея слѣдующая рѣчь: „Велій предметъ—о царѣ Горохѣ! Но *матушка мадамъ Публика* не довольствуется одними восклицаніями, яко зѣло простымъ веществословіемъ. Мнѣ помнится одинъ анекдотъ, сохранившійся въ архивѣ рѣдкостей моей свекрови, получившей оный въ наслѣдство отъ бабушки своего прадѣда. Наполеонъ во время пребыванія своего въ Москвѣ осматривалъ историческія достопамятности, и смотря на одну древнюю башню, спросилъ съ нимъ бывшаго маршала: Когда она построена? Сей, не бѣ мужъ зѣло хитръ въ наукословіи, отнесся съ вопросомъ къ бывшему при Наполеонѣ Русскому солдату, который и отвѣчалъ: а кто ё знаетъ! Чай при царѣ Горохѣ. Отвѣтъ переведенъ такъ: Mais qui le sait; le thé sous le roi Ghoroh. Не понимаю, сказалъ побѣдитель Европы и раболѣпные клевреты прибѣгнули къ искуснѣйшему транслатору, который переложилъ отвѣтъ Русскаго антикварія: Mais qui le sait; je pense sous le roi dit de pois... Мощный завоеватель, сей новый Александръ, улыбнулся... И если онъ улыбнулся странному переложенію, кольми паче азъ грѣшный... Самъ бью челомъ предъ вашимъ благорожденіемъ, милостивые государи“ [303]).

Надеждинъ очень обидѣлся этою сатирою и по поводу ея напечаталъ слѣдующее: „Авторъ хотѣлъ написать что-то остроумное, хотѣлъ осмѣять ученыхъ, но, какъ видно, по недостатку остроты, сдѣлать этого не сумѣлъ, а потому употребилъ способъ легчайшій: выписалъ по нѣскольку выраженій изъ печатныхъ сочиненій, принадлежащихъ людямъ ученымъ, извѣстнымъ и почтеннымъ, пересыпалъ ихъ разными нелѣпостями своего изобрѣтенія, а можетъ-быть и чужого, примѣшалъ тутъ людей вовсе неученыхъ, всѣмъ знакомыхъ шарлатановъ, даже враговъ учености, даже *матушку мадамъ* и, кажется, весьма почитаетъ себя счастливымъ, составивъ такой равнохарактерный дивертисментъ, который мы откровенно назовемъ... скучнымъ и отвратительнымъ пасквилемъ. Скажемъ, по секрету, сочинителю, что мода на такія выходки прошла, и что

помину про дрянь житейскую, гдѣ нѣтъ мѣста отношеніямъ, шашнямъ службы вашей, вашей опытности, повѣстью коихъ ты наполнилъ свое письмо (и объ которой если и не совсѣмъ не интересно было знать мнѣ, по крайней мѣрѣ вовсе не утѣшительно). Я дѣйствительно виноватъ предъ нѣкоторыми изъ васъ, милые Москвичи мои, не писавши до сихъ поръ къ вамъ; но неужели кто припишетъ это забвенію! Я остался одинъ, *безъ васъ*, потому мнѣ замѣтнѣе недостатокъ васъ, потому я сталъ лучше понимать, цѣнить, любить васъ. Въ Кіевѣ Москва становится виднѣе; лучше своимъ хорошимъ, какого нѣтъ здѣсь; но за то и черныя пятна ея мрачнѣе отсюда, гдѣ ихъ нѣтъ еще для меня, по новости жизни, и я боюсь ихъ, какъ ребенокъ темной комнаты, а на бѣду мою каждый изъ васъ только заговори съ нимъ, тотчасъ какъ чародѣй вызываетъ мнѣ нечистаго духа. И изъ памяти моей, какъ изъ могилы неотразимо возстаютъ рыжій меринъ, гнусный Г..... и чудовищный Левка *); читаю твое письмо - являются измѣнчивый Протей и вся длинная процессія о пансіонерахъ, экзаменахъ вашихъ; обратился бы къ Іустину **) - полезутъ гады академическіе,—къ Аксакову, *Европейцу* ***)—останавливаютъ *Двѣнадцать спящихъ будошниковъ*, Булгаринъ; хотѣлось бы написать къ вашему Ректору, чтобы выразить черезъ него мою признательность Университету; но съ обителью его неразлучно видѣніе мерзкой совы, которая тамъ вила семь лѣтъ гнѣздо свое и пакостила храмъ истинной мудрости и опостылила мнѣ каѳедру Ботаники, для которой принесено мною столько жертвъ самыхъ чистыхъ. Помоги вамъ Богъ сокрушить всю эту чертовщину, мнѣ же дайте обновиться душою въ новой жизни моей,—дайте время мнѣ въ одинокой мысли объ васъ смыть съ васъ язычество христіанскими волнами Днѣпра,—и не пеняйте на меня, если я, среди трудныхъ работъ, на старомъ кладбищѣ, обращенномъ въ новую пашню, обращаюсь къ воз-

*) Цвѣтаевъ.
**) Дядьковскому.
***) И. В. Кирѣевскому.

Утромъ 18 октября 1834 г., Погодинъ отправился къ Министру. „Еще не вставалъ“. Не желая терять времени въ пріемной, онъ поѣхалъ къ ректору Болдыреву и, разсказывая ему, какъ онъ подалъ отставку, и „прослезился“. Отъ него Погодинъ отправился опять къ Министру. Въ пріемной онъ уже засталъ И. И. Давыдова и, въ ожиданіи пріема, разговорился съ нимъ о Несторѣ и лѣтописномъ языкѣ. Погодинъ говорилъ „много и съ жаромъ“, а въ заключеніи сказалъ: „вы тронули меня за слабую струну, я истратилъ всю силу, а мнѣ надо говорить съ Министромъ“. Эти слова „покоробили“ Давыдова. Наконецъ Погодина вызываютъ и между имъ и Министромъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

Погодинъ. Пользовавшись благосклонностью вашего превосходительства, я почелъ долгомъ объяснить предъ вами свой поступокъ: я подалъ просьбу объ отставкѣ.

Уваровъ. Что такое, по какой причинѣ?

Погодинъ. Я приготовилъ длинную рѣчь, потомъ смутился....

Уваровъ. Прошу васъ садитесь, говорите просто.

Погодинъ.. Послѣдняя бумага...

Уваровъ. А, я знаю! Но какъ вы можете принять ее на свой счетъ. Я считалъ васъ всегда лучшимъ украшеніемъ Московскаго Университета.

„Слово за слово“ и Погодинъ объяснилъ Уварову „весь ходъ дѣлъ университетскихъ, всѣ козни мошенниковъ, всѣ препятствія, которыя они поставляютъ людямъ благонамѣреннымъ, не касаясь впрочемъ ничьего лица“. Уваровъ все выслушалъ и спрашивалъ Погодина „очень умно и доброжелательно“. Разговоръ заключился слѣдующимъ:

Уваровъ. Я прошу васъ остаться и пожалъ ему руку. „Возьмите назадъ вашу бумагу“.

Погодинъ. Нѣтъ, пусть она дойдетъ до васъ обыкновеннымъ порядкомъ, а вы отвѣчайте.

Уваровъ. Хорошо, я устрою. Пойдемте-же экзаменовать вашихъ студентовъ.

Въ тотъ-же день, по пріѣздѣ въ Университетъ, въ аудиторіи, Каченовскій наступилъ Погодину на ногу.

Погодинъ. Вы все наступаете мнѣ на ногу!

Каченовскій. Помилуйте, вы уже въ такомъ чинѣ.

Погодинъ. То-то я и не позволяю.

О своей счастливой аудіенціи у Министра Погодинъ не замедлилъ сообщить своимъ друзьямъ Надеждину и Шевыреву. Совѣтуя первому ѣхать къ Министру, Погодинъ замѣчаетъ: „Я нынѣ играю роль". Ѳ. В. Самаринъ принялъ Погодина „съ объятіями" и выразилъ радость, что онъ остается въ Университетѣ; а Шевыревъ „пропѣлъ все" князю Димитрію Владиміровичу Голицыну [305]). Успѣхъ свой Погодинъ приписываетъ „публикѣ, отъ которой Министръ „получилъ коментаріи"; а „публика", писалъ Погодинъ Максимовичу, „нынѣ очень познакомилась съ Университетомъ, ибо многіе отцы днюютъ и ночуютъ въ Университетѣ. Мы начинаемъ надѣяться, что въ Университетѣ наступитъ новая эра" [306]). „Какая торжественная побѣда!" восклицаетъ съ упоеніемъ Погодинъ, и при этомъ завѣщаетъ: *Записать въ будущую біографію.* Но этотъ пылъ восторга нѣсколько охладился посѣщеніемъ Московскаго Попечителя князя С. М. Голицына. „Съ этимъ...", писалъ Погодинъ, „трудно говорить мнѣ. Рѣшился твердить: Публика, Щепкинъ, Ректоръ. И твердилъ, начавъ: „Я въ первый разъ говорю съ вашимъ сіятельствомъ, я не смѣю надѣяться на довѣренность. Онъ повторилъ, что вовсе не думалъ обо мнѣ, просилъ остаться. Павлова считаетъ онъ началомъ зла и грозитъ. Ректора ругаетъ. Я не взялся передать слова его Павлову. Это его поразило бы! Совѣтоваться къ Аксаковымъ".

По настоянію Погодина, посѣтилъ Министра и Надеждинъ, который вернулся отъ него „безъ памяти" и сообщалъ своимъ друзьямъ, что онъ „не ожидалъ столько добра отъ Уварова, столько здраваго смысла и готовности на все благое". По этому поводу, Погодинъ опять восклицаетъ: „*Побѣда совершенная*". Вскорѣ послѣ того, Погодинъ сдѣлалъ вторичное

посѣщеніе Министра. Въ пріемной онъ „отшельмовалъ Фаворскаго и назвалъ, увлекшись, Гаврилова д..... Разговорился съ Бередниковымъ о путешествіи по Россіи. Услышалъ комплиментъ Жихарева". Къ довершенію удовольствія, Министръ не принялъ никого кромѣ его; при этомъ Погодинъ сообщилъ Уварову „слова Попечителя о Павловѣ". Результатомъ этихъ посѣщеній было то, что Ректоръ объявилъ Совѣту желаніе Министра, чтобы Погодинъ остался въ Университетѣ. „Я, пишетъ Погодинъ, „согласился; ибо увидѣлъ, что начальство обо мнѣ хорошаго мнѣнія". Въ то время дѣла университетскія живо интересовали Московское общество, а потому неудивительно, что благоволеніе Уварова къ профессору Погодину было замѣчено, и до Погодина дошелъ отзывъ П. П. Новосильцова, гдѣ-то сказавшаго, что „Сергѣй Семеновичъ балуетъ Погодина". Въ то же время до послѣдняго доходитъ извѣстіе отъ Краузе, что И. И. Давыдовъ „на скверномъ счету у Бенкендорфа" [307]).

Наконецъ Уваровъ посѣщаетъ лекцію Погодина, и по окончаніи ея бесѣдуетъ съ профессоромъ о лучшихъ руководствахъ по его части и между прочимъ отзывался съ большою похвалою объ Исторіи Среднихъ Вѣковъ Демишеля. Этотъ отзывъ Министра Погодинъ на другой же день, т.-е. во *вторникъ*, сообщилъ всѣмъ своимъ первогодичнымъ студентамъ, и предложилъ имъ перевесть всю книгу въ продолженіе слѣдующаго праздничнаго дня. Въ *четвергъ* поутру вся Исторія была готова и переводъ былъ врученъ студентами на лекціи профессору, который тотчасъ представилъ его отъ имени студентовъ Министру, какъ знакъ ихъ усердія и готовности трудиться на новомъ поприщѣ. Министръ принялъ это приношеніе студентовъ съ особенною благосклонностію, въ ту же минуту пошелъ въ ихъ аудиторію, благодарилъ ихъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, перебралъ всѣ тетради, и просилъ Погодина принять на себя трудъ разсмотрѣть переводы, уровнять слогъ и приступить немедленно къ печатанію, означивъ въ предисловіи имена всѣхъ переводчиковъ. Но этимъ не

рева, который затмеваетъ его". Погодинъ былъ также недоволенъ и ректоромъ Болдыревымъ, который занялъ мѣсто Двигубскаго. „Нѣтъ", замѣчаетъ Погодинъ, „не умѣетъ онъ взяться за дѣло".

Много хлопотъ и непріятностей доставлялъ Погодину и Пансіонъ его, находившійся въ зависимости отъ Университета. „Непріятные отзывы Дядьковскаго", записываетъ онъ въ *Дневникѣ*, „о моемъ мнимомъ наслѣдствѣ и невниманіи къ пансіонерамъ, которые выходятъ студентами по пословицѣ: *рука руку моетъ*. Съ чего взялъ такой вздоръ этотъ безумецъ. Онъ меня знаетъ двадцать лѣтъ! Что же скажетъ человѣкъ незнающій и нерасположенный? Въ деревню. Сказываютъ, что Давыдовъ вопилъ противъ меня у Павлова съ ожесточеніемъ: *Это вертепъ у него, чему учатъ у него и пр*. Нѣтъ, въ деревню отъ этихъ мошенниковъ, и воображалъ свои труды тамъ". Наконецъ Комаровскій сообщаетъ Погодину, что профессорамъ запретится имѣть пансіонеровъ. „Въ такомъ случаѣ", пишетъ Погодинъ, „я въ деревню. Можетъ быть это благодѣтельное указаніе судьбы".

Въ Погодинскомъ Архивѣ сохранился листокъ, писанный его рукою и относящійся къ этому времени, въ которомъ заключаются слѣдующія любопытныя свѣдѣнія объ его Пансіонѣ: „Подъ руководствомъ профессора Погодина", читаемъ тамъ, „молодые люди приготовляются къ экзамену въ студенты. Они обучаются тѣмъ предметамъ, кои требуются университетомъ, т.-е. Закону Божію, языкамъ: Русскому, Греческому, Латинскому, Нѣмецкому, Французскому, Исторіи, Географіи, Математикѣ и Физикѣ. Сіи предметы преподаются или въ одно время, или послѣдовательно, кромѣ языковъ, занятіе коими продолжается. Присмотра безпрерывнаго, какой наблюдается въ пансіонахъ, Профессоръ на себя не беретъ; и потому подъ руководствомъ его могутъ успѣть только надежные молодые люди, прилежные и скромные; прочіе будутъ тратить только время понапрасну. Дѣтей малолѣтнихъ моложе пятнадцати лѣтъ онъ не принимаетъ. Ни въ какія сношенія съ родителями не входитъ,

Преподавая Всеобщую Исторію, Погодинъ на своихъ лекціяхъ сообщалъ краткія извѣстія о вновь выходящихъ историческихъ книгахъ въ Европѣ. Рецензіи на оныя и отрывки изъ оныхъ переводились подъ его руководствомъ студентами и эти переводы печатались въ *Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета* и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Студентъ Сергѣй Строевъ перевелъ рецензію Ламенне на книгу Іосифа Миколи *Исторія древнихъ Итальянскихъ народовъ*. Студентъ Ефремовъ—знакомитъ съ содержаніемъ Путешествія Кузинери по Македоніи. Студентъ Николай Станкевичъ перевелъ изъ *Геттингенскихъ Вѣдомостей* рецензіи на сочиненіе Гельвинга: *Исторія Ахейскаго союза* и Шорна *Исторія Греціи со времени основанія Этольскаго* и *Ахейскаго союза до разоренія Коринѳа*. Студентъ Лавдовскій перевелъ съ Латинскаго *Эймундову Сагу* и изданное Севастьяномъ Чіампи *Повѣствованія о Московскихъ происшествіяхъ по кончинѣ царя Алексѣя Михаиловича*. Студентъ Иванъ Савиничь перевелъ изъ *Геттингенскихъ Вѣдомостей* рецензію Лембке на *Исторію Славянскихъ Законодательствъ* Мацѣевскаго. При этомъ Погодинъ сообщаетъ, что Савиничь перевелъ все сочиненіе Мацѣевскаго [309]).

Печатаніемъ этихъ студенческихъ переводовъ и ограничилось участіе Погодина въ *Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Московскаго Университета*, которыя по части Русской Исторіи, какъ мы уже замѣтили и сейчасъ увидимъ, сдѣлались органомъ главы Скептической школы М. Т. Каченовскаго и его учениковъ.

XXXIV.

Противъ Древней Русской Исторіи, ея достовѣрности, и ея источниковъ, появлялось въ продолженіе пяти лѣтъ (1830 – 1835) нѣсколько статей, удостоенныхъ почетнаго титула *Скептической школы*. Въ это время, по свидѣтельству Погодина, „всѣ студенты писали свои разсужденія въ ея духѣ, награждались

медалями и получали почетное мѣсто въ *Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета*. Журналисты назвали школу *Скептическою* и провозгласили ея побѣду. Ученые восклицали, что мы „стоимъ на прагѣ преобразованій въ Русской Исторіи“ а пріятели Погодина, встрѣчаясь съ нимъ уже „улыбались сострадательно“.

Родоначальникомъ этой школы былъ М. Т. Каченовскій. По замѣчанію Бѣлинскаго, „Каченовскій, возстановившій противъ себя Пушкинское поколѣніе, какъ литературный дѣятель и судія, въ слѣдующемъ поколѣніи нашелъ себѣ ревностныхъ послѣдователей и защитниковъ, какъ ученый, какъ изслѣдователь Отечественной Исторіи. Теперь“, продолжаетъ Бѣлинскій, „у насъ двѣ историческія школы: *Шлецера* и *Каченовскаго*. Одна упирается на давности, привычкѣ, уваженіи къ авторитету ея основателя; другая, сколько я понимаю,—на здравомъ смыслѣ и глубокой учености. Мнѣ кажется очень естественнымъ, что *настоящее поколѣніе, чуждое воспоминаній старины и предубѣжденій авторитетовъ*, горячо приняло историческія мнѣнія Каченовскаго“ [310]). Дѣйствительно, Каченовскій умѣлъ пріобрѣсти себѣ любовь и уваженіе студентовъ. К. С. Аксаковъ свидѣтельствуетъ: „Въ наше время любили, и цѣнили, и боялись притомъ, чуть ли не больше всѣхъ, — Каченовскаго. Молодость охотно вѣритъ, но и сомнѣвается охотно, охотно любитъ новое, самобытное мнѣніе,—и историческій скептицизмъ Каченовскаго нашелъ сильное сочувствіе во всѣхъ насъ. Строевъ (братъ Археографа), Бодянскій съ жаромъ развивали его мысли. Станкевичъ также думалъ. Я тоже былъ увлеченъ. Только впослѣдствіи увидалъ я всю несостоятельность нашего историческаго скептицизма. Я помню какъ высоко ставилъ Каченовскій Москву, съ какой улыбкой удовольствія говорилъ онъ о ней, утверждая, что съ нея начинается Русская Исторія. Его отзывы о Москвѣ были новою причиною моего къ нему сочувствія. Каченовскій былъ въ то же время очень забавенъ въ своихъ пріемахъ, и студенты самымъ дружескимъ и нѣжнымъ образомъ надъ нимъ под-

смѣивались. Не смотря на свою строгость, Каченовскій однакоже хорошо обращался съ студентами" [311]). *Ученыя Записки*, какъ мы уже сказали, по Русской Исторіи сдѣлались органомъ Каченовскаго и его учениковъ. Первую же книгу этаго изданія Каченовскій открылъ своею статьею *О баснословномъ времени въ Россійской Исторіи*, въ которой онъ вооружился противъ *преданія* въ Исторіи.

„Преданія", писалъ онъ, — „и самый древній, и самый недостовѣрный источникъ Исторіи. Народы любятъ освящать свое младенчество сверхъестественными происшествіями, божественными посредничествами, или даже одними лишь воспоминаніями о доблести и славѣ предковъ, которыми какъ бы возвеличивается судьба отечества. Притомъ же у младенчествующихъ народовъ преданія почти всегда облекаются въ поэтическія формы: поэзія — едва-ли не первое искусство народа. Индія не имѣетъ никакой Исторіи, кромѣ поэмъ. Греція поставляетъ Гомера главою своихъ историковъ. Германцы во время Тацита воспѣвали еще Арминія. Барды Гальскіе— довольно извѣстны. Такимъ же образомъ и пѣсни Сѣвера передавались потомству въ поэзіи скальдовъ.

Нужно ли въ наше время говорить о томъ, сколь недостовѣрна Исторія, основанная на подобныхъ преданіяхъ поэтическихъ?" Приступая за тѣмъ къ вопросу: имѣетъ ли Русская Исторія *баснословный періодъ*, или всѣ происшествія, сообщаемыя нашими лѣтописями и иностранными писателями *истинны* и *достовѣрны?* Каченовскій свое разсужденіе дѣлитъ на двѣ части и въ первой—онъ разсматриваетъ *Отечественные источники древнѣйшей Русской Исторіи* и по разсмотрѣніи заключаетъ: „Мы должны признаться, что въ Лѣтописяхъ нашихъ много баснословнаго; должны хотя съ прискорбіемъ согласиться, что *Древняя Исторія наша недостовѣрна*". Во второй части своего разсужденія Каченовскій разсматриваетъ вопросъ о *внѣшнихъ современныхъ извѣстіяхъ*, которыя должно искать I) у Византійцевъ, II) у Восточныхъ и III) у Западныхъ писателей. Разсмотрѣвъ извѣстія сообщаемыя этими писа-

слога *изъ*, а въ прочихъ есть, то, по моему грѣшному понятію, въ Ипатьевскомъ должно поставить слогъ *изъ*. Такъ и съ царемъ Горохомъ.

Лѣтописи среднихъ вѣковъ наполнены сказаніемъ о попѣ—царѣ Иванѣ. Я заключаю: лѣтописи *должны* быть наполнены о царѣ Горохѣ. Нигдѣ нельзя узнать опредѣленно: когда и гдѣ царствовалъ попъ Иванъ? Иные думаютъ въ Коби, иные въ Сагарѣ - точно тоже должно полагать и о царѣ Горохѣ. И такъ вотъ мое положеніе: попъ Иванъ царствовалъ, къ чему выдумали бы лѣтописцы? Слѣдовательно и царь Горохъ царствовалъ.

Мы множество фактовъ, доказательствъ, примѣровъ имѣемъ: доказать оными, изъяснить темныя мѣста, развить предметъ о царѣ Горохѣ можемъ безъ оскорбленія, и проч.

Признаюсь, мнѣ прискорбно слушать, что я такую-то книгу дурно неревелъ, скомпилировалъ, издалъ. Двѣнадцать лѣтъ я безвозмездно тружусь, аки кащей... Иногда я плачу: такъ тяжка неблагонамѣренная обида! Кто помнитъ память изыскателей? Не я ли публикую, что такой-то померъ; что правнукъ такого-то человѣка у меня воспитывается; не я ли получаю благодарности во всѣхъ, или во многихъ, предисловіяхъ подъ именемъ NN?.. *) Да мнѣ это, какъ къ стѣнѣ горохъ! Говоря о царѣ Горохѣ, я почитаю излишнимъ всякія личности. Съ гордостію повторяю: мы, Русскіе, обстроить, отопить, завалить своими лѣсами, своими водами, своимъ хлѣбомъ всю Европу можемъ! и проч. Вотъ что я могъ! Ergo, мотай себѣ на усъ, и пр.".

Авторъ заключаетъ свою сатиру слѣдующими словами: „Черезъ десять лѣтъ юноша, полный жизни и новыхъ силъ, сталъ разбирать архивъ и нашелъ протоколъ сего чрезвычайнаго засѣданія. Онъ прочелъ его, улыбнулся тою самодовольною улыбкой, какой умное потомство чтитъ бредни предковъ".

Достойно примѣчанія, что книжечка эта была отпечатана въ Университетской типографіи съ позволенія *ординарнаго*

*) Въ предисловіи къ сочиненію Венелина *о Болгарахъ*.

профессора, цензора, коллежскаго совѣтника и кавалера Ивана Снегирева, въ уста котораго вложена авторомъ ея слѣдующая рѣчь: „Велій предметъ — о царѣ Горохѣ! Но *матушка мадамъ Публика* не довольствуется одними восклицаніями, яко зѣло простымъ веществословіемъ. Мнѣ помнится одинъ анекдотъ, сохранившійся въ архивѣ рѣдкостей моей свекрови, получившей оный въ наслѣдство отъ бабушки своего прадѣда. Наполеонъ во время пребыванія своего въ Москвѣ осматривалъ историческія достопамятности, и смотря на одну древнюю башню, спросилъ съ нимъ бывшаго маршала: Когда она построена? Сей, не бѣ мужъ зѣло хитръ въ наукословіи, отнесся съ вопросомъ къ бывшему при Наполеонѣ Русскому солдату, который и отвѣчалъ: а кто ё знаетъ! Чай при царѣ Горохѣ. Отвѣтъ переведенъ такъ: Mais qui le sait; le thé sous le roi Ghoroh. Не понимаю, сказалъ побѣдитель Европы и раболѣпные клевреты прибѣгнули къ искуснѣйшему транслатору, который переложилъ отвѣтъ Русскаго антикварія: Mais qui le sait; je pense sous le roi dit de pois... Мощный завоеватель, сей новый Александръ, улыбнулся... И если онъ улыбнулся странному переложенію, кольми паче азъ грѣшный... Самъ бью челомъ предъ вашимъ благорожденіемъ, милостивые государи“ [303]).

Надеждинъ очень обидѣлся этою сатирою и по поводу ея напечаталъ слѣдующее: „Авторъ хотѣлъ написать что-то остроумное, хотѣлъ осмѣять ученыхъ, но, какъ видно, по недостатку остроты, сдѣлать этого не сумѣлъ, а потому употребилъ способъ легчайшій: выписалъ по нѣскольку выраженій изъ печатныхъ сочиненій, принадлежащихъ людямъ ученымъ, извѣстнымъ и почтеннымъ, пересыпалъ ихъ разными нелѣпостями своего изобрѣтенія, а можетъ-быть и чужого, примѣшалъ тутъ людей вовсе неученыхъ, всѣмъ знакомыхъ шарлатановъ, даже враговъ учености, даже *матушку мадамъ* и, кажется, весьма почитаетъ себя счастливымъ, составивъ такой равнохарактерный дивертисментъ, который мы откровенно назовемъ... скучнымъ и отвратительнымъ пасквилемъ. Скажемъ, по секрету, сочинителю, что мода на такія выходки прошла, и что

Студентъ Николай Сазоновъ—*Объ историческихъ трудахъ и заслугахъ Миллера.* По мнѣнію автора, у Миллера не было критическихъ способностей: такъ онъ безъ возраженія довѣрился Лѣтописи Нестора.

Студентъ Иванъ Бѣликовъ напечаталъ *Нѣкоторыя изслѣдованія о Словѣ о полку Игоревѣ* [312]).

Познакомившись съ этими студенческими сочиненіями юныхъ скептиковъ, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Читалъ съ досадою выходки молодыхъ глупцовъ объ Исторіи. Я начинаю и начну преобразованія въ Русской Исторіи, а они говорятъ о Каченовскомъ, который долбитъ имъ только безъ всякаго основанія: *не вѣрьте.* Досада".

Такимъ образомъ, противъ ученія проповѣдуемаго скептиками выступилъ Погодинъ, этотъ, по выраженію Максимовича, „новый паломникъ Несторовой Лѣтописи, защитникъ ея подлинности отъ строптивыхъ отрицаній невѣрующей критики". Скептикамъ онъ бросилъ перчатку своею статьею: *О достовѣрности Древней Русской Исторіи,* которую начинаетъ такъ: „Говорятъ у насъ нѣтъ достовѣрной Исторіи IX, X, XI вѣковъ, потому что нѣтъ офиціальныхъ документовъ и современныхъ лѣтописей: Лѣтопись Несторова подложная, другихъ свидѣтельствъ мало, – слѣдовательно у насъ нѣтъ достовѣрной Исторіи тѣхъ вѣковъ". Это ученіе нашихъ скептиковъ Погодинъ раздѣляетъ на „составные вопросы":

1) Какъ древня наша Исторія, и на чемъ она основывается?

2) Можно ли вѣрить нашимъ Лѣтописямъ о IX, X и XI вѣкахъ?

3) Когда положено имъ основаніе?

4) Писалъ ли Несторъ?

5) Что онъ писалъ? [313]).

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ и составило предметъ знаменитой полемики Погодина со скептиками. Полемика эта привела Погодина къ слѣдующимъ результатамъ: „Древняя Русская Исторія достовѣрна; начало Русскихъ лѣтописей достовѣрно; Русскія лѣтописи начинаются съ XI столѣтія;

Утромъ 18 октября 1834 г., Погодинъ отправился къ Министру. „Еще не вставалъ". Не желая терять времени въ пріемной, онъ поѣхалъ къ ректору Болдыреву и, разсказывая ему, какъ онъ подалъ отставку, и „прослезился". Отъ него Погодинъ отправился опять къ Министру. Въ пріемной онъ уже засталъ И. И. Давыдова и, въ ожиданіи пріема, разговорился съ нимъ о Несторѣ и лѣтописномъ языкѣ. Погодинъ говорилъ „много и съ жаромъ", а въ заключеніи сказалъ: „вы тронули меня за слабую струну, я истратилъ всю силу, а мнѣ надо говорить съ Министромъ". Эти слова „покоробили" Давыдова. Наконецъ Погодина вызываютъ и между имъ и Министромъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

Погодинъ. Пользовавшись благосклонностью вашего превосходительства, я почелъ долгомъ объяснить предъ вами свой поступокъ: я подалъ просьбу объ отставкѣ.

Уваровъ. Что такое, по какой причинѣ?

Погодинъ. Я приготовилъ длинную рѣчь, потомъ смутился....

Уваровъ. Прошу васъ садитесь, говорите просто.

Погодинъ.. Послѣдняя бумага...

Уваровъ. А, я знаю! Но какъ вы можете принять ее на свой счетъ. Я считалъ васъ всегда лучшимъ украшеніемъ Московскаго Университета.

„Слово за слово" и Погодинъ объяснилъ Уварову „весь ходъ дѣлъ университетскихъ, всѣ козни мошенниковъ, всѣ препятствія, которыя они поставляютъ людямъ благонамѣреннымъ, не касаясь впрочемъ ничьего лица". Уваровъ все выслушалъ и спрашивалъ Погодина „очень умно и доброжелательно". Разговоръ заключился слѣдующимъ:

Уваровъ. Я прошу васъ остаться и пожалъ ему руку. „Возьмите назадъ вашу бумагу".

Погодинъ. Нѣтъ, пусть она дойдетъ до васъ обыкновеннымъ порядкомъ, а вы отвѣчайте.

Уваровъ. Хорошо, я устрою. Пойдемте-же экзаменовать вашихъ студентовъ.

Когда же самъ Каченовскій прочиталъ статью Погодина, то сказалъ ему съ усмѣшкою: *„вы все вооружаетесь за истину“*. Въ отвѣтъ на это Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Ахъ....!“

Противъ Погодина выступилъ одинъ изъ любимыхъ учениковъ Каченовскаго, Сергѣй Михайловичъ Строевъ, братъ Археографа и подъ псевдонимомъ Сергѣя Скромненко напечаталъ цѣлую книжку: *О недостовѣрности древней Русской Исторіи, и ложности мнѣнія касательно древности Русской Лѣтописи* (Спб. 1834). Познакомившись съ этой книжкой, Погодинъ сдѣлалъ о ней довольно безпристрастную замѣтку въ своемъ *Дневникѣ*: „Прочелъ Строева. Показываетъ дарованіе, но какъ подло“ [316]). Но этого снисходительнаго отзыва, не раздѣлялъ товарищъ С. М. Строева, Н. В. Станкевичъ, который писалъ Невѣрову: „Строевъ наконецъ развилъ свои способности въ Петербургѣ... Выходки его противъ Погодина неблагородны. Прекрасно вывести на чистую воду ошибки ученаго; но что ты скажешь объ этомъ: ему стали замѣчать его ошибки, и онъ отвѣчаетъ, что это *ловушки*... Какъ благородно! Если онъ сдѣлалъ ошибки безъ намѣренія и не хочетъ сознаться въ нихъ,—это безсовѣстно; если онъ въ самомъ дѣлѣ затѣялъ ловушку, — какая уловка! И этотъ человѣкъ говоритъ, что критики Бѣлинскаго пахнутъ кабакомъ! Я не одобряю слишкомъ полемическаго тона у Бѣлинскаго; но это душа добрая, энергическая, умъ свѣтлый, за которымъ ему не угоняться. Но Богъ съ ними, съ этими полемиками!“ [317]).

Не менѣе Погодина негодовалъ на скептиковъ и Гоголь. „Я готовъ“, писалъ онъ, „плюнуть въ башку глупому вашему Каченовскому за этакія проказы“ [318]).

Къ скептической школѣ Каченовскаго примкнулъ и археографъ нашъ П. М. Строевъ. По окончаніи Археографической Экспедиціи, онъ напечаталъ *Хронологическое указаніе матеріаловъ Отечественной Исторіи, Литературы и Правовѣдѣнія, до начала XVIII столѣтія*, въ которомъ, по замѣчанію Погодина, „онъ приставилъ свои знаки вопроса къ

вопросамъ Каченовскаго"; а въ своемъ *Отчетъ за Археографическую Экспедицію*, говоря объ отдѣлѣ *Писанія* (лѣтописи, повѣсти и сказанія, посланія владыкъ, переписка разныхъ лицъ, слова и отрывки разнаго рода и пр.), Строевъ заявилъ: „Исторической критикѣ здѣсь хлопоты и весьма важныя: утвердить степень *достовѣрности* каждаго, иначе невозможно употребить ихъ въ дѣло... Да и что обслѣдовано, доказано, утверждено на основаніи твердомъ? Рукописная литература Славянорусская—*море великое*: въ глубь никто не пускался". За тѣмъ Строевъ представляетъ необходимость „собрать воедино письменные памятники быта, дѣлъ и литературы нашихъ предковъ, разбросанные по пространству имперіи", и образовать въ Петербургѣ или Москвѣ *Государственное хранилище*. „Тогда", пишетъ онъ, „опытные археологи, соединеннымъ трудомъ и усиліями, возмогутъ издать полное собраніе *источниковъ и пособій Отечественной Исторіи*. Горнило критики искуситъ ихъ и очиститъ. Наконецъ да явится прагматизмъ, коего съ такимъ нетерпѣніемъ жаждутъ просвѣщенные соотечественники! Заключу словами моего учителя (т.-е. Коченовскаго): „Мы стоимъ на прагѣ неожиданныхъ перемѣнъ въ понятіяхъ нашихъ о ходѣ происшествій на Сѣверѣ въ минувшіе вѣка. Наступитъ время, когда мы будемъ удивляться тому, что съ упорствомъ и такъ долго оставались во мглѣ предубѣжденій, почти невѣроятныхъ" [319]).

Это поколебало дружескія отношенія, какія доселѣ существовали между Строевымъ и Погодинымъ.

XXXV.

Въ то время, когда Погодинъ объявилъ войну скептикамъ, въ Петербургѣ съ великимъ шумомъ и громомъ основалась *Библіотека для чтенія*. Явленіе ея было предварено еще въ концѣ 1833 года. „Всѣ ожидаютъ", писалъ князь П. А. Вяземскій И. И. Дмитріеву, „пришествія новаго журнала Смирдина .... На перспективѣ, въ окнахъ книжной лавки Смир-

дина, объявленіе о немъ колетъ глаза всѣмъ прохожимъ полуаршинными буквами. Хороша программа новаго журнала! Самое заглавіе—нелѣпость. *Библіотека для чтенія!* Да для чего же и можетъ служить библіотека? Московскій Нащокинъ говоритъ: „послѣ того можно сказать карета для ѣзды“. Что за глупость: *рѣзкость сужденій*, къ коимъ прибѣгали журналисты, какъ *къ самому крайнему средству*. Не въ рѣзкости сужденій бѣда, а въ неприличности, въ пристрастіи, въ наглости, въ невѣжествѣ, въ плоскости, въ подлости оныхъ. Рѣзкое сужденіе, но добросовѣстное и на благонамѣренномъ понятіи основанное, не пятно журналу, а напротивъ заманка и подстреканіе для читателя. Тупыя, пошлыя, безцвѣтныя сужденія—вотъ что моритъ читателя и журналъ. *По важности содержанія и благородному тону* не будетъ уступать лучшимъ иностраннымъ журналамъ сего рода! Точно харчевникъ, который открывая харчевню свою, увѣряетъ почтеннѣйшую публику, что она не уступитъ лучшимъ рестораціямъ. Что значитъ журналъ, который заранѣе объявляетъ, что не будетъ входить въ споры ни съ какими журналами и не отвѣчать ни на какія критики! Да стало быть онъ не журналъ! Журналъ—дѣйствующее лицо; онъ долженъ быть на площади, въ толпѣ, въ тѣснотѣ народной, отвѣчать на-право и на-лѣво, задирать разговоры, пренія, быть всегда на ногахъ, въ движеніи, до поту лица своего. А что за журналъ, то-есть трибунъ литературный, который объявляетъ: „не говорите со мною, потому что я никому отвѣчать не буду“. Такъ спать ложись и валяйся на печи, а на площадь не суйся. Дѣло не связываться съ негодяями, не драться на кулачки; но сказать, что не отвѣчаешь ни на какія критики,—глупо и неловко, потому что солжешь: будешь отвѣчать, покрѣпишься, покрѣпишься да и сорвешься [320])“. Первая идея сего журнала, его планъ и воплощеніе сего плана принадлежали знаменитому профессору-оріенталисту Осипу Ивановичу Сенковскому, получившему въ свое время громкую извѣстность въ массахъ, подъ псевдонимомъ Барона Брамбеуса. Этотъ человѣкъ, по свидѣтельству

Преподавая Всеобщую Исторію, Погодинъ на своихъ лекціяхъ сообщалъ краткія извѣстія о вновь выходящихъ историческихъ книгахъ въ Европѣ. Рецензіи на оныя и отрывки изъ оныхъ переводились подъ его руководствомъ студентами и эти переводы печатались въ *Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета* и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Студентъ Сергѣй Строевъ перевелъ рецензію Ламенне на книгу Іосифа Миколи *Исторія древнихъ Итальянскихъ народовъ*. Студентъ Ефремовъ—знакомитъ съ содержаніемъ Путешествія Кузинери по Македоніи. Студентъ Николай Станкевичъ перевелъ изъ *Геттингенскихъ Вѣдомостей* рецензіи на сочиненіе Гельвинга: *Исторія Ахейскаго союза* и Шорна *Исторія Греціи со времени основанія Этольскаго* и *Ахейскаго союза до разоренія Коринѳа*. Студентъ Лавдовскій перевелъ съ Латинскаго *Эймундову Сагу* и изданное Севастьяномъ Чіампи *Повѣствованія о Московскихъ происшествіяхъ по кончинѣ царя Алексѣя Михаиловича*. Студентъ Иванъ Савиничь перевелъ изъ *Геттингенскихъ Вѣдомостей* рецензію Лембке на *Исторію Славянскихъ Законодательствъ* Мацѣевскаго. При этомъ Погодинъ сообщаетъ, что Савиничь перевелъ все сочиненіе Мацѣевскаго [309]).

Печатаніемъ этихъ студенческихъ переводовъ и ограничилось участіе Погодина въ *Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Московскаго Университета*, которыя по части Русской Исторіи, какъ мы уже замѣтили и сейчасъ увидимъ, сдѣлались органомъ главы Скептической школы М. Т. Каченовскаго и его учениковъ.

XXXIV.

Противъ Древней Русской Исторіи, ея достовѣрности, и ея источниковъ, появлялось въ продолженіе пяти лѣтъ (1830 – 1835) нѣсколько статей, удостоенныхъ почетнаго титула *Скептической школы*. Въ это время, по свидѣтельству Погодина, „всѣ студенты писали свои разсужденія въ ея духѣ, награждались

исчезло и это было замѣчено [322]). Едва было не исчезло и другое имя изъ этого списка. Возмущенный отзывомъ *Библіотеки для чтенія* о *Самозванцѣ* Хомякова, отецъ автора потребовалъ отъ Смирдина, чтобы онъ исключилъ его сына изъ числа сотрудниковъ этого журнала; но за свои права вступился самъ А. С. Хомяковъ и писалъ А. В. Веневитинову: „Сходи къ Смирдину, мимо котораго вѣрно ты проходишь раза два въ день между 2 и 4 часами, когда вамъ Богъ дастъ солнышко, и скажи слѣдующее: Что бы ему не писали обо мнѣ, онъ не долженъ вѣрить. Отказываться отъ сотрудничества для *Библіотеки* я не думаю, ибо никакой не имѣю причины отказываться, и если мнѣ удастся что-нибудь написать, то я къ нему пошлю, а его уже дѣло будетъ печатать или нѣтъ. Пожалуй, передай это ему; а для тебя объясненіе. Прочитавъ критику на моего *Самозванца*, батюшка, въ деревнѣ, такъ разсердился, онъ боленъ, слѣдственно это извинительно, хотя смѣшненько, что написалъ къ Смирдину безъ моего вѣдома, что я и не хочу и не могу болѣе быть участникомъ въ журналѣ. Ты, зная меня, легко повѣришь, что я про это ничего не зналъ и какъ мнѣ досадно было узнать про это письмо. Исполни же мое порученіе: этимъ выведешь меня изъ ложнаго и смѣшнаго положенія, и увѣдомь о полученіи этихъ строкъ" [323]).

На первыхъ порахъ Погодинъ былъ довольно ревностнымъ сотрудникомъ *Библіотеки для чтенія*. Отсюда онъ началъ войну свою съ скептиками и даже старался привлечь Гульянова къ участію въ этомъ журналѣ. „Вы говорите мнѣ", писалъ онъ Погодину, „что Смирдинъ даетъ по двѣсти и по триста рублей за листъ сотрудникамъ *Библіотеки*. Жаль что я не литераторъ! Мнѣ сулили всего пятьдесятъ рублей за листъ, но кто читаетъ мою тарабарщину". Гоголь же, подъ псевдонимомъ *Рудый Панько*, хотя и значился въ числѣ сотрудниковъ *Библіотеки для чтенія*, но на первыхъ порахъ сталъ во враждебныя отношенія къ этому журналу. „Щастливъ ты золотой кузнечикъ", писалъ онъ Погодину, „что сидишь въ новоустроенномъ своемъ домѣ, безъ сомнѣнія холодномъ; но у кого

на душѣ тепло, тому не холодно снаружи. Рука твоя летитъ по бумагѣ; фельдмаршалъ твой бодрствуетъ надъ ней; подъ ногами у тебя валяется толстой дуракъ, то 1-й № Смирдинской *Библіотеки*... Кстати о *Библіотекѣ*. Это довольно смѣшная исторія. Сенковскій очень похожъ на стараго пьяницу и забулдыжника, котораго долго не рѣшался пускать въ кабакъ даже самъ цѣловальникъ, но который однако ворвался и бьетъ очертя голову съ пьяна сулеи, штофы и весь благородный препаратъ. Сословіе, стоящее выше Брамбеусины, негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки; сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ. Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣху. Офицеры читаютъ и говорятъ: „с..... с..., какъ хорошо пишетъ!" Помѣщики покупаютъ и подписываются и вѣрно будутъ читать. Одни мы, грѣшные, откладываемъ на запасъ для домашняго хозяйства. Смирдина капиталъ ростетъ. Но это еще все ничего; а вотъ что хорошо. Сенковскій уполномочилъ самъ себя властью рѣшить, вязать: мараетъ, передѣлываетъ, отрѣзываетъ концы и пришиваетъ другіе къ поступающимъ пьесамъ; натурально, что если всѣ такъ будутъ кротки какъ почтеннѣйшій Ѳадей Венедиктовичъ, котораго лицо очень похоже на Лорда Байрона, какъ изъяснялся не шутя одинъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка офицеръ, который объявилъ, что онъ всегда за большую честь для себя почтетъ, если его статьи будутъ исправлены такимъ высокимъ корректоромъ, котораго фантастическія путешествія даже лучше его собственныхъ. Но сомнительно, чтобы всѣ были такъ робки, какъ этотъ почтенный государственный мужъ. Но вотъ что плохо, что мы всѣ въ дуракахъ! Въ этомъ и спохватились наши тузы литературные, да поздно. Почтенные редакторы зазвонили нашими именами, набрали подписчиковъ, заставили народъ разинуть ротъ, на нашихъ же спинахъ и разъѣзжаютъ теперь. Они поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая *Пчела*! И вотъ литература наша безъ голоса! А между тѣмъ наѣздники эти дѣйствуютъ на всю Русь. Вѣдь въ столицѣ нашей

Студентъ Николай Сазоновъ—*Объ историческихъ трудахъ и заслугахъ Миллера.* По мнѣнію автора, у Миллера не было критическихъ способностей: такъ онъ безъ возраженія довѣрился Лѣтописи Нестора.

Студентъ Иванъ Бѣликовъ напечаталъ *Нѣкоторыя изслѣдованія о Словѣ о полку Игоревѣ*[312]).

Познакомившись съ этими студенческими сочиненіями юныхъ скептиковъ, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Читалъ съ досадою выходки молодыхъ глупцовъ объ Исторіи. Я начинаю и начну преобразованія въ Русской Исторіи, а они говорятъ о Каченовскомъ, который долбитъ имъ только безъ всякаго основанія: *не вѣрьте.* Досада".

Такимъ образомъ, противъ ученія проповѣдуемаго скептиками выступилъ Погодинъ, этотъ, по выраженію Максимовича, „новый паломникъ Несторовой Лѣтописи, защитникъ ея подлинности отъ строптивыхъ отрицаній невѣрующей критики". Скептикамъ онъ бросилъ перчатку своею статьею: *О достовѣрности Древней Русской Исторіи*, которую начинаетъ такъ: „Говорятъ у насъ нѣтъ достовѣрной Исторіи IX, X, XI вѣковъ, потому что нѣтъ офиціальныхъ документовъ и современныхъ лѣтописей: Лѣтопись Несторова подложная, другихъ свидѣтельствъ мало, – слѣдовательно у насъ нѣтъ достовѣрной Исторіи тѣхъ вѣковъ". Это ученіе нашихъ скептиковъ Погодинъ раздѣляетъ на „составные вопросы":

1) Какъ древня наша Исторія, и на чемъ она основывается?

2) Можно ли вѣрить нашимъ Лѣтописямъ о IX, X и XI вѣкахъ?

3) Когда положено имъ основаніе?

4) Писалъ ли Несторъ?

5) Что онъ писалъ?[313]).

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ и составило предметъ знаменитой полемики Погодина со скептиками. Полемика эта привела Погодина къ слѣдующимъ результатамъ: „Древняя Русская Исторія достовѣрна; начало Русскихъ лѣтописей достовѣрно; Русскія лѣтописи начинаются съ XI столѣтія;

Нестора должно считать первымъ лѣтописателемъ; лѣтопись его дошла до насъ въ томъ видѣ, какой данъ ей былъ сначала, кромѣ словъ; прежде Нестора непремѣнно были какія-нибудь краткія записки".

До напечатанія статьи, Погодинъ прочелъ ее на лекціи своимъ студентамъ и Каченовскій жаловался на него декану [314]); но Погодинъ получилъ слѣдующее успокоительное письмо отъ Сербиновича: „Я имѣлъ случай говорить о вашей статьѣ съ С. С. Уваровымъ и что онъ желалъ бы, чтобы въ нашемъ министерскомъ журналѣ была помѣщена статья, въ которой былъ бы показанъ весь вредъ безвѣрія въ наши лѣтописи. Можно еще раскрыть мысль Уварова, что потрясеніе нашихъ лѣтописцевъ предосудительно для нашего народнаго чувства. „Къ этому Сербиновичъ прибавляетъ: „Однакожъ въ нашемъ журналѣ нельзя писать прямо ни противъ кого: можно только изложить свое собственное мнѣніе и опровергать чужое, не говоря чье, чтобы не входить въ личную распрю въ семъ журналѣ. Между тѣмъ и безъ того всякъ догадается о комъ дѣло идетъ, а читатели и что еще болѣе насъ интересуетъ наши молодые профессоры и гимназическіе и уѣздные учителя будутъ поставлены на путь правый и цѣль ваша – дать по сей части благое направленіе въ Отечествѣ – будетъ достигнута. У васъ доводы собраны, изложены: дайте только цѣлой статьѣ тонъ важный, безпристрастный, какой приличенъ истинѣ. Она собою сильна. Ей ли горячиться противъ нелѣпостей, когда увѣренная въ побѣдѣ, опирается на твердыя доказательства, которыя чѣмъ проще, тѣмъ глубже проникаютъ въ душу" [315]) Но сочувствіе Уварова въ то время двоилось между Каченовскимъ и Погодинымъ и пожалуй предпочтеніе онъ отдавалъ первому; а потому Надеждинъ, желая угодить Уварову, сталъ на сторону скептиковъ. „Чтобы польстить Уварову", читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина, „Надеждинъ писалъ объ исторической школѣ, основанной Каченовскимъ и глубокой ея учености. Ну, ни подлость ли это!".

Когда же самъ Каченовскій прочиталъ статью Погодина, то сказалъ ему съ усмѣшкою: *„вы все вооружаетесь за истину“*. Въ отвѣтъ на это Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Ахъ....!“

Противъ Погодина выступилъ одинъ изъ любимыхъ учениковъ Каченовскаго, Сергѣй Михайловичъ Строевъ, братъ Археографа и подъ псевдонимомъ Сергѣя Скромненко напечаталъ цѣлую книжку: *О недостовѣрности древней Русской Исторіи, и ложности мнѣнія касательно древности Русской Лѣтописи* (Спб. 1834). Познакомившись съ этой книжкой, Погодинъ сдѣлалъ о ней довольно безпристрастную замѣтку въ своемъ *Дневникѣ*: „Прочелъ Строева. Показываетъ дарованіе, но какъ подло“ [316]). Но этого снисходительнаго отзыва, не раздѣлялъ товарищъ С. М. Строева, Н. В. Станкевичъ, который писалъ Невѣрову: „Строевъ наконецъ развилъ свои способности въ Петербургѣ... Выходки его противъ Погодина неблагородны. Прекрасно вывести на чистую воду ошибки ученаго; но что ты скажешь объ этомъ: ему стали замѣчать его ошибки, и онъ отвѣчаетъ, что это *ловушки*... Какъ благородно! Если онъ сдѣлалъ ошибки безъ намѣренія и не хочетъ сознаться въ нихъ,—это безсовѣстно; если онъ въ самомъ дѣлѣ затѣялъ ловушку, — какая уловка! И этотъ человѣкъ говоритъ, что критики Бѣлинскаго пахнутъ кабакомъ! Я не одобряю слишкомъ полемическаго тона у Бѣлинскаго; но это душа добрая, энергическая, умъ свѣтлый, за которымъ ему не угоняться. Но Богъ съ ними, съ этими полемиками!“ [317]).

Не менѣе Погодина негодовалъ на скептиковъ и Гоголь. „Я готовъ“, писалъ онъ, „плюнуть въ башку глупому вашему Каченовскому за этакія проказы“ [318]).

Къ скептической школѣ Каченовскаго примкнулъ и археографъ нашъ П. М. Строевъ. По окончаніи Археографической Экспедиціи, онъ напечаталъ *Хронологическое указаніе матеріаловъ Отечественной Исторіи, Литературы и Правовѣдѣнія, до начала XVIII столѣтія*, въ которомъ, по замѣчанію Погодина, „онъ приставилъ свои знаки вопроса къ

Шевырева и толковали о журналѣ. Имя ему: *Часовой*. Не прибавить ли *Кремлевскій?*" [332]).

Объ этомъ предпріятіи Погодинъ счелъ долгомъ увѣдомить Максимовича. „Въ Москвѣ", писалъ онъ, „затѣялся журналъ, по мысли князя Д. В. Голицына, который хочетъ чтобы Москва учила вкусу и литературѣ и т. п. Собралось денегъ тысячъ двадцать. Редакторъ Андросовъ. Сотрудники: Гоголь, Кирѣевскій, Хомяковъ, Языковъ, Шевыревъ и т. п." [333]).

Между тѣмъ выработывалась программа и шли переговоры. „Мельгуновъ", писалъ Погодинъ Шевыреву, „у меня. Не лучше ли сдѣлать такъ, чтобы ты повезъ программу къ князю Д. В. Голицыну, и потомъ тотчасъ къ Министру. Или, если хочешь, ты къ Князю, а я къ Министру, но завтра, завтра, завтра". Шевыревъ пишетъ: „Если ты берешься сказать Министру, то главное будетъ сдѣлано. А князю я скажу". Вслѣдъ за симъ Мельгуновъ требуетъ немедленнаго же отвѣта на слѣдующіе пункты: 1) „Посылаю программу Андросова. Просмотри ее и отмѣть, что не нравится; 2) Шевыревъ можетъ говорилъ тебѣ о томъ, что почитаетъ Андросова не весьма надежнымъ. Но безъ него журналу не быть; стало быть, чтобы огородить, надо надъ нимъ установить домашнюю цензуру. Ты болѣе другихъ къ нему близокъ; не возьмешься ли надзирать надъ нимъ? Ты или никто; если же откажешься, то не ручаюсь, чтобы не вздумали запретить журнала за первое неосторожное выраженіе; 3) Надеждинъ предлагаетъ продать свой *Телескопъ* и быть отвѣтственнымъ редакторомъ съ тѣмъ, чтобы читать послѣднюю корректуру. Какъ ты думаешь? Это по моему послѣднее средство; 4) Мало нашихъ именъ въ программѣ, надо поставить имена Кирѣевскихъ, М. Дмитріева и др.; и о прочихъ сказать, что мы надѣемся на постоянное участіе прочихъ литераторовъ, съ которыми еще не успѣли списаться. Быть журналу или не быть? И подавать программу въ такомъ видѣ или нѣтъ? Если *да*, то надо предупредить Кирѣевскихъ, М. А. Дмитріева". Наконецъ Мельгуновъ извѣщаетъ Погодина. „Журналъ будетъ; Шевыревъ и Андросовъ

дина, объявленіе о немъ колетъ глаза всѣмъ прохожимъ полуаршинными буквами. Хороша программа новаго журнала! Самое заглавіе—нелѣпость. *Библіотека для чтенія!* Да для чего же и можетъ служить библіотека? Московскій Нащокинъ говоритъ: „послѣ того можно сказать карета для ѣзды". Что за глупость: *рѣзкость сужденій*, къ коимъ прибѣгали журналисты, какъ *къ самому крайнему средству*. Не въ рѣзкости сужденій бѣда, а въ неприличности, въ пристрастіи, въ наглости, въ невѣжествѣ, въ плоскости, въ подлости оныхъ. Рѣзкое сужденіе, но добросовѣстное и на благонамѣренномъ понятіи основанное, не пятно журналу, а напротивъ заманка и подстреканіе для читателя. Тупыя, пошлыя, безцвѣтныя сужденія—вотъ что моритъ читателя и журналъ. *По важности содержанія и благородному тону* не будетъ уступать лучшимъ иностраннымъ журналамъ сего рода! Точно харчевникъ, который открывая харчевню свою, увѣряетъ почтеннѣйшую публику, что она не уступитъ лучшимъ ресторацiямъ. Что значитъ журналъ, который заранѣе объявляетъ, что не будетъ входить въ споры ни съ какими журналами и не отвѣчать ни на какія критики! Да стало быть онъ не журналъ! Журналъ—дѣйствующее лицо; онъ долженъ быть на площади, въ толпѣ, въ тѣснотѣ народной, отвѣчать на-право и на-лѣво, задирать разговоры, пренія, быть всегда на ногахъ, въ движеніи, до поту лица своего. А что за журналъ, то-есть трибунъ литературный, который объявляетъ: „не говорите со мною, потому что я никому отвѣчать не буду". Такъ спать ложись и валяйся на печи, а на площадь не суйся. Дѣло не связываться съ негодяями, не драться на кулачки; но сказать, что не отвѣчаешь ни на какія критики,—глупо и неловко, потому что солжешь: будешь отвѣчать, покрѣпишься, покрѣпишься да и сорвешься [320])". Первая идея сего журнала, его планъ и воплощеніе сего плана принадлежали знаменитому профессору-оріенталисту Осипу Ивановичу Сенковскому, получившему въ свое время громкую извѣстность въ массахъ, подъ псевдонимомъ Барона Брамбеуса. Этотъ человѣкъ, по свидѣтельству

чемъ, предоставлю краснорѣчію Шевырева и Погодина, которые собираются писать, убѣдить тебя совершенно. Вообрази себѣ, что ты покупаешь молотильню или строишь мельницу, которыя могутъ не удастся, но также могутъ принести и значительный барышъ. Вообрази себѣ еще, что ты ссужаешь насъ пятьюдесятью четвертями ржи. Что это значитъ для богатаго Воронежскаго помѣщика? Dixi" [336]).

Д. Н. Свербеевъ писалъ Погодину: „Я вчера получилъ письмо отъ обоихъ Языковыхъ. Каждый беретъ по акціи; но они плохо надѣются на редактора; къ тому же имъ пишутъ изъ Петербурга, что на журналъ позволенія прежде новаго года не выйдетъ. Здѣшніе акціонеры также опасаются этого замедленія и думаютъ предложить отсрочку до 36 года. Тогда и имя журналу готовое *Комета,* а редакторъ *Шевыревъ?*"

Но дѣло уже было сдѣлано и въ концѣ 1834 года Андросовъ, состоявшій тогда при Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ князѣ Д. В. Голицынѣ, подалъ прошеніе о позволеніи ему съ 1835 года издавать журналъ подъ названіемъ *Московскій Наблюдатель*, коего цѣлію поставляется слѣдить за всѣми достопримѣчательными явленіями какъ въ Россіи, такъ и внѣ Россіи по части наукъ, словесности, искусствъ изящныхъ, промышленности и модъ. Цензурное начальство, принимая въ соображеніе, что въ Москвѣ, гдѣ въ то время существовалъ одинъ, издаваемый Надеждинымъ *Телескопъ*, чувствуется потребность въ повременномъ изданіи, которое могло бы служить нѣкоторымъ противодѣйствіемъ Петербургскимъ журналамъ, находящимся почти въ однихъ рукахъ, т.-е. Греча, Булгарина и Сенковскаго, и сдѣлавшихся чрезъ то какъ бы монополіею немногихъ лицъ, — по этой причинѣ и въ уваженіе „засвидѣтельствованія Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, что Андросовъ сколько по благороднымъ своимъ качествамъ и отличной нравственности, столько же по трудолюбію и познаніямъ совершенно способенъ къ выполненію предпринимаемаго имъ изданія журнала"; а по-

тому цензурное начальство нашло возможнымъ удовлетворить просьбу Андросова, и 9 декабря 1835 года воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на изданіе журнала.

Кромѣ Андросова, въ изданіи *Московскаго Наблюдателя* приняли участіе Баратынскій, Гоголь, М. А. Дмитріевъ, И. В. Кирѣевскій, Мельгуновъ, Князь В. Ѳ. Одоевскій, Н. Ф. Павловъ, Погодинъ, Хомяковъ, Шевыревъ и Языковъ.

Когда Гоголь узналъ о возникновеніи *Московскаго Наблюдателя*, то писалъ Погодину (2 ноября 1834 г.): „Письмо твое я получилъ вчера. Очень радъ, что Московскіе литераторы наконецъ хватились за умъ и охотно готовъ съ своей стороны помогать по силамъ. Только я бы вотъ какой совѣтъ далъ. Журналъ нашъ нужно пустить какъ можно по дешевой цѣнѣ. Лучше на первый годъ отказаться отъ всякихъ вознагражденій за статьи, а пустить его непремѣнно подешевле, этимъ однимъ только можно взять верхъ и сколько-нибудь оттянуть привалъ черни къ глупой *Библіотекѣ*, которая слишкомъ укрѣпила за собою читателей своею толщиною. Еще: какъ можно болѣе разнообразія! Подлиннѣе оглавленіе статей! Количествомъ и массою болѣе всего поражаются люди. Да чтобы смѣху, смѣху, особенно при концѣ, да и вездѣ недурно нашпиговать имъ листки. И главное никакъ не колоть въ бровь, а прямо въ глазъ. Эхъ жаль, что я не могу для перваго листа ничего дать, потому что страшно занятъ и печатаю кое-какія вещи, но какъ только обстрою дѣла свои, то непремѣнно пришлю что-нибудь. Впрочемъ, оно и лучше, что я теперь ничего не даю. Теперь мое имя не слишкомъ видно, но послѣ напечатанія моихъ небольшихъ мараканій все-таки лучше. Но обратимся къ журналу. Какъ ему кличка? Да кто будетъ болѣе всего работать? Кирѣевскій будетъ? Пожалуйста работайте не такъ, какъ вы всегда работаете. Что за лѣнтяи эти Москвичи! Ни дать ни взять какъ наши Малороссіяне. Мнѣ кажется, вамъ жены больше всего мѣшаютъ. Ради Бога не забывайте, что и кромѣ женъ есть еще такія вещи на свѣтѣ, о которыхъ нужно подумать". Шевы-

реву же Гоголь писалъ: „Я васъ люблю почти десять лѣтъ, съ того времени, когда вы стали издавать *Московскій Вѣстникъ*, который я началъ читать, будучи еще въ школѣ, и ваши мысли подымали изъ глубины души моей многое, которое еще донынѣ не совершенно развернулось. Вамъ просьба отъ лица всѣхъ, отъ литературы, литераторовъ и отъ всего, что есть литературнаго. Поддержите *Московскій Наблюдатель*, все будетъ зависѣть отъ успѣха его. Ради Бога уговорите Москвичей работать, грѣхъ, право, грѣхъ имъ всѣмъ. Скажите Кирѣевскому, что его ругнетъ все, что будетъ послѣ насъ, за его бездѣйствіе... Ради Бога поспѣшите первыми книжками. Здѣсь большая часть потому не подписывается, что не увѣрена въ существованіи его, потому что Сенковскій и прочая челядь разглашаетъ, будто бы его совсѣмъ не будетъ и онъ уже запрещенъ... Москвѣ предстоитъ старая обязанность—спасти насъ отъ нашествія иноплеменныхъ языковъ“.

Въ другомъ письмѣ Гоголь поручаетъ Погодину сказать журналистамъ, „чтобы потолще книжки были и побольше было въ нихъ всякой пестроты, а въ веленевой бумагѣ, ей Богу, не знаютъ толку наши читатели“ [337]).

XXXVII.

Въ то время, когда учреждался *Московскій Наблюдатель*, всѣ мысли Гоголя были обращены на каѳедру, съ которой онъ мечталъ проповѣдывать о судьбахъ Вселенной. Но этой возвышенной мечтѣ, этому стремленію, какъ мы увидимъ, не удалось воплотиться и Гоголь вскорѣ испыталъ горькое разочарованіе. Молодой профессоръ и цензоръ А. В. Никитенко, неблаговолившій къ Гоголю, а также и къ Пушкину, писалъ: „Гоголь пишетъ все и обо всемъ, занимается сочиненіемъ Исторіи Малороссіи, сочиняетъ трактаты о живописи, музыкѣ, архитектурѣ, исторіи и т. д. Онъ мѣтитъ прямо въ геніи... Пользуясь особеннымъ покровительствомъ Жуковскаго, онъ захотѣлъ быть профессоромъ. Жуковскій возвысилъ его въ

глазахъ Уварова до того, что тотъ въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ будто изъ Гоголя выйдетъ прекрасный профессоръ Исторіи, хотя въ этомъ отношеніи онъ не представилъ ни одного опыта своихъ знаній и таланта... Узнавъ, что въ Петербургскомъ Университетѣ на каѳедрѣ Исторіи нуженъ преподаватель, Гоголь началъ искать этого мѣста, требуя на этотъ разъ, чтобы его сдѣлали, по крайней мѣрѣ, экстра-ординарнымъ профессоромъ. Признаюсь, и я подумалъ, что человѣкъ, который такъ въ себѣ увѣренъ, не испортитъ дѣло и старался его сблизить съ попечителемъ Петербургскимъ, княземъ Михаиломъ Александровичемъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, даже хлопоталъ, чтобы его сдѣлали экстра-ординарнымъ профессоромъ. Но насъ не послушали и сдѣлали его только адъюнктомъ" [338]).

Стремленіе къ профессорству еще болѣе сблизило Гоголя съ Погодинымъ. Съ новымъ 1834 годомъ Гоголь привѣтствовалъ его слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: „Эге, ге, ге, ге! Уже 1834-го захлебнуло пол-мѣсяца! Да, давненько! Много всякой дряни уплыло на свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ перекинулись жиденькими письмами, а еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ показали другъ другу свои фигуры! Поздравилъ бы тебя съ новымъ годомъ и пожелалъ бы... да не хочу, во-1-хъ, потому что поздно, а во-2-хъ потому что желанія наши гроша не стоятъ... До сихъ поръ мнѣ всѣ писанія не доставили алтына". Увѣдомляя Погодина о своемъ профессорствѣ, Гоголь писалъ: „Я на время рѣшаюсь занять здѣсь каѳедру Исторіи и именно Среднихъ вѣковъ. Весьма недурно, еслибы ты отнялъ у какого-нибудь студента тетрадь записываемыхъ имъ твоихъ лекцій, особенно о Среднихъ вѣкахъ, и прислалъ бы чрезъ Рѣдкина мнѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь въ это время предался историческимъ розысканіямъ. „Я весь теперь", писалъ онъ Погодину, „погруженъ въ Исторію Малороссійскую и Всемірную; и та и другая у меня начинаетъ двигаться, это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ, а безъ того я бы былъ страхъ сердитъ на всѣ эти обстоятельства. Ухъ братъ! сколько

приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! Да какихъ крупныхъ, полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что сдѣлаю кое-что не общее во Всеобщей Исторіи. Малороссійская Исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе впрочемъ и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней слишкомъ уже горитъ, не исторически жгучъ, игривъ; но что за Исторія, если она скучна!"

Слѣдя за ходомъ занятій Погодина, Гоголь писалъ ему: „Охота тебѣ заниматься и возиться около Герена, который далѣе своего Нѣмецкаго носа и своей торговли ничего не видитъ. Чудный человѣкъ. Онъ воображаетъ себѣ, что политика какой-то осязательный предметъ, господинъ во фракѣ и башмакахъ и притомъ совершенно абсолютное существо, являющееся мимо художествъ, мимо наукъ, мимо людей, мимо жизни, мимо нравовъ, мимо отличій вѣковъ, не старѣющее, не молодѣющее, ни умное, ни глупое, чертъ знаетъ что такое. Впрочемъ, если ты займешься Гереномъ съ тѣмъ, чтобы развить и передѣлать его по своему — это другое дѣло. Я тогда радъ и мнѣ нѣтъ дѣла до того, какое названіе носитъ книга. Пять, шесть мыслей новыхъ уже для меня искупаютъ все. Ну, а извѣстное дѣло, куда ты сунешь перо свое, то уже вѣрно тамъ будетъ новая мысль". Въ томъ же письмѣ Гоголь спрашиваетъ Погодина: „Печатаешь ли ты Демишеля, котораго перевели твои студенты? Я самъ замышляю дернуть Исторію Среднихъ Вѣковъ, тѣмъ болѣе, что у меня такія роятся о ней мысли". Но когда Погодинъ сталъ защищать Герена, то Гоголь сдался. „Объ Геренѣ", писалъ онъ, „я говорилъ такъ, въ шутку, между нами; но я его при всемъ томъ гораздо болѣе уважаю, нежели многіе, хотя онъ и не имѣетъ такого глубокаго генія, чтобы стать наряду съ первоклассными мыслителями. И я бы отъ души радъ былъ, еслибы намъ подавали побольше Гереновъ. Изъ нихъ можно таскать обѣими руками. Съ твоими мыслями" писалъ далѣе Гоголь, „я уже давно былъ согласенъ, и если ты думаешь, что я отсѣкаю народы отъ человѣчества, то ты неправъ. Ты не гляди на мои историческіе отрывки, они молоды, они давно писаны; не гляди

также на статью *О Среднихъ вѣкахъ* въ департаментскомъ журналѣ *). Она сказана только такъ, чтобы сказать что-нибудь и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ вижу новое и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобы я старался только возбудить чувство и воображеніе. Клянусь, у меня цѣль высшая. Я, можетъ быть, еще мало опытенъ, я молодъ въ мысляхъ, но я буду когда-нибудь старъ. Отчего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мною раздвигается и природа, и человѣкъ. Знаешь ли ты, что значитъ не встрѣтять сочувствія? Что значитъ не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ Университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И отъ того рѣшительно бросилъ теперь всякую художескую отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю вдаль. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня. Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ. Но въ сторону все это. Ты спрашиваешь, что я печатаю. Печатаю я всякую всячину. Всѣ сочиненія и отрывки, и мысли, которыя меня иногда занимали. Я прошу только тебя глядѣть на нихъ поснисходительнѣе. Въ нихъ много есть молодого. Я радъ, что ты наконецъ принялся печатать, только мнѣ все не вѣрится — ты мастеръ большой надувать. Пришли пожалуйста *Лекціи* **) хоть въ корректурѣ. Мнѣ онѣ очень нужны, тѣмъ болѣе, что на меня взвалили теперь и Древнюю Исторію, отъ которой я прежде было и руками и ногами, а теперь поставленъ въ такія обстоятельства, что долженъ принять поневолѣ, послѣ новаго года. Такая бѣда! А у меня столько теперь дѣлъ, что некогда и подумать о ней".

Въ это время изъ Германіи вернулся Рѣдкинъ, котораго Гоголь рекомендовалъ Погодину: „Рекомендую тебѣ добраго

---

*) Вступительная лекція адъюнктъ-профессора Гоголя.

**) по Герену.

Шевырева и толковали о журналѣ. Имя ему: *Часовой*. Не прибавить ли *Кремлевскій?*" [332]).

Объ этомъ предпріятіи Погодинъ счелъ долгомъ увѣдомить Максимовича. „Въ Москвѣ", писалъ онъ, „затѣялся журналъ, по мысли князя Д. В. Голицына, который хочетъ чтобы Москва учила вкусу и литературѣ и т. п. Собралось денегъ тысячъ двадцать. Редакторъ Андросовъ. Сотрудники: Гоголь, Кирѣевскій, Хомяковъ, Языковъ, Шевыревъ и т. п." [333]).

Между тѣмъ выработывалась программа и шли переговоры. „Мельгуновъ", писалъ Погодинъ Шевыреву, „у меня. Не лучше ли сдѣлать такъ, чтобы ты повезъ програму къ князю Д. В. Голицыну, и потомъ тотчасъ къ Министру. Или, если хочешь, ты къ Князю, а я къ Министру, но завтра, завтра, завтра". Шевыревъ пишетъ: „Если ты берешься сказать Министру, то главное будетъ сдѣлано. А князю я скажу". Вслѣдъ за симъ Мельгуновъ требуетъ немедленнаго же отвѣта на слѣдующіе пункты: 1) „Посылаю програму Андросова. Просмотри ее и отмѣть, что не нравится; 2) Шевыревъ можетъ говорилъ тебѣ о томъ, что почитаетъ Андросова не весьма надежнымъ. Но безъ него журналу не быть; стало быть, чтобы огородить, надо надъ нимъ установить домашнюю цензуру. Ты болѣе другихъ къ нему близокъ; не возьмешься ли надзирать надъ нимъ? Ты или никто; если же откажешься, то не ручаюсь, чтобы не вздумали запретить журнала за первое неосторожное выраженіе; 3) Надеждинъ предлагаетъ продать свой *Телескопъ* и быть отвѣтственнымъ редакторомъ съ тѣмъ, чтобы читать послѣднюю корректуру. Какъ ты думаешь? Это по моему послѣднее средство; 4) Мало нашихъ именъ въ программѣ, надо поставить имена Кирѣевскихъ, М. Дмитріева и др.; и о прочихъ сказать, что мы надѣемся на постоянное участіе прочихъ литераторовъ, съ которыми еще не успѣли списаться. Быть журналу или не быть? И подавать програму въ такомъ видѣ или нѣтъ? Если *да*, то надо предупредить Кирѣевскихъ, М. А. Дмитріева". Наконецъ Мельгуновъ извѣщаетъ Погодина. „Журналъ будетъ; Шевыревъ и Андросовъ

поръ почти ни одного бывалаго звука не сорвалось съ его лиры. Его сотрудники, его товарищи по художественной дѣятельности, допѣвали свои старыя пѣсенки, свои обычныя мечты, но уже никто не слушалъ ихъ. Старинка приѣлась и набила оскомину, а новаго отъ нихъ нечего было услышать. И такъ насталъ новый періодъ Словесности. Кто же явился главою этого новаго, этого *четвертаго* періода нашей недорослой Словесности? Кто, подобно Ломоносову, Карамзину и Пушкину, овладѣлъ общественнымъ вниманіемъ и мнѣніемъ, самодержавно правилъ послѣднимъ, положилъ печать своего генія?.. Увы! никто, хотя и многіе претендовали на это высокое титло. Еще въ первый разъ литература явилась безъ верховной главы“ [340]).

Но Бѣлинскій слишкомъ поторопился похоронить Пушкина, и самъ онъ, *опальный и похороненный* Пушкинъ, на вопросъ Погодина о своей творческой дѣятельности, отвѣчалъ: „Вы спрашиваете меня о *Мѣдномъ Всадникѣ*, о Пугачевѣ и о Петрѣ. Первый не будетъ напечатанъ. Пугачевъ выйдетъ къ осени. Къ Петру приступаю *со страхомъ и трепетомъ*, какъ вы къ исторической каѳедрѣ. Вообще пишу много про себя, а печатаю по-неволѣ и единственно для денегъ: охота являться предъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобы дураки ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ своихъ журналахъ, только-что не по м...... Было время литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это вшивый рынокъ. Быть такъ“ [341]).

Въ это время Погодинъ познакомился съ двумя старыми друзьями Пушкина, Катенинымъ и Великопольскимъ.

Въ концѣ 1833 года, Павелъ Александровичъ Катенинъ посѣтилъ Петербургъ и по свидѣтельству П. А. Плетнева, „сдѣлалъ сколько нужно было визитовъ А. С. Шишкову, да и засѣлъ въ Россійскую Академію. Онъ тамъ началъ сильную тревогу. Первый споръ зашелъ о словѣ: бурко. Катенинъ требовалъ, чтобы его писали бурка. Спускать онъ никому не любитъ: такъ что̀ ему значитъ П. И. Соколовъ *). И такъ

*) Секретарь Россійской Академіи.

чемъ, предоставлю краснорѣчію Шевырева и Погодина, которые собираются писать, убѣдить тебя совершенно. Вообрази себѣ, что ты покупаешь молотильню или строишь мельницу, которыя могутъ не удастся, но также могутъ принести и значительный барышъ. Вообрази себѣ еще, что ты ссужаешь насъ пятьюдесятью четвертями ржи. Что это значитъ для богатаго Воронежскаго помѣщика? Dixi“ [336]).

Д. Н. Свербеевъ писалъ Погодину: „Я вчера получилъ письмо отъ обоихъ Языковыхъ. Каждый беретъ по акціи; но они плохо надѣются на редактора; къ тому же имъ пишутъ изъ Петербурга, что на журналъ позволенія прежде новаго года не выйдетъ. Здѣшніе акціонеры также опасаются этого замедленія и думаютъ предложить отсрочку до 36 года. Тогда и имя журналу готовое *Комета,* а редакторъ *Шевыревъ?*“

Но дѣло уже было сдѣлано и въ концѣ 1834 года Андросовъ, состоявшій тогда при Московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ князѣ Д. В. Голицынѣ, подалъ прошеніе о позволеніи ему съ 1835 года издавать журналъ подъ названіемъ *Московскій Наблюдатель*, коего цѣлію поставляется слѣдить за всѣми достопримѣчательными явленіями какъ въ Россіи, такъ и внѣ Россіи по части наукъ, словесности, искусствъ изящныхъ, промышленности и модъ. Цензурное начальство, принимая въ соображеніе, что въ Москвѣ, гдѣ въ то время существовалъ одинъ, издаваемый Надеждинымъ *Телескопъ*, чувствуется потребность въ повременномъ изданіи, которое могло бы служить нѣкоторымъ противодѣйствіемъ Петербургскимъ журналамъ, находящимся почти въ однихъ рукахъ, т.-е. Греча, Булгарина и Сенковскаго, и сдѣлавшихся чрезъ то какъ бы монополіею немногихъ лицъ, — по этой причинѣ и въ уваженіе „засвидѣтельствованія Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, что Андросовъ сколько по благороднымъ своимъ качествамъ и отличной нравственности, столько же по трудолюбію и познаніямъ совершенно способенъ къ выполненію предпринимаемаго имъ изданія журнала“; а по-

тому цензурное начальство нашло возможнымъ удовлетворить просьбу Андросова, и 9 декабря 1835 года воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на изданіе журнала.

Кромѣ Андросова, въ изданіи *Московскаго Наблюдателя* приняли участіе Баратынскій, Гоголь, М. А. Дмитріевъ, И. В. Кирѣевскій, Мельгуновъ, Князь В. Ѳ. Одоевскій, Н. Ф. Павловъ, Погодинъ, Хомяковъ, Шевыревъ и Языковъ.

Когда Гоголь узналъ о возникновеніи *Московскаго Наблюдателя*, то писалъ Погодину (2 ноября 1834 г.): „Письмо твое я получилъ вчера. Очень радъ, что Московскіе литераторы наконецъ хватились за умъ и охотно готовъ съ своей стороны помогать по силамъ. Только я бы вотъ какой совѣтъ далъ. Журналъ нашъ нужно пустить какъ можно по дешевой цѣнѣ. Лучше на первый годъ отказаться отъ всякихъ вознагражденій за статьи, а пустить его непремѣнно подешевле, этимъ однимъ только можно взять верхъ и сколько-нибудь оттянуть привалъ черни къ глупой *Библіотекѣ*, которая слишкомъ укрѣпила за собою читателей своею толщиною. Еще: какъ можно болѣе разнообразія! Подлиннѣе оглавленіе статей! Количествомъ и массою болѣе всего поражаются люди. Да чтобы смѣху, смѣху, особенно при концѣ, да и вездѣ недурно нашпиговать имъ листки. И главное никакъ не колоть въ бровь, а прямо въ глазъ. Эхъ жаль, что я не могу для перваго листа ничего дать, потому что страшно занятъ и печатаю кое-какія вещи, но какъ только обстрою дѣла свои, то непремѣнно пришлю что-нибудь. Впрочемъ, оно и лучше, что я теперь ничего не даю. Теперь мое имя не слишкомъ видно, но послѣ напечатанія моихъ небольшихъ мараканій все-таки лучше. Но обратимся къ журналу. Какъ ему кличка? Да кто будетъ болѣе всего работать? Кирѣевскій будетъ? Пожалуйста работайте не такъ, какъ вы всегда работаете. Что за лѣнтяи эти Москвичи! Ни дать ни взять какъ наши Малороссіяне. Мнѣ кажется, вамъ жены больше всего мѣшаютъ. Ради Бога не забывайте, что и кромѣ женъ есть еще такія вещи на свѣтѣ, о которыхъ нужно подумать“. Шевы-

...лись приглашеніями на обѣдъ. По крайней мѣрѣ, со...шіяся его записочки къ Погодину не противорѣчатъ ...ложенію. „Нѣтъ мой милый тезка", писалъ онъ, „я ... только звать васъ однихъ. Звать обѣдать многихъ въ ...нельзя, да и негдѣ мнѣ давать большіе банкеты. При ...же я радъ всегда пріятелю и голоденъ онъ у меня не ...ъ, но званыхъ обѣдовъ терпѣть не могу. Зовъ великое ... Въ другой его записочкѣ читаемъ: „Грѣшный предсѣ...ль многогрѣшнаго Общества Любителей Словесности при...етъ благочестиваго секретаря Общества пожаловать къ ... завтра не позже 2-хъ часовъ похлѣбать постныхъ щей ...толковать о томъ, какъ бы затѣять ученую потѣху и не ...лать смѣху. Просятъ преподобнаго отца Михаила отвѣ...ь рѣшительно, положительно и опредѣлительно". Но ...динъ горячо взялся за дѣло и сталъ ревностно вербовать ...новъ. Прежде всего онъ обратился къ Пушкину и убѣди...ьно просилъ его принять участіе въ Обществѣ. Но Пуш...нъ съ горечью отвѣчалъ на этотъ призывъ: „Радуюсь слу...ю поговорить съ вами откровенно. Общество Любителей ...ступило со мною такъ, что никакимъ образомъ я не могу ...ыть съ нимъ въ сношеніи. Оно выбрало меня въ свои члены ...мѣстѣ съ Булгаринымъ, въ то самое время какъ онъ едино...гласно былъ забалотированъ въ Англійскомъ клубѣ (въ Петер...бургскомъ) какъ шпіонъ, переметчикъ и клеветникъ, въ то самое время какъ я въ отвѣтъ на его ругательства принужденъ былъ напечатать статью *о Видонѣ*; мнѣ нужно было доказать публикѣ, которая въ правѣ была удивляться моему долготерпѣнію, что я имѣю полное право презирать мнѣніе Булгарина и не требовать удовлетворенія отъ ошельмованнаго негодяя, толкующаго о чести и нравственности. И что же? Въ то самое время читаю въ газетѣ Шаликова: *Александръ Сергѣевичъ и Ѳадей Венедиктовичъ, сіи два корифея нашей словесности удостоены* etc. Воля ваша: это пощечина. Вѣрю что Общество, въ этомъ случаѣ, поступило какъ Фамусовъ, не имѣя намѣренія оскорбить меня. *Я всякому, ты знаешь, радъ.*

Но долгъ мой былъ немедленно возвратить присланный дипломъ, я того не сдѣлалъ потому, что тогда мнѣ было не до дипломовъ, но ужъ имѣть сношеніе съ Обществомъ Любителей, я не въ состояніи" [345]). Отказъ Пушкина очень огорчилъ Погодина: „Богъ вамъ судья", писалъ онъ ему, „что вы не хотите принять участіе въ благомъ дѣлѣ. И почему вы отказываетесь? Вѣдь послѣ вы напечатаете прочтенное стихотвореніе гдѣ угодно. Общество Любителей Русской Словесности дѣлается средоточіемъ словесности въ Москвѣ. Пособите же этому. Скажите и В. А. Жуковскому: онъ былъ прежде ревностнымъ членомъ". Не особенно горячо отозвался и Гоголь на призывъ Погодина. „Письмо ваше", писалъ онъ, „in 24 долю листа, имѣлъ счастіе получить, въ которомъ вы меня укоряете за короткость моихъ писемъ. При этомъ почтеннѣйшемъ вашемъ письмѣ я получилъ маленькое прибавленіе, впрочемъ гораздо больше письма вашего, о вписаніи меня недостойнаго въ члены Общества Любителей Слова, труды котораго безъ сомнѣнія слышны въ Лондонѣ, Парижѣ и во всѣхъ городахъ древняго и новаго міра. Приношу вамъ чувствительную благодарность, почтеннѣйшій секретарь Общества Михаилъ Петровичъ, и прошу также изъявить ее благородному сословію. Но увы! Вы избрали самаго негоднаго члена, который даже можетъ ничего не прислать вамъ по своей лѣности и во снѣ время препровожденію. Я хотѣлъ было однакожъ прислать вамъ кое-что, но болѣзнь, которая приколотила было меня къ кровати ровно на двѣ недѣли, отняла всякую къ тому возможность". Иное впечатлѣніе произвело на о. Сидонскаго извѣщеніе Погодина объ избраніи его въ члены Общества Любителей Россійской Словесности. По свидѣтельству И. Я. Горлова, доставившаго ему эту вѣсть „Священникъ чрезвычайно обрадовался; прочтя ваше извѣщеніе, тотчасъ велѣлъ подать шампанское и просилъ его поздравить". А самому Погодину о. Сидонскій писалъ: „Извѣщеніе, вами мнѣ доставленное, очень много меня порадовало. Послѣ тѣхъ, или можетъ быть лучше среди тѣхъ непріятностей, какія испыталъ я частію передъ выходомъ

приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! Да какихъ крупныхъ, полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что сдѣлаю кое-что не общее во Всеобщей Исторіи. Малороссійская Исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе впрочемъ и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней слишкомъ уже горитъ, не исторически жгучъ, игривъ; но что за Исторія, если она скучна!"

Слѣдя за ходомъ занятій Погодина, Гоголь писалъ ему: „Охота тебѣ заниматься и возиться около Герена, который далѣе своего Нѣмецкаго носа и своей торговли ничего не видитъ. Чудный человѣкъ. Онъ воображаетъ себѣ, что политика какой-то осязательный предметъ, господинъ во фракѣ и башмакахъ и притомъ совершенно абсолютное существо, являющееся мимо художествъ, мимо наукъ, мимо людей, мимо жизни, мимо нравовъ, мимо отличій вѣковъ, не старѣющее, не молодѣющее, ни умное, ни глупое, чертъ знаетъ что такое. Впрочемъ, если ты займешься Гереномъ съ тѣмъ, чтобы развить и передѣлать его по своему — это другое дѣло. Я тогда радъ и мнѣ нѣтъ дѣла до того, какое названіе носитъ книга. Пять, шесть мыслей новыхъ уже для меня искупаютъ все. Ну, а извѣстное дѣло, куда ты сунешь перо свое, то уже вѣрно тамъ будетъ новая мысль". Въ томъ же письмѣ Гоголь спрашиваетъ Погодина: „Печатаешь ли ты Демишеля, котораго перевели твои студенты? Я самъ замышляю дернуть Исторію Среднихъ Вѣковъ, тѣмъ болѣе, что у меня такія роятся о ней мысли". Но когда Погодинъ сталъ защищать Герена, то Гоголь сдался. „Объ Геренѣ", писалъ онъ, „я говорилъ такъ, въ шутку, между нами; но я его при всемъ томъ гораздо болѣе уважаю, нежели многіе, хотя онъ и не имѣетъ такого глубокаго генія, чтобы стать наряду съ первоклассными мыслителями. И я бы отъ души радъ былъ, еслибы намъ подавали побольше Гереновъ. Изъ нихъ можно таскать обѣими руками. Съ твоими мыслями" писалъ далѣе Гоголь, „я уже давно былъ согласенъ, и если ты думаешь, что я отсѣкаю народы отъ человѣчества, то ты неправъ. Ты не гляди на мои историческіе отрывки, они молоды, они давно писаны; не гляди

также на статью *О Среднихъ вѣкахъ* въ департаментскомъ журналѣ *). Она сказана только такъ, чтобы сказать что-нибудь и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ вижу новое и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобы я старался только возбудить чувство и воображеніе. Клянусь, у меня цѣль высшая. Я, можетъ быть, еще мало опытенъ, я молодъ въ мысляхъ, но я буду когда-нибудь старъ. Отчего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мною раздвигается и природа, и человѣкъ. Знаешь ли ты, что значитъ не встрѣтять сочувствія? Что значитъ не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ Университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И отъ того рѣшительно бросилъ теперь всякую художескую отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю вдаль. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня. Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ. Но въ сторону все это. Ты спрашиваешь, что я печатаю. Печатаю я всякую всячину. Всѣ сочиненія и отрывки, и мысли, которыя меня иногда занимали. Я прошу только тебя глядѣть на нихъ поснисходительнѣе. Въ нихъ много есть молодого. Я радъ, что ты наконецъ принялся печатать, только мнѣ все не вѣрится — ты мастеръ большой надувать. Пришли пожалуйста *Лекціи* **) хоть въ корректурѣ. Мнѣ онѣ очень нужны, тѣмъ болѣе, что на меня взвалили теперь и Древнюю Исторію, отъ которой я прежде было и руками и ногами, а теперь поставленъ въ такія обстоятельства, что долженъ принять поневолѣ, послѣ новаго года. Такая бѣда! А у меня столько теперь дѣлъ, что некогда и подумать о ней".

Въ это время изъ Германіи вернулся Рѣдкинъ, котораго Гоголь рекомендовалъ Погодину: „Рекомендую тебѣ добраго

*) Вступительная лекція адъюнктъ-профессора Гоголя.

**) по Герену.

товарища моего Рѣдкина. Онъ только-что возвратился изъ чужихъ краевъ, куда былъ посланъ для усовершенствованія своего ученія съ тѣмъ, чтобы занять профессорскую каѳедру. Онъ очень жаждетъ съ тобою познакомиться. Онъ по юридической части. Впрочемъ ты можешь отъ него узнать о состояніи прочихъ наукъ въ Германіи".

Лѣто 1834 года Гоголь мечталъ провести въ Москвѣ. Въ это же время Погодинъ за что-то на него разсердился и онъ написалъ ему оправдательное письмо: „Пожалуйста", писалъ онъ, „не сердись такъ сильно, какъ ты объясняешь въ письмѣ. Во-первыхъ, это потому нехорошо, что кровь портится, а во-вторыхъ, если я пріѣду въ Москву и разскажу тебѣ кое о чемъ, то ты увидишь самъ, что на меня не должно сердиться. Ты спрашиваешь о моемъ здоровьѣ. Здоровье также какъ и финансы мои не въ весьма завидномъ положеніи. Здоровье потому, что я не быкъ и не Русскій мужикъ, финансы потому, что я не Брамбеусъ и не Гречъ. Въ Москвѣ надѣюсь быть не раньше іюня или мая послѣднихъ чиселъ. Когда ты будешь въ деревнѣ весною или лѣтомъ? Пожалуйста не сердись, что мало пишу! Натурально, если хорошенько подумать, то, конечно, нельзя сказать, чтобы, какъ говорятъ, не набралось предметовъ для письма. Но чортъ меня возьми, если я уважаю хоть сколько-нибудь письменное искусство. Такая лѣнь находитъ, что мочи нѣтъ. То-ли дѣло языкъ! Куда лучше пера! Въ чернильницу его не нужно обмокать, развѣ только слегка въ бокалъ шампанскаго. Послѣ чего онъ такъ исправно ворочается, что никакое перо за нимъ не угонится" [339]).

Но поѣздка Гоголя въ Москву не состоялась.

XXXVIII.

Бѣлинскій въ своихъ *Литературныхъ Мечтаніяхъ* заявилъ, что *тридцатымъ* годомъ кончился, или лучше сказать, внезапно оборвался періодъ *Пушкинскій*, такъ какъ кончился и самъ Пушкинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его вліяніе; съ тѣхъ

Франціи. И такъ, теперь не мелкія произведенія поэзіи, не легкія прозаическія статейки будутъ составлять занятія членовъ Общества, а ученыя розысканія о памятникахъ письменности, о дѣйствователяхъ на поприщѣ литературы, эстетическіе и филологическіе разборы ихъ твореній: вотъ что будетъ постояннымъ предметомъ трудовъ ихъ".

На первый разъ Общество предположило заняться учено-классическимъ изданіемъ одъ Ломоносова, отца Русской поэзіи. Вслѣдствіе чего, въ послѣднемъ засѣданіи, бывшемъ 30 ноября, пять членовъ избрали, для пробы, приготовленіе первой оды *На взятіе Хотина*, каждый съ точки зрѣнія, составляющей главный пунктъ его ученой дѣятельности. Сверхъ того, нѣкоторые изъ членовъ вызвались представить, для опыта, критическія біографіи св. Димитрія Ростовскаго, Татищева, Княжнина и Мерзлякова. Третьему засѣданію слѣдовало бы быть 30 декабря, но, по случаю праздниковъ, оно отложено до 30 января 1835 года [347]).

Но все это осталось однимъ благимъ намѣреніемъ, и Погодину, при всемъ стараніи, не удалось оживотворить Общество Любителей Россійской Словесности и оно до времени опять замерло.

XXXIX.

Въ то время, когда разсуждали объ основаніи *Московскаго Наблюдателя*, кругъ людей, соединявшихся нѣкогда около *Московскаго Вѣстника*, былъ на лицо въ Москвѣ. Но память о главѣ этого круга, покойномъ Дмитріѣ Владиміровичѣ Веневитиновѣ, начала уже слабѣть, что очень огорчало Погодина. Такъ 15 марта 1834 года Хомяковъ писалъ ему: „Прости, пожалуй, вѣтреность мою. У меня никогда въ памяти числа не бываютъ, и я съ-дуру вчера далъ слово обѣдать въ гостяхъ. Отложи мой чередъ и извини меня тѣмъ, что я самъ болѣе всѣхъ на себя сердитъ". На эту записочку Погодинъ съ негодованіемъ отвѣчалъ: „Это невозможно. Стыдно. Преступленіе. Седьмой годъ и уже мы начинаемъ забывать. Я ѣду сейчасъ

въ Симоновъ и разсылать мнѣ некого. Откажись хоть отъ... Да не съ чѣмъ и сравнивать". "Право нельзя", оправдывался Хомяковъ. „Суди самъ! Поутру на похоронахъ внучатной сестры; потомъ у другой на обѣдѣ долженъ быть представленъ ея жениху. Я забылъ про число вчера, нынѣ уже передѣлать этого нельзя. Брани меня, но пріѣзжай вечеромъ ко мнѣ. Уже всѣ званы: Кирѣевскій, Шевыревъ, Кошелевъ, всѣ наличные" [348]). Не знаемъ, воспользовался ли Погодинъ этимъ приглашеніемъ; но въ *Дневникѣ* своемъ подъ 15 марта 1834 г. онъ отмѣтилъ: „Съ Лизой въ Симоновъ и водилъ ее на могилу Веневитинова. Помолился. Къ Кирѣевскому. Къ Аксаковымъ".

На сообщеніе же Кирѣевскаго, что Хомякову дозволено поставить *Самозванца* на сцену, Погодинъ не безъ досады замѣтилъ: „а я сижу съ своимъ *(Петромъ)*. И предметъ для публики обветшаетъ. Судьба мѣшаетъ моей славѣ. А въ конкурсъ идти я не хочу съ Хомяковымъ". Не смотря на это, Погодинъ, нашедши въ *Рукописи Филарета* извѣстіе о мѣстѣ погребенія Ляпунова, тотчасъ же послалъ сказать объ этомъ Хомякову, который въ это время писалъ трагедію *Ляпуновъ* [349]).

Въ 1834 году исполнилось давнишнее сердечное желаніе И. В. Кирѣевскаго. 29 апрѣля онъ женился на Натальѣ Петровнѣ Арбеневой *). По свидѣтельству М. А. Максимовича, „вскорѣ послѣ свадьбы, Кирѣевскій познакомился съ схимникомъ Новоспасскаго монастыря, отцомъ Филаретомъ, и когда впослѣдствіи короче узналъ его, сталъ глубоко уважать и цѣнить его бесѣды, во время предсмертной болѣзни старца. Иванъ Васильевичъ ходилъ за нимъ со всею заботливостью преданнаго сына, цѣлыя ночи проводилъ въ его кельѣ надъ постелью умирающаго". Это короткое знакомство, по замѣчанію М. А. Максимовича, и бесѣды схимника не остались безъ вліянія на образъ мыслей И. В. Кирѣевскаго и содѣйствовали утвержденію его въ томъ новомъ направленіи, которымъ были проникнуты его позднѣйшія статьи.

---

*) См. *Жизнь и труды М. П. Погодина*. Спб. 1889. Кн. 2-я, стр. 309.

эту книгу, я думаю, что оказываю двойную услугу: вамъ и Русской Исторіи. У Барона остались въ деревнѣ и еще какія-то рукописи. Ожидаю отъ васъ увѣдомленія, имѣете ли вы желаніе взглянуть на эту книгу и угодно ли вамъ будетъ въ такомъ случаѣ вмѣстѣ со мною, что было бы мнѣ весьма пріятно, или однимъ посѣтить Черкасова. Онъ знаетъ о моемъ намѣреніи снестись съ вами и ему очень будетъ пріятно видѣть васъ у себя; онъ даже приговаривался о томъ, чтобы въ случаѣ вашего намѣренія у него быть, пригласить васъ къ нему кушать, зная, какъ все ваше время занято".

Въ это время Погодинъ попалъ въ секретари совершенно замолкшаго Общества Любителей Россійской Словесности и въ этомъ званіи старался обновить и призвать къ жизни почти умершее Общество. Предсѣдателемъ его является опять М. Н. Загоскинъ, написавшій въ то время *Аскольдову Могилу*. Произведеніе это не имѣло успѣха. „*Аскольдова Могила*", писалъ Языковъ изъ Симбирска, „не нравится здѣсь никому — начиная съ нижеподписавшагося и до послѣдняго ряда грамотныхъ Симбиряковъ. И что за охота Загоскину забиваться въ такую темную даль. Когда-то говорили, что онъ сочиняетъ романъ *О колебаніи Новгорода*". Кромѣ того *Аскольдова Могила* возбудила неудовольствіе Духовенства. Никитенко въ своемъ *Дневникѣ* сообщаетъ, что Московская цензура нашла въ этомъ романѣ Загоскина, что-то о Владимірѣ Равноапостольномъ и рѣшила, что этотъ романъ подлежитъ разсмотру духовной цензуры, которая „въ концѣ растерзала бѣдную книгу". Загоскинъ обратился къ Бенкендорфу, и ему какъ-то удалось исходатайствовать позволеніе на напечатаніе ея, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. „Но я", говоритъ Никитенко, „на дняхъ былъ у Министра и видѣлъ бумагу къ нему отъ Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода съ жалобою на богомерзскій романъ Загоскина" [344]).

Къ Обществу Любителей Россійской Словесности, какъ предсѣдатель, Загоскинъ относился довольно апатично и всѣ его отношенія къ ревностностному секретарю кажется огра-

ничивались приглашеніями на обѣдъ. По крайней мѣрѣ, сохранившіяся его записочки къ Погодину не противорѣчатъ сему положенію. „Нѣтъ мой милый тезка", писалъ онъ, „я хотѣлъ только звать васъ однихъ. Звать обѣдать многихъ въ постъ нельзя, да и негдѣ мнѣ давать большіе банкеты. При томъ же я радъ всегда пріятелю и голоденъ онъ у меня не будетъ, но званыхъ обѣдовъ терпѣть не могу. Зовъ великое дѣло". Въ другой его записочкѣ читаемъ: „Грѣшный предсѣдатель многогрѣшнаго Общества Любителей Словесности приглашаетъ благочестиваго секретаря Общества пожаловать къ нему завтра не позже 2-хъ часовъ похлѣбать постныхъ щей и потолковать о томъ, какъ бы затѣять ученую потѣху и не надѣлать смѣху. Просятъ преподобнаго отца Михаила отвѣчать рѣшительно, положительно и опредѣлительно". Но Погодинъ горячо взялся за дѣло и сталъ ревностно вербовать членовъ. Прежде всего онъ обратился къ Пушкину и убѣдительно просилъ его принять участіе въ Обществѣ. Но Пушкинъ съ горечью отвѣчалъ на этотъ призывъ: „Радуюсь случаю поговорить съ вами откровенно. Общество Любителей поступило со мною такъ, что никакимъ образомъ я не могу быть съ нимъ въ сношеніи. Оно выбрало меня въ свои члены вмѣстѣ съ Булгаринымъ, въ то самое время какъ онъ единогласно былъ забалотированъ въ Англійскомъ клубѣ (въ Петербургскомъ) какъ шпіонъ, переметчикъ и клеветникъ, въ то самое время какъ я въ отвѣтъ на его ругательства принужденъ былъ напечатать статью *о Видонѣ*; мнѣ нужно было доказать публикѣ, которая въ правѣ была удивляться моему долготерпѣнію, что я имѣю полное право презирать мнѣніе Булгарина и не требовать удовлетворенія отъ ошельмованнаго негодяя, толкующаго о чести и нравственности. И что же? Въ то самое время читаю въ газетѣ Шаликова: *Александръ Сергѣевичъ и Ѳадей Венедиктовичъ, сіи два корифея нашей словесности удостоены* etc. Воля ваша: это пощечина. Вѣрю что Общество, въ этомъ случаѣ, поступило какъ Фамусовъ, не имѣя намѣренія оскорбить меня. *Я всякому, ты знаешь, радъ.*

Но долгъ мой былъ немедленно возвратить присланный дипломъ, я того не сдѣлалъ потому, что тогда мнѣ было не до дипломовъ, но ужъ имѣть сношеніе съ Обществомъ Любителей, я не въ состояніи" [345]). Отказъ Пушкина очень огорчилъ Погодина: „Богъ вамъ судья", писалъ онъ ему, „что вы не хотите принять участіе въ благомъ дѣлѣ. И почему вы отказываетесь? Вѣдь послѣ вы напечатаете прочтенное стихотвореніе гдѣ угодно. Общество Любителей Русской Словесности дѣлается средоточіемъ словесности въ Москвѣ. Пособите же этому. Скажите и В. А. Жуковскому: онъ былъ прежде ревностнымъ членомъ". Не особенно горячо отозвался и Гоголь на призывъ Погодина. „Письмо ваше", писалъ онъ, „in 24 долю листа, имѣлъ счастіе получить, въ которомъ вы меня укоряете за коротkость моихъ писемъ. При этомъ почтеннѣйшемъ вашемъ письмѣ я получилъ маленькое прибавленіе, впрочемъ гораздо больше письма вашего, о вписаніи меня недостойнаго въ члены Общества Любителей Слова, труды котораго безъ сомнѣнія слышны въ Лондонѣ, Парижѣ и во всѣхъ городахъ древняго и новаго міра. Приношу вамъ чувствительную благодарность, почтеннѣйшій секретарь Общества Михаилъ Петровичъ, и прошу также изъявить ее благородному сословію. Но увы! Вы избрали самаго негоднаго члена, который даже можетъ ничего не прислать вамъ по своей лѣности и во снѣ время препровожденію. Я хотѣлъ было однакожъ прислать вамъ кое что, но болѣзнь, которая приколотила было меня къ кровати ровно на двѣ недѣли, отняла всякую къ тому возможность". Иное впечатлѣніе произвело на о. Сидонскаго извѣщеніе Погодина объ избраніи его въ члены Общества Любителей Россійской Словесности. По свидѣтельству И. Я. Горлова, доставившаго ему эту вѣсть „Священникъ чрезвычайно обрадовался; прочтя ваше извѣщеніе, тотчасъ велѣлъ подать шампанское и просилъ его поздравить". А самому Погодину о. Сидонскій писалъ: „Извѣщеніе, вами мнѣ доставленное, очень много меня порадовало. Послѣ тѣхъ, или можетъ быть лучше среди тѣхъ непріятностей, какія испыталъ я частію передъ выходомъ

моей книги, частію послѣ онаго, сами согласитесь, пріятно узнать, что есть нѣсколько людей образованныхъ, которые умѣютъ цѣнить и ободрять труды ученые. Ваше участіе въ дальнѣйшихъ моихъ трудахъ вознагражду, не имѣя чѣмъ больше, искренностію. Теперь я занятъ составленіемъ небольшой Исторіи Церкви Христіянской. Предметъ этотъ давно занималъ меня; скучное изложеніе (схематическое), въ какомъ онъ былъ представляемъ доселѣ, заставлялъ жалѣть, что золото мало получаетъ блеска въ своей оправѣ. Желаніе мое — представить постепенное развитіе церковнаго устройства и ученія въ тѣсной связи однихъ обстоятельствъ съ другими. Но по тому началу, которое уже сдѣлано, вижу, что подобному сочиненію трудно будетъ протѣсниться сквозь узкія врата духовной цензуры, въ которыхъ остаются не только клочки шерсти, но и чего-нибудь побольше, самыхъ смирныхъ овечекъ. Но, кажется, все подвигается къ лучшему. По крайней мѣрѣ, то явленіе, что *Часы благоговѣнія* шли не черезъ духовную цензуру, мнѣ очень пріятно. Только Бога ради не извѣщайте о семъ нашихъ духовныхъ. Философское поприще оставить по упомянутому занятію я отнюдь не намѣренъ. И въ нынѣшнемъ же году надѣюсь представить Русской публикѣ Русскій переводъ Шульцовой Антропологіи. Кажется *Картина Человѣка*, выданная Галичемъ не сдѣлаетъ ее лишнею. Сколько я успѣю въ борьбѣ съ Нѣмецкою философскою терминологіею увидите сами".

На зовъ Погодина присоединиться къ Обществу Любителей Россійской Словесности весьма благодушно отнесся и А. Н. Муравьевъ. „Вы вѣроятно", писалъ онъ, „осуждаете меня за мое молчаніе и за невѣжливость, что я доселѣ не отвѣчалъ на благосклонное ко мнѣ вниманіе Московскаго Общества, а того никакъ не подозрѣваете, что я только вчерашній день, т.-е. 28 мая, узналъ о моемъ избраніи, за которое нынѣ приношу вамъ живѣйшую благодарность; а вотъ какимъ образомъ сіе случилось: Я очень давно не былъ у Смирдина; вчера же, по случаю моего переѣзда на Крестов-

то, что въ Константинополѣ я получу возможность усовершенствоваться только въ Арабскомъ, Персидскомъ и Турецкомъ и принужденъ буду отказаться отъ главнаго и любимаго моего предмета — Санскритскаго языка. Къ тому же, будучи занятъ образованіемъ дѣтей г. Бутенева, я совершенно лишенъ буду времени заняться языками. Что же касается до жалованья, то оно меня не прельщаетъ. Я вѣкъ буду доволенъ тысячью двумя стами своими—если только будутъ у меня средства предаться любезнымъ мнѣ предметамъ. Любовь моя къ наукѣ будетъ вамъ порукою, что ваши попеченія были не напрасны. И если мнѣ удастся прибавить хоть одну іоту къ книгѣ человѣческихъ познаній, то я всегда буду помнить, что я вамъ одолженъ моими знаніями" [362]).

Въ августѣ, тоже 1834 года, самъ Любимовъ посѣтилъ Москву и бесѣдовалъ съ Погодинымъ о Петербургской жизни, о замыслахъ открыть дорогу въ Индію и Бухару [363]). По возвращеніи въ Петербургъ, Любимовъ, по порученію своего директора Азіатскаго Департамента, извѣстнаго Родофиникина, опять обращается съ просьбою къ Погодину указать на способнаго русскаго, который могъ бы занять мѣсто въ Департаментѣ; но Погодинъ рекомендовалъ *нѣмца*. По этому поводу Любимовъ написалъ ему слѣдующее замѣчательное письмо: „Какъ это вамъ не стыдно! Въ кои-то вѣки обратился къ вамъ съ просьбою о пріисканіи человѣчка, и вдругъ рекомендуете *нѣмца*. Ужели не сыскалось у васъ ни одного русачка? Вы смѣетесь; но что же дѣлать, у всякаго свои причуды, у всякаго барона своя фантазія, а фантазія эта не у меня, а у моего начальника. Видите въ чемъ дѣло: по полученіи вашей писульки, не смотря на то, что въ ней дѣло шло о *нѣмцѣ*, что мнѣ было не совсѣмъ по нутру, я тотчасъ бросился просить моего отца командира объ опредѣленіи и дѣло совсѣмъ было пошло на ладъ, но потомъ спросилъ его фамилію и услыхавъ, что онъ изъ Нѣмецкаго рода, раздумалъ и не пожелалъ его имѣть въ Департаментѣ. Я нарочно читалъ ему вашу записку, чтобы убѣдить его въ достоинствѣ молодаго

человѣка, но онъ на это сказалъ тоже, что я вамъ сказалъ въ началѣ сего письма, т.-е. что ужели де въ Московскомъ Университетѣ нѣтъ людей съ достоинствомъ Русскихъ, а не Нѣмцевъ. Вообще онъ поставилъ себѣ за правило не иначе прокладывать дорогу какъ Русскимъ, выставлять Русскихъ, хвастаться Русскими и слѣдуя сему правилу никакъ не хочетъ опредѣлять Нѣмцевъ, особенно съ талантами и способностями, потому что имъ по неволѣ надобно будетъ давать ходъ, чего никакъ не желаетъ. Пусть бы еще какой нибудь плохенькой нѣмчура, котораго можно бы было цѣлый вѣкъ продержать перепищикомъ, а то нѣмецъ образованный и умный! Какъ хотите на это смотрите, а я съ своей стороны подобнымъ чувствамъ, когда нахожу ихъ въ людяхъ мощныхъ, правительственныхъ, отъ души радуюсь. Дай Богъ, чтобы у насъ побольше такъ думали. Что въ самомъ дѣлѣ за космополиты мы! Предоставимъ эту честь Полевымъ и его братіи. Коли мы Русскіе — должны любить Русскихъ, покровительствовать Русскимъ, выводить Русскихъ; а Нѣмцамъ, повѣрьте, и безъ насъ найдется много покровителей. Да и можетъ ли нѣмецъ, какой бы ни былъ, хоть бы съ неба звѣзды хваталъ, чувствовать такъ какъ мы чувствуемъ, любить родную землю такъ какъ мы ее любимъ?

Для нихъ безмолвны Кремль и *Прага*" [364]).

Замѣтимъ, что эти золотыя строки писаны во дни министерства Нессельрода!

XL.

Въ ученой жизни Погодина 1834 годъ не былъ особенно производителенъ. Труды его распадались по двумъ каѳедрамъ, Русской и Всемірной Исторіи. Въ это время онъ былъ занятъ обработкою учебника Русской Исторіи; но чтобы предварительно узнать мнѣніе о своемъ трудѣ „нашихъ опытныхъ педагоговъ", онъ напечаталъ отрывокъ изъ него въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* [365]). Занимаясь этимъ предметомъ, Погодинъ получилъ изъ Департамента Народнаго

Просвѣщенія (1 ноября 1834) бумагу за подписью директора князя П. А. Ширинскаго Шихматова, въ которой между прочимъ прочелъ: „Учебныя заведенія въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, имѣютъ ощутительный недостатокъ въ учебныхъ книгахъ по части Отечественной Исторіи того края. Министерство Народнаго Просвѣщенія, обращая вниманіе на сей важный предметъ, признало необходимымъ составить для училищъ Западныхъ губерній особое руководство къ преподаванію Исторіи сей части России. Руководство сіе должно быть начертано въ духѣ Правительства, желающаго посредствомъ онаго поселить въ сердцахъ юношества чувства преданности къ Престолу и привязанности къ единоплеменному народу Русскому“. Министръ Народнаго Просвѣщенія поручилъ Директору Департамента предложить Погодину составить такое руководство, требующее, „не только основательныхъ свѣдѣній, но и благоразумія въ исполненіи“. Въ отвѣтъ на это предложеніе, Погодинъ изъявилъ готовность заняться сочиненіемъ Россійской Исторіи „со включеніемъ происшествій, касающихся до Западныхъ губерній, и съ присоединеніемъ историческаго обозрѣнія Славянскихъ племенъ“. Когда князь П. А. Ширинскій доложилъ объ этомъ Уварову, то послѣдній усмотрѣлъ въ планѣ Погодина два намѣренія: „сочиненіе ученой Исторіи и составленіе учебной и исторической книги для учащихся“. Одобряя и то и другое, Уваровъ желалъ бы однако, чтобы Погодинъ занялся прежде Русскою Исторіею, какъ учебною книгою, съ предназначеніемъ оной для училищъ Западныхъ губерній. Это желаніе побуждалось „не терпящею отлагательства потребностію въ руководствѣ сего рода для тамошняго края“. За успѣшное и скорое исполненіе этого порученія, Погодину обѣщались всевозможныя содѣйствія. Въ то самое время, когда Погодинъ велъ съ Министерствомъ эти переговоры, онъ узнаетъ, что Устряловъ уже пишетъ подобный учебникъ. „Вотъ и соперникъ“, замѣчаетъ Погодинъ, и въ то же время сознается, что первое изданіе его учебника „выйдетъ съ большими недостатками“.

въ Симоновъ и разсылать мнѣ некого. Откажись хоть отъ... Да не съ чѣмъ и сравнивать". "Право нельзя", оправдывался Хомяковъ. „Суди самъ! Поутру на похоронахъ внучатной сестры; потомъ у другой на обѣдѣ долженъ быть представленъ ея жениху. Я забылъ про число вчера, нынѣ уже передѣлать этого нельзя. Брани меня, но пріѣзжай вечеромъ ко мнѣ. Уже всѣ званы: Кирѣевскій, Шевыревъ, Кошелевъ, всѣ наличные" [348]). Не знаемъ, воспользовался ли Погодинъ этимъ приглашеніемъ; но въ *Дневникѣ* своемъ подъ 15 марта 1834 г. онъ отмѣтилъ: „Съ Лизой въ Симоновъ и водилъ ее на могилу Веневитинова. Помолился. Къ Кирѣевскому. Къ Аксаковымъ".

На сообщеніе же Кирѣевскаго, что Хомякову дозволено поставить *Самозванца* на сцену, Погодинъ не безъ досады замѣтилъ: „а я сижу съ своимъ *(Петромъ)*. И предметъ для публики обветшаетъ. Судьба мѣшаетъ моей славѣ. А въ конкурсъ идти я не хочу съ Хомяковымъ". Не смотря на это, Погодинъ, нашедши въ *Рукописи Филарета* извѣстіе о мѣстѣ погребенія Ляпунова, тотчасъ же послалъ сказать объ этомъ Хомякову, который въ это время писалъ трагедію *Ляпуновъ* [349]).

Въ 1834 году исполнилось давнишнее сердечное желаніе И. В. Кирѣевскаго. 29 апрѣля онъ женился на Натальѣ Петровнѣ Арбеневой *). По свидѣтельству М. А. Максимовича, „вскорѣ послѣ свадьбы, Кирѣевскій познакомился съ схимникомъ Новоспасскаго монастыря, отцомъ Филаретомъ, и когда впослѣдствіи короче узналъ его, сталъ глубоко уважать и цѣнить его бесѣды, во время предсмертной болѣзни старца. Иванъ Васильевичъ ходилъ за нимъ со всею заботливостью преданнаго сына, цѣлыя ночи проводилъ въ его кельѣ надъ постелью умирающаго". Это короткое знакомство, по замѣчанію М. А. Максимовича, и бесѣды схимника не остались безъ вліянія на образъ мыслей И. В. Кирѣевскаго и содѣйствовали утвержденію его въ томъ новомъ направленіи, которымъ были проникнуты его позднѣйшія статьи.

---

*) См. *Жизнь и труды М. П. Погодина*. Спб. 1889. Кн. 2-я, стр. 309.

ваетъ Іоанна: это гроза аристократовъ". Извѣстный декабристъ Кюхельбекеръ, прочитавъ упомянутую статью Погодина, записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Съ историческимъ изслѣдованіемъ Погодина объ Іоаннѣ Грозномъ, напечатаннымъ въ *Библіотекѣ*, я совершенно согласенъ: характеръ этого человѣка мнѣ всегда представлялся точно въ томъ видѣ, въ какомъ его представляетъ авторъ" [368]).

Московскія Древности составляли также предметъ, къ которому Погодинъ былъ неравнодушенъ. Въ *Молвѣ* онъ печатаетъ письмо къ издателю, въ которомъ сообщаетъ списокъ съ надписи, находящейся на камняхъ прислоненныхъ къ стѣнѣ церкви Вознесенія что на Малой Никитской. Надписи сіи гласятъ: 1729 апрѣля 14 преставилась раба Божія великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны сестра ея родная Крестина Самойлова дочь Скавронскихъ и пр. Въ томъ же письмѣ Погодинъ сообщаетъ народное преданіе о Хамовникахъ (Хановники), о Бабьемъ Городкѣ и о церкви Николая на Берсеневкѣ. По поводу извѣстія, сообщеннаго Погодинымъ о надгробномъ камнѣ Скавронскихъ, явился газетный споръ о чести открытія. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* докторъ Философіи Лейпцигскаго Университета Н Н. Навроцкій объявилъ, что открытіе упомянутой надгробной надписи принадлежитъ ему, Навроцкому, и что онъ уже о томъ увѣдомилъ Академію Наукъ. На эту претензію Погодинъ заявилъ: „Перебирая журналы, я нашелъ нѣсколько любопытныхъ статей по поводу краткаго извѣстія, сообщеннаго мною о надгробномъ камнѣ Скавронскихъ, и газетный споръ о чести открытія. Я очень радъ этимъ статьямъ, вѣрно какъ и всѣ любители отечественныхъ древностей, а спорную часть охотно уступаю кому угодно". Въ то же время Погодинъ сообщаетъ любопытныя извѣстія *о церкви Гребневскія Божія Матери, что на Лубянкѣ*. Церковь эта очень примѣчательна; она построена Іоанномъ III въ память покоренія Новгорода. Еще въ 1834 году на вратахъ ея сохранялись двуглавыя орлы.

Въ этомъ извѣстіи, Погодинъ напечаталъ списки съ разныхъ надписей, находящихся въ церкви“ [369]).

Въ засѣданіяхъ и занятіяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Погодинъ продолжалъ принимать живѣйшее участіе. Въ засѣданіи 14 марта 1834 года, онъ слушаетъ „скучные споры Строева задорнаго съ Шевыревымъ“ и Каченовскаго съ Голохвастовымъ. Въ память преподобнаго Нестора (27 октября), Погодинъ читаетъ статью о нашемъ Лѣтописцѣ и вызывается вмѣстѣ съ М. А. Коркуновымъ издавать Псковскую Лѣтопись. Въ томъ же засѣданіи были избраны въ члены Общества: П. А. Мухановъ, князь М. А. Оболенскій, Я. И. Бередниковъ и М. А. Коркуновъ. О засѣданіи 28 ноября Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Кровь кипѣла, когда Каченовскій срамилъ память Калайдовича [370]).

Въ числѣ подвижниковъ на поприщѣ Русскихъ Древностей является въ Москвѣ князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій. По его собственному признанію, „ни военная служба, ни успѣхи по службѣ государственной“ его не удовлетворяли. Душа его жаждала сферы ученой. „Получивъ воспитаніе въ Пажескомъ Корпусѣ“, пишетъ онъ, „бывъ камеръ-пажомъ, а потомъ поступивъ въ военную службу, я не имѣлъ особенной надобности изучать основательно древніе языки; но съ тѣхъ поръ какъ сталъ присматриваться къ историческимъ памятникамъ, я началъ учиться Латинскому, Греческому, а отчасти и Еврейскому языкамъ“ [371]). Въ 1828 году, онъ участвовалъ при осадѣ и взятіи Варны и былъ раненъ пулею въ ногу. По свидѣтельству его преемника Барона Ѳ. А. Бюлера, въ 1830 году, князь Оболенскій участвовалъ въ усмиреніи Польскихъ мятежниковъ, а въ 1832 году переименованъ изъ капитановъ Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка въ коллежскіе ассесоры, причемъ ему было ввѣрено завѣдываніе секретною частію Канцеляріи Намѣстника Царства Польскаго. Живя въ Варшавѣ, онъ одновременно съ П. А. Мухановымъ, подвизался по собиранію историческихъ памятниковъ. Въ томъ же 1832 году князь Оболенскій былъ перемѣщенъ въ Вѣдомство

Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ причисленіемъ къ Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ вскорѣ занялъ должность старшаго переводчика, а вслѣдъ затѣмъ главнаго смотрителя Коммиссіи Печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ [372]). Весьма понятно, что общая страсть къ Русскимъ Древностямъ вскорѣ сблизила князя Оболенскаго съ Погодинымъ. Свидѣтельствомъ объ ихъ сношеніяхъ можетъ служить слѣдующая, напримѣръ, запись въ *Дневникѣ* Погодина: „Обѣдалъ у князя Оболенскаго и выдержалъ глупыя выходки Каченовскаго и Строева противъ Лѣтописей. Зная заносчивый характеръ того и другого, я молчалъ“ [373]).

Въ это время А. Д. Чертковъ издалъ свое *Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ* (М. 1834). П. М. Строевъ горячо привѣтствовалъ это изданіе: „Древняя Русская нумизматика“, писалъ онъ, „еще въ совершенномъ младенчествѣ. Знаемъ нѣсколько минц-кабинетовъ, довольно богатыхъ, но они не описаны; сочиненій же нумизматическихъ не явилось. Привѣтствуемъ первенца на семъ поприщѣ, юнаго, робкаго, но заслуживающаго вполнѣ вниманіе и благодарность просвѣщенныхъ соотечественниковъ“. По поводу кожаныхъ денегъ, Строевъ въ этой критикѣ сказалъ рѣшительно: „Пора отдѣлить вѣрное отъ хламу вымысловъ... Не утаимъ и того, что въ новѣйшее время лоскуты старыхъ переплетовъ, ремешки четокъ и т. п. отъ смышленыхъ торгашей, преважно поступили въ минцъ-кабинеты подъ фирмою *кожаныя деньги*. Мѣха дѣйствительно имѣли цѣнность монетную; но *кожаныя деньги* разлетѣлись по вѣтру отъ розысканій Каченовскаго, *съ рѣдкимъ самоотверженіемъ вносящаго хоругвь высшей критики въ темные удѣлы нашей Исторіи. Отъ проницательной учености сего мужа имѣемъ право ожидать и еще многаго*“ [374]). Эти слова возбудили негодованіе Погодина: „Предосадно“, писалъ онъ, „было прочесть *о хоругви высшей критики*. Невѣжа односторонній“; а у Черткова говорилъ „о Строевѣ и Каченовскомъ и ихъ глупости“.

Въ то же время Погодинъ сблизился съ академикомъ Гамелемъ, который пребывая въ Москвѣ, занимался въ Архивѣ Оружейной Палаты. Будучи англичаниномъ, онъ не любилъ Нѣмцевъ и охотно сообщалъ Погодину объ интригахъ ихъ Петербургскихъ собратій. О томъ „какъ Парротъ хотѣлъ важиться постройкой обсерваторіи въ Петербургѣ, а Струве ему поперегъ, чтобы получить жалованье, а Фусъ, чтобы помѣстить брата". Слушая это Погодинъ воскликнулъ: „Что за омутъ!"

Переселившись изъ Варшавы въ Москву, П. А. Мухановъ на время уединился въ свою Елатомскую деревню Нарму, а изданіе историческихъ памятниковъ поручилъ Погодину. „Посылаю вамъ", писалъ ему Мухановъ изъ своей деревни, „любезнѣйшій другъ Михаилъ Петровичъ, еще матеріалы для Русской Исторіи; будьте милостивы, пустите въ ходъ... Опасаюсь замедленія и страшуся, чтобы какой-нибудь злодѣй не тиснулъ, что было бы весьма досадно, тѣмъ болѣе, что рукопись Жолкевскаго дѣйствительно весьма любопытная".

Въ началѣ 1834 года, Мухановъ издалъ въ Москвѣ *Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ, преимущественно во время Самозванцевъ*. Въ это же время онъ готовилъ къ печати *Рукопись Филарета*, въ которой изложенъ рядъ событій съ 1606 по 1613 годъ.

XLI.

Параллельно съ Русскою Исторіею, у Погодина шли занятія и Всемірною. Его радовало, что въ разныхъ Англійскихъ статьяхъ онъ нашелъ „подтвержденіе своимъ мыслямъ историческимъ" [375]). Въ 1-й книжкѣ *Журнала Народнаго Просвѣщенія* (1834 г.) онъ напечаталъ свою вступительную лекцію о Всеобщей Исторіи. По свидѣтельству Сербиновича, статьею этою былъ „весьма доволенъ" Уваровъ; но ею остался весьма недоволенъ Никитенко и по поводу ея записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Московскіе ученые чудныя вещи пишутъ. Вотъ

напримѣръ, рѣчь Надеждина: *О современномъ направленіи искусства*; вотъ вступительная лекція Погодина объ Исторіи. Всѣ эти господа кидаются на высокія начала. Это бы ничего, еслибы у нихъ былъ ясный умъ и ясный языкъ... Нѣтъ, они, какъ будто, стараются затмить одинъ другого пышностью варварской терминологіи и туманнымъ краснорѣчіемъ. Надеждинъ, напримѣръ, столпъ Вавилонскій почитаетъ изящнѣйшимъ произведеніемъ древняго зодчества, на коемъ почила тайна вѣковъ — первообразомъ древняго міра и пр.“ [376]). Въ томъ же журналѣ Погодинъ напечаталъ: *Очеркъ Европейской Исторіи въ Средніе Вѣка.* Статья эта представляетъ сокращеніе сочиненія Гизо: *Histoire générale de la civilisation en Europe* (1828). При этомъ Погодинъ замѣчаетъ: „Гизо не имѣлъ въ виду Славянскихъ государствъ, и разсуждалъ о Европѣ преимущественно по Франціи, какъ будто бы она была полною ея представительницею. Вотъ два главные недостатка, по моему мнѣнію, въ первомъ его курсѣ. Еще: Христіанская религія есть корень Европейской цивилизаціи, Новой Исторіи; а у Гизо это обозначено неявственно“ [377]). Еще до напечатанія этой статьи, Сербиновичъ писалъ Погодину: „Не скажете ли чего-нибудь о цивилизаціи Русской? За это мы бы вамъ душевно были благодарны. Только не въ видѣ афоризмовъ. Это прекрасная задача для ума глубокаго, а мы желали бы предлагать пищу для всякаго ума... Мнѣ кажется“, пишетъ далѣе Сербиновичъ, „напримѣръ, что похвала Французской цивилизаціи не пройдетъ въ Журналѣ въ томъ видѣ какъ у васъ. Наша публика столь еще пристрастная къ Франціи, представляющей теперь самый дурной примѣръ, что надобно по немногу отъ этого отучать. Довольно что знакомство излишнее съ нею вредитъ нашей солидности. Все это разумѣю о большинствѣ публики, а не объ избранныхъ для науки, имъ же подобаетъ и ереси вѣдать“ [378]).

Въ первомъ же номерѣ *Библіотеки для чтенія* **1834 г.** Погодинъ напечаталъ отрывокъ изъ своихъ ***Историческихъ*** *Афоризмовъ* Онъ особенно дорожилъ этимъ родомъ своихъ

произведеній. „Пересматривалъ свои *Афоризмы*“, писалъ онъ, „прекрасныя тамъ вещи. Имя мое займетъ мѣсто въ лѣтописяхъ наукъ“ [379]). Гоголь весьма цѣнилъ Погодинскіе Афоризмы. „Нельзя ли“, писалъ онъ, „напечатать скорѣе *Афоризмы*, у меня горло пересохло отъ жажды. Съ генваря мѣсяца и до сихъ поръ я не встрѣтилъ нигдѣ ни одной новой исторической истины. Набору словъ пропасть. Да не отлучается отъ тебя вдохновенье и творческая сила!“ Когда же отрывокъ Афоризмовъ былъ напечатанъ, то Гоголь писалъ: „Я люблю всегда у тебя читать ихъ, потому что или найду въ нихъ такія мысли, которыя вѣрны, или найду такія, съ которыми хоть и не соглашусь иногда, но они за то всегда наведутъ меня на другую новую мысль“. Но *Афоризмы* Погодинскіе не всѣмъ пришлись по вкусу. По крайней мѣрѣ вотъ что писалъ Сербиновичъ автору ихъ: „Вашихъ *Афоризмовъ*, помѣщенныхъ въ *Библіотекѣ для чтенія*, иные не разжевали, и дѣйствительно, какъ слышно, было неудовольствіе со стороны Духовенства“.

Близкій пріятель Погодина, П. А. Мухановъ писалъ ему: „Состояніе вашихъ финансовыхъ дѣлъ меня радуетъ. Какъ кто не говори, а все-таки финансы альфа и омега физической нашей жизни, а какъ безъ сей—*умственной* быть не можетъ, то поздравляю съ успѣшнымъ устройствомъ вашего бюджета. Желалъ бы и о себѣ тоже сказать, но еще не дошелъ до сего совершенства, т. е. квитъ съ деньгами“.

Этотъ афоризмъ вполнѣ сознавалъ и самъ Погодинъ. Для поправленія своихъ финансовъ онъ, въ 1834 году, принужденъ былъ продать свой Мясницкій домъ, который купила Екатерина Петровна Бахметева, и 16 марта 1834 Погодинъ съ грустью переѣхалъ на наемную квартиру. „Плакалъ“, писалъ онъ, „воспоминая съ Лизой. Какъ мало мы дорожимъ. Оставляемъ домъ, гдѣ родимся, женимся. Мы все кочуемъ. Было очень горько“. И долго ему было тяжело пройти мимо своего дома. „Весь изломанъ; стоитъ какъ опальный“. Въ то

же время Погодинъ вздумалъ купить Лопухинское имѣніе въ пятьсотъ тысячъ, мечтая „выручить ихъ на лѣсѣ“.

Имѣніе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, есть село Введенское - Першино-тожъ, Звенигородскаго уѣзда Московской губерніи, нынѣ принадлежащее графу С. Д. Шереметеву; а въ то время оно находилось во владѣніи свѣтлѣйшей княгини Екатерины Николаевны Лопухиной, рожденной Шетневой, второй супруги свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина. Посредникомъ въ покупкѣ этой деревни, Погодинъ избралъ стараго своего товарища и друга Н. А. Загряжскаго, который писалъ ему: „Не ругайся, уймись, ну вотъ тебѣ писулька, да толку въ ней мало. Не могу добиться управителя, а Княгиня такъ стара, что говорятъ отъ нее ничего не добьешся безъ управителя, а кажется онъ плутуетъ“. Послѣ свиданія съ управляющимъ, Загряжскій писалъ: „Наконецъ видѣлъ управляющаго не я, а братъ Михаилъ. Цѣна рѣшительная по тысячѣ рублей за душу. Изъ словъ управляющаго, долженъ быть лѣсъ; испорченный, рубится вездѣ, по мѣрѣ надобности, ибо хозяйства никакого нѣтъ; строеніе огромное и все валится. До шести тысячъ выходитъ расходу на сады и оранжереи. До пяти тысячъ пудовъ накашивается сѣна, которое съѣдаютъ дворовые, а сами ежегодно прикупаютъ на тысячу пятьсотъ рублей. Дворовыхъ много, но сколько, не знаетъ. Мнѣ кажется цѣна сумасшедшая, но, по словамъ управляющаго, давали прошлаго года будто бы четыреста тысячъ. Напиши, что мнѣ дѣлать?“ По счастію для Погодина, въ это дѣло вмѣшался А. В. Веневитиновъ, и Загряжскій, оберегая интересы своего друга, писалъ ему: „Вчера Веневитиновъ былъ у меня и сообщилъ мнѣ, что его мать ѣздила къ княгинѣ Лопухиной торговать имѣнье. Она рѣшительно менѣе тысячи рублей за душу не беретъ, и то весьма неохотно. Мы съ нимъ сему порадовались, ибо намъ кажется, что ты дѣлаешь глупость, покупая такою высокою цѣною“ [380]).

Погодинъ мечталъ купить это имѣніе съ тою цѣлію, чтобы потомъ „отпустить на волю тысячу крестьянъ“ [381]).

XLII.

Мы уже знаемъ, что, въ концѣ 1834 года, Андросовъ получилъ разрѣшеніе издавать *Московскій Наблюдатель.* Гоголь, принимая живое участіе въ успѣхѣ этого журнала, писалъ Погодину: „Издатели *Московскаго Наблюдателя* ничего не умѣютъ дѣлать. Разошлите объявленіе огромными буквами при *Московскихъ Вѣдомостяхъ,* и при нѣсколькихъ номерахъ, и говорите смѣло, что числомъ листовъ не уступитъ *Библіотекѣ для чтенія,* а содержаніемъ будетъ самый разнообразный. Изъ *Вечеровъ* ничего не могу дать, потому что *Вечера* на дняхъ выходятъ. Но я пишу для *Московскаго Наблюдателя* особенную повѣсть". Съ своей стороны *Московскій Наблюдатель,* сознавая, что успѣхъ его зависитъ отъ участія въ немъ Гоголя, сталъ усиленно, чрезъ Погодина, вымаливать у него повѣсти. Это разсердило Гоголя. „Письмо твое отъ 7 февраля 1835 года", писалъ онъ Погодину, „я получилъ отъ Смирдина сегодня, т.-е. 20 числа. Нельзя ли впередъ адресовать прямо на мою квартиру; что за лѣнь такая! Въ Малой Морской, въ Домѣ Лепена. Хорошъ и ты. Какъ мнѣ прислать вамъ повѣсть, когда моя книга уже отпечатана и завтра должна поступить въ продажу. Мерзавцы вы всѣ Московскіе Литераторы. Въ васъ никогда не будетъ проку; вы всѣ только на словахъ. Какъ затѣяли журналъ, а никто не хочетъ работать! Какъ же вы можете полагаться на отдаленныхъ сотрудниковъ, когда не въ состояніи положиться на своихъ. Срамъ, срамъ, срамъ! — Вы посмотрите, какъ Петербургскіе обдѣлываютъ свои дѣла. Гдѣ у васъ то постоянство, и трудъ, и ловкость, и мудрость? Смотрите на наши журналы: каждый изъ нихъ, чуть ли не сто лѣтъ собирается прожить. А вашъ что? Вы сначала только раззадоритесь, а потомъ чрезъ день и весь пылъ вашъ къ чорту! И на первый номеръ до сихъ поръ нѣтъ еще статей. Да, вамъ должно быть стыдно, имѣя столько головъ, обращаться къ другимъ, да и къ кому же? Ко мнѣ! Но ваши всѣ головы думаютъ

ваетъ Іоанна: это гроза аристократовъ". Извѣстный декабристъ Кюхельбекеръ, прочитавъ упомянутую статью Погодина, записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Съ историческимъ изслѣдованіемъ Погодина объ Іоаннѣ Грозномъ, напечатаннымъ въ *Библіотекѣ*, я совершенно согласенъ: характеръ этого человѣка мнѣ всегда представлялся точно въ томъ видѣ, въ какомъ его представляетъ авторъ" [368]).

Московскія Древности составляли также предметъ, къ которому Погодинъ былъ неравнодушенъ. Въ *Молвѣ* онъ печатаетъ письмо къ издателю, въ которомъ сообщаетъ списокъ съ надписи, находящейся на камняхъ прислоненныхъ къ стѣнѣ церкви Вознесенія что на Малой Никитской. Надписи сіи гласятъ: 1729 апрѣля 14 преставилась раба Божія великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны сестра ея родная Крестина Самойлова дочь Скавронскихъ и пр. Въ томъ же письмѣ Погодинъ сообщаетъ народное преданіе о Хамовникахъ (Хановники), о Бабьемъ Городкѣ и о церкви Николая на Берсеневкѣ. По поводу извѣстія, сообщеннаго Погодинымъ о надгробномъ камнѣ Скавронскихъ, явился газетный споръ о чести открытія. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* докторъ Философіи Лейпцигскаго Университета Н. Н. Навроцкій объявилъ, что открытіе упомянутой надгробной надписи принадлежитъ ему, Навроцкому, и что онъ уже о томъ увѣдомилъ Академію Наукъ. На эту претензію Погодинъ заявилъ: „Перебирая журналы, я нашелъ нѣсколько любопытныхъ статей по поводу краткаго извѣстія, сообщеннаго мною о надгробномъ камнѣ Скавронскихъ, и газетный споръ о чести открытія. Я очень радъ этимъ статьямъ, вѣрно какъ и всѣ любители отечественныхъ древностей, а спорную часть охотно уступаю кому угодно". Въ то же время Погодинъ сообщаетъ любопытныя извѣстія *о церкви Гребневскія Божія Матери, что на Лубянкѣ*. Церковь эта очень примѣчательна; она построена Іоанномъ III въ память покоренія Новгорода. Еще въ 1834 году на вратахъ ея сохранялись двуглавыя орлы.

цензора А. В. Никитенко, который въ своемъ *Дневникѣ* записалъ: „Былъ у меня Погодинъ. Онъ пріѣзжалъ сюда, между прочимъ, съ жалобою къ Министру на Московскую Цензуру, которая ничего не позволяетъ печатать. Послѣ моего ареста, она превратилась въ настоящую литературную инквизицію. Погодинъ говоритъ, что въ Москвѣ удивляются здѣшней свободѣ печати. Можно же себѣ представить, каково же тамъ“ [384]). На судъ снисходительный Петербургской цензуры Погодинъ представилъ свою *Исторію въ лицахъ и Начертаніе Русской Исторіи* и на оба эти сочиненія получилъ цензурное дозволеніе печатать. Пользуясь пребываніемъ Погодина въ Петербургѣ, Андросовъ писалъ ему: „Мнѣ сказали, другъ Михаилъ Петровичъ, что ты выѣдешь изъ Петербурга на дняхъ, я и не писалъ и радъ былъ радехонекъ. Дѣлъ куча, цензура строга, публика требовательна... Ну что твое пребываніе въ Питерѣ? Въ пользу ли? Ты вѣрно увидишь, если уже не увидѣлъ нашей первой книжки. Вступись за нее погорячѣе... Не случится ли узнать мнѣніе Главы?“

Исполняя желаніе Андросова, Погодинъ подробно описалъ ему свое пребываніе въ Петербургѣ. „Вы хотѣли“, писалъ онъ, „чтобы я сообщилъ вамъ изъ Петербурга извѣстіе о литературныхъ и ученыхъ новостяхъ. Посылаю вамъ листъ, на которомъ я записывалъ поденно все, что слышалъ изъ первыхъ, вторыхъ, третьихъ устъ, и на которомъ теперь не осталось больше мѣста, вы не сердитесь за безпорядокъ...

Кругъ все читаетъ, собираетъ матеріалы, подкрѣпляетъ свои мнѣнія новыми мѣстами изъ авторовъ. Его Византійская Хронологія выросла втрое, извѣстіе о древнихъ Русскихъ монетахъ также. Отдѣльныхъ разсужденій о первомъ періодѣ Русской Исторіи, то-есть первыхъ двухъ стахъ лѣтъ, за которыми для него все уже *слишкомъ ново*, накопилось у него не мало. Но издано не будетъ ничего до его смерти. Библіотека его—сокровище. Какое собраніе лѣтописей западныхъ, сѣверныхъ, восточныхъ, древнихъ словарей, законовъ! И все это прочтено, изучено, извлечено, отмѣчено. Юноши, желающіе

Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ причисленіемъ къ Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ вскорѣ занялъ должность старшаго переводчика, а вслѣдъ затѣмъ главнаго смотрителя Коммиссіи Печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ [372]). Весьма понятно, что общая страсть къ Русскимъ Древностямъ вскорѣ сблизила князя Оболенскаго съ Погодинымъ. Свидѣтельствомъ объ ихъ сношеніяхъ можетъ служить слѣдующая, напримѣръ, запись въ *Дневникъ* Погодина: „Обѣдалъ у князя Оболенскаго и выдержалъ глупыя выходки Каченовскаго и Строева противъ Лѣтописей. Зная заносчивый характеръ того и другого, я молчалъ“ [373]).

Въ это время А. Д. Чертковъ издалъ свое *Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ* (М. 1834). П. М. Строевъ горячо привѣтствовалъ это изданіе: „Древняя Русская нумизматика“, писалъ онъ, „еще въ совершенномъ младенчествѣ. Знаемъ нѣсколько минц-кабинетовъ, довольно богатыхъ, но они не описаны; сочиненій же нумизматическихъ не явилось. Привѣтствуемъ первенца на семъ поприщѣ, юнаго, робкаго, но заслуживающаго вполнѣ вниманіе и благодарность просвѣщенныхъ соотечественниковъ“. По поводу кожаныхъ денегъ, Строевъ въ этой критикѣ сказалъ рѣшительно: „Пора отдѣлить вѣрное отъ хламу вымысловъ... Не утаимъ и того, что въ новѣйшее время лоскуты старыхъ переплетовъ, ремешки четокъ и т. п. отъ смышленыхъ торгашей, преважно поступили въ минцъ-кабинеты подъ фирмою *кожаныя деньги*. Мѣха дѣйствительно имѣли цѣнность монетную; но *кожаныя деньги* разлетѣлись по вѣтру отъ розысканій Каченовскаго, *съ рѣдкимъ самоотверженіемъ вносящаго хоругвь высшей критики въ темные удѣлы нашей Исторіи. Отъ проницательной учености сего мужа имѣемъ право ожидать и еще многаго*“ [374]). Эти слова возбудили негодованіе Погодина: „Предосадно“, писалъ онъ, „было прочесть *о хоругви высшей критики*. Невѣжа односторонній“; а у Черткова говорилъ „о Строевѣ и Каченовскомъ и ихъ глупости“.

отъ скуки, перевелъ онъ Кругову Византійскую Хронологію. Изъ путешественниковъ у него переведенъ Шильдбергеръ, и первая половина Рубриквиса; второй онъ не начиналъ потому, что до сихъ поръ никакъ не могъ достать Латинскаго подлинника, а съ перевода переводить ему не хочется.

Надъ путешественниками еще работаетъ г. Терещенко, служащій въ Румянцевскомъ Музеѣ, и напечатавшій статью о Максимѣ Грекѣ въ *Журналѣ Министерства Просвѣщенія*, Іосифъ Барбаро у него готовъ.

Г. Спасскій, издатель *Сибирскаго* и *Азіатскаго Вѣстника*, приготовилъ къ печати *Книгу Большаго Чертежа*, сличенную имъ по разнымъ спискамъ.

Для Русской Исторіи говорили мнѣ о Григорьевѣ *), надежномъ молодомъ человѣкѣ. Онъ перевелъ и издалъ Исторію Монголовъ.

Пушкинъ погруженъ въ источники Исторіи Петра Великаго. Изъ распечатаннаго пакета о дѣлѣ Пугачева выйдетъ третій томъ.

У Жуковскаго составлено множество прекрасныхъ таблицъ для Русской и Всеобщей Исторіи, географическихъ, хронологическихъ, и всякихъ. Преподаваніе должно облегчиться ими до высокой степени, но, что всего важнѣе, онѣ должны сильно дѣйствовать на развитіе умственныхъ способностей. Станемъ надѣяться, что онѣ скоро будутъ изданы во всеобщее поученіе, и мы не позавидуемъ новымъ иностраннымъ методамъ.

Крыловъ написалъ три новыя басни.

Гоголь читалъ мнѣ отрывки изъ двухъ своихъ комедій. Одна подъ заглавіемъ *Комедія*, другая *Провинціальный Женихъ*. Что за веселость, что за смѣшное! Какая истина, остроуміе! Какіе чиновники на сценѣ, какіе канцелярскіе служители, помѣщики, барыни! Талантъ первоклассный. На дняхъ вы получите его *Миргородъ*, и должны будете поклониться этимъ повѣстямъ, со всѣми нашими повѣствователями безъ исключенія, стихотворными и прозаическими. Вотъ разсказъ, вотъ

*) Василій Васильевичъ, о которомъ ниже.

напримѣръ, рѣчь Надеждина: *О современномъ направленіи искусства*; вотъ вступительная лекція Погодина объ Исторіи. Всѣ эти господа кидаются на высокія начала. Это бы ничего, еслибы у нихъ былъ ясный умъ и ясный языкъ... Нѣтъ, они, какъ будто, стараются затмить одинъ другого пышностью варварской терминологіи и туманнымъ краснорѣчіемъ. Надеждинъ, напримѣръ, столпъ Вавилонскій почитаетъ изящнѣйшимъ произведеніемъ древняго зодчества, на коемъ почила тайна вѣковъ — первообразомъ древняго міра и пр.“ [376]). Въ томъ же журналѣ Погодинъ напечаталъ: *Очеркъ Европейской Исторіи въ Средніе Вѣка.* Статья эта представляетъ сокращеніе сочиненія Гизо: *Histoire générale de la civilisation en Europe* (1828). При этомъ Погодинъ замѣчаетъ: „Гизо не имѣлъ въ виду Славянскихъ государствъ, и разсуждалъ о Европѣ преимущественно по Франціи, какъ будто бы она была полною ея представительницею. Вотъ два главные недостатка, по моему мнѣнію, въ первомъ его курсѣ. Еще: Христіанская религія есть корень Европейской цивилизаціи, Новой Исторіи; а у Гизо это обозначено неявственно“ [377]). Еще до напечатанія этой статьи, Сербиновичъ писалъ Погодину: „Не скажете ли чего-нибудь о цивилизаціи Русской? За это мы бы вамъ душевно были благодарны. Только не въ видѣ афоризмовъ. Это прекрасная задача для ума глубокаго, а мы желали бы предлагать пищу для всякаго ума... Мнѣ кажется“, пишетъ далѣе Сербиновичъ, „напримѣръ, что похвала Французской цивилизаціи не пройдетъ въ Журналѣ въ томъ видѣ какъ у васъ. Наша публика столь еще пристрастная къ Франціи, представляющей теперь самый дурной примѣръ, что надобно по немногу отъ этого отучать. Довольно что знакомство излишнее съ нею вредитъ нашей солидности. Все это разумѣю о большинствѣ публики, а не объ избранныхъ для науки, имъ же подобаетъ и ереси вѣдать“ [378]).

Въ первомъ же номерѣ *Библіотеки для чтенія* 1834 г. Погодинъ напечаталъ отрывокъ изъ своихъ *Историческихъ Афоризмовъ* Онъ особенно дорожилъ этимъ родомъ своихъ

произведеній. „Пересматривалъ свои *Афоризмы*", писалъ онъ, „прекрасныя тамъ вещи. Имя мое займетъ мѣсто въ лѣтописяхъ наукъ" [379]). Гоголь весьма цѣнилъ Погодинскіе Афоризмы. „Нельзя ли", писалъ онъ, „напечатать скорѣе *Аѳоризмы*, у меня горло пересохло отъ жажды. Съ генваря мѣсяца и до сихъ поръ я не встрѣтилъ нигдѣ ни одной новой исторической истины. Набору словъ пропасть. Да не отлучается отъ тебя вдохновенье и творческая сила!" Когда же отрывокъ Афоризмовъ былъ напечатанъ, то Гоголь писалъ: „Я люблю всегда у тебя читать ихъ, потому что или найду въ нихъ такія мысли, которыя вѣрны, или найду такія, съ которыми хоть и не соглашусь иногда, но они за то всегда наведутъ меня на другую новую мысль". Но *Афоризмы* Погодинскіе не всѣмъ пришлись по вкусу. По крайней мѣрѣ вотъ что писалъ Сербиновичъ автору ихъ: „Вашихъ *Афоризмовъ*, помѣщенныхъ въ *Библіотекѣ для чтенія*, иные не разжевали, и дѣйствительно, какъ слышно, было неудовольствіе со стороны Духовенства".

Близкій пріятель Погодина, П. А. Мухановъ писалъ ему: „Состояніе вашихъ финансовыхъ дѣлъ меня радуетъ. Какъ кто не говори, а все-таки финансы альфа и омега физической нашей жизни, а какъ безъ сей—*умственной* быть не можетъ, то поздравляю съ успѣшнымъ устройствомъ вашего бюджета. Желалъ бы и о себѣ тоже сказать, но еще не дошелъ до сего совершенства, т. е. квитъ съ деньгами".

Этотъ афоризмъ вполнѣ сознавалъ и самъ Погодинъ. Для поправленія своихъ финансовъ онъ, въ 1834 году, принужденъ былъ продать свой Мясницкій домъ, который купила Екатерина Петровна Бахметева, и 16 марта 1834 Погодинъ съ грустью переѣхалъ на наемную квартиру. „Плакалъ", писалъ онъ, „воспоминая съ Лизой. Какъ мало мы дорожимъ. Оставляемъ домъ, гдѣ родимся, женимся. Мы все кочуемъ. Было очень горько". И долго ему было тяжело пройти мимо своего дома. „Весь изломанъ; стоитъ какъ опальный". Въ то

же время Погодинъ вздумалъ купить Лопухинское имѣніе въ пятьсотъ тысячъ, мечтая „выручить ихъ на лѣсѣ".

Имѣніе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, есть село Введенское - Першино-тожъ, Звенигородскаго уѣзда Московской губерніи, нынѣ принадлежащее графу С. Д. Шереметеву; а въ то время оно находилось во владѣніи свѣтлѣйшей княгини Екатерины Николаевны Лопухиной, рожденной Шетневой, второй супруги свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина. Посредникомъ въ покупкѣ этой деревни, Погодинъ избралъ стараго своего товарища и друга Н. А. Загряжскаго, который писалъ ему: „Не ругайся, уймись, ну вотъ тебѣ писулька, да толку въ ней мало. Не могу добиться управителя, а Княгиня такъ стара, что говорятъ отъ нее ничего не добьешся безъ управителя, а кажется онъ плутуетъ". Послѣ свиданія съ управляющимъ, Загряжскій писалъ: „Наконецъ видѣлъ управляющаго не я, а братъ Михаилъ. Цѣна рѣшительная по тысячѣ рублей за душу. Изъ словъ управляющаго, долженъ быть лѣсъ; испорченный, рубится вездѣ, по мѣрѣ надобности, ибо хозяйства никакого нѣтъ; строеніе огромное и все валится. До шести тысячъ выходитъ расходу на сады и оранжереи. До пяти тысячъ пудовъ накашивается сѣна, которое съѣдаютъ дворовые, а сами ежегодно прикупаютъ на тысячу пятьсотъ рублей. Дворовыхъ много, но сколько, не знаетъ. Мнѣ кажется цѣна сумасшедшая, но, по словамъ управляющаго, давали прошлаго года будто бы четыреста тысячъ. Напиши, что мнѣ дѣлать?" По счастію для Погодина, въ это дѣло вмѣшался А. В. Веневитиновъ, и Загряжскій, оберегая интересы своего друга, писалъ ему: „Вчера Веневитиновъ былъ у меня и сообщилъ мнѣ, что его мать ѣздила къ княгинѣ Лопухиной торговать имѣнье. Она рѣшительно менѣе тысячи рублей за душу не беретъ, и то весьма неохотно. Мы съ нимъ сему порадовались, ибо намъ кажется, что ты дѣлаешь глупость, покупая такою высокою цѣною" [380]).

Погодинъ мечталъ купить это имѣніе съ тою цѣлію, чтобы потомъ „отпустить на волю тысячу крестьянъ" [381]).

XLII.

Мы уже знаемъ, что, въ концѣ 1834 года, Андросовъ получилъ разрѣшеніе издавать *Московскій Наблюдатель*. Гоголь, принимая живое участіе въ успѣхѣ этого журнала, писалъ Погодину: „Издатели *Московскаго Наблюдателя* ничего не умѣютъ дѣлать. Разошлите объявленіе огромными буквами при *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, и при нѣсколькихъ номерахъ, и говорите смѣло, что числомъ листовъ не уступитъ *Библіотекѣ для чтенія*, а содержаніемъ будетъ самый разнообразный. Изъ *Вечеровъ* ничего не могу дать, потому что *Вечера* на дняхъ выходятъ. Но я пишу для *Московскаго Наблюдателя* особенную повѣсть". Съ своей стороны *Московскій Наблюдатель*, сознавая, что успѣхъ его зависитъ отъ участія въ немъ Гоголя, сталъ усиленно, чрезъ Погодина, вымаливать у него повѣсти. Это разсердило Гоголя. „Письмо твое отъ 7 февраля 1835 года", писалъ онъ Погодину, „я получилъ отъ Смирдина сегодня, т.-е. 20 числа. Нельзя ли впередъ адресовать прямо на мою квартиру; что за лѣнь такáя! Въ Малой Морской, въ Домѣ Лепена. Хорошъ и ты. Какъ мнѣ прислать вамъ повѣсть, когда моя книга уже отпечатана и завтра должна поступить въ продажу. Мерзавцы вы всѣ Московскіе Литераторы. Въ васъ никогда не будетъ проку; вы всѣ только на словахъ. Какъ затѣяли журналъ, а никто не хочетъ работать! Какъ же вы можете полагаться на отдаленныхъ сотрудниковъ, когда не въ состояніи положиться на своихъ. Срамъ, срамъ, срамъ! — Вы посмотрите, какъ Петербургскіе обдѣлываютъ свои дѣла. Гдѣ у васъ то постоянство, и трудъ, и ловкость, и мудрость? Смотрите на наши журналы: каждый изъ нихъ, чуть ли не сто лѣтъ собирается прожить. А вашъ что? Вы сначала только раззадоритесь, а потомъ чрезъ день и весь пылъ вашъ къ чорту! И на первый номеръ до сихъ поръ нѣтъ еще статей. Да, вамъ должно быть стыдно, имѣя столько головъ, обращаться къ другимъ, да и къ кому же? Ко мнѣ! Но ваши всѣ головы думаютъ

только о томъ, гдѣ бы и у кого бы ѣсть блины во вторникъ, середу, четвергъ и другіе дни. Если васъ и дѣло общее не можетъ подвинуть, всѣхъ устремить и связать въ одно, то какой въ васъ прокъ: что у васъ можетъ быть? Признаюсь я вовсе не вѣрю существованію вашего журнала болѣе одного года! Я сомнѣваюсь, бывало ли когда-нибудь въ Москвѣ единодушіе и самоотверженіе, и начинаю вѣрить, ужъ не правъ ли Полевой, сказавши, что война 1812 года есть событіе вовсе не національное и что Москва невинна въ немъ. Боже мой! Сколько умовъ и все оригинальныхъ: ты, Шевыревъ, Кирѣевскій. Чортъ возьми, и жалуются на бѣдность! Баратынскій, Языковъ ай! ай! ай! Ей Богу вы всѣ похожи на Петербургскихъ шыромыжниковъ, шатающихся по б... съ мелочью въ карманѣ, назначенною только для расплаты съ извощиками. Скажи пожалуйста, какъ я могу работать и трудиться для васъ, когда знаю, что изъ васъ никто не хочетъ трудиться. Развѣ жаръ мой не долженъ естественнымъ образомъ охладѣть. Я поспѣшу сколько возможно скорѣе окончить для васъ назначенную повѣсть, но все не думаю, чтобы она могла подоспѣть раньше 3-й книжки" [382]).

Въ это время Погодинъ, печатая свои изданія, терпѣлъ притѣсненія отъ Московской Цензуры и въ особенности отъ Каченовскаго. Погодинъ жаловался Голохвастову и просилъ его о передачѣ своихъ книгъ другому цензору вмѣсто Каченовскаго, „а то онъ", писалъ Погодинъ, „чортъ знаетъ что отыщетъ въ нихъ". Не получивъ удовлетворенія своей просьбы, Погодинъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ съ жалобою къ Министру. 18 февраля 1835 года, получивъ отпускной билетъ, онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ предполагалъ остановиться у Гоголя, который по этому поводу писалъ ему: „Я живу теперь въ тѣснотѣ. Но если тебѣ не покажется безпокойнымъ чердакъ мой, то авось какъ-нибудь помѣстимся. Впрочемъ, вѣдь мы люди такого сорта, которыхъ вся жизнь протекаетъ на чердакѣ" [383]).

Въ бытность свою въ Петербургѣ, Погодинъ посѣтилъ

цензора А. В. Никитенко, который въ своемъ *Дневникѣ* записалъ: „Былъ у меня Погодинъ. Онъ пріѣзжалъ сюда, между прочимъ, съ жалобою къ Министру на Московскую Цензуру, которая ничего не позволяетъ печатать. Послѣ моего ареста, она превратилась въ настоящую литературную инквизицію. Погодинъ говоритъ, что въ Москвѣ удивляются здѣшней свободѣ печати. Можно же себѣ представить, каково же тамъ“ [384]). На судъ снисходительный Петербургской цензуры Погодинъ представилъ свою *Исторію въ лицахъ* и *Начертаніе Русской Исторіи* и на оба эти сочиненія получилъ цензурное дозволеніе печатать. Пользуясь пребываніемъ Погодина въ Петербургѣ, Андросовъ писалъ ему: „Мнѣ сказали, другъ Михаилъ Петровичъ, что ты выѣдешь изъ Петербурга на дняхъ, я и не писалъ и радъ былъ радехонекъ. Дѣлъ куча, цензура строга, публика требовательна... Ну что твое пребываніе въ Питерѣ? Въ пользу ли? Ты вѣрно увидишь, если уже не увидѣлъ нашей первой книжки. Вступись за нее погорячѣе... Не случится ли узнать мнѣніе Главы?“

Исполняя желаніе Андросова, Погодинъ подробно описалъ ему свое пребываніе въ Петербургѣ. „Вы хотѣли“, писалъ онъ, „чтобы я сообщилъ вамъ изъ Петербурга извѣстіе о литературныхъ и ученыхъ новостяхъ. Посылаю вамъ листъ, на которомъ я записывалъ поденно все, что слышалъ изъ первыхъ, вторыхъ, третьихъ устъ, и на которомъ теперь не осталось больше мѣста, вы не сердитесь за безпорядокъ...

Кругъ все читаетъ, собираетъ матеріалы, подкрѣпляетъ свои мнѣнія новыми мѣстами изъ авторовъ. Его Византійская Хронологія выросла втрое, извѣстіе о древнихъ Русскихъ монетахъ также. Отдѣльныхъ разсужденій о первомъ періодѣ Русской Исторіи, то-есть первыхъ двухъ стахъ лѣтъ, за которыми для него все уже *слишкомъ ново*, накопилось у него не мало. Но издано не будетъ ничего до его смерти. Библіотека его—сокровище. Какое собраніе лѣтописей западныхъ, сѣверныхъ, восточныхъ, древнихъ словарей, законовъ! И все это прочтено, изучено, извлечено, отмѣчено. Юноши, желающіе

добра Русской Исторіи искренно, не для пустаго шума, ходите въ это святилище, ищите наставленія у старца, черпайте у него силу трудиться, работайте, и потомъ уже и пишите... а сомнѣваться, отрицать, какъ-нибудь, нѣтъ ничего легче!

Минцъ кабинетъ Круга самый богатый въ Россіи. Монетъ напримѣръ, которыхъ у другихъ собирателей есть только по одному экземпляру, у него десятки. Другихъ по цѣлой сотнѣ. Изъ него можно обогатить множество кабинетовъ. И немудрено, Кругъ собиралъ цѣлые сорокъ лѣтъ, и собиралъ тогда, когда мало было охотниковъ.

Френъ живетъ теперь въ завоеванномъ мірѣ восточныхъ монетъ и безпрестанно находитъ любопытныя свѣдѣнія о древней Руси. Одно свидѣтельство кажется изъ десятаго вѣка.

Шегренъ покоряетъ Исторію Финскихъ племенъ. Я видѣлъ у него готовое уже большое разсужденіе о Зырянахъ. Его разсужденія мало у насъ извѣстны, но тамъ множество любопытнаго для Древней Исторіи,—и подкрѣпленій мнѣнію о Норманнахъ, о Лѣтописяхъ. Послѣ Круга это первый знатокъ Сѣверной Исторіи, и мы можемъ ожидать отъ него большихъ услугъ. Къ сожалѣнію, его зрѣніе ослабло, и онъ теперь почти не можетъ трудиться. Путешествіе и теплый климатъ для него необходимы.

Устряловъ занимается сочиненіемъ о Русскихъ Древностяхъ, которое намъ совершенно необходимо, ибо *Опытъ* Успенскаго сталъ слишкомъ недостаточнымъ. У него приготовлено еще подлинное сочиненіе о патріархѣ Никонѣ, котораго любители Исторіи должны желать съ нетерпѣніемъ.

Востоковъ совершенно приготовилъ къ печати свой полный образцовый каталогъ рукописной библіотеки графа Румянцова для Россійской Исторіи. Грамматика Славянская подвигается впередъ, но что всего драгоцѣннѣе, это его словарь нашего древняго языка. Онъ надѣется кончить оба сочиненія въ два года. Помогай ему Богъ!

Д. И. Языковъ трудится теперь надъ Русской Исторіей въ Энциклопедическій Словарь. Мимоходомъ, во время болѣзни,

отъ скуки, перевелъ онъ Кругову Византійскую Хронологію. Изъ путешественниковъ у него переведенъ Шильдбергеръ, и первая половина Рубриквиса; второй онъ не начиналъ потому, что до сихъ поръ никакъ не могъ достать Латинскаго подлинника, а съ перевода переводить ему не хочется.

Надъ путешественниками еще работаетъ г. Терещенко, служащій въ Румянцевскомъ Музеѣ, и напечатавшій статью о Максимѣ Грекѣ въ *Журналѣ Министерства Просвѣщенія*, Іосифъ Барбаро у него готовъ.

Г. Спасскій, издатель *Сибирскаго* и *Азіатскаго Вѣстника*, приготовилъ къ печати *Книгу Большаго Чертежа*, сличенную имъ по разнымъ спискамъ.

Для Русской Исторіи говорили мнѣ о Григорьевѣ *), надежномъ молодомъ человѣкѣ. Онъ перевелъ и издалъ Исторію Монголовъ.

Пушкинъ погруженъ въ источники Исторіи Петра Великаго. Изъ распечатаннаго пакета о дѣлѣ Пугачева выйдетъ третій томъ.

У Жуковскаго составлено множество прекрасныхъ таблицъ для Русской и Всеобщей Исторіи, географическихъ, хронологическихъ, и всякихъ. Преподаваніе должно облегчиться ими до высокой степени, но, что всего важнѣе, онѣ должны сильно дѣйствовать на развитіе умственныхъ способностей. Станемъ надѣяться, что онѣ скоро будутъ изданы во всеобщее поученіе, и мы не позавидуемъ новымъ иностраннымъ методамъ.

Крыловъ написалъ три новыя басни.

Гоголь читалъ мнѣ отрывки изъ двухъ своихъ комедій. Одна подъ заглавіемъ *Комедія*, другая *Провинціальный Женихъ*. Что за веселость, что за смѣшное! Какая истина, остроуміе! Какіе чиновники на сценѣ, какіе канцелярскіе служители, помѣщики, барыни! Талантъ первоклассный. На дняхъ вы получите его *Миргородъ*, и должны будете поклониться этимъ повѣстямъ, со всѣми нашими повѣствователями безъ исключенія, стихотворными и прозаическими. Вотъ разсказъ, вотъ

*) Василій Васильевичъ, о которомъ ниже.

живость, вотъ поэзія, истина, мѣра! Вы прочтете тамъ повѣсть *Старосвѣтскіе Помѣщики*. Старикъ со старухою жили да были, кушали да пили, и умерли обыкновенною смертію, вотъ все ея содержаніе, но сердцемъ вашимъ овладѣетъ такое уныніе, когда вы закроете книгу; вы такъ полюбите этого почтеннаго Аѳанасія Ивановича и Пулхерію Ивановну, такъ свыкнитесь съ ними, что они займутъ въ вашей памяти мѣсто подлѣ самыхъ близкихъ родственниковъ и друзей вашихъ и вы всегда будете обращаться къ нимъ съ любовію. Прекрасная идиллія и элегія. А *Тарасъ Бульба!* Какъ описаны тамъ казаки, казачки: ихъ набѣги, жиды, Запорожье, степи. Какое разнообразіе! Какая поэзія! Какая вѣрность въ изображеніи характеровъ! Сколько смѣшнаго, и сколько высокаго, трагическаго. О! на горизонтѣ Русской Словесности восходитъ новое свѣтило, и я радъ поклониться ему въ числѣ первыхъ.

Кеппенъ приготовляетъ обширное описаніе Крыма въ историческомъ, хозяйственномъ, географическомъ и пр. отношеніяхъ. Онъ издаетъ *Петербургскія Вѣдомости* на Нѣмецкомъ языкѣ, а Семеновъ на Русскомъ и оба съ большимъ успѣхомъ. Князь Одоевскій трудится надъ народной Физикою и Химіей. Онъ издалъ дѣтскую книжку на этотъ годъ, какъ и на предыдущій. Жаль что эти прекрасныя книжки мало извѣстны въ публикѣ, а ихъ смѣло можно рекомендовать отцамъ и матерямъ семействъ.

Поэта пророчатъ намъ въ молодомъ Прокоповичѣ, котораго примѣчательная баллада помѣщена въ *Библіотекѣ*.

Для народнаго чтенія будутъ издаваться Житія Святыхъ, преимущественно Русскихъ, почерпнутыя по большой части изъ Чети-Минеи,—продаваться порознь, и по самой дешевой цѣнѣ. Великое дѣло!

Шишковъ дышетъ еще любовію къ Славянскому языку и ненавистію къ романтизму. Я увидѣлъ его опытъ производнаго словаря. Какъ Русскій опытъ онъ очень примѣчателенъ, и въ его корняхъ, стволахъ и вѣтвяхъ словъ есть много глу-

бокаго и новаго, а мы въ Москвѣ и не знали объ немъ ничего! Объ излишествахъ говорить нечего.

Познакомился съ Русскими юриспрудентами, которые возвратились изъ своего учебнаго и ученаго путешествія по Европѣ, заслуживъ такіе лестные отзывы отъ Нѣмецкихъ профессоровъ Савиньи, Ганса и другихъ, и на которыхъ теперь Русское право возлагаетъ свою надежду. Они отправляются профессорами въ наши университеты, будутъ трудиться надъ нашимъ славнымъ *Сводомъ,* и издавать можетъ быть юридическій журналъ. Одинъ изъ нихъ, Неволинъ, кончилъ уже свой докторскій экзаменъ, и защищалъ диссертацію о философіи права у древнихъ. Другой, Знаменскій, подававшій также прекрасныя надежды, скончался незадолго предъ своимъ диспутомъ, и успѣлъ только подписать корректуру послѣдняго листа диссертаціи. Жалкая участь.

Петровъ, нашъ кандидатъ, трудится неутомимо надъ восточными языками. Товарищи удивляются его прилежанію и чтутъ его рѣдкое самоотверженіе. Г. Френъ отзывается объ немъ съ великой похвалою, и обѣщаетъ въ немъ современемъ славнаго оріенталиста для Москвы.

Гречь занимается организаціею Энциклопедическаго Словаря, который имѣетъ уже семь тысячъ подписчиковъ, какъ я слышалъ. Каково распространилась у насъ жажда къ чтенію, познаніямъ?

Сидонскій, подавшій такой прекрасный примѣръ нашему Духовенству изданіемъ своего *Введенія въ науку Философіи*, оканчиваетъ изданіе Шульцевой Психологіи. Пожелаемъ, чтобы онъ нашелъ послѣдователей между своими собратіями.

Редакціи Журналовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ составлены изъ нашихъ кандидатовъ, которые съ жаромъ подвизаются въ честь Московскаго Университета.

Павскій составилъ, слышно, Словарь Еврейскаго языка.

Семеновъ перевелъ Раупахову трагедію, кажется, *Лѣтнюю ночь.*

Комовскій, подарившій насъ Исторіею Литературы Шлегеля, трудится надъ Курсомъ о драматическомъ искусствѣ Шлегеля.

Галичь приготовилъ много отдѣльныхъ разсужденій о философскихъ предметахъ. Сказать ли вамъ,—съ стѣсненнымъ сердцемъ входилъ я къ нему по темной лѣстницѣ, чрезъ двѣ пустыя комнаты — и увидѣлъ его издали, одного, между двумя свѣчками—за Философіей. О, тяжело еще Русскому ученому пройти сквозь иглиныя уши нужды! Вотъ человѣкъ, который двадцать лѣтъ сидитъ въ своей комнатѣ, работаетъ въ потѣ лица, безъ всякаго внѣшняго услажденія, безъ всякой награды, въ удовлетвореніе своей внутренней потребности, не охлаждаясь никакими препятствіями, не смотря на толки, крики и ругательства; дѣлаетъ дѣло, на которое почитаетъ себя призваннымъ. Вы можете не соглашаться съ его мнѣніями, можете порицать образъ изложенія, но эта твердость, это безкорыстіе, имѣютъ полное право на уваженіе всякаго благомыслящаго человѣка.

Веланскій печатаетъ, говорятъ, свою обширную Физіологію, вслѣдъ за Физикой.

Остроградскій и Буняковскій поддерживаютъ честь Русскаго имени и самое Русское имя въ Академіи Наукъ.

Есть надежда, что Болгарская Грамматика и собраніе древнихъ Болгарскихъ грамотъ Венелина, лежавшее безъ движенія у покойнаго Секретаря Академіи Россійской два года, не тѣмъ онъ будь помянутъ, вскорѣ будутъ напечатаны.

О трудахъ Шмита, Шармуа и Сенковскаго не случилось мнѣ узнать ничего. Также о Словарѣ біографическомъ и генеалогическомъ Бороздина.

И наконецъ вотъ вамъ новость лучшая, важнѣйшая: въ прошломъ году въ Россіи открыто вновь учебныхъ заведеній слишкомъ девяносто, а въ гимназіи прибыло учениковъ противъ прежнихъ лѣтъ слишкомъ восемь тысячъ. Къ этимъ цифрамъ словъ прибавлять нечего“ [385]).

Не смотря на строгость Московской цензуры, въ IV-й книжкѣ *Московскаго Наблюдателя* 1835 года было напеча-

тано знаменитое стихотвореніе Пушкина *На выздоровленіе Лукулла.* Подражаніе Латинскому. Казанскій профессоръ Жобаръ перевелъ это стихотвореніе на Французскій языкъ и имѣлъ дерзость послать свой переводъ Министру Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварову, прося его сообщить примѣчаніе къ оному и позволить напечатать съ посвященіемъ ему [386]). „Весь городъ занятъ“, пишетъ Никитенко, „*Выздоровленіемъ Лукулла.* Враги Уварова читаютъ піесу съ восхищеніемъ, но большинство образованной публики недовольно своимъ поэтомъ. Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ этимъ стихотвореніемъ не много выигралъ въ общественномъ мнѣніи, которымъ, при всей своей гордости, однако очень дорожитъ. Государь, черезъ Бенкендорфа приказалъ сдѣлать ему строгій выговоръ!“ [387]).

Такъ писали недоброжелатели Пушкина, но и друзья и почитатели нашего великаго писателя въ данномъ случаѣ не во многомъ расходились съ ними. „А зачѣмъ *Наблюдатель*“, писалъ Краевскій Погодину, „напечаталъ стихи на *Выздоровленіе Лукулла?* Нехорошо. Я порадовался было, когда Пушкинъ сказалъ мнѣ, что получилъ изъ Москвы извѣстіе объ отказѣ *Наблюдателя* принять его стихи, а потомъ черезъ недѣлю получаю IV-ю книжку *Наблюдателя*, гдѣ стихи уже помѣщены. По моему, это большая неосторожность. На Пушкина смотрѣть нечего: онъ сорви-голова“. „Но какъже“, пишетъ Погодину Веневитиновъ, „вы съ-проста напечатали *На выздоровленіе Лукулла*! Эхъ! Эхъ!“ [388]).

Самъ же Пушкинъ въ это время издалъ *Исторію Пугачевскаго бунта* и препровождая экземпляръ онаго Денису Давыдову, писалъ ему:

Тебѣ, пѣвцу, тебѣ, герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ,
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наслѣдникъ смирнаго Пегаса,
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ.
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣздникъ чудный,

Ты—мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ; при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ казакъ прямой;
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой [389]).

Когда же Пушкинъ сталъ издавать *Современникъ*, то Денисъ Давыдовъ писалъ ему: „Нѣтъ ли прижимокъ твоему журналу со стороны наслѣдника Лукулла? Я знаю, что *Наблюдатель* охаетъ; разсчитывай на меня; я подъ твоимъ начальствомъ лихо буду служить“ [390]).

Прочитавъ *Исторію Пугачевскаго бунта*, Погодинъ замѣтилъ: „Занимательная повѣсть. Простота образцовая; а между тѣмъ ругаютъ Пушкина за Пугачева“ [391]). Самъ же Пушкинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утѣшительное одобреніе моему историческому отрывку. Его побраниваютъ, и по дѣломъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобы могъ напечатать, и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ... Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который, вѣроятно, за сходную цѣну возьмется идеализировать это лицо по самому послѣднему фасону“ [392]).

XLIII.

Во времена возникновенія *Московскаго Наблюдателя*, Гоголь издалъ въ Петербургѣ *Арабески* и *Миргородъ*. „Пожалуйста“, писалъ Гоголь Погодину, „печатай въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* объявленіе объ *Арабескахъ*; сдѣлай милость въ такихъ словахъ: что теперь дескать только и говорятъ вездѣ что объ *Арабескахъ*; что сія книга возбудила всеобщее любопытство; что расходъ на нее страшный (до сихъ поръ ни гроша барыша не получено) и тому подобное“. Но ученыя

объявилъ этотъ законъ только временнымъ, и въ 1601 году снова дозволилъ земледѣльцамъ господъ малочиновныхъ вездѣ, кромѣ одного Московскаго уѣзда, переходить въ извѣстный срокъ отъ владѣльца къ владѣльцу того же состоянія, но не всѣмъ вдругъ, и не болѣе какъ по два вмѣстѣ, а прочимъ велѣлъ остаться безъ перехода на означенный 1601 годъ". При этихъ строчкахъ Каченовскій написалъ *исключить*; но Петербургская цензура эти строчки возстановила.

Л. 12 стр. 187. „Въ погибели (Димитрія Царевича) *подозрѣваютъ* Бориса Ѳеодоровича Годунова, который тѣмъ очищалъ себѣ путь къ престолу". Каченовскій, подчеркнувъ красными чернилами слово *подозрѣваютъ*, замѣтилъ: *Чтобы согласить это съ преданіемъ Церкви еще свѣжимъ, цензоръ проситъ же издателя обратить вниманіе на то, что повѣствуется о смерти Димитрія подъ 15 числомъ мая.* Погодинъ, замѣнивъ слово *подозрѣваютъ* словомъ *обвиняютъ*, на той же корректурѣ отвѣтилъ Каченовскому: „Я поставилъ слово *обвиняютъ* въ угодность вамъ. Впрочемъ весь этотъ періодъ обдѣланъ былъ мною именно сообразно Житію 15 мая и здѣсь теперь нѣтъ ничего противнаго оному. Въ Петербургѣ недавно напечатано: подозрѣваютъ *несправедливо*, не говоря уже о моей статьѣ".

Когда же учебникъ Погодина былъ выпущенъ въ свѣтъ, авторъ получилъ непріятнѣйшее извѣстіе изъ Петербурга, что Уваровъ не одобряетъ его Исторіи и сочиняетъ новую программу. „Какой это ......", замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, „выинтриговалъ и разбилъ этого чудака" [400]). Но, вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ Погодинъ получилъ отъ Уварова слѣдующую бумагу (отъ 17 іюля 1835 года): „экземпляръ сочиненной вами для училищъ *Русской Исторіи* представленъ былъ Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу. Его Высочество, принявъ книгу сію благосклонно, поручилъ мнѣ изъявить вамъ за поднесеніе оной совершенную свою благодарность".

Гоголь, прочитавъ учебникъ Погодина, писалъ ему: „Исторія

твоя составляетъ замѣчательное явленіе, но въ ней есть слѣдующій недостатокъ: она больше похожа на сочиненіе, назначенное быть темою для профессора университета, а не для гимназическаго курса. Въ ней слишкомъ сжато, даже можетъ быть много уложено въ тѣсныя рамки; притомъ въ ней, мнѣ кажется, необходимо было бы тебѣ именно развить тотъ эскизъ (*Очеркъ Русской Исторіи*), который ты помѣстилъ въ *Наблюдатель*. Онъ мнѣ очень нравится: это до самаго Петра чрезвычайно полное изложеніе, ясное и исполненное дальновиднаго, вѣрнаго вывода. Вѣрно ты эскизъ свой писалъ уже послѣ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, твоя Исторія останется лучшею, и я буду очень радъ, если она введется во всеобщее употребленіе и изгонитъ безпрестанно перевирающіяся записки, составленныя въ началѣ Богъ знаетъ кѣмъ, непровѣренныя умомъ и наблюдательностью. Жаль очень, что я не могу тебя видѣть. Мнѣ бы хотѣлось потолковать съ тобой о весьма многомъ. Да, кстати объ Исторіи! Мнѣ наговорили, что дѣтская Исторія Полевого хорошее сочиненіе. Я взялъ ее въ руки, но увидѣлъ, что яблоко отъ яблони недалеко падаетъ. Къ счастью, я получилъ твою и отвелъ немного душу". По поводу послѣдняго сообщенія Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Услышалъ, что Полевой хочетъ издать Русскую Исторію для дѣтей. Ахъ ..... вездѣ перебиваетъ и пакоститъ".

Арцыбашевъ также остался не безмолвнымъ къ этому труду Погодина и написалъ ему любопытное письмо. Замѣчательно, что нѣкоторыя мысли его объ учебникѣ Погодина совпадаютъ съ мыслями Гоголя. „Приношу", писалъ Арцыбашевъ, „чувствительную благодарность за пріятнѣйшее письмо ваше и *Начертаніе Русской Исторіи*, къ нему присоединенное. Оно, по мнѣнію моему, не столько можетъ служить руководствомъ для училищъ, сколько напамятованіемъ для знатока: слишкомъ кратко въ иныхъ мѣстахъ. Эта достойная книга, не имѣя ссылокъ, ускользаетъ отъ строгихъ замѣчаній. Критикъ сдѣлается чрезъ нихъ смѣшнымъ: чѣмъ онъ опровергнетъ, напримѣръ, что „древніе бояре... княжескіе обыкновенно носили у

насъ шитыя золотомъ оплечья" (стр. 62)? Неужели словами *Древней Россійской Библіотеки* (VII, 3): „ожерелье, сирѣчь святыя бармы, яже на плещу свою возлагаше"; слѣдственно-де оплечья принадлежность не боярская, а княжеская? Вы ему тотчасъ представите другой текстъ и принудите замолчать. Которое изъ вашихъ сказаній предпочтетъ разбиратель: то ли, что „въ княженіе Донскаго митрополитъ Кипріанъ ввелъ лѣтосчисленіе съ сентября"... (стр. 117), или, что „годъ при Іоаннѣ положено начинать съ 1 сентября вмѣсто 1 марта" (стр. 149)? „По смерти Макарія"—пишете вы (стр. 175)—„постановлено, чтобы митрополиты Россійскіе носили бѣлые клобуки"; а *Лѣтописецъ*, служащій продолженіемъ Несторову (въ Московской Типографіи 1784), утверждаетъ, будто въ 1381 г.: „сняша съ него" (митрополита Пимена) „клобукъ бѣлой". Не читая вашихъ доказательствъ, нельзя рѣшить, чья правда. Дабы указать всѣ ошибочныя мѣста въ книгѣ безъ ссылокъ, требуется чрезвычайно много трудовъ и времени: останавливаетъ то, останавливаетъ другое, поди же перерывай цѣлую библіотеку и находи ошибку. Память у меня слабѣетъ: прежде я, прочитавъ страницу одинъ разъ, могъ пересказать ее, отъ слова до слова, наизусть, о чемъ теперь, въ шестьдесятъ два года отъ роду, уже и подумать не смѣю. Однако, въ угодность вашу, представлю наобумъ нѣсколько замѣчаній, не ручаясь за ихъ вѣрность. Стр. 2... „Сродство языка Славянскаго... съ Санскритскимъ". Эхъ! оставьте Санскритчину фанфаронамъ грамматистамъ. Не имѣя понятія ни объ одномъ изъ восточныхъ языковъ, они пускаютъ пыль въ глаза Санскритскимъ, который и Англичане знаютъ еще плохо. Вотъ съ Персидскимъ языкомъ нахожу я дѣйствительно сходство у Словенскаго и Нѣмецкаго. Счетъ Персидскій: іекъ (единъ, eins) [а]); до (два, two) [б]); чагаръ (четыре) [в]); панчь (пять),

---

а) *Ѣкъ.* Нисколько не напоминаетъ нѣмецкое *eins.*

б) (не *до*, а *ду* сходно (не съ нѣмецкимъ, а съ англійскимъ) *two.*

в) (не *чагаръ*, а *чехаръ*, имѣетъ слишкомъ далекое сходство съ словомъ *четыре.*

твоя составляетъ замѣчательное явленіе, но въ ней есть слѣдующій недостатокъ: она больше похожа на сочиненіе, назначенное быть темою для профессора университета, а не для гимназическаго курса. Въ ней слишкомъ сжато, даже можетъ быть много уложено въ тѣсныя рамки; притомъ въ ней, мнѣ кажется, необходимо было бы тебѣ именно развить тотъ эскизъ (*Очеркъ Русской Исторіи*), который ты помѣстилъ въ *Наблюдатель*. Онъ мнѣ очень нравится: это до самаго Петра чрезвычайно полное изложеніе, ясное и исполненное дальновиднаго, вѣрнаго вывода. Вѣрно ты эскизъ свой писалъ уже послѣ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, твоя Исторія останется лучшею, и я буду очень радъ, если она введется во всеобщее употребленіе и изгонитъ безпрестанно перевирающіяся записки, составленныя въ началѣ Богъ знаетъ кѣмъ, непровѣренныя умомъ и наблюдательностью. Жаль очень, что я не могу тебя видѣть. Мнѣ бы хотѣлось потолковать съ тобой о весьма многомъ. Да, кстати объ Исторіи! Мнѣ наговорили, что дѣтская Исторія Полевого хорошее сочиненіе. Я взялъ ее въ руки, но увидѣлъ, что яблоко отъ яблони недалеко падаетъ. Къ счастью, я получилъ твою и отвелъ немного душу". По поводу послѣдняго сообщенія Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Услышалъ, что Полевой хочетъ издать Русскую Исторію для дѣтей. Ахъ ..... вездѣ перебиваетъ и пакоститъ".

Арцыбашевъ также остался не безмолвнымъ къ этому труду Погодина и написалъ ему любопытное письмо. Замѣчательно, что нѣкоторыя мысли его объ учебникѣ Погодина совпадаютъ съ мыслями Гоголя. „Приношу", писалъ Арцыбашевъ, „чувствительную благодарность за пріятнѣйшее письмо ваше и *Начертаніе Русской Исторіи*, къ нему присоединенное. Оно, по мнѣнію моему, не столько можетъ служить руководствомъ для училищъ, сколько напамятованіемъ для знатока: слишкомъ кратко въ иныхъ мѣстахъ. Эта достойная книга, не имѣя ссылокъ, ускользаетъ отъ строгихъ замѣчаній. Критикъ сдѣлается чрезъ нихъ смѣшнымъ: чѣмъ онъ опровергнетъ, напримѣръ, что „древніе бояре... княжескіе обыкновенно носили у

насъ шитыя золотомъ оплечья“ (стр. 62)? Неужели словами *Древней Россiйской Библiотеки* (VII, 3): „ожерелье, сирѣчь святыя бармы, яже на плещу свою возлагаше“; слѣдственно-де оплечья принадлежность не боярская, а княжеская? Вы ему тотчасъ представите другой текстъ и принудите замолчать. Которое изъ вашихъ сказанiй предпочтетъ разбиратель: то ли, что „въ княженiе Донскаго митрополитъ Кипрiанъ ввелъ лѣтосчисленiе съ сентября“... (стр. 117), или, что „годъ при Iоаннѣ положено начинать съ 1 сентября вмѣсто 1 марта“ (стр. 149)? „По смерти Макарiя“—пишете вы (стр. 175)—„постановлено, чтобы митрополиты Россiйскiе носили бѣлые клобуки“; а *Лѣтописецъ*, служащiй продолженiемъ Несторову (въ Московской Типографiи 1784), утверждаетъ, будто въ 1381 г.: „сняша съ него“ (митрополита Пимена) „клобукъ бѣлой“. Не читая вашихъ доказательствъ, нельзя рѣшить, чья правда. Дабы указать всѣ ошибочныя мѣста въ книгѣ безъ ссылокъ, требуется чрезвычайно много трудовъ и времени: останавливаетъ то, останавливаетъ другое, поди же перерывай цѣлую библiотеку и находи ошибку. Память у меня слабѣетъ: прежде я, прочитавъ страницу одинъ разъ, могъ пересказать ее, отъ слова до слова, наизусть, о чемъ теперь, въ шестьдесятъ два года отъ роду, уже и подумать не смѣю. Однако, въ угодность вашу, представлю наобумъ нѣсколько замѣчанiй, не ручаясь за ихъ вѣрность. Стр. 2... „Сродство языка Славянскаго... съ Санскритскимъ“. Эхъ! оставьте Санскритчину фанфаронамъ грамматистамъ. Не имѣя понятiя ни объ одномъ изъ восточныхъ языковъ, они пускаютъ пыль въ глаза Санскритскимъ, который и Англичане знаютъ еще плохо. Вотъ съ Персидскимъ языкомъ нахожу я дѣйствительно сходство у Словенскаго и Нѣмецкаго. Счетъ Персидскiй: iекъ (единъ, eins) [а]); до (два, two) [б]); чагаръ (четыре) [в]); панчь (пять),

[а]) *Ѣкъ.* Нисколько не напоминаетъ нѣмецкое *eins.*

[б]) (не *до*, а *ду* сходно (не съ нѣмецкимъ, а съ англiйскимъ) *two.*

[в]) (не *чагаръ*, а *чехаръ*, имѣетъ слишкомъ далекое сходство съ словомъ *четыре.*

поты на счетъ торгуемой мною деревни... Досадно, что дѣлать“ [398]).

На обратномъ пути изъ своей Васильевки, Гоголь посѣтилъ Кіевъ, и по свидѣтельству его друга, М. А. Максимовича, въ немъ начался „крутой переворотъ въ мысляхъ—подъ впечатлѣніемъ Древне-Русской Святыни Кіева, который у Малороссіянъ XVII вѣка назывался *Русскимъ Іерусалимомъ*... Ни *крѣпкаго* словца, ни грязнаго анекдотца не послышалось отъ него ни разу“ [399]).

XLIV.

Мечтательность, отличавшая юные годы Погодина, не покидала его и тогда, когда онъ сдѣлался почтеннымъ отцемъ семейства, ординарнымъ профессоромъ, и съ особенною силою проявилась предъ его первымъ путешествіемъ по Европѣ. „Не ѣхать ли мнѣ въ деревню“, пишетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „мысли историческія роятся въ моей головѣ, а въ уединеніи сосредоточеніе мыслей, ясновидѣніе. Но не могу ли я соединить свои занятія этого рода съ университетскими занятіями. Вотъ для меня задача? Не спрашиваетъ ли меня судьба: чего хочешь: золота или творчества?“ Свои мысли объ Исторіи всѣхъ Европейскихъ государствъ онъ мечтаетъ изложить въ лекціяхъ и прочесть ихъ въ Парижѣ „предъ Гизо, Шатобріаномъ, Мицкевичемъ. Слава! Нѣсть пророку чести въ отечествѣ. И потомъ попечитель въ Московскомъ Университетѣ. Вотъ ужъ бы устроилъ Университетъ, не Уварову чета. И чудо... Какъ удивятся эти господа, услышавъ новости отъ молодаго москвитянина“. Ему также мерещились обѣды у Гизо, Шатобріана, Тьера съ тостами за миръ, согласіе, просвѣщеніе. Словами Руссаго поэта: *Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!*“ То ему является „богатѣйшая мысль о переселеніи Нѣмцевъ изъ Скандинавіи“. Обращаясь къ своимъ трудамъ, Погодинъ замѣчалъ: „Никакъ не могу охватить даже мыслію всѣхъ своихъ предпріятій теперешнихъ: издать Рус-

а креповый покровъ на камилавку: спросите у любаго монаха. Покровы, или убрусы, носили наши князья".

Митрополитъ Евгеній отнесся къ учебнику Погодина весьма неопредѣленно: „Получилъ я", писалъ онъ ему, „вашу краткую исторію и уже прочиталъ ее. Кое-что замѣтилъ, послѣ вамъ сообщу".

Черезъ Загряжскаго Погодинъ желалъ ввести свой учебникъ въ военно-учебныя заведенія, но и тутъ потерпѣлъ неудачу. По крайней мѣрѣ Загряжскій писалъ ему: „Ростовцева я видѣлъ, отдалъ ему твои книги, онъ велѣлъ тебѣ написать спасибо. Что *Исторіи* твоей въ военныхъ заведеніяхъ нельзя ввести, что у нихъ уже почти окончена другая, назвалъ онъ мнѣ какого то здѣшняго профессора, но я его забылъ, помнится что въ здѣшнемъ Университетѣ ректоръ. Говоривши о твоей *Исторіи*, онъ мнѣ сказалъ, что онъ ее уже читалъ, много находитъ въ ней хорошаго, но есть и важные недостатки. Нѣкоторые другіе мнѣ говорили тоже, прибавляя, что вообще замѣтна въ ней небрежность и поспѣшность. А. Ростовцевъ говорилъ, что если бы она была очень хороша, такъ, чтобы можно было ее ввести въ высшіе классы, то ее тотчасъ бы разошлось болѣе тысячи экземпляровъ" [401]).

Весьма сочувственный отзывъ объ этомъ трудѣ Погодина былъ напечатанъ въ *Библіотекѣ для* Чтенія. „Считаемъ своею обязанностію", пишетъ рецензентъ, „воздать полную похвалу *Начертанію Русской Исторіи для училищъ*, труду прекрасному, который утвердитъ за сочинителемъ пріобрѣтенную славу отличнаго профессора Отечественной Исторіи. *Начертаніе Русской Исторіи для училищъ* книга хорошая и хорошо выполненная. Она кратка и удовлетворительна. Всѣ важнѣйшія событія, всѣ рѣзкія черты нашей Исторіи схвачены удачно и обозначены вѣрно. Ограничившись тѣсными предѣлами учебнаго руководства, ученый профессоръ не могъ входить въ подробности и мелочи, а тѣмъ менѣе вдаваться въ рѣшеніе споровъ и недоразумѣній. Онъ представилъ Русскую Исторію въ такомъ видѣ, въ какомъ она овдовѣла при смерти

Карамзина. Новыя теоріи, еще неразвитыя, еще недоказанныя, не должны затмѣвать понятій воспитанниковъ неумѣстнымъ скептицизмомъ. При всей сжатости, нѣкоторыя эпохи изложены такъ превосходно, что самая ясность сюжета картины равняется полнотѣ, достигаемой подробностями. Особенно хорошо обработана эпоха съ Шуйскаго до Петра Великаго. Мы желали бы видѣть это сочиненіе введеннымъ въ училища, потому что лучшаго руководства невозможно предложить ни преподавателю, ни ученику; но намъ кажется, что въ такомъ случаѣ г. Погодинъ сдѣлалъ бы его еще совершеннѣе и полезнѣе, присовокупивъ къ своему тексту небольшой томъ примѣчаній, по алфавитному или по другому порядку, и означивъ въ нихъ, противъ каждаго главнаго факта, источники, гдѣ учащійся можетъ почерпнуть знаніе подробностей, и книги, въ которыхъ заключаются лучшія разсужденія о томъ же фактѣ. Эту методу мы почитаемъ за лучшую въ учебныхъ книгахъ“ [402]). Иначе отнесся къ этому учебнику *Телескопъ*, въ которомъ Бѣлинскій выступилъ противъ Погодина. „Здѣсь“, писалъ онъ, „невольно подвертываются мнѣ подъ перо слова г. Шевырева: „Ахъ эти бѣдныя дѣти! Что̀ не годится для взрослыхъ, что̀ боится критики, то все ссылается на подачу дѣтямъ. Ихъ невинность какъ будто бы должна оправдывать всѣ недостатки сочиненій“. Замѣтьте, что г. Шевыревъ говоритъ это по поводу книги, изданной Жаненомъ, не примѣняя къ нашей литературѣ. Что же у насъ?.. О, сердце обливается кровью при мысли о безтолковомъ учебникѣ и варварѣ педагогѣ, общими силами убивающихъ юные таланты и изъ дѣтей съ человѣческимъ организмомъ дѣлающихъ идіотовъ... Да и чего хорошаго можно ожидать отъ нашихъ учѐбныхъ книгъ, когда истинные ученые презираютъ заниматься ихъ составленіемъ, и когда ихъ дѣлаютъ шарлатаны и невѣжды?.. Много ли у насъ учебныхъ книгъ, скрѣпленныхъ именемъ профессора или извѣстнаго ученаго? А за эти книги не должны браться даже и ученые по ремеслу: самый разительный примѣръ этого есть *Учебная книга Русской Сло-*

весности г. Греча, этотъ сборникъ устарѣлыхъ правилъ и дурныхъ примѣровъ, скорѣе способныхъ убить чувство вкуса и склонность къ изящному, чѣмъ развить ихъ. Такихъ примѣровъ много. Г. Погодинъ предпринялъ вознаградить недостатокъ учебныхъ книгъ по части Отечественной Исторіи. Нельзя выразить того восхищенія, съ какимъ мы узнали объ этомъ намѣреніи, того нетерпѣнія, съ какимъ мы ожидали появленія этой книги, за прекрасное исполненіе которой ручалось имя г. Погодина. Но при всемъ нашемъ уваженіи къ г. Погодину, какъ къ человѣку и писателю, мы поставляемъ себѣ непремѣннымъ долгомъ сказать во всеуслышаніе, что никогда не испытывали мы такого жестокаго разочарованія, никогда не обманывались такъ ужасно въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ... Мы едва вѣрили глазамъ своимъ. Эта книга рѣшительно недостойна имени своего автора, отъ котораго публика всегда была вправѣ ожидать чего-нибудь дѣльнаго и даже прекраснаго. Одно ея раздѣленіе на періоды ясно доказываетъ, что она составлена слишкомъ на скорую руку. Представьте себѣ: событія до Петра Великаго занимаютъ двѣсти сорокъ девять страницъ; сколько же, вы думаете, занимаютъ событія отъ вступленія на престолъ Петра Великаго до смерти Алексадра Благословеннаго? Страницъ, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ, если не тысячу? Нѣтъ, всего на все шестьдесятъ четыре страницы!.. Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы думать, что г. Погодинъ не былъ въ состояніи написать не только порядочной, но и хорошей учебной книги; мы скорѣе готовы подумать, что онъ не хотѣлъ этого сдѣлать, и что причина совершенной неудовлетворительности его сочиненія заключается въ крайней невнимательности и поспѣшности, съ какою оно составлялось. Это доказываетъ все: и отсутствіе хронологіи, безъ которой учебная книжка есть фантомъ или образъ безъ лица, и параграфы въ нѣсколько страницъ безъ перерыву, и самый языкъ, неправильный и необработанный, общія мѣста и неопредѣленность въ выраженіяхъ. Напримѣръ, что значатъ эти фразы: „Кромѣ Волкова прославился вскорѣ Дмитревскій?“ Какъ и чѣмъ

прославился? не такъ ли точно, какъ прославляются герои Подновинскаго? Ибо что тогда были за цѣнители театра? „Дмитріевъ, Озеровъ, Батюшковъ, Мерзляковъ, прославились своими сочиненіями“, но вѣдь своими же сочиненіями прославились и Сумароковъ, Херасковъ и даже Тредьяковскій и ими же прославились Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ? Признаемся откровенно, такія фразы хороши только у г. Кайданова. Къ чему эти безпрестанныя мѣстоименія „мы“? Развѣ оффиціальный слогъ, какимъ пишутся реляціи, приличенъ учебной исторической книгѣ? Много, очень много можно бы было сказать о недостаткахъ *Исторіи* г. Погодина; но для этого слишкомъ тѣсны предѣлы простой библіографической статейки. Мы вполнѣ увѣрены, что г. Погодинъ увидитъ въ этомъ подробномъ отчетѣ объ его книгѣ, равно какъ и въ нашемъ отзывѣ: тоже безпристрастіе, туже благонамѣренность; туже любовь къ истинѣ и желаніе общаго добра, которые руководили имъ въ его отзывахъ, напримѣръ, объ историческихъ трудахъ г. Полевого и прочихъ..“ [403]).

Впрочемъ, самъ Погодинъ сознавалъ недостатки своего учебника. „Отправляясь въ чужіе края“, писалъ онъ, „я не успѣлъ дополнить его нужною главою объ источникахъ, даже и объяснить оглавленіе. По той же причинѣ, особенно на нѣкоторыя событія въ Южной Россіи, не обращено было надлежащаго вниманія, и вообще подалъ поводъ къ нѣсколькимъ справедливымъ упрекамъ“ [404]).

XLV.

Въ 1835 году, одновременно съ *Начертаніемъ Русской Исторіи*, Погодинъ выпустилъ въ свѣтъ свою трагедію, подъ заглавіемъ: *Исторія въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ*. (Москва 1835 г.) и посвятилъ ее А. С. Пушкину.

Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* было заявлено, что *Исторія въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ* составляетъ часть большаго труда Погодина, которымъ онъ лѣтъ шесть занимается: это

Исторія Россіи отъ кончины Іоанна Грознаго до вступленія на престолъ Фамиліи Романовыхъ [405]).

Въ томъ же 1835 году Погодинъ напечаталъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* статью подъ названіемъ *Періодъ Самозванцевъ*, которую начинаетъ такъ: „Теперь занимаются очень много періодомъ Самозванцевъ, — пишутъ трагедіи, драмы, повѣсти, романы: поэтому весьма кстати показать коротко и какъ можно простѣе ходъ тогдашнихъ происшествій, чтобы поставить читателей этихъ трагедій, драмъ, повѣстей и романовъ, въ возможность судитъ самимъ объ употребленіи, какое дѣлаютъ сочинители изъ лицъ и событій, ознаменовавшихъ столь любопытную эпоху нашей Исторіи“ [406]). Гоголь, прочитавъ *Исторію въ лицахъ*, писалъ Погодину „*Самозванецъ* мнѣ очень нравится. Онъ не движится на сценической интригѣ, но тѣмъ не менѣе составляетъ полную, исполненную правды, стало быть, историческую и поэтическую картину“ [407]). Не смотря на отзывъ Гоголя, трагедія Погодина дала поводъ Сенковскому написать весьма замѣчательную и поучительную рецензію. „*Эта Исторія въ лицахъ*, читаемъ мы, „старинная наша знакомка. Она была однажды у насъ съ визитомъ. Мы всегда очень уважали историческіе труды г. Погодина, и самъ онъ, конечно, не имѣетъ никакого повода подозрѣвать насъ въ недоброжелательствѣ; но на счетъ его *Исторіи въ лицахъ* не можемъ перемѣнить того мнѣнія, которое заставило насъ не принять ея въ *Библіотеку для Чтенія*. По совѣсти мы не находимъ, чтобы это произведеніе было достойно славы ея автора, и недавно помѣщенная у насъ статья г. Погодина объ эпохѣ Самозванцевъ кажется намъ несравненно лучше его *Исторіи въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ*, гдѣ потеря благородныхъ формъ чистой Исторіи не вознаграждена даже поэзіею. Этотъ родъ трагедіи, который онъ испытывалъ уже въ *Марѳѣ Посадницѣ*, рѣшительно не свойственъ его таланту. Новая трагедія, посвященная А. С. Пушкину, есть не что иное какъ сводъ фактовъ изъ лѣтописей о Димитріи Самозванцѣ, изложенный въ видѣ разговоровъ. Историкъ остался

Карамзина. Новыя теоріи, еще неразвитыя, еще недоказанныя, не должны затмѣвать понятій воспитанниковъ неумѣстнымъ скептицизмомъ. При всей сжатости, нѣкоторыя эпохи изложены такъ превосходно, что самая ясность сюжета картины равняется полнотѣ, достигаемой подробностями. Особенно хорошо обработана эпоха съ Шуйскаго до Петра Великаго. Мы желали бы видѣть это сочиненіе введеннымъ въ училища, потому что лучшаго руководства невозможно предложить ни преподавателю, ни ученику; но намъ кажется, что въ такомъ случаѣ г. Погодинъ сдѣлалъ бы его еще совершеннѣе и полезнѣе, присовокупивъ къ своему тексту небольшой томъ примѣчаній, по алфавитному или по другому порядку, и означивъ въ нихъ, противъ каждаго главнаго факта, источники, гдѣ учащійся можетъ почерпнуть знаніе подробностей, и книги, въ которыхъ заключаются лучшія разсужденія о томъ же фактѣ. Эту методу мы почитаемъ за лучшую въ учебныхъ книгахъ" [402]). Иначе отнесся къ этому учебнику *Телескопъ*, въ которомъ Бѣлинскій выступилъ противъ Погодина. „Здѣсь", писалъ онъ, „невольно подвертываются мнѣ подъ перо слова г. Шевырева: „Ахъ эти бѣдныя дѣти! Что̀ не годится для взрослыхъ, что̀ боится критики, то все ссылается на подачу дѣтямъ. Ихъ невинность какъ будто бы должна оправдывать всѣ недостатки сочиненій". Замѣтьте, что г. Шевыревъ говоритъ это по поводу книги, изданной Жаненомъ, не примѣняя къ нашей литературѣ. Что же у насъ?.. О, сердце обливается кровью при мысли о безтолковомъ учебникѣ и варварѣ педагогѣ, общими силами убивающихъ юные таланты и изъ дѣтей съ человѣческимъ организмомъ дѣлающихъ идіотовъ... Да и чего хорошаго можно ожидать отъ нашихъ учебныхъ книгъ, когда истинные ученые презираютъ заниматься ихъ составленіемъ, и когда ихъ дѣлаютъ шарлатаны и невѣжды?.. Много ли у насъ учебныхъ книгъ, скрѣпленныхъ именемъ профессора или извѣстнаго ученаго? А за эти книги не должны браться даже и ученые по ремеслу: самый разительный примѣръ этого есть *Учебная книга Русской Сло-*

торымъ разсуждаютъ бояре, черезчуръ сведенъ въ простонародный. Мы укажемъ въ особенности на сцену пирушки въ домѣ князя Василія Шуйскаго, который, какъ бы то ни было, считался тогда первымъ аристократомъ. Бояре величаютъ другъ друга дураками, и употребляютъ такія выраженія, которыя можно услышать только на извощичьей биржѣ. Авторъ хотѣлъ, кажется, воскресить языкъ благородныхъ обществъ XVII столѣтія, и думалъ найти его въ теперешнемъ мужицкомъ языкѣ, въ нынѣшнихъ простонародныхъ поговоркахъ и пословицахъ. На этотъ счетъ мы позволимъ себѣ быть вовсе несогласными съ ученымъ сочинителемъ *Исторіи въ лицахъ*. Мы увѣрены, что мужики XVII вѣка говорили точно также, какъ мужики XIX, но что бояре никогда не говорили какъ мужики. Они составляли сильную, плотную, весьма исключительную касту, а каждая каста имѣетъ свое нарѣчіе и свои способы изъясненія. Грубость и невѣжество отнюдь не одно и тоже. Русская аристократія XVII вѣка была непросвѣщенна, могла даже имѣть грубыя привычки, но она не была груба на словахъ. Поѣзжайте въ Киргизскую Степь, — вы удивитесь вѣжливости разговоровъ степныхъ вельможей. Нынѣшніе Турки также не просвѣщенны, какъ были Русскіе во время Самозванцевъ, и не смотря на то, высшій классъ ихъ слыветъ своей обходительностью въ цѣлой Европѣ: мы беремся показать десять Французскихъ путешествій по Турціи, въ которыхъ вѣжливость знатныхъ Оттомановъ признана не уступающею тонкому обращенію стариннаго маркиза. Безъ сомнѣнія, вѣжливость непросвѣщенныхъ заключается только въ словахъ и образованность ихъ не что иное какъ церемонность или утонченная хитрость; — но эту-то черту и слѣдовало схватить, изображая вѣкъ непросвѣщенный и людей непросвѣщенныхъ, а не придавать аристократіи, находящейся въ подобныхъ обстоятельствахъ, языкъ грубаго разночинца, которымъ она не говоритъ нигдѣ и никогда, ни въ какомъ столѣтіи и ни въ какой части свѣта. Что жъ изъ этого вышло? Заставивъ бояръ говорить нынѣшнимъ простонароднымъ язы-

прославился? не такъ ли точно, какъ прославляются герои Подновинскаго? Ибо что тогда были за цѣнители театра? „Дмитріевъ, Озеровъ, Батюшковъ, Мерзляковъ, прославились своими сочиненіями“, но вѣдь своими же сочиненіями прославились и Сумароковъ,Херасковъ и даже Тредьяковскій и ими же прославились Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ? Признаемся откровенно, такія фразы хороши только у г. Кайданова. Къ чему эти безпрестанныя мѣстоименія „мы“? Развѣ оффиціальный слогъ, какимъ пишутся реляціи, приличенъ учебной исторической книгѣ? Много, очень много можно бы было сказать о недостаткахъ *Исторіи* г. Погодина; но для этого слишкомъ тѣсны предѣлы простой библіографической статейки. Мы вполнѣ увѣрены, что г. Погодинъ увидитъ въ этомъ подробномъ отчетѣ объ его книгѣ, равно какъ и въ нашемъ отзывѣ: тоже безпристрастіе, туже благонамѣренность; туже любовь къ истинѣ и желаніе общаго добра, которые руководили имъ въ его отзывахъ, напримѣръ, объ историческихъ трудахъ г. Полевого и прочихъ..“ [403]).

Впрочемъ, самъ Погодинъ сознавалъ недостатки своего учебника. „Отправляясь въ чужіе края“, писалъ онъ, „я не успѣлъ дополнить его нужною главою объ источникахъ, даже и объяснить оглавленіе. По той же причинѣ, особенно на нѣкоторыя событія въ Южной Россіи, не обращено было надлежащаго вниманія, и вообще подалъ поводъ къ нѣсколькимъ справедливымъ упрекамъ“ [404]).

XLV.

Въ 1835 году, одновременно съ *Начертаніемъ Русской Исторіи*, Погодинъ выпустилъ въ свѣтъ свою трагедію, подъ заглавіемъ: *Исторія въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ*. (Москва 1835 г.) и посвятилъ ее А. С. Пушкину.

Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* было заявлено, что *Исторія въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ* составляетъ часть большаго труда Погодина, которымъ онъ лѣтъ шесть занимается: это

своего удивленія! Мы всегда были того мнѣнія, что тотъ, кто не путешествовалъ, не можетъ быть живописцемъ въ Исторіи, и по прочтеніи этой *Исторіи въ лицахъ* еще болѣе утверждаемся въ нашей мысли. Несправедливо однако жъ было бы сказать, что драма г. Погодина не заслуживаетъ никакого любопытства со стороны читателей. Какъ произведеніе искусства она ниже всякой посредственности; но тѣ, которые желаютъ познакомиться съ историческими подробностями происшествія, будутъ читать ее съ пользою, и въ этомъ отношеніи картина послѣднихъ минутъ Самозванца можетъ быть названа лучшею стороною сочиненія“ [408]).

XLVI.

Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* было заявлено, что, издавъ *Исторію въ лицахъ*, Погодинъ немедленно приступитъ къ изданію разсужденія о Русскихъ Лѣтописяхъ съ отвѣтомъ на всѣ статьи гг. Каченовскаго, Строева Старшаго и Строева Младшаго (Скромненко) [409]). Къ этому понуждалъ его и митрополитъ Евгеній, который писалъ: „Нетерпѣливо буду ждать вашихъ изслѣдованій о древнѣйшемъ періодѣ Русской Исторіи и расправу со спорщиками вашими. Смѣшно, что они не вѣрятъ подлинности и Мстиславовой грамоты“ [410]). Погодинъ съ жаромъ началъ продолжать свою оборону Нестора противъ нападеній скептиковъ. Написанное онъ читалъ Надеждину и „воспламенялся“ [411]). Вскорѣ въ *Библіотекѣ для Чтенія* появилось продолженіе статей его по этому предмету. Статью свою подъ заглавіемъ: *Кто писалъ Несторову Лѣтопись?* онъ заключаетъ такими словами: „Скажу рѣшительно, что по всѣмъ извѣстнымъ доселѣ историческимъ документамъ достовѣрно, что монахъ Кіево-Печерскаго монастыря Несторъ писалъ Лѣтопись. Теперь вопросъ: въ какомъ видѣ дошла до насъ Лѣтопись? Объ этомъ я имѣю мнѣніе еретически противоположное мнѣнію и Шлецера, и Стриттера, и Миллера, и Карамзина, и Тимковскаго, и Строева, и Калайдовича, и Арцыбашева,—

вѣренъ своему призванію; поэта не видно въ цѣломъ сочиненіи. Чего нѣтъ въ лѣтописяхъ, того авторъ не старался ни отгадать, ни выразить. Оттого всѣ его лица безхарактерны. Димитрій, просто—ребенокъ, которымъ управляетъ Басмановъ, безсильный учитель, который не можетъ справиться съ подвластнымъ ребенкомъ. Одинъ, въ каждой сценѣ, дѣйствуетъ къ своему вреду, и самъ ведетъ себя къ паденію, ожидая совѣтовъ отъ пѣстуна; другой все это видитъ, можетъ поправить, берется учить, и не умѣетъ заставить себя слушать. И тотъ и другой равно безцвѣтны,—и, наговорившись досыта понапрасну, они, право, не могли придумать ничего лучше какъ умереть вмѣстѣ. Марина настоящій камень преткновенія для нашихъ писателей въ стихахъ и прозѣ. Кромѣ Пушкина, никто не умѣлъ сдѣлать изъ нея женщины. Г. Кукольникъ представилъ ее сумасшедшею; г. Погодинъ баядеркою. Марина у него умѣетъ только цѣловаться и садиться на колѣна къ Самозванцу, да еще плясать мазурку, которой въ ея время не плясали въ обществахъ: это мы знаемъ навѣрное изъ одной весьма ученой исторіи танцевъ. Мы думаемъ, что ее взяли подъ караулъ и посадили въ темницу за этотъ хореологическій анахронизмъ, потому что она худаго ничего болѣе не сдѣлала. Какая разница съ Мариною Пушкина, хитрою, честолюбивою, и притомъ такъ очаровательною! Авторъ, повидимому, старался всего болѣе объ отдѣлкѣ Шуйскаго. Шуйскій, конечно, могъ быть превосходнымъ лицемъ, потому что совершаетъ великое дѣло въ трагедіи. Поэтъ могъ бы сдѣлать много изъ этого представителя Русской аристократіи: здѣсь онъ взятъ цѣликомъ изъ лѣтописей и вышелъ тоже безъ характера, похожій на тѣхъ картонныхъ куколокъ, которыя поднимаютъ руки и ноги, когда потянешь нитку. Шуйскій — лице говорящее, но не живое; писанный портретъ, очень схожій, но въ которомъ нѣтъ ни души, ни движенія. Драма г. Погодина писана не для сцены, и еслибы даже вздумали давать ее на театрѣ, ни одинъ артистъ не взялся бы играть ея героевъ. Языкъ, которымъ говоритъ Шуйскій, ко-

торымъ разсуждаютъ бояре, черезчуръ сведенъ въ простонародный. Мы укажемъ въ особенности на сцену пирушки въ домѣ князя Василія Шуйскаго, который, какъ бы то ни было, считался тогда первымъ аристократомъ. Бояре величаютъ другъ друга дураками, и употребляютъ такія выраженія, которыя можно услышать только на извощичьей биржѣ. Авторъ хотѣлъ, кажется, воскресить языкъ благородныхъ обществъ XVII столѣтія, и думалъ найти его въ теперешнемъ мужицкомъ языкѣ, въ нынѣшнихъ простонародныхъ поговоркахъ и пословицахъ. На этотъ счетъ мы позволимъ себѣ быть вовсе несогласными съ ученымъ сочинителемъ *Исторіи въ лицахъ.* Мы увѣрены, что мужики XVII вѣка говорили точно также, какъ мужики XIX, но что бояре никогда не говорили какъ мужики. Они составляли сильную, плотную, весьма исключительную касту, а каждая каста имѣетъ свое нарѣчіе и свои способы изъясненія. Грубость и невѣжество отнюдь не одно и тоже. Русская аристократія XVII вѣка была непросвѣщенна, могла даже имѣть грубыя привычки, но она не была груба на словахъ. Поѣзжайте въ Киргизскую Степь,— вы удивитесь вѣжливости разговоровъ степныхъ вельможей. Нынѣшніе Турки также не просвѣщенны, какъ были Русскіе во время Самозванцевъ, и не смотря на то, высшій классъ ихъ слыветъ своей обходительностью въ цѣлой Европѣ: мы беремся показать десять Французскихъ путешествій по Турціи, въ которыхъ вѣжливость знатныхъ Оттомановъ признана не уступающею тонкому обращенію стариннаго маркиза. Безъ сомнѣнія, вѣжливость непросвѣщенныхъ заключается только въ словахъ и образованность ихъ не что иное какъ церемонность или утонченная хитрость; — но эту-то черту и слѣдовало схватить, изображая вѣкъ непросвѣщенный и людей непросвѣщенныхъ, а не придавать аристократіи, находящейся въ подобныхъ обстоятельствахъ, языкъ грубаго разночинца, которымъ она не говоритъ нигдѣ и никогда, ни въ какомъ столѣтіи и ни въ какой части свѣта. Что жъ изъ этого вышло? Заставивъ бояръ говорить нынѣшнимъ простонароднымъ язы-

комъ, авторъ не могъ выдумать для тогдашняго народа языка еще хуже, и у него вельможи и чернь глаголятъ на одинъ образецъ. То, что мы сказали о языкѣ, примѣняется и къ обращенію. Богатство и знатность всюду имѣютъ свои пріемы, которые не даются никому другому. Жолкѣвскій былъ человѣкъ образованный, даже ученый, аристократъ въ полномъ смыслѣ слова, и могъ лучше всѣхъ судить о нашемъ высшемъ дворянствѣ того вѣка: онъ, конечно, не восхищается познаніями Русскихъ бояръ, но говоритъ съ уваженіемъ объ ихъ сословіи, находитъ между ними людей мудрыхъ, отличныхъ, и никого изъ нихъ не упрекаетъ въ грубости обращенія. Это весьма примѣчательно, — потому что въ понятіяхъ Поляковъ вѣжливость чуть ли не первая добродѣтель. Кто читалъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* записку Польскаго дипломатическаго агента о разныхъ Московскихъ боярахъ, тотъ вѣрно помнитъ похвалы, которыя сочинитель отдаетъ благородному тону Романовскихъ, Одоевскихъ, Голицыныхъ. Мы, право, не понимаемъ, на какомъ основаніи ученый авторъ, изображая Русское общество XVII вѣка, изгналъ изъ него все благородство выраженія и обращенія! Польскіе послы и Русскіе бояре „проходятъ другъ противъ друга, мѣряя себя глазами и огрызаясь“, это было, якобы, во дворцѣ, на аудіенціи. Бояре, и особенно боярыни, такъ просты, что нѣтъ мочи: въ придворномъ маскарадѣ они играютъ роль дикихъ Алеутовъ. Тутъ, положимъ, Шуйскій притворяется; но всѣ другіе вельможи обоего пола отъ души разинули рты, и остолбенѣли, а тѣ, которые хотѣли вразумиться въ предметъ общаго изумленія, чтобы придать себѣ цвѣтъ древности, начали говорить глупости живописнымъ языкомъ Ярославскихъ огородниковъ. Возможно ли предполагать такое незнаніе общежитія, такую простоту, такую безсмысленность въ первомъ классѣ народа. Г. Погодинъ не подумалъ о томъ, что непросвѣщенные народы чрезвычайно горды, и презираютъ все иностранное и что знатнѣйшія лица у нихъ имѣютъ постояннымъ правиломъ ничему не удивляться, по крайней мѣрѣ не обнаруживать

Коммиссіи для изданія собранныхъ Строевымъ актовъ. Предсѣдателемъ назначенъ князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ; членами: Строевъ, Устряловъ, Бередниковъ и я. Эта коммиссія будетъ постоянная, и, по изданіи сихъ актовъ, увеличится числомъ членовъ, раздѣлится на экспедиціи и займется изданіемъ вообще источниковъ Русской Исторіи. Такимъ образомъ осуществится давнишняя мысль С. С. Уварова, и царствованію Николая будетъ обязана Россія не однимъ собраніемъ законовъ своихъ" [415]). Дѣлопроизводителемъ же этой Коммиссіи назначенъ былъ извѣстный ратоборецъ Скептической школы С. М. Строевъ. Такимъ образомъ ученіе скептиковъ проникло въ Археографическую Коммиссію. Скептицизмъ, напримѣръ, Я. И. Бередникова доходилъ даже до того, что онъ не вѣровалъ въ древность *Остромирова Евангелія* и по этому поводу писалъ П. М. Строеву: „Если увидите Михаила Трофимовича Каченовскаго, то скажите ему, что онъ чутьемъ впередъ знаетъ то, что впослѣдствіи открывается на опытѣ. Пресловутое *Остромирово Евангеліе* никакъ не относится къ той древности, какую ему приписывали. Боюсь сказать, что оно новѣйшая поддѣлка, и даже едва ли не XVIII вѣка; а есть на то резоны. Посмотрите сами. Я увѣренъ, что и бородатыя антикваріи не признаютъ его древности" [416]). Когда слухъ объ этомъ безвѣріи достигъ Погодина, то онъ писалъ Востокову: „Я слышалъ, что возникаютъ какія-то сомнѣнія объ *Остромировомъ Евангеліи.* Что за діавольщина! Прошу васъ покорнѣйше увѣдомить меня хоть одною строкою".

Востоковъ успокоилъ Погодина. „Не знаю", отвѣчалъ онъ ему, „съ чьей стороны и на какомъ основаніи возникли сомнѣнія объ *Остромировомъ Евангеліи?* Объ этихъ сомнѣніяхъ слышалъ я отъ пріѣзжихъ изъ Москвы. Я не вижу никакой причины сомнѣваться въ древности и подлинности этой рукописи. Думаю, что сомнѣнія могли родиться только у приверженцевъ новой исторической школы, которая оспариваетъ Несторову лѣтопись, выводитъ Новгородцевъ отъ Балтійскихъ Славянъ, и приводитъ ихъ на берега Ильменя не ранѣе XII

словомъ, противоположное мнѣніе всѣхъ нашихъ изслѣдователей, и скажу его послѣ". Это мнѣніе свое Погодинъ излагаетъ въ особой статьѣ подъ заглавіемъ: *Первобытный видъ и источники Несторовой Лѣтописи* [412]). Но и эти статьи Погодина С. М. Строевъ не оставилъ безъ отвѣта. Подъ псевдонимомъ Сергія Скромненко, онъ напечаталъ *О мнимой древности, первобытномъ состояніи и источникахъ нашихъ лѣтописей* (Спб. 1835). По поводу этой книжечки въ *Библіотекѣ для Чтенія* сказано: „Еще манифестъ юной исторической школы... Г. Скромненко — одинъ изъ самыхъ пылкихъ приверженцевъ новой школы. Онъ не пропускаетъ ни одного удобнаго случая къ обращенію въ бѣгство Карамзинистовъ. Жаль, что въ этомъ важномъ дѣлѣ обѣ воюющія стороны стрѣляются только брошюрками да статьями. Не лучше ли приступить прямо къ дѣлу, взяться за основный вопросъ и разрѣшить его на жизнь или смерть той или другой школы? До тѣхъ поръ, пока будутъ осмѣивать частности, страницы, строчки, никто не убѣдится въ непогрѣшимости нововводителей. Нападите, господа, разомъ, дружно, на историческую критику Шлецера, на историческія понятія Карамзина; выставьте всю ихъ ложность, неосновательность, баснословность; разорите впрахъ непріятельскую землю, и на мѣстѣ памятника, воздвигнутаго трудами Карамзина, соорудите другой, вашъ собственный, котораго подножье было бы столь же незыблемо и непоколебимо, — тогда Карамзинисты сами откажутся отъ своихъ притязаній, бросятъ Шлецера и пойдутъ отыскивать монастырскихъ записокъ подъ вашими знаменами. Но для этого труднаго, важнаго, великаго предпріятія юная историрическая школа, кажется, ещé слишкомъ юна. Желаемъ ей рости не по днямъ, а по часамъ: ея будущность много занимаетъ всѣхъ любителей Отечественной Исторіи" [413]). Книжечка С. М. Строева встрѣтила весьма сочувственный отзывъ другаго ученика Каченовскаго, Якова Турунова, который въ *Сѣверной Пчелѣ*, между прочимъ, сказалъ: „Новая школа, основанная и поддерживаемая почтеннымъ М. Т. Каченовскимъ,

принесетъ общеполезные плоды для Русскихъ! — Кажется, въ XIX вѣкѣ пора различать изысканія Нибура отъ разсказовъ Геродота, простѣе, Исторію отъ сказки" [414]). Но въ борьбѣ своей со скептиками Погодинъ находилъ сочувственную поддержку лицъ, имѣющихъ авторитетъ. Такъ митрополитъ Евгеній писалъ ему: „Объ имени Нестора не помню я, чтобы гдѣ-нибудь читалъ, кромѣ въ заглавіи Кенигсбергскаго списка и въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, и въ Кальнофойскаго Польскомъ сокращеніи Нестора. Но не вѣрю, чтобы это имя было выдумано. Мнѣніе школы М. Т. Каченовскаго мнѣ извѣстно. Отъ васъ ожидаемъ продолженія и надѣемся, что вы оправдаете и лѣтописи наши и Нестора. Въ Кіевѣ не нашелъ я нигдѣ и списковъ Несторовой Лѣтописи, а есть у насъ списки Нестрова жизнеописанія князей Бориса и Глѣба. Я думаю, что позднѣйшіе списатели Несторовой Лѣтописи, распространявшіе или сокращавшіе оную, не смѣли уже въ заглавіи выставлять имя Нестора. Отъ того-то онъ и забытъ. Но основа Лѣтописей вездѣ одинакова и должна быть Несторова". Еще рѣзче выражался Арцыбашевъ, бывшій нѣкогда сотрудникомъ Каченовскаго и ярый противникъ Карамзина. „Я восхищался", писалъ онъ Погодину, „статьею, изданною вами въ *Библіотекѣ для Чтенія*, о достовѣрности Нестора. Ей, ей, ничего еще въ этомъ родѣ лучше не читывалъ. Веселюсь и славлю предпріятіе отвѣчать *нашимъ сумасшедшимъ скептикамъ*; прибавлю: несносным умникамъ, сердитымъ и несильнымъ вралямъ. Ну, право, скоро будутъ сомнѣваться въ существованіи Петра Великаго!! Присовокупить къ вашей статьѣ ничего не могу; голосъ же мой въ пользу ея готовъ". Весьма сочувственно къ Погодину отнесся и Сербиновичъ. „Вы начали", писалъ онъ ему, „защиту Нестора благородно. Тѣмъ непріятнѣе видѣть, что явился антагонистъ съ личностями; вотъ какъ у насъ попортился вкусъ: молодые люди не могутъ понять, какъ можно писать критику безъ выходокъ противъ лица автора. Скептицизмъ на счетъ Нестора меня доселѣ ни мало не убѣждаетъ. Скептицизмъ самъ по себѣ конечно хорошъ: потому что онъ

уставомъ на пергаментѣ и безъ сомнѣнія относящійся если не къ XIII в., то по крайней мѣрѣ къ XIV вѣку. Монаховъ, бывшихъ со мною, едва я могъ увѣрить, что это пергаментъ. Я было адресовался къ архимандриту съ просьбою, и началъ съ нимъ говорить объ изданіи Даніила; но онъ удивилъ меня странностью своихъ сужденій, и на отрѣзъ сказалъ, что никакъ не дастъ мнѣ рукописи, хотя бы потребовало оную Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. Строевъ многаго не видалъ въ монастыряхъ" [420]).

Въ это время спеціальность Погодина, какъ мы знаемъ, двоилась между Всеобщей и Русской Исторіей. Заниматься первымъ предметомъ его обязывала, кромѣ внутренней потребности и каѳедра Всеобщей Исторіи, которую онъ все еще занималъ. Своихъ университетскихъ слушателей, на лекціяхъ, онъ знакомилъ съ трудами Европейскихъ ученыхъ. Такъ онъ указывалъ имъ на сочиненіе Гюльмана *Ursprunge der Kirchenverfassung des Mittelalters*. О мнѣніи сочинителя, что Французскіе короли получали достоинство епископовъ чрезъ священническое помазаніе *безъ возложенія рукъ*, Погодинъ замѣчаетъ: „это мнѣніе несправедливо; ибо, при каждомъ духовномъ посвященіи возложеніе рукъ издревле почиталось существенною потребностью, и совершенно несовмѣстно съ тѣмъ отношеніемъ, въ какомъ находилась свѣтская власть къ духовной, подъ правленіемъ Пипина и Карла Великаго"... Своихъ слушателей Погодинъ познакомилъ также и съ лекціями Цшоткке, содержащими въ себѣ жизнеописаніе Валленштейна и вмѣстѣ Исторію Тридцатилѣтней войны. Въ 1832 году было издано житіе Блаженнаго Августина, извлеченное изъ рукописи XIII-го столѣтія. Погодинъ, знакомя слушателей своихъ съ этимъ памятникомъ, замѣчаетъ: „Юриспруденты и филологи обязаны издателю за открытіе сего сокровища, касающагося до ихъ предметовъ" [421]).

Въ то же время, заботясь доставить своимъ слушателямъ учебныя руководства по Всеобщей Исторіи, Погодинъ привлекалъ къ переводу ихъ даже лицъ постороннихъ. Такъ онъ

привлекъ къ этому дѣлу извѣстнаго ученаго Степана Александровича Гедеонова, о чемъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія строки его къ Погодину: „Исторію Испаніи я при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы отдалъ доктору Берсу, который обѣщалъ вамъ ее доставить“ [422]). Самъ же Погодинъ въ это время печаталъ первую часть своихъ *Лекцій по Герену о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ Древняго міра* и испытывалъ цензурныя непріятности. „Цвѣтаевъ“, читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина, „отмѣтилъ мѣста два о Зороастрѣ въ 7-мъ листѣ лекцій. Я тотчасъ исключилъ. А они бумагу въ Цензурный Комитетъ на счетъ дерзкихъ выраженій о царской власти, и между тѣмъ, по причинѣ болѣзни, отказывается отъ цензуры. Какова умирающая эхидна! А Каченовскій, говорятъ, настаивалъ, чтобъ дать ходъ этой бумагѣ и послать въ Петербургъ. А Голохвастовъ рѣшилъ передать разсмотрѣніе ея Каченовскому, каковы!“ [423]). Вслѣдствіе сего Погодинъ принужденъ былъ написать въ Цензурный Комитетъ слѣдующую бумагу: „Получивъ изъ Комитета для исправленія 7-й листъ моихъ *Лекцій*, симъ отвѣчать честь имѣю, что отмѣченныя въ ономъ мѣста о древнемъ Персидскомъ царствѣ по Зороастровымъ мыслямъ въ Зендавестѣ, переведенныя и сокращенныя мною изъ Гереновыхъ идей, не только смягчены были по указанію г. цензора Цвѣтаева, но даже совершенно уничтожены мною прежде, нежели онъ весь листъ представилъ въ Комитетъ, какъ это усмотрѣть можно съ перваго взгляда на оный, — хотя, прибавлю, въ вышеписанныхъ мѣстахъ я не находилъ ничего непозволительнаго“. Замѣчательно, что это *непозволительное* мѣсто о Зороастрѣ было безъ всякаго препятствія напечатано въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* [424]). Наконецъ, послѣ всѣхъ затрудненій, Погодинъ въ 1835 году выпустилъ первую часть своихъ *Лекцій* по Герену, и Сенковскій по поводу ихъ написалъ цѣлый трактатъ о Финикіянахъ и Карѳагенцахъ [425]).

Въ то время, когда въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ происходило описанное нами, бѣдный Левъ Алексѣевичъ

вѣка, между тѣмъ, какъ послѣсловіемъ *Остромирова Евангелія* именно доказывается существованіе Новгорода уже въ половинѣ XI вѣка (въ 1056 г.) и владычество надъ онымъ Кіевскихъ князей Ярослава и Изяслава! Это разрушаетъ систему новой школы" [417]).

XLVII.

Трудясь самъ на поприщѣ Русской Исторіи и Древностей, Погодинъ живо интересовался трудами другихъ своихъ собратій на томъ же поприщѣ. Въ то время онъ принималъ мѣры, чтобы многолѣтній трудъ Арцыбашева былъ напечатанъ. Послѣдній писалъ Погодину: „Вы спрашиваете, долго ли мой *Сводъ Лѣтописей* (или Повѣствованіе о Россіи) будетъ подъ спудомъ? Эхъ, Михаилъ Петровичъ! Другому кому а не вамъ, человѣку опытному, можно сдѣлать такой вопросъ: вѣдь Казанское Общество Отечественной Словесности объявляло подписку на это сочиненіе, истощившее жизнь мою; но подписалось только человѣкъ двадцать пять!! А книга (доведенная мною теперь до описанія временъ царя Алексѣя Михайловича), еслибъ кончилась и на 1700 г. (не только царствованіемъ Императрицы Елисаветы) будетъ стоить мнѣ тысячъ двадцать рублей; гдѣ я возьму такую сумму? Или прикажите разориться, или бѣгать по всѣмъ угламъ и нищенски просить: батюшки, купите христа ради мою книгу. Я хотя имѣю и добрыя щи на столѣ, однако не намѣренъ отдать себя на растерзаніе книгопродавцамъ, и въ переднихъ никогда не ползывалъ, да, при старости лѣтъ, и не стану ползать. Почтеннѣйшая Россійская публика, знающая какой ученый трудъ цѣнить, имѣетъ уже превосходную *Исторію* *) о своемъ Отечествѣ, сочиненную истиннымъ геніемъ, который отъ Санскритскаго языка достигъ до невещественнаго капитала, и въ пять лѣтъ (отнюдь не въ сорокъ пять, какъ дѣлаютъ неучи) обѣщавъ написать повѣствованіе отъ начала Россіи до Адріано-

*) *Исторію Русскаго Народа* Полеваго.

польскаго міра, получилъ (если не ошибаюсь) тысячу триста подписчиковъ; чего же еще болѣе нашимъ землякамъ? Не уповаю, чтобы работа моя вышла изъ подъ спуда, пока я живъ; развѣ на Нѣмецкомъ или Французскомъ языкѣ: за это не ручаюсь" [418]). Но вызывая къ жизни трудъ Арцыбашева, направленный противъ *Исторіи Государства Россійскаго* Карамзина, Погодинъ въ то же время, при разборѣ труда Берха: *Царствованіе царя Өеодора Алексѣевича* (въ двухъ частяхъ. Спб. 1834), вспоминая Карамзина, писалъ: „Вотъ гдѣ любитель Исторіи чувствуетъ всю огромность заслугъ Карамзина. Сколько работы предстоитъ ему при изслѣдованіи одного простаго событія, одного годоваго числа, въ томъ періодѣ, до котораго не коснулся Исторіографъ—это рядъ загадокъ, болѣе или менѣе затруднительныхъ. И наоборотъ, какъ легко ему разсуждать, подтверждать или отрицать тамъ, гдѣ всѣ мнѣнія, всѣ извѣстія отысканы, указаны, сравнены, сличены, гдѣ, какъ на готовомъ, воздѣланномъ, засѣянномъ полѣ, ему остается только выбирать и пользоваться. А наши легкомысленные старики и юноши осмѣливаются говорить о немъ съ пренебреженіемъ, презрѣніемъ... Ужъ пусть бы разбирали его; но я увлекся мыслями, которыя невольно родились у меня въ головѣ, когда я долженъ былъ перебрать десятки книгъ, чтобъ написать строку о страницѣ" [419]).

Въ то время, когда Погодинъ собирался на Западъ, ученикъ его, а потомъ товарищъ по профессорству, М. А. Коркуновъ, занятый въ то время приготовленіемъ къ изданію *Хожденія Даніила игумена*, предпринялъ археографическое путешествіе на Востокъ Россіи, и изъ Казани писалъ ему: „Не могу не увѣдомить васъ о небольшемъ открытіи, сдѣланномъ мною случайно въ Нижегородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Тамъ въ тѣсной комнаткѣ на полу въ кучѣ разбросанныхъ книгъ я отыскалъ: 1) Сборникъ, въ которомъ находится списокъ Паломника Даніила, принадлежащій къ XVI ст. 2) Рукопись, писанная рукою перваго митрополита Казанскаго Гермогена и 3) всего важнѣе, Кондакарь, писанный

Насильно выростить хотѣлъ
Едва насаженное сѣмя.
Но сѣмя то изъ рукъ Петра
На почву тучную упало,
И подвигъ славы и добра
Елисавета продолжала....

Въ своихъ *Воспоминаніяхъ* К. С. Аксаковъ сообщаетъ намъ слѣдующія подробности объ этомъ днѣ своей жизни. „Круглая зала въ боковомъ правомъ строеніи стараго Университета была уставлена креслами и стульями; каѳедра стояла у стѣны. Зала наполнилась университетскими властями, профессорами и посѣтителями; въ глубинѣ ея толпились студенты. Кубаревъ читалъ Латинскую рѣчь, конфузясь и робѣя такъ, что шпага его тряслась. Наконецъ онъ кончилъ; я взошелъ на каѳедру. Въ началѣ я смутился и читалъ невнятно. Наконецъ смущеніе прошло, я громко читалъ свои стихи, и обратясь къ своимъ товарищамъ, прочелъ съ одушевленіемъ:

И вмѣстѣ мы сошлись сюда
Съ краевъ Россіи необъятной,
Для просвѣщеннаго труда,
Для цѣли свѣтлой, благодатной! и пр.

Я видѣлъ какъ на нихъ подѣйствовало чтеніе. Только я окончилъ стихи,—раздались дружныя рукоплесканія профессоровъ, посѣтителей и студентовъ... Товарищи мои въ самомъ дѣлѣ были очень довольны". Но истинною главою этихъ двухъ студенческихъ кружковъ по своему нравственному достоинству и замѣчательному дарованію былъ Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Чѣмъ былъ Андрей Тургеневъ, другъ Жуковскаго, Батюшкова, князя Вяземскаго, для поколѣнія предшествовавшаго 1812 году; чѣмъ былъ Веневитиновъ для поколѣнія, принадлежавшаго 1825 году, такимъ сталъ Станкевичъ для молодыхъ людей между 1835 и 1840 годами [427]).

Кружку Станкевича былъ много обязанъ своимъ развитіемъ прославившійся впослѣдствіи Бѣлинскій. Безпристрастный и благодушный князь В. Ѳ. Одоевскій писалъ: „Бѣлинскій былъ одною изъ высшихъ философскихъ организацій, какія когда

привлекъ къ этому дѣлу извѣстнаго ученаго Степана Александровича Гедеонова, о чемъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія строки его къ Погодину: „Исторію Испаніи я при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы отдалъ доктору Берсу, который обѣщалъ вамъ ее доставить“ [422]). Самъ же Погодинъ въ это время печаталъ первую часть своихъ *Лекцій по Герену о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ Древняго міра* и испытывалъ цензурныя непріятности. „Цвѣтаевъ“, читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина, „отмѣтилъ мѣста два о Зороастрѣ въ 7-мъ листѣ лекцій. Я тотчасъ исключилъ. А они бумагу въ Цензурный Комитетъ на счетъ дерзкихъ выраженій о царской власти, и между тѣмъ, по причинѣ болѣзни, отказывается отъ цензуры. Какова умирающая эхидна! А Каченовскій, говорятъ, настаивалъ, чтобъ дать ходъ этой бумагѣ и послать въ Петербургъ. А Голохвастовъ рѣшилъ передать разсмотрѣніе ея Каченовскому, каковы!“ [423]). Вслѣдствіе сего Погодинъ принужденъ былъ написать въ Цензурный Комитетъ слѣдующую бумагу: „Получивъ изъ Комитета для исправленія 7-й листъ моихъ *Лекцій*, симъ отвѣчать честь имѣю, что отмѣченныя въ ономъ мѣста о древнемъ Персидскомъ царствѣ по Зороастровымъ мыслямъ въ Зендавестѣ, переведенныя и сокращенныя мною изъ Гереновыхъ идей, не только смягчены были по указанію г. цензора Цвѣтаева, но даже совершенно уничтожены мною прежде, нежели онъ весь листъ представилъ въ Комитетъ, какъ это усмотрѣть можно съ перваго взгляда на оный, — хотя, прибавлю, въ вышеписанныхъ мѣстахъ я не находилъ ничего непозволительнаго“. Замѣчательно, что это *непозволительное* мѣсто о Зороастрѣ было безъ всякаго препятствія напечатано въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* [424]). Наконецъ, послѣ всѣхъ затрудненій, Погодинъ въ 1835 году выпустилъ первую часть своихъ *Лекцій* по Герену, и Сенковскій по поводу ихъ написалъ цѣлый трактатъ о Финикіянахъ и Карѳагенцахъ [425]).

Въ то время, когда въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ происходило описанное нами, бѣдный Левъ Алексѣевичъ

Цвѣтаевъ, 7 февраля 1835 года, окончилъ свое земное поприще.

Покойный былъ сынъ священника, родился въ Москвѣ и обучался въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, гдѣ кончилъ курсъ наукъ и былъ ученикомъ Богословія у ректора Серафима, впослѣдствіи митрополита; а по соизволенію митрополита Платона, въ 1795 году поступилъ студентомъ въ Московскій Университетъ. По окончаніи курса, Цвѣтаевъ, по приглашенію княгини К. В. Долгоруковой, отправился съ сыномъ ея въ чужіе края. Три года пребыванія своего въ Германіи и Франціи посвятилъ онъ наукамъ этико-политическимъ. Въ Геттингенскомъ Университетѣ, подъ руководствомъ знаменитаго Шлецера, Цвѣтаевъ выдержалъ экзаменъ на степень доктора Философіи. Въ Парижѣ Цвѣтаевъ засталъ „горячія еще слѣды тогдашняго междоусобія во Франціи" и, по замѣчанію И. М. Снегирева, „видѣлъ разительный переходъ отъ буйнаго безначалія къ военному терроризму. Цвѣтаевъ вывезъ въ Отечество свое не пристрастіе къ вольнодумству, но отвращеніе отъ правилъ демагогическихъ и благоговѣніе къ благотворному единодержавію; гибельныя слѣдствія безвѣрія той же страны въ то время еще болѣе убѣдили его въ необходимости Св. Вѣры для общественнаго и частнаго блага. Въ такомъ духѣ онъ преподавалъ свои лекціи и писалъ всѣ сочиненія свои". Студенты его любили и по кончинѣ его „воздали ему достойную честь". Тѣло покойнаго, въ жестокій морозъ и вѣтеръ, несли они на рукахъ отъ церкви св. Никокая, что въ Драчахъ, до самаго кладбища Дорогомиловскаго. Преосвященный Діонисій съ ректоромъ Московской Семинаріи Іосифомъ *), по собственному вызову, совершали отпѣваніе [426]).

XLVIII.

Въ средѣ студентовъ тогдашняго Московскаго Университета образовалась цѣлая плеяда даровитыхъ юношей. Бѣлин-

*) Впослѣдствіи архіепископъ Воронежскій и Задонскій.

скій былъ еще студентомъ, когда въ Университетѣ былъ Герценъ; при Бѣлинскомъ въ Университетъ вступилъ Станкевичъ. Главнымъ образомъ замѣчательны были два кружка, которые составились тогда среди студентовъ и представляли два разныя направленія, бродившія въ умахъ.... Главою перваго кружка былъ Герценъ, къ которому принадлежали: Огаревъ, Сатинъ, Кетчеръ, Е. Ѳ. Коршъ. Кружокъ этотъ увлекался общественными теоріями, подъ вліяніемъ преданій двадцатыхъ годовъ, политической литературы и событій въ Западной Европѣ; знакомство съ Сенъ-Симонизмомъ окончательно установило соціальное направленіе его стремленій. Главою втораго кружка сдѣлался Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Люди, составлявшіе этотъ кружокъ, воспитались по Философіи, выслушанной у Павлова и Надеждина и увлеченные заманчивою перспективою рѣшеній глубочайшихъ вопросовъ человѣческой мысли, они отдались исканію этихъ рѣшеній, пренебрегая всѣмъ остальнымъ, какъ ничтожнымъ въ сравненіи съ этими всеобъемлющими вопросами. Къ кружку Станкевича принадлежали Бѣлинскій, С. М. Строевъ, А. П. Ефремовъ, В. И. Красовъ, И. П. Ключниковъ. Къ этому же кружку примкнули потомъ В. П. Боткинъ, М. Н. Катковъ, Михаилъ Бакунинъ. Къ кружку Станкевича принадлежалъ также и студентъ Константинъ Аксаковъ, который 12 января 1835 года, въ день празднованія учрежденія Московскаго Университета, прочиталъ стихи. Любопытно, что будущій неумолимый противникъ Петра, въ это время такъ воспѣвалъ сего великаго государя:

....И Русь счастлива: Геній мочный,
Великій Царь земли полночной,
Восталъ, и смѣлою рукой
Разбилъ невѣдѣнья оковы
И любознанья свѣточь новый
Зажегъ въ странѣ своей родной.
Онъ показалъ своей Россіи
Страны наукъ, страны чужія,
И нетерпѣніемъ кипѣлъ,
И мыслью упреждая время,

Насильно выростить хотѣлъ
Едва насаженное сѣмя.
Но сѣмя то изъ рукъ Петра
На почву тучную упало,
И подвигъ славы и добра
Елисавета продолжала....

Въ своихъ *Воспоминаніяхъ* К. С. Аксаковъ сообщаетъ намъ слѣдующія подробности объ этомъ днѣ своей жизни. „Круглая зала въ боковомъ правомъ строеніи стараго Университета была уставлена креслами и стульями; каѳедра стояла у стѣны. Зала наполнилась университетскими властями, профессорами и посѣтителями; въ глубинѣ ея толпились студенты. Кубаревъ читалъ Латинскую рѣчь, конфузясь и робѣя такъ, что шпага его тряслась. Наконецъ онъ кончилъ; я взошелъ на каѳедру. Въ началѣ я смутился и читалъ невнятно. Наконецъ смущеніе прошло, я громко читалъ свои стихи, и обратясь къ своимъ товарищамъ, прочелъ съ одушевленіемъ:

И вмѣстѣ мы сошлись сюда
Съ краевъ Россіи необъятной,
Для просвѣщеннаго труда,
Для цѣли свѣтлой, благодатной! и пр.

Я видѣлъ какъ на нихъ подѣйствовало чтеніе. Только я окончилъ стихи,—раздались дружныя рукоплесканія профессоровъ, посѣтителей и студентовъ... Товарищи мои въ самомъ дѣлѣ были очень довольны“. Но истинною главою этихъ двухъ студенческихъ кружковъ по своему нравственному достоинству и замѣчательному дарованію былъ Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Чѣмъ былъ Андрей Тургеневъ, другъ Жуковскаго, Батюшкова, князя Вяземскаго, для поколѣнія предшествовавшаго 1812 году; чѣмъ былъ Веневитиновъ для поколѣнія, припадлежавшаго 1825 году, такимъ сталъ Станкевичъ для молодыхъ людей между 1835 и 1840 годами[437]).

Кружку Станкевича былъ много обязанъ своимъ развитіемъ прославившійся впослѣдствіи Бѣлинскій. Безпристрастный и благодушный князь В. Ѳ. Одоевскій писалъ: „Бѣлинскій былъ одною изъ высшихъ философскихъ организацій, какія когда

либо встрѣчалъ въ жизни. Въ немъ было сопряженіе Канта, Шеллинга и Гегеля, сопряженіе вполнѣ органическое, ибо онъ никого изъ нихъ не читалъ: онъ не зналъ по-Нѣмецки, весьма плохо понималъ по-Французски, а въ его эпоху ничто изъ этихъ философовъ не было переведено по-Французски. Нѣкоторыя ихъ положенія перешли къ нему по наслышкѣ, частью отъ учениковъ Павлова, знавшаго, впрочемъ, лишь Шеллинга и Окена, частью отъ меня. Всякій разъ, когда мы встрѣчались съ Бѣлинскимъ, это было рѣдко, мы съ нимъ спорили жестоко; но я не могъ не удивляться, какимъ образомъ онъ изъ поверхностнаго знанія принциповъ Натуральной Философіи развивалъ цѣлый органическій философическій міръ sui generis. Едва имѣя понятіе о Шеллингѣ только, Бѣлинскій самъ собою дошелъ до Гегеля ему неизвѣстнаго; т.-е. въ Бѣлинскомъ совершился своебытно тотъ переходъ, который, въ философскомъ мірѣ совершился появленіемъ Гегеля послѣ Шеллинга... Напрасно противники Бѣлинскаго укоряютъ его въ томъ, что онъ не понималъ Гегеля. Нѣтъ! Онъ его вовсе не зналъ, но сблизился съ нимъ точно также, какъ математикъ, не зная работы другаго математика, сближается съ нимъ въ выводахъ единственно развитіемъ данной теоремы. Дѣло не въ томъ, хороши ли эти всѣ теоріи, но въ томъ, что развить въ себѣ самомъ цѣлый рядъ философскихъ теорій, развившихся въ философской атмосферѣ міра, не далось бы дюжинному человѣку“ [428]). Если вѣрить К. А. Полевому, Бѣлинскій былъ нѣсколько времени гувернеромъ въ Пансіонѣ Погодина [429]), который могъ его познакомить съ Надеждинымъ. Какъ журналистъ, Надеждинъ воспользовался дарованіями Бѣлинскаго и онъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе своими *Литературными мечтаніями—элегія въ прозѣ*, напечатанными въ *Молвѣ*. Старикъ Каченовскій, вѣроятно, обольщенный свободными отношеніями критика къ авторитетамъ и частыми отступленіями его въ область Исторіи и Философіи, старый профессоръ, призвалъ къ себѣ тогда Бѣлинскаго, этого студента, еще не такъ давно исключеннаго имъ изъ Университета за

полицмейстеромъ!“ [434]) Студентъ Константинъ Аксаковъ писалъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*: „На одной изъ лекцій передъ выпускомъ нашимъ, увидали мы въ числѣ слушателей, на лавкѣ въ сторонѣ,—генерала. Это былъ графъ Строгановъ. Онъ былъ предвозвѣстникомъ новаго порядка, который вскорѣ послѣ нашего выхода, и завелся въ Университетѣ [435]). Этому назначенію былъ радъ и Погодинъ. „Имя графа Строганова“, писалъ онъ, „стало мнѣ знакомо еще съ двадцатыхъ годовъ. Живя на урокѣ у Трубецкихъ и бесѣдуя иногда съ П. П. Новосильцовымъ, я спрашивалъ его часто, кто есть въ Петербургѣ изъ молодыхъ людей, въ высшемъ кругу, на котораго можно возлагать надежды. Онъ указывалъ прежде всѣхъ на графа С. Г. Строганова, и разсказывалъ о его любви къ познаніямъ, о его занятіяхъ въ Парижѣ, о его ревности къ общему благу. Мнѣ сдѣлалось любезнымъ это имя. Послѣ относилась къ нему съ большими похвалами и жена П. П. Новосильцева, Настасья Павловна. Въ 1826 году я увидѣлъ графа Строганова на первой лекціи о Философіи у Давыдова... Прошло семь лѣтъ. Университетское управленіе не отличалось порядкомъ. Въ 1835 году попечителемъ назначенъ графъ Строгановъ и всѣ порядочные люди обрадовались этому назначенію и видѣли въ немъ новую эру для Университета, вмѣстѣ съ ожиданіемъ молодыхъ профессоровъ, возвращавшихся изъ чужихъ краевъ“ [436]). Въ это время и самъ Погодинъ предпринималъ путешествіе на Западъ.

Путешествіе, какъ мы уже знаемъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ было любимою мечтою Погодина; но этой мечтѣ суждено было осуществиться только въ 1835 году. Получивъ извѣстіе о согласіи Уварова, Погодинъ тотчасъ же вошелъ въ Совѣтъ Московскаго Университета съ слѣдующею бумагою: „Разстроивъ свое здоровье неумѣренными трудами и подвергаясь съ нѣкотораго времени ипохондріи, головокруженіямъ и кашлю, кромѣ постоянной боли въ груди, я необходимо долженъ воспользоваться минеральными водами по совѣту врачей. Прошу покорнѣйше Совѣтъ исходатайствовать мнѣ отъ высшаго началь-

щаться именно въ *кружокъ*, тѣсный, душный, деспотическій. Въ отсутствіе Станкевича первенство въ кружкѣ перешло на время къ Бакунину и онъ явился пропагандистомъ Гегеля, и какъ блистательный діалектикъ, всѣхъ увлекъ за собою; всѣ стали гегеліанцами. Бакунинъ же разсортировалъ всѣхъ по разнымъ степенямъ развитія—по Гегелю. К. С. Аксакова поставилъ на степень *прекраснодушія*,—низшая степень развитія; себя произвелъ въ *просвѣтленный духъ*—высшая степень; прочіе обрѣтались въ *рефлексіи*. Всѣ вмѣстѣ однако же, кромѣ Бакунина, продолжали пребывать въ *отвлеченности* [433]).

Сближеніе Константина Аксакова съ этимъ кружкомъ мыслителей было, кажется, не по душѣ его родителямъ, а въ Погодинѣ возбуждало положительное опасеніе. „Непріятнѣйшія извѣстія“, писалъ Погодинъ, „о Константинѣ Аксаковѣ, который съ ума сходитъ отъ самолюбія... Новое направленіе. Толкуетъ о Философіи. Дѣйствительно можетъ причинить вредъ“. Обѣдая какъ-то у Аксаковыхъ, Погодинъ велъ объ этомъ длинный разговоръ и убѣждалъ „несчастнаго Костю“. Но эти убѣжденія и разговоры, кажется, не произвели желаннаго дѣйствія и молодой мыслитель писалъ Погодину. „Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ съ этимъ человѣкомъ портретъ Гегеля, который виситъ у васъ на стѣнѣ. Въ училищѣ его срисуютъ, а кстати и тѣхъ великихъ людей, которыхъ лица выгравированы съ нимъ на одномъ листѣ“.

XLIX.

Во то время, когда зарождались, росли и укрѣплялись такъ - называемые *дѣятели сороковыхъ годовъ*, послѣдовало назначеніе графа Сергія Григорьевича Строганова попечителемъ Московскаго учебнаго Округа. Это назначеніе отъ души привѣтствовалъ А. И. Тургеневъ. „Какъ воспитанникъ Университета“, писалъ онъ Сербиновичу, „какъ сынъ бывшаго директора отъ сердца порадовался назначенію графа Строганова. Авось онъ будетъ истиннымъ попечителемъ о наукахъ, а не

впослѣдствіи становятся отличными. Ставить преграду имъ при началѣ поприща, приводить ихъ въ отчаяніе, и лишать общество будущихъ полезныхъ членовъ, я считаю даже несправедливымъ. Не надо терять изъ виду и статистическаго замѣчанія о случайностяхъ экзаменовъ: иногда отличный студентъ отвѣчаетъ дурно, и посредственному удается кончить экзаменъ отлично". Вскорѣ послѣ этого свиданія, путешественникъ нашъ получаетъ отъ графа Строганова слѣдующую бумагу: „Попечитель Московскаго Округа графъ Строгановъ свидѣтельствуя совершенное уваженіе Михаилу Петровичу Погодину, честь имѣетъ сообщить ему, для прочтенія, отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія, изъ котораго онъ усмотритъ, что Государь Императоръ принялъ благосклонно представленную ему книгу *Россійскую Исторію* и удостоилъ сочинителя Высочайшимъ своимъ благоволеніемъ. Не имѣя при себѣ ни канцеляріи, ни возможности офиціально сдѣлать настоящее сообщеніе, графъ Строгановъ не хотѣлъ отказать себѣ въ удовольствіи частно довести до свѣдѣнія Михаила Петровича счастіе, котораго онъ удостоился, и воспользоваться симъ случаемъ повторить ему увѣреніе уваженія своего и искренняго расположенія къ почтенному профессору". Очевидно Погодинъ въ то время произвелъ на графа Строганова благопріятное впечатлѣніе. Еще болѣе удостовѣряетъ насъ въ этомъ письмо графа Строганова, полученное Погодинымъ уже въ Вѣнѣ. „Благодарю васъ", писалъ онъ, „за письмо, за довѣренность и за откровенность. Теперь я вижу, что вы меня при первомъ свиданіи узнали. Все, что вы мнѣ говорите и совѣтуете насчетъ экзаменовъ, было прежде исполнено. Излишнюю строгость не слѣдуетъ вводить, но надо постепенно возвышать требованія: безъ того вы никогда, гг. профессоры, не будете имѣть достойныхъ студентовъ. Я рѣшительно никого не знаю. Увидимъ что впредь будетъ. Надѣюсь, Михаилъ Петровичъ, что по пріѣздѣ вашемъ въ Москву, вы не откажетесь принять каѳедру болѣе сродную съ вашими любимыми занятіями, и что тогда вамъ можно

ства увольненіе въ отпускъ къ минеральнымъ водамъ въ Германію на четыре мѣсяца". Просьба эта имѣла благопріятный исходъ и 23 іюня 1835 онъ получилъ извѣстіе объ увольненіи. „Слава Богу!" съ радостью восклицаетъ Погодинъ и передъ отъѣздомъ началъ „сборы въ пользу Шафарика и Вука".

1 іюля 1835 года Погодинъ выѣхалъ изъ Москвы [437]) и по пути въ чужіе края остановился въ Петербургѣ. Въ это время тамъ находился новый попечитель Московскій графъ С. Г. Строгановъ. Между тѣмъ министръ Уваровъ началъ оказывать Погодину все болѣе и болѣе знаки своего благоволенія. Онъ посовѣтывалъ Погодину представиться своему новому попечителю и поручилъ ему передать графу Строганову свое искреннее мнѣніе о положеніи Московскаго Университета. „Я" пишетъ Погодинъ, „такъ и исполнилъ, по долгу совѣсти и присяги, руководимый желаніемъ добра любезному мнѣ Университету. Помню, что я отозвался дурно о закулисныхъ дѣйствіяхъ Давыдова, отдавая впрочемъ справедливость его познаніямъ и службѣ. Еще, восхваляя логическую способность Павлова и пользу ея для факультета, я сказалъ, что ему недостаетъ, по общему мнѣнію, опытныхъ знаній... Мы разстались очень дружелюбно" [438]). Кромѣ того Погодинъ говорилъ графу Строганову и объ экзаменахъ. Вопросъ этотъ въ то время сильно занималъ Погодина и онъ предъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы представилъ въ Совѣтъ Московскаго Университета бумагу, въ которой между прочимъ читаемъ: „Студентовъ перваго и втораго курсовъ, послѣ двухъ невыдержанныхъ экзаменовъ, а студентовъ третьяго курса, послѣ трехъ, постановлено исключать изъ университета. Это правило я считаю излишне-строгимъ для молодыхъ людей; часто случалось, что студенты, занимавшіеся мало и не оказавшіе успѣховъ впродолженіи первыхъ годовъ по разнымъ причинамъ,—болѣзни, семейственнымъ обстоятельствамъ, недостаточному приготовленію до вступленія въ университетъ, особенно въ языкахъ древнихъ и новыхъ, даже по лѣности и малому убѣжденію въ пользѣ того или другаго предмета,

впослѣдствіи становятся отличными. Ставить преграду имъ при началѣ поприща, приводить ихъ въ отчаяніе, и лишать общество будущихъ полезныхъ членовъ, я считаю даже несправедливымъ. Не надо терять изъ виду и статистическаго замѣчанія о случайностяхъ экзаменовъ: иногда отличный студентъ отвѣчаетъ дурно, и посредственному удается кончить экзаменъ отлично". Вскорѣ послѣ этого свиданія, путешественникъ нашъ получаетъ отъ графа Строганова слѣдующую бумагу: „Попечитель Московскаго Округа графъ Строгановъ свидѣтельствуя совершенное уваженіе Михаилу Петровичу Погодину, честь имѣетъ сообщить ему, для прочтенія, отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія, изъ котораго онъ усмотритъ, что Государь Императоръ принялъ благосклонно представленную ему книгу *Россійскую Исторію* и удостоилъ сочинителя Высочайшимъ своимъ благоволеніемъ. Не имѣя при себѣ ни канцеляріи, ни возможности офиціально сдѣлать настоящее сообщеніе, графъ Строгановъ не хотѣлъ отказать себѣ въ удовольствіи частно довести до свѣдѣнія Михаила Петровича счастіе, котораго онъ удостоился, и воспользоваться симъ случаемъ повторить ему увѣреніе уваженія своего и искренняго расположенія къ почтенному профессору". Очевидно Погодинъ въ то время произвелъ на графа Строганова благопріятное впечатлѣніе. Еще болѣе удостовѣряетъ насъ въ этомъ письмо графа Строганова, полученное Погодинымъ уже въ Вѣнѣ. „Благодарю васъ", писалъ онъ, „за письмо, за довѣренность и за откровенность. Теперь я вижу, что вы меня при первомъ свиданіи узнали. Все, что вы мнѣ говорите и совѣтуете насчетъ экзаменовъ, было прежде исполнено. Излишнюю строгость не слѣдуетъ вводить, но надо постепенно возвышать требованія: безъ того вы никогда, гг. профессоры, не будете имѣть достойныхъ студентовъ. Я рѣшительно никого не знаю. Увидимъ что впредь будетъ. Надѣюсь, Михаилъ Петровичъ, что по пріѣздѣ вашемъ въ Москву, вы не откажетесь принять каѳедру болѣе сродную съ вашими любимыми занятіями, и что тогда вамъ можно

онъ, „преподаютъ, имѣя свои тетради предъ глазами: Стеффенсъ говоритъ прямо изъ головы и отъ сердца“. Въ Лейпцигѣ Погодинъ вошелъ въ сношеніе съ книгопродавцами касательно выгоднѣйшей покупки книгъ. Изъ профессоровъ онъ познакомился съ Пѣлицомъ и Ваксмутомъ, и былъ на ихъ лекціяхъ. Ваксмутъ въ то время читалъ о переправѣ Наполеона черезъ Березину. Въ Дрезденѣ Погодинъ посѣтилъ своего пріятеля Гульянова и засталъ его обложеннымъ корректурами. Въ это время онъ началъ печатать свое археологическое сочиненіе объ Египтѣ. Всего занимательнѣе было для Погодина познакомиться съ системою Гульянова „естественныхъ звуковъ человѣческаго голоса и ихъ видоизмѣненій по разнымъ народамъ, и потомъ по разнымъ племенамъ одного и того же народа—образованіе языковъ“.

Наконецъ Погодинъ въ Прагѣ! По пріѣздѣ въ этотъ завѣтный для него городъ, онъ прежде всего посѣтилъ Національный Музей, гдѣ принялъ его Ганка какъ нельзя привѣтливѣе и радушнѣе, познакомилъ со всѣми учеными драгоцѣнностями библіотеки, осыпалъ воспоминаніями о Добровскомъ, переказалъ его книги и рукописи, подвелъ къ его портрету, поднесенному ему при жизни a Slavicarum litterarum cultoribus, посадилъ на его простой дубовый стулъ, подарилъ нѣсколько его вещей. Въ тотъ же вечеръ повелъ онъ Погодина къ Шафарику, котораго засталъ въ самой убогой обстановкѣ. „Тѣсная работная комната“, пишетъ Погодинъ, „уставлена полками съ книгами: по срединѣ столъ, покрытый бумагами. Послѣ—двѣ еще меньшія комнатки для семейства, которое составляютъ: жена, словенка родомъ изъ Венгріи, теща и четверо дѣтей. Ходъ въ комнаты мимо кухни. Весь доходъ его отъ литературныхъ трудовъ простирается не свыше двухъ тысячъ рублей!“. Эта обстановка видимо поразила Погодина. „Здѣсь-то живетъ“, писалъ онъ, „и съ такими-то малыми средствами дѣйствуетъ великій мужъ, одинъ изъ первыхъ представителей милліоннаго народа, пекущійся о судьбѣ его на будущія времена, безъ его вѣдома, не только безъ благодарности, безъ

славы, признаваемый вполнѣ можетъ быть десятью-двадцатью человѣками во всей Европѣ, работающій до упаду отъ утра до вечера надъ сими тяжелыми, изнурительными сочиненіями, коихъ никто почти не покупаетъ, не читаетъ, не знаетъ. О, какъ ничтожными показались мнѣ разныя Европейскія либеральныя восклицанія, какъ мелкими показались мнѣ всякіе нелѣпые проекты и мечтанія. И неужели въ Славянскихъ земляхъ, неужели на Святой Руси не найдется такихъ богачей, которые бы удѣлили хотъ по крохотной частицѣ отъ своихъ сокровищъ для содѣйствія ученымъ трудамъ Шафарика, не для его пользы, но для пользы всѣхъ Славянскихъ племенъ, нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ? Какой драгоцѣнный случай сдѣлать добро, вѣковѣчное добро, посредствомъ пожертвованій, самыхъ маловажныхъ или ничтожныхъ. Шафарикъ не приметъ ихъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но развѣ нѣтъ тысячи средствъ устроить это такъ, чтобы онъ самъ ничего о томъ и не провѣдалъ: скупить экземпляры его изданій, прислать отъ имени неизвѣстнаго, взять на свой счетъ издержки по тому или другому ученому предпріятію, предложить какой-нибудь новый трудъ...“ Погодинъ не помнилъ, о чемъ они говорили въ этотъ день, но помнилъ, что они разстались друзьями и съ этого дня они не разлучались съ Шафарикомъ. Онъ посвятилъ его въ таинства древней исторіи Славянъ, о коей имѣлъ онъ, какъ самъ сознается, „поверхностное понятіе“ и сообщилъ ему осязательныя, строгія доказательства о древности ихъ въ Европѣ, наравнѣ съ прочими ея старожилами: Греками и Нѣмцами, Латинами и Кельтами. „И я“, писалъ Погодинъ, „перенесся совершенно въ другой міръ, прозрѣлъ, и плавалъ въ удовольствіи; онъ показалъ мнѣ кипы переписанныхъ имъ своею рукою разныхъ памятниковъ церковнаго Славянскаго языка и другихъ нарѣчій, матеріалы для Исторіи ихъ литературъ“.

На другой день Погодинъ пришелъ къ Шафарику какъ уже къ старому знакомому, и онъ повелъ его къ остаткамъ древняго Любушина Вышеграда. Они осмотрѣли мѣсто древ-

няго жилища Чешскихъ государей, соединенное уже съ Гуситскими воспоминаніями; оттуда отправились къ заставѣ Конскаго Торга, „по пріятной долинѣ“ въ виду города. Погодинъ оставилъ востороженное описаніе этой уединенной прогулки своей съ Шафарикомъ. „О, никогда, никогда не забуду я этой уединенной прогулки. День былъ прекрасный и теплый. Прага красовалась вдали предъ нашими глазами, но по пути не встрѣчалось съ нами ни одного человѣка. Мы были одни и говорили о Словянахъ. Сохранить языкъ въ устахъ народа,— вотъ наше предназначеніе, и больше ничего. Ни о чемъ другомъ мы не должны заботиться. Это не наше дѣло. Да будетъ что угодно Богу,—сказалъ Шафарикъ, и началъ развивать предо мною Исторію судебъ Славянскихъ, прошедшихъ и настоящихъ; рѣчь его текла спокойной, величественной струей. Сознаніе достоинствъ своего народа, горячая любовь къ нему, убѣжденіе въ великомъ предназначеніи, какое-то священное терпѣніе, не позволяющее ни жалобы, ни ропота, пламенная вѣра въ Бога,—вотъ чѣмъ было проникнуто всякое его слово. Я увидѣлъ ясно различіе между пылкимъ, стремительнымъ юношей, который думаетъ только о завтрашнемъ днѣ, и опытнымъ мужемъ, считающимъ вѣками; я увидѣлъ ясно различіе между постояннымъ убѣжденіемъ, зрѣлымъ плодомъ долголѣтняго размышленія, и мгновеннымъ порывомъ; я понялъ, что значитъ зависѣть отъ минуты и господствовать надъ временемъ. Какая высокая рѣчь! Ни одного имени, ни одного лица не упомянулъ Шафарикъ; только племена, народы занимали его. Онъ не удостоивалъ почти вниманіемъ ежедневныхъ происшествій, и говорилъ о вѣковѣчныхъ послѣдствіяхъ. Что за величественное спокойствіе! Увѣренность въ святости дѣла, въ высокости своего призванія, изображались на его лицѣ, слышалось въ звукахъ его голоса. Я внималъ великому мужу, не смѣя дохнуть, опасаясь проронить одно слово, смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ. Казалось, что я слышу голосъ съ того свѣта, что предо мною стоитъ мужъ временъ апостольскихъ“.

Въ это время Шафарикъ оканчивалъ свои *Славянскія Древности*. По замѣчанію Погодина, „этого сочиненія не доставало въ Европейской Литературѣ: Нѣмецкіе писатели, занимаясь всѣми языками на свѣтѣ, живыми и мертвыми, Европейскимъ и Санскритскимъ, Китайскимъ и Коптскимъ, имѣютъ до сихъ поръ какое-то непонятное отвращеніе отъ Славянскаго, и печатаютъ объ этомъ всемірномъ народѣ такъ, что читать стыдно за нихъ. Они никакъ не могутъ вразумиться, что общая Исторія не можетъ быть безъ Славянской. Сочиненіе Шафарика произведетъ рѣшительную реформацію въ Исторіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Шафарикъ, вопреки Венелину, не признаетъ за Славянъ Гунновъ, Болгаръ, пришедшихъ на Дунай въ VII столѣтіи, Аваровъ, хотя и отдаетъ справедливость его труду". На вопросъ Погодина, что онъ думаетъ о Несторовой Лѣтописи? Шафарикъ отвѣчалъ: *Ее должно напечатать золотыми буквами, а вы до сихъ поръ не печатаете ее никакими*! Въ свою очередь Шафарикъ спрашивалъ его „объ отмѣнахъ грамматики Малороссійской, Бѣлорусской, о нарѣчіи Архангельскомъ, Новгородскомъ". И Погодинъ, „краснѣя" долженъ былъ отвѣчать ему, что на этотъ предметъ „до сихъ поръ у насъ не обращали еще вниманія, и что только книжный языкъ получилъ недавно хорошія грамматики отъ гг. Греча, Востокова, Калайдовича".

Замѣчательно, что Добровскій, учитель Шафарика, по свидѣтельству Погодина, „почиталъ всѣ усилія Чешскихъ писателей для распространенія своего языка неумѣстными, и желалъ, чтобъ Чехи онѣмечились; онъ занимался Чешскимъ языкомъ какъ языкомъ мертвымъ".

LI.

Шафарикъ познакомилъ Погодина съ прочими знаменитостями Праги: Юнгманомъ, Палацкимъ, Челяковскимъ, Прешлемъ. „Съ какимъ почтеніемъ", пишетъ онъ, „смотрѣлъ я на сихъ отшельниковъ, посвятившихъ себя святому дѣлу народ-

наго образованія, жертвующихъ ему всѣми благами міра сего, въ нуждѣ, даже бѣдности, въ пренебреженіи, униженіи, неизвѣстности. Честь вамъ и слава, знаменитые подвижники, украшеніе человѣчества! Труды ваши не пропадутъ. Доброе сѣмя дастъ плодъ сторицею, и имена ваши будутъ блистать въ исторіи на ряду со всѣми благороднѣйшими благодѣтелями человѣчества".

По счастливому случаю Погодинъ въ это время встрѣтился въ Прагѣ съ Колларомъ. „Среди всѣхъ разговоровъ", пишетъ онъ,—„слышалось имя Коллара, котораго всѣ племена признаютъ единогласно первымъ своимъ поэтомъ. Его *Дщерь Славы* произвела энтузіазмъ повсемѣстный! А мы объ ней и не слыхали въ Россіи! Юношество Славянское поклоняется Коллару какъ кумиру. Одинъ студентъ, который началъ учить нашего спутника, Засѣцкаго, не могъ никогда дочесть ни одной его строфы, не задыхаясь отъ восторга. Какъ сверкали его глаза, пересказать нѣтъ возможности!" Въ то время Колларъ служилъ пасторомъ Евангелическаго Исповѣданія въ Пештѣ. Онъ выхлопоталъ себѣ тогда право, употребивъ всѣ тонкости Венгерской юриспруденціи и діалектики, проповѣдывать на своемъ нарѣчіи; всѣ Славяне торжествовали это какъ блистательную побѣду. „Что же?" говоритъ Погодинъ, „на мое счастіе пріѣхалъ тогда Колларъ въ Прагу, на пути въ Саксонію, куда онъ ѣхалъ жениться, послѣ десятилѣтней разлуки съ своей любезною. Онъ слушалъ лекціи въ Іенскомъ Университетѣ, и влюбился; были какія-то семейныя препятствія, и онъ долженъ былъ оттуда уѣхать. Теперь черезъ десять лѣтъ, эти препятствія отстранились, и онъ спѣшилъ, уже плѣшивый, пожилой, къ своей возлюбленной. Каково постоянство! Студентъ нашъ прибѣжалъ тогда безъ памяти возвѣстить его прибытіе, почти какъ сумасшедшій. Я тотчасъ увидѣлъ его и познакомился. Какъ вамъ не стыдно не заниматься Славянскими нарѣчіями, было первое его слово!" На этотъ упрекъ Погодинъ отвѣчалъ, что „теперь учреждаются каѳедры особыя для преподаванія Славянскихъ нарѣчій въ нашихъ университетахъ". Вмѣстѣ

съ Колларомъ Погодинъ осматривалъ всѣ древности Праги, часовню св. Войтеха и знаменитый Соборъ, обязанный своимъ существованіемъ Вячеславу святому, съ гробницами благодѣтелей Богеміи: императора Карла IV, Георгія Подебрада, Фердинанда и другихъ императоровъ. Тамъ и регаліи Королевства Богемскаго, мечъ и шлемъ св. Вячеслава и проч. На стѣнѣ знаменитый древній мозаичный образъ". Обошли они длинный дворецъ, на крутомъ берегу Молдавы, возвышающійся надъ городомъ; взглянули на роковое окно, откуда сброшены были Мартиницъ и Словата, что сдѣлалось началомъ Тридцатилѣтней Европейской войны. Домъ Мартинца высокій, мрачный, показывается еще теперь. Любовались долго на Прагу съ одной изъ здѣшнихъ площадокъ, на живописную гору св. Лаврентія. Они долго стояли на этой площади, и заговорили о Славянскихъ пѣсняхъ. Коларъ просилъ спутника Погодина Засѣцкаго пропѣть ему хоть одну Русскую, а тотъ, говоритъ Погодинъ, „закобенился по какому-то ложному стыду, какъ онъ и всѣ мы не упрашивали. Мнѣ такъ было досадно и больно, что я готовъ былъ подраться съ нимъ".

Будучи въ Прагѣ, Погодинъ посѣтилъ достопочтеннаго каноника соборнаго храма св. Вита Михаила Пешина. „Сегодня", писалъ Ганка Погодину (отъ 9 сентября 1835 г.), „я посѣтилъ г. каноника Пешину и нашелъ у него между инымъ не токмо головы св. Людмилы и Войтеха, но и руку св. Кирилла, которая хранится въ большомъ алтарѣ Соборной Церкви; она у него для чищенія отъ пыли. Хотите ли участіе имѣть, его видѣть и поцѣловать, придите ко мнѣ. Я выпросилъ для васъ частицу сихъ драгоцѣнныхъ мощей Славянскаго Апостола". Само собою разумѣется, что Погодинъ съ радостью воспользовался этимъ приглашеніемъ и отправился къ соборному каноннику. „Онъ", пишетъ Погодинъ, „омывалъ тогда святые останки и частицы мощей Войтеха, Людмилы, Вячеслава, первыхъ угодниковъ Богеміи, и св. Кирилла, изобрѣтателя Славянской грамоты, Славянскаго Апостола, перваго благодѣтеля Славянъ, положившаго основаніе переводу Свя-

щеннаго Писанія, и съ нимъ просвѣщенію Славянъ. Мы всѣ, Шафарикъ, Коларъ, Ганка, я, Засѣцкій, Черняевъ, приложились къ священнымъ останкамъ. О, это была высокая, умилительная минута! Шафарикъ, Колларъ, прикладывающіеся къ мощамъ св. Кирилла, св. Людмилы! Кость отъ руки св. Кирилла, скончавшагося въ Римѣ, Папа подарилъ императору Карлу IV, въ 1340 годахъ, которая съ тѣхъ поръ и хранится въ Пражскомъ Соборѣ. Пешина отдѣлялъ отъ него частицу для Моравской митрополіи. Я упалъ предъ ними на колѣни; Ганка присоединилъ свою просьбу и почтенный старецъ пожаловалъ мнѣ крупинку, съ тѣмъ, чтобъ я отдалъ ее послѣ въ нашъ Соборъ. Нѣтъ, отвѣчалъ я ему, а развѣ въ церковь Московскаго Университета: гдѣ же быть частицѣ отъ той руки, которая первая писала Славянскую Литургію, какъ не въ Университетѣ, имѣющемъ главною цѣлію распространеніе и образованіе Русскаго слова. Я не помнилъ себя отъ радости".

Въ тотъ же день, въ 3 часа пополудни, въ Прагѣ для Колара былъ устроенъ спектакль, на Чешскомъ языкѣ. „Позднѣе, вечеромъ", свидѣтельствуетъ Погодинъ, „правительство не позволяетъ Чешскаго языка; въ вечеру играются уже Нѣмецкія піесы. Къ сожалѣнію, я не могъ почему-то присутствовать въ этомъ спектаклѣ, а Чехи говорили о немъ какъ о радостномъ событіи".

Конецъ пребыванія въ Прагѣ былъ омраченъ для Погодина болѣзнію его супруги. „Занемогла моя жена", пишетъ онъ, „подверглась опасности, и часы удовольствія смѣнились горестію. Опасность продолжалась недѣлю; въ другую – она начала оправляться, и на третію, когда уже не оставалось никакого сомнѣнія въ выздоровленіи, я оставилъ ее на рукахъ добраго Шафарикова семейства, въ ожиданіи любезной Авдотьи Петровны Елагиной, которая на пути изъ Дрездена въ Вѣну должна была проѣзжать чрезъ Прагу". При такихъ условіяхъ Погодинъ рѣшился продолжать свое путешествіе. Въ это время В. П. Титовъ, вмѣстѣ съ П. В.

съ Колларомъ Погодинъ осматривалъ всѣ древности Праги, часовню св. Войтеха и знаменитый Соборъ, обязанный своимъ существованіемъ Вячеславу святому, съ гробницами благодѣтелей Богеміи: императора Карла IV, Георгія Подебрада, Фердинанда и другихъ императоровъ. Тамъ и регаліи Королевства Богемскаго, мечъ и шлемъ св. Вячеслава и проч. На стѣнѣ знаменитый древній мозаичный образъ". Обошли они длинный дворецъ, на крутомъ берегу Молдавы, возвышающійся надъ городомъ; взглянули на роковое окно, откуда сброшены были Мартиницъ и Словата, что сдѣлалось началомъ Тридцатилѣтней Европейской войны. Домъ Мартинца высокій, мрачный, показывается еще теперь. Любовались долго на Прагу съ одной изъ здѣшнихъ площадокъ, на живописную гору св. Лаврентія. Они долго стояли на этой площади, и заговорили о Славянскихъ пѣсняхъ. Коларъ просилъ спутника Погодина Засѣцкаго пропѣть ему хоть одну Русскую, а тотъ, говоритъ Погодинъ, „закобенился по какому-то ложному стыду, какъ онъ и всѣ мы не упрашивали. Мнѣ такъ было досадно и больно, что я готовъ былъ подраться съ нимъ".

Будучи въ Прагѣ, Погодинъ посѣтилъ достопочтеннаго каноника соборнаго храма св. Вита Михаила Пешина. „Сегодня", писалъ Ганка Погодину (отъ 9 сентября 1835 г.), „я посѣтилъ г. каноника Пешину и нашелъ у него между инымъ не токмо головы св. Людмилы и Войтеха, но и руку св. Кирилла, которая хранится въ большомъ алтарѣ Соборной Церкви; она у него для чищенія отъ пыли. Хотите ли участіе имѣть, его видѣть и поцѣловать, придите ко мнѣ. Я выпросилъ для васъ частицу сихъ драгоцѣнныхъ мощей Славянскаго Апостола". Само собою разумѣется, что Погодинъ съ радостью воспользовался этимъ приглашеніемъ и отправился къ соборному канонику. „Онъ", пишетъ Погодинъ, „омывалъ тогда святые останки и частицы мощей Войтеха, Людмилы, Вячеслава, первыхъ угодниковъ Богеміи, и св. Кирилла, изобрѣтателя Славянской грамоты, Славянскаго Апостола, перваго благодѣтеля Славянъ, положившаго основаніе переводу Свя-

щеннаго Писанія, и съ нимъ просвѣщенію Славянъ. Мы всѣ, Шафарикъ, Коларъ, Ганка, я, Засѣцкій, Черняевъ, приложились къ священнымъ останкамъ. О, это была высокая, умилительная минута! Шафарикъ, Колларъ, прикладывающіеся къ мощамъ св. Кирилла, св. Людмилы! Кость отъ руки св. Кирилла, скончавшагося въ Римѣ, Папа подарилъ императору Карлу IV, въ 1340 годахъ, которая съ тѣхъ поръ и хранится въ Пражскомъ Соборѣ. Пешина отдѣлялъ отъ него частицу для Моравской митрополіи. Я упалъ предъ ними на колѣни; Ганка присоединилъ свою просьбу и почтенный старецъ пожаловалъ мнѣ крупинку, съ тѣмъ, чтобъ я отдалъ ее послѣ въ нашъ Соборъ. Нѣтъ, отвѣчалъ я ему, а развѣ въ церковь Московскаго Университета: гдѣ же быть частицѣ отъ той руки, которая первая писала Славянскую Литургію, какъ не въ Университетѣ, имѣющемъ главною цѣлію распространеніе и образованіе Русскаго слова. Я не помнилъ себя отъ радости".

Въ тотъ же день, въ 3 часа пополудни, въ Прагѣ для Колара былъ устроенъ спектакль, на Чешскомъ языкѣ. „Позднѣе, вечеромъ", свидѣтельствуетъ Погодинъ, „правительство не позволяетъ Чешскаго языка; въ вечеру играются уже Нѣмецкія піесы. Къ сожалѣнію, я не могъ почему-то присутствовать въ этомъ спектаклѣ, а Чехи говорили о немъ какъ о радостномъ событіи".

Конецъ пребыванія въ Прагѣ былъ омраченъ для Погодина болѣзнію его супруги. „Занемогла моя жена", пишетъ онъ, „подверглась опасности, и часы удовольствія смѣнились горестію. Опасность продолжалась недѣлю; въ другую – она начала оправляться, и на третію, когда уже не оставалось никакого сомнѣнія въ выздоровленіи, я оставилъ ее на рукахъ добраго Шафарикова семейства, въ ожиданіи любезной Авдотьи Петровны Елагиной, которая на пути изъ Дрездена въ Вѣну должна была проѣзжать чрезъ Прагу". При такихъ условіяхъ Погодинъ рѣшился продолжать свое путешествіе. Въ это время В. П. Титовъ, вмѣстѣ съ П. В.

занимался здѣсь своею Физiологiею. По поводу этихъ собранiй Погодинъ писалъ Уварову: „Я не понимаю, почему историки не задумаютъ подобныхъ собранiй. Для Исторiи онѣ, кажется, еще необходимѣе въ наше время. Не пора ли пересмотрѣть всѣ быти (факты), взятыя въ Исторiю первыми воздѣлывателями, повторяемыя послѣдующими, однимъ послѣ другого, и переходящiя изъ книги въ книгу? Не пора ли провѣрить ихъ съ источниками? Опыты Тьери надъ Французскою Исторiею, Нибура надъ Римскою, показываютъ достаточно, какъ ветхо все историческое зданiе? А Исторiя Восточная, Славянская? Такимъ ли представляется Иннокентiй III послѣ изслѣдованiй Гуртера, или Вальдштейнъ (котораго Шиллеръ переименовалъ Валленштейномъ) послѣ Форстера? Надо ввести въ Исторiю раздѣленiе труда, но раздѣленiе систематическое; а для этого нужны собранiя. Притомъ сколько есть промежутковъ въ Исторiи: какъ мало извѣстенъ Востокъ! Какъ необработана Исторiя государствъ Славянскихъ! Какой хаосъ въ началѣ новой Исторiи! Наконецъ, въ самыхъ обработанныхъ исторiяхъ, какая часть, до сихъ поръ, находится на нѣкоторой степени совершенства? Одна политическая, наружная, исторiя формы. И я мечталъ о первомъ собранiи Европейскихъ историковъ въ Петербургѣ!“

Одна изъ залъ Боннскаго Университета украшена изображенiями четырехъ факультетовъ: Богословскаго, Философскаго, Юридическаго и Медицинскаго. „Мысль прекрасная!“, писалъ Погодинъ Уварову, „Но мнѣ не нравится аллегорическое изображенiе Богословiя, въ видѣ женщины... Вмѣсто этой фигуры я поставилъ бы въ срединѣ просто престолъ, и на немъ Евангелiе. Далѣе—можно ли оставить Восточную Церковь безъ представленiя? Забвенiе непростительное! И между тѣмъ изображены еретики! Наконецъ, здѣсь недостаетъ распространителей Христiанской Вѣры между племенами Славянскими, которыя занимаютъ однакожъ, въ чемъ должны признаться Нѣмцы, большую половину Европы. За Кирилла и Меѳодiя я жаловался г. попечителю графу С. Г. Строганову“.

тику, а я, я изслѣдую Религію—здѣсь-то укрывается, преимущественно сродство Рима съ Греціею, которое мало оцѣнено Нибуромъ.

„И почтенный старецъ", пишетъ Погодинъ, „съ такимъ участіемъ, съ такою таинственностію говорилъ о Dii majorum gentium, какъ будто бы отъ нихъ зависѣла судьба человѣчества въ настоящую минуту. О, Нѣмецкіе ученые такъ погружены въ свои предметы, что для нихъ исчезаетъ все окружающее, однакожъ кромѣ титуловъ. Разумѣется это имѣетъ свою хорошую и дурную сторону. Гюльману не чужды и Варяги наши, потому что онъ началъ свое поприще разсужденіемъ о Византійской торговлѣ".

Въ Боннѣ Погодинъ познакомился также съ профессоромъ Штралемъ, страстнымъ охотникомъ до Русской Исторіи. „Мнѣ", пишетъ Погодинъ, „не случилось еще просмотрѣть его сочиненія о ней въ большомъ собраніи Герена и Уккерта; но его рвеніе къ распространенію свѣдѣній о Россіи въ Германіи заслуживаетъ всякую благодарность съ нашей стороны и ободреніе Правительства. Онъ перевелъ словарь митрополита Евгенія и издалъ Церковную нашу Исторію. Вторая часть его Русской Исторіи задержана тѣмъ, что онъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ пособій, не получая новыхъ книгъ изъ Россіи. Я обѣщался прислать ему. Штраль перевелъ также Несторову лѣтопись, сколько издано Тимковскимъ, и объяснилъ своими примѣчаніями. Надѣюсь, что тамъ есть много дѣльнаго и поучительнаго. Онъ находится въ связи со многими Нѣмецкими учеными, напримѣръ, издателями Византійскихъ Лѣтописателей, и обладаетъ богатыми источниками въ здѣшней библіотекѣ".

Въ Боннѣ жилъ еще знаменитый Августъ Шлегель, но Погодинъ столько наслышался „о его ребяческой суетности", что не рѣшился свидѣтельствовать ему своего почтенія. Погодинъ присутствовалъ также на происходящихъ въ Боннѣ собраніяхъ естествоиспытателей, на которыхъ онъ встрѣчался съ Московскимъ докторомъ Армфельдомъ, который неутомимо

гими документами во Французскихъ архивахъ. Лѣтъ двадцать я не являюсь уже въ обществѣ, um den Zusammenhang meiner Ideen nicht zu stören. Я не указываю ни на одну книгу, которой бы не перечелъ отъ доски до доски, не такъ какъ нынѣшніе молодые писатели".

Но Погодину было „жаль, что Шлоссеръ выбралъ XVIII-е столѣтіе"; ибо, полагалъ онъ, „оно совершенно не въ Нѣмецкомъ духѣ и ни одинъ нѣмецъ не изобразитъ Революціи. Осьмнадцатое столѣтіе надо предоставить Французамъ, а цѣнить ихъ могутъ Англичане и Русскіе, когда Исторія пуститъ у насъ корень. Когда нѣмецъ начинаетъ толковать о политикѣ, тогда видишь тотчасъ, что это не его дѣло; политика была камнемъ преткновенія для самого Шеллинга; а Окенъ становится просто смѣшнымъ, разсуждая о преобразованіяхъ".

По дорогѣ изъ Гейдельберга въ Карлсруэ Погодинъ познакомился въ дилижансѣ съ молодымъ докторомъ Богословія и Философіи Кирлемъ, который сообщилъ ему много любопытныхъ подробностей о главныхъ Нѣмецкихъ философахъ нашего времени и нравственныхъ ихъ качествахъ, домашнемъ бытѣ. Погодинъ съ удовольствіемъ услышалъ, что послѣдніе слухи о Шеллингѣ, дошедшіе даже до Москвы, неосновательны. Онъ принялъ религіозное направленіе, но независимо отъ всякаго посторонняго вліянія, всего менѣе іезуитскаго, по одному внутреннему убѣжденію. „Вотъ", замѣчаетъ Погодинъ, „можетъ быть, одно изъ важнѣйшихъ происшествій въ наше время. Религіозное направленіе примѣтно вообще въ нынѣшней высшей Философіи: Бадеръ, Шубертъ, Эшенмайеръ — его представители".

Самъ Кирль, по свидѣтельству Погодина, „человѣкъ очень примѣчательный. Родители предназначали его къ купеческому званію, и только на девятнадцатомъ году принялся онъ учиться, спалъ по четыре часа въ сутки; учился, учился, и теперь, на двадцать девятомъ году, онъ докторъ. Онъ мнѣ очень понравился и я звалъ его въ Россію, но ему обѣщаютъ приходъ или профессорское мѣсто въ Гейдельбергѣ".

Не понравилось Погодину и изображенiе Философскаго факультета. „Въ этой картинѣ“, писалъ онъ, „выборъ еще хуже... Больше всѣхъ обижены историки: вы не видите ни Шлецера, ни Гердера, ни Вико, ни Гиббона. И кто же поставленъ представителемъ? Нибуръ, важный только какъ критикъ, и критикъ частный. Самъ Iоаннъ Миллеръ знаменитъ, незабвененъ только своимъ предчувствiемъ объ Исторiи. Шлецера Нѣмцы цѣнить не умѣютъ потому, вѣрно, что онъ написалъ маленькую книжку, а не нѣсколько томовъ, и отрывками, а не въ связи, но который однакожъ прежде всѣхъ въ Германiи понялъ Исторiю“.

Изъ Бонна Погодинъ отправился въ Гейдельбергъ. По прiѣздѣ въ этотъ городъ, Погодинъ „первымъ долгомъ почелъ засвидѣтельствовать свое почтенiе Крейцеру, знаменитому автору Символики и Миѳологiи древнихъ народовъ. Объ этомъ свиданiи Погодинъ писалъ Уварову: „Крейцеръ очень старъ, но продолжаетъ трудиться съ прежнимъ жаромъ. Нынѣшнею зимою выдаетъ онъ первую часть своего сочиненiя, нѣсколько сокращенную противъ прежняго. Мнѣ хочется сдѣлать изъ нея извлеченiе для нашихъ студентовъ, ибо до сихъ поръ у насъ нѣтъ никакого понятiя въ оборотѣ о древнихъ религiяхъ, и всѣ свѣдѣнiя ограничиваются именами Юпитера и Юноны, Марса и Венеры. Крейцеръ издаетъ также всего Плотина, которымъ и прежде онъ содѣйствовалъ такъ много къ распространенiю познанiя этой школы. Крейцеръ просилъ меня засвидѣтельствовать свое почтенiе вашему превосходительству. Онъ показался мнѣ хилымъ, но въ то же утро встрѣтился со мною на крутой горѣ къ замку, куда онъ взбирался со своимъ семействомъ“.

Затѣмъ Погодинъ посѣтилъ профессора Исторiи Шлоссера. При свиданiи Шлоссеръ сказалъ ему: „У меня собрано много матерiаловъ для Средней и Новой, но мнѣ уже за шестьдесятъ лѣтъ. Я не смѣю думать, чтобъ могъ окончить такое огромное дѣло, и рѣшился заняться только *Осьмнадцатымъ столѣтiемъ*, для котораго мнѣ случилось воспользоваться мно-

гими документами во Французскихъ архивахъ. Лѣтъ двадцать я не являюсь уже въ обществѣ, um den Zusammenhang meiner Ideen nicht zu stören. Я не указываю ни на одну книгу, которой бы не перечелъ отъ доски до доски, не такъ какъ нынѣшніе молодые писатели".

Но Погодину было „жаль, что Шлоссеръ выбралъ XVIII-е столѣтіе"; ибо, полагалъ онъ, „оно совершенно не въ Нѣмецкомъ духѣ и ни одинъ нѣмецъ не изобразитъ Революціи. Осьмнадцатое столѣтіе надо предоставить Французамъ, а цѣнить ихъ могутъ Англичане и Русскіе, когда Исторія пуститъ у насъ корень. Когда нѣмецъ начинаетъ толковать о политикѣ, тогда видишь тотчасъ, что это не его дѣло; политика была камнемъ преткновенія для самого Шеллинга; а Окенъ становится просто смѣшнымъ, разсуждая о преобразованіяхъ".

По дорогѣ изъ Гейдельберга въ Карлсруэ Погодинъ познакомился въ дилижансѣ съ молодымъ докторомъ Богословія и Философіи Кирлемъ, который сообщилъ ему много любопытныхъ подробностей о главныхъ Нѣмецкихъ философахъ нашего времени и нравственныхъ ихъ качествахъ, домашнемъ бытѣ. Погодинъ съ удовольствіемъ услышалъ, что послѣдніе слухи о Шеллингѣ, дошедшіе даже до Москвы, неосновательны. Онъ принялъ религіозное направленіе, но независимо отъ всякаго посторонняго вліянія, всего менѣе іезуитскаго, по одному внутреннему убѣжденію. „Вотъ", замѣчаетъ Погодинъ, „можетъ быть, одно изъ важнѣйшихъ происшествій въ наше время. Религіозное направленіе примѣтно вообще въ нынѣшней высшей Философіи: Бадеръ, Шубертъ, Эшенмайеръ — его представители".

Самъ Кирль, по свидѣтельству Погодина, „человѣкъ очень примѣчательный. Родители предназначали его къ купеческому званію, и только на девятнадцатомъ году принялся онъ учиться, спалъ по четыре часа въ сутки; учился, учился, и теперь, на двадцать девятомъ году, онъ докторъ. Онъ мнѣ очень понравился и я звалъ его въ Россію, но ему обѣщаютъ приходъ или профессорское мѣсто въ Гейдельбергѣ".

собраніемъ матеріаловъ, особенно для Сербской Грамматики и языка. Онъ сообщилъ Погодину о своемъ желаніи объѣхать Кроацію, Истрію и Далмацію; „но, Богъ знаетъ", писалъ Погодинъ Уварову, „позволятъ ли ему средства: всѣ его доходы состоятъ во стѣ червонныхъ, которые онъ получаетъ въ пенсію отъ щедротъ Государя Императора, и которыми содержитъ онъ *многочисленное* свое семейство. Нынѣ получилъ еще онъ въ пособіе отъ Россійской Академіи единовременно сто червонныхъ и заплатилъ ими долги, сдѣланные въ первое путешествіе. Съ новымъ, даже малымъ, пособіемъ, онъ пустился бы опять въ дорогу, и окончилъ бы свое собраніе матеріаловъ для сочиненій, столь необходимыхъ Славянскимъ историкамъ и филологамъ".

Не смотря на бывшую дружбу съ Добровскимъ, Копитаръ въ бесѣдахъ съ Погодинымъ сильно вооружался противъ него за его Сербо-Булгаро-Македонское нарѣчіе, на которое будто бы переведены Священныя наши книги, и передаетъ ихъ Славянамъ Паннонійскимъ, Каринтійцамъ. Глаголицу Копитаръ также защищалъ отъ Добровскаго, почитавшаго ее за изобрѣтеніе XII или XIII вѣка, и приписываетъ ей древность большую или по крайней мѣрѣ равную съ Кириллицей. Сообщая объ этой своей бесѣдѣ Уварову, Погодинъ прибавляетъ: „Нашъ Венелинъ думаетъ также. Вообще Болгарская Грамматика и грамоты сего послѣдняго должны пролить большой свѣтъ на спорный вопросъ, и всѣ Славянскіе филологи ожидаютъ ихъ съ нетерпѣніемъ".

Въ Ольмюцѣ, Погодинъ познакомился съ Моравскимъ историкомъ Бочекомъ, который сообщилъ ему о своей находкѣ новыхъ документовъ для біографіи Кирилла и Меѳодія. Бочекъ разсказывалъ также Погодину о послѣднихъ дняхъ жизни Добровскаго, который скончался при немъ въ Брюннѣ; „незабвенный старецъ", пишетъ Погодинъ Уварову, „обрадовался открытію Бочека со всѣмъ жаромъ юности".

Во Львовѣ Погодинъ имѣлъ утѣшеніе встрѣтиться съ Русскими путешественниками Д. М. Княжевичемъ, Н. И. На-

деждинымъ, П. В. Кирѣевскимъ и княземъ Кропоткинымъ и, продолжать съ ними путешествіе до самаго Кіева.

Благодаря доброму расположенію профессора Завадскаго во Львовѣ, Погодинъ, вмѣстѣ съ своими спутниками, осмотрѣлъ достопамятности города, остатки Русскаго владычества и Греческаго Православія, Музей Оссолинскаго; поклонились въ монастырѣ св. Онуфрія праху перваго нашего типографщика Ивана Ѳедорова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ познакомился съ Львовскимъ книгопродавцемъ Меликовскимъ и писалъ о немъ Уварову: „Вотъ, еслибъ у насъ показались такіе книгопродавцы? Какое содѣйствіе, пособіе могли бъ они сдѣлать литературѣ, просвѣщенію. Меликовскій приготовлялся къ своему званію, путешествовалъ по Европѣ съ этою цѣлію, знаетъ коротко весь механизмъ книжкой торговли въ Германіи, Франціи, Англіи, у Словянъ, имѣетъ связи со всѣми главными книгопродавцами Европейскими.

Во Львовѣ Погодину посчастливилось сдѣлать драгоцѣнное пріобрѣтеніе — это слова Ефрема Сирина въ рукописи XIII вѣка, на триста двадцати четырехъ пергаментныхъ большихъ листахъ, крупнымъ уставомъ, съ живописнымъ изображеніемъ святыхъ Ефрема и Василія Великаго. Эта рукопись писана при князѣ Владимірѣ Васильковичѣ, умершемъ въ 1289 году.

Блуждая по Львову съ своими спутниками и проходя по Жолковскому предмѣстію, Погодинъ увидѣлъ колокольню, на которой красовались иконы свв. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ съ церковно-славянскими надписями. Путешественники поднялись по каменнымъ ступенямъ и выйдя на площадку, увидали большую каменную плиту со Словянскою надписью: „раба Божія Львовскаго мѣщанина Золоторенка“,—имя извѣстное въ исторіи Малорусскаго казачества. Колокольня эта принадлежала монастырю св. Онуфрія. Путешественники наши посѣтили настоятеля монастыря и прокуратора Базиліанскихъ монастырей въ Галиціи Варлаама Кампаневича. По возвращеніи въ Россію, Погодинъ прислалъ въ монастырь экземпляръ *Исторіи Государства Россійскаго* Карамзина.

собраніемъ матеріаловъ, особенно для Сербской Грамматики и языка. Онъ сообщилъ Погодину о своемъ желаніи объѣхать Кроацію, Истрію и Далмацію; „но, Богъ знаетъ“, писалъ Погодинъ Уварову, „позволятъ ли ему средства: всѣ его доходы состоятъ во стѣ червонныхъ, которые онъ получаетъ въ пенсію отъ щедротъ Государя Императора, и которыми содержитъ онъ *многочисленное* свое семейство. Нынѣ получилъ еще онъ въ пособіе отъ Россійской Академіи единовременно сто червонныхъ и заплатилъ ими долги, сдѣланные въ первое путешествіе. Съ новымъ, даже малымъ, пособіемъ, онъ пустился бы опять въ дорогу, и окончилъ бы свое собраніе матеріаловъ для сочиненій, столь необходимыхъ Славянскимъ историкамъ и филологамъ“.

Не смотря на бывшую дружбу съ Добровскимъ, Копитаръ въ бесѣдахъ съ Погодинымъ сильно вооружался противъ него за его Сербо-Булгаро-Македонское нарѣчіе, на которое будто бы переведены Священныя наши книги, и передаетъ ихъ Славянамъ Паннонійскимъ, Каринтійцамъ. Глаголицу Копитаръ также защищалъ отъ Добровскаго, почитавшаго ее за изобрѣтеніе XII или XIII вѣка, и приписываетъ ей древность большую или по крайней мѣрѣ равную съ Кириллицей. Сообщая объ этой своей бесѣдѣ Уварову, Погодинъ прибавляетъ: „Нашъ Венелинъ думаетъ также. Вообще Болгарская Грамматика и грамоты сего послѣдняго должны пролить большой свѣтъ на спорный вопросъ, и всѣ Славянскіе филологи ожидаютъ ихъ съ нетерпѣніемъ“.

Въ Ольмюцѣ, Погодинъ познакомился съ Моравскимъ историкомъ Бочекомъ, который сообщилъ ему о своей находкѣ новыхъ документовъ для біографіи Кирилла и Мееодія. Бочекъ разсказывалъ также Погодину о послѣднихъ дняхъ жизни Добровскаго, который скончался при немъ въ Брюннѣ; „незабвенный старецъ“, пишетъ Погодинъ Уварову, „обрадовался открытію Бочека со всѣмъ жаромъ юности“.

Во Львовѣ Погодинъ имѣлъ утѣшеніе встрѣтиться съ Русскими путешественниками Д. М. Княжевичемъ, Н. И. На-

дать высокій строй и новое, полное развитіе его эстетикѣ философской; но къ сожалѣнію онѣ сошлись въ его душѣ не подъ счастливою звѣздою". Изъ Кіева Надеждинъ отправился 17 октября 1835 года въ ту экскурсію на берега Чернаго моря, о которой говоритъ онъ въ своей автобіографіи. Но сердечную рану его не исцѣлило путешествіе. „Спасибо, другъ и братъ", писалъ онъ Максимовичу изъ Симферополя 7 ноября 1835 года, „за строки, которыми ты встрѣтилъ меня въ Симферополѣ. Онѣ доказали мнѣ, какъ ты меня любишь... Они оживили мою измученную душу... Въ пустынѣ этого ужаснаго, ненавистнаго свѣта, сладко найти участіе, и участіе такое сердечное, такое искреннее, такое нѣжное... Я не обманулся въ тебѣ, другъ!... Ты понялъ меня... и я тебя понимаю... Не даромъ же говорятъ, что мы похожи другъ на друга... Не даромъ родились мы почти въ одно время... Судьба дивно свела насъ... И можетъ быть—не по одному этому суждено намъ быть близнецами..." [446]).

Въ Кіевѣ Погодинъ разстался съ Надеждинымъ, который отсюда, какъ мы видѣли, предпринялъ путешествіе въ Крымъ, а Погодинъ возвратился въ Москву.

„Разъ помню", пишетъ Буслаевъ, тогда студентъ Московскаго Университета, „это было въ свѣтлый осенній день, въ аудиторіи... Является М. П. Погодинъ на каѳедру, и вмѣсто исторической лекціи, начинаетъ намъ разсказывать о Шафарикѣ, Палацкомъ, Ганкѣ, Вукѣ Караджичѣ и другихъ знаменитыхъ ученыхъ Славянскихъ, съ которыми онъ познакомился въ свою поѣздку за-границу, откуда только-что воротился. Тридцатые годы было время самое бойкое для возрожденія Славянской народности въ наукѣ, литературѣ и политикѣ. Это великое дѣло только-что тогда начиналось: и вотъ мы—студенты въ первый разъ въ жизни услышали имена знаменитыхъ Славянскихъ дѣятелей отъ Погодина, и тогда же мы узнали, что Шафарикъ готовитъ къ печати свои *Славянскія Древности*, въ которыхъ онъ докажетъ всему міру, что не Нѣмцы, а Славяне были старожилами и хозяевами всѣхъ

тѣхъ областей, гдѣ потомъ очутились насельниками и господами Нѣмцы. Отъ него же узнали мы, что Палацкій работаетъ надъ Исторіею Чешскаго народа, и что искалѣченный Вукъ Караджичъ, подпираясь своими костылями, пѣшкомъ исходилъ всю Сербскую землю и собралъ сокровища Сербской народной поэзіи".

LIV.

Знакомство Погодина съ Славянскимъ міромъ Н. А. Поповъ раздѣляетъ на четыре эпохи: 1) Время книжнаго знакомства съ Славянствомъ до перваго путешествія за-границу (1825—1835 г.). 2) Время личнаго знакомства съ Славянскими дѣятелями во время путешествій за-границу (1835—1848). 3) Время собиранія свѣдѣній о состояніи Славянъ послѣ событій 1848 года, результаты коихъ онъ представилъ въ своихъ Политическихъ письмахъ, самой горячей публицистической дѣятельности по Восточному вопросу (1848—1857 г.) и 4) Время дѣятельности въ средѣ бывшаго Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета (1858—1875 г.). Такимъ образомъ описанное нами путешествіе Погодина относится ко второй эпохи его отношеній къ Славянству.

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ получилъ отъ Шафарика письмо (отъ 26 сентября 1835 г.), въ которомъ читаемъ: „Незабвенны остались для меня тѣ дни, когда я узналъ васъ, сблизился съ вами и полюбилъ васъ. Правда, что эти чудные дни прошли очень скоро и теперь насъ уже раздѣляетъ большое пространство, но свободный обмѣнъ мыслей намъ ничѣмъ не воспрещенъ и мы постараемся этимъ воспользоваться. Во мнѣ вы конечно всегда найдете самаго усерднаго корреспондента" [447]).

Между тѣмъ отъ имени графа Строганова, Погодинъ въ это время сдѣлалъ Шафарику предложеніе переселиться въ Москву и занять тамъ каѳедру Славянскихъ нарѣчій. Когда объ этомъ узналъ Максимовичъ, то писалъ Погодину: „Радуюсь,

дать высокій строй и новое, полное развитіе его эстетикѣ философской; но къ сожалѣнію онѣ сошлись въ его душѣ не подъ счастливою звѣздою". Изъ Кіева Надеждинъ отправился 17 октября 1835 года въ ту экскурсію на берега Чернаго моря, о которой говоритъ онъ въ своей автобіографіи. Но сердечную рану его не исцѣлило путешествіе. „Спасибо, другъ и братъ", писалъ онъ Максимовичу изъ Симферополя 7 ноября 1835 года, „за строки, которыми ты встрѣтилъ меня въ Симферополѣ. Онѣ доказали мнѣ, какъ ты меня любишь... Они оживили мою измученную душу... Въ пустынѣ этого ужаснаго, ненавистнаго свѣта, сладко найти участіе, и участіе такое сердечное, такое искреннее, такое нѣжное... Я не обманулся въ тебѣ, другъ!... Ты понялъ меня... и я тебя понимаю... Не даромъ же говорятъ, что мы похожи другъ на друга... Не даромъ родились мы почти въ одно время... Судьба дивно свела насъ... И можетъ быть—не по одному этому суждено намъ быть близнецами..." [446]).

Въ Кіевѣ Погодинъ разстался съ Надеждинымъ, который отсюда, какъ мы видѣли, предпринялъ путешествіе въ Крымъ, а Погодинъ возвратился въ Москву.

„Разъ помню", пишетъ Буслаевъ, тогда студентъ Московскаго Университета, „это было въ свѣтлый осенній день, въ аудиторіи... Является М. П. Погодинъ на каѳедру, и вмѣсто исторической лекціи, начинаетъ намъ разсказывать о Шафарикѣ, Палацкомъ, Ганкѣ, Вукѣ Караджичѣ и другихъ знаменитыхъ ученыхъ Славянскихъ, съ которыми онъ познакомился въ свою поѣздку за-границу, откуда только-что воротился. Тридцатые годы было время самое бойкое для возрожденія Славянской народности въ наукѣ, литературѣ и политикѣ. Это великое дѣло только-что тогда начиналось: и вотъ мы—студенты въ первый разъ въ жизни услышали имена знаменитыхъ Славянскихъ дѣятелей отъ Погодина, и тогда же мы узнали, что Шафарикъ готовитъ къ печати свои *Славянскія Древности*, въ которыхъ онъ докажетъ всему міру, что не Нѣмцы, а Славяне были старожилами и хозяевами всѣхъ

тѣхъ областей, гдѣ потомъ очутились насельниками и господами Нѣмцы. Отъ него же узнали мы, что Палацкій работаетъ надъ Исторіею Чешскаго народа, и что искалѣченный Вукъ Караджичъ, подпираясь своими костылями, пѣшкомъ исходилъ всю Сербскую землю и собралъ сокровища Сербской народной поэзіи".

LIV.

Знакомство Погодина съ Славянскимъ міромъ Н. А. Поповъ раздѣляетъ на четыре эпохи: 1) Время книжнаго знакомства съ Славянствомъ до перваго путешествія за-границу (1825—1835 г.). 2) Время личнаго знакомства съ Славянскими дѣятелями во время путешествій за-границу (1835—1848). 3) Время собиранія свѣдѣній о состояніи Славянъ послѣ событій 1848 года, результаты коихъ онъ представилъ въ своихъ Политическихъ письмахъ, самой горячей публицистической дѣятельности по Восточному вопросу (1848—1857 г.) и 4) Время дѣятельности въ средѣ бывшаго Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета (1858—1875 г.). Такимъ образомъ описанное нами путешествіе Погодина относится ко второй эпохи его отношеній къ Славянству.

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ получилъ отъ Шафарика письмо (отъ 26 сентября 1835 г.), въ которомъ читаемъ: „Незабвенны остались для меня тѣ дни, когда я узналъ васъ, сблизился съ вами и полюбилъ васъ. Правда, что эти чудные дни прошли очень скоро и теперь насъ уже раздѣляетъ большое пространство, но свободный обмѣнъ мыслей намъ ничѣмъ не воспрещенъ и мы постараемся этимъ воспользоваться. Во мнѣ вы конечно всегда найдете самаго усерднаго корреспондента" [447]).

Между тѣмъ отъ имени графа Строганова, Погодинъ въ это время сдѣлалъ Шафарику предложеніе переселиться въ Москву и занять тамъ каѳедру Славянскихъ нарѣчій. Когда объ этомъ узналъ Максимовичъ, то писалъ Погодину: „Радуюсь,

что новымъ Попечителемъ довольны у васъ, и желаю для пользы возлюбленнаго нашего Университета и впредь; радуюсь, что для Москвы выписывается Шафарикъ" [148]). Самъ же Погодинъ писалъ Востокову: „Шафарикъ человѣкъ превосходный, кромѣ его первокласной учености. Васъ онъ чтитъ какъ законодателя. Графъ Строгановъ зоветъ его въ Москву" [149]). Но Шафарикъ не принялъ этаго предложенія. „Я хочу сказать", писалъ онъ Погодину, „о переселеніи своемъ въ Москву. Я бы очень просилъ васъ не особенно меня торопить. Для моихъ занятій и для общей нашей пользы было бы лучше прожить въ Прагѣ еще года два. Зная, что ваше доброжелательство ко мнѣ безгранично, я хочу поговорить съ вами совершенно откровенно... Вы знаете, что мое рвеніе и стремленіе къ умственнымъ цѣлямъ заставляютъ меня забывать всѣ матеріальные интересы, почему я и семья моя находится въ какомъ-то воздушномъ пространствѣ. Пусть пощадятъ меня и не осыпаютъ почестями, титулами, орденами и дипломами; предоставляю эти смѣшныя дѣтскія забавы другу моему Ганкѣ, благо сердце его жаждетъ всего этого, для меня же гораздо цѣннѣе будетъ присылка Русскихъ книгъ, которыхъ я не въ состояніи купить, но которыя однако необходимы для моихъ занятій и работъ". Въ другомъ своемъ письмѣ Шафарикъ положительно отказывается переселиться въ Москву. „Я", писалъ онъ, „нисколько не расположенъ оставить здѣшнихъ моихъ родныхъ, друзей, пріятелей и переѣхать въ Россію. Съ этою же почтою пишу я графу Строганову свой положительный отказъ... Вы, кажется, надѣетесь получить отъ моего пребыванія въ Россіи какіе-то великіе научные результаты. Къ несчастію, всѣ мои друзья, въ томъ числѣ и вы преувеличиваете мои познанія, тогда какъ я очень хорошо знаю себѣ цѣну и могу сказать, что я только человѣкъ труда и что у меня есть желаніе и прилежаніе. Чешскій мой родной языкъ; а если я теоретически и познакомился съ другими Славянскими нарѣчіями, то на практикѣ не могу примѣнить своихъ познаній: я уже въ такомъ возрастѣ,

и вообще никогда не могъ легко изучать языки, поэтому не могу надѣяться быть преподавателемъ въ Россіи; быть же тамъ чуждымъ и только нѣмцемъ я не хочу. Наконецъ, что для меня самое важное, я привязанъ къ Богеміи и къ Прагѣ, вообще ко всей Австріи, я многимъ обязанъ этой странѣ и не оставлю ее, пока могу быть ей чѣмъ-нибудь полезенъ. Я очень хорошо знаю, что въ Россіи меня ждетъ богатство и почести, здѣсь же нужда и бѣдность, но у меня достанетъ твердости духа, покорности и терпѣнія, чтобы не пожертвовать матерьяльнымъ выгодамъ духовно-литературный интересъ моихъ соотечественниковъ, обязанность моя быть имъ полезнымъ, если трудъ мой только можетъ быть имъ полезенъ, въ остальномъ же я полагаюсь на волю Божію. Послѣ всего сказаннаго, вы увидите, что ваше стараніе перетащить меня въ Москву напрасно и поведетъ только къ лишнимъ разговорамъ. Въ Россіи много людей, число ихъ увеличивается ежедневно, они достойнѣе меня занимать Славянскую каѳедру" [450]). Получивъ это письмо, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Шафарикъ не рѣшается ѣхать: жаль; но какія благородныя причины! Тронутъ былъ до слезъ" [451]). Между тѣмъ Кеппенъ, сообщая Погодину объ отказѣ Шафарика ѣхать въ Россію, прибавляетъ: „Его теперь приглашаютъ въ Бреславль профессоромъ. Тамъ учреждается каѳедра Славянской Археологіи" [452]). Но Шафарикъ въ письмѣ своемъ къ Погодину опровергаетъ это сообщеніе: „Я не получалъ", писалъ онъ, „никакого назначенія въ Бреславль. Все это основано на разговорахъ и предположеніяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ за стаканомъ вина. Какъ я вамъ говорилъ и писалъ, а останусь въ Прагѣ" [453]).

Пользуясь своимъ личнымъ знакомствомъ съ Славянскими учеными, Погодинъ сообщаемыя ими ему свѣдѣнія о Литературѣ Славянскихъ нарѣчій печаталъ въ Русскихъ журналахъ и такимъ образомъ содѣйствовалъ къ распространенію познаній о Славянствѣ въ нашемъ Отечествѣ. Такъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* онъ напечаталъ письмо (отъ 27

пляръ потому что, безпрестанно переправляю. Не хочу даже посылать прежде моего пріѣзда актерамъ, потому что ежели они прочтутъ безъ меня, то уже трудно будетъ переучить ихъ. Думаю быть если не въ апрѣлѣ, то въ маѣ въ Москвѣ. Не можешь ли прислать мнѣ каталога книгъ, пріобрѣтенныхъ тобою и не пріобрѣтенныхъ относительно Славянской Исторіи и Литературы. Очень обяжешь, и если можно въ двухъ трехъ словахъ означить достоинство какъ и въ какомъ отношеніи можетъ быть полезна“. Въ другомъ письмѣ Гоголя опять читаемъ: „Три письма и ни на одно не отвѣчено! Можно ли такъ дѣлать, что съ тобою? Я ничего не знаю. Я не знаю, что писать къ тебѣ и нужно ли писать къ тебѣ и нравится ли тебѣ, что пишу къ тебѣ?“ Но всему виною была оказія. Наконецъ Гоголь получилъ письмо отъ Погодина, въ которомъ читаемъ: „Вѣдь это, братецъ, ни на что не похоже! Я писалъ къ тебѣ писемъ пять, неужели ни одно не дошло! Фу ты дьявольщина какая! И самъ ты виноватъ! Никогда не можешь прислать адреса! На имя Смирдина я не могъ писать, ибо ни ты, ни я съ нимъ не имѣемъ дѣла. Я и писалъ все съ попутчиками, а они, проклятые, видно... Я еще съ одними послѣ послалъ цѣлый каталогъ книгъ, сдѣланный для меня Шафарикомъ о Славянскихъ племенахъ. Но пріѣзжай ты къ намъ и непремѣнно. Щепкинъ плачетъ. Ты сдѣлалъ съ нимъ чудо. При первомъ слухѣ о твоей комедіи на сценѣ онъ оживился, разцвѣлъ, вновь сдѣлался веселымъ, всюду ѣздилъ и разсказывалъ. Надо почтить это участіе таланта. Ставить піесу я самъ тебѣ не совѣтую: я какъ-то съ годъ былъ знакомъ съ кулиснымъ міромъ, впрочемъ, какъ постороннее лицо, и убѣдился, что ничего не можетъ быть мучительнѣе, какъ кланяться директорамъ, инспекторамъ, спорить со всѣми этими сюжетами и противъ режисера, машиниста и даже суфлера, и всѣ эти господа думаютъ, что они одолжаютъ бѣднаго автора, выучивая роль и ставя стулъ и проч. Нѣтъ, чортъ ихъ возьми: не ставь ни за что никакой піесы, если не хочешь портить себѣ кровь; но ты долженъ непремѣнно

разъ прочесть піесу актерамъ, а тамъ пусть дѣлаютъ, что хотятъ. И такъ, пріѣзжай непремѣнно и поскорѣе. Мы всѣ просимъ тебя. Еще говорятъ, ты сердишься на толки. Ну какъ тебѣ, братецъ, не стыдно! Вѣдь ты самъ дѣлаешься комическимъ лицемъ. Представь себѣ, авторъ хочетъ укусить людей не въ бровь, а прямо въ глазъ. Онъ попадаетъ въ цѣль. Люди щурятся, отворачиваются, бранятся и, разумѣется, кричатъ: „Да! насъ такихъ нѣтъ!" Такъ ты долженъ бы радоваться, ибо видишь, что достигъ цѣли. Какихъ доказательствъ яснѣе истины въ комедіи! А ты сердишься?! Ну, не смѣшенъ ли ты? Я расхохотался, читая въ *Пчелѣ,* которая берется доказать, что такихъ безсовѣстныхъ и наглыхъ мошенниковъ нѣтъ на свѣтѣ. „Есть, есть они, вы такіе мошенники!" говори ты имъ и отворачивайся съ торжествомъ. Вотъ за это мнѣ надо тебя покупать въ Стиксовой водѣ, которая протекаетъ по моимъ нынѣшнимъ владѣніямъ. Еще я разскажу тебѣ о чужихъ краяхъ, и это будетъ полезно для твоего путешествія. Словомъ, ты вмѣсто отвѣта будешь самъ въ Москву, прямо ко мнѣ, на Дѣвичье поле, близъ монастыря, на лѣвой рукѣ противъ будки, въ домъ бывшій князя Щербатова, а нынѣ твоего Погодина".

Въ это время Погодинъ купилъ себѣ домъ на Дѣвичьемъ полѣ; но объ этомъ мы скажемъ послѣ; а теперь обратимся къ перепискѣ Гоголя съ Погодинымъ.

Гоголь, прочитавъ вышеприведенное письмо Погодина писалъ ему: „Я виноватъ, очень виноватъ, мой добрый, мой милый Погодинъ, что бранилъ тебя за твое невниманіе къ моимъ письмамъ. Дѣло теперь объясняется само собою. Всему виноваты знакомые и пріятели, чрезъ которыхъ ты писалъ и которые имѣли обыкновеніе проживать на дорогѣ у знакомыхъ, или жить въ Петербургѣ по цѣлому мѣсяцу, и потомъ уже припоминали о твоихъ письмахъ. Теперь только я получаю письма твои, писанныя въ февралѣ, генварѣ и мартѣ. Прости меня за то, что я напустился на тебя. На что и какъ теперь отвѣчать тебѣ? Многіе вопросы твои уже потеряли свою современность. Послѣ разныхъ волненій и досадъ и прочаго, мысли

мои такъ разсѣяны, что я не въ силахъ собрать ихъ въ стройность и порядокъ. Я хотѣлъ было ѣхать непремѣнно въ Москву и съ тобою наговориться вдоволь, но не такъ сдѣлалось. Чувствую, что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ".

Гоголь въ это время былъ весь поглощенъ постановкою на сцену своего *Ревизора*. Какъ извѣстно, комедія эта имѣла на сценѣ огромный успѣхъ, но въ то же время надѣлала автору ея много враговъ. Это производило на Гоголя удручающее впечатлѣніе и свои горестныя чувства онъ изливалъ въ письмахъ своихъ Погодину. „Ѣду", писалъ онъ, „за-границу; тамъ размыкать ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь. Когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается: частное принимается за общее, случай за правило; что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ, трехъ плутовъ, тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: мы не плуты. Но Богъ съ ними. Я не оттого ѣду за-границу, чтобы не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій; мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постоянное пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора уже мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ. Лѣто буду на водахъ, августъ мѣсяцъ на Рейнѣ, осень въ Швейцаріи уединюсь и займусь. Если удастся, то зиму думаю пробыть въ Римѣ или Неаполѣ. Можетъ быть, тамъ увидимся съ тобою, если только это правда, что ты тоже думаешь ѣхать. Отправляюсь или въ концѣ мая, или въ началѣ іюня. Письмо твое еще, можетъ

разъ прочесть піесу актерамъ, а тамъ пусть дѣлаютъ, что хотятъ. И такъ, пріѣзжай непремѣнно и поскорѣе. Мы всѣ просимъ тебя. Еще говорятъ, ты сердишься на толки. Ну какъ тебѣ, братецъ, не стыдно! Вѣдь ты самъ дѣлаешься комическимъ лицемъ. Представь себѣ, авторъ хочетъ укусить людей не въ бровь, а прямо въ глазъ. Онъ попадаетъ въ цѣль. Люди щурятся, отворачиваются, бранятся и, разумѣется, кричатъ: „Да! насъ такихъ нѣтъ!" Такъ ты долженъ бы радоваться, ибо видишь, что достигъ цѣли. Какихъ доказательствъ яснѣе истины въ комедіи! А ты сердишься?! Ну, не смѣшенъ ли ты? Я расхохотался, читая въ *Пчелѣ*, которая берется доказать, что такихъ безсовѣстныхъ и наглыхъ мошенниковъ нѣтъ на свѣтѣ. „Есть, есть они, вы такіе мошенники!" говори ты имъ и отворачивайся съ торжествомъ. Вотъ за это мнѣ надо тебя покупать въ Стиксовой водѣ, которая протекаетъ по моимъ нынѣшнимъ владѣніямъ. Еще я разскажу тебѣ о чужихъ краяхъ, и это будетъ полезно для твоего путешествія. Словомъ, ты вмѣсто отвѣта будешь самъ въ Москву, прямо ко мнѣ, на Дѣвичье поле, близъ монастыря, на лѣвой рукѣ противъ будки, въ домъ бывшій князя Щербатова, а нынѣ твоего Погодина".

Въ это время Погодинъ купилъ себѣ домъ на Дѣвичьемъ полѣ; но объ этомъ мы скажемъ послѣ; а теперь обратимся къ перепискѣ Гоголя съ Погодинымъ.

Гоголь, прочитавъ вышеприведенное письмо Погодина писалъ ему: „Я виноватъ, очень виноватъ, мой добрый, мой милый Погодинъ, что бранилъ тебя за твое невниманіе къ моимъ письмамъ. Дѣло теперь объясняется само собою. Всему виноваты знакомые и пріятели, чрезъ которыхъ ты писалъ и которые имѣли обыкновеніе проживать на дорогѣ у знакомыхъ, или жить въ Петербургѣ по цѣлому мѣсяцу, и потомъ уже припоминали о твоихъ письмахъ. Теперь только я получаю письма твои, писанныя въ февралѣ, генварѣ и мартѣ. Прости меня за то, что я напустился на тебя. На что и какъ теперь отвѣчать тебѣ? Многіе вопросы твои уже потеряли свою современность. Послѣ разныхъ волненій и досадъ и прочаго, мысли

мои такъ разсѣяны, что я не въ силахъ собрать ихъ въ стройность и порядокъ. Я хотѣлъ было ѣхать непремѣнно въ Москву и съ тобою наговориться вдоволь, но не такъ сдѣлалось. Чувствую, что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ".

Гоголь въ это время былъ весь поглощенъ постановкою на сцену своего *Ревизора*. Какъ извѣстно, комедія эта имѣла на сценѣ огромный успѣхъ, но въ то же время надѣлала автору ея много враговъ. Это производило на Гоголя удручающее впечатлѣніе и свои горестныя чувства онъ изливалъ въ письмахъ своихъ Погодину. „Ѣду", писалъ онъ, „за-границу; тамъ размыкать ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь. Когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается: частное принимается за общее, случай за правило; что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ, трехъ плутовъ, тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: мы не плуты. Но Богъ съ ними. Я не оттого ѣду за-границу, чтобы не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій; мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постоянное пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора уже мнѣ творить съ большимъ размышленіемъ. Лѣто буду на водахъ, августъ мѣсяцъ па Рейнѣ, осень въ Швейцаріи уединюсь и займусь. Если удастся, то зиму думаю пробыть въ Римѣ или Неаполѣ. Можетъ быть, тамъ увидимся съ тобою, если только это правда, что ты тоже думаешь ѣхать. Отправляюсь или въ концѣ мая, или въ началѣ іюня. Письмо твое еще, можетъ

ственники на каждомъ шагу; всѣ только и дѣло дѣлаютъ, что пьютъ, ѣдятъ, да газеты читаютъ. Всѣ города оцѣняетъ онъ одною мѣркою, запахомъ: въ этомъ городѣ нѣтъ вони, а вотъ въ этомъ очень воняетъ, потому что льютъ нечистоты на улицу".

Самъ же Гоголь изъ Женевы (10 сент. 1836 г.) писалъ Погодину: „Здравствуй, мой добрый другъ! какъ ты живешь? что дѣлаешь? Скучаешь ли, веселишься ли? Или работаешь, или лежишь на боку да лѣнишься? Богъ въ помощь тебѣ, если занятъ дѣломъ. Пусть весело горитъ передъ тобою свѣча твоя!.. Мнѣ жаль, слишкомъ жаль, что я не видался съ тобою передъ отъѣздомъ. Много я отнялъ у себя пріятныхъ минутъ, но на Руси есть также изрядная коллекція гадкихъ рожъ, что не въ терпёжъ мнѣ пришлось глядѣть на нихъ. Даже теперь плевать хочется, когда объ нихъ вспомню. Теперь передо мною чужбина, но въ сердцѣ моемъ Русь; не гадкая Русь, но одна только прекрасная Русь: ты, да нѣсколько другихъ близкихъ, да небольшое число заключившихъ въ себѣ прекрасную душу и вѣрный вкусъ. Я не пишу тебѣ ничего о моемъ путешествіи. Впечатлѣнія мои уже прошли, уже я привыкъ къ окружающему и потому описаніе его, сомнѣваюсь, чтобы было любопытно. Два предмета только поразили и остановили меня: Альпы, да старыя готическія церкви. Осень наступила, и я долженъ положить свою дорожную палку въ уголъ и заняться дѣломъ. Думаю остаться или въ Женевѣ, или въ Лозаннѣ, или въ Веве, гдѣ будетъ теплѣе (здѣсь нѣтъ нашихъ теплыхъ домовъ). Принимаюсь перечитывать вновь всего Вальтеръ Скотта, а тамъ, можетъ быть, за перо. Письма адресуй ко мнѣ въ Лозанну. Ты долженъ писать ко мнѣ теперь чаще. Тебѣ должно быть извѣстно, что значитъ получить письмо изъ родины. Прощай! обнимаю тебя. Увѣдоми меня о томъ, что говорятъ обо мнѣ въ Москвѣ. Я не имѣю до сихъ поръ ни объ чемъ никакихъ извѣстій. Ни одного Русскаго туриста не вижу. До другого письма".

Изъ Швейцаріи Гоголь думалъ пробраться въ Италію, но попалъ въ Парижъ. „Письмо твое", писалъ онъ Погодину

(28 ноября 1836 г.), „я получилъ въ Парижѣ. Холера, свирѣпствующая въ Италіи, не пустила меня туда. Я сижу здѣсь и, думаю, пробуду всю зиму. Спасибо тебѣ за письмо и увѣдомленіе о себѣ. Ты все тотъ же, дѣятельный, трудолюбивый. Пошли тебѣ Богъ успѣховъ во всемъ. Благодарныхъ будетъ тебѣ вѣрно много. О Парижѣ тебѣ ничего не пишу. Здѣшняя сфера совершенно политическая, а я всегда бѣжалъ политики. Не дѣло поэта втираться въ мірской рынокъ. Какъ молчаливый монахъ, живетъ онъ въ мірѣ, не принадлежа къ нему, и его чистая, непорочная душа умѣетъ только бесѣдовать съ Богомъ“.

Большое дѣло, о которомъ упоминаетъ Краевскій въ своемъ письмѣ къ Погодину и которое заняло умъ и душу Гоголя было *Мертвыя Души*. 28 ноября 1836 года, Гоголь писалъ Погодину: „Вещь, надъ которой сижу и тружусь теперь и которую долго обдумывалъ, и которую долго еще буду обдумывать, не похожа ни на повѣсть, ни на романъ, длинная, длинная, въ нѣсколько томовъ, названіе ей *Мертвыя Души*. Вотъ все, что ты долженъ покамѣсть узнать объ ней. Если Богъ поможетъ выполнить мнѣ мою поэму такъ, какъ должно, то это будетъ первое мое порядочное твореніе. Вся Русь отзовется въ немъ. Жребій мой кинутъ. Бросивши Отечество, я бросилъ, вмѣстѣ съ нимъ, всѣ современныя желанія. Неперескочимая стѣна стала между имъ и мною. Гордость, которую знаютъ только поэты, которая росла со мною съ колыбели, наконецъ не вынесла. О, какое презрѣнное, какое низкое состояніе... Дыбомъ волосъ поднимается. Люди, рожденные для описухи, для сводничества... И передъ этими людьми... Мимо, мимо ихъ! И донынѣ недостаетъ духа назвать ихъ... Не тревожь меня мелочными просьбами о статейкахъ. Я не могу и не въ силахъ заняться ими. Никакіе толки, ни добрая, ни худая молва не занимаютъ меня. Я мертвъ для текущаго. Не заводи рѣчи о театрѣ: кромѣ мерзостей ничего другаго не соединяется съ нимъ. Я даже радъ, что вздорную комедію, которую я хотѣлъ было отдать въ театръ, зачиталъ у меня здѣсь одинъ землякъ, который, взявши ее на два дня,

пропалъ съ нею, какъ въ воду, и я до сихъ поръ не знаю о теперешнемъ ея мѣстопребываніи. Самъ Богъ внушилъ ему это сдѣлать. Эта глупость не должна была явиться въ свѣтъ. Еслибы я услышалъ, что что̀-нибудь мое играется или печатается, то это было мнѣ только непріятно, и больше ничего. Я вижу только грозное и правдивое потомство, преслѣдующее меня неотразимымъ вопросомъ: „гдѣ же то дѣло, по которому бы можно было судить о тебѣ?“ И чтобы приготовить отвѣтъ ему, я готовъ осудить себя на все, на нищенскую и скитальческую жизнь, на глубокое, непрерываемое уединеніе, которое отнынѣ я ношу съ собою вездѣ: было ли бы это въ Парижѣ или въ Африканской степи. Пиши ко мнѣ. Есть нѣсколько друзей, отъ которыхъ письма — что благоуханный вѣтеръ съ родины. Зловоніе не долетитъ ко мнѣ. Все, что собственно относится къ тебѣ, литературное или не литературное, для меня дорого и ты меня этимъ обяжешь“.

Самому же Погодину Гоголь совѣтуетъ сосредоточиться и сильно вооружается противъ его намѣренія издавать журналъ. „Но берегись“, писалъ онъ ему, „слишкомъ увлечься и разсѣяться многосторонностью занятій. Избери одинъ трудъ, влюбись въ него душею и тѣломъ, и жизнь твоя потечетъ полнѣе и прекраснѣе, а самый трудъ будетъ проникнутъ тѣмъ одушевленіемъ, которое недоступно для истрачивающаго талантъ свой на повседневное“. По поводу же предполагаемаго Погодинымъ журнала, Гоголь писалъ „Я не одобряю предпріятія твоего издавать журналъ по задуманному тобою плану. Дѣло журнала требуетъ болѣе или менѣе шарлатанства. Посмотри, какіе журналы всегда успѣвали! Тѣ, которыхъ издатели шли, очертя голову, напроломъ всему, надѣвши на себя грязную рубаху ремесленника, предполагая заранѣе, что придется мараться и пачкаться безъ счета. Необходимаго для этого шарлатанства и отваги у тебя нѣтъ. Конечно, можно предположить, что съ прямою и твердою волею, съ совѣстью можно противустать (хотя и неприлично употреблять умныя рѣчи съ кабачными бойцами), но въ такомъ случаѣ нужно неослабное вниманіе, нужно все бросить и изда-

(28 ноября 1836 г.), „я получилъ въ Парижѣ. Холера, свирѣпствующая въ Италіи, не пустила меня туда. Я сижу здѣсь и, думаю, пробуду всю зиму. Спасибо тебѣ за письмо и увѣдомленіе о себѣ. Ты все тотъ же, дѣятельный, трудолюбивый. Пошли тебѣ Богъ успѣховъ во всемъ. Благодарныхъ будетъ тебѣ вѣрно много. О Парижѣ тебѣ ничего не пишу. Здѣшняя сфера совершенно политическая, а я всегда бѣжалъ политики. Не дѣло поэта втираться въ мірской рынокъ. Какъ молчаливый монахъ, живетъ онъ въ мірѣ, не принадлежа къ нему, и его чистая, непорочная душа умѣетъ только бесѣдовать съ Богомъ“.

Большое дѣло, о которомъ упоминаетъ Краевскій въ своемъ письмѣ къ Погодину и которое заняло умъ и душу Гоголя было *Мертвыя Души*. 28 ноября 1836 года, Гоголь писалъ Погодину: „Вещь, надъ которой сижу и тружусь теперь и которую долго обдумывалъ, и которую долго еще буду обдумывать, не похожа ни на повѣсть, ни на романъ, длинная, длинная, въ нѣсколько томовъ, названіе ей *Мертвыя Души*. Вотъ все, что ты долженъ покамѣсть узнать объ ней. Если Богъ поможетъ выполнить мнѣ мою поэму такъ, какъ должно, то это будетъ первое мое порядочное твореніе. Вся Русь отзовется въ немъ. Жребій мой кинутъ. Бросивши Отечество, я бросилъ, вмѣстѣ съ нимъ, всѣ современныя желанія. Неперескочимая стѣна стала между имъ и мною. Гордость, которую знаютъ только поэты, которая росла со мною съ колыбели, наконецъ не вынесла. О, какое презрѣнное, какое низкое состояніе... Дыбомъ волосъ поднимается. Люди, рожденные для описухи, для сводничества... И передъ этими людьми... Мимо, мимо ихъ! И донынѣ недостаетъ духа назвать ихъ... Не тревожь меня мелочными просьбами о статейкахъ. Я не могу и не въ силахъ заняться ими. Никакіе толки, ни добрая, ни худая молва не занимаютъ меня. Я мертвъ для текущаго. Не заводи рѣчи о театрѣ: кромѣ мерзостей ничего другаго не соединяется съ нимъ. Я даже радъ, что вздорную комедію, которую я хотѣлъ было отдать въ театръ, зачиталъ у меня здѣсь одинъ землякъ, который, взявши ее на два дня,

чивая дѣятельность университетскихъ членовъ одною ученою частію, должно содѣйствовать возвышенію этой части. Не развлекаясь обязанностями администраціи, профессоръ получалъ возможность сосредоточивать всѣ свои дарованія и труды въ своей каѳедрѣ. Къ сему слѣдуетъ присовокупить и то, что съ новымъ уставомъ Всемилостивѣйше былъ утвержденъ и новый штатъ, обезпечивавшій матеріальное существованіе профессоровъ. „И такъ 1836 годъ", замѣчаетъ Надеждинъ, „долженъ начать новый періодъ учености въ нашемъ Отечествѣ. Святилищамъ ея, университетамъ, открытъ новый путь, дарованы новыя средства; и сверхъ того онѣ наполнены новыми жрецами, въ лицѣ молодыхъ ученыхъ, прибывшихъ изъ Германіи .. Все это украшаетъ будущность самыми пріятными надеждами" [455]).

9 іюня того же 1836 года въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета И. И. Давыдовъ произнесъ рѣчь, въ которой профессоръ является исторіографомъ успѣховъ Университета на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія. „Разливать", говорилъ онъ, „благотворный свѣтъ современной науки, немеркнущій въ вѣкахъ и народахъ, хранить во всей чистотѣ и богатить отечественный языкъ, органъ нашего Православія и Самодержавія, содѣйствовать развитію народной, самобытной словесности, этого самопознанія нашего и цвѣта жизни, передавать юному поколѣнію мудрость, сокровище человѣчества, очищенную любовь къ Вѣрѣ и Престолу — вотъ назначеніе университета въ наше время. Тебѣ, вертоградъ Елисаветинъ, нашъ воспитатель и храмъ нашего служенія — тебѣ предстоятъ новые подвиги въ содѣйствіи успѣхамъ Отечественной Словесности! Подъ твоею сѣнію воспитаны и первые Русскіе ученые, и писатели, и мужи государственные. Отъ твоихъ каѳедръ просіялъ первый свѣтъ народнаго образованія на всѣ сословія и въ отдаленные концы обширной Имперіи. Тобою образованные благородные юноши ежегодно исходятъ на вѣрное служеніе обожаемому Монарху. Твои воспитанники ежедневно подвизаются и въ распростра-

неніи знаній по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія человѣческаго, и въ образованіи роднаго слова, и въ истолкованіи отечественныхъ законовъ, и въ объясненіи природы и человѣка; твои питомцы лелѣютъ и воспитываютъ тысячи юныхъ лѣтораслей; они и при одрѣ недужныхъ, подаютъ болящимъ цѣлебный бальзамъ здравія. Прекрасно зрѣлище дѣйствованія членовъ твоихъ въ настоящее время; но сколь восхитительныя надежды въ будущемъ! Какъ радуются въ небесныхъ селеніяхъ блаженствующія безсмертныя души августѣйшей учредительницы Московскаго Университета, кроткой Елисаветы, и августѣйшаго преобразителя твоего, Александра I! Какъ ликуютъ сердца ихъ за благо Россіи, утверждаемое мудрымъ вѣнценоснымъ преемникомъ ихъ Николаемъ I, распространяющимъ науки, ободряющимъ таланты, водворяющимъ Русское просвѣщеніе! Да свѣтило мудрости, нѣкогда возсіявшее на Востокѣ, блиставшее на Югѣ и Западѣ, нынѣ озаряющее благотворнымъ свѣтомъ своимъ Сѣверъ, *остановится въ тебѣ и да не зайдетъ, но да пребудетъ съ нами во вѣки!* Да съ благословеніемъ Промысла и подъ покровомъ августѣйшимъ процвѣтаешь ты съ собратьями своими, Русскими университетами, *долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!*“ [456]).

Къ числу важнѣйшихъ нововведеній по части учебной принадлежало учрежденіе особой каѳедры Славянскихъ нарѣчій въ Словесномъ отдѣленіи Философскаго факультета. „Это“, писалъ Надеждинъ, „обѣщаетъ новую эру для Русскаго языка и Русской Литературы. Наконецъ, мы перестанемъ питаться одними заморскими прививками Западно-Европейской Литературы; языкъ нашъ привьется къ родному корню, будетъ оплодотворяться не чужой, наносной пылью, зацвѣтетъ своей самобытной жизнью. Какая перспектива для развитія Русской народности, безъ которой нѣтъ ни истиннаго просвѣщенія, ни прочнаго величія для народа!“ [457]).

Каѳедру Славянскихъ нарѣчій въ Московскомъ Университетѣ занялъ маститый Каченовскій. Мы уже знаемъ, что

Погодинъ, будучи еще въ Вѣнѣ, получилъ отъ графа Строганова предложеніе занять каѳедру Русской Исторіи. „Это", пишетъ Погодинъ, „произошло безъ всякаго со стороны моей не только исканія, но даже и намека въ наше петербургское свиданіе съ графомъ Строгановымъ. Каченовскій, получившій Славянскія Нарѣчія вмѣсто Русской Исторіи, возненавидѣлъ меня еще болѣе и приписалъ то моимъ кознямъ" [458]). Съ своей стороны и Погодинъ не щадилъ Каченовскаго. „Ущипнулъ Каченовскаго", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „сказавъ, что мнѣ очень хочется взять въ свои руки Русскую Исторію, на вопросъ Ректора: буду ли я читать Всеобщую? Но тяжело все это вмѣстѣ. Развѣ при помощи преподобнаго Нестора... Шутки надъ Каченовскимъ: вы развѣ вѣрите Владиміру святому? Взять мнѣ семь часовъ въ недѣлю тяжело, а не хотѣлось бы оставлять Русскую Исторію у этого невѣжи. Съ Кубаревымъ о немъ и объ университетѣ казенномъ" [459]).

Вступленіе Погодина на каѳедру Русской Исторіи горячо привѣтствовалъ Шафарикъ. „Съ удовольствіемъ узналъ я", писалъ онъ ему, „что Русскую Исторію преподаете вы, а не врагъ нашей старины Каченовскій. Конечно, мы не такъ богаты древностями, какъ Нѣмцы и др., но именно потому должны мы то малое, что у насъ есть, цѣнить выше всѣхъ алмазовъ въ мірѣ, и не терпѣть, чтобы радованіе наше омрачалось нѣкоторыми суемудрствующими головами. Съ открытымъ челомъ и твердою рѣшимостію должны мы противостать немедленно ихъ вредному вліянію, удерживать и уничтожать оное, помня, что ослѣпляющія заблужденія, по свойству человѣческому, скорѣе распространяются, чѣмъ голыя, простыя истины, — убѣжденныя въ святости и правотѣ нашего дѣла, которое защищать есть наша важнѣйшая и главнѣйшая обязанность. Греками и Римлянами, разумѣется, наши предки не были, не ходили ни въ какой Аѳинскій театръ, и не читали никакого Платона; но такими дикими варварами и каннибалами, какими изображаютъ ихъ намъ нѣкоторые писатели, они не были также. О другъ! жизнь Славянъ, полная силы и самобытности, зака-

тилась въ пронесшихся за нѣсколько столѣтій буряхъ на берегахъ Вислы, Березина, Двины, Ловати, Днѣпра и пр. Свѣтлая сторона ея, видная чистому цѣломудренному, скромному глазу, дошла до насъ только въ нѣкоторыхъ блѣдныхъ лучахъ; темную сторону ея, не выразумѣвъ порядочно, берутъ предлогомъ, чтобы клеветать, поносить нашихъ предковъ. Муравьевъ, урожденный новгородецъ, написалъ сатиру полную лжи и насмѣшекъ на свой родной городъ, на древній старый Новгородъ!.. *). На васъ, какъ на профессорѣ Русской Исторіи, лежитъ обязанность противодѣйствовать этой сумятицѣ.

Если напечатаются мои Славянскія Древности, то откроются взоры въ другой міръ, который теперь мы едва предчувствовать можемъ. Дай Богъ, чтобы я дожилъ до этого дня, и увидѣлъ собственными глазами" [460]).

LVII.

Кромѣ Русской Исторіи, Погодинъ въ это время продолжалъ преподавать и Всеобщую. По возвращеніи изъ чужихъ краевъ, онъ читалъ своимъ студентамъ общее введеніе въ Исторію, Исторію Кароагена, Египта, Еѳіопіи и отчасти Греціи по Герену, а также Новую Исторію до кончины Фридриха Великаго. Студенты писали разсужденія для полученія медалей о характерѣ Исторіи Древней, Средней и Новой. Лучшимъ признано разсужденіе студента Стрекалова и удостоено золотой медали. Но это совмѣстное преподаваніе двухъ предметовъ очень тяготило Погодина. „Рѣшаюсь", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „оставить Университетъ, ибо восемь часовъ въ недѣлю читать не могу. И не жаль". Въ то же время у него вырывалось слѣдующее сознаніе: „Нѣтъ, лекціи не мое дѣло, какъ мало я приготовленъ къ профессорству Исторіи... Но когда мнѣ! Я все печаталъ... Нѣтъ, на лекціяхъ моихъ есть польза, кто хочетъ слушать, но скука слушать" [461]).

---

*) Николай Назаровичъ. См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1889, книга вторая, стр. 171—172.

Къ чести Погодина, а также и его товарища Шевырева, свидѣтельствуетъ Буслаевъ „надобно сказать, что призваніе ученаго всегда ставили они неизмѣримо выше всякихъ эфимерныхъ успѣховъ публицистики, больше всего радѣли о непреходящихъ интересахъ литературы, науки и университета, и въ своихъ чистыхъ убѣжденіяхъ, воспитанныхъ этими интересами, находили они спасительное руководство на скользкомъ поприщѣ періодической печати" [462]).

Но по каѳедрѣ Всеобщей Исторіи Погодину готовился уже преемникъ. Въ это время возросталъ и укрѣплялся тѣломъ и духомъ Тимоѳей Николаевичъ Грановскій.

По окончаніи курса въ Петербургскомъ Университетѣ, Грановскому въ декабрѣ 1835 года предложили отправиться за-границу, для приготовленія къ каѳедрѣ Исторіи. Это предложеніе было сдѣлано ему В. К. Ржевскимъ, служившимъ тогда при попечителѣ Московскомъ графѣ С. Г. Строгановѣ. Ржевскій представилъ Грановскаго графу Строганову, который послѣ личныхъ объясненій съ нимъ предложилъ ему каѳедру Всеобщей Исторіи въ Московскомъ Университетѣ, а для приготовленія къ ней Московскій Попечитель устроилъ ему заграничное путешествіе. „Единственное условіе", писалъ Грановскій своей сестрѣ, „со стороны графа Строганова — желаніе его, чтобы я былъ послѣ моего возвращенія профессоромъ въ Москвѣ. Мнѣ ничего лучшаго не надо: этотъ человѣкъ вполнѣ отличный, очень уважаемый Императоромъ и очень добрый къ своимъ подчиненнымъ". Предъ отъѣздомъ за-границу, Грановскій проѣздомъ въ деревню посѣтилъ Москву и здѣсь впервые познакомился и сблизился съ Станкевичемъ и Бѣлинскимъ [463]). „Благодарю тебя", писалъ Станкевичъ Невѣрову, „за знакомство съ Т. Н. Грановскимъ. Это милый, добрый молодой человѣкъ и на немъ нѣтъ печати Петербурга" [464]). Въ это же время Грановскій познакомился и съ Погодинымъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки Шафарика Погодину: „Вы упоминаете о кандидатѣ Грановскомъ, но о немъ до сихъ поръ ничего не слышно" [465]).

Возвратившись въ Петербургъ, Грановскій въ половинѣ мая 1836 года сѣлъ на пароходъ и поплылъ, по выраженію В. В. Григорьева, „за золотымъ руномъ Европейской науки" [466]).

Между тѣмъ съ новымъ уставомъ факультеты Московскаго Университета „вдругъ обновлены были цѣлою колоніею новыхъ профессоровъ, только-что возвратившихся изъ чужихъ краевъ" [467]). Въ первое время, если судить по записямъ *Дневника*, Погодинъ сохранялъ добрыя сношенія съ молодыми профессорами. „На блинахъ. Молодежь", пишетъ онъ, „изъ нихъ будетъ путь, но надо ихъ поддерживать... На блинахъ у Морошкина. Пріятно разговаривалъ съ нашею ученою молодежью" [468]). А Максимовичу онъ писалъ: „у насъ Университетъ такъ и сякъ. Лучше лишь только, что есть хорошіе новые; а впрочемъ не надѣйтесь ни на князи, ни на сыны человѣческіе" [469]). Изъ молодыхъ профессоровъ Погодинъ особенно въ то время сблизился съ Никитою Ивановичемъ Крыловымъ [470]). Но это продолжалось не долго. Вскорѣ Погодинъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ сдѣлался противникомъ молодыхъ профессоровъ. По свидѣтельству Ѳ. И. Буслаева, „прибывшіе изъ заграницы профессора съ своими Германскими симпатіями, какъ космополиты, проповѣдывали свое ученіе, во имя интересовъ общечеловѣческихъ. По ихъ теоріи, должно стереть съ лица земли всякія различія отдѣльныхъ народностей, а въ народности Русской и вообще Славянской видѣли только грубость и варварство". Между тѣмъ какъ Погодинъ и Шевыревъ, „сильные преданьями Русской Литературы, которыя они приняли непосредственно изъ рукъ лучшихъ ея представителей, объявили своимъ принципомъ народность и именно народность Русскую" [471]).

Мы уже видѣли, съ какимъ восторгомъ приняли студенты появленіе Шевырева на каѳедрѣ Московскаго Университета. Но на другой же годъ послѣдовало охлажденіе студентовъ и одинъ изъ нихъ, а именно Станкевичъ (отъ 1 іюня 1835 г.) писалъ Невѣрову: „Шевыревъ обманулъ наши ожиданія; онъ педантъ" [472]). Причину этого охлажденія Погодинъ объясняетъ

слѣдующимъ образомъ: „Напыщенный иногда тонъ Шевырева, подалъ первый поводъ къ перемѣнѣ мнѣнія: самый голосъ его, въ которомъ было что-то искусственное, особенно въ началѣ чтенія, началъ не нравиться. Наконецъ, вступленіе его въ аристократическій кругъ вслѣдствіе женитьбы и невольное подчиненіе нѣкоторымъ его условіямъ, возбуждали неудовольствіе“ [473]). А въ *Дневникѣ* его мы находимъ слѣдующую запись: „Что за всеобщая ненависть къ Шевыреву, а все за его расположеніе къ аристократіи“ [474]). Объ этомъ мы имѣемъ и позднѣйшее свидѣтельство К. Н. Бестужева-Рюмина. „Живы еще“, пишетъ онъ, „многіе слушавшіе лекціи Шевырева, и знавшіе его лично. Многочисленные труды Шевырева въ рукахъ у всѣхъ, занимающихся Русскою Литературой: тѣмъ не менѣе полнаго и правильнаго сужденія о Шевыревѣ до сихъ поръ еще не произнесено. До сихъ поръ еще помнится насмѣшливое отношеніе къ нему Бѣлинскаго и другихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нѣкоторыя стороны характера Шевырева подавали поводъ къ насмѣшкѣ и, можетъ быть, даже къ нерасположенію къ нему. Онъ былъ черезъчуръ цвѣтистъ въ своихъ лекціяхъ... Страсть Шевырева къ великосвѣтскости у одного изъ студентовъ сороковыхъ годовъ вызвала ѣдкую сатиру, въ которой авторъ такъ обращается къ Шевыреву:

Не ты ли желтыя перчатки
Принесъ на каѳедру съ собой?

Болѣзненно раздражительное самолюбіе Шевырева создало ему много враговъ и въ литературѣ, и въ университетѣ. Но не одни эти обстоятельства были причиною нерасположенія къ Шевыреву: ревностный патріотъ и человѣкъ глубоко-религіозный, Шевыревъ усердно восхвалялъ Древнюю Русь въ противоположность новой. Въ наше время эта сторона дѣятельности Шевырева возбудила бы большое сочувствіе, а увлеченія его и цвѣтистость изложенія ушли бы на второй планъ. Но не такъ было тогда. Большинство людей того времени осудило Шевырева, а послѣдующее поколѣніе не пересмотрѣло

этого строгаго приговора. А между тѣмъ Русской наукѣ есть за что вспомнить Шевырева и за что помянуть его добромъ. Вообще безпристрастная біографія и оцѣнка Шевырева были бы очень цѣннымъ вкладомъ въ Исторію Русской Литературы" [475]). По мнѣнію Погодина, „политическое направленіе, которое тогда начало обнаруживаться въ Московскихъ кружкахъ, сдѣлалось главною причиною перемѣны въ расположеніи молодежи къ Шевыреву. Онъ думалъ только о наукѣ и искусствѣ, а для передовой молодежи важнѣе всего была политика,—и такъ произошло раздѣленіе лагерей. И мы занимались политическими вопросами, но совершенно въ другомъ родѣ. Взаимнаго объясненія не было, да и быть не могло: мы составляли старшій профессорскій кружокъ, а тѣ—младшій студенческій. Мы обращались преимущественно къ прошедшему, а противники наши къ будущему" [476]).

Въ это время Шевыревъ ратовалъ въ *Московскомъ Наблюдатель* и вступилъ въ отчаянную борьбу съ противнымъ лагеремъ. Критическія его статьи, помѣщаемыя въ этомъ журналѣ, возбуждали сочувствіе Пушкина, князя Вяземскаго и непависть, начинающаго уже входить въ силу, Бѣлинскаго. „Съ журналами", писалъ князь Вяземскій въ Пушкинскомъ *Современникъ*, „спорить нельзя, по той же причинѣ, по которой Карамзинъ не отвѣчалъ ни на одну критику, хотя онъ и любилъ спорить. Само собою разумѣется, что нѣтъ правила безъ исключенія. Читатели наши, знакомые съ *Московскимъ Наблюдателемъ*, догадаются и безъ нашей оговорки, что онъ здѣсь въ сторонѣ. Нельзя не желать для пользы Литературы нашей и распространенія здравыхъ понятій о ней, чтобы сей журналъ сдѣлался у насъ болѣе и болѣе извѣстнымъ. Особенно критика его замѣчательно хороша. Невыгодно подпасть подъ удары ея, но по крайней мѣрѣ оружіе ея и нападенія всегда благородны и добросовѣстны. Понимаемъ, что при этомъ случаѣ издатели *Телескопа* и другіе могутъ въ добродушномъ и откровенномъ испугѣ воскликнуть: „избавь насъ Боже отъ его критикъ!" Но каждый молится за свое спасеніе: это

натурально“ [477]). Эти строки взорвали Бѣлинскаго, и онъ писалъ въ Надеждинскомъ *Телескопѣ*, что въ статьяхъ *Современника* „обнаруживается самая глубокая симпатія къ Московскому *свѣтскому* журналу и безпредѣльное уваженіе къ его критикѣ, что впрочемъ и неудивительно: свой своему по неволѣ братъ. Странно только, что при этомъ случаѣ на *Телескопъ* взведена небылица; сказано, будто бы какіе-то издатели *Телескопа* восклицали: „избави Боже отъ критикъ *Наблюдателя*!“ На это, во-первыхъ, замѣтимъ, что есть издатели, напримѣръ *Сына Отечества* и *Сѣверной Пчелы*; но у *Телескопа* былъ и есть только одинъ издатель, имя котораго должно быть извѣстно г. В. Во-вторыхъ, скажемъ, что не въ *Телескопѣ*, а въ *Молвѣ*, были точно сказаны эти слова, но не о критикахъ *Наблюдателя*, а о критикѣ князя Вяземскаго. Правду сказать, это почти одно и тоже“ [478]). Въ то же время Станкевичъ писалъ Бѣлинскому: „Братъ писалъ мнѣ, что ты послѣднею статьею о *Московскомъ Наблюдателѣ* рѣшительно убилъ Шевырева... Въ часъ добрый! Но вспомни, что Погодинъ всѣхъ насъ называетъ *рецензентами* и ждетъ, чтобы мы сами что-нибудь сдѣлали. Начинай же что-нибудь дѣлать“ [479]).

Война, объявленная Шевыревымъ, очень утѣшала Языкова и онъ ожидалъ отъ нея блага для Русской Литературы. „Сердечно радуюсь“, писалъ онъ Погодину, „что въ нашей литературѣ возгарается война, война кровавая, какъ пишетъ ко мнѣ братъ. Это оживитъ всю нашу братію... Пора.

> То міръ какой-то былъ
> Безъ неба, свѣта и свѣтилъ [480]).

LVIII.

Въ концѣ 1835 года Надеждинъ вернулся въ Москву изъ своего путешествія и сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Послѣ шестимѣсячнаго отсутствія“, писалъ онъ, „возвратясь изъ чужихъ краевъ, издатель *Телескопа* и *Молвы* считаетъ первѣйшею обязанностію испросить благосклоннаго извиненія у

своихъ читателей за крайнее замедленіе въ выдачѣ книжекъ *Телескопа* и *Молвы* и перерывъ въ выходѣ листовъ *Молвы*, случившійся послѣ отъѣзда его за-границу... Между тѣмъ, укрѣпясь въ здоровьѣ, разстроенномъ прежними разнообразными занятіями, освѣжась отдыхомъ отъ заботъ и новыми могущественными впечатлѣніями во время путешествія по образованнѣйшимъ странамъ Европы, по Германіи, Франціи и Италіи, сверхъ того обогатясь новыми живыми свѣдѣніями и о нашемъ любезномъ отечествѣ, во время проѣзда чрезъ южныя его области, отъ Кіева чрезъ Одессу до благословенныхъ береговъ Тавриды — сей дивной страны, гдѣ драгоцѣннѣйшія классическія воспоминанія соединены съ очаровательнѣйшею живостью истинно романтической природы, сей Италіи и Греціи Русскаго великаго царства — онъ считаетъ долгомъ загладить прежнюю свою вину предъ читателями и заплатить за ихъ благосклонную къ себѣ снисходительность, раздѣля съ ними все, что имъ пріобрѣтено... Изданіе обоихъ журналовъ, *Телескопа* и *Молвы*, будетъ продолжаться на будущій 1836 годъ“ [481]).

Дѣйствительно, въ *Телескопѣ* предъ его паденіемъ явились новыя силы. Кромѣ Бѣлинскаго, въ немъ въ это время появился Герценъ съ своимъ *Гофманомъ*; Кудрявцевъ, подъ иниціалами *А. Н.*, съ своими повѣстями *Катенька Пылаева*, *Антонина*, *Двѣ страсти*; В. П. Боткинъ, подъ иниціалами *Б. В.*, съ своею статьею *Русскій въ Парижѣ*. Наконецъ появилась здѣсь одна изъ первыхъ статей И. И. Панаева *Она будетъ счастлива* [482]). Но въ это же самое время произошелъ разрывъ Надеждина съ Погодинымъ и Шевыревымъ, причиной котораго разумѣется былъ Бѣлинскій, который, какъ мы уже знаемъ, царапнулъ и Погодина за его *Начертаніе Русской Исторіи*. Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующую запись: „Непріятное утро у Надеждина, который имѣетъ духъ разсказывать о лаѣ Бѣлинскаго неудержимомъ. А онъ понимаетъ важность моихъ мыслей. Кабинетъ,—вотъ гдѣ всѣ удовольствія. Нравственное размышленіе. Какое удовольствіе въ саду“.

Въ 1836 году Шевыревъ издалъ первую часть своего труда *Исторія Поэзіи* (Индѣйцевъ и Евреевъ) и имѣлъ въ виду, какъ говоритъ въ предисловіи, „дѣйствовать на вкусъ юныхъ слушателей, устремлять ихъ къ *историческому и положительному изученію* образцовыхъ произведеній Словесности въ нихъ самихъ, не довольствуясь чужими сужденіями и не довѣряя умозрительнымъ теоріямъ, и наконецъ показать имъ, что міръ поэзіи, этотъ идеальный міръ человѣка, не есть пустая, безцвѣтная область мечтаній и воздушныхъ призраковъ, одно произвольное созданіе фантазіи, а напротивъ, что міръ поэзіи творится изъ матеріаловъ же человѣческой дѣйствительности, что Исторія поэзіи есть та же Исторія жизни человѣчества, но только взятая въ лучшія ея мгновенія". Книга эта чрезвычайно заинтересовала Пушкина и объ этомъ сообщилъ Шевыреву князь В. Ѳ. Одоевскій: „Пушкинъ написалъ разборъ твоей *Исторіи Поэзіи*, которую я читалъ съ величайшимъ наслажденіемъ; это первая въ самомъ дѣлѣ книга на Русскомъ языкѣ [483]"). Статья Пушкина, къ сожалѣнію. не попала въ свое время въ печать и только сохранилась въ черновыхъ рукописяхъ его. „Исторія поэзіи", пишетъ онъ, „явленіе утѣшительное, книга важная! Россія, по своему положенію географическому и политическому etc., есть судилище, приказъ Европы. Безпристрастіе и здравый смыслъ нашихъ сужденій касательно того, что дѣлается не у насъ, удивительны. Шевыревъ при самомъ вступленіи своемъ обѣщаетъ слѣдовать ни эмпирической системѣ Французской критики, ни отвлеченной Философіи Нѣмцевъ. Онъ избираетъ способъ изложенія историческій — и подѣломъ: такимъ образомъ придастъ онъ наукѣ заманчивость разсказа. Въ Италіи видитъ онъ чувственность Римскую, побѣжденную Христіанствомъ, обрѣтающую покровительство религіи, воскресшую въ художествахъ, покорившую своему роскошному вліянію строгій каѳолицизмъ и снова овладѣвшую своей отчизною. Въ Испаніи признаетъ тоже начало, но встрѣчаетъ Мавровъ и видитъ въ ней магометанское направленіе. Оставляя роскош-

ный югъ, Шевыревъ переходитъ къ сѣвернымъ народамъ, рабамъ нужды, пасынкамъ природы. Въ туманной Англіи видитъ онъ нужду, развивающую богатство, промышленность, трудъ, изученія, литературу безъ преданій, вещественность. Въ Германскихъ священныхъ лѣсахъ открываетъ онъ уже то стремленіе къ отвлеченности, къ уединенію, къ феодальному разъединенію, которыя и донынѣ господствуютъ въ политической системѣ Германіи и въ системахъ ея мыслителей, и при дворахъ ея князей, и на каѳедрахъ ея профессоровъ. Франція, средоточіе Европы, представительница жизни общественной, жизни—все вмѣстѣ - эгоистической и народной. Въ ней науки и поэзія—не цѣли, а средства. Народъ (der Herr Omnis) властвуетъ въ ней отвратительною властью демократіи. Въ немъ всѣ признаки невѣжества, презрѣнія къ чужому, une marque pétulante et tranchante... Девизъ Россіи—Suum cuique...“ [484]). Но на эту почтенную книгу напалъ Надеждинъ и въ Московской литературѣ возгорѣлась ужасная брань. Надеждинъ напечаталъ въ своемъ *Телескопѣ* критическую статью, которая по замѣчанію Пыпина нѣсколько придирчива“ [485]). Впрочемъ, критику свою онъ заключилъ такими словами: „Братья по занятіямъ и ремеслу, мы ищемъ одного съ Шевыревымъ — просвѣщенія и пользы! Кто скорѣе дойдетъ къ этой цѣли, тотъ долженъ подать руку спутникамъ. Шевыревъ, вѣрно, не оставитъ вразумить меня, если я ошибаюсь. По крайней мѣрѣ, его благородный характеръ есть для меня вѣрное ручательство, что онъ будетъ имѣть столько-жъ снисхожденія къ моей критикѣ, сколько я имѣю уваженія къ его труду“. На придирчивую критику Надеждина Шевыревъ отвѣчалъ въ *Московскомъ Наблюдателѣ* и отвѣтъ свой начинаетъ такъ: „Я издалъ книгу. Она подверглась сужденіямъ разнаго рода. Я долженъ отвѣчать на нихъ не потому, чтобы дать пищу своему самолюбію, но потому только, что я обязанъ за книгу свою отвѣтственностію предъ той молодой публикой, которая слушала меня съ довѣренностію и вниманіемъ. На сужденія я отвѣчать долженъ. Вы-

бывшій изъ Московскаго Университета, къ сожалѣнію его товарищей, г. профессоръ Надеждинъ, въ своемъ журналѣ почтилъ мою книгу разборомъ, написаннымъ въ ученыхъ формахъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ ученаго общежитія, и мнѣ пріятно войти съ нимъ въ преніе на которое онъ меня такъ благородно вызвалъ". Надеждинъ напечаталъ антикритику. Шевыревъ не уступалъ. *Наблюдатель* и *Телескопъ* наполнялись полемическими статьями двухъ Московскихъ профессоровъ. Послѣднимъ словомъ Шевырева было слѣдующее: „Я продолжалъ преніе съ г. Надеждинымъ, покамѣстъ вѣрилъ что мысли его основаны на внутреннемъ убѣжденіи. Вѣра моя въ это убѣжденіе не могла не поколебаться: я вижу, что преніе превращается въ схоластическую забаву. Прекращаю его тѣмъ болѣе, что слишкомъ уважаю предметъ нашего спора и считаю совершенно неприличнымъ дѣлать его предметомъ безполезной забавы діалектической!" Надеждинъ же на это отвѣтилъ: „Онъ умолкъ—я тоже умолкаю—

Et le combat finit faute de combattans!"

Бѣлинскій въ своей статьѣ *Признаки мыслительности въ Московскомъ Наблюдатель* съ восторгомъ восклицаетъ: „Жизнь *Московскаго Наблюдателя* обнаружилась въ упорной борьбѣ за честь и славу такъ называемой *Исторіи Поэзіи* Шевырева; но тутъ еще нѣтъ мыслительнаго движенія; тутъ, напротивъ, царствуетъ горячее ожесточеніе противъ мысли" [486]). Николай Полевой, слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за полемикою Шевырева съ Надеждинымъ, писалъ Н. С. Селивановскому: „И такъ: *война*. Ужъ бьются на Аустерлицкомъ мосту. Кому то пасть; а Шевыревъ дуракъ, воля ваша—теперь уже сомнѣніе прочь. Надеждинъ его цѣликомъ проглотитъ. Пожалуйста подбивайте нашего Орланда (Бѣлинскаго) не уступать и биться. Я радуюсь, какъ старый забіяка" [487]).

Защитницей Шевырева совершенно неожиданно явилась *Сѣверная Пчела* и справедливо замѣтила: „Шевыревъ издалъ книгу о предметѣ, котораго не касались прежде его Русскіе ученые. Это уже заслуга. А его оппонентъ? Не лучше было

бы, вмѣсто того, чтобы тратить драгоцѣнное время на писаніе сотенъ страницъ безплодной полемики, употребить это время на составленіе какой нибудь учебной книги, въ которыхъ такъ нуждается наша словесность, и къ которымъ, нѣкоторымъ образомъ, обязываетъ его самое его ученое званіе" [488]).

Между тѣмъ Надеждинъ, не ограничиваясь *Телескопомъ*, тиснулъ отдѣльно брошюрку противъ Шевырева подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Для господина Шевырева. Поясненіе критическихъ замѣчаній на его Исторію Поэзіи* (М. 1836). Споръ затихъ, но эта брошюрка Надеждина попала въ Литературную лѣтопись *Библіотеки для чтенія*, въ которой по ея поводу плоско осмѣяли и Надеждина, и Шевырева, и *Телескопъ*, и *Московскій Наблюдатель*. Статейка эта любопытна какъ характеристика журнальныхъ нравовъ того времени: „Грустное чувство должна возбудить брошюрка", читаемъ въ *Библіотекѣ*, „о которой мы, къ сожалѣнію, принуждены извѣстить читателей: это—отдѣльно отпечатанная статья какого-то Московскаго журнала, по прозванью *Телескопъ*, аки палица Алкидова, раздробляющая ученую славу г. Шевырева, участника и чуть ли не директора или главнаго редактора другаго Московскаго журнала, *Московскаго Надзирателя*... *Соглядатая*... или какъ бишь его зовутъ. Дѣло стало за *Исторіею Поэзіи*, изданную г. Шевыревымъ. Г. Надеждинъ, или... или.., да! *Темноскопъ*, журналъ, если это правда, „современнаго просвѣщенія", покритиковалъ эту книгу довольно порядочно, такъ, что г. Шевыревъ, въ своемъ *Надзирателѣ*, журналѣ, какъ слышно, „энциклопедическомъ", повелъ горячій отвѣтъ, и выстроилъ тезисы сильнаго спора; журналъ современнаго просвѣщенія отвѣчалъ ему; журналъ энциклопедическій не уступилъ; журналъ современнаго просвѣщенія опять отвѣчалъ, и сбылась пословица—въ драку идти, волосъ не жалѣть. Если хотите, смѣшно, а, право, болѣе грустно и очень жалко, видѣть, какъ два почтенные журнала, одинъ „современнаго просвѣщенія", другой „энциклопедическій", одинъ... какъ-то... *Калейдоскопъ*, другой... постойте!... *Назидатель* или что-то

похожее,—извините, что не упомнилъ ихъ фамилій,—царапаютъ другъ друга въ этомъ дѣтскомъ спорѣ. Двое писателей сердятся, бранятся какъ школьники, острятся, подсмѣиваются, колютъ, щиплютъ одинъ другаго, барахтаются въ виду всей публики въ грязи унизительной и жалкой полемики. Дѣло уже давно ими забыто, и преніе идетъ совершенно личное, не объ истинахъ науки, а о томъ, что одинъ соперникъ кричитъ: „Ты этого не знаешь!"—„Нѣтъ, ты!"—Да какая нужда публикѣ и наукѣ, знаетъ или не знаетъ то, либо другое, г. Шевыревъ или г. Надеждинъ? Наука отъ этого ничего не выиграетъ, публика ничего не потеряетъ. Что до того, если г. Шевыревъ, толкуя философически объ Индѣйской поэзіи, не читалъ ни *Магабхараты*, ни *Бхагавадъ-гиты*, какъ доказываетъ г. Надеждинъ въ своемъ *Микроскопѣ*, или что г. Надеждинъ, изъясняя Еврейскую поэзію, выдумалъ небывалаго пророка Овида, какъ доказываетъ это г. Шевыревъ въ своемъ *Надзирателѣ*. Говорятъ, а можетъ быть и врутъ,—что оба бранящіеся журналиста согласно нападали, одинъ въ своемъ *Ороскопѣ*, другой въ своемъ *Набирателѣ*, на *Библіотеку для Чтенія*; мы—къ крайнему ихъ прискорбію, никогда не читали этихъ нападокъ и по-сю-пору не видѣли даже ихъ журналовъ,—но, какъ бы то ни было, *Библіотека для Чтенія*, великодушно платя за зло добромъ, предлагаетъ имъ себя въ образецъ и примѣръ, совѣтуетъ быть хладнокровными, прекратить споры, уважать себя и свое мнѣніе, и увѣряетъ ихъ, что отъ всѣхъ этихъ преній и нападокъ не будетъ имъ проку никакого, ни журналисту „современнаго просвѣщенія", ни журналисту „энциклопедическому". Для журналиста, который понимаетъ долгъ своего званія, всего приличнѣе видъ важный, степенный, ученый, вѣжливый, чего при полемикѣ соблюсти никакъ невозможно. Право такъ, милостивые государи!" [489]).

По поводу этой знаменитой полемики между Надеждинымъ и Шевыревымъ, Бередниковъ изъ Археографической Коммиссіи писалъ П. М. Строеву: „У васъ ученые ратоборствуютъ въ *Наблюдателѣ* и *Телескопѣ*, спорятъ о томъ, что

внѣ понятія нашей младенчествующей Словесности; напримѣръ, полемика Недеждина съ Шевыревымъ о Западныхъ Литературахъ. Подъ силу ли намъ? Обработаніе древней Словено-Русской Словесности, что повидимому должно бы особенно насъ занимать, кто на нее обращаетъ вниманіе? Кто знаетъ въ этомъ толкъ? Право, въ Русской Исторіи мы пятемся назадъ: Яковкина у насъ замѣняетъ Погодинъ, а Емина—Полевой" [490]).

LIX.

Въ то время, когда Шевыревъ велъ войну съ Надеждинымъ, Погодинъ приготовлялъ къ изданію свои *Афоризмы* и не смотря на разрывъ ходилъ къ Надеждину „съ доказательствами своего творчества, съ Афоризмами", и при этомъ выражалъ желаніе перевести ихъ на Нѣмецкій языкъ. Мы уже знаемъ, что Погодинъ любилъ афоризмы и въ *Дневникѣ* его мы нерѣдко встрѣчаемся съ ними, такъ напримѣръ: „У насъ хотятъ возвысить Дворянство", читаемъ тамъ, „не допуская къ нему разночинцевъ, а дворянъ пускаютъ въ купечество, крестьянъ въ фабриканты. Велятъ дворянамъ продавать вино". Или по поводу одной бесѣды съ Баратынскимъ Погодинъ записываетъ: „наша конституція указъ" [491]).

Наконецъ въ 1836 году Погодинъ издаетъ въ Москвѣ отдѣльною книжечкою свои *Историческія Афоризмы* и въ предисловіи сообщаетъ своимъ читателямъ объ ихъ происхожденіи и настоящемъ значеніи. „Это суть", пишетъ онъ, „мысли, кои въ различныя времена приходили мнѣ въ голову при чтеніи сочиненій о разныхъ историческихъ предметахъ, при размышленіи объ Исторіи, и кои я записывалъ въ свою памятную книжку. Лаская себя надеждою, что отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не откажется можетъ быть и наука, я назначаю ихъ впрочемъ теперь преимущественно для моихъ слушателей, чтобы доставить имъ темы для разсужденій, бесѣдъ, ученыхъ состязаній,—чтобы обратить ихъ вниманіе

на разныя происшествія, пропускаемыя въ исторіяхъ, особенно нашихъ,—дать примѣры, съ сколь разныхъ сторонъ можно разсматривать историческія явленія,—и содѣйствовать къ изощренію ихъ историческаго разсудка, къ образованію въ умѣ ихъ понятія, что есть Исторія, и чего въ ней, по моему мнѣнію, искать можно и должно. Сообразно съ этою цѣлію, мнѣ не нужно было давать своимъ *Афоризмамъ* никакой искусственной формы, приводить ихъ въ порядокъ или систему. Я оставилъ ихъ такъ, какъ они родились, со всѣми признаками ихъ происхожденія: однѣ мысли не договорены, другія повторены нѣсколько разъ подъ разными формами, третьи только-что намѣчены. Иногда читатель найдетъ старыя мысли въ новыхъ только выраженіяхъ, кои показались мнѣ удачными. И такъ въ этомъ собраніи не должно искать никакой послѣдовательности, связи, никакого цѣлаго. Развить нѣкоторыя мысли я намѣренъ въ другихъ сочиненіяхъ, и даже скоро, напримѣръ *разсужденіе о Реформаціи у меня почти готово*. Надѣясь принести пользу своимъ слушателямъ, а можетъ быть и другимъ любителямъ Исторіи, я ставлю себя въ невыгодное положеніе предъ нашими судьями; ибо, если справедливо сказалъ одинъ Французскій министръ, что во всякихъ трехъ строкахъ печатныхъ можно отыскать уголовное преступленіе, то подобные отрывки всего удобнѣе могутъ подать поводъ къ кривымъ толкованіямъ. Потому я впередъ прошу моихъ рецензентовъ судить меня по духу цѣлаго сочиненія, а не по одному какому-либо мѣсту, не вполнѣ понятому ими, можетъ быть по моей винѣ, если я выразился не ясно, можетъ быть по ихъ винѣ, если они берутся судить объ этомъ мѣстѣ, не бывъ хорошо знакомыми съ тѣмъ историческимъ предметомъ, къ которому оно относится, а Исторія, скажу здѣсь кстати, имѣетъ свои логариѳмы, диференціалы и таинства, доступныя только для посвященныхъ. Для того-то приложилъ я здѣсь первую мою лекцію объ Исторіи, въ которой старался изложить вполнѣ, хотя и кратко, свое мнѣніе объ этой наукѣ, и которую благоволятъ имѣть въ виду мои судіи.

Но всякое благонамѣренное замѣчаніе, опроверженіе, основанное на знаніи дѣла, я приму съ благодарностію и воспользуюсь въ другихъ книжкахъ" [492]).

Что касается до разсужденія Погодина о Реформаціи, то въ *Дневникѣ* его мы находимъ слѣдующее: „Думалъ о Реформаціи. Я докажу Нѣмцамъ, что они будутъ учиться Исторіи у насъ. Бесѣда о Реформаціи со студентами. Такая сократическая форма преподаванія удается мнѣ лучше". Но сколько намъ извѣстно, Погодину не удалось выпустить въ свѣтъ этого своего разсужденія.

Афоризмами своими самъ Погодинъ былъ очень доволенъ. „Въ Афоризмахъ", писалъ онъ, „есть вещи прекрасныя, первоклассныя. Слава соблазняетъ". Но вскорѣ въ *Дневникѣ* его мы встрѣчаемъ и слѣдующую лаконическую запись: „Афоризмы ругаютъ" [493]).

Книжку свою Погодинъ посвятилъ Иннокентію, тогда архимандриту и ректору Кіевской Духовной Академіи; но изъ осторожности посвященіе это помѣщено въ слѣдующей формѣ:

ПОСВЯЩАЕТСЯ

. . . .

. . . . ю.

Для эпиграфа выбранъ стихъ изъ *Фауста* Гете:

Knurre nicht Pudel! Zu den heiligen Tönen,
Die jetzt meine ganze Seel umfassen,
Will der thierische Laut nicht passen.

Т.-е. „Не рычи собака! Объятая выспренними звуками, душа моя не хочетъ внимать собачьему лаю!" Это говоритъ Фаустъ чорту, превращенному въ собаку.

Не смотря на то, что Погодинъ былъ сотрудникомъ въ *Библіотекѣ для Чтенія* и отрывокъ изъ его Афоризмовъ былъ впервые напечатанъ въ этомъ журналѣ, Сенковскій опрокинулся на изданную Погодинымъ книжку. „Какая логическая машина", читаемъ въ *Библіотекѣ*, „разберетъ намъ таинственное посвященіе его *Афоризмовъ*? Кто, наконецъ, растолкуетъ

и таинственный эпилогъ его книги? Никто, никто!“ Но дѣло ясно, Погодинъ издавая въ свѣтъ свои *Афоризмы* очевидно предвидѣлъ тотъ *собачій лай*, который раздался изъ *Библіотеки для Чтенія*. Прочитавъ Библіотечную статью, Н. Ф. Павловъ писалъ Погодину: „Противъ мерзости, помѣщенной въ *Библіотекѣ* написана статья за васъ, за Шевырева, и за Пушкина; но необходимо нужно помѣстить отзывъ, который былъ въ Парижскомъ журналѣ о вашей первой лекціи, чтобы показать, какъ встрѣчаются произведенія нашихъ соотечественниковъ въ чужихъ краяхъ и какъ у насъ на Святой Руси. Гдѣ этотъ отзывъ? Доставьте ради Бога съ этимъ посланнымъ. Я въ восхищеніи отъ вашихъ *Афоризмовъ* и чувствую ихъ достоинство, хотя и не принадлежу къ этой кастѣ ученыхъ, которые свое чувство могутъ подкрѣпить глубокимъ знаніемъ. Только можно ли такъ скверно издать?“ [494]).

И дѣйствительно, непростительныя выходки *Библіотеки для Чтенія* противъ трудовъ Шевырева и Погодина, возмутили Андросова, и онъ въ своемъ *Московскомъ Наблюдателѣ* написалъ свою статью подъ заглавіемъ: *Какъ пишутъ критику*. Эпиграфомъ къ ней онъ поставилъ выписку изъ той же *Библіотеки для Чтенія: На что издерживаютъ свой умъ и свою дѣятельность большая часть тѣхъ, которые у насъ, прости Господи, называются литераторами? Что такое они пишутъ?.. Пошлую брань на тѣхъ, которые выше ихъ умомъ, наукою, дарованіемъ и репутаціей? Жалко, прискорбно, даже стыдно смотрѣть на подобное употребленіе Русскихъ способностей и Русскаго пера*. „Въ самомъ дѣлѣ“, пишетъ Андросовъ, „какое употребленіе дѣлаютъ иногда изъ своего ума люди, которымъ удалось наконецъ развязаться съ докучливыми требованіями совѣсти и чести. Что умъ у этихъ людей? Оброчная статья, которая должна дать имъ болѣе или менѣе дохода. Праздное невѣжество хочетъ хохотать: оно сыто, оно отдыхаетъ, оно даетъ деньги — и вотъ этотъ умъ сговорчивый, вертлявый, является къ его услугамъ, какъ паяцъ на подмосткахъ, корчится, шутитъ, смѣшитъ, кобенится. Тутъ уже

нѣтъ для него ничего важнаго, святаго, нѣтъ чтобъ онъ долженъ былъ уважать: ему надобно смѣшить, забавлять, веселить, тѣшить, во что бы то ни стало. Онъ самъ радъ растянуться, выпачкаться передъ толпою, лишь бы только она не поскупилась заплатить ему за это. Тутъ уже не будетъ никакой идеи, ни мысли, ни чувства, ни труда, ни лица, куда бы онъ не швырнулъ своею грязью, лишь бы ему удалось привлечь и занять благодарное вниманіе своей публики. Стыдно видѣть подобное употребленіе ума и времени. Ни имя Погодина въ литературѣ, справедливо заслуженное, ни прежніе труды его, ни даже пріязненное участіе его въ *Библіотекѣ для Чтенія*, ни что не спасло почтенный его трудъ отъ насмѣшекъ и отъ пошлыхъ выскочекъ библіотечнаго критика. Помилуйте! Неужели Погодинъ не заслужилъ у насъ даже и того, чтобы объ немъ говорили съ нѣкоторымъ уваженіемъ? Что это такое? Въ какомъ обществѣ вы услышите: *вѣдь это афоризмы, то-есть всякая всякость всяческаго, съ примѣсью всячины*? Услышите ли вы подобныя плоскости даже въ передней? Кому вы позволите себѣ сказать въ разговорѣ: *въ силу каковыхъ же и коихъ причинностей*, а тѣмъ менѣе будете ли вы имѣть наглость, или, выражусь проще, не побоитесь ли вы съ кѣмъ бы то ни было говорить такимъ языкомъ? Не придетъ ли вамъ въ голову иногда, что за такія выраженія вамъ вздумаютъ растолковать нѣкоторыя правила общежитія? Но на бумагѣ, но въ критикѣ все это, повидимому, у насъ можно, все это позволительно. Тутъ я могу, назвавшись какимъ-нибудь барономъ, маркизомъ, татариномъ, кидаться на всякаго, швырять изъ-за угла грязью. Что̀ вы такое? Если вы не смѣете въ разговорѣ употреблять вашихъ уличныхъ поговорокъ и прибаутокъ, то что̀ даетъ вамъ право высказывать ихъ печатно? Если жъ вы думаете, что это можно, то говорите своимъ именемъ, не закрывайте своей совѣсти татарскою кожею, и не берите на себя титло барона, когда сбираетесь говорить, какъ говорятъ въ конюшняхъ. Книга дурна: докажите, а не издѣвайтесь, не осмѣивайте чувства,

котораго вы не знаете. Какъ это случилось, что тѣ же самые афоризмы, которымъ дали годъ назадъ почетное мѣсто въ *Библіотекѣ*, теперь разруганы въ ней же! На что это похоже? Что нашелъ потѣшнаго почтеннѣйшій критикъ въ благородномъ сознаніи профессора, съ чувствомъ говорящаго своимъ молодымъ слушателямъ о трудностяхъ своей обязанности, о святости своего долга? Есть ли тутъ надъ чѣмъ смѣяться?" [495]).

LX.

Афоризмами Погодина остались недовольны нѣкоторые изъ друзей его. Извѣстно, что Погодинъ постоянно мечталъ объ уединеніи. „Ты желаешь уединенія", писалъ ему Загряжскій, „въ деревню. Напрасно думаешь, что тамъ только найдешь уединеніе. Мы всегда въ себѣ носимъ сообщество, только должно съ великимъ вниманіемъ разсмотрѣть, каково оно? Если не найдемъ въ сердцѣ нашемъ пустыни, то пожалуй ступай хоть въ Аравійскую и тамъ будетъ шумно". Когда же книжечка Погодина съ *Афоризмами* достигла Загряжскаго, то онъ писалъ ему: „Письмо твое, любезный Михаилъ Петровичъ, при посылкѣ *Афоризмъ*, ясно убѣдило меня, что тебѣ еще не должно уединиться, ты не готовъ къ нему: это есть удѣлъ совершенныхъ или, по крайней мѣрѣ, далеко преуспѣвшихъ въ духовномъ пути, а мы въ семъ отношеніи едва ли можемъ назваться и оглашенными,—для насъ уединеніе опасно. На Страстной недѣлѣ ты, вѣроятно, старался, сколько можно, быть въ уединеніи, не давалъ мыслямъ своимъ, такъ сказать, разбѣгаться, и что же ты для этого дѣлалъ? Читалъ *Наставленіе Мудрому*, *Ночи* (не разобралъ какія, но полагаю Юнга). Эти книги недурныя, но они могутъ только возбуждать желаніе, воспламенять воображеніе, а не дадутъ внутренняго мира, даже не укажутъ и дороги къ нему. Гораздо бы было полезнѣе читать и вычитывать, или (позволь сіе выраженіе) *вчитывать въ себя* указанную мною тебѣ книгу

Познаніе себя. Сего достигать, къ сему стремиться мы должны всѣми силами нашими, и духовными, и душевными, и физическими. Это есть надежный, легчайшій, кратчайшій, словомъ, единственный путь къ центру, т.-е. *ко Христу въ насъ*, который и есть единое на потребу. Отъ незнанія себя, мы часто принимаемъ фантазіи за призваніе свыше, за внутренній голосъ и проч., а потому кружимся, падаемъ, кувыркаемся, думая вставать, наваливаемъ на себя новыя бремена, подъ тяжестію коихъ нерѣдко изнемогаемъ. Повѣрь, любезный другъ, что только во свѣтѣ Христовомъ мы узримъ свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Безъ него, со всевозможною Философіею, мы развѣ только дознаемся, что вокругъ насъ облежитъ густой мракъ, а легко и самый мракъ примемъ за свѣтъ. Такова наша участь, такъ глубоко пало человѣчество". Послѣ этого вступленія, Загряжскій приступаетъ къ разбору самихъ *Афоризмовъ* и пишетъ: „Скажу искренно, ты велишь, да я и не могу лгать или лицемѣрить передъ дружбою, они очень плохи; да это бы ничего, но худо, что въ нихъ нѣтъ духа христіанскаго, нѣтъ прямаго стремленія къ нему, вотъ что мнѣ горестно. Князю А. Н. Голицыну я отдалъ экземпляръ, но когда прочелъ, то и жалѣлъ, да не бѣда: онъ ихъ читать не будетъ; Филарету же остановился. Я бы хотѣлъ, чтобы ты этотъ ворохъ провѣтрилъ, и, дай Богъ, чтобы осталось нѣсколько зернышекъ, съ десятокъ не болѣе, но трудъ этотъ долженъ ты самъ исполнить, иначе не будетъ пользы. Удивительно мнѣ кажется, почему ты всякую мысль, поэтическую фантазію, называешь афоризмою; для чего ты ихъ напечаталъ? Иногда мысли бываютъ и не дурны, но не зрѣлы, не обработаны; почему бы тебѣ надъ этимъ не потрудиться? Во многихъ мѣстахъ есть противорѣчія, въ другихъ изложилъ мысли такъ, какъ они пришли. Это послѣднее, мнѣ кажется, происходитъ отъ извѣстной поговорки, что первая мысль не наша; правда, не наша, но изъ какого источника? Павелъ говоритъ: *вся искушающе, добрая держите;* а безъ испыта-

нія разсѣвать мысли всякаго рода, значитъ съ пшеницею сѣять и плевелы. Ты, по званію своему, есть уже для многихъ авторитетъ, слѣдовательно, поступать неосмотрительно, легкомысленно, значитъ грѣшить противъ своего званія. *Искушайте духи... Не вѣсте, коего духа есте вы;* но испытуйте съ молитвою, съ смиреніемъ, въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости. Я написалъ тебѣ нѣкоторыя замѣчанія; я говорю нѣкоторыя, потому что написалъ не все, что бы хотѣлъ, но, думаю, и сего пока довольно. Если ты найдешь ихъ дѣльными и для тебя пригодными, то пользуйся ими во славу Божію и на пользу ближняго; если же нѣтъ, не взыщи: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Но прочитавъ, пришли назадъ, можетъ быть когда и поговоримъ пространнѣе. Если бы кто вздумалъ сравнивать, напримѣръ, дубъ, въ Петербургѣ ростущій, съ дубомъ въ Кіевѣ, чтобы убѣдиться, оба ли они дубы, онъ бы сталъ обрывать всѣ листья одного и другаго и прикладывать ихъ другъ дружки, для лучшаго уразумѣнія ихъ сходства. Не скажетъ ли всякій, видя сей невыносимый трудъ: какой невѣжа! Ботаникъ, съ одного взгляда на тотъ и на другой, опредѣлитъ вѣрно, что они оба дубъ, по извѣстнымъ ему *прежде* признакамъ. То же можно сказать и о твоихъ сравненіяхъ въ Афоризмахъ, о разныхъ происшествіяхъ. Но довольно. Заключу и я афоризмою: *Во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ, и на престолѣ былъ еси Христе со Отцемъ и Духомъ, вся исполняяй неописанный.* Кто это написалъ, тотъ видно зналъ, чувствовалъ, слышалъ Божественную гармонію, все наполняющую". Афоризмами остался недоволенъ и В. П. Титовъ и въ письмѣ своемъ (отъ 17 декабря 1836 г.) весьма ѣдко о нихъ отзывается: „Объ *Афоризмахъ* однако скажу", писалъ онъ, „что нашелъ въ нихъ много смѣшнаго. Что за эпиграфъ, въ которомъ доказывается, что сочинитель *Афоризмовъ* точно человѣкъ? Потомъ славная мысль о женитьбѣ народовъ вовсе не развита, и показана со стороны смѣшной; всякій себя спрашиваетъ, ну! что же значатъ сіи женитьбы, какое имъ

послѣдствіе? И отвѣтомъ служитъ то, что жены получили имена супруговъ. У нашихъ Славянъ было стало два мужа, а не одинъ; ибо Норманы дали только политическое, а Греки религіозное устройство. Во 2-мъ Афоризмѣ сравненіе взятое изъ музыки (ужъ и это грѣхъ, ибо зачѣмъ сравнивать съ тѣмъ, чего незнаешь?) вовсе не связано съ тѣмъ, что говорится послѣ объ Исторіи; да и здѣсь какое смѣшеніе языковъ? Шлецеръ повторенъ въ двухъ разрядахъ; Герены, которые въ порядкѣ развитія стоятъ и должны стоять послѣ Ролленей, поставлены прежде и проч. Въ 5-мъ Афоризмѣ спрашиваю, что новаго нашелъ сочинитель въ своей мысли? Въ 9-мъ сказано, что въ младенцѣ нельзя *явственно отличить душу отъ тѣла*, непозволительная неточность выраженія: развѣ въ мужѣ явственно можно различить ихъ? и пр. и пр. Вообще во всѣхъ историческихъ статьяхъ Погодина я замѣтилъ двѣ крайности: или онъ совершенно залѣзетъ въ пыль архивскую, и говоритъ о мертвыхъ буквахъ, или залетитъ въ мистическія тучи. Образцомъ Исторіи нашего XIX вѣка долженъ быть Геренъ, въ счастливой срединѣ котораго нѣтъ ни тѣхъ ни другихъ". Но если Погодина огорчали отзывы объ его любимомъ дѣтищѣ, долетавшіе до него изъ Петербурга, то онъ имѣлъ утѣшеніе и въ другихъ отзывахъ, прилетавшихъ къ нему изъ Кіева и изъ Академіи, находящейся подъ кровомъ преподобнаго Сергія. „Я долженъ вамъ принесть", писалъ ему Неволинъ изъ Кіева, „мою сердечную благодарность за тѣ пріятные часы, какіе доставило мнѣ чтеніе вашихъ *Афоризмовъ:* я прочитывалъ ихъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ и любопытствомъ и если иногда не соглашался съ почтеннымъ авторомъ, то по крайней мѣрѣ вездѣ былъ имъ наводимъ на новыя точки зрѣнія, вездѣ усматривалъ по его указанію новые виды". „Благодарю тебя", писалъ оттуда же Максимовичъ, „за *Исторію* твою и *Афоризмы*..... Иннокентій очень радъ и благодаренъ твоему къ нему вниманію; молодежи нашей я далъ читать и имъ весьма они полюбились. Много зажигательнаго ты тамъ спекъ". Но особенно отрадно было читать Погодину

слѣдующія строки о. Ѳеодора Голубинскаго. „Поучительно было для меня“, писалъ онъ, „чтеніе вашихъ *Афоризмовъ*. Тутъ нашелъ я и нѣкоторыя знакомыя мѣста, — знакомыя по источникамъ ихъ, но вылившіяся изъ собственнаго размышленія автора, своеобразно. Не мало встрѣтилось и такихъ, кои посѣтили меня какъ новые гости, невиданные прежде, но тѣмъ не менѣе пріятные, коихъ бесѣда дала пищу къ размышленію. Такъ ли я понялъ загадку вашу о діагональномъ движеніи рода человѣческаго? Мнѣ представляется при ней лѣстница, въ которой одна ступенька, по діагональному направленію дошедшая до бока лѣстницы, гонитъ другую къ противоположному боку, напримѣръ отъ запада къ востоку, потомъ отъ востока къ западу, такъ: Одно, особенно усилившееся и дошедшее до крайняго напряженія вызываетъ за собою другое (деспотизмъ — анархію, матеріализмъ — идеализмъ, емпиризмъ — раціонализмъ и т. д.), а это въ свою очередь, дошедши до предѣла, заставляетъ духъ человѣческій опять оборотиться, съ новыми усиліями, къ оставленной прежде странѣ. Между тѣмъ человѣчество все идетъ по лѣстницѣ впередъ и впередъ. Не можно ли начертить и другую схему, не во многомъ отличную отъ прежней. Послѣ двухъ противоположныхъ направленій—линія примиренія, умѣренія одного другимъ (послѣ деспотизма и анархіи умѣренное правленіе). Или это мечты, и я неправильно выразумѣлъ ваши намеки? Желалъ бы послушать васъ и поговорить съ вами о томъ и другомъ, по поводу вашей книги, противъ немногихъ замѣчаній высказать свои сомнѣнія: напримѣръ касательно участія женщинъ въ распространеніи Христіанства и выведеннаго оттуда общаго заключенія; но весьма рѣдко бываю господиномъ своего времени, и теперь долженъ поспѣшить окончить это нескладное письмо“.

Неизмѣннымъ же утѣшителемъ Погодина, какъ и всегда, оставался Пушкинъ. Напечатавъ въ своемъ *Современникѣ* рецензію на его *Афоризмы*, онъ писалъ ему: „Статья о вашихъ *Афоризмахъ* писана не мною, и я не имѣлъ ни времени, ни

духа ее порядочно разсмотрѣть. Не сердитесь на меня - если вы ею недовольны" [496]). Но трудно быть недовольнымъ слѣдующею статьею: „Г. Погодинъ", читаемъ въ ней, „во многихъ отношеніяхъ есть лицо примѣчательное въ нашей Литературѣ. Онъ уединенно стоитъ среди писателей нашихъ, не привлекая благорасположенія большинства. Но изъ всѣхъ посвятившихъ себя Исторіи, онъ болѣе всего останавливаетъ на себѣ вниманіе. Онъ первый у насъ сказалъ, что „Исторія должна изъ всего рода человѣческаго сотворить одну единицу, одного человѣка, и представить біографію этого человѣка, во всѣхъ степеняхъ его возраста; что многочисленные народы, жившіе и дѣйствовавшіе въ продолженіи тысячелѣтій, доставятъ въ такую біографію, можетъ быть, по одной чертѣ. Черту сію узнаютъ великіе историки. Онъ первый говорилъ о великихъ писателяхъ, указавшихъ въ твореніяхъ своихъ на истинное значеніе Исторіи. Въ его историческихъ критикахъ видно много ума, обдуманная умѣренность, иногда юношескій порывъ вслѣдъ за собственною мыслію". Объ *Афоризмахъ* же Погодина въ *Современникѣ* читаемъ: „Эти мысли помѣщены безъ всякаго порядка; выражены не всегда ясно; но въ нихъ ощутительно стремленіе къ общимъ идеямъ. Границы, имъ начертанныя для Исторіи, обширны. Онъ заключаетъ ее не въ однихъ явленіяхъ политическихъ; онъ видитъ ее въ торговлѣ, въ литературѣ, въ религіи, въ художественномъ развитіи, во всѣхъ многообразныхъ явленіяхъ, въ какихъ оказывается человѣчество". Для примѣра приводятся его мысли объ Исторіи: „Каждый человѣкъ дѣйствуетъ для себя, по своему плану, а выходитъ общее дѣйствіе, исполняется другой высшій планъ, и изъ суровыхъ, тонкихъ, гнилыхъ нитей біографическихъ сплетается каменная ткань Исторіи. Исторія для насъ есть поэма на иностранномъ языкѣ, котораго мы не понимаемъ, и только чаемъ значеніе нѣкоторыхъ словъ, много-много эпизодовъ. А сколько мѣстъ искаженныхъ въ нашей рукописи отъ невѣжества, ограниченности переписчиковъ! Исторію надо возстановлять, какъ статую, найденную въ развалинахъ Аѳинъ,

какъ текстъ Виргилія въ монастырскомъ спискѣ. Труднѣйшая задача задается историку: онъ самъ долженъ ловить всѣ звуки (Лѣтописи: Несторы, Григоріи Турскіе), отличить фальшивые отъ вѣрныхъ (историческая критика: Шлецеры, Круги), незначительные отъ вѣрныхъ, сложить въ одну кучу (Исторія, собраніе дѣяній: Роллены), разобрать сіи кучи по родамъ Исторіи (частныя исторіи религіи, торговли: Герены), провидѣть, что въ сей кучѣ и кучахъ должна быть система, какой-нибудь порядокъ, гармонія (Шлецеры, Гердеры, Шиллеры), доказать это положительно a priori (Шеллинги), дѣлать опыты, какъ найти сію систему (Асты, Штуцманы), наконецъ найти ее и прочесть Исторію такъ, какъ глухой Бетховенъ читалъ партитуры". Въ Исторіи Византійской Погодинъ видѣлъ продолженіе Исторіи древней Греціи. „Геній Платона, Аристотеля воскресаетъ въ Іоаннѣ Златоустѣ и Григоріи Назіанзинѣ". „Вездѣ", читаемъ далѣе въ *Современникѣ*, „видишь человѣка, обладаемаго величіемъ своего предмета. Это благоговѣйное изумленіе дышетъ на каждой страницѣ. Иногда, пораженный безконечностью науки, Погодинъ какъ будто чувствуетъ безсиліе духа и восклицаетъ: „Какъ мудрено распознать, отъ чего что происходитъ, что̀ къ чему клонится! Какъ переплетаются причины и слѣдствія! Повторяю вопросъ: можно ли представить Исторію? Гдѣ формы для нее? Исторію вполнѣ можно только чувствовать".

Въ заключеніи рецензіи сказано: „Читатель обыкновенный небрежно и разсѣянно взглянетъ на эту книгу и, отыскавъ двѣ три незначительныя мысли, дурно выраженныя, можетъ быть посмѣется надъ нею съ дѣтскимъ легкомысліемъ; но читатель, въ душѣ котораго горитъ пламень любви къ наукѣ, а мысль постигаетъ глубокое значеніе ея, прочтетъ эти страницы съ участіемъ, проникнется благодарностію за оживленныя въ душѣ его размышленія, и скажетъ: этотъ человѣкъ видѣлъ и чувствовалъ въ Исторіи то, что не всякому дано видѣть и чувствовать" [497]).

„Возбуждать всякое дарованіе", свидѣтельствуетъ Буслаевъ,

„къ литературнымъ и ученымъ работамъ, издавать въ печать, свое и чужое на общую пользу былъ тотъ стимулъ, которымъ съ одинаковою силою воодушевленія, возбужденія и поощренія дѣйствовалъ Погодинъ и на каѳедрѣ, какъ профессоръ, и въ своемъ редакторскомъ кабинетѣ, какъ журналистъ: и если на каѳедрѣ онъ искалъ и открывалъ себѣ сотрудниковъ между своими слушателями, то и какъ журналистъ онъ не переставалъ оказывать свой профессорскій авторитетъ“ [498]). Справедливость этихъ словъ подтвержается благимъ предпріятіемъ Погодина ознакомить своихъ университетскихъ слушателей съ важнѣйшими произведеніями иноземныхъ историковъ.

Въ 1836 году онъ издалъ *Руководство къ познанію Древней Политической Исторіи*. Сочиненіе Герена, въ переводѣ съ Нѣмецкаго кандидата Московскаго Университета А. Кояндера. Въ предисловіи къ переводу Погодинъ заявляетъ: „Издавая Гереново Руководство къ познанію древней политической Исторіи, я надѣюсь оказать существенную услугу всѣмъ занимающимся Исторіей: оно признано классическимъ во всемъ ученомъ мірѣ,—и въ самомъ дѣлѣ трудно указать на другую учебную книгу, которая столько соотвѣтствуетъ своей цѣли, какъ эта. Дополненіемъ и поясненіемъ ея могутъ служить мои лекціи, извлеченныя изъ большаго Геренова сочиненія о древней Исторіи. Вслѣдъ за нею выйдетъ Исторія среднихъ вѣковъ Демишеля, переведенная студентами Московскаго Университета, — и такимъ образомъ въ этихъ двухъ книгахъ, вмѣстѣ съ Новой Исторіей Герена, которая вѣроятно скоро выйдетъ въ Петербургѣ вторымъ исправленнымъ изданіемъ, студенты будутъ имѣть *на первый случай* необходимыя пособія для изученія Исторіи. Исторія Грековъ и Римлянъ у насъ нѣсколько извѣстнѣе; впрочемъ, я предполагаю, найдя трудолюбивыхъ и способныхъ переводчиковъ, издать обозрѣніе Греческой Исторіи Цинкейзена, и Римской Фидлера, а наконецъ Крейцерову Исторію Религій по сокращенію Мейерову“. Въ заключеніе Погодинъ жалуется на всеобщее равнодушіе къ

его предпріятію. „Трудно", пишетъ онъ, „тяжело мнѣ, одному, безъ всякой помощи и поддержки, предпринимать всѣ эти изданія, которыя стоятъ дорого и окупаются поздно: повѣрятъ ли читатели, что классическія Риттеровы Физико-Географическія карты Европы, необходимыя для всякаго учителя Географіи, не окупились мнѣ въ продолженіе десяти лѣтъ, не смотря даже на то, что сто экземпляровъ взято было ихъ для гимназій. Шлецерово введеніе въ Исторію, которое столько же нужно для всякаго учителя Исторіи, показывая ему, *какъ* онъ долженъ преподавать ее дѣтямъ, лежитъ до сихъ поръ у меня едва початое. Извлеченія изъ Герена куплено въ два года экземпляровъ полтараста студентами Московскими для репетицій, экзаменовъ, а прочіе не потребовали ни одного экземпляра. Извольте трудиться! Многіе изъ нашихъ преподавателей учатъ еще по тѣмъ книгамъ, по которымъ сами учились, а объ другихъ знать не хотятъ. Но теперь попечительное Правительство дало намъ инспекторовъ для казенныхъ и частныхъ заведеній, которые должны указывать на учебныя пособія... По крайней мѣрѣ я положилъ себѣ дѣлать это дѣло, и буду его дѣлать, пока имѣю силу и возможность. Можетъ быть и дождусь когда-нибудь обстоятельствъ благопріятнѣйшихъ [499]).

LXI.

Въ послѣдній день 1835 года Пушкинъ обратился къ графу А. Х. Бенкендорфу съ просьбою о дозволеніи ему издавать *Современникъ*. „Отказавшись", писалъ онъ, „отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе *Современника* доставило бы вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новымъ благодѣяніемъ Государя" [500]). Вскорѣ послѣ этого письма, а именно 14 января 1836 г. графъ Бенкендорфъ писалъ Уварову: „Камеръ-юнкеръ, титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ, просилъ разрѣшенія издать въ нынѣшнемъ 1836 году четыре тома статей: чисто литера-

турныхъ, какъ-то повѣстей, стихотвореній и пр., историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ Русской и иностранной Словесности, на подобіе Англійскихъ трехмѣсячныхъ Reviews. Его Императорское Величество, на таковую просьбу г. Пушкина, изволилъ изъявить Высочайшее свое соизволеніе съ тѣмъ, чтобы означенное періодическое сочиненіе переходило, по установленному порядку, чрезъ цензуру".

Цѣлью основанія *Современника*, какъ прежде *Литературной Газеты*, было противодѣйствіе вредному вліянію Греча, Булгарина, Сенковскаго и другихъ, которые издѣвались и закидывали грязью всѣ тѣ высшіе политическіе и нравственные идеалы, которымъ поклонялись и служили Пушкинъ и его друзья.

Еще первая книжка *Современника* не выходила изъ печати, какъ Пушкинъ уѣхалъ въ Михайловское хоронить въ Святогорскомъ монастырѣ свою мать и оттуда писалъ Погодину: „пишу къ вамъ изъ деревни, куда заѣхалъ вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ. Журналъ мой вышелъ безъ меня, и вѣроятно вы его уже получили". Далѣе Пушкинъ писалъ: „не войдете ли вы со мною въ сношенія литературныя и торговыя? Въ такомъ случаѣ прошу васъ объявить ваши требованія. Если увидите Надеждина, благодарите его отъ меня за *Телескопъ*. Пошлю ему *Современникъ*. Сегодня ѣду въ Петербургъ, а въ Москвѣ буду въ маѣ—порыться въ Архивѣ и свидѣться съ вами". Между тѣмъ Краевскій писалъ Погодину: „Говорилъ я Пушкину о присылкѣ въ Москву *Современника* на коммиссію. Онъ отвѣчалъ ни то, ни се. Беззаботность его можетъ взбѣсить агнца" [501]).

Пушкинъ дѣйствительно посѣтилъ Москву и возвратившись въ Петербургъ писалъ Нащокину. „Я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра *Современника*, Одинъ отдай князю Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому, тихонько отъ *Наблюдателей*, и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться" [502]).

По выходѣ въ свѣтъ первой книжки *Современника*, Бѣ-

линскій въ *Молвѣ* написалъ о ней похвальный отзывъ и особенной похвалы его удостоилась помѣщенная въ этой книжкѣ статья Гоголя *О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г.* Но благосклонность Бѣлинскаго къ журналу Пушкина продолжалась не долго. Во второй книжкѣ князь П. А. Вяземскій, защищая Гоголя противъ тѣхъ критиковъ его *Ревизора*, которые были недовольны языкомъ Гоголя, его mauvais genre, писалъ: „Извѣстно, что люди высшаго общества гораздо свободнѣе другихъ въ употребленіи *собственныхъ словъ*: жеманство, чопорность, щепетильность, оговорки, отличительные признаки людей — не живущихъ въ хорошемъ обществѣ, но желающихъ корчить хорошее общество. Человѣкъ въ сферѣ гостинной рожденный, въ гостиной — у себя, дома: садится ли онъ въ кресла? Онъ садится въ свои кресла; говоритъ ли? Онъ не боится проговориться. Посмотрите на провинціала, на выскочку, онъ не смѣетъ присѣсть иначе, какъ на кончикѣ стула: шевелитъ краемъ губъ, кобенясь, извиняется вычурными фразами нашихъ нравоучительныхъ романовъ, не скажетъ слова безъ прилагательнаго, безъ оговорки. Вотъ отъ чего многіе критики наши, добровольно подвизаясь на защиту хорошаго общества и ненарушимости законовъ его, попадаютъ въ такіе смѣшные промахи, когда говорятъ, что такое-то слово неприлично, такое-то выраженіе невѣжливо. Охота имъ мѣшаться не въ свои дѣла!.. Смѣшно хвастаться тѣмъ, что судьба, что рожденіе приписали васъ къ этой области; но не менѣе смѣшно, если не смѣшнѣе, не урожденцу, или не получившему права гражданства въ ней, толковать о нравахъ, обычаяхъ и условіяхъ ея... У васъ уши вянутъ отъ языка *Ревизора*: а лучшее общество сидитъ въ ложахъ и креслахъ, когда его играютъ; брошюрка *Ревизора* лежитъ на модныхъ столикахъ работы Гамбса“ [503]).

Эти строки привели Бѣлинскаго въ негодованіе и онъ въ *Молвѣ* разразился и притомъ совершенно недобросовѣстно на *Современникъ*, или точнѣе на князя Вяземскаго. „Радушно и искренно привѣтствовали мы“, писалъ онъ, „первую книжку

Современника; но это было сдѣлано нами не столько по убѣжденію, сколько по увлеченію... Для насъ достаточно было имени Пушкина, какъ *издателя*, чтобы предсказать, что *Современникъ* не будетъ имѣть никакого достоинства и не получитъ ни малѣйшаго успѣха... Мы рѣшились ждать второй книжки *Современника*, чтобы высказать положительнѣе наше о немъ мнѣніе. И вотъ мы, наконецъ, дождались этой второй книжки—и что она?—Да, ничего!.. Ровно, ровнехонько ничего!.. Статья *о движеніи журнальной литературы* была хороша,

А моря не зажгла!

Этого мало: убивъ всѣ наши журналы, она убила и свой собственный. Въ *Современникѣ* участія Пушкина нѣтъ рѣшительно никакого. Теперь къ самому идетъ шутка, сказанная имъ же или его сотрудникомъ на счетъ г. Андросова: *Современникъ* самъ похожъ на тѣ ученыя общества, гдѣ члены ничего не дѣлаютъ и даже не бываютъ въ присутствіи, между тѣмъ какъ президентъ является каждый день, садится въ свои кресла и велитъ записывать протоколъ своего уединеннаго засѣданія. Впрочемъ это все бы ничего: остается еще духъ и направленіе журнала. Но, увы! вторая книжка вполнѣ обнаружила этотъ духъ, это направленіе; она показала явно, что *Современникъ* есть журналъ „свѣтскій“, что это Петербургскій *Наблюдатель*. Въ одномъ Петербургскомъ журналѣ было недавно сказано, что *Современникъ* есть вторая или третья попытка (также неудачная, какъ и прежнія, прибавимъ мы отъ себя) какой-то аристократической партіи, которая силится основать для себя складочное мѣсто своихъ мнѣній. Мы не знаемъ и не хотимъ знать ни объ аристократическихъ, ни о какихъ другихъ партіяхъ; но намъ извѣстно, что въ нашей литературѣ есть точно какой-то „свѣтскій“ кругъ литераторовъ, который не находитъ нигдѣ пріюта для сбыта своихъ мнѣній, которыхъ никому не нужно и даромъ, заводитъ журналы, чтобы толковать о себѣ и о „свѣтскости“ въ литературѣ; по нашему счету, *Современникъ* есть уже

пятая попытка въ этомъ родѣ. Мы ужъ нѣсколько разъ имѣли случай говорить, что въ литературѣ необходимы талантъ, геній, творчество, изящество, ученость, а не „свѣтскость", которая только дѣлаетъ литературу мелкою, ничтожною, безсильною, и наконецъ совершенно ее губитъ, что литература есть средство для выраженія мысли и чувства, данныхъ намъ Богомъ, а не „свѣтскости", которая очень хороша въ гостиныхъ и дѣлахъ внѣшней жизни, но не въ литературѣ. Да, мы это повторяли очень часто и очень смѣло, потому что, въ этомъ случаѣ, за насъ стоятъ здравый смыслъ и общее мнѣніе. Посмотрите, что̀ такое жизнь всѣхъ нашихъ „свѣтскихъ" журналовъ? Бореніе жизни со смертію въ груди чахоточнаго. Что̀ сказали намъ новаго объ искусствѣ, о наукѣ, „свѣтскіе" журналы? Ровно ничего. Публика остается холодною и равнодушною къ этимъ жалкимъ анахронизмамъ, силящимся воскресить осьмнадцатый вѣкъ; она презрительно улыбается, когда въ этихъ журналахъ съ какимъ-то вдохновеннымъ восторгомъ увѣряютъ, что *человѣкъ, въ сферѣ гостиной рожденный, въ гостиной у себя дома: садится ли онъ въ кресла? Онъ садится, какъ въ свои кресла: заговоритъ ли? Онъ не боится проговориться*, что напротивъ *провинціалъ выскочка (?) не смѣетъ присѣсть иначе, какъ на кончикъ стула.* Милостивые государи, умѣйте садиться въ кресла, будьте въ гостиной какъ у себя дома—все это прекрасно, все это дѣлаетъ вамъ большую честь; видя, съ какимъ искусствомъ садитесь вы въ кресла, съ какою свободою любезничаете въ гостиной, мы готовы рукоплескать вамъ: но какое отношеніе имѣетъ все это въ литературѣ? Ужели умѣнье садиться въ кресла и свободно говорить въ гостиной есть патентъ на талантъ литературный или поэтическій? Ужели человѣкъ, умѣющій непринужденно сѣсть въ кресла и свободно пересыпать изъ пустаго въ порожнее, больше нежели человѣкъ, робко садящійся на кончикъ стула, знаетъ объ искусствѣ, о наукѣ. Милостивые государи, къ чему эти безпрестанныя похвалы самимъ себѣ за знаніе *свѣтскости*, къ чему эти безпрестанныя увѣренія, что вы

люди *свѣтскіе?* Мы и такъ вѣримъ вамъ, склоняемся предъ вашею *свѣтскою* мудростію; вамъ и книги въ руки; не думайте, чтобы между вами и нами было что-нибудь въ родѣ зависти, въ родѣ jalousie de metier... Но публикѣ нужны не гувернеры, которые кричали бы ей: „tenez-vous droit", а поэты, а ученые, а литераторы, а критики, которые бы знакомили ее съ высшими человѣческими потребностями и наслажденіями, руководствовали бы ее на пути просвѣщенія и эстетическаго, а не *свѣтскаго* образованія. Оглянитесь вокругъ себя повнимательнѣе: вы увидите, что и между вами, людьми *свѣтскими*, людьми *высшаго общества*, есть люди, которымъ душна бальная атмосфера, ненавистенъ мишурный блескъ гостиныхъ, которые бѣгутъ отъ нихъ, чтобы въ тиши уединенія предаться мирному занятію предметами человѣческой мысли и чувства; есть люди, которые скучны въ обществѣ, не любезны съ дамами, для которыхъ уже невозвратно кончился осьмнадцатый вѣкъ, вмѣстѣ

Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ!"

Вмѣстѣ съ тѣмъ Бѣлинскій обрушивается и на другія статьи князя Вяземскаго, помѣщенныя во 2-й книжкѣ *Современника*, и въ заключеніе своей статьи восклицаетъ: „И это *Современникъ?* Что же тутъ современнаго? Неужели стихи барона Розена и похвалы свѣтскимъ людямъ, за то что они умѣютъ хорошо садиться въ кресла и говорить въ обществѣ свободно? И на такомъ-то журналѣ красуется имя Пушкина!".. [504]).

Не входя въ полемику, замѣтимъ только, что *Современникъ*, издаваемый Пушкинымъ, представлялъ любопытнѣйшее и поучительное чтеніе, да и могло ли быть иначе, когда въ немъ печатали свои произведенія самъ Пушкинъ, Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, Гоголь, князь П. Б. Козловскій, А. И. Тургеневъ, А. Н. Муравьевъ, Языковъ, Ѳ. И. Тютчевъ, Д. В. Давыдовъ, Баратынскій, Плетневъ и др. Что же касается до *направленія* Пушкинскаго журнала, которое такъ

не нравилось Бѣлинскому, то оно выразилось въ знаменитомъ стихотвореніи Пушкина *Родословная моего героя*, впервые напечатанномъ въ 3-й книжкѣ этого журнала.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки Русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ...
Я не лейбъ-кучеръ, не ассессоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ...

...Понятна мнѣ временъ превратность,
Не прекословлю, право ей:
У насъ нова рожденьемъ знатность—
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй....

...Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ схоронилъ,
И не якшаюсь съ новой знатью... и проч.

Въ pendant къ этому стихотворенію, въ той же книжкѣ *Современника* Пушкинъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ *Прогулка по Москвѣ*, писанную Погодинымъ [505]). „Вы хотите“, пишетъ онъ, „чтобы я сообщилъ вамъ извѣстія о современномъ состояніи Москвы. Задача трудная... И съ чего же, думаете вы, я начну? Съ нынѣшней моей прогулки, припоминая кстати и прежнія. Барскіе, старинные барскіе дома въ Москвѣ переводятся, и много-много по одному, по два, стоитъ ихъ теперь сиротами на большихъ улицахъ. Что за перемѣна въ гражданскомъ обществѣ совершается предъ моими глазами тихо, неприметно? Перечту вамъ, говоря по-варварски, факты: домъ Апраксина на Знаменкѣ, гдѣ бывало такъ шумно, весело, роскошно: это уже Александринскій Сиротскій Институтъ, который пріобрѣлъ и сосѣдніе дома. Домъ Нарышкина, на валу, достался Удѣльной Конторѣ и Училищу. Въ домѣ Ермоловой гимназія, другой домъ Ермоловой, на Пречистенкѣ, занятъ пожарнымъ депо. Домъ Пашкова, на Никитской, соединенъ съ Университетомъ. Земледѣльческая Школа купила какой-то большой домъ на валу за Смоленскимъ рынкомъ. Домъ князя Голицына, въ Басманной, такъ-называемый несга-

раемый, принадлежитъ Сиротскому Преображенскому училищу. Тамъ же домъ графа Пушкина купленъ подъ гимназію, а великолѣпный Куракинскій домъ достался Межевому училищу. Лефортовскіе дворцы и дома, увеличенные и распространенные, пріобрѣтены Кадетскими Корпусами, и Ремесленнымъ Училищемъ. Въ домѣ князя Щербатова, на Покровкѣ, Богадѣльня Человѣколюбиваго Общества. Въ домѣ Дурасовыхъ, на Чистыхъ Прудахъ, Комиссія для строеній. Въ домѣ князя Гагарина, на Петровскомъ бульварѣ, Екатерининская больница. Въ домѣ, бывшемъ князя Урусова, Училище профессора Павлова. Въ домѣ Полтарацкихъ, у Калужскихъ Воротъ, Градская больница. Въ домѣ князя Щербатова, въ Каретномъ Ряду, помѣщенъ Военно-рабочій баталіонъ. Домъ графа Остермана покупается, кажется, духовнымъ училищемъ. Англійскій клубъ завладѣлъ надолго домомъ графа Разумовскаго, на Тверской. Домъ графа Толстаго, на Дмитровкѣ, достался Театральной Школѣ. На дачѣ графа Закревскаго Школа Садоводства. Домъ Демидова, на Гороховомъ полѣ, есть уже Домъ Трудолюбія. Домъ графа Разумовскаго также находится въ вѣдомствѣ Воспитательнаго Дома. Другіе достались отъ именъ знаменитыхъ людямъ средняго состоянія; наприм. огромный домъ Демидова въ Басманной, князя Долгорукаго на Никитской, князя Безбородко за Яузой, Демидова на Тверской, Собакина на Покровкѣ, Высоцкаго и Нарышкина въ Басманной, князя Прозоровскаго на Тверской—ожидаютъ себѣ покупателей. Нѣкоторые заняты по найму; напримѣръ въ домѣ графа Салтыкова, на Дмитровкѣ, пансіонъ г. Кистера. Въ домѣ графа Воронцова, на Никитской, пансіонъ г-жи Данквартъ. Домъ Кологривовыхъ, на бульварѣ, занятъ оберъ-полицiймейстеромъ. Домъ графа Моркова, на Никитской, Коммерческимъ Судомъ. Иные стоятъ опустѣлые; напримѣръ нѣсколько огромныхъ домовъ на Разгуляѣ, домъ Всеволожскаго, князя Долгорукаго, на Пречистенкѣ, Бекетова на Тверской, Пашкова на Знаменкѣ, Юшкова на Мясницкой, Глѣбовой на Дмитровкѣ“ [506]).

Какъ извѣстно, Пушкинъ не рукоплескалъ этой, такъ сказать, демократизаціи, а напротивъ того скорбѣлъ объ ея водвореніи и господствѣ и не скрывалъ своего чувства:

Мнѣ жаль, что домы наши новы,
Что прибиваемъ мы на нихъ
Не льва съ мечемъ, не щитъ гербовый,
А рядъ лишь вывѣсокъ цвѣтныхъ [507]).

LXII.

Въ то время, когда Бѣлинскій, поощряемый Надеждинымъ, ратоборствовалъ противъ *Современника*, надъ *Телескопомъ* и *Молвою* разразилась гроза, прекратившая дни ихъ существованія.

29 Сентября 1836 года цензоръ А. В. Болдыревъ подписалъ № 15 *Телескопа*, въ которомъ помѣщена была роковая статья Чаадаева подъ заглавіемъ *Философическія письма къ Г-жѣ* ***, подъ которою помѣчено было: *Некрополисъ. 1829, декабря 1* и снабженная слѣдующимъ примѣчаніемъ Надеждина: „Письма эти писаны однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ. Рядъ ихъ составляетъ цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядовъ, строгая послѣдовательность выводовъ и энергическая искренность выраженія, даютъ имъ особенное право на вниманіе мыслящихъ читателей. Въ подлинникѣ онѣ писаны на Французскомъ языкѣ. Предлагаемый переводъ не имѣетъ всѣхъ достоинствъ оригинала относительно наружной отдѣлки. Мы съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей, что имѣемъ дозволеніе украсить нашъ журналъ и другими изъ этого рода писемъ“ [508]).

По свидѣтельству Д. Н. Свербеева, Чаадаевъ, поселившись въ Москвѣ, „вскорѣ, по причинамъ едвали кому извѣстнымъ, подвергъ себя добровольному затворничеству, не видался ни съ кѣмъ и, нечаянно встрѣчаясь въ ежедневныхъ своихъ про-

гулкахъ по городу съ людьми самыми ему близкими, явно отъ нихъ убѣгалъ... Плодомъ двухгодичнаго строгаго уединенія былъ цѣлый рядъ философическихъ на Французскомъ языкѣ писемъ", адрессованныхъ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Пановой, урожденной Улыбашевой... Одно изъ этихъ писемъ производило величайшій эффектъ, а потому было переведено Н. Х. Кетчеромъ и напечатано въ *Телескопѣ*. Авторъ письма выражалъ въ немъ слѣдующія мысли о нашемъ Отечествѣ: „Россія образовалась совершенно отдѣльно и независимо отъ Европы, потому что вѣру приняла не отъ Рима, а отъ Византіи, которая сама была тогда въ состояніи упадка и растлѣнія — отсюда истекаютъ всѣ недостатки нашей гражданственности. Реформа Петра Великаго не въ силахъ, и въ позднѣйшемъ своемъ развитіи, сдѣлать насъ настоящими Европейцами и вполнѣ усвоить намъ всѣ успѣхи цивилизаціи"... Оттискъ своего письма Чаадаевъ послалъ Пушкину, который, по прочтеніи, откровенно выразилъ автору свое мнѣніе. „Вы, другъ мой", писалъ Пушкинъ Чаадаеву, „говорите, что мы черпали Христіанство изъ нечистаго источника, что Византія была достойна презрѣнія и презираема и т. п. Но, другъ мой, развѣ самъ Христосъ не родился іудеемъ и Іерусалимъ развѣ не былъ притчею во языцѣхъ? Развѣ Евангеліе отъ этого менѣе божественно? Мы приняли отъ Грековъ Евангеліе и преданіе, но нравы Византіи никакъ не были нравами Кіева. Русское духовенство до Ѳеофана было достойно уваженія и конечно не вызвало бы Реформаціи. Что же касается нашего историческаго ничтожества, я положительно не могу съ вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удѣльныя войны. Вторженіе Татаръ есть печальное и великое зрѣлище. Пробужденіе Россіи, оба Ивана, величественная драма, начавшаяся въ Угличѣ и окончившаяся въ Ипатіевскомъ монастырѣ, какъ, неужели это не Исторія, а только блѣдный и полузабытый сонъ? А Петръ Великій, который одинъ—цѣлая Всемірная Исторія? А Екатерина II..? А Александръ, который привелъ насъ въ Парижъ, и положа руку на сердце,

развѣ вы не находите чего-то величественнаго въ настоящемъ положеніи Россіи..? Хотя я лично сердечно привязанъ къ Императору, но далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя. Какъ писатель я раздраженъ, какъ человѣкъ съ предразсудками я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить Отечество, ни имѣть другой Исторіи, какъ Исторію нашихъ предковъ, такую какъ намъ Богъ послалъ"... Сдѣлавъ эти возраженія, Пушкинъ во многомъ и соглашается съ Чаадаевымъ. „Нужно признаться", писалъ онъ, „что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству дѣйствительно приводятъ въ отчаяніе. Вы хорошо сдѣлали, что громко это высказали. Но я боюсь, что мнѣнія ваши объ Исторіи вамъ повредятъ. Наконецъ, я сожалѣю, что не былъ при васъ, когда вы отдавали вашу рукопись журналистамъ" [509]).

Опасенія Пушкина оправдались. Статья Чаадаева произвела страшное негодованіе, и не могла не навлечь на ея автора правительственной кары. Выразителемъ оскорбленнаго національнаго чувства явился Ф. Ф. Вигель, тогда директоръ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій. Свое негодованіе онъ излилъ въ слѣдующемъ письмѣ своемъ къ митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Серафиму. „Переживъ болѣе полувѣка, я никогда ничьимъ не былъ обвинителемъ. Но вчера чтеніе одного Московскаго журнала возбудило во мнѣ негодованіе, которое, постепенно умножаясь, довело меня до отчаянія. Въ семъ положеніи не нахожу другаго средства къ успокоенію своему, какъ прибѣгнуть къ вашему высокопреосвященству съ просьбою обратить пастырское вниманіе ваше на то, что меня такъ сильно встревожило. Иные скажутъ, можетъ быть, что я не въ правѣ сего дѣлать, но какъ вѣрный сынъ Отечества и Православной Церкви, я считаю сіе обязанностію. Самая первая статья представляемаго у сего жур-

нала, подъ названіемъ *Телескопъ* содержитъ въ себѣ такія изреченія, которыя одно только безумство себѣ позволить можетъ. Читая оныя, я сначала не довѣрялъ своимъ глазамъ. Многочисленнѣйшій народъ въ мірѣ, въ теченіи вѣковъ существовавшій, препрославленный, къ коему, по увѣренію автора статьи, онъ самъ принадлежитъ, поруганъ имъ, униженъ до невѣроятности. Если вашему высокопреосвященству угодно будетъ прочитать хотя половину сей богомерзской статьи, то усмотрѣть изволите, что нѣтъ строки, которая бы не была ужаснѣйшею клеветою на Россію, нѣтъ слова, кое бы не было жесточайшимъ оскорбленіемъ нашей народной чести. Меня утѣшала еще мысль, что сіе, такъ-называемое философическое письмо, писанное по-французски, вѣроятно, составлено какимъ-нибудь иновѣрцемъ, иностранцемъ, который назвался русскимъ, чтобы удобнѣе насъ поносить. Увы! къ глубочайшему прискорбію узналъ я, что сей извергъ, неистощимый хулитель нашъ, родился въ Россіи отъ православныхъ родителей, и что имя его (впрочемъ мало доселѣ извѣстное) есть Чаадаевъ. Среди ужасовъ Французской революціи, когда попираемо было величіе Бога и царей, подобнаго не было видано. Никогда, нигдѣ, ни въ какой странѣ, никто толикой дерзости себѣ не позволилъ. По безумной злобѣ сего несчастнаго противъ Россіи есть тайная причина, коей впрочемъ онъ скрывать не старается: отступничество отъ вѣры отцевъ своихъ и переходъ въ Латинское исповѣданіе. Вотъ новое доказательство того, что неоднократно позволялъ я себѣ говорить и писать: безопасность, цѣлость, благосостояніе и величіе Россіи неразрывно связаны съ Восточною вѣрою, болѣе осьми вѣковъ ею исповѣдуемою. Сею вѣрою просвѣтилась она во дни своего младенчества, ею была защищена и утѣшаема во дни уничиженія и страданій, ею спасена отъ Татарскаго варварства и съ нею вмѣстѣ возстала во дни торжества надъ безчисленными врагами, ее окружавшими. Стоитъ только принять ее, чтобы содѣлаться совершенно русскимъ, стоитъ только покинуть ее, чтобы почувствовать не только охлажденіе, омерзѣніе къ Россіи, но

даже остервененіе противъ нея, подобно сему злощастному, слѣпотствующему, неистовому ея гонителю. Разъединенію съ Западной Церковью приписываетъ онъ совершенный недостатокъ нашъ въ умственныхъ способностяхъ, въ понятіяхъ о чести, о добродѣтели; отказываетъ намъ во всемъ, ставитъ насъ ниже дикарей Америки, говоритъ, что мы никогда не были христіанами и, въ изступленіи своемъ, наконецъ, нападаетъ даже на самую нашу наружность, въ коей видитъ безцвѣтность и нѣмоту. И всѣ сіи хулы на отечество и вѣру изрыгаются явно, и гдѣ же? въ Москвѣ, въ первопрестольномъ градѣ нашемъ, въ древней столицѣ православныхъ государей совершается сіе преступленіе. И есть издатель, который не довольствуется помѣстить статью сію въ журналѣ, но превозноситъ ее похвалами, какъ глубокомысленнѣйшее произведеніе высокаго ума, и онъ грозитъ еще другими подобными письмами! И есть цензура, которая все это пропускаетъ! Кто знаетъ, будутъ и люди, которые съ участіемъ и одобреніемъ будутъ читать оное. О Боже! До чего мы дожили! Сама Святая, Соборная и Апостольская Церковь вопіетъ къ вамъ о защитѣ: при ея священномъ гласѣ, моленія мои ничто. Вамъ, вамъ предстоитъ обязанность объяснить Правительству пагубныя послѣдствія, которыя проистекутъ отъ дальнѣйшей снисходительности и указать на средства къ обузданію толикихъ дерзостей. Можетъ быть, кто-нибудь и предупредитъ меня: дай Всевышній, чтобы прежде моего тысячи голосовъ воззвали къ вашему высокопреосвященству о скорой помощи“ [510]).

Статья Чаадаева произвела въ Петербургѣ самое неблагопріятное впечатлѣніе. „Что надѣлалъ Надеждинъ?“, писалъ князь Одоевскій Шевыреву, „какъ до такой степени не знать своего дѣла?... Здѣсь объ этомъ такой трезвонъ по гостинымъ, что ужасъ... Ясно вижу, что журнала въ Москвѣ издавать нельзя: у васъ Москвичей такое незнаніе о томъ, что дѣлается на Руси! Такое незнаніе—струнъ, которыхъ нельзя трогать! Вздора ваши цензоры не пропускаютъ,... а

вдругъ брякнутъ торжественно, что мы должны быть подданными Папы"...

Вслѣдъ за тѣмъ, *Телескопъ* былъ запрещенъ. Издатель Надеждинъ сосланъ въ отдаленный Устьсысольскъ. Цензоръ *Телескопа*, Ректоръ Московскаго Университета А. В. Болдыревъ былъ „отставленъ за нерадѣніе отъ службы". Типографщикъ Селивановскій спасенъ былъ великодушнымъ начальникомъ Москвы; а самъ Чаадаевъ подвергнутъ былъ домашнему аресту и медицинскому ежедневному посѣщенію, „какъ человѣкъ съ разстроеннымъ воображеніемъ".

Но болѣе всѣхъ вызывалъ сожалѣніе почтенный старецъ Болдыревъ, который былъ „совсѣмъ разоренъ и обездоленъ".

Ѳ. И. Буслаевъ, бывшій въ то время студентомъ Словеснаго Факультета, свидѣтельствуетъ: „На университетскомъ дворѣ, направо, у самыхъ воротъ, выходящихъ въ Долгоруковскій переулокъ, стояло тогда невысокое каменное зданіе, которое было занято квартирою ректора университета, Болдырева, профессора Арабскаго и Персидскаго языковъ, очень добраго и всѣми уважаемаго. Онъ былъ тогда человѣкъ уже пожилой, очень любилъ молодого профессора Эстетики Надеждина, и далъ ему помѣщеніе у себя, а Надеждинъ, въ свою очередь, въ одной изъ своихъ комнатъ держалъ при себѣ Бѣлинскаго, впослѣдствіи ставшаго знаменитымъ критикомъ, а тогда не болѣе какъ студента, который, не кончивъ университетскаго курса, былъ сотрудникомъ и правою рукою Надеждина, издававшаго въ то время журналъ *Телескопъ*. Особенное удобство для этого изданія состояло въ томъ, что оно тутъ же, въ стѣнахъ этого корпуса, и подвергалось цензурѣ, такъ какъ ректоръ Болдыревъ былъ вмѣстѣ и цензоромъ. Однажды вечеромъ приходимъ мы въ *Железный* *), опрометью бѣжитъ къ намъ Арсеній **) и вмѣсто трехъ паръ чаю подноситъ намъ нумеръ *Телескопа*. „Вотъ,—говоритъ,—вчера только-что вышелъ: прелюбопытная статейка, всѣ ее

---

*) Московскій трактиръ.

**) Половой.

читаютъ, удивляются; много всякаго разговора". Это была знаменитая статья Чаадаева. Мы, разумѣется, тотчасъ же принялись ее читать. Съ того времени и до сихъ поръ мнѣ ни разу не случилось перечитать ее вновь, но помню и теперь изъ нея одну только фразу: „Россія приняла Христіанство изъ рукъ растлѣнной Византіи". Дней черезъ десять послѣ этого у насъ въ нумерахъ разнесся слухъ, что *Телескопъ* запрещенъ, и что Ректору и Надеждину грозитъ великая бѣда. Я пользовался расположеніемъ субъ-инспектора Степана Ивановича Клименкова и его жены Ольги Семеновны, и былъ къ нимъ вхожъ. Чтобы разузнать подробности дѣла, лучше всего было обратиться къ нимъ. Ольга Семеновна страшно взволнована, въ слезахъ; говоритъ, сама захлебывается, жалѣетъ Болдырева, негодуетъ на Надеждина, называетъ его предателемъ, злодѣемъ. Она была очень дружна съ Болдыревыми, да и кромѣ того отличалась горячимъ и чувствительнымъ до раздраженія темпераментомъ, и теперь какъ было ей не раздражиться до-нельзя, когда сама она была свидѣтельницею преступленія, которое въ конецъ погубило ея друзей. Поуспокоившись немножко, вотъ что она мнѣ разсказала. Дня за три до выхода въ свѣтъ той книжки *Телескопа*, она и Рагузина вечеромъ играли въ карты съ Болдыревымъ. Болдыревъ очень любилъ по вечерамъ отдыхать отъ своихъ занятій, съ большимъ увлеченіемъ играя по маленькой съ дамами. Въ этотъ вечеръ Надеждинъ не давалъ имъ покоя и все приставалъ къ Болдыреву, чтобы онъ оставилъ карты и процензуровалъ въ корректурныхъ листахъ одну статейку, которую надо завтра печатать, чтобы нумеръ вышелъ въ свое время, но Болдыревъ, увлекшись игрою, ему отказывалъ и прогонялъ его отъ себя. Наконецъ, согласились на томъ, что Болдыревъ будетъ продолжать игру съ дамами и вмѣстѣ прослушаетъ статью,— пусть читаетъ ее самъ Надеждинъ,—и тутъ же, во время карточной игры, на ломберномъ столѣ подписалъ одобреніе къ печати. Когда статья вышла въ свѣтъ, оказалось, что все рѣзкое въ ней, задирательное, пикантное и вообще недозво-

ляемое цензурою, при чтеніи Надеждинъ намѣренно пропускалъ. Зная, съ какимъ увлеченіемъ по вечерамъ играетъ въ карты Болдыревъ съ своими сосѣдками, Надеждинъ умышленно устроилъ эту продѣлку. Не замедлила изъ Петербурга и грозная резолюція по этому дѣлу: Болдырева, какъ дурака, отрѣшить отъ службы, Надеждина, какъ мошенника, сослать изъ Москвы, а Чаадаева, какъ сумасшедшаго, держать подъ строгимъ надзоромъ, приставивъ къ нему двухъ полицейскихъ врачей для наблюденія за его здоровьемъ. Это свѣденіе мнѣ сообщила та же Клименкова".

Когда же послѣ этой исторіи Надеждинъ явился къ графу С. Г. Строганову, то, по свидѣтельству Бодянскаго, графъ сказалъ журналисту: „Послушайте: вы пришли ко мнѣ въ двери, а мнѣ слѣдуетъ указать вамъ на одно изъ этихъ оконъ". „Надеждинъ", говорилъ графъ Строгановъ Бодянскому, „поступилъ съ другомъ своимъ Болдыревымъ нечестно" [511]).

По поводу этой печальной исторіи Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующую остроту Андросова: „Надеждинъ въѣхалъ въ Университетъ на Каченовскомъ, а выѣхалъ на Болдыревѣ" [512]).

Арестъ, наложенный на Чаадаева, продолжался не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Князь Д. В. Голицынъ выпросилъ ему у Государя свободу. Впрочемъ ему и тогда не запрещалось принимать у себя знакомыхъ. Первымъ посѣтителемъ Чаадаева въ самый первый день опалы, былъ И. И. Дмитріевъ.

LXIII.

Изъ многихъ разговоровъ, толковъ, пересудовъ и споровъ о Чаадаевской статьѣ, въ памяти Д. Н. Свербеева, осталось слово о ней Жуковскаго: „Порицать Россію за то, что она съ Христіанствомъ не приняла католичества, предвидѣть, что католическою была бы она лучше—все равно, что жалѣть о черноволосомъ красавцѣ, зачѣмъ онъ не бѣлокурый. Красавецъ за измѣненіемъ цвѣта волосъ былъ бы и наружностью и

характеромъ совсѣмъ не тотъ, каковъ онъ есть. Россія, изначала католическая, была бы совсѣмъ не та, какова теперь; допустимъ, пожалуй, что католическая была бы она и лучше, но она не была бы Россіею“ [513]). Сохранилось замѣчательное письмо Д. В. Давыдова къ Пушкину, исполненное самаго возвышеннаго патріотизма. По поводу *Обозрѣнія Кампаніи 1814*, сдѣланнаго Михайловскимъ-Данилевскимъ, Давыдовъ писалъ: „Ни одно выраженіе *(Обозрѣнія)* конечно *не беретъ на штыки* читателя, но за то все сочиненіе проникнуто теплою любовью къ Россіи, для меня, варвара, человѣка Русскаго безъ всякой примѣси, Богъ знаетъ какъ усладительно, особенно при настоящемъ духѣ обще - гражданства, разливаемаго нашими школьниками — Ликургами съ очками на носу и въ батистовыхъ рубашкахъ“. На вопросъ же Пушкина о Чаадаевской исторіи Давыдовъ отвѣчалъ: „Какъ очевидецъ, я ничего не могу сказать о немъ: я прежде не ѣзжалъ къ нему и теперь не ѣзжу. Я всегда почиталъ его человѣкомъ весьма начитаннымъ и, безъ сомнѣнія, весьма умнымъ шарлатаномъ въ безпрерывномъ пароксизмѣ честолюбія, но безъ духа и характера, какъ бѣлокурая кокетка, въ чемъ я кажется не сомнѣваюсь. С... разсказывалъ мнѣ весь разговоръ его съ нимъ, отъ доски до доски! Видя бѣду неминуемую, онъ признался ему, что писалъ этотъ пасквиль на Русскую націю по возвращеніи изъ чужихъ краевъ во время сумасшествія, въ припадкахъ котораго онъ посягалъ на собственную свою жизнь; какъ онъ старался свалить всю бѣду на журналиста и цензуру, на перваго — потому, что онъ очаровалъ его и увлекъ его къ дозволенію отдать въ печать этотъ пасквиль, а на послѣднюю за то, что пропустила оный. Это просто гадко; но что смѣшно—это скорбь его о томъ, что скажутъ о признаніи его умалишеннымъ знаменитые его друзья и ученые Балланшъ, Ламене, Гизо и какіе-то Нѣмецкіе шустера-метафизики! Но полно, еслибы ты не вызвалъ меня, я бы о немъ промолчалъ, потому что не люблю разочаровывать; впрочемъ, спроси у Тургенева, который на дняхъ уѣхалъ въ Петербургъ, онъ тебѣ можетъ быть разска-

жетъ происшествіе не такъ какъ я, и успокоитъ тебя на счетъ *католички*" [514]).

По справедливому замѣчанію Д. Н. Свербеева, что „несмотря на всю несостоятельность главнаго положенія Чаадаевской статьи, много второстепенныхъ мыслей, въ ней высказанныхъ, пошло съ успѣхомъ въ обращеніе, приняты были съ сочувствіемъ всѣми поборниками западной гражданственности и отозвались, повторялись, получили развитіе во многихъ журналахъ *сороковыхъ годовъ*" [515]).

По поводу ссылки Надеждина, Д. М. Княжевичъ писалъ Погодину: „Общій спутникъ нашъ Николай Ивановичъ сдѣлалъ большую неосмотрительность и несетъ наказаніе совершенно заслуженное; но Богъ и Государь милостивы. Авось изгнаніе его и не будетъ продолжительно. Для Николая Ивановича этотъ урокъ во всякомъ случаѣ будетъ полезенъ" [516]). Этотъ несчастный случай имѣлъ важное значеніе въ ученой жизни Надеждина и онъ, по его собственному свидѣтельству, разорвалъ его окончательно съ Эстетикой и Археологіей. „Я", пишетъ онъ въ своей *Автобіографіи*, „перенесъ мои занятія совершенно на другое поприще, и именно на поприще Географіи и Этнографіи, сверхъ того, на сотрудничество въ издававшемся тогда *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*. Я обратился къ Исторіи вообще и Отечественной въ особенности". Когда Максимовичъ прислалъ ему въ Устьсысольскъ свое сочиненіе *Откуда идетъ Русская Земля*, то Надеждинъ писалъ ему: „книжку твою я успѣлъ пробѣжать. Она мнѣ и по сердцу и по мыслямъ. Я почти во всемъ съ тобою согласенъ. Мнѣ пріятно видѣть такое сродство въ образѣ нашихъ мыслей. Она была для меня свѣжимъ, душистымъ листкомъ изъ рая воспоминаній — единственнаго рая, который еще не увялъ для моей души, гдѣ я могу еще забыться, могу переводить духъ, чтобы не задохнуться. Въ глуши изгнанія я самъ посвящаю досуги мои Отечественной Исторіи. *Помянухъ дни древнія, поучихся*. Прошедшее имѣетъ несказанную отраду для того, у кого не осталось ничего, кромѣ прошедшаго. Ты скоро

прочтешь, думаю, нѣкоторые изъ моихъ трудовъ, гдѣ увидишь, что ты на берегахъ Днѣпра, подъ свѣтлымъ небомъ Украйны, я на берегахъ Сысолы, въ сырыхъ туманахъ Лукоморья, разными путями дошли почти до однихъ результатовъ" [517]).

Съ увольненіемъ А. В. Болдырева отъ службы въ Московскомъ Университетѣ открылась ректорская ваканція, которую мечталъ занять Погодинъ. „Думалъ объ Университетѣ", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „котораго я долженъ быть ректоромъ и кромѣ меня никто. А вслѣдъ за симъ Погодинъ записалъ и слѣдующее: „Какъ только заговоритъ во мнѣ самолюбіе или другая страсть, тотчасъ начинаю я читать *Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми*... и проч. [518]). Въ своей *Автобіографической Запискѣ* Погодинъ свидѣтельствуетъ, что „въ 1836 году произошла Чаадаевская передряга... Болдыревъ былъ уволенъ отъ цензорства, а потомъ и отъ ректорства. Строгановъ меня спросилъ, кто, по моему мнѣнію, будетъ ректоромъ? Я отвѣчалъ, что голоса вѣроятно раздѣлятся: старые профессора подадутъ голосъ въ пользу Давыдова, Нѣмецкая партія предпочтетъ Альфонскаго, а молодые профессора, можетъ быть, пожелаютъ меня, судя по послѣднимъ выборамъ въ проректоры, когда я имѣлъ равное число шаровъ. „Вы должны быть ректоромъ, Михаилъ Петровичъ", сказалъ онъ мнѣ, „беря меня за руку, никто кромѣ васъ. Мы разумѣется не пойдемъ съ вами на стѣну, но тихо и смирно, соединенными силами постараемся сдѣлать добро". *Я жеманиться не буду, Графъ*, отвѣчалъ я, *и скажу вамъ прямо, что готовъ принять на себя эту должность, на которой надѣюсь принесть пользу. Впрочемъ, еслибы я увидѣлъ себя неспособнымъ, то я тотчасъ отказался бы отъ нея, чтобы заниматься своимъ дѣломъ.* Я вышелъ отъ него увѣренный, что онъ приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры для моего избранія, такъ думали не только въ Университетѣ, но даже и въ городѣ,—а выбранъ былъ человѣкъ совершенно мнѣ противоположный, Каченовскій, о которомъ прежде никто и не думалъ, какъ о человѣкѣ для всѣхъ непріятномъ, извѣст-

номъ своимъ недоброжелательствомъ, подозрительностію, неуживчивостію и пристрастномъ къ формамъ и мелочамъ. А я получилъ сравнительно меньшее число голосовъ даже съ такими профессорами, которые вовсе не имѣли никакого права и надежды на ректорство. Мнѣ казалось, что Строгановъ дѣйствовалъ не только не въ пользу меня, но и во вредъ. Не можетъ быть, чтобы безъ его участія, такъ казалось мнѣ, я получилъ такъ мало голосовъ. А можетъ быть онъ не хотѣлъ имѣть вліянія на выборы, и это сдѣлалось само собою. Но вѣроятно ли, чтобы онъ, желая управлять по своему, отказался отъ этого вліянія? Ректоръ долженъ бы быть правою рукою попечителя. Зачѣмъ бы ему говорить со мною о ректорствѣ? Остается заключить, что онъ хотѣлъ вывѣдать мои мысли и надежды, чтобы имъ противодѣйствовать. Не надѣялся ли онъ имѣть въ Каченовскомъ болѣе послушное для себя орудіе. Во всякомъ случаѣ я долженъ былъ ожидать себѣ непріятности, что и заявилъ графу Строганову, хотя и безъ пользы. Помню еще, что по совѣщаніи объ улучшеніи *Московскихъ Вѣдомостей* на мое замѣчаніе объ обязанностяхъ Университета, графъ Строгановъ перервалъ меня круто и сухо: „мы собрались здѣсь говорить не объ обязанностяхъ, а о средствахъ улучшить изданіе". Еще однажды выразилъ онъ мнѣ свое неудовольствіе касательно держанія мною пансіонеровъ. „Я не отдалъ бы вамъ дѣтей своихъ", сказалъ онъ мнѣ между прочимъ. Причинъ моихъ онъ, разумѣется, не могъ ни понять, ни принять. Впрочемъ я тогда уже имѣлъ пансіонеровъ гораздо менѣе. И такъ", заключаетъ Погодинъ, „пансіонеры, Каченовскій, собственный мой свободный тонъ, а наконецъ и молодые профессора, отшатнувшіеся отъ меня за несогласіе во многихъ взглядахъ по университетскому обиходу, или опасаясь моего вліянія, поставили Строганова противъ меня. Любопытно было бы добраться до настоящей причины, которой я до сихъ поръ не знаю: почему я былъ противенъ графу Строганову" [519]).

Сопоставимъ теперь эти воспоминанія Погодина, писан-

ныя имъ уже въ старости, съ современнымъ источникомъ, его *Дневникомъ* 1837 года.

Подъ *5 января.* Къ графу Строганову.

Погодинъ. Мнѣ надо сказать два слова. У насъ будутъ выборы.

Графъ Строгановъ. Будутъ? Кого думали бы вы въ ректоры?

Погодинъ. А вы кого?

Графъ Строгановъ. Васъ. Вы одни можете.

Погодинъ. Я не откажусь. На этомъ мѣстѣ можно сдѣлать много добра. Я желалъ бы испытать свои силы.

Графъ Строгановъ. Комплименты.

Погодинъ. Можетъ быть не достанетъ.

Графъ Строгановъ. Э, нѣтъ. Но мы будемъ дѣйствовать тихо, вѣдь не на приступъ идти. Рука въ руку.

Погодинъ. Впрочемъ въ Университетѣ три партіи. Одни захотятъ можетъ быть меня, другіе Альфонскаго, третьи Давыдова.

Подъ *6 января.* Ввечеру пріѣхалъ Мухановъ *) и говорилъ все о ректорствѣ. Зачѣмъ я не употребляю никакихъ средствъ. Я отвѣчалъ, что это не въ моемъ характерѣ, и не въ правилахъ. Хотятъ, я возмусь, а напрашиваться не намѣренъ. Онъ разсказывалъ какъ Альфонскій собитъ Давыдову, какъ Павловъ пріѣзжалъ къ нему и просилъ о себѣ. Все съ большимъ участіемъ ко мнѣ. Я не утерпѣлъ и сказалъ ему отзывъ Строганова. Ужъ не вывѣдать ли онъ пріѣзжалъ отъ Альфонскаго. Нѣтъ! Нѣтъ! Не можетъ быть. И съ чего Альфонскому взять о холодности ко мнѣ молодыхъ профессоровъ. О, чортъ все возми.

Подъ *7 января.* Думалъ о ректорствѣ и дѣйствіяхъ. Съ самолюбіемъ и безъ самолюбія. Досадно. Досадно, что не ѣдутъ Крюковъ и пр. Думалъ о вчерашнемъ вечерѣ съ подозрѣніемъ. Есть обстоятельство, но нѣтъ. Не можетъ быть, Мухановъ любитъ меня искренно.

Подъ *8 января.* Бодянскій разсказывалъ о вѣстяхъ Меже-

*) Павелъ Александровичъ, сестра котораго была замужемъ за Альфонскимъ.

вича. Между прочимъ, тотъ ему говорилъ, что я буду ректоромъ, и что я даю обѣды. Подлецы!

Подъ *13 января.* Въ Университетъ. Выбирать хотятъ Былъ спокоенъ. И вдругъ мнѣ семь голосовъ. Самое меньшее количество. Вотъ вамъ штука. Каченовскому осьмнадцать. Онъ ректоръ. Это штука Давыдова, который убѣдилъ вѣрно Альфонскаго и соединилъ двѣ части голосовъ. Но чего же смотрѣлъ Строгановъ.

Подъ *15 января.* Къ Крылову *). Нѣтъ. Потомъ на встрѣчу. Отъ Попечителя. Онъ недоволенъ кажется выборомъ, но утверждаетъ его. Въ раздумьи зашелъ къ Попечителю. О выборахъ. Ободрялъ и утѣшалъ. Подождите съ вашими улучшеніями. Князь Д. В. Голицынъ сказывалъ мнѣ, что вы собираете для Надеждина. Ну, вотъ видите, что выдумываютъ. Обѣдалъ у Щепкина. Аксаковъ сказывалъ, что молодые не положили мнѣ бѣлыхъ шаровъ, а все старые. Не можетъ быть. Непріятное подозрѣніе. Думалъ.

Подъ *16 января.* Написалъ письмо къ Строганову, но посылать ли? Думалъ. Зачѣмъ? Чтобъ описать Университетъ и всѣ гадости и указать исправленіе. Но это можно послѣ. А теперь можетъ показаться какъ будто для ректорства. Все думалъ. Ну, если онъ самъ захотѣлъ Каченовскаго? Но нѣтъ, не пойду больше къ нему. Лучше проситься въ путешествіе. А это забыть все и простить.

Подъ *17 января.* Гораздо спокойнѣе. Хотѣлъ я послужить, и радовался, что могу именно я сдѣлать много пользы для Отечества. Не хотятъ, такъ и быть.

Подъ *18—31 января.* Не знаю за что мнѣ приняться теперь. Хочется скорѣе выдать изслѣдованія.

Подъ *21 марта.* Нѣтъ, не отвѣчаетъ Строгановъ моему идеалу... Никакого совѣта не принимаетъ и не спрашиваетъ.

Подъ *16 апрѣля—17 іюня.* Нѣтъ! Университетъ долженъ надѣяться только на себя, а не на попечителей.

---

*) Никитѣ Ивановичу.

LXIV.

Мы уже знаемъ, что съ введеніемъ новаго университетскаго устава (въ 1836 году) Погодинъ получилъ каѳедру Русской Исторіи. Сохранилось драгоцѣнное свидѣтельство очевидца о характерѣ преподаванія имъ этого предмета. „Онъ читалъ съ нами“, пишетъ Буслаевъ, „источники, онъ воскрешалъ передъ нами изъ темныхъ сказаній лѣтописи давно отжившее прошедшее, и группируя добываемые факты, не упускалъ случая указывать и на самую личность лѣтописца, гдѣ она наивно высказывалась, придавая свой теплый колоритъ сказанію. Не всегда критическая работа надъ историческимъ источникомъ могла быть доводима до окончательной, округленной картины прошедшаго. Тогда профессоръ предлагалъ намъ наборъ фактовъ, извлеченныхъ изъ разбора: дѣлалъ предположенія, задавалъ вопросы, и возбуждалъ въ насъ стремленіе идти далѣе по пути, который намъ указывалъ. Погодинъ предлагалъ намъ съ каѳедры то, что въ данную минуту составляло предметъ его ученыхъ интересовъ, надъ чѣмъ онъ работалъ въ своемъ кабинетѣ. Потому въ общемъ курсѣ онъ всегда отступалъ отъ главной нити изложенія, и вдавался въ спеціальности, иногда отрывочно, внѣ всякой системы—сообщалъ намъ свои наблюденія и открытія. Лекція была для него только продолженіемъ его кабинетной работы, однимъ изъ моментовъ его собственной ученой жизни: на каѳедрѣ онъ вводилъ насъ въ самый процессъ ученаго труда, который въ ту минуту поглощалъ собою всѣ его умственные интересы: онъ увлекался этими свѣжими интересами собственной работы и тѣмъ самымъ увлекалъ и своихъ слушателей,—не словами, а самымъ дѣломъ, своей личностью внушалъ воодушевленіе и любовь къ наукѣ... Онъ любовно переносился въ прошедшее, дружился съ лѣтописцемъ XII вѣка, какъ съ своимъ современникомъ, и чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ въ сообществѣ съ Ольговичами и Мономаховичами. Романтизмъ особенно хорошо умѣлъ воспитывать эту способность переноситься въ

прошедшее и сживаться съ историческими личностями въ ихъ собственной обстановкѣ" [520]).

Въ это же время скептики не бросали своего оружія. Шафарикъ слѣдившій за явленіями Русской Литературы писалъ Погодину: „Продолжайте храбро и бодро бороться съ вредными воззрѣніями Каченовскаго, Полеваго, Сенковскаго, Строева и всѣхъ ихъ единомышленниковъ. Будьте увѣрены, что правда рано или поздно одержитъ верхъ. Вы именно тотъ человѣкъ, на которомъ сосредоточены всѣ наши надежды и мы увѣрены, что вы исполните свое назначеніе" [521]). „Г. Скромненко (т. е. С. М. Строевъ), писалъ Сербиновичъ Погодину, какъ сами видите, не перестаетъ горячиться противъ почитателей Нестора и всего не новаго. Желательно бы видѣть скорѣе съ вашей стороны опроверженія, не горячія, но сильныя" [522]).

Въ августѣ 1835 года, въ бытность Погодина въ чужихъ краяхъ, С. М. Строевъ напечаталъ разборъ его *Начертанія Русской Исторіи*. По возвращеніи Погодина, нѣкто Сергѣй Тихонько написалъ возраженіе на разборъ С. М. Строева, который въ свою очередь напечаталъ апологію защитнику Погодина и въ предисловіи къ ней заявилъ: „Имѣя полное уваженіе къ читателямъ и издателямъ *Сѣверной Пчелы* (которая была мѣстомъ состязанія гг. Сергѣя Скромненко и Сергѣя Тихонько), я почитаю долгомъ отвѣчать на эти возраженія, дабы показать, что разборы мои пишутся не на скорую руку, но по зрѣломъ обсужденіи. Меня могутъ упрекать въ ложномъ, невѣрномъ взглядѣ на предметъ разбираемой книги; но никто не въ состояніи изобличить въ невниманіи къ разсматриваему сочиненію, въ недобросовѣстности или въ желаніи уронить чью-либо репутацію" [523]). По замѣчанію одного современника, „скоро противники забыли предметъ спора, вдались въ личности и тѣмъ окончили неоконченный споръ свой". Самъ же Погодинъ, сбираясь съ силами, въ 1836 году не возражалъ своимъ противникамъ. „Свои изслѣдованія", писалъ онъ, „о первомъ періодѣ представлю какъ диссертацію, защищу и съ бою взойду на каѳедру. Тутъ всего приличнѣе

произнести судъ Каченовскому. Теперь у меня все это на мази" [524]).

Между тѣмъ спутникъ Погодина Засѣцкій писалъ ему изъ Парижа: „Нашъ Несторъ переведенъ не помню кѣмъ. Читалъ о немъ объявленіе съ коротенькимъ разборомъ; пожалѣйте о Сенковскомъ и К°, его доброе намѣреніе осушить единственный источникъ древней нашей Исторіи не исполняется и кажется никогда не исполнится. Французскій переводчикъ и критикъ отдаетъ справедливость прародителю нашей Исторіи, и вовсе не думаетъ почитать его риторомъ, учившимся, по сказанію Сенковскаго, у Византійцевъ; но его искренность, любовь къ истинѣ и здравомысліе противопоставляетъ хвастливости, фонфаронству и легкомыслію Польскому, виноватъ, Византійскому. Критикъ говоритъ: „счастлива Россія, имѣя Нестора для такой эпохи своей Исторіи, въ которой другіе народы имѣли только баснописцевъ" [525]).

Изслѣдуя источники нашей Древней Исторіи, Погодинъ углубился въ изученіе *Патерика Печерскаго* Этотъ же памятникъ въ то время изучалъ и Кубаревъ. Въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 7 марта 1836 года, Погодинъ читалъ сочиненіе Кубарева о *Патерикѣ Печерскомъ*. При этомъ Погодинъ заявилъ, что Кубаревъ занимается въ особенности возобновленіемъ первоначальнаго текста *Патерика*, искаженнаго многими позднѣйшими вставками [526]).

Между тѣмъ, „драгоцѣнный пергаментный списокъ этого памятника принадлежалъ тогда Ржевскому купцу Евграфу Васильеву Берсеневу и заключалъ въ себѣ редакцію Арсенія епископа Тверскаго, сдѣланную въ 1406 году. Эта редакція Кіево-Печерскаго Патерика отличается простотою въ своемъ составѣ, древностію языка и надлежащимъ помѣщеніемъ статей безъ всякой перестановки. Кубаревъ, узнавъ отъ И Н. Царскаго о существованіи этого сокровища и о владѣльцѣ онаго, обратился къ Погодину, который съ своей стороны отнесся письмомъ къ Тверскому гражданскому губернатору, графу А. П. Толстому. „Письмо ваше", отвѣчалъ графъ Толстой, „застало меня въ

самомъ Ржевѣ и столь желанный *Патерикъ*, на пергаментѣ писанный, былъ бы вамъ немедленно доставленъ, но купецъ, которому онъ принадлежитъ, теперь въ Петербургѣ. Здѣшніе купцы увѣряютъ меня, что хотя Берсеневъ и дорожитъ *Патерикомъ*, но не отказался бы за моимъ поручительствомъ, прислать къ вамъ его на нѣкоторое время. Я поручилъ здѣсь градскому главѣ и соляному приставу Терентью Алексѣевичу Глинкѣ, по возвращеніи Берсенева, попросить его отъ меня о доставленіи ко мнѣ самой книги. Нашъ Глинка, какъ всѣ гг. Глинки, много читаетъ и, вѣроятно, пишетъ, а сверхъ того, какъ не всѣ гг. Глинки, примѣрной добродѣтели и извѣстенъ здѣсь подвигами любви къ ближнему, о чемъ сообщаю вамъ къ свѣдѣнію". „И такъ", пишетъ Кубаревъ, „при благодѣтельномъ посредничествѣ Графа и добромъ расположеніи въ пользу наукъ хозяина, сія рукопись въ концѣ 1836 года доставлена къ намъ въ Москву. Я списалъ ее, судя по времени, довольно исправно" [527]).

На запросъ Археографической Коммиссіи о существующихъ редакціяхъ *Патерика Печерскаго*, П. М. Строевъ отвѣчалъ: „Слышалъ я, что у одного купца въ Твери есть пергаментный *Патерикъ* 1405 года: подробное свѣдѣніе о немъ можетъ сдѣлать г. профессоръ Погодинъ, имѣвшій его въ рукахъ нѣкоторое время" [528]).

Не довольствуясь временнымъ пользованіемъ, у Погодина явилось непреодолимое желаніе пріобрѣсти эту рукопись и онъ снова обращается къ графу Толстому съ просьбою о посредничествѣ; но графъ Толстой отвѣчалъ ему, что купецъ Берсеневъ, „будучи самъ охотникъ до такихъ древностей, не соглашается продать его" [529]).

Въ февралѣ 1836 года А. Ѳ. Малиновскій сложилъ съ себя званіе Предсѣдателя Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и члены Общества единогласно просили графа С. Г. Строганова принять на себя званіе предсѣдателя; а вице-президентомъ Общества избрали А. Д. Черткова [530]). Въ томъ засѣданіи Общества была рѣчь и о секретарѣ.

„Толковали объ секретарствѣ“, замѣчаетъ Погодинъ. „А не видятъ необходимости во мнѣ. Впрочемъ, мнѣ что за дѣло? Я могъ бы принесть пользу. Непріятное расположеніе духа“ [531]). Дѣйствительно, Погодинъ давно желалъ быть секретаремъ Общества; секретарствомъ же Шевырева иные были недовольны. Доказательствомъ сего можетъ служить слѣдующее письмо П. А. Муханова къ Погодину: „Не грѣшно ли“, писалъ онъ, „меня обвинять? Вотъ вамъ слово въ слово нашъ разговоръ:

Шевыревъ. Я вамъ далъ рукопись Иринарха, у васъ ли она?

Я. Рукопись у меня, но дали мнѣ не вы, а Макаровъ.

Шевыревъ (возвысивъ голосъ). *Нѣтъ* я вамъ далъ,—что за неисправность, берутъ рукописи—не возвращаютъ (и разные упреки такого рода, это просто *выговоръ*, котораго я и отъ Фельдмаршала Паскевича не получалъ).

Я. Если *я* вамъ говорю, что рукописи отъ васъ *не получалъ*, то это значитъ, что не получалъ; вашихъ замѣчаній не принимаю, можете передать ихъ Макарову.

Шевыревъ. Пришлите мнѣ рукопись.

Я. Нѣтъ не пришлю. Я отошлю ее Макарову,—а васъ знать не хочу. (Молчаніе).

Шевыревъ. Какъ вы можете мнѣ такъ обидно говорить?

Послѣдніе слова показались Шевыреву обидными, — но терпѣнію человѣческому есть предѣлъ, а потому не я согрѣшилъ, а Шевыревъ, который виноватъ: 1) Какъ секретарь: не зналъ, кому отдалъ рукопись; 2) какъ членъ благовоспитаннаго общества: утверждая, не смотря на мои слова, что рукопись *у меня*. Это кажется въ хорошемъ обществѣ не дѣлается; 3) опять такъ какъ секретарь, затянувъ цѣлую рѣчь замѣчаній и упрековъ за мою мнимую неисправность, если бы я дѣйствительно и былъ неисправенъ, то г. Шевыревъ не имѣлъ никакого права—дѣлать мнѣ *замѣчанія*; 4) опять таки виноватъ; ибо послѣ всего этого требовалъ, чтобы я *ему* отдалъ вещь, которую никогда отъ него не получалъ. Прочтит[illegible] [illegible]зпристрастіемъ

историка—и скажите: могъ ли я не вспылить (какъ вы пишете)? А записку бросьте въ огонь и объ этихъ пустякахъ болѣе ни слова. Я вамъ и для васъ всю эту рацею написалъ,—для того, чтобы вы меня не обвиняли въ грѣхахъ, коихъ *нѣтъ* на душѣ,—довольно ихъ за мною и дѣйствительныхъ.—Вотъ какъ, любезнѣйшій другъ Михаилъ Петровичъ,—вы знаете меня давно, и знаете, что я не люблю *вздорить*.—Но г. Шевыревъ весьма много думаетъ о своей секретарской должности—и полагаетъ, что его будутъ выслушивать аки птенцы учителя" [532]).

Наконецъ желаніе Погодина исполнилось и въ засѣданіи Общества 12 декабря 1836 года, секретарь Шевыревъ просилъ членовъ уволить его отъ сей должности, поелику сверхъ истекшаго трехлѣтія онъ исправлялъ ее по желанію Общества до конца сего года. Члены изъявили свое согласіе на сію просьбу, и по предложенію Предсѣдателя графа С. Г. Строганова, въ секретари Общества избранъ Погодинъ.

Графъ Строгановъ, принявъ званіе Предсѣдателя, предложилъ членамъ обратить вниманіе на занятія Общества и на средства, коими оно можетъ вѣрнѣе дѣйствовать для исполненія своей цѣли. Для сего предложилъ составить Комитетъ, который принялъ бы на себя сообразить занятія Общества съ суммами, у него находящимися, и сказать свое мнѣніе, какъ по сему предмету, такъ касательно новыхъ ученыхъ занятій, которыя могли бы быть предприняты. Въ члены сего Комитета единогласно назначены: Погодинъ, Чертковъ и П. А. Мухановъ.

Вскорѣ Комитетъ въ засѣданіи 11 апрѣля 1836 года заявилъ Обществу свои представленія: объ изданіи Патерика Печерскаго, принимаемое на себя Кубаревымъ; объ изданіи *Свода Лѣтописей*, составленнаго Арцыбашевымъ; о продолженіи изданія *Русскихъ Достопамятностей* подъ именемъ сборниковъ, куда должны входить всѣ матеріалы для Русской Исторіи и Древностей; о платѣ за изданіе лѣтописей и прочихъ документовъ, равно и за переводы съ древнихъ и во-

сточныхъ языковъ по сорока рублей ас. съ листа. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ представилъ: что кромѣ соревнователей, титломъ которыхъ собственно должны быть удостоиваемы за сочиненія или переводы молодые люди, выступающіе на поприще исторической литературы и подающіе о себѣ хорошія надежды, Комитетъ находилъ полезнымъ ввести особенное званіе корреспондентовъ, которые не принадлежа къ ученому сословію, будутъ доставлять изъ городовъ мѣстныя извѣстія или приношенія [533]).

Въ то же время Погодинъ началъ принимать мѣры къ проникновенію въ Московскую Синодальную Библіотеку. За посредничествомъ онъ обратился къ лицу близкому князю А. Н. Голицыну и своему старинному пріятелю Н. А. Загряжскому, который писалъ ему: „Сейчасъ видѣлся съ Филаретомъ у князя Голицына. Онъ сказалъ, что не можетъ разрѣшить брать подъ твою росписку рукописи; сему примѣры были не весьма рѣдки, такъ напримѣръ Карамзину было сіе разрѣшеніе, не иначе какъ по указу Синода. Для сего, онъ говоритъ, твое начальство должно отнестись прямо въ Синодъ или къ нему, или же пускай Попечитель отнесется о семъ къ Филарету, а онъ уже выхлопочетъ дозволеніе Синода; но если ты хочешь заниматься въ Библіотекѣ, то на сіе и Филарета дозволеніе не нужно, поди просто и пустятъ“.

По настоянію Погодина, учрежденный при Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ Комитетъ обратилъ особое вниманіе Общества на *Сводъ Лѣтописей* Арцыбашева и ходатайствовалъ объ его изданіи, на что и послѣдовало соизволеніе Общества. Самъ же Арцыбашевъ, узнавъ о стараніяхъ Погодина, но еще не зная рѣшеніе Общества, писалъ ему: „Всепокорно васъ благодарю за снисходительный вызовъ къ открытію пути на бѣлъ свѣтъ моему дѣтищу; только оно жалуется, говоря: „изъ печатныхъ братьевъ моихъ покойный Исторіографъ у одного (*О первобытной Россіи)* взялъ объ Ями и выдалъ за свое; у другаго *(Замѣчанія на Исторію Государства Россійскаго)* похитилъ Санскритскій обладатель невещественнаго ка-

питала *) (сирѣчь пылепусканія) многое и украсилъ себя моими перьями; чего же не сдѣлаютъ со мною, рукописнымъ? Хозяинъ! ощиплютъ съ меня все, что ты добывалъ тридцатью четырьмя годами, посредствомъ кроваваго пота, и скажутъ: вздоръ и несогласица съ *незабвеннымъ Исторіографомъ*". Тогда настанетъ новая бѣда: выманивать рукопись изъ-подъ стола княжескаго или графскаго назадъ. *Не надѣйтеся на князи, на сыны человѣческія, въ нихже нѣсть спасенія*, глаголетъ Псаломникъ. Демидовскія преміи меня не льстятъ. Я самъ Демидову дамъ премію, если онъ сдѣлаетъ, что я сдѣлалъ". Въ томъ же письмѣ Арцыбашевъ сообщаетъ Погодину: „Еще прошлаго 1833 года, ноября 3 числа, получилъ я отъ Королевскаго Коппенгагенскаго Общества Сѣверныхъ Древностей Испытателей приглашеніе вступить туда въ члены и пожалѣлъ: для чего мнѣ не двадцать пять или тридцать лѣтъ? А то бы возрадовала такая честь, полагая, что немногіе удостоены ея. Вышло напротивъ: и Санскритскій невещественный капиталистъ **), и другіе неученые тутъ же! Эге, ребята, — пришло мнѣ въ голову,—такъ вы вербуете въ данники и встрѣчнаго и поперечнаго? Слуга вашъ покорный". Въ другомъ своемъ письмѣ Арцыбашевъ пишетъ Погодину: „Исторія начинаетъ мнѣ уже постылѣть тѣмъ болѣе, что съ 1665 года, которымъ оканчиваются *Повседневныя Дворцовыя Записки*, нѣтъ у меня ни одного лѣтописнаго документа положить въ основаніе. Ахъ, еслибы можно было достать выписки изъ *Разрядныхъ Книгъ*, хранящихся въ Москвѣ, какъ мнѣ сказывалъ П. М. Строевъ, до конца ихъ. Выписку однихъ только фактовъ, а не пустого церемоніала; какъ бы я обрадовался" [534]).

Но когда Арцыбашевъ получилъ офиціальное извѣщеніе Общества о рѣшеніи напечатать его сочиненіе, то изъявилъ на это „совершенное согласіе".

По полученіи согласія отъ автора, вмѣстѣ съ рукописью, Общество, въ засѣданіи 12 декабря 1836 года, положило при-

*) Полевой.
**) Полевой.

ступить къ печатанію, держась въ строгости подлинника, и сохраняя особенное правописаніе автора. Надзоръ за печатаніемъ приняли на себя А. Ѳ. Вельтманъ, Н. М. Коноплевъ, Ѳ. Л. Морошкинъ и Ю. И. Венелинъ.

LXV.

Секретарство Погодина еще болѣе сблизило его съ людьми, которымъ священны Исторія и Древности Россійскія. Въ это время въ Москвѣ гостилъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ и усердно посѣщалъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и въ одномъ изъ этихъ засѣданій (31 октября 1836 года) онъ изустно доложилъ Обществу краткій отчетъ о собранныхъ имъ въ чужихъ краяхъ матеріалахъ для Русской Исторіи. При этомъ Тургеневъ показалъ Обществу снимокъ съ одного листа Реймской Славянской рукописи, также снимокъ съ извѣстія, въ Реймской же библіотекѣ находящагося, о бракѣ Анны Ярославны съ королемъ Французскимъ Генрихомъ I. Предъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, Тургеневъ писалъ Погодину: „Поздравляю васъ со днемъ вашего Ангела, а самому заѣхать некогда. Я сбираюсь въ Петербургъ дней черезъ пять или шесть. Дѣла мои того требуютъ. Письма Карамзина дочитываю и самъ привезу ихъ, съ покорнѣйшею просьбою показать ихъ его вдовѣ отъ вашего имени: вы ее очень бы обязали симъ. Но прежде привезу ихъ; ибо люблю быть аккуратнымъ въ дѣлахъ“ [535]).

Иннокентій и Максимовичъ были звеньями, соединяющими Погодина съ Кіевомъ. „Знакомство съ вами“, писалъ Иннокентій Погодину, „есть для меня одно изъ пріятнѣйшихъ явленій въ моей жизни, и я не премину съ своей стороны сдѣлать все, чтобы оно могло продолжаться дотолѣ, доколѣ только могутъ продолжаться земныя знакомства. Не взыщите, если увидите отъ меня заботу и о томъ, чтобы оно, хотя современемъ, обратилось въ пріязнь болѣе короткую; вы сами виною того, что васъ многіе не хотятъ знать въ половину, а

желаютъ поближе раздѣлить съ вами вашъ образъ мыслей и чувствъ. Предметъ, надъ которымъ вамъ суждено провести жизнь, не составлялъ никогда моей профессіи, но всегда былъ однимъ изъ первыхъ для свободныхъ занятій—душевныхъ; поэтому я могу отъ сердца соуслаждаться всѣмъ, что выйдетъ изъ-подъ вашего пера. Въ залогъ сего прошу васъ по временамъ давать знать, что занимаетъ васъ и надъ чѣмъ трудитесь". Въ томъ же письмѣ Иннокентій сообщаетъ Погодину, что „замѣчаніями на Исторію вашу занимается нашъ Владыка *), и самъ же хотѣлъ препроводить ихъ вамъ. Лучшаго критика въ нашемъ Кіевѣ вѣрно не сыщется" [536]).

Время ректорства Иннокентія было золотымъ вѣкомъ для Кіевской Духовной Академіи. „При власти", повѣствуетъ Высокопреосвященный Макарій, „какою былъ облеченъ, при возмужалости своихъ необыкновенныхъ способностей, при особенной любви къ Академіи, нѣкогда его воспитавшей, онъ не только оживилъ ее,—нѣтъ, онъ мало-по-малу ее преобразовалъ, возвысилъ и подвинулъ далеко впередъ, такъ что десять лѣтъ начальствованія его въ ней справедливо могутъ быть названы самымъ блестящимъ періодомъ ея Исторіи... Своими вдохновенными лекціями онъ часто приводилъ слушателей въ изумленіе и восторгъ... Подъ его магическимъ вліяніемъ... явилось нѣсколько достойнѣйшихъ дѣятелей науки изъ среды какъ прежнихъ наставниковъ, такъ и новыхъ, которыхъ онъ избралъ и приготовилъ самъ. Поименуемъ изъ числа первыхъ: протоіерея І. М. Скворцова, Я. К. Амфитеатрова, В. Н. Карпова, П. С. Авсенева, впослѣдствіи архимандрита Ѳеофана; изъ числа послѣднихъ: о. Димитрія Муретова, впослѣдствіи архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, О. М. Новицкаго, І. Г. Михневича и С. С. Гогоцкаго... Онъ умѣлъ угадывать таланты, умѣлъ возбуждать ихъ и поощрять... Тѣ, кто были современниками изданія его словъ и особенно седмицъ, тѣ помнятъ, съ какимъ нетерпѣніемъ, восторгомъ, жадностью читались и перечитывались они людьми всѣхъ сосло-

*) Евгеній, митрополитъ Кіевскій.

вій отъ самаго высшаго до низшаго, и какъ имя Иннокентія огласилось во всѣхъ концахъ неизмѣримой Россіи. Это была, если не самая лучшая, по-крайней мѣрѣ, самая блестящая пора его славы, какъ проповѣдника“ [537]).

„Наша ученая братія“, писалъ Иннокентій Погодину, „отъ нечего дѣлать принялась за какой трудъ? Ни болѣе, ни менѣе, какъ за Церковный Словарь. Это будетъ нѣчто въ родѣ духовной энциклопедіи. Дѣло идетъ довольно удачно; три буквы уже написаны; къ концу года можетъ быть начнется и печатаніе“... На упрекъ Погодина, что не получаетъ долго отвѣта на письмо, Иннокентій писалъ ему: „Хотите ли на вашъ дружескій упрекъ имѣть отвѣтъ изъ Евангелія? Вотъ онъ: *маловѣре, почто усумнѣлся еси?* Въ самомъ дѣлѣ, то несомнѣнно, что вы усумнились, а я въ сознаніи своемъ имѣю довольно причинъ на то, чтобы прибавить: *почто*? Союза, основаннаго на истинномъ, сердечномъ уваженіи не можетъ расторгнуть никакое разстояніе временъ и мѣстъ: нѣсколько недѣль молчанія не дѣлаютъ и не могутъ сдѣлать въ этомъ отношеніи... разницы... Я могъ бы представить причины (моего молчанія) самыя убѣдительныя, но не хочу для большаго упражненія вашей вѣры, въ коей дружба имѣетъ нужду“ [538]).

Въ это время, т.-е. въ 1836 году, общій другъ ихъ Максимовичъ предпринялъ путешествіе въ Крымъ. Туда же изъ Одессы 12 іюня 1836 г. прибылъ и Иннокентій. „Любитель садовъ и природы“, писалъ Максимовичъ князю П. А. Вяземскому, „Иннокентій былъ въ восхищеніи. Солнце склонялось къ Западу, когда мы стали (близъ Алупки) взбираться, пробитою зигзагами дорогою, на другую, круто-горную полосу, поросшую таврическою сосною. Съ ея легкимъ, бальзамическимъ паромъ сливалось прохладное вѣянье съ моря и ходило между деревъ тихимъ, таинственнымъ шорохомъ.... Когда мы остановились тамъ для отдыха, Иннокентій говорилъ съ умиленіемъ: „Господи, не забуду никогда этого дыханія!“ [539]). Самъ Иннокентій объ этомъ своемъ путешествіи писалъ Погодину: „Путь мой былъ и длиненъ и разнообра-

зенъ. Я проѣхалъ болѣе пяти тысячъ верстъ. Довольно для таковыхъ домосѣдовъ, каковы монахи. Не знаю, много ли будетъ пользы для тѣла, а душѣ было не мало пользы. Крымъ уже высмотрѣнъ Кеппеномъ. Послѣ сего что было и смотрѣть моими профанскими глазами?.. Въ Крыму, слава Богу, попался мнѣ на встрѣчу М. А. Максимовичъ, иначе мнѣ можно было бы заблудиться по тамошнимъ горамъ. Вотъ онъ вамъ наскажетъ о тамошнихъ древностяхъ, что вашей душѣ угодно... Я узналъ, что въ бытность вашу у насъ ваша супруга была съ вами. Зачѣмъ же вы были у меня одни. Вотъ вина такъ вина! За это непремѣнно должно положить на васъ эпитимію. Между тѣмъ, несмотря и на сіе, миръ и благословеніе Божіе да будетъ надъ вами“.

По переселеніи въ Кіевъ, М. А. Максимовичъ все болѣе и болѣе углублялся въ историческія изслѣдованія и съ большимъ любопытствомъ слѣдилъ за ратоборствомъ Погодина со скептиками „за Древнюю Русь“. На вопросъ же Погодина объ его собственныхъ занятіяхъ Максимовичъ отвѣчалъ: „Я, братъ, не такой неугомонный дѣлатель, какъ ты. Впрочемъ написалъ двѣ лекціи *о Пѣсни Игоря*, кои также будутъ въ панданъ твоей полемикѣ и больше ничего не сдѣлалъ. Впрочемъ не забудь, что я кончилъ курсъ новой для меня каѳедры; кое-какъ уже укомпановалъ въ систему нашу всю литературу, доведя оную до днешняго дня, и такимъ образомъ уже будетъ легче читать Исторіи Литературы нашей впредь, а съ сентября займусь изученіемъ для себя и формаціей теоріи Словесности. Поэтому черезъ годъ, и даже въ слѣдующій годъ — могу опять приняться за гусиное перо — литературной очинки“ [540]). По возвращеніи въ Кіевъ изъ путешествія въ Крымъ, Максимовичъ нашелъ слѣдующее письмо Погодина (отъ 6 октября 1836 г.) „Ну, что ты, каковъ, любезный Михаилъ Александровичъ? Помогъ ли тебѣ Крымъ? Мое здоровье плохо, и я думаю на цѣлый годъ въ Италію. То-то братъ! Похожи мы на лошадей, которыя съ-дуру напрягаются, а что толку! Нѣтъ, это сорвалось съ языка только.

Живи—работай Господеви!.. Поклонись отцу Иннокентію“ [541]). На это письмо Максимовичъ отвѣчалъ Погодину: „Жаль, что и твое здоровье плохо, какъ говоришь ты, только не ѣзди въ Италію. Мое же очень плохо. Съ самаго пріѣзда заболѣлъ. Недѣль семь не выходилъ изъ четырехъ стѣнъ, да и теперь, вышедши, опять простудилъ грудь и горло, самые слабые, послѣ глазъ, мои органы. Я очень равнодушенъ сталъ къ дѣламъ университетскимъ. Каковъ Морошкинъ? Вѣдь твой тезисъ рѣшительно надо читать: *не племени Норманскаго*“ [542]).

Въ 1836 году М. А. Коркуновъ переселился изъ Москвы въ Петербургъ. Это переселеніе было очень печально для Погодина, ибо въ Коркуновѣ онъ могъ имѣть полезнаго помощника по своему секретаріату въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Принимая живѣйшее участіе въ Коркуновѣ, Погодинъ писалъ Востокову: „Поручаю вашему покровительству и благорасположенію нашего кандидата Коркунова, который намѣревается издать *Даніила*. Ваши совѣты и наставленія будутъ для него закономъ. Онъ человѣкъ работящій, знаетъ нѣсколько Восточные языки, и радъ будетъ служить вамъ, чѣмъ можетъ“ [543]). Это рекомендовательное письмо произвело свое дѣйствіе. „Востоковъ“, писалъ Коркуновъ Погодину, „хваленый вами, дѣйствительно таковъ. Жаль, что съ нимъ не разговоришься, ни потолковать ни о чемъ нельзя! *). Онъ трудится теперь надъ составленіемъ Словенскаго лексикона, и для этого читаетъ Остромирово Евангеліе“.

Водворившись въ Петербургѣ, Коркуновъ углубился въ Даніила. „Сижу на своемъ Паломникѣ“, писалъ онъ Погодину, „теперь у меня съ варіантами Евгенія десять списковъ; но работа идетъ медленно отъ того, что я не всегда могу бывать въ Публичной Библіотекѣ. Мое намѣреніе объ этомъ изданіи таково: сдѣлать сводъ, изъ сличеній возстановить текстъ, упоминая въ примѣчаніяхъ обо всемъ, или слѣдуя примѣру Шлецера осторожно критически исправить нелѣпыя погрѣшности переписчиковъ; для этого надо прочитать многое,

*) Извѣстно, что Востоковъ былъ ужасный заика.

относящееся до древняго Іерусалима, и тогда путешествіе Даніила, повѣренное свидѣтельствами иностранцевъ, будетъ книга не лишняя". Въ томъ же письмѣ Коркуновъ сообщаетъ Погодину, что Сенковскаго „благонамѣренные, дѣльные литераторы терпѣть не могутъ" [544]).

Вскорѣ Коркуновъ пристроился къ Археографической Коммиссіи. Въ это время, собранные П. М. Строевымъ *Юридическіе Акты* поручено было издавать Устрялову, а, въ помощь ему, Коркунову „дозволено Коммиссіею, въ видѣ опыта, приступить къ снятію копій съ этихъ актовъ". Но первый опытъ не удался Коркунову; Бередниковъ съ неудовольствіемъ писалъ П. М. Строеву: „Г. Коркуновъ списалъ коллекцію юридическихъ актовъ, но такъ небрежно, что мнѣ стоитъ величайшаго труда провѣрить ихъ съ подлинниками. По каждой литерѣ списка, снятаго съ торопливостью, должно снова водить перомъ. Переписчикъ слылъ *антикваріемъ Московскимъ*, но видно по всему, что онъ въ *вашей школѣ не былъ* и онъ годенъ развѣ въ ваши ученики *ab infima*" [545]).

Погодинъ принималъ также большое участіе въ другомъ питомцѣ Московскаго Университета, это въ Павлѣ Яковлевичѣ Петровѣ. Живя въ Петербургѣ, Петровъ съ необыкновеннымъ упорствомъ и энергіею изучалъ Восточные языки и достигъ того, что когда черезъ два года былъ отправленъ въ чужіе края, для усовершенствованія въ Санскритскомъ языкѣ, то своими познаніями удивилъ даже самого знаменитаго Боппа, который писалъ въ Петербургъ, что Петрову, по его свѣдѣніямъ, нечему учиться въ Германіи. И намъ любопытно послушать отчетъ о занятіяхъ сего Россіянина, который въ Отечествѣ своемъ мало кому былъ извѣстенъ. „Не знаю", писалъ онъ Погодину (отъ 16 іюня 1836 г.), „какъ благодарить васъ за участіе, которое вы принимаете въ моей участи Для науки я въ это время много выигралъ: съ помощью книгъ, сообщенныхъ мнѣ Френомъ, я разобралъ около двухсотъ Арабскихъ и Персидскихъ монетъ и медалей, и теперь имѣю понятіе о нумизматикѣ. Вы желаете знать мои намѣренія. Не знаю, какъ отвѣчать

вамъ на этотъ вопросъ, потому что у меня до сихъ поръ не было ровно никакихъ. Впрочемъ постараюсь отдать вамъ отчетъ всего того, что могъ отъ себя выпытать. Надобно вамъ сказать, что поступивъ въ Профессорскій Институтъ, я увлекся страстью всѣхъ молодыхъ людей, и въ особенности Русскихъ, страстью за все хвататься, не соразмѣривъ силъ своихъ съ подвимаемою тяжестью. Арабскій, Персидскій и Санскритскій были предметами, такъ сказать, *должностныхъ* моихъ занятій; едва почувствовалъ свои успѣхи, я принялся за изученіе Турецкаго и (чего никогда не проститъ мнѣ Аллахъ) Китайскаго. Богъ свидѣтель, какъ я трудился за всѣми. Я помню шесть мѣсяцевъ своей жизни, въ продолженіе которыхъ я занимался безпрерывно по 13 и 14 часовъ въ сутки, и вѣроятно бы разстроилъ свое здоровье, еслибы не пріучилъ себя работать стоя и каждый день прогуливаться. Я самъ этого не понимаю: не страсть, а какое-то упрямство влекло меня постоянно къ цѣли; часто я проклиналъ день, въ который взошла мнѣ въ голову мысль заниматься языками; съ ужасною тоскою смотрѣлъ на математическія книги, въ которыхъ ничего не понимаю, и думалъ: для чего я не занялся математикой, я былъ бы теперь уже далеко. Сюда присоединилась еще глазная болѣзнь, которою я страдалъ нынѣшнею весною; все это мучило меня. Но пришло лѣто, солнце замѣнило свѣчи, глаза мои поправились, и я опять съ нетерпѣніемъ продолжаю начатое. Теперь посмотримъ на результаты этого двухлѣтняго труда, обильнаго муками и наслажденіями, незабвеннаго для меня во всѣхъ отношеніяхъ. Я выучился по Персидски, т.-е. говорю, понимаю книги и даже пишу на немъ (хотя Джафаръ еще сильно вопіетъ на нѣкоторые европеизмы въ моихъ сочиненіяхъ); понимаю порядочно по Арабски и по Санскритски, но въ Турецкомъ еще очень слабъ и, не смотря на то, что начинаю понимать книжный языкъ, не могу связать двухъ фразъ въ разговорѣ, гдѣ употребляются слова болѣе простонародныя. Въ Китайскомъ же, увы! подвергся участи обитателей Небесной имперіи, т.-е. не

двигаюсь ни взадъ, ни впередъ. Правда, самолюбіе мое находитъ этому извиненіе въ недостаткѣ порядочнаго словаря и корыстолюбіи здѣшнихъ Хинезистовъ, но это плохое утѣшеніе. Теперь вы видите, Михаилъ Петровичъ, что я еще во многомъ слабъ и сами можете заключить объ моихъ желаніяхъ. Мнѣ кажется необходимымъ пробыть еще годъ въ Петербургѣ; въ продолженіе этого времени я располагаю читать побольше Санскритскихъ и Арабскихъ книгъ и рукописей, которыя теперь мнѣ становятся уже очень доступными, и скоро наступитъ время, когда я буду заглядывать въ лексиконъ также рѣдко, какъ вѣтреный племянникъ къ старой и скучной тетушкѣ, отъ которой не надѣется получить наслѣдства. Займусь прилежнѣе Турецкимъ, выучусь говорить на немъ—и тогда пусть располагаютъ моею судьбою. Китайскій же я намѣренъ отложить до того времени, пока не буду въ состояніи выписать изъ Англіи знаменитый словарь Моррисcона. Жаль, что нѣтъ здѣсь отца Іоакинѳа! Вотъ вамъ отчетъ и результаты моихъ занятій. Грусть невольно разбираетъ меня, когда подумаю объ исполинскихъ своихъ надеждахъ, такъ худо и такъ медленно исполняющихся. Сколько еще предстоитъ трудовъ для достиженія цѣли, которая вѣроятно не удовлетворитъ меня вполнѣ. Я еще очень мало занимался Исторіей и Географіей Востока, и трепещу при мысли, что меня, можетъ быть, посадятъ на каѳедру, не давъ мнѣ средствъ къ путешествію. Я не желалъ бы занять каѳедру Персидскаго, потому что мало нашелъ хорошаго въ ея литературѣ. Если же меня, сообразно съ желаніями моими, назначатъ къ преподаванію Арабскаго или (что еще лучше) Санскритскаго, то мнѣ необходимо посѣтить, въ первомъ случаѣ, Сирію и Египетъ, а во второмъ — Лондонъ. Для путешествія на Востокъ мнѣ не нужно болѣе года, потому что мнѣ остается теперь пріобрѣсти только разговорный языкъ, которому, при знаніи книжнаго, выучиться не трудно. Если же меня отправятъ въ Лондонъ, то я желалъ бы остаться тамъ не менѣе двухъ лѣтъ, потому что выписки изъ рукопи-

сей и чтеніе ихъ, при огромности Англійскихъ библіотекъ, требуетъ гораздо болѣе времени, нежели болтанье съ сынами степей. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется. Впрочемъ будущее въ рукахъ Аллаха. Да пошлетъ онъ вамъ терпѣнія на прочтеніе этого письма: вотъ послѣднее желаніе вашего покорнѣйшаго слуги".

Изъ всѣхъ своихъ Петербургскихъ наставниковъ Петровъ особенно былъ обязанъ почтенному академику Френу. „Я", писалъ Петровъ Погодину, „часто бываю у Френа. Недавно далъ онъ мнѣ очень любопытную книгу, которую я теперь читаю съ большимъ вниманіемъ. Это *Географія* Хаджи Хальфы на Турецкомъ. Топографическія извѣстія чрезвычайно подробны: недавно прошелъ я съ авторомъ по всѣмъ улицамъ Шираза, видѣлъ его мечети, гробницы Сада и Хафиза, и поневолѣ повѣрилъ словамъ сочинителя, который говоритъ въ предисловіи, что изъ всѣхъ отраслей познаній, Джаграфія есть прекраснѣйшая, что знающій всѣ ея тонкости, можетъ, сидя на коврѣ безопасности, странствовать, подобно путешественникамъ міра, по отдаленнѣйшимъ землямъ, и проч. Все это благо: надобно непремѣнно заниматься, чтобы не чувствовать бремени жизни".

LXVI.

Извѣстный Вадимъ Пассекъ, собираясь (въ 1836 году) издавать *Очерки Россіи*, писалъ Погодину: „Горе человѣку, зарывающему талантъ свой въ землю! Горе слушателю, если душа его — земля каменная! Вѣрю, что и мнѣ, какъ всякому человѣку, Богъ заповѣдалъ талантъ, и да не погибнетъ безъ пользы. Надѣюсь, что и духовное сѣмя, брошенное вами въ душу мою, возрастетъ и принесетъ плодъ. Что пріобрѣту я отъ дарованнаго таланта, что за плодъ принесетъ насажденное сѣмя, не знаю, но душа моя жаждетъ духовной пищи и проситъ дѣятельности. Большая часть изъ пяти послѣднихъ лѣтъ посвящены были мною ученымъ занятіямъ. Въ послѣд-

ніе два года я былъ въ безпрестанныхъ поѣздкахъ по Южной Россіи, съ одною ученою цѣлію, а теперь, сверхъ собственнаго желанія, дѣлаю это и по обязанностямъ службы при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, по Статистическому Отдѣленію. Много въ это время читано мною; много собрано свѣдѣній историческихъ, много обычаевъ, преданій, повѣрій. Все это составляетъ довольно значительное собраніе, которое возрастаетъ ежедневно, при безпрестанныхъ занятіяхъ и разъ-ѣздахъ, и съ помощью корреспондентовъ и добрыхъ знакомыхъ, которыхъ имѣю не только въ южномъ краѣ, но въ Колѣ и Сибири. Изъ прилагаемой программы вы усмотрите содержаніе и цѣль предполагаемаго мною изданія. Къ участію въ немъ приглашены нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, и отъ всѣхъ, къ кому я относился, получалъ самый лестный отзывъ о моемъ намѣреніи. Теперь прибѣгаю съ просьбою къ вамъ: не откажитесь быть и вы участникомъ въ моемъ изданіи. Этотъ предметъ близокъ вамъ и по занятіямъ, и по уму, и по сердцу. Прежде всего, позвольте мнѣ помѣстить имя ваше въ числѣ участниковъ этого изданія. Это для меня будетъ очень важно. Да не обманетъ меня надежда! Матеріальными средствами я богатъ. Статьями и рисунками запасся на цѣлый годъ: запасъ необходимъ на черный день. Не примите ли вы трудъ пригласить къ участію и г. Венелина. Программа въ цензурѣ (Московской). Не можете ли вы и тамъ помочь. При ихъ несогласіи, я поведу дѣло далѣе, а издавать *начну* и безъ того. Изданіе начнется съ весны, въ Одессѣ. Посвящается Воронцову [546]).

Другой ученикъ Погодина, А. А. Краевскій, въ это время также выступилъ на исторіографическое поприще. Для *Энциклопедическаго Лексикона* Плюшара онъ написалъ біографію царя Бориса Годунова и издалъ ее отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ *Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ* (Спб. 1836, in 8°). Въ этой книжкѣ Краевскій, подобно своему учителю Погодину, является пламеннымъ почитателемъ царя Бориса. „Одно имя этого“, пишетъ онъ, „по истинѣ великаго, но въ

высшей степени злополучнаго государя возбуждаетъ въ душѣ множество воспоминаній и горестныхъ и утѣшительно высокихъ. Вся жизнь Бориса Ѳеодоровича была сцѣпленіемъ случаевъ неожиданныхъ, по большей части бѣдственныхъ. Какое дивное, торжественное явленіе представляетъ собою этотъ почти простолюдинъ, татаринъ происхожденіемъ, силою ума и желѣзно-твердой воли своей умѣвшій возвыситься надъ современниками, стать выше всѣхъ, и держать въ повиновеніи эту шумную, гордую своими привиллегіями и древностію аристократію Русскую, — когда съ другой стороны употребляемы были всевозможныя козни, перепробованы были всѣ орудія, чтобы одолѣть этого исполина, нестерпимо-великаго для собратій его по происхожденію и званію, — когда для этого вызваны были даже мертвые изъ гробовъ своихъ, тѣни усопшихъ получили жизнь, заговорили и ополчились на погибель его!.. Какая жизнь! Какая великолѣпная драма!.. Но этотъ же великій характеръ омраченъ подозрѣніями. Наши историки, и въ числѣ ихъ главнымъ безсмертный нашъ Исторіографъ, хотятъ, чтобы мы видѣли побудительною причиною всѣхъ дѣлъ Бориса одно безмѣрное, ненасытимое властолюбіе...... Хотятъ, чтобы мы вмѣстѣ съ ними проклинали Бориса, и казнили его именами кровожаднаго властолюбца, тирана, святоубійцы!.. Остережемся отъ такого опрометчиваго суда надъ человѣкомъ, которымъ, можетъ быть, должна гордиться Россія"... Свое повѣствованіе о царѣ Борисѣ Краевскій заключаетъ такими словами: „Въ Троицкой Лаврѣ, за Успенскимъ Соборомъ, на лѣвой сторонѣ у западныхъ вратъ, стоитъ низмѣнная каменная палатка съ желѣзною кровелькой, покрывающая тѣла злополучнаго семейства: отца въ инокахъ Боголѣпа, матери Маріи, сына Ѳеодора и дочери Ксеніи, погребенной послѣ въ томъ же мѣстѣ. Ежегодно въ день кончины Бориса, въ обители св. Сергія, ударяютъ въ Годуновскій колоколъ, висящій донынѣ на колокольнѣ, и совершаютъ надъ прахомъ его и всего его семейства панихиду" [547])...

„Посылаю вамъ", писалъ Краевскій Погодину, „черезъ род-

ныхъ своихъ свою брошюру *Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ.* Эта статья, написанная мною для *Энциклопедическаго Лексикона,* потомъ перепечатанная Гречемъ, безъ моего вѣдома, въ *Сынѣ Отечества* и въ вознагражденіе присланная мнѣ въ отдѣльныхъ оттискахъ, надѣлала здѣсь много шуму: цензору и издателямъ грозили гауптвахтою, а автору чуть не колесованьемъ. Возстало боярство, за честь боярства XVI вѣка. Возстали святоши, запищали разныя гадины. Но мудрость и благодушіе Государя заступились и спасли автора, цензора и всѣхъ прикосновенныхъ" [548]).

По предложенію А. С. Шишкова, 14 марта 1836 года, Погодинъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи. Онъ получилъ шестнадцать избирательныхъ голосовъ и одинъ неизбирательный [549]). В. И. Панаевъ, поздравляя Погодина съ этимъ избраніемъ писалъ, ему: „Очень буду радъ, если первый изъ Петербургскихъ знакомыхъ вашихъ поздравляю васъ съ званіемъ члена Россійской Академіи, по праву вамъ принадлежащимъ. Дополняю къ сему, что сдѣланное о васъ г. Президентомъ предложеніе, было единодушно одобрено и всѣ крайне удивились, когда на лѣвой сторонѣ оказался гдѣ-то заблудшій черный шаръ: такъ и положили, что онъ попалъ туда ошибкою, выскользнувъ изъ какой-нибудь дрожащей отъ старости руки" [550]). На это избраніе Погодина, Шафарикъ возлагалъ большія упованія. „Меня очень радуетъ", писалъ онъ ему, „что вы теперь членъ Академіи. Ваше участіе въ ней будетъ имѣть хорошее вліяніе и придастъ можетъ быть лучшій духъ" [551]). На вызовъ же Погодина быть посредникомъ между Академіею и Славянами, секретарь Россійской Академіи Д. И. Языковъ писалъ ему: „Почтеннѣйшимъ письмомъ ко мнѣ вы предлагаете быть посредникомъ въ сношеніяхъ Россійской Академіи со многими Словенскими учеными. Академія поручила мнѣ увѣдомить васъ, что она предложеніе ваше, во всемъ пространствѣ онаго, принимаетъ съ благодарностью и будетъ ожидать отъ васъ дальнѣйшихъ по сему предмету

отношеній, и въ особенности по составленію г. Вигилевичемъ Словаря Руссо-Галицейскаго" [552]).

Между тѣмъ, прикащикъ вдовы Венедиктовой, имѣвшій книжную лавку въ Вѣнѣ, Вячеславъ Дундеръ, въ 1834 году, объявилъ, что во всѣхъ Европейскихъ книжныхъ лавкахъ принимается подписка на слѣдующее сочиненіе, коего изданіе долженствовало начаться съ 1835 года: *Полная и всеобщая Словенская Библіографія, содержащая въ себѣ описаніе всѣхъ Славянскихъ книгъ съ 1475 до конца 1834 года, изданныхъ въ Богеміи, Моравіи, Венгріи, Россіи, Сербіи, Славоніи, Далмаціи, Кроаціи, Иллиріи, Польшѣ, Силезіи и пр., и въ соприкосновенныхъ странахъ* и пр.". Несбыточное предпріятіе Дундера было одобрено Россійскою Академіею и она наградила его за то серебренною медалью [553]). Это поощреніе Россійской Академіи очень взволновало Шафарика, который также вмѣстѣ съ Ганкою награжденъ былъ ею медалью. „Непостижимо", писалъ Шафарикъ Погодину, „что дѣлаетъ Россійская Академія! Хоть бы она не давала себя на посмѣяніе всего свѣта. Напишите объ этомъ Президенту и Секретарю. Неужели она не въ состояніи имѣть въ Вѣнѣ хорошаго корреспондента, который бы въ подобныхъ случаяхъ могъ дать хорошій совѣтъ. Ни одно Европейское учрежденіе не ставитъ себя въ подобное невыгодное положеніе! Это стыдъ и срамъ для всѣхъ насъ Словянъ! Знаете ли вы, что подобныя вещи здѣсь публикуются!" Въ другомъ своемъ письмѣ Шафарикъ, выражая свою благодарность за честь, оказанную ему Россійскою Академіею пожалованіемъ ему медали, писалъ Погодину: „Прошу васъ, смотрите на мои прежнія обвиненія, не какъ на жалобу, а какъ на выраженіе глубокой скорби, которую я не могъ сдержать при видѣ какъ Россійская Академія щедро раздаетъ награды недостойнымъ... Я желалъ бы, чтобы наша Академія, подобно другимъ Европейскимъ учрежденіямъ, стояла на подобающей ей высотѣ. Это единственное въ цѣлой Европѣ учрежденіе

для Русскаго и Словенскаго языка и Литературы, и мы взираемъ на нее, какъ правовѣрные магометане на свою Мекку" [554]).

LXVII.

Путешествіе, совершенное Погодинымъ въ 1835 году, ввело его въ прямыя сношенія какъ съ Славянскими, такъ и Европейскими учеными. Изъ Львова ему писали о возникавшей тамъ Словесности Малороссійской, о древнихъ письменахъ въ Карпатскихъ горахъ. Шафарикъ присылаетъ ему изъ Праги программу своего сочиненія о *Славянскихъ Древностяхъ*. Рафнъ изъ Копенгагена увѣдомляетъ его, что Общество Сѣверныхъ Антикваріевъ рѣшилось приложить Русскій переводъ къ своимъ *Antiquitates Rossicae*. Профессоръ Штраль изъ Бонна писалъ ему, что онъ приступаетъ къ изданію Несторовой Лѣтописи на Нѣмецкомъ языкѣ и вопреки нашимъ скептикамъ думаетъ, что „знатоку Исторіи, и въ особенности сѣверной, извѣстны заслуги, оказанныя сей послѣдней монахомъ Кіевскаго монастыря Несторомъ, писавшимъ Русскую Лѣтопись въ началѣ XII столѣтія. Она", продолжаетъ Штраль, „раскрываетъ передъ историкомъ новый міръ на Сѣверѣ, ибо въ ней упоминаются и описываются народы и страны, о которыхъ не можно получить свѣдѣній изъ другихъ источниковъ" [555]). Но ближе всѣхъ сошелся Погодинъ съ Шафарикомъ, съ этимъ „необыкновеннымъ писателемъ", въ которомъ, пишетъ Погодинъ: „не знаешь кому удивляться болѣе, человѣку, гражданину или ученому, съ его любовію къ Русской Исторіи и Литературѣ, съ безкорыстною преданностію къ наукѣ".

Въ это время Шафарикъ приготовлялъ къ печати свой колоссальный трудъ о Словенскихъ Древностяхъ и очень нуждался въ помощи и книжной и денежной. Погодинъ дѣлаетъ воззваніе къ Русскимъ ученымъ, въ которомъ убѣждаетъ ихъ „подѣлиться своими избытками съ знаменитымъ собратомъ, содѣйствовать его ученымъ трудамъ, столько важнымъ и для Русской Литературы" [556]). Шафарикъ уже писалъ Погодину:

„Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ обѣщанной книжной помощи. Теперь отъ васъ и отъ вашихъ Московскихъ пріятелей будетъ зависѣть, въ какомъ видѣ появится въ свѣтъ мое сочиненіе.. Вы знакомы со всѣми комбинаціями моей мозаической работы. Изъ тысячи различныхъ источниковъ черпаю я матерьялъ, пищу и свѣтъ. Часто одно случайное слово для насъ въ высшей степени важно. Вы, напримѣръ, не можете себѣ представить, какъ важны для нашихъ Древностей — слова: *велетъ*, *волотъ* (gigas), дѣй (victor) etc." [557]).

Между тѣмъ Погодинъ энергично хлопоталъ о сборѣ въ пользу Шафарика. „Мнѣ очень жаль", писалъ Жуковскій Погодину, „что отвѣтъ мой на ваше почтенное письмо долженъ не соотвѣтствовать вашему желанію. Я не могу ничего собрать между моими знакомыми для Шафарика и Вука Стефановича. Тѣ изъ нихъ, кои богаты, не дадутъ ничего, ибо не вѣдаютъ, что такое Шафарикъ и Вукъ Стефановичъ; бѣдные же, хотя и вѣдаютъ, да съ нихъ взять нечего. Я же отъ себя также не могу сдѣлать ничего, потому что не имѣю никакихъ теперь для этого средствъ. Сожалѣю, но дѣлать нечего. Новое изданіе моихъ сочиненій еще не вышло: коль скоро получу свои экземпляры, то доставлю вамъ экземпляръ для вашей Славянской библіотеки. Пяти дать не могу, ибо слишкомъ мало я для себя выговорилъ". Чрезъ Загоскина Погодинъ знакомится съ генералъ-адъютантомъ Сергѣемъ Павловичемъ Шиповымъ и пріобрѣтаетъ въ немъ человѣка сочувствующаго Словянамъ. „Генералъ-адъютантъ Шиповъ", писалъ ему Загоскинъ, „исполненный ума, здраваго смысла и просвѣщенной любви къ нашей матушки Святой Руси, желаетъ весьма съ вами познакомиться. Онъ сбирается въ Богемію и имѣетъ весьма о многомъ поговорить съ вами. Онъ проситъ васъ сдѣлать ему честь пріѣхать сегодня къ нему со мною. Право жалѣть не будете, что съ нимъ познакомитесь" [558]). Воспользовавшись этимъ знакомствомъ Погодинъ просилъ Шипова за Шафарика [559]). Краевскій, получивъ отъ Погодина порученіе производить денежные сборы, писалъ ему: „Охотно

примемся собирать здѣсь деньги въ пользу Шафарика. Скажите хорошенько, толковѣе, яснѣе нашимъ боярамъ, кто сіи Шафарикъ и Вукъ, чѣмъ они занимаются, что сдѣлали, въ чемъ нуждаются. Пришлите все это ко мнѣ; а я черезъ Одоевскаго, Пушкина, Віельгорскаго пущу въ ходъ по разнымъ угламъ. Авось, Богъ поможетъ тронуть глыбы ледяныя" [560]).

Собравъ такимъ образомъ пятьсотъ рублей, Погодинъ отправилъ ихъ къ Шафарику, который писалъ ему: „Сердечно благодарю васъ и неизвѣстныхъ моихъ доброжелателей и друзей. Половину доставленной мнѣ суммы употреблю я на ускореніе печатанія моего сочиненія, которое начнется на слѣдующей недѣли. Безъ этой поддержки для меня было бы трудно начать печатаніе, потому что подписка идетъ плохо" [561]).

Почтенный академикъ Кругъ узнавъ, что Шафарикъ желаетъ имѣть экземпляръ *Исторіи Государства Россійскаго*, просилъ Кеппена купить на его счетъ экземпляръ Слепинскаго изданія и отправить Шафарику въ даръ [562]). Самъ Погодинъ, получивъ отъ Д. П. Ознобишина собраніе Мазовскихъ словъ изъ-подъ Торопца, отправилъ ихъ къ Шафарику, который этой присылкѣ чрезвычайно обрадовался и писалъ Погодину: „Я нашелъ здѣсь нѣсколько примѣчательныхъ древнихъ словъ. Не все то испорчено или выдумано, что съ перваго взгляда кажется такимъ".

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Погодину, Шафарикъ изъявляетъ сожалѣніе, что не имѣетъ Румянцевскаго *Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ*, изъ котораго онъ могъ бы „набрать золотыхъ зеренъ" для 2-й части его Древностей. „Но это Собраніе", писалъ онъ, „такъ дорого, что я не могу его купить теперь, или просить о немъ моихъ друзей и доброжелателей въ Россіи" [563]). Это желаніе Шафарика было исполнено и Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ князя М. А. Оболенскаго: „А. Ѳ. Малиновскій, по поводу просьбы вашей, посылалъ къ Ширяеву одинъ экземпляръ *Государственныхъ Грамотъ* для доставленія Шафарику; Ши-

ряевъ отозвался, что онъ никогда и не слыхивалъ про Шафарика и пересылать къ нему книгъ не можетъ“ [564]).

Между тѣмъ получивъ книги, Шафарикъ писалъ Погодину: „Книги, кои вы мнѣ прислали, занимаютъ меня день и ночь... Особенно важны для меня Лѣтописи, Достопамятности, Древняя Идрографія, Грамоты, Сборникъ Муханова и пр. и пр. Древнѣйшіе источники и документы! Какія сокровища, какіе рудники для изслѣдователей и знатоковъ... Сборникъ Муханова мнѣ равно важенъ и для языка и для Исторіи. Только помощію сихъ молодыхъ, но подлинныхъ источниковъ, можно понимать основательно сказанія нашихъ древнѣйшихъ Греческихъ и Латинскихъ лѣтописателей о Славянахъ: для ихъ выраженій должно отыскивать соотвѣтствующія Славянскія, чтобы попасть на истинное и вѣрное. Такихъ сокровищъ для нашихъ Древностей, какими обладаютъ Русскіе, не имѣетъ весь остальной Словянскій міръ. Мы имѣемъ тамъ и сямъ вялые листочки, а у васъ цѣлые вѣковые лѣса; мы имѣемъ нѣсколько золотыхъ крупинокъ, разсыпанныхъ въ грязи, а вы величественныя Уральскія массы. Правда, что ваши археологи, Сенковскій, Каченовскій, Муравьевъ *) и пр. думаютъ совсѣмъ иначе, и благо имъ будетъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Шафарикъ дѣлаетъ слѣдующее общее замѣчаніе о трудахъ Русскихъ ученыхъ: „Во всѣхъ новѣйшихъ Русскихъ сочиненіяхъ, даже и въ лучшихъ, видны печальныя слѣдствія закоснѣлой односторонности, предубѣжденности въ отношеніи къ Славянству. Такъ отмщаетъ за себя недостатокъ любви къ своему собственному роду“; а обращаясь къ самому Погодину, Шафарикъ умоляетъ его: „Оставьте наконецъ пожалуйте въ покоѣ *божественныхъ* Варяговъ, и позаботьтесь немножечко поболѣе о дикихъ, варварскихъ Словянахъ“ [565]).

Изъ своей братіи Славянскихъ ученыхъ и литераторовъ Шафарикъ особенно любилъ и уважалъ Челяковскаго, о которомъ онъ писалъ Погодину: „Челяковскій занятъ теперь составленіемъ Этимологическаго Богемскаго Словаря, который

*) Николай Назаровичъ.

составитъ шестой томъ Юнгманова Словаря и будетъ какъ бы его дополненіе и окончаніе. Дѣло его приняло лучшій оборотъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ вѣроятно займетъ Богемскую каѳедру въ здѣшнемъ университетѣ. Онъ имѣлъ неосторожность, въ одну изъ своихъ несчастныхъ минутъ, прибавить, по поводу одного сообщенія *Варшавской Рѣчи*, свое замѣчаніе въ высшей степени обидное для Русскаго Царскаго Величества. Говорятъ, что его врагъ и конкурентъ на каѳедру, сдѣлалъ на него доносъ въ Русское посольство въ Вѣнѣ, почему и послѣдовало приказаніе отъ нашего Правительства закрыть его редакцію. Теперь же все успокоилось и обо всемъ забыли" [566]). Дѣло въ томъ, что Челяковскій, бывъ адъюнктомъ Чешскаго языка въ Пражскомъ Университетѣ, завѣдывалъ изданіемъ *Пражскихъ Вѣдомостей*. Въ 1830—31 году, во время Польскаго возстанія, его мнѣнія измѣнились и онъ сталъ сочувствовать Полякамъ. Такіе взгляды выразилъ онъ и въ своей газетѣ. Вмѣшательство Русскаго посольства въ Вѣнѣ было причиной, что Челяковскій потерялъ и профессуру и редакторство [567]). Узнавъ объ этомъ, Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 28 февраля 1836 года, записалъ слѣдующее: „А Челяковскаго запретили газету по просьбѣ Татищева. За любовь его къ Россіи. Больно". Слѣдовательно Погодинъ получилъ невѣрныя свѣдѣнія. Не за любовь къ Россіи, Австрійское Правительство запретило Челяковскому издавать газету, а за „въ высшей степени обидное его замѣчаніе", какъ свидѣтельствуетъ Шафарикъ, „для Русскаго Царскаго Величества".

Къ Ганкѣ Шафарикъ относился иронически. „Г. Ганка", писалъ онъ Погодину, „выпросилъ себѣ брильянтовый перстень отъ Его Величества Царя Русскаго, чрезъ посредство посланника Татищева, по жалобѣ котораго Челяковскій лишился мѣста профессора и редактора". Въ другомъ своемъ письмѣ Шафарикъ писалъ: „Не ждите отъ Ганки научныхъ корреспонденцій и сообщеній. Онъ занятъ многими дѣлами и дѣлишками. Воображаю, что будетъ, когда ему пришлютъ золотую медаль (отъ Россійской Академіи). Онъ еще ничего

объ этомъ не знаетъ. Я же не хотѣлъ ему говорить, боясь, чтобы отъ радости съ нимъ не сдѣлался ударъ. Причиной же этого и свидѣтелемъ я не желаю быть".

По поводу намѣренія Погодина заняться разборомъ старыхъ надписей, Шафарикъ ему писалъ: „Если вы хотите заняться старыми надписями и писать о нихъ, то прошу васъ быть очень осторожнымъ. Мнѣ было бы очень пріятно, еслибы вы могли получить отъ Кухарскаго рисунокъ видѣнныхъ имъ руновъ и сообщить мнѣ. Я не могу надѣяться получить отъ него самаго. Онъ мнѣ еще никогда ничего не одолжалъ, тогда какъ мнѣ случалось быть ему полезнымъ. Онъ лѣнивый медвѣдь, или нѣтъ, онъ скорѣе похожъ на собаку, которая лежитъ на сѣнѣ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ. Къ несчастію подобная лѣнь есть отличительная черта Славянъ; а мы нуждаемся въ дѣятеляхъ, чтобы поставить нашу литературу на достойную степень" [568]).

Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1836 г. было напечатано слѣдующее извѣстіе: „Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, пребывающихъ во Франціи, т.-е. А. И. Тургеневъ, увѣдомляетъ своихъ корреспондентовъ, что въ Реймсѣ найдено въ промежуткахъ строкъ одной церковной рукописи доселѣ неизвѣстное свѣдѣніе объ Аннѣ Ярославнѣ, супругѣ Генриха I. Оно очень важно по древности своей, и его не было въ книжкѣ изданной княземъ Лобановымъ въ Парижѣ объ этой Государынѣ. Сверхъ того, онъ же досталъ снимокъ съ первой страницы древняго Славянскаго Евангелія, писаннаго на пергаментѣ двумя азбуками: Кирилловскою и Глаголитскою. Надъ симъ Евангеліемъ присягали въ Реймсѣ Французскіе короли во время коронованія своего, думая, что оно древнее Греческое. Петръ Великій въ проѣздъ свой черезъ Реймсъ, осматривая соборныя рѣдкости, призналъ его Славянскимъ. Добровскій и другіе считали эту рукопись затерянною. Часть ея, писанная глаголитскими буквами, есть продолженіе Кирилловской и кажется новѣе, хотя обѣ онѣ въ одномъ переплетѣ, съ котораго, во время революціи, со-

драны драгоцѣнные камни, золото и серебро" [569]). Заинтересовавшись этимъ сообщеніемъ, Шафарикъ писалъ Погодину: „Интересуютъ меня дальнѣйшія сообщенія о *Реймскомъ Евангеліи*; здѣсь говорили, что Кеппенъ писалъ объ этомъ Вѣнскому Мефистофелю (Копитару), но тотъ вѣроятно будетъ держать сообщеніе въ тайнѣ и извлекать всевозможныя сплетни; но я не завидую ему въ этой способности". По поводу сочиненія Копитара *Glagolita Clozianus*, Шафарикъ писалъ Погодину: „Г. Востоковъ можетъ основательнѣе и лучше меня разобрать сочиненіе Копитара. Я съ этимъ произведеніемъ совсѣмъ незнакомъ. Софизмами своими онъ меня напрасно старается привлечь на свою сторону. Пока я понимаю, что значитъ Исторія и имѣю здравый смыслъ, до тѣхъ поръ я не соглашусь съ нимъ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ я добивался правды, а не тщеславнаго шарлатанства".

Получая и книжную и денежную помощь изъ Россіи, Шафарикъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ и пособій ученыхъ. Такъ, онъ просилъ Погодина сдѣлать: „тончайшее изслѣдованіе объ опредѣленіи и классификаціи Русскихъ нарѣчій и изготовить этнографическую карту Европейской Россіи преимущественно въ отношеніи къ Славянскимъ племенамъ". Но Погодинъ сознавался, что онъ не могъ исполнить этого желанія Шафарика, не имѣя нужныхъ на то познаній, ни средствъ, ни времени. „Я", писалъ онъ, „послалъ ему только краткое извѣстіе о разселеніи Литовскаго племени изъ письма Ходаковскаго, и Малороссійскаго — въ письмахъ Бодянскаго". Въ томъ же письмѣ Шафарикъ спрашиваетъ: „Что дѣлаетъ П. В. Кирѣевскій съ своимъ собраніемъ Русскихъ пѣсенъ? Ради Бога, не долженъ онъ долѣе откладывать. Время летитъ. Мы желаемъ воспользоваться этими сокровищами, пока живы. Еслибы теперь, при сочиненіи моихъ *Древностей*, были у меня эти пѣсни, въ какомъ иномъ видѣ появились бы нѣкоторыя части ихъ!" Вообще Шафарикъ живо интересовался всѣмъ, происходящимъ въ области нашихъ Древностей. „Что Псковская, Волынская, Кіевская Лѣтописи?" спрашивалъ онъ Погодина, „что дѣлаетъ

Кирѣевскій съ своими *Пѣснями?* Арцыбашевъ со *Сводомъ?*". Весьма естественно, что Шафарикъ не могъ не обратить вниманія и на труды Венелина и не пользоваться его сообщеніями. „Я очень благодаренъ Венелину", писалъ онъ Погодину, „за его сообщенія и копіи, но онъ бы сдѣлалъ мнѣ гораздо болѣе удовольствія, и очень одолжилъ бы меня, еслибы переписалъ цѣликомъ хотя одинъ дипломъ, вмѣсто присланныхъ мнѣ предисловій. Введеніе обыкновенно пишется правильнымъ Церковно-Славянскимъ языкомъ, я же ищу преимущественно lingua corrupta barbara, который встрѣчается посреди дипломовъ" [570]). Венелинъ же, замѣтимъ здѣсь кстати, не особенно уважалъ труды Шафарика, что явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ его Погодину: „Здоровъ ли ты Михаилъ Петровичъ? Что грудь твоя? Я рѣшительно не ожидалъ, что Шафарикъ такъ слабъ головою" [571]). По поводу этого отзыва, Погодинъ въ *Дневникѣ* своемъ замѣтилъ: „И Шафарика Венелинъ ругаетъ, а патріотъ и славянофилъ" [572]).

Погодинъ, желая доставить своимъ соотечественникамъ легчайшій способъ изученія Славянскихъ нарѣчій, просилъ Шафарика наставленія въ этомъ предметѣ. Шафарикъ отвѣчалъ ему, что этимъ предметомъ всего бы лучше могъ заняться Челяковскій, „но", прибавляетъ Шафарикъ, „съ нимъ теперь ничего не подѣлаешь. Онъ все еще не имѣетъ опредѣленнаго занятія, относится очень неувѣренно ко всѣмъ серьезнымъ большимъ трудамъ и вообще онъ любитъ больше разсуждать, чѣмъ дѣйствовать". Съ своей стороны Погодинъ не терялъ надежды представить сцену Григорія и Пимина, изъ Пушкинскаго *Бориса Годунова*, переведенную на всѣ Славянскія нарѣчія. „Такимъ образомъ", пишетъ онъ, „всего яснѣе наша публика увидитъ близость самыхъ отдаленныхъ нарѣчій и удобность имъ выучиться въ самое короткое время. Я увѣренъ, что въ полгода всякій грамотный русскій человѣкъ успѣетъ въ этомъ".

LXVIII.

Наконецъ давно ожидаемыя *Славянскія Древности* Шафарика начали появляться въ печати. „Самая важнѣйшая", заявляетъ Погодинъ, „для всего Славянскаго міра новость есть выходъ въ свѣтъ *Славянскихъ Древностей* Шафарика. Первая тетрадь вышла въ Прагѣ 1 августа 1836 года. Я получилъ ее въ Москвѣ 5 сентября". Еще до выхода въ свѣтъ этого сочиненія, Шафарикъ писалъ Погодину: „я считаю необходимымъ, чтобы мое произведеніе было переведено на Русскій языкъ хорошо, правильно и точно". Получивъ первую тетрадь *Древностей*, Погодинъ заявилъ, что „18 сентября (1836 г.) надѣюсь послать къ Шафарику первый корректурный листъ Русскаго перевода, который приготовляется Бодянскимъ, молодымъ любителемъ Славянской Филологіи" [573]).

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій родился въ мѣстечкѣ Варвѣ, Лохвицкаго уѣзда Полтавской губерніи. О первоначальномъ образованіи его въ Переяславской Семинаріи онъ самъ говоритъ слѣдующее въ своей рѣчи, произнесенной въ сентябрѣ 1876 года на юбилеѣ сердечно уважаемаго въ Москвѣ и Петербургѣ Московскаго протоіерея Іоанна Николаевича Рождественскаго: „Безцѣнный наставникъ мой, Иванъ Николаевичъ, безъ сомнѣнія, названіе, сейчасъ обращенное мною къ вамъ, не совсѣмъ вполнѣ понятно собравшимся здѣсь: оба мы уже старцы, и старцы убѣленные, вы—вполнѣ, я—отчасти. Сегодня исполнилось ровно полстолѣтія со времени назначенія васъ профессоромъ того памятнаго града Руси, который упоминается уже въ числѣ тѣхъ, *на ны же* вѣщій нашъ князь бралъ съ Грековъ *уклады*—я разумѣю Переяславль Русскій. Въ Переяславской семинаріи выпало вамъ на долю начать свое служеніе въ 1826 году, а со слѣдующаго я ужъ былъ слушателемъ вашимъ въ продолженіе цѣлаго двухлѣтняго курса (1827—1829). Вами открылась для сей семинаріи новая эра ученой дѣятельности. Я слушалъ васъ какъ профессора Философіи. Записки ваши берегу, какъ дорогой па-

мятникъ дорогаго наставника. Благодаря вамъ, я сталъ давать отчетъ въ своемъ мышленіи, вникать въ мышленное, успоряжать и освѣщать его. Вы съ отеческимъ вниманіемъ слѣдили за мной и въ дальнѣйшемъ ученіи моемъ и когда, по заключеніи его, пришлось бросить мнѣ жребій между академіей и университетомъ, вы благородно поддержали мое намѣреніе отправиться въ послѣдній. И случилось такъ, что, прибывъ въ Бѣлокаменную, осенью 1831 года, я увидѣлъ вскорѣ и васъ въ ней на пути въ Виѳанію. Въ Москвѣ облеклись вы въ санъ служителя алтаря Божія... И такъ, я изо всѣхъ собравшихся здѣсь, чуть ли не единственный, кому, Богу изволившу, суждено было присутствовать при вступленіи вашемъ на служеніе, видѣть все теченіе и даже приносить вмѣстѣ съ другими поздравленіе и въ заключеніе пожелать вамъ отъ всей души, преисполненной къ вамъ безконечною благодарностью, долгихъ и долгихъ дней и благопоспѣшенія во всемъ, за все то доброе, что вы сдѣлали для меня въ моей первоначальной жизни, въ направленіи ея на *пути правы, пути живота*“ [574]).

30 іюня 1834 года Бодянскій окончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, по факультету Словесныхъ наукъ со степенью кандидата [575]). Еще будучи студентомъ, Бодянскій обратилъ на себя благосклонное вниманіе Погодина, не смотря на то, что Бодянскій въ Университетѣ встрѣтилъ поддержку и сочувствіе въ М. Т. Каченовскомъ и кандидатская диссертація его, *О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси*, написана подъ вліяніемъ главы скептиковъ. „Съ самыхъ первыхъ дней студенчества моего“, пишетъ Бодянскій, обращаясь къ Погодину, „онъ уже полюбилъ меня, и съ той поры никогда не выпускалъ изъ виду. Подмѣтивъ во мнѣ стремленіе не къ одной лишь Русской старинѣ, но и къ Словянской вообще, чего ни дѣлалъ онъ, чтобъ поддержать это стремленіе! При тогдашней скудости въ средствахъ углубленія въ нее, съ какою теплою готовностью отдалъ онъ мнѣ всѣ книги на разныхъ Словянскихъ нарѣчіяхъ!.. Скажу отъ чистаго сердца: не сдѣлай онъ того, долго бы пришлось

мнѣ бороться съ этой скудостью, можетъ быть, и не одолѣть, какъ то часто случается съ другими въ подобномъ случаѣ. А рука помогающая во время тоже спасительное судно, отъ видимой, неминучей гибели возводящее къ новой жизни, къ новому пришествію въ міръ. Затѣмъ, съ какимъ участіемъ слѣдилъ онъ за дальнѣйшими моими шагами,.. всѣми мѣрами облегчая, ободряя, знакомя съ могущими уладить путь-дорогу".

Товарищами Бодянскаго въ Университетѣ были К. С. Аксаковъ, Н. В. Станкевичъ, С. М. Строевъ, И. А. Гончаровъ, Красовъ, Ефремовъ, Толмачевъ, и пр. К. С. Аксаковъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ* передаетъ слѣдующій случай, очень характеризующій Бодянскаго, „Надеждинъ", пишетъ Аксаковъ, „какъ-то вздумалъ сдѣлать репетицію и сталъ насъ спрашивать, спросилъ и Бодянскаго, сидѣвшаго на задней лавкѣ. Бодянскій поднялся и сталъ отвѣчать, какъ по книгѣ, и при этомъ безпрестанно опускалъ глаза на столъ. Студенты засмѣялись. „Онъ по книгѣ читаетъ", замѣтили они другъ другу. Надеждинъ вѣроятно услыхалъ это, и самъ замѣтя книжный слогъ отвѣта, сказалъ, не смотря на свою деликатность: извините г. Бодянскій, мнѣ кажется, что вы по книгѣ читаете. Нѣтъ, отвѣчалъ Бодянскій и спокойно продолжалъ свой отвѣтъ. Надеждинъ, смотря на его опускающіеся глаза и слыша постоянно ровный книжный языкъ, сказалъ: извините меня, г. Бодянскій, пожалуйте къ каѳедрѣ. Бодянскій замолчалъ, послышался стукъ и топотъ: это Бодянскій приближался къ каѳедрѣ, сталъ передъ нею и съ невозмутимымъ спокойствіемъ продолжалъ свой отвѣтъ... Сдѣлайте милость, извините меня, сказалъ Надеждинъ, прекрасно, прекрасно". По свидѣтельству К. С. Аксакова, „Бодянскій былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ студентовъ, серьезно занимался Исторіей" [576]).

Въ Университетѣ Бодянскій пользовался покровительствомъ своего земляка М. А. Максимовича и во время своего студенчества даже жилъ подъ его кровлей. Черезъ него онъ сблизился съ Гоголемъ, который (12 декабря 1832 г.) писалъ Максимовичу: „Посылаю поклонъ землячку Бодянскому, жи-

вущему съ вами, и желаю ему успѣховъ въ трудахъ, такъ интересныхъ для васъ" [577]). По окончаніи курса въ Университетѣ, Бодянскій предался изученію Словянской Исторіи.

Любовь къ Словянству и дружескія отношенія Бодянскаго къ Максимовичу и Гоголю сблизили его съ Погодинымъ, который любилъ бесѣдовать съ нимъ „о Словянской литературѣ" [578]). На Бодянскаго Погодинъ возлагалъ самыя пріятныя надежды для Славянской Филологіи въ Россіи, Филологіи, которая, по мнѣнію Погодина, по своей пользѣ для Русскаго языка должна бы быть гораздо извѣстнѣе всѣхъ другихъ, древнихъ и новыхъ, и Латинской, и Французской, и которая однакожъ, къ стыду нашему, неизвѣстнѣе самой Восточной".

Имя Бодянскаго уже было извѣстно и Шафарику. „Систематическое", писалъ онъ Погодину, „полное обозрѣніе и характеристика діалектовъ Русскихъ есть pium desiderium, можетъ быть исполнено Бодянскимъ: его письма о Малороссійскомъ столь превосходны, что я желаю распространенія его изслѣдованія на Бѣлорусское, Новгородское" [579]). Въ другомъ письмѣ Шафарика читаемъ: „Надо, чтобы непремѣнно исполнилось благородное намѣреніе графа Строганова послать г. Бодянскаго въ Словянскія земли, чтобы образоваться и приготовиться къ Словянской каѳедрѣ. Это единственное средство, ведущее къ цѣли, и къ нему давно должны были прибѣгнуть. Можетъ быть, Москвѣ станутъ подражать и С.-Петербургъ, Кіевъ и Харьковъ".

„Тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ", пишетъ Погодинъ, „первой тетради *Словянскихъ Древностей* Шафарика, сочиненія классическаго во многихъ отношеніяхъ для всей Европы, не только для насъ, главнѣйшаго Славянскаго племени, я убѣдилъ г. Бодянскаго, одного, или лучше сказать единственнаго знатока Словянскихъ нарѣчій въ Москвѣ, принять на себя переводъ этой важной книги, а самъ принималъ на себя издержки изданія. Шафарикъ благословилъ наше предпріятіе и принялъ въ немъ участіе, вызвался пересматривать и подавать совѣты". Шафарикъ же, желая видѣть Рус-

скій переводъ своихъ *Древностей* въ возможно совершенномъ видѣ, писалъ Погодину: „Мнѣ будетъ очень пріятно, если не будете спѣшить съ Русскимъ переводомъ, потому что все сдѣланное на скорую руку не бываетъ хорошо, а я желалъ бы, чтобы переводъ былъ вѣренъ съ подлиннымъ". А между тѣмъ Погодинъ по обычаю торопился и это возбуждало опасеніе Шафарика. „Я желаю", писалъ онъ, „вамъ успѣха въ этомъ дѣлѣ, но боюсь, что вы поторопились. Лучше было бы объявить теперь о переводѣ, а печатать его послѣ Пасхи 1837 года. Переводъ, сдѣланный съ такою поспѣшностью, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть удачнымъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Шафарикъ просилъ Погодина и о слѣдующемъ: „Въ своихъ *Древностяхъ* я отзываюсь не совсѣмъ хорошо о нѣкоторыхъ Русскихъ писателяхъ, прошу васъ обратить на эти мѣста особенное вниманіе, и смягчить въ переводѣ то, что сказано слишкомъ рѣзко... Я долженъ стараться, чтобы наши сѣверные братья, которые называютъ нашу страсть къ Древностямъ варварскою и дикою, не испортили начатое дѣло. Народъ, предающій свою Исторію насмѣшкамъ и позору, народъ пропащій. Мною руководятъ разныя предположенія, о которыхъ наши сѣверные братья не имѣютъ понятія; вы же должны говорить въ Москвѣ только то, что тамъ можно и должно говорить, не навлекая на мою голову цѣлый полкъ казаковъ".

Въ порывѣ горькаго разочарованія, Шафарикъ писалъ Погодину: „Только что полученная мною золотая медаль изъ Россійской Академіи должна меня немного выручить. Отброшу въ сторону всякій стыдъ и срамъ и на этихъ дняхъ продамъ ее какимъ-нибудь жидамъ. Вотъ что стоятъ мнѣ *Славянскія Древности*! Имѣетъ ли успѣхъ ваше предпріятіе перевести ихъ на Русскій языкъ? Да поможетъ въ этомъ Господь! Но я думаю, что вы будете раскаиваться въ своемъ предпріятіи. Дѣйствительно, при составѣ нашей публики, можно-ли надѣяться, что найдется хоть десять читателей этой книги.

Сенковскій съ товарищами, вотъ любимцы нашей публики! Мы же пророки въ пустынѣ“ [580])!

LXIX.

Изъ міра Славянства перенесемся къ частной жизни неутомимаго поборника Словянства. Въ день пятидесятилѣтія гражданской и ученой службы М. П. Погодина, Московскій городской голова И. А. Ляминъ, привѣтствуя юбиляра, между прочимъ, сказалъ: „Не опредѣлю навѣрное, когда засѣли вы на вашемъ Дѣвичьемъ полѣ; но вѣрно то, что нѣтъ въ Москвѣ ни единаго изъ старыхъ, ни изъ молодшихъ коренныхъ обывателей, кто бы не зналъ на Дѣвичьемъ полѣ длиннаго тѣнистаго сада, Русской избы и дома подъ зеленой крышей; кто бы не сказалъ, что это *осѣдлость М. П. Погодина*“.

Теперь мы можемъ сказать опредѣлительно, что знаменитый домъ этотъ пріобрѣтенъ Погодинымъ у князя Дмитрія Михайловича Щербатова въ началѣ 1836 года, ибо подъ 16 марта этого года въ *Дневникѣ* Погодина мы читаемъ: „осматривалъ свой домъ и садъ“.

Въ этомъ домѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, Погодинъ прожилъ до конца своей жизни. „Не многимъ удавалось какъ ему“, писалъ И. С. Аксаковъ, „прожить и пережить лѣтъ сорокъ дѣятельной работы въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ, за однимъ и тѣмъ же столомъ, въ томъ же сообществѣ любимыхъ книгъ на полкахъ, старинныхъ бумагъ въ витринахъ, завѣтныхъ портретовъ и бюстовъ по стѣнамъ. Засѣвъ съ конца тридцатыхъ годовъ на Дѣвичьемъ полѣ, онъ самъ сталъ какъ бы принадлежностью и достопримѣчательностью Москвы. Долго въ памяти живущихъ останется Дѣвичье поле въ неразрывной и любезной связи съ именемъ Погодина. Въ его домѣ, въ извѣстные дни, сбирались всѣ находившіеся на-лицо въ Москвѣ представители Русской науки и литературы въ теченіе многихъ послѣдовательныхъ періодовъ ихъ развитія, отъ Карамзинскаго, до Пушкинскаго и Гоголевскаго включительно, и до

позднѣйшихъ временъ. Смѣнялись поколѣнія и направленія: онъ одинъ не мѣнялся, и былъ въ постоянномъ дружескомъ общеніи съ людьми всѣхъ возрастовъ и классовъ" [581]).

Этотъ домъ съ „тѣнистымъ садомъ" для насъ дорогъ и тѣмъ, что въ немъ помѣщалось знаменитое Погодинское Древлехранилище. „Чтобы переселиться въ родную старину", пишетъ Буслаевъ, „чтобы всецѣло окружить себя любезнымъ сердцу прошедшимъ, Погодину надобно было обстановить себя цѣлою библіотекою старинныхъ рукописей, цѣлымъ музеемъ иконописи, оружія и другихъ вещественныхъ памятниковъ Русской Исторіи. Его кабинетъ превратился въ древлехранилище Русской старины, и онъ, окруженный рукописями и всякими древностями, неутомимо работалъ надъ этими останками и развалинами, созидая изъ нихъ стройное зданіе науки" [582]).

Расположеніе или наклонность къ собираніямъ обнаружилась въ Погодинѣ очень рано. Съ 1809 по 1814 годъ, какъ мы уже знаемъ, пристрастившись къ чтенію романовъ, собралъ онъ почти всѣ вышедшія въ продолженіе этого времени сочиненія Дюкре Дюмениля, Радклифъ, Коцебу, Шниса, Жанлисъ, и пр. Въ гимназіи Погодинъ собиралъ афишки. Потомъ перешли къ нему кусочки минераловъ, кои ученики „откалывали, отламывали и откусывали отъ казеннаго собранія въ классѣ Минералогіи". Самъ „я", свидѣтельствуетъ Погодинъ, „въ этомъ грѣхѣ не участвовалъ, а принялъ отъ товарищей, перешедшихъ въ старшій классъ". Принимался онъ также собирать и сушить растенія. Въ гимназіи послѣ романовъ, возникла охота къ историческимъ сочиненіямъ, въ родѣ *Храмъ Славы Россійскихъ Ироевъ* Львова, *Твердость духа Русскихъ* Геракова, *Славянскіе вечера* Нарѣжнаго. Трагедіи Озерова составили переходъ къ произведеніямъ изящной словесности. Онѣ были въ большой славѣ въ гимназіи, и экземпляры цѣнились очень дорого, рублей въ двадцать-пять, разумѣется, ассигнаціями. У одного ученика, Никанора Виноградова, вдругъ оказался какъ-то *Димитрій Донской*. Человѣкъ десять принялось за нимъ ухаживать, чтобъ *вымозжить у него какъ-ни-*

будь эту драгоцѣнность (техническое выраженіе). „Кажется", пишетъ Погодинъ; „онъ достался мнѣ". *Поликсену* переписалъ онъ своею рукою. *О Фингалѣ* ходила молва, что самъ Мерзляковъ нашелъ въ немъ одну ошибку „легкій шумъ шаговъ". Вмѣстѣ съ трагедіями Озерова, баллады Жуковскаго и басни Крылова укрѣпили и усилили любовь къ Словесности, которая получила обильную пищу въ *Собраніи Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій въ стихахъ и прозѣ*, съ портретами знаменитыхъ авторовъ 1816 года. Въ послѣдніе годы гимназическаго курса у Погодина взяла верхъ Русская Исторія. Занимаясь ею, онъ началъ собирать всѣ книги, къ ней относящіяся, между которыми первое мѣсто заняла *Исторія Государства Россійскаго* Карамзина и *Несторъ* Шлецера. Тогда подарилъ Погодину пріятель его отца, сенатскій секретарь Пучковъ, объявленіе *Розыскного дѣла и суда надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ*, которое онъ однакожъ подарилъ въ свою очередь книгопродавцу Ширяеву, на зубокъ въ его библіотеку. „Значитъ", замѣчаетъ Погодинъ, „тогда еще не было у меня мысли о собственномъ собраніи древностей" [583]). Но эта мысль вскорѣ явилась Погодину. 26 марта 1824 года онъ задумалъ купить у книгопродавца Пономарева старопечатный *Прологъ* и по пріобрѣтеніи этой книги онъ уже мечталъ о томъ „какъ бы продать его рублей за пятьсотъ въ Императорскую Публичную Библіотеку" [584]). Около 1825 года сынъ Шлецера подарилъ Погодину портретъ своего отца, висѣвшій въ его кабинетѣ *), и продалъ собраніе его сочиненій съ собственноручными примѣчаніями знаменитаго автора. Во время своего путешествія въ чужіе края въ 1835 году, Погодинъ пріобрѣлъ драгоцѣнную рукопись на пергаментѣ, содержащую въ себѣ Слова Ефрема Сирина, писанную на Волыни около 1280 года, и это послужило ему поводомъ къ дальнѣйшему собиранію" [585]). Въ проѣздъ черезъ Кіевъ въ томъ же 1835

*) Портретъ этотъ пріобрѣтенъ въ настоящее время у наслѣдниковъ Погодина графомъ С. Д. Шереметевымъ и пожертвованъ имъ въ Императорское Общество Любителей Древней Письменности.

году, Погодинъ „выпросилъ“ у Кіевскаго митрополита Евгенія листки *Толковаго Псалтыря;* а по смерти митрополита онъ получилъ пергаментный листокъ изъ житія св. Кодрата, которымъ чрезвычайно интересовался Шафарикъ [586]).

Въ это же время Погодинъ пріобрѣлъ бумаги Калайдовича и Ходаковскаго и получаетъ извѣстіе „о цѣломъ сундукѣ съ бумагами студента Протасова со списками *Русской Правды*“. Древлехранилище Погодина обогатилъ нѣкоторыми автографами и Д. В. Давыдовъ, который въ октябрѣ 1836 года писалъ ему: „Посылаю вамъ, любезнѣйшій Михайло Петровичъ, отысканные мною почерки Грибоѣдова и свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Раевскаго почеркъ еще не отыскалъ, но коль скоро отыщу его, то самъ лично вамъ доставлю“ [587]).

По свидѣтельству Ѳ. И. Буслова, это Древлехранилище не осталось безъ вліянія и на слушателей Погодина. „Доселѣ живо осталось въ моей памяти“, пишетъ онъ, „какъ бывало, будучи студентомъ, по праздничнымъ днямъ иду я по Дѣвичьему полю въ это Древлехранилище списывать знаменитую Евгеніевскую Псалтырь, рукопись XI вѣка, на которой я впервые познакомился съ юсами и другими премудростями древняго письма“.

Собирая въ свое Древлехранилище древнія рукописи и старопечатныя книги, Погодинъ очень интересовался подобными собраніями у другихъ владѣльцевъ. Въ это время П. М. Строевъ издалъ *Описаніе старопечатныхъ книгъ Славянскихъ, находящихся въ библіотекѣ Московскаго первой гильдіи купца И. Н. Царскаго* (М. 1836). По поводу этого изданія, Полевой въ *Библіотекѣ для Чтенія* съ ироніей писалъ: „Нельзя не дивиться, какъ иные тщательно собираютъ старыя книги, только потому, что онѣ *стары*, дорожатъ ими только потому, что онѣ напечатаны за *триста* лѣтъ. Пусть бы еще это были книги, имѣющія внутреннее достоинство: но что вамъ за драгоцѣнность какая-нибудь изорванная книжечка, которая слово въ слово сто разъ потомъ напечатана! Драгоцѣнность потому только, что она издана въ 1500

году, дурно, безобразно, не вѣрно!"... Или: „И. Н. Царскій донынѣ собираетъ букины въ Москвѣ, и успѣлъ пріобрѣсть множество безцѣнныхъ изданій, — совсѣмъ заплеснѣвшихъ, — восхитительныхъ" Бередниковъ же въ *Сѣверной Пчелѣ* отозвался объ этомъ трудѣ Строева съ величайшею похвалою и заключилъ свою рецензію такими словами: „Если Русская Исторія нуждается въ достовѣрнѣйшемъ развитіи своихъ элементовъ, не совершенно повѣренныхъ и очищенныхъ здравою критикою, то возможно-полное, ученое, изданіе въ свѣтъ матеріаловъ есть вѣрное къ тому средство и главная потребность нашего времени. Это не блестящая, но прочная историческихъ рудниковъ разработка, какую великую пользу принесетъ впослѣдствіи! Съ такой точки зрѣнія, мы всегда смотрѣли на важные труды почтеннаго П. М. Строева, и остаемся при томъ мнѣніи, что примѣрное его трудолюбіе, вѣрный взглядъ на науку и долговременная опытность, сосредоточенные на одномъ предметѣ, будутъ плодотворны для нашей Исторіи, не во гнѣвъ ученымъ, которые, *не углубляясь въ источники, повторяютъ очень многое наперекоръ истинѣ*".

Погодинъ, прочитавъ ту и другую рецензію, замѣтилъ: „Г. Бередниковъ, товарищъ г. Строева по Археографической Экспедиціи, превознесъ похвалами его книгу въ *Сѣверной Пчелѣ*. Г. Полевой, противникъ г. Строева, говоритъ объ ней въ *Библіотекѣ для Чтенія* съ такимъ презрѣніемъ, что даже ставитъ ее ниже реестра г. Ширяева, составленнаго чуть ли не имъ же. Вотъ каковы рецензенты *Сѣверной Пчелы* и *Библіотеки для Чтенія!* Описать книги, собранныя въ библіотекѣ, перечесть страницы и выписать предисловія и послѣсловія, — разумѣется, трудъ маловажный и простой, не идущій въ сравненіе съ трудами Сопикова и Кеппена, которые должны были собирать свои извѣстія отовсюду, но тѣмъ больше чести г. Строеву, что онъ, жертвуя своимъ самолюбіемъ, принялся за эту механическую, безславную работу; а наши филологи, благодаря ему, могутъ теперь спокойно употреблять въ дѣло его выписки, увѣренные, что онѣ сдѣланы и напечатаны вѣрно.

Касательно рѣдкости и неизвѣстности, приписываемой г. Строевымъ многимъ книгамъ г. Царскаго, обвиненія г. Полевого важны, *если справедливы*, но развѣ нельзя было сдѣлать ихъ безъ ожесточенія, не оскорбляя.

Замѣчательно, какъ въ этой рецензіи г. Полевой поддѣлывается подъ тонъ г. Сенковскаго... Нѣтъ, г. Полевой! Напрасно вы трудитесь. Г. Сенковскій гораздо васъ острѣе....“ [588]).

... Такъ завершился 1836 годъ, а начало новаго 1837 лѣта въ Русской Литературѣ ознаменовалось роковымъ событіемъ.

29 января, въ 2 часа 45 минутъ пополудни скончался Пушкинъ! *Разумѣйте, яко зайде солнце земли Русской!* [589]).

1 февраля, въ Москвѣ разнесся только слухъ объ этомъ. *Не вѣрится*. Но на другой день этотъ слухъ подтвердился. Погодинъ былъ пораженъ какъ громомъ. „Читалъ я письмо“, пишетъ онъ, „и плакалъ. Какое несчастіе! Какая потеря! А какъ хорошъ нашъ Царь! Плакалъ и плакалъ и думалъ о Пушкинѣ. Вспоминалъ предсказанія ему. Написалъ нѣсколько строкъ о Пушкинѣ, для прочтенія студентамъ. Плакалъ, говоря съ Шевыревымъ“.

„Помню изъ своей студенческой жизни“, пишетъ Буслаевъ, „холодное и мрачное утро. Это было въ самомъ началѣ февраля 1837 года. Мы ждали Погодина на лекцію. Приходитъ весь взволнованный, блѣдный, измученный, самъ не свой — едва можно узнать его, точно послѣ тяжкой болѣзни. Садится на каѳедру, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не можетъ промолвить ни слова; наконецъ, задушаемый рыданіями“, Погодинъ, обращаясь къ студентамъ, сказалъ: „Въ началѣ нынѣшней лекціи мы должны помянуть нашего незабвеннаго поэта, изъявить нашу сердечную горесть объ его преждевременной кончинѣ. Имя Пушкина принадлежитъ Русской Исторіи — это одна изъ лучезарныхъ звѣздъ отечественной славы, и я не считаю словъ моихъ неумѣстными на исторической лекціи: какъ сотвореніемъ Ломоносовымъ первой его оды основался настоящій нашъ языкъ, какъ жизнью Карамзина, этого до-

браго генія хранителя нашего просвѣщенія, такъ и сочиненіями Пушкина начинается новая эпоха въ Русской литературѣ, эпоха *національности*. Другіе объяснятъ вамъ подробно, въ чемъ состоятъ его піитическія достоинства, я долженъ смотрѣть только со стороны Исторіи. Онъ внесъ въ нее много новыхъ дорогихъ страницъ. Въ его *Борисъ Годуновъ* мы увидѣли въ первый разъ піэтическую сторону Русскихъ происшествій, и никто не понималъ такъ вѣрно нашихъ лѣтописцевъ, какъ онъ въ монахѣ Пименѣ; въ его *Пугачевскомъ бунтѣ* мы получили образецъ простоты, безыскусственности разсказа; въ его *Онѣгинѣ* и другихъ повѣстяхъ представились намъ Русскіе люди съ ихъ физіономіями; отъ его сказокъ вѣетъ Русскимъ духомъ. Въ послѣдніе годы онъ выдавалъ очень мало въ свѣтъ: гордому поэту низко было выходить на этотъ безславный рынокъ, на этотъ шумный таборъ, который раскинутъ на полѣ Русской Литературы незванными пришельцами. Ему не хотѣлось метать своего бисера передъ этой челядью, передъ этими смѣшными и отвратительными судьями, которые и не хотѣли и не умѣли понять его. Петръ Великій занималъ все его вниманіе. Съ усердіемъ перечиталъ онъ всѣ документы, относящіеся къ жизни великаго нашего преобразователя, всѣ сочиненія, о немъ писанныя. Не должно было, разумѣется, ожидать отъ Пушкина мелочныхъ изслѣдованій о неважныхъ происшествіяхъ; но можно было быть увѣрену, что зоркій его глазъ проникъ бы очень далеко, онъ увидѣлъ бы многое и представилъ бы главныя черты, главныя краски, живо, вѣрно, какъ представлялись бы онѣ въ его пылкомъ и сильномъ воображеніи. И все это погибло для насъ, погибло невозвратно! Оплачемъ преждевременную кончину нашего дорогого поэта, и — горько, тяжело мнѣ это выговорить — да послужитъ она вамъ вмѣстѣ и поучительнымъ урокомъ". „Надобно знать", замѣчаетъ по поводу этого слова Буслаевъ, „патріотическія чувства, какія питалъ Погодинъ ко всему, что составляетъ славу и гордость нашего Отечества, и потомъ — его товарищескія отношенія къ Пушкину, чтобы оцѣнить, въ какой

степени были искренни и глубоки тѣ чувства, съ которыми профессоръ отнесся къ своимъ слушателямъ. И теперь, спустя цѣлыя сорокъ лѣтъ, всякій разъ какъ придетъ мнѣ на умъ мысль о преждевременной кончинѣ великаго Поэта, въ моей памяти живо возстаетъ симпатическая личность Профессора, который въ одну изъ самыхъ скорбныхъ минутъ своей жизни не запирается у себя дома въ эгоистическомъ отчужденіи отъ толпы, но спѣшитъ раздѣлить съ своими слушателями великое горе, какъ онъ дѣлился съ ними и своими радостями въ ученыхъ открытіяхъ" [590]).

Другъ Полевыхъ, камеръ-юнкеръ Н. А. Кашинцовъ, писалъ въ Петербургъ, что Погодинъ, по полученіи извѣстія о смерти Пушкина, „подбивалъ Московскихъ литераторовъ служить торжественную панихиду въ Симоновомъ монастырѣ; но архимандритъ отказался и сказалъ: что если угодно, то можетъ отслужить чередной іеромонахъ по какомъ усопшемъ будетъ угодно" [591]).

Этимъ объясняются слѣдующія строки Любимова къ Погодину: „Пожалуйста, ради Бога, воздержитесь отъ всякаго излишняго проявленія горестей. Совершайте тризну въ глубинѣ души вашей; болѣе для Пушкина ненужно. Я хлопочу теперь, чтобы достать его слѣпокъ, что довольно трудно, ибо заказано было не болѣе пятнадцати Жуковскимъ, и уже всѣ розданы имъ. Сходство разительное. Наконецъ вышло позволеніе о выпускѣ портрета, того самаго, который рисованъ съ натуры, т. е. съ мертваго Пушкина, знаменитымъ нашимъ Бруни. Боже мой, какъ мало у насъ людей, у которыхъ сердце горячо лежитъ ко всему высокому и великому, — и вотъ причина дьявольскаго равнодушія къ великимъ людямъ, къ великимъ потерямъ, къ поношенію людей великихъ, въ которыхъ все наше богатство. Въ обыкновенное время эта холодность, это бездушіе толковъ не такъ видится, но за то въ другое такъ и свѣтится, такъ и убиваетъ. Это такъ горько, такъ горько, что право можно потерять всякій апетитъ и исхудать,

если болѣе объ этомъ думать (т. е., что такое этотъ свѣтъ и какъ мало въ немъ любви и истины") [592]).

Пріѣхавшій въ Москву Даль разсказывалъ о послѣднихъ минутахъ Пушкина. За три дня до смерти онъ сказалъ: *Я только что перебѣсился, я буду еще много работать.* „О какая потеря!", восклицаетъ Погодинъ. „Пушкина", замѣчаетъ онъ, „боялись всѣ и ждали стиховъ въ родѣ *Уварову*".

Когда первая жгучая скорбь прошла, Погодинъ посѣтилъ Аксаковыхъ и тамъ говорили о Пушкинѣ. Погодинъ примѣтилъ, что въ этомъ семействѣ одна только Ольга Семеновна „истинно, горько сожалѣетъ" о Пушкинѣ. При этомъ Погодинъ удачно сказалъ: „Пушкинъ хотѣлъ казаться Онѣгинымъ, а былъ Ленскій; какъ драматична его жизнь!" [593]).

Гоголь, узнавъ о кончинѣ Пушкина, писалъ Погодину отъ 30 марта 1837 года: „Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь какъ русскій, какъ писатель, я... я и ѳотой доли не могу выразить своей скорби: моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ предъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой (т. е. *Мертвыя Души*) есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя? Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ? Для чего? Не для того ли, чтобъ повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ?.. Для чего я пріѣду? Не видалъ я развѣ сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ? Ты пишешь, что

всѣ люди, даже холодные, были тронуты этою потерею. А что эти люди готовы были дѣлать ему при жизни? Развѣ я не былъ свидѣтелемъ горькихъ, горькихъ минутъ, которыя приходилось чувствовать Пушкину, не смотря на то, что самъ Монархъ, буди за то благословенно имя Его, почтилъ его талантъ"? [594]).

„Сила поэзіи", говоритъ старый Турецкій писатель Вехби, „принадлежитъ не всѣмъ: это даръ Божій; глава, со славою возвышающаяся посреди поэтовъ, отмѣчена Божественною печатію. Путь, по которому шествуетъ поэтъ, есть тотъ, по которому онъ только одинъ можетъ идти. Небесная благодать его осѣняетъ и руководитъ. Онъ царь разумѣнія, онъ высочество и величіе, онъ торжествуетъ въ диванѣ славы. Краснорѣчіе словъ ему повинуется какъ рабъ. Поэмы, возвышающія славу царей и украшающія ихъ діадему, принадлежатъ только ему и онъ не допускаетъ блекнуть красотѣ царствъ".

Такимъ избранникомъ былъ, есть и будетъ въ нашемъ Отечествѣ—Пушкинъ.

Въ *предсмертной тетради* Пушкина нашлись слѣдующіе его пророческіе стихи:

... Чудный сонъ мнѣ Богъ послалъ:
Въ ризѣ бѣлой предо мной
Старецъ нѣкій предстоялъ
Съ длинной бѣлой бородой
И меня благословлялъ.
Онъ сказалъ мнѣ: будь покоенъ,
Скоро, скоро удостоенъ
Будешь царствія небесъ,
Скоро странствію земному
Твоему придетъ конецъ.
Ужъ готовитъ ангелъ смерти
Для тебя святой вѣнецъ...
... *Отрѣши воловъ отъ плуга*
На послѣдней бороздѣ... [595]).

КОНЕЦЪ КНИГИ ЧЕТВЕРТОЙ.

1) *Сказаніе* о обрѣтеніи и открытіи честныхъ мощей Митрофана, перваго епископа Воронежскаго. Спб. 1832, стр. 54—55.

2) *Русскій Архивъ*. 1863, стр. 930.

3) *Телескопъ*. 1832, № 2, стр. 176.

4) *Русскій Вѣстникъ*. 1889, авг., стр. 141—142. *М. П. Погодинъ какъ профессоръ*, стр. 14; *Русь* 1880, № 1, стр. 19.

5) *Дневникъ*. 1832, подъ 11 января.

6) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 193—194.

7) *Письма*, V, 13 об.

8) *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго*, I, 80. *Дневникъ* 1832, подъ 23 февр. *Русская Старина* 1889.

9) *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго* I, 80—81.

10) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 194—197; *1868*, стр. 616—617; *1866*, стр. 1722.

11) *Дневникъ*. 1832, подъ 13—15 марта, 1 апрѣля, 21 ноября.

12) *Молва*. 1832, № 11, стр. 43—44.

13) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*, III, 522.

14) *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго*, I, 81—82.

15) *Молва*, 1832, № 11, стр. 43—44.

16) *Сѣверная Пчела*. 1832, № 37.

17) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 195.

18) *Дневникъ*. 1832, подъ 4 января.

19) *Письма*, V, 1 и об.

20) *Дневникъ*. 1832, подъ 16 января.

21) *Письма*, V, 14—15.

22) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 194; *Петръ I* трагедія. М. 1873, стр. 157—158.

23) *Новоселье*. 1833. Изданіе 2-е. Спб. 1845, I, III—IX.

24) *Дневникъ*. 1832, подъ 15, 20 марта, 14 февраля.

25) *Письма*, V, 21, 31.

26) *Дневникъ*. 1832, подъ 22 августа.

27) *Письма*, V, 152.

28) *Молва*. 1832, № 41, стр. 162—163.

29) *Телескопъ*. 1832, № 2, стр. 304—313.

30) *Письма*, V, 99 об., 189.

31) *Сынъ Отечества*. 1832, № 20, стр. 330—352.

32) *Молва*. 1832, № 49, стр. 104.

33) *Письма*, V, 85—86.

34) *Дневникъ*. 1832, подъ 11 января

35) *Письма*, V, 85—86.

36) *Московскій Телеграфъ*. 1832, № 9, стр. 97—99.

37) *Дневникъ*. 1832, подъ 8 іюня.

38) *Письма*, V, 150—151.

39) *Телескопъ*. 1832, № 17, стр. 107—108.

40) *Дневникъ*. 1832, подъ 22 ноября, 22—23 февраля.

41) *Комета Бѣлы*, альманахъ на 1833 годъ. Спб. 1833, стр. 1—23.

42) *Письма*, *VI*, 9—10, 18 об., 28—29; *Записки о Жизни Н. В. Гоголя*, I, 120; *Письма*, V, 27 об.—28, 122 и об.

43) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 194.

44) *Дневникъ*. 1832, подъ 21 февраля, 2 марта, 23 апрѣля.

45) *Русскій Архивъ*. 1868, стр. 617.

46) *Семейный Архивъ. М. А. Веневитинова.*

47) *Русскій Архивъ*. 1886, № 8, Приложеніе, стр. 172.

48) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

49) *Письма*, V, 139.

50) *Молва*. 1832, № 68, стр. 272.

51) *Письма*, V, 240—242.

52) *Дневникъ*, 1832, подъ 19, 22, 24 марта.

53) *Письма*, V, 22.

54) *Дневникъ*. 1832, подъ 16 апрѣля.

55) *Молва*. 1832, № 32.

56) *Дневникъ*. 1832, подъ 19 апрѣля.

57) *Молва*. 1832, № 33, стр. 131—132.

58) *Дневникъ*. 1832, подъ 27 апрѣля, 14 марта, 5—6 ноября.

59) *Письма*. V, 43 и об.

60) *Дневникъ*. 1832. Ноябрь.

61) Безсоновъ, *К. Ѳ. Калайдовичъ*, стр. 89.

62) *Русскій Архивъ*. 1870, стр. 673—675.

63) *Письма*, V, 56 и об.

64) *Дневникъ*. 1832, подъ 27 января, 5 февраля, 28 января.

65) *Русскій Архивъ*. 1863, стр. 1—6.

66) *Дневникъ*. 1832, подъ 23 августа, 2 сентября, 19 октября, 23 октября.

67) *Русь*, 1880, № 1.

68) *Письма*, V, 39.

69) *Дневникъ*. 1832, подъ 9 апрѣля.

70) *Письма*, V, 40 и об.

71) *Дневникъ*. 1832, подъ 28 февраля.

72) *Письма*, V, 120 и об.

73) *Записки Гетмана Жолкевскаго*. Спб. 1871, стр. VII—VIII.

74) *Письма*, V, 46, 45 и об.

75) *Дневникъ*. 1832, подъ 2 января.

76) *Письма*, V, 155—156.

77) *Дневникъ*. 1832, подъ 2 января, 9, 11, 13 апрѣля.

78) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 198.

79) *Дневникъ*. 1832, подъ 9 іюля, 20 28, 29 октября, 2 ноября, 29 апрѣля.

80) *Сочиненія Карамзина*, М. 1820, IX, стр. 303—304

81) *Письма*, V, 29.

82) *Дневникъ*. 1832, подъ 25 марта, 17 августа, 14 января, 16 апрѣля.

83) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 199—200.

84) *Дневникъ*. 1832, подъ 15 января.

85) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 198—200.

86) *Дневникъ*. 1832, подъ 8—9 іюля.

87) *Біографическій Словарь М. Университета*, II. 392—394.

88) *Дневникъ*. 1832, подъ 8 іюня.

89) *Біографическій Словарь М. Университета*, II, 104—114.

90) *Дневникъ*. 1832, подъ 19 декабря, 13, 19, 28—31 марта, 15 апрѣля и 5 августа.

91) *Письма*, V, 93—94 и об.; 89 об. 110—111; *Дневникъ*. 1832, подъ 14, 16, 31 іюля.

92) *Дневникъ*. 1832, подъ 21, 23, 27 марта.

93) *Молва*. 1832, № 20, стр. 78.

94) *Письма*, V, 238—239, 240—242, 232—234.

95) *Телескопъ*. 1832, № 10, стр. 270—288.

96) *Письма*, V, 235, 232—234, 263, 216 об. 237 и об.

97) *Дневникъ*. 1832, подъ 25 февраля, 22 марта.

98) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 201.

99) *День*. 1862, № 39, стр. 2—3.

100) *Письма*, V, 246.

101) *Дневникъ*. 1832, подъ 17, 31 августа.

102) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 198.

103) *Телескопъ*. 1832, № 12, стр. 525—532.

104) *Дневникъ*. 1832, подъ 2 сентября—19 октября.

105) *Телескопъ*. 1832, № 7, стр. 388—413.

106) *Московскій Телеграфъ*. 1832, № 6, стр. 254—259; № 7, стр. 397—407.

107) *Письма*, V, 75—78.

108) *Дневникъ*. 1832, подъ 11 іюля.

109) *Письма*, V, 83—84, 110—111, 125—126.

110) Ивановскій. *И. М. Снегиревъ*. Спб. 1871, стр. 111—115.

111) *Дневникъ* 1832, подъ 15 августа.

112) *И. М. Снегиревъ*, стр. 112—113.

113) *Дневникъ* 1832, подъ 2 сентября—19 октября, 18—19 августа.

114) *Историко-Критическіе Отрывки*. М. 1846, стр. 1—18.

115) *Дневникъ* 1832, подъ 2 сентября—19 октября.

116) *Молва*. 1832, № 15, стр. 57—58.

117) *Дневникъ* 1832, подъ 28, 25 января; *Москвитянинъ* 1856, I, 226.

118) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 307—308.

119) *Дневникъ* 1832, подъ 19 августа, 9 ноября, 26 марта, 5 ноября.

120) *Письма*, IV, 150—151.

121) *Молва*. 1832, № 79, стр. 313.

122) *Дневникъ* 1832, подъ 2 сентября—19 октября; *Русскій Архивъ* 1878, № 5, стр. 47—48.

123) *Біографическій словарь М. Университета*, II, 610.

124) *Дневникъ*. 1832, подъ 2 сентября—19 октября.

125) *Біографическій Словарь М. Университета*, II, 610—611.

126) *Дневникъ*. 1832, подъ 2 сентября, 19 октября, 23, 30 октября.

127) *Письма*, V, 157, 183.

128) *Біографическій Словарь М, Университета*, II, 611.

129) *Автобіогр. Записка Погодина* (Н. А. Мельгуновъ), л. 1 об. *Воспоминаніе о Шевыревѣ*, стр. 20.

130) Мои *Примѣчанія къ Письмамъ Погодина къ Шевыреву*. „Русскій Архивъ". 1882, № 5, стр. 74.

131) *Русскій Архивъ*. 1878, № 5, стр. 51—52.

132) *Молва*. 1832, № 83, стр. 332.

133) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 201—202.

134) *Письма*, V, 182.

135) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 198, 201.

136) *Письма*, V, 191. *Русскій Вѣстникъ*. 1889, августъ, стр. 135.

137) *Сѣверная Пчела*. 1832, № 205, 207, 210, 217, 220, 222, 223.

138) *Русскій Архивъ*. 1885, № 3, стр. 367—368. *1868*, стр. 619.

139) *Письма*, V, 83—84, 85—86; *Русскій Архивъ*. 1878, № 5, стр. 48.

140) Анненковъ. *Воспоминанія и критическіе очерки*. Спб. 1881, III, 257.

141) *Русскій Архивъ* 1868, стр. 622.

142) *Письма*, IV, 110—111.

143) Анненковъ. *Воспоминанія и критическіе очерки*. III, 259—260.

144) *Русскій Архивъ*. 1868.

145) *Молва*. 1832, № 79.

146) *Сочиненія и Переписка Плетнева*, III, 521.

147) *Русскій Архивъ* 1866, стр. 1729

148) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 307.

149) *Сочиненія и переписка Плетнева*, III, 523.

150) *Дневникъ*. 1832, подъ 24 февраля.

151) *И. М. Снегиревъ*, стр. 113—115.

152) *Письма*, V, 85—86, 125—126.

153) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 193.

154) *Дневникъ* 1832, подъ 20 марта, 2, 9 апрѣля, 7 ноября, 16, 27 февраля, 1 мая.

155) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 194.

156) *Дневникъ*. 1832, подъ 24, 27, 28, 29 апрѣля; 30—31 мая.

157) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 198.

158) *Сѣверные Цвѣты* на 1832 г., стр. 283—295.

159) *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*. 1832, № 15, стр. 119.

160) *Сѣверная Пчела*. 1832, № 18.

161) *Телескопъ*. 1832, № 2, стр. 298; № 3, стр. 438—448; № 16, стр. 524—528, 528—532.
162) *Письма*, V, 192—193, 197—199.
163) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. Спб. 1878, стр. 236 etc.
164) *Письма*, V, 200—201.
165) *Телескопъ*. 1832. № 24, стр. 546—552.
166) *Молва*. 1832, № 14, стр. 53—55.
167) *Телескопъ*. 1832, № 10, стр. 237—252; № 2, стр. 192—207.
168) *Письма*, V, 73—74.
169) *Телескопъ*. 1832, № 13, стр. 3—22. *Письма*, V, 161—162.
170) *Дневникъ*. 1832, подъ 30 августа, 10 апрѣля.
171) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 198.
172) *Дневникъ*. 1832, подъ 2 мая, 16, 26 іюля, 15 августа.
173) *Молва*. 1832, № 67, стр. 267—268.
174) *Историко-Критическіе Отрывки*. М. 1846, стр. 21—34; *Письма*, V, 121; *Переписка А. Х. Востокова*, стр. 300—301.
175) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 193.
176) *Дневникъ*. 1832, 18 февраля, 9, 14 апрѣля, 23 января.
177) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 287.
178) *Письма*, V, 161—162.
179) *Русскій Архивъ*. 1866, стр. 1726—1730.
180) *Письма*, V, 87, 96—97, 142 и об.
181) *Русскій Архивъ*. 1866, стр. 1727.
182) Кулишъ. *Записки о жизни Н. В. Гоголя*. Спб. 1856, I, 116—117.
183) *Дневникъ*. 1832, подъ 19 декабря, 14 февраля, 17, 2, 4 августа, 25 февраля.
184) *Русь*. 1880, № 4, стр. 16.
185) *Письма*, V, 176—177.
186) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*, III, 222.
187) *Дневникъ*. 1832, подъ 18 января.
188) *Молва*. 1832, № 22, стр. 87—88.
189) *Письма*, V, 150—151.
190) *Дневникъ*. 1832, подъ 11 іюня, 7 іюля.
191) *Письма*, V, 72 и об., 62.
192) *Москвитянинъ*. 1849, № 2.
193) *Дневникъ*. 1832, подъ 18, 15 декабря, 18 августа.
194) *Телескопъ*. 1832, № 10, стр. 267—270.
195) *Письма*, V, 115—116; 102 об.
196) *Дневникъ*. 1833, подъ 10, 13 февраля; 13 марта.
197) *Письма*, VI, 81, 80.
198) *Дневникъ*. 1833, подъ 21, 22, 23 мая.
199) *Письма*, VI, 89.
200) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 320.
201) *Письма*, VI, 118—119, 182—183; V, 110—111.
202) *Русскій Архивъ*. 1882, № 2, стр. 201.
203) *Дневникъ*. 1833, подъ 5 августа, 11, 13 января; февр. 15, 12, 13 апрѣля.
204) *Журналъ М. Н. Просв*. 1834, ч. I, стр. 31—44.
205) *Біограф. Словарь М. Университета*, II, 244—245.
206) *День*. 1862, № 40, стр. 3; *Лекціи по Герену*. М. 1835, I, стр. I—IV.
207) *Русскій Архивъ*. 1875, I, 283.
208) *Письма*, VI, 133—134, 213.
209) *Дневникъ*. 1833, подъ 13, 15, марта; 16 февраля.
210) *Русскій Архивъ*. 1882, № 6, стр. 202.
211) *Письма*, VI, 47.
212) *Біограф. Словарь М. Универс.*, II, 611—612; *Ученыя Записки И. М. У.*, № IV, 77—133; *Воспоминаніе о Шевыревѣ*, стр. 20.
213) *Дневникъ*. 1833, подъ 30 марта.
214) *Сочиненія А. С. Пушкина*, V, 341.

215) *Письма*, VI, 150, 146—147.
216) *Русская Беседа*. 1856, стр. 24. *Письма*, VI, 4 об., 16—17, 28—29, 118—119, 69—70.
217) *Сочиненія Д. В. Давыдова*. М. 1860, III, 170.
218) *Кіевская Старина*. 1883, апр., стр. 843—844.
219) *Молва*. 1833, № 59.
220) *М. Телеграфъ*. 1833, № XII, 628—629.
221) *Письма*, VI, 88.
222) *Дневникъ*. 1833, подъ 15 февраля.
223) *Молва*. 1833, № 68.
224) *Ученыя Записки*. 1833, I, 74—94 и приб.
225) *Письма*, IV, 120.
226) *Русскій Архивъ*. 1868, стр. 629.
227) *Письма*, VI, 114—115, 64, 164—165.
228) *Русскій Архивъ*. 1868, стр. 633; *Русскій* 1868, 9 іюля, № 7.
229) *Письма*, VI, 120, 16—17, 69—70, 126, 127, 83. *Дневникъ*. 1834, подъ 3 февраля.
230) *Русскій Архивъ*. 1868, стр. 636.
231) *Письма*, VI, 148 об.
232) *Дневникъ*. 1833, подъ 9 декабря, 7 апрѣля.
233) *Письма*, VI, 79.
234) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.
235) *Переписка Востокова*, стр. 302.
236) *Москвитянинъ*. 1855, февр., стр. 88.
237) *День*. 1862, № 40, стр. 3. *Дневникъ*. 1834, подъ 4 октября.
238) *Письма*, VI, 48—49, 76 и об.
239) Савва, архіепископъ Тверской. *Письма* Филарета. Тверь. 1888, стр. 69—70, 80.
240) *Письма*, VI, 34—35.
241) *Дневникъ*. 1833, подъ 11 марта. *Бумаги А. С. Пушкина* I, 38—39.
242) *Письма*, VI, 120.
243) *Записки о жизни Н. В. Гоголя*, I, 120.
244) *Телескопъ*. 1832, № 20, стр. 489—504.
245) *Дневникъ*. 1833, подъ 18—19 февраля, 14, 19 марта, 1 августа, 24 октября.
246) *Телескопъ*. 1832 № 13, стр. 115—120.
247) *Труды и Лѣтописи О. И. и Д. Р.* М. 1837, стр. 207.
248) *Дневникъ*. 1833, подъ 18 марта, 23 апрѣля.
249) *Письма*, VI, 65.
250) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 257—258.
251) *Дневникъ*, 1833, подъ 27 апрѣля.
252) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 263.
253) *Дневникъ*. 1833, подъ 23 ноября, 10, 13, 22 января, 8, 12 февраля, 28 марта.
254) *Письма*, VI, 11.
255) *Дневникъ*. 1833, подъ 5—6 апрѣля.
256) *Переписка Востокова*, стр. 306.
257) *Письма*, VI, 107—109.
258) *Переписка Востокова*, стр. 310—311.
259) *Письма*, VI, 101—102.
260) *Русская Старина*, 1872. Февр. стр. 337.
261) *Письма*, VI, 53—54, 57—58, 53—54, 40.
262) *Дневникъ*. 1833, подъ 8 февраля, 4 августа.
263) *М. Телеграфъ*. 1833, № XII, 629—630.
264) *Письма*, VI, 16—17, 28—29, 13—14.
265) *Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія*. 1874, январь.
266) *Введеніе въ науку Философіи*. Спб. 1833, стр. IV—VI.
267) *С.-Петербургскій Университетъ*. Спб. 1870, стр. 366.
268) *Русская Старина*. 1889, августъ, стр. 277.
269) *Дневникъ*. 1833, подъ 23 ноября.
270) *Письма*, VI, 2-3, 38-39.

271) *Біографич. Словарь М. Университета*, II, 225.

272) *Русская Старина*. 1876. Октябрь, стр. 394—399.

273) *Дневникъ*, подъ 14 февраля 1833 г.

274) *Письма*, VI, 131, 20—21.

275) А. Барсуковъ. *Россійское Благородное Собраніе въ Москвѣ*. М. 1886., стр. 5—6.

276) *Дневникъ*. 1833, подъ 11, 15 февраля; 1834, подъ 24 марта.

277) *Молва*. 1833. № 45.

278) *Дневникъ*. 1833, подъ 12 апрѣля.

279) *Біограф. Словарь М. Универс.* II, 610.

280) *Ученыя Записки И. М. Ун.* 1834. № III, 401—421; № IV, 67—88.

281) *День*. 1862, № 40, стр. 3.

282) Анненковъ. *Н. В. Станкевичъ*. М. 1858, прил., стр. 81—82.

283) *Дневникъ*. 1834, подъ 19 января.

284) *Письма*, VI, 181.

285) *Дневникъ*. 1834, подъ 22 января, 25 мая, іюнь.

286) *Молва*. 1834, № 27, стр. 1—4; *Рѣчи*. М. 1872, стр. 23—44.

287) *Дневникъ*, 1834, подъ 5 іюля, 19 августа.

288) *Журн. Мин. Народн. Прос.* 1834, ч. I, стр. LCIII—LCV.

289) *Ученыя Записки И. М. Ун.* 1834. VIII, 255.

290) *Отчетъ о дѣятельности Втораго Отдѣленія И. А. Наукъ*. Спб. 1880, стр. 163—164.

291) *Біограф. Слов. М. Универ.* II, 10.

292) *Записки о Жизни Н. В. Гоголя*, I, 135.

293) *Письма*, VI, 231—232, 186—189; *Русскій Архивъ*. 1880. II. 512—513.

294) *Біограф. Словарь М. Универс.*, II, 11.

295) *Письма о Кіевѣ*. Спб. 1871, стр. 9—10.

296) Пономаревъ. *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*. Спб. 1882, стр. 5.

297) *Письма*, VI, 151—152.

298) *Дневникъ*. 1834, подъ 6 іюля. 10 августа.

299) *Письма*, VI, 253; *Русская Старина*. 1889, іюль, стр. 148.

300) *Дневникъ*. 1834, подъ 13, 16, 17, 20, 22, 24 августа; 24 января, 20 марта, 27 февраля, 5, 15, 17 октября.

301) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 5—7.

302) *Дневникъ*. 1833, подъ 18 января.

303) *Царь Горохъ*, стр. 26—29, 32—33.

304) *Молва*. 1834, № 3, стр. 46—47; № 39, стр. 179—182.

305) *Дневникъ*. 1834, подъ 13, 17, 18, 20 октября.

306) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу* стр. 5—7.

307) *Дневникъ*. 1834, подъ 21, 22, 24 октября, 15 ноября.

308) *Молва*. 1834, № 39, стр. 179—182.

309) *Ученыя Записки И. М. Ун* 1834. VIII, 374—401; IX, 576—596; X, 181—208; XI, 419—424; IV, 116—133; VI, 450—463. *Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія*. 1834, IV, 24—37; V, 69—82.

310) *Молва*. 1834, № 52, стр. 440.

311) *День*. 1862, № 40, стр. 3.

312) *Ученыя Записки*. 1833, I. 273—288, 674—689, 17—45, 435—479; III, 63—93, 449—460; 1834, IX, 415—452; I, стр. 29—55; II, 247—279; 1835, № 11 май, стр. 301 - 319, № 1 іюль, стр. 130—148. № 2 августъ, стр. 306—324. Иконниковъ. *Скептическая школа въ Русской Исторіографіи и ея противники*. Кіевъ 1871, стр. 50—52.

313) *Дневникъ*. 1834, подъ 31 декабря. *Библіотека для Чтенія*. 1834, кн. 6, стр. 77—104. Впослѣдствіи эти статьи вошли въ *Изслѣдованія, Замѣчанія* и *Лекціи* М. Погодина. М. 1846, I, 3—14, 17—45.

314) *Дневникъ*. 1834, подъ 7 мая.

315) *Письма*, VI, 248 -249.

316) *Дневникъ.* 1834, подъ 31 марта, 16 августа, 28 декабря.

317) *Н. В. Станкевичъ*, прил., стр. 141.

318) *Письма*, VI, 277—278.

319) *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1834, № 2, стр. 155, № 5, стр. 95—99, *Изслѣдов., Замѣч. и Лекціи*, I, 330.

320) *Русскій Архивъ.* 1868, стр. 632—636.

321) *Русская Старина.* 1889, авг., стр. 277, 286.

322) *Молва.* 1834, № 25, стр. 379.

323) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

324) *Письма*, VI, 182—183, 155—157.

325) *Молва.* 1834, № 52, стр. 456.

326) *Дневникъ.* 1834, подъ 10 августа.

327) *Историч. Вѣстникъ.* 1886, стр. 19.

328) *Русская Старина.* 1889, авг., стр. 279, 281—282.

329) *Сочиненія А. С. Пушкина*, V, 204.

330) *Изслѣдованія и статьи по Русской Литературѣ и Просвѣщенію.* Спб. 1889. II, 411—428.

331) *Русскій Архивъ.* 1868, стр. 638—639.

332) *Дневникъ.* 1834, подъ 15 августа, 14 сентября.

333) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 7.

334) *Письма*, VI, 288 и об., 289—291.

335) *Дневникъ.* 1834, подъ 8 ноября.

336) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

337) *Письма*, VI, 277—278, 297—298; *Русская Старина.* 1875, сент., стр. 114.

338) *Русская Старина.* 1889, августъ, стр. 527—528.

339) *Письма*, VI, 155—157, 243, 277—378, 297—298, 210.

340) *Молва.* 1834, № 52, стр. 430, 442.

341) *Письма*, VI, 196—197.

342) Гротъ. *Сочиненіе и Переписка П. А. Плетнева.* Спб. 1885, III, 526—527.

343) *Дневникъ.* 1834, подъ 27 марта, 6 апрѣля.

344) *Письма*, VI, 284—285, 203, 172, 192, 196—197; *Русская Старина.* 1889, августъ, стр. 277.

345) *Бумаги А. С. Пушкина*, I, 39.

346) *Письма*, VI, 190, 179—180, 174—175, 176, 185.

347) *Молва.* 1835, № 1.

348) *Письма*, VI, 193, 194 об., 195.

349) *Дневникъ.* 1834, подъ 17 августа, 26 февраля.

350) *Полное Собран. Сочин. И. В. Кирѣевскаго.* М. 1861, I, 84—85.

351) *Дневникъ.* 1834, подъ 8 мая 21 октября.

352) Князь Н. Н. Голицынъ. *Матеріалы для полной родословной князей Голицыныхъ.* Кіевъ 1880, стр. 37, № 197.

353) *Дневникъ.* 1834, подъ 10, 14 апрѣля.

354) *Письма*, VI, 191.

355) *Дневникъ.* 1834, ноябрь, 12, 31 октября, 13 августа, 30 ноября.

356) *Письма*, VI, 200—201.

357) *Дневникъ.* 1834, подъ 28 марта.

358) *Письма*, VI, 202—205.

359) *Дневникъ.* 1834, подъ 28 марта,

360) *Письма*, VI, 206.

361) *Біограф. Словарь Моск. Унив.*, II, 226.

362) *Письма*, VI, 216—217.

363) *Дневникъ.* 1834, подъ 21 августа.

364) *Письма*, VI, 279—282.

365) *Журналъ Министерства Н. Просвѣщенія.* 1834, IV, 386—400.

366) *Дневникъ.* 1834, подъ 3, 27 ноября.

367) *Библіотека для Чтенія.* 1834, № 2, стр. 113—140.

368) *Русская Старина.* 1889, авг., стр. 278. 1884, январь, стр. 82.

369) *Молва.* 1834, № 25, стр. 377—379; № 27, стр. 5; № 36, стр. 131—142.

370) *Дневникъ.* 1834, подъ 14 марта, 27 октября, 28 ноября. *Труды и Лѣтописи*, VIII, 243—244, 249.

371) *Изслѣдованія и Замѣтки по*

Русскимъ и Славянскимъ Древностямъ. Спб. 1875, стр. 168—169.

372) *Русскій Архивъ.* 1873, стр 668; 1882, № 2, стр. 252.

373) *Дневникъ.* 1834, подъ 15 ноября.

374) *Телескопъ.* 1834, № XXIII, стр. 285—290.

375) *Дневникъ* 1834, подъ 15 октября, 7 декабря, 10 мая, 6 апрѣля.

376) *Русская Старина.* 1889, авг., стр. 278.

377) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* 1834, II, 93—104.

378) *Письма,* VI, 212, об. 213.

379) *Дневникъ.* 1833, подъ 5 ноября; 1834, подъ 13 августа.

380) *Письма,* VI, 69—70, 155--157, 212, об. 213, 57—58.

381) *Дневникъ.* 1834, подъ 8, 16 марта, 7 апрѣля, іюнь, 13 декабря.

382) *Письма,* VII, 160—161.

383) *Дневникъ.* 1835, подъ 31 января. *Письма,* VII, 160—161.

384) *Русская Старина.* 1889, сент. стр. 529.

385) *Московскій Наблюдатель.* 1835, I, 442—448.

386) *Сочиненія А. С. Пушкина,* II, 181.

387) *Русская Старина.* 1889, сент. стр. 537.

388) *Письма,* VII, 179—180, 185—186.

389) *Сочиненія А. С. Пушкина.* Изд. Суворина. Спб. 1887, IV, 130—131.

390) *Сочиненія Д. В. Давыдова.* М. 1860, III, 145.

391) *Дневникъ.* 1835, подъ 8 и 11 января.

392) *Сочиненія А. С. Пушкина,* VI, 377—378.

393) *Телескопъ.* 1835, XXVI, 603.

394) *Библіотека для Чтенія.* 1835, IX, 8—14.

395) *Письма,* VII, 156.

396) *Русская Бесѣда.* 1856, стр. 25—26.

397) *Русская Старина.* 1889, сент. стр. 528.

398) *Письма,* VII, 88—89; *Русь.* 1880, № 4.

399) *Письма о Кіевѣ,* стр. 55—56.

400) *Дневникъ.* 1835, подъ 2, 3, 18, 19 января, 1 іюля, 7 дек.

401) *Письма,* VII, 151, 174—175, 176, 152.

402) *Библіотека для Чтенія.* 1835, XII, 6.

403) *Молва.* 1835, № 36.

404) *Начертаніе Русской Исторіи* М. 1837, стр. VI.

405) *М. Наблюдатель.* 1835, II, 151.

406) *Библіотека для Чтенія.* 1835, X, 57—77.

407) *Письма,* VII, 181—182.

408) *Библіотека для Чтенія.* 1835, XI, 22—26.

409) *М. Наблюдатель.* 1835, II, 151.

410) *Письма,* VII, 334.

411) *Дневникъ.* 1835, подъ 3 января.

412) *Библіотека для Чтенія.* 1835; VIII, 1—10. IX, 1—18. *Изслѣдов., Замѣчанія о Лекціи.* М. 1846, I, 61—74. 77—112.

413) *Библіотека для чтенія.* 1835. X, 20—21.

414) *Сѣверная Пчела.* 1835, №№ 57—58.

415) *Письма,* VII, 7—8, 151, 1—6, 9—10.

416) *Жизнь и Труды П. М. Строева.* Спб. 1878, стр. 285.

417) *Переписка Востокова,* стр. 323.

418) *Письма,* VII, 177—178, 150—151.

419) *М. Наблюдатель.* 1835. I. 563—574.

420) *Письма,* VII, 103 об.—104.

421) *Ученыя Записки.* 1835, VIII, 498—502.

422) *Письма,* VII, 83.

423) *Дневникъ.* 1835, подъ 26 января.

424) *Журн. М. Н. Пр.* 1835, VI, 40—45.

425) *Библіотека для Чтенія.* 1835, XIII, 1—2.

426) *Ученыя Записки,* VII, 317—324.

427) Пыпинъ. *Бѣлинскій, его жизнь и переписка.* Спб. 1876, I, 88. *Н. В. Станкевичъ,* стр. 11. *Ученыя Записки,* 1835, VII, 165 — 168. *День,* 1862, № 40.

428) *Русскій Архивъ.* 1874, стр. 339—340.

429) *Записки К. А. Полеваго,* стр. 369.

430) *Мои Письма, Замѣтки и Выписки,* IV.

431) *Н. В. Станкевичъ,* стр. 135.

432) *Дневникъ,* 1835, подъ 27 января; 31 мая, 14, 15, 19 іюня.

433) *Русь.* 1881, № 8.

434) *Русская Старина.* 1881, стр. 202.

435) *День.* 1862, № 40.

436) *Автобіограф. Записка,* л. 1.

437) *Дневникъ.* 1835, подъ 21 мая, 23 іюня, 1 іюля.

438) *Автобіограф. Записка,* л. 1 об.

439) *Письма,* VII, 119—120.

440) *Русскій Архивъ.* 1885, № 8, стр. 570—583.

441) *Біограф. Словарь,* II, 258.

442) *Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія.* 1835, VII, 544—552, 1836, IX, 218—225; XI, 203—207. *Годъ въ чужихъ краяхъ.* 1844. Спб. I, 122—128, 114—116; *Письма къ М. П. Погодину изъ Словянск. земель.* М. 1879, стр. 471, 534.

443) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу.* Спб. 1882, стр. 8—9.

444) *Письма,* VII, 140—141.

445) *Переписка Востокова,* стр. 322.

446) *Москвитянинъ.* 1856, I, 227; *Полярная Звѣзда* графа Сальяса. 1881, апрѣль, стр. 4—5.

447) *Мои Досуги М.* 1886, II, 239—258; *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель,* стр. II, 143.

448) *Письма,* VII, 140—141.

449) *Переписка Востокова,* стр. 321.

450) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянск. земель,* стр. 143—146, 150—157.

451) *Дневникъ.* 1836, подъ 28 февраля.

452) *Письма,* VII, 247 об.

453) *Письма къ М П. Погодину изъ Славянскихъ Земель,* стр. 169—173.

454) *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1836, IX, 216—217. *Русь.* 1880, № 4, стр. 17. *Полн. Собр. Сочин. Кн. П. А. Вяземскаго.* Спб. 1879, II, 274. *Письма,* VII, 181—182. *Дневникъ.* 1836, подъ 16 апрѣля — 17 іюня, 8 января, *Письма,* VII, 213 об. 237, 276—277, 280—281, 358, об. —359, 344, 394—395.

455) *Телескопъ.* 1836, XXXIII, 106—109.

456) *Ученыя Записки И. М. Ун.* 1836, XII, 462—553.

457) *Молва.* 1836, XI, 3—4.

458) *Автобіограф. Записка,* л. 1 об.

459) *Дневникъ.* 1836, подъ 8, 10 января.

460) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ Земель,* стр. 157—164. *Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ.* 1837, XIV, 279—280, 282—283.

461) *Дневникъ.* 1836, подъ 15 апрѣля, 21 февраля, 12, 2 марта.

462) *М. П. Погодинъ какъ профессоръ,* стр. 7—8.

463) А. Станкевичъ. *Т. Н. Грановскій,* М. 1869, стр. 48—52.

464) *Н. В. Станкевичъ,* прил., стр. 166.

465) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянск. Земель.*

466) *Русская Бесѣда.* 1856, стр. 46.

467) *М. П. Погодинъ какъ профессоръ,* стр. 4.

468) *Дневникъ.* 1836, подъ 4, 8 февраля.

469) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу,* стр. 12.

470) *Дневникъ*. 1836, подъ 22, 24 марта.

471) *М. П. Погодинъ какъ Профессоръ*, стр. 6—7.

472) *Н. В. Станкевичъ*, прил., стр. 135.

473) *Воспоминанія о Шевыревѣ*, стр. 21.

474) *Дневникъ*. 1836, подъ 3 апрѣля

475) *Журн. Мин. Нар. Просвѣщен.* 1889, апрѣль, стр. 388—390.

476) *Воспомин. о Шевыревѣ*, стр. 21.

477) *Современникъ*. 1836, II, 289—290.

478) *Молва*. 1836, XII, 10—12.

479) *Н. В. Станкевичъ*, стр. 175.

480) *Письма*, VII, 259—260.

481) *Телескопъ*. 1836, XXVIII, стр. I—III.

482) Пыпинъ, *Бѣлинскій, его жизнь и переписка*, I, 151—152.

483) *Дневникъ*. 1836, 4—5 апрѣля; *Русскій Архивъ*. 1878, № 5, стр. 55.

484) *Сочиненія А. С. Пушкина*, V, 285—286.

485) *Бѣлинскій*, I, 240.

486) *Телескопъ*. 1836, XXI, 667—716, XXII, 577—638, XXIII, 393—434. *М Наблюдатель*. 1836, VI. 697—718, VII, 252—287, 395—407. *Молва*. 1836 стр. 271.

487) *Бѣлинскій*, I, 148—149.

488) *Сѣверная Пчела*. 1836. № 221.

489) *Библіотека для Чтенія*. 1836, XVII, 44—45.

490) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 310.

491) *Дневникъ*. 1836, подъ 3, 17, 28 января.

492) *Историческіе Афоризмы*. М. 1836. стр. V—VIII.

493) *Дневникъ*. 1826, подъ 3, 19, 24 января, 15 апрѣля.

494) *Письма*, VII, 263—264.

495) *М. Наблюдатель*, VI, 470—494.

496) *Письма*, VII, 219, 257, 258, 423—427, 261 об., 272—273, 313—314, 254 об.

497) *Современникъ*. 1836, I, 296—302.

498) *М. П. Погодинъ какъ профессоръ*, стр. 7—8.

499) Предисловіе къ переводу *Руководства* Герена.

500) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII. 391.

501) *Письма*, VII, 254 и об., 358—359, 213.

502) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 405.

503) *Современникъ*. 1836, II, 296—297.

504) *Молва*. 1836, XII, 10—12.

505) *Дневникъ*. 1836, подъ 16 апрѣля.

506) *Современникъ*. 1836, III, 260—265.

507) Бартеневъ. *Бумаги Пушкина*, I, 191.

508) *Телескопъ*. 1836, XXXIV, 275—309.

509) *Русскій Архивъ*. 1868, стр. 984—985. 1884 № 4, стр. 453—457.

510) *Р. Старина*. 1870, изд. 3-е, I, 586—590.

511) *Русскій Архивъ*. 1878, № 5, стр. 58. 1868, стр. 986. 1884, № 4, стр. 464. *Вѣстникъ Европы*. 1890 г. октябрь.

512) *Дневникъ*. 1837, подъ 6 января.

513) *Русскій Архивъ*. 1868, стр. 986, 987.

514) *Сочиненія Д. В. Давыдова*. М. 1860, III, 141—142.

515) *Русскій Архивъ*. 1868, стр. 987.

516) *Письма*, VIII.

517) *Русскій Вѣстникъ*. 1856, мартъ кн. 1-я, стр. 65—66; *Полярная Звѣзда* Сальиса 1881 апр., стр. 6—8.

518) *Дневникъ*. 1837, подъ 9—10 февраля.

519) *Автобіограф. Записки*, л. 1, об—2 об.

520) *М. П. Погодинъ какъ профессоръ*, стр. 11—13.

521) *Письма изъ Славянскихъ земель*, стр. 143—146.

522) *Письма*, VII, 200.

523) *Сѣверная Пчела*. 1835, №№ 187—188. 1836, №№ 23—24, 8—9.

524) *Дневникъ*. 1836, подъ 12 января.

525) *Письма*, VII, 207—208 об.

526) *Дневникъ*. 1836, подъ 19 января, *Русск. Историч. Сборникъ*. М. 1837. т. I, кн. 1, стр. 115.

527) *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1838, XX, 7—8. *Письма*, VII, 336—337.

528) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 315.

529) *Письма*, VII, 388.

530) *Русскій Историч. Сборникъ*. М. 1837, т. I, кн. 1, стр. 114.

531) *Дневникъ*. 1836, подъ 22 февраля.

532) *Письма*, VII, 354—355.

533) *Русск. Истор. Сборн.*, т. I, кн. 1, стр. 125, 115, 117—118.

534) *Письма*, VII, 232, 174—175, 292—293.

535) *Русск. Истор. Сборникъ*, т. 1, кн. 1, стр. 120, 122.

536) *Письма*, VII, 376—377.

537) *Вѣнокъ на могилу Иннокентія*. М. 1867, стр. 25—29.

538) *Письма*, VII, 340—341.

539) *Письма о Кіевѣ*. Спб. 1871, стр. 143—144.

540) *Письма*, 340—341, 272—273.

541) *Письма М. П. Погодина М. А. Максимовичу*, стр. 11—12.

542) *Письма*, VII, 369—370.

543) *Переписка Востокова*, стр. 323.

544) *Письма*, VII, 183, 266—267.

545) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 305, 318—319.

546) *Письма*, VII, 300—301, 239—240, 386—387.

547) *Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ*. Спб. 1836, стр. 1—2, 82.

548) *Письма*, VII, 358 об.—359.

549) Сухомлиновъ. *Исторія Россійской Академіи*. Спб. 1885, VII, 476.

550) *Письма*, VII, 234 об.

551) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*, стр. 169—173.

552) *Письма*, VII, 312.

553) *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* 1836, IX, 429—432.

554) *Письма, къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*, стр. 155—156. 161.

555) *М. Наблюдатель*. 1836, VII, 288—304.

556) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1837, XIV, 276—277.

557) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*, стр. 158.

558) *Письма*, VII, 268, 256.

559) *Дневникъ*. 1836, подъ 16 апр. 17 іюня.

560) *Письма*, VII, 358 об.—359.

561) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*, стр. 160—164

562) *Письма*, VII, 247 об.

563) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*, стр. 160—169.

564) *Письма*, VII, 223.

565) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*, стр. 182—189. *Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ.* 1837. XIV, 285—286.

566) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*, стр. 160—165.

567) Пыпинъ и Спасовичъ. *Обзоръ Исторіи Славянскихъ Литературъ*. Спб. 1865, стр. 333.

568) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*, стр. 156, 160—164, 173—480.

569) *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1836. IX, 229—230.

570) *Письма М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*, стр. 169—173, 160—164, 150—157. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1837, XIV, 287.

571) *Письма*, VII, 353.

572) *Дневникъ*. 1836, подъ 20 марта, 16 апр.—17 іюня. 1837 подъ 17 апр.—31 іюля.

573) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1837, XIV, 284. 1836, XI, 661, *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*, стр. 160—164.

574) *Московск. Епарх. Вѣдом.* 1876, № 38.

575) *Біограф. Словарь. М. Универс.*, I, 92.

576) *Русскій Архивъ*. 1883, № 1, стр. 83; *День*. 1862, № 39—40.

577) *Записки о жизни Н. В. Гоголя*, I, 117.

578) *Дневникъ*. 1836, подъ 4 января.

579) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1837, XIV, 287.

580) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*, стр. 169—189.

581) *Пятидесятилѣтіе гражданской и ученой службы М. П. Погодина*. М. 1872, стр. 55—56; *Отчетъ о дѣятельности Славянскаго благотворительнаго Общества въ Москвѣ*. М. 1876, стр. 9—10.

582) *М. П. Погодинъ какъ профессоръ*, стр. 13.

583) *Автобіограф. Записка*, л. 1 и об.

584) *Дневникъ*. 1824, подъ 26 марта.

585) *Автобіогр. Записка*, л. 1 об., 2.

586) *Дневникъ*. 1836, подъ 1—2 января, 16 апр.—17 іюня; *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1838, 1 іюль № VII.

587) *Письма*, VII, 366.

588) *М. П. Погодинъ какъ профессоръ*, стр. 13: *Библіотека для Чтенія*. 1836, XVI, 62—65; *Сѣверная Пчела*. 1836, № 102.

589) *Полн. Собран. Русск. Лѣтописей*, Спб. 1851, V, 6.

590) *Дневникъ*. 1837, подъ 1—3 февраля; *М. П. Погодинъ какъ профессоръ*, стр. 16; *Русскій Архивъ*. 1865, стр. 107—108; *М. П. Погодинъ какъ Профессоръ*, стр. 16—17.

591) *Архивъ III Отд.* 1840, № 82.

592) *Письма*, VIII.

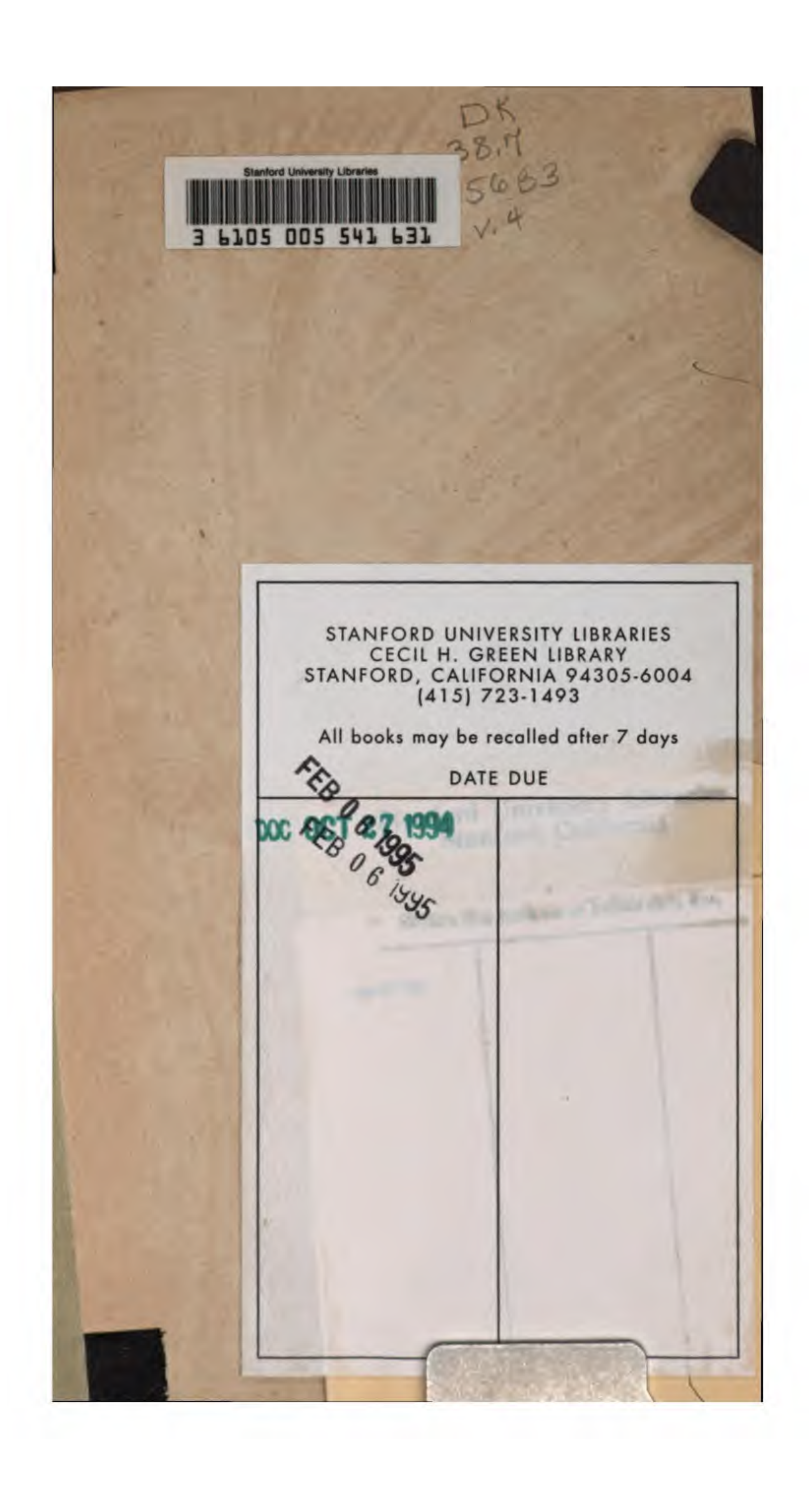
593) *Дневникъ*. 1837, подъ 21—28 февраля, 2 марта.

594) *Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя*. Спб. 1857, V, 288—289.

595) Бартеневъ, *Бумаги А. С. Пушкина*. М. 1881, I, 173.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Складъ изд. въ кн. магаз. типогр. М. М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин, 28.


Stanford University Libraries
3 6105 005 541 631
DK
38.7
S6B3
v.4
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
FEB 0 6 1995
DOC OCT 27 1994
FEB 0 6 1995